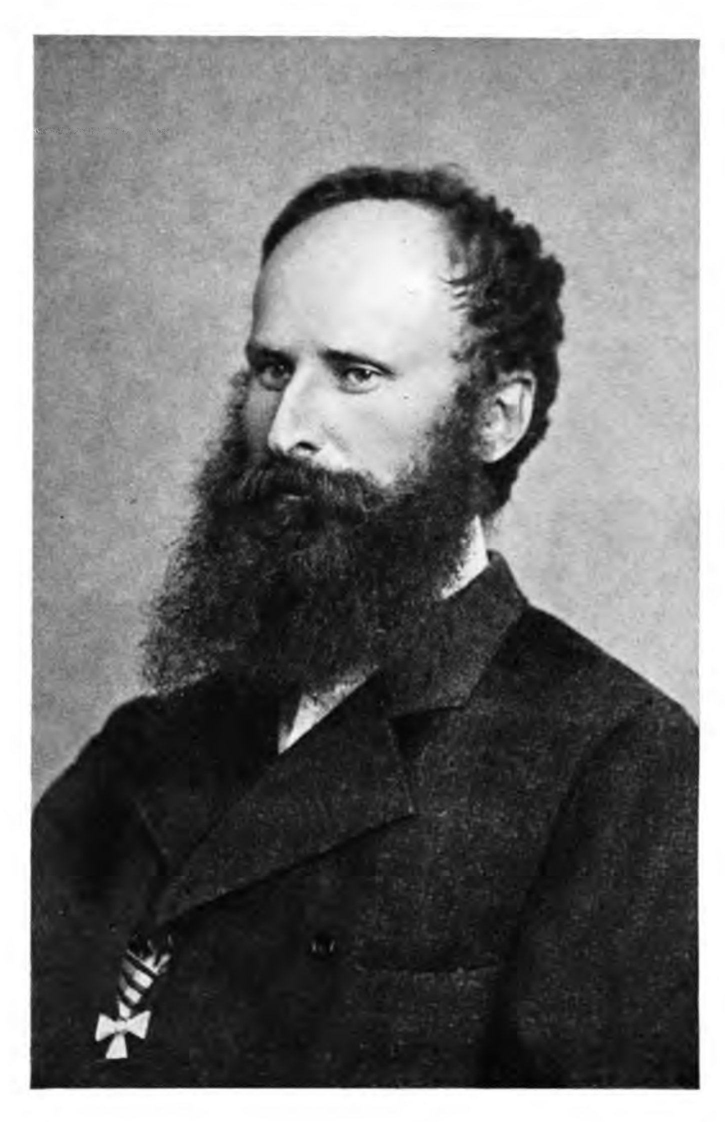
ПЕРЕПИСКА В. В. ВЕРЕЩАГИНА И В. В. СТАСОВА

ИСКУССТВО

Портрет В. В. Верещагина
Фотография 1877 г.

ПЕРЕПИСКА
В. В. ВЕРЕЩАГИНА
И
В. В. СТАСОВА

I

1874 - 1878

Письма подготовлены к печати
и
примечания к ним составлены
А. К. ЛЕБЕДЕВЫМ и Г. К. БУРОВОЙ
под редакцией
А. К. ЛЕБЕДЕВА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
"ИСКУССТВО"
МОСКВА
1950

ОТ РЕДАКТОРА

В последние годы в СССР была опубликована значительная и ценная часть эпистолярного наследия классиков русского реалистического искусства и передовых художественных критиков — И. Е. Репина, В. И. Сурикова, И. Н. Крамского, В. В. Стасова, В. Д. Поленова и др.

Изданные письма представляют собой большой интерес для понимания и разработки вопросов истории русского искусства. В них ярко раскрывается облик выдающихся русских художников-реалистов и лучших критиков второй пол. XIX в., как людей, связанных с передовым общественным движением своего времени, живших интересами родного народа и вдохновленных волнующими патриотическими чувствами. Письма рассказывают о важнейших творческих замыслах художников, рисуют характеры, идейный и нравственный мир выдающихся деятелей русской культуры, воссоздают картину художественной жизни эпохи, наполненной напряженной борьбой передовых, демократических течений с реакционным и консервативным миром.

Публикуемая ныне переписка В. В. Верещагина и В. В. Стасова существенно дополняет эпистолярное наследие деятелей русской художественной культуры и, несомненно, обогащает наши представления о личности и деятельности выдающегося русского баталиста и замечательного художественного критика.

В. В. Верещагин, являющийся, в числе выдающихся русских людей, славой и гордостью нашей культуры, — очень сложная и противоречивая фигура.

Его творчество еще мало изучено, хотя, кажется, ни одному русскому художнику не было посвящено такого огромного количества критических работ, как Верещагину.

Поэтому публикация писем Верещагина, содержащих многие ценные, а порой и неизвестные до сих пор сведения из его биографии, является ценной и необходимой для каждого изучающего русское искусство.

Батальная живопись В. В. Верещагина являет собой целый переворот и вместе с тем новый, прогрессивный этап в истории мирового батального искусства. В отличие от большинства предшествовавших и современных ему баталистов, рисовавших театрализованные, красочные, парадные, лишенные глубокой жизненной правды военные сцены, Верещагин, как подлинный реалист, воссоздавал глубоко правдивые виденные и пережитые картины войны. Суровая правда войны, тяжелые военные будни и испытания, радость побед и горечь поражений — все это воспроизводилось на замечательных верещагинских полотнах без всякой лживой идеализации.

Поверхностному знакомству с войной официальных живописцев Верещагин противопоставил глубокое её изучение. Будучи участником трех крупнейших войн, он считал недостаточным для художника простое наблюдение военных событий. Верещагин понимал, что задача правдивого воспроизведения войны требует, чтобы художник лично испытал все трудности и опасности боевой жизни. «Слушайте, — писал художник в июле 1877 года Стасову, — я оставил Париж и работы мои не для того только, чтобы высмотреть и воспроизвести тот или другой эпизод войны, а для того..., чтобы смотреть, чувствовать, изучать людей. Я совершенно приготовился к смерти (еще в Париже), потому что решил, выезжая в армию, все прочувствовать, сам с пехотою пойти в штыки, с казаками в атаку, с моряками на взрыв монитора и т. д. Неужели Вы из числа тех, которые скажут, что Скрыдлов (командир военного судна на Дунае. — *Ред.*) шел для дела, а я от безделья? Собака, дескать, бесится с жиру. Если бы не пробили мне бедро на «Шутке», то я пошел бы непременно с первым понтоном на тот берег и, вероятно, был бы заколот или полез бы на батарею». Документальная точность и обоснованность — характерная особенность верещагинского творчества.

Если в предшествовавшем Верещагину батальном искусстве почти всегда центром картины являлась эффектная фигура коронованного военачальника, а солдатская масса изображалась лишь как её фон, то в его картинах главным действующим лицом стал одетый в солдатские шинели народ, простой русский крестьянин.

Правдивое, реалистическое изображение войны было для Верещагина не самоцелью. Его вдохновляли высокие гуманистические и патриотические идеи, пропаганде которых он посвящал свое творчество. Искусство для Верещагина — средство высокого общественного, гражданского служения. Он горячий враг оторванного от жизни, в том числе и выродившегося академического, искусства, противник лозунга «искусство

для искусства». Судьбы народа, боль за его невероятные страдания, на которые он обречен в условиях современного Верещагину общества, — вот основа основ гуманистического творчества художника.

Идейные, гуманистические побуждения художника явились своеобразным выражением демократического общественного движения пореформенной эпохи. Они роднили Верещагина с передвижниками: с В. Г. Перовым, И. Е. Репиным, И. Н. Крамским, В. И. Суриковым, В. М. Васнецовым и др. И если Перов и Крамской, Репин и Суриков, Шишкин и Левитан, Ге и Васнецов, Поленов и Серов сказали на языке красок новое прекрасное слово в портрете, пейзаже, в бытовой и исторической картине, то в лице Василия Васильевича Верещагина русская живопись сказала это слово в батальной картине.

Верещагин отправился впервые на войну в конце 1860-х годов без какого-либо заранее сложившегося намерения изобразить ужасы войны и бороться своим творчеством с захватническими войнами. Однако знакомство с войной и размышления о ней привели художника к определенным выводам. На раме одной из своих самых значительных ранних картин — «Апофеоз войны» — Верещагин сделал надпись, являющуюся как бы эпиграфом ко всему его творчеству: «Посвящается всем великим завоевателям, прошедшим, настоящим и будущим». В эти слова была вложена целая творческая программа русского баталиста.

В публикуемом письме к Стасову (март 1874 года) Верещагин прямо заявляет, что «Апофеоз войны» — столько же историческая картина, сколько сатира, сатира злая и нелицеприятная». В другом письме к Стасову (9/21 августа 1878 года) Верещагин раскрывает основную идею своих картин индийской серии: «Помнится, Вы были в восторге..., когда я сообщил Вам замысел своих картин: *история заграбастания Индии англичанами.* Некоторые из этих сюжетов таковы, что проберут даже и английскую шкуру...» Уже из этих ярких слов видно, что правдивый показ народных бедствий и страданий, вызванных захватническими войнами, составлял одну из самых основных творческих задач Верещагина. Вместе с тем выдающийся баталист показывал на своих полотнах величие освободительных войн и, в частности, войны русского народа с французскими захватчиками в 1812 году. В глубоко патриотической серии картин, посвященных войне 1812 года, как и в ряде других картин, Верещагин раскрыл величие и богатырский склад русского народа, его беспримерную храбрость и мужество, простоту, искренность, непреклонность воли

в борьбе за национальную свободу и независимость. В ряде произведений (например, в «Партизанах») художник показывает красоту подвига и активное начало в характере русского народа.

В одной из своих статей о Верещагине, участвовавшем в борьбе за освобождение славянских народов от турецкого владычества, Стасов писал в 1877 году: «Верещагин — первый пример русского художника, покидающего покойную и безопасную мастерскую для того, чтобы пойти под сабли и пули, и там, на месте, в самых передовых отрядах вглядываться в черты великой современной эпопеи освобождения народов из-под векового азиатского ига *. Зато у одних только подобных художников, у них, для кого художество неразделимо с жизнью, у них только и бывают те создания, что захватывают и наполняют душу».

Было бы большим заблуждением полагать, что Верещагин всегда умел отличить справедливую войну от захватнической, что он вместе с тем был свободен от идей буржуазного пацифизма. Несомненно, что художник, не знавший истинных причин возникновения войн, не всегда умел верно отыскать настоящих виновников той или другой войны. Иногда он ошибочно видел причину войны в отсталости завоевываемых народов. Он не в состоянии был указать и настоящие пути борьбы с войной. Это было его слабостью и ограниченностью. И все же его картины, всегда проникнутые горячей любовью к народу, полны ненависти к инициаторам антинародных войн, будь то Тамерлан или Наполеон, турецкие захватчики или принц Уэльский.

Стасов высоко ценил творчество Верещагина за его реализм и идейность. В письме из Петербурга в Индию (11/23 ноября 1875 года) Стасов писал художнику: «Только бы мне дожить до того, когда Вы сюда вернетесь, и... я увижу Ваши талантливые вещи и услышу снова Вашу речь, смелую, прямую, честную, великодушную, услышу мысль, летящую вперед, к великим и светлым горизонтам искусства».

Публикуемая переписка показывает, как Стасов повседневно популяризировал произведения Верещагина, заботился об устройстве его картин, добывал нужные ему в творческой работе справки. Читатель переписки, несомненно, не один раз поразится той предупредительной дружеской помощи, которую Стасов, не жалея своих сил и времени, постоянно оказывал художнику.

Стасов, как никто другой, понимал, что Верещагин в де-

---

* Имеется в виду освобождение Болгарии от турецких захватчиков.

сятках писем докучает ему со своими денежными делами, с изданием своих рисунков, не из чувства простого эгоизма. Фанатически преданный большой творческой идее, Верещагин посвятил ее выполнению всю свою жизнь. Верещагин искренно считал, что и все его друзья, все знакомые должны помогать художнику в реализации этой идеи. Он требует помощи себе, как чего-то совершенно естественного и обязательного.

Отношения Стасова и Верещагина не раз омрачались размолвками и даже иногда на время прекращались. Причиной этому были резкие, несдержанные письма вспыльчивого Верещагина. И каждый раз Стасов шел на примирение, продолжая попрежнему оказывать художнику свою бескорыстную дружескую помощь. «Признаюсь, — пишет Стасов Верещагину во время одной из таких размолвок, — меня *одно* теперь заставляет прервать молчание и снова писать Вам: это, что в эти почти 2 года я сильно привязался к Вам и полюбил Вас (чего мне это скрывать!). Ваша прямая, энергичная, смелая, чистая натура пленяла и притягивала. Разве можно так-то легко отвертываться!» (письмо от 22 января 1876 года). А личность Верещагина была действительно выдающейся и обаятельной. Верещагин был не только человеком большого сердца, глубокой идейности, шедшим всю жизнь на опасности, лишения, страдания ради своей благородной цели — любви к народу. Он был вместе с тем человеком кристальной честности, поразительной независимости, благородной гордости, смелости и непреклонной, железной воли. Переписка убедительно раскрывает эти черты его характера. «Я избегаю писания и говорения с важными людьми... потому что против воли им обыкновенно грублю, а уж странным, чуть не сумасшедшим кажусь им непременно», — говорит Верещагин в письме к Стасову (9/21 мая 1876 года). Когда в качестве покупателей Туркестанской серии картин выступили царь и П. М. Третьяков, В. В. Верещагин отдал предпочтение Третьякову. В то время, когда большинство художников мечтало о получении от высокопоставленных лиц заказов на картины, Верещагин, желая сохранить свою независимость, решительно от них отказывался. «Я очень рад, — пишет (11/23 ноября 1876 года) художник Стасову, — что с великим князем есть художники: меньше вероятия, что будет просить *написать картину*». В другом письме (6/18 августа 1878 года), сообщая о своей встрече с принцем Уэльским, Верещагин говорит: «Принц предлагал мне принять от него заказы, но я отказался, потому что заказов вообще не принимаю». Сильная, честная и независимая натура Верещагина ярко характеризуется и из следующего случая, о котором рассказывает сам художник

в письме к Стасову (30 июля/11 августа 1878 года): «У императора был маленький зубок на меня, оставшийся, очевидно, от истории передачи картин Третьякову, уже после того, что он согласился взять их. Правда, Кауфман и Гейнс, как истинные холопы, старались оправдать меня тем, что я немножко *тронут,* но должно быть, и это не помогло, потому что (вряд ли я ошибаюсь) он сначала немного косился и на шапку на моей голове при разговоре с ним и на неверно, т. е. не по форме, навязанную георг[иевскую] ленточку в петлице и проч[ее]. — Ему как будто чудился тут нигилизм! Потом при следующих, однако, встречах он был очень мил и любезен и, если бы я хотел, разумеется, мог бы обратиться к нему или к его приближенным со всякой просьбою; но самая мысль об этом испугала бы меня, скажу больше, независимость, с которою я себя держал, не позволила бы никому ни предложить мне денег, ни работать для того или другого. Как выразился один близкий к в[еликому] к[нязю] Ник[олаю] Николаевичу человек, я был в этом отношении похож на *лейденскую банку:* вот-вот готов был разразиться при всяком намеке на мою независимость».

Когда брат В. В. Верещагина — А. В. Верещагин — в 1877 году намеревался после ранения уйти из действующей армии, художник решительно воспротивился этому. Художник потребовал от брата, чтобы тот, наоборот, пошел вперед с головным отрядом армии и вспомнил бы, что «он — Верещагин». «Смотри же *не малодушничай* — помни, что время для России тяжелое, очень тяжелое и не переходи добровольно из первого ряда в раек», — писал в начале октября 1877 года Верещагин брату.

Когда отец художника сделал попытку получить по назначению царя пенсию, ссылаясь на боевые заслуги своих сыновей, В. В. Верещагин с возмущением писал Стасову (1 ноября 1877 года): «Отец мой недостойный, нечестивый старик; если он сделал это, я отрекаюсь от него и не вижусь с ним...»

Верещагин не был ни революционером, ни социалистом и даже ошибочно понимал социализм как такой общественный строй, при котором господствует уравнительный принцип распределения. Однако он глубоко возмущался самодержавными порядками, клеймил реакционные мероприятия правительства. «Кабы можно было дышать у нас свободно, — писал он Стасову 22 ноября/4 декабря 1881 года, — конечно, я не поехал бы теперь никуда, кроме России; посудите сами, мыслимо ли это теперь? Нашего брата свободомыслящего художника... пошлют на казенный счет разве на поселение в Сибирь.

а уж никак не для наблюдения ее. Разве я стал бы жить в Maisons Laffitte, если бы не видел абсолютной невозможности свободно работать дома?»

В другом письме к Стасову (3/15 марта 1882 года) Верещагин говорил: «Вы поймете, что при наших порядках теперь писать этюды и покушаться на жизнь разных особ одно и то же, по крайней мере картины войны мои были сочтены чуть-чуть не за откровенный бунт».

Прогрессивный характер творчества Верещагина, его личная высокая принципиальность и независимость явились причиной постоянных нападок на художника со стороны реакционных и консервативных кругов общества. Эти нападки переходили в ряде случаев в прямую травлю. Художника обвиняли в искаженном изображении военных событий, хотя ради показа настоящей правды войны художник не раз шел на самые опасные боевые операции. Верещагина обвиняли в эксплоатации чужого труда при писании картин, в отсутствии профессиональной подготовки, в оскорблении нравственности, в шпионаже. Его картины проклинались в католических соборах, обливались серной кислотой. На выставки верещагинских картин в Европе и Америке запрещали ходить солдатам и школьникам. Художника постоянно обманывали, обворовывали. В Америке мошенническим путем у Верещагина были отобраны его картины. Однако широкие демократические массы как в России, так и за рубежом любили художника. Его выставки привлекали небывалое число посетителей. Популярность Верещагина у народа была исключительной. Творчество художника было предметом самых ожесточенных споров и дискуссий. И в этих спорах исключительная заслуга принадлежит Стасову, который вел непримиримую борьбу за Верещагина, повседневно защищал его от идейных врагов. Тем самым деятельность Стасова повседневно облегчала развитие верещагинского таланта и его творческой деятельности.

Публикуемая переписка является ярким тому свидетельством.

Издаваемые письма Стасова и Верещагина хранятся в Институте литературы Академии наук СССР. Все издание рассчитано на два тома.

Письма печатаются по новой орфографии с редакторской правкой, но с сохранением, по возможности, пунктуации и языка авторов.

Датировка писем для единообразия во всех случаях перенесена в правый верхний угол письма.

Автографы писем В. В. Верещагина во многих случаях не датировались или датировались неточно. Для них датировки

установлены на основании пометок В. В. Стасова или по почтовым штемпелям и содержанию. Письма В. В. Стасова, посылаемые из России, обычно датировались им по старому стилю.

В пояснительном тексте приведены надписи В. В. Стасова на конвертах писем Верещагина.

Незначительные купюры в письмах отмечены точками в квадратных скобках. В квадратные скобки включены восстановленные авторские сокращения и недописанные слова.

Авторы пояснительного текста приносят глубокую благодарность М. И. Маловой, А. Н. Щекотовой и Н. Г. Галкиной, оказавшим большую помощь в работе над пояснительным текстом к переписке.

ПИСЬМА

1874

1. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

[Воскресенье, 10 марта 1874] [1]

Милостивый Государь
Владимир Васильевич!

На будущей неделе я уеду наверно; думаю сначала двинуться, коли позволит дорога, в Соловецкий монастырь, затем по Сибири в Приамурский край, Японию, Китай, Тибет, Индию [2]. Сделайте божескую милость, присоветуйте, какие книги я могу приобрести в дорогу и какие должен прочитать у Вас в библиотеке [3] — из описывающих этот путь с его природою и людьми. В последнем случае нет ли возможности получить несколько книг на дом?

Я забегу к Вам, если позволите, завтра или послезавтра.

Примите уверение в моем уважении.

В. Верещагин

2. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

[Середина марта 1874] [1]

Желательно, чтобы в статье [2] Вашей Вы обратили внимание на следующее:

Художник сравнительно мало занялся собственно костюмом, хотя в такой стране, как Средняя Азия, он представляет для живописца благодарную почву [3]; но это потому, что главное внимание было обращено на более серьезную задачу — охарактеризование того варварства, которым до сих пор пропитан весь *строй жизни и порядков* Ср[едней] Азии.

По мысли художника, лучшее, что может характеризовать это варварство, — процедура, несомненно соблюдаемая, отрубливания голов павших неприятелей и представление их по

начальству — как доказательство успеха, для получения нарядного халата или др[угой] подобн[ой] награды. «Ужасы», по этой канве вышитые художником, не вычитаны им, не выхвачены откуда-нибудь налегке, а видены и прочувствованы самим (мы находили трупы наших несчастных солдатиков, облитых еще теплою кровью, с глубоко вырезанными из плеч головами и преследовали тех, которые уносили эти головы). Видевши серьезную битву (за осаду у нас из 500—600 чел[овек] выбыло из строя до 220) [4], художник сознательно решился дать другим взглянуть на отвратительные подробности войны, подробности, незнаемые и упускаемые из вида, отчасти за стуком оружия и его ближайшими результатами, отчасти за теми или другими более или менее невинными целями и целишками — отсюда, а не из прихоти и платонической любви к крови, те непривлекательные сцены, за которые присяжные эстетики не преминут упрекнуть автора, не решившегося сантиментальничать там, где, по вкусу публики и критиков, это нужно и принято. С другой стороны, художник не претендует на буквальную точность, верность виденному, при передаче своих впечатлений. «Апофеоз войны» [5] — столько же историческая картина, сколько сатира, сатира злая и нелицеприятная (хоть бы и на самого себя как воина — я сам стрелял людей буквально, как куропаток, — что делать!) и весь ряд военных сцен, под общим названием «Варвары» [6], скорее может быть назван эпической поэмой, в которой картины заменяют главы, тем более что события, из которых соткан сюжет, не все за один раз собраны и составлены в голове автора. Для лучшей передачи своих впечатлений художник не побоялся, как сказано, развить один и тот же сюжет во многих картинах, дать несколько непрерывно один за другим следующих моментов одного события (более или менее идеального — это все равно). Такое сочинение допускается художественным миром только для иллюстраций литературных произведений, а не для самостоятельного творчества, и присяжные критики могут сказать, что художник переступил этим предел задачи и средства живописца; но вернее кажется, что он в этом случае выступил новатором, только перешагнул через рутинное, ничем в сущности не оправдываемое правило: *«художнику живописцу довольствоваться моментом и предоставить дальнейшее развитие этого момента литературе»*... Правила эти — господствующие еще со времени Лессинга [7] и комп. и давно ожидающие погребения. Без сомнения, также шаг вперед в художественной технике, собственно, представляет *освещение* картин: дело в том, что они писаны с моделей, ставленных, благодаря особенно устроенной мастерской, прямо на солнце, и выдер-

жаны в свете такой силы и яркости, которые немыслимы в комнате или обыкновенной студии. Присмотревшись хорошо к эффектам солнечных освещений в разных широтах, при разных условиях, художник не в состоянии был решиться на несравненно более легкую и удобную подделку солнечного света в четырех стенах по общепринятой манере живописцев истории, жанра и др. Необходимо обратить внимание на обращения обеих воюющих сторон *к единому* богу (см. надписи на рамах[8] и в каталогах), обращения, дополняющие своим трагикомическим эффектом впечатление картин, но натуральные и верные столько же для Азии, сколько и для просвещенной Европы.

Вот кое-что из подробностей Вам как не специалисту, не бросающихся в глаза, но стоящих того, чтобы обратить на них внимание. Я уверен, что талантливость Ваша не пренебрежет ими, а воспользуется и разовьет.

В. Верещагин.

3. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

[Москва, 2 апреля 1874][1]

Посылаю Вам, Владимир Васильевич, эту цидулу как доказательство моего отъезда из Питера. Коли будет Ваша милость, черкните пару слов в Киев, на почту до востребования; впрочем, долго ни там, нигде, вплоть до Индии, я, вероятно, не остановлюсь — что-то такое выпирает меня вперед, дальше. А впрочем, прощайте.

В. Верещагин.

4. В. В. СТАСОВ — В. В. ВЕРЕЩАГИНУ

С.-П[етер]б[ург], Надежд[инская], д[ом] Трофимова,
2/14 июля [18]74

Вы легко можете себе представить, Василий Васильевич как я тут сижу да Вас ругаю!!! Ведь Вы сказали, что будете писать, и *непременно,* — я возьми, да Вам и поверь! Вот хорошо и наказан за доверчивость. Точно будто есть на свете такие художники, которые помнят про письма, которых от них ждут! Точно будто и художники помнят что-нибудь про других людей, особливо про тех, кто имеет слабость и глупость

по какому то ни было поводу, с какого бы то ни было подъезда привязываться к ним!! — хотел бы я только знать, для собственного спокойствия душевного, получили ли Вы по крайней мере *в Александрии* мое письмо, которое я туда отправил сию же секунду после получения Вашего письма из Киева и телеграммы *откуда-то* с дороги, откуда — я и по сию пору не знаю, потому что, *разумеется,* никакого города и числа Вами выставлено не было, а телеграфное управление выставило всего только *число,* чем вполне и удовлетворилось. — Ну-с, так вот, я послал Вам в Александрию еще тогда же, тотчас, пребольшущее письмо. Что я там писал, конечно, теперь не знаю, не помню, но знаю только, что говорил в этом письме про все, что в ту минуту крепко интересовало меня, начиная с Вас самих. И ведь надо же, чтоб такое письмо пропало или не дошло до Вас. Преобидно, хоть плакать навзрыд! — А Вы, со своей стороны, упорно молчите, молчите, и еще раз молчите, словно присягнули самому Великому Моголу [1] ни единого слова мне про самого себя ни за какие пряники на свете не писать. Меня даже немножко одурь взяла, и в один день, или, точнее, в один прескверный день, когда я совершенно был как-то расстроен желудком и сильно боялся начала холеры, выдумал я сам себя поскорее вылечить: взял я выпил залпом два больших стакана лафита (это для меня, не любящего и не пьющего вино, громадно!), а потом марш, прямо по солнцу, в библиотеку, а оттуда к Гейнсу [2]. Ну, натурально, великолепнейший пот, а потом и — выздоровление. Но при этой оказии, вот я и побывал у Гейнса. Пришел туда, нашел его любезным и милым, как всегда, стал расспрашивать про Вас, — *где* Вы и *что* Вы, вот и узнал Ваш адрес, могу Вам писать сегодня, а вместе выпросил позволение списать несколько строк из бомбейского письма, и на другой уже день они были напечатаны в *«С.-П[етер]б[ургских] Ведомостях»* [3]. Ведь столько людей Вами нынче интересуются, столько всякого народа поминутно расспрашивает: да где Вы нынче и что делаете, — а между тем никто ничего не знает, ровно ни единого слова отвечать нельзя. По крайней мере, теперь люди будут знать, что Вы в Индии и именно в Ост-Индии — ну, пусть успокоятся. А я покуда сообщу Вам несколько новостей, которые, быть может, Вам уже и известны, а я все-таки напишу их Вам, потому что не могу же знать, что именно Вам уже написано другими и что *нет.* Итак, вот не угодно ли послушать? 1) Академия худож[еств] соизволила произвести Вас в профессора [4] в своем заседании 29 мая, и письмо о том лежит у Гейнса. Публично же о том объявится, и диплом будет выдан *осенью* (4 ноября), на публичном акте.

И. Е. Репин. Портрет В. В. Стасова
1873.

Портрет В. В. Верещагина
Фотография. 1877

В газетах об этом еще нигде не печатано, и публика наша покуда ничего еще не знает. 2) *Московские Ведомости* «покаялись» на счет Вас и как-то, в конце мая или начале июня, напечатали статью [5], где говорится, что напрасно какой-то корреспондент из Петербурга ввел их в заблуждение: напротив, Вы — большой художник. Ну, и давай расхваливать Вас, от стыда и совести. 3) Скоро после Вашего отъезда я напечатал извлечение [6] (по-русски) из всех английских статей прошлого года про Вас; говорил, что публика осталась довольна. 4) Ход дела в Москве с Вашей коллекцией, конечно, Вам известен в общем, но наверное Вы не знаете многих отдельных важных черт. А Перов [7] написал мне раз по этому поводу такое письмо, которое я считаю просто *«историческим документом»* и потому передам на хранение в Публичную библиотеку [8]. Дело в том, что Перов теперь совсем москвич, т. е. утонул в кулебяках и московской халатной жизни, ленивой и обо всем позабывшей, в жиру и застылости. Так вот, даже и этакий-то субъект встрепенулся и подскочил на $^1/_2$ аршина как ужаленный, когда увидал всеобщее московское *«свинячество»* по поводу Вашей коллекции. Перов [9] писал мне, с негодованием, с отвращением, чуть не со рвотой, что когда в первом заседании Художеств[енной] школы [10] было сообщено предложение Третьякова [11] подарить им Вашу коллекцию, они все словно «огорчились», опечалились — на что им, дескать, такая коллекция, да и денег нет, чтобы строить залу. А между тем, говорит Перов, тут сидели все тузы, по нескольку раз миллионеры, Ананов [12], Солдатенков [13], Дашков [14] и другие, которым ровно *ничего* бы не стоило общими силами построить Галлерею, если б только захотели, как иной раз хотят и находят нужным складываться и подносить бог знает что бог знает кому. А потом, когда взбешенный Третьяков написал им письмо, что берет свое намерение назад и отдает коллекцию Вашу Обществу любителей художеств [15], то эти господа, говорит Перов, словно «обрадовались», точно тяжелый груз и стопудовым камнем свалился у них с груди. Такого безобразия, такого готтентотства не найдешь, конечно, нигде, кроме как *у нас,* и я просто хотел в щелку под полом спрятаться от стыда, читая письмо Перова. Но теперь уже все это уладилось, пришло в порядок [16], и Ваша выставка будет в сентябре, как мне пишет Третьяков, теперь ведь все разъехались из Москвы по деревням и дачам. Вот опять будет, я думаю, торжество, и толпа непроглядная, и оханье, и аханье! Именно ввиду такого торжества я думаю присоединить к Вашей выставке выставку Гартмана [17], т. е. повторение в Москве той самой, что мне удалось состряпать весною здесь [18]. Ах,

бедный Гартман, как я его любил, и что это за *истинный* художник был!!! [...] этот человек был словно не среди нас рожден: у него сидела внутри какая-то огнедышащая гора творчества и изобретательности новых форм, и где же, в чем же? В архитектуре, этом затхлом, эксплоататорском, полуремесленном искусстве. Да что тут много рассказывать! Его смерть — утрата громадная, и это мне удалось наконец вдолбить в голову многих ценою множества усилий, статей и, наконец, с трудом составленной выставки! Но я бульдог: куда вцеплюсь зубами, то не скоро выпущу, и держу крепко и храбро, пока все не придут и посмотрят и убедятся: «Да, дескать, этот человек прав, а мы были слепы и глухи по сю пору!» 5) Я видел у Гейнса фотографии рисунков *Купинского*[19] — Вашей будущей мастерской в Париже. Очень мило и талантливо: я остался так доволен, что, тоже с разрешения Гейнса, сказал два слова об этом в своих примечаниях к напечатанным отрывкам Вашего бомбейского письма. 6) Васнецов[20] нарисовал кое-что на деревяшках для издания, именно одну из чудесных Ваших киргизских головок, висящих у Гейнса в кабинете. Я еще сам не видал, потому что Васнецов уехал в Вятку (свою родину), не повидавшись со мною, а прямо снес работу Гейнсу. Увижу — напишу. Васнецов забрал довольно этой работы на все лето, в деревню, а зимой нарочно *поселяется* в Москве, чтобы основательно заняться и прямо рисовать как можно лучше с Ваших оригиналов, которым он просто поклоняется (как и все лучшие художники). Беда только вся в том, что все еще не получаются новые деревяшки от Hachette[21], а скоро запас, имеющийся налицо, истощится. 7) Антокольский[22] кончил свою статую в Риме «Христос перед народом»[23], и хотя я мало долюбливаю священ[ную] историю, но принужден сказать, что это большой шедевр. Такого Христа еще *никто никогда* не делал. Он стоит со связанными за спиной руками, с еврейским лицом, в еврейской шапочке, в еврейской одежде и всем выражением говорит: «Не ведают, что творят»!! Просто — гениально. Вот Вам, Вас[илий] Вас[ильевич], несколько страничек моих на первый раз. Хотите — буду продолжать. Ведь я, как подсолнечник, так и поворачиваюсь теперь на восток, к Бомбею.

В. С[тасов]

Я не знаю, право, как лучше Вам написать: Werechtchagine, или Verechtchagine? В Александрию я писал на *первый* манер, да и сегодня пишу так, потому что на этот манер пишутся разные Верещагины в иностранных каталогах, а также разные *Васильевы, Владимировы* etc[24].

5. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

[Бомбей, 1/13 августа 1874][1]

Я ужасно рад был, получая Ваше письмо, так как никакого иного от Вас ко мне не доходило. Буду просить Вас о многом: А. К. Гейнс, несмотря на обещание быть строго аккуратным, не написал мне со времени моего отъезда ни одного письма, не ответил ни на одно из 4 или 5 посланий моих; заключая из этого, что ему некогда, я прошу Вас и Владимира Михайловича Жемчужникова[2] позаботиться о моих интересах — не откажите!

Вам, верно, понятно, что здесь, в такой далекой стране, и один, я *болен беспокойством.*

Ничего об участи моих картин я не знаю, несмотря на постоянные вопросы мои об этом Гейнсу; со стороны, от Третьякова, получил известие, что Боткин[3] обошел его чуть ли не воровским манером, по крайней мере, так он представляет дело, и, на случай настоятельного требования, предлагает разделить коллекцию на 2 части — не могу Вам сказать, как неприятно это мне было слышать; из желания оставить все картины и этюды неразрозненными я отказался от суммы, гораздо большей, которую доставила бы мне продажа порознь, а теперь благодаря моему отсутствию все старание пошло ни к чему. Не знаю также ничего об том, сколько денег внес Боткин и сколько и когда внесет, на что могу рассчитывать и на что не могу — ничего не пишет Гейнс, зная, что при моем болезненном характере я буквально днем и ночью беспокоюсь, если не имею обеспечения вперед на долгое время и уверенности в обеспечении на все путешествие в данном случае. Из Парижа получил я известие, что земля для моей мастерской куплена, но купивший и заплативший свои деньги удивляется и беспокоится, почему Гейнс, которого я просил послать на первый раз хоть 7 или 8 тысяч франков, но немедленно, не только не посылает денег, но и не отвечает на письма — что делать!

Не несчастье ли иметь дело с генеральскими лакеями? А через такого[4] именно посланы сюда мои вещи, и — представьте себе — я не получил *зонтика для работы на солнце* (хорошо, что был другой, запасный); вместо того получил целый ящик *деревяшек, присланных от Hachette из Парижа;* вот уже 2 месяца, что они стоят здесь, — потому — обратная посылка стоит от 50 до 60 рупий, т. е. до 40 рублей. Напишите, что лучше, выслать Вам их или выхлопотать новые; если посылать, то, разумеется, на Ваше имя, так как от Гейнса толку не добьешься. В случае, если Вы увидите, что он не

приступает к писанию текста, я уполномачиваю Вас войти в соглашение с господином Templier[5], Paris, Boulevard St.-Germain (librairie Hachette) насчет помещения их при другом путешествии (только порядочном), но в этом случае большие мои картины исключите из числа подлежащих гравированию.

Возьмите на себя труд, Владимир Васильевич, вставить в каталог, что будет при московской выставке[6], те мои замечания, которые Вы видели в английском каталоге (в примечании о солонах нужно только сказать — «...монголы с примесью малайского элемента», вместо того что сказано — «...малаи с примесью монгольской»).

Потрудитесь взять у Гейнса письмо Академии и передать мне; если Вы уверены, что Академия действительно разрешилась от бремени маленьким профессором, то я уполномачиваю Вас и прошу настоятельно поместить в «Петербургских Ведомостях» или «Голосе» заявление мое в форме письма в редакцию (я полагаю).

«М[илостивый] Г[осударь!]

Прошу Вас дать место в Вашей уважаемой газете двум строкам моего за сим следующего протеста: известясь о том, что Акад[емия] худож[еств] произвела меня в профессора, я, считая все чины и отличия в искусстве безусловно вредными, начисто отказываюсь от этого звания».

Надеюсь, что Вы не будете смеяться над смыслом этого заявления — необходимо дать толчок в этом направлении, подать пример гласно, публично, не боясь осуждения иначе думающих[7].

Я просил Гейнса (следовательно, опять погребенная просьба) к деньгам, вырученным за вход на выставку, добавить до 5 000 и послать в одно из земств, хотя бы в Новгородское (я новгородец), с просьбою употребить эти деньги на устройство первоначальной школы для *девочек* или для *девочек* и мальчиков, но не для одних последних; просил сделать это опять-таки гласно, для того чтобы желающие брать пример имели его перед глазами. Полагаю, что только в христово время, когда сплетня была высшею и единственною формою гласности, можно и должно было делать так, чтобы левая рука не видела, что делает правая, а теперь же должно все делать открыто, опять-таки, не боясь того, что скажут лицемеры. Не знаю, нужно ли было это оправдание, но на всякий случай я привел его. Позвольте Вас попросить передать гг. Боткину и Третьякову мою просьбу, в случае если они

устроят один день платным[8], на вырученные деньги устроить школу или полшколы в Москве либо приобщить эти вырученные деньги к тем, что у Гейнса, и послать также в Новгород. Сообщите, пожалуйста, какая окончательная участь моей коллекции: кто ее приобрел, где поместите и проч[ее]. Сообщенное Вами из письма Перова — единственное, что я до сих пор знаю. Кстати скажу Вам, что это последнее нимало меня не удивляет; мой однофамилец[9], наверное, имеет более веса и кредита, чем я в мнении всякой *школы*, — так было всегда и так будет еще очень долго, не огорчайтесь. В Париже Лорч (Lortsch)[10], 17, rue d'Hauteville, лично или письменно даст Вам сведения насчет места, купленного для моей мастерской; возьмите в руки это дело, сделайте мне одолжение. Гейнс, видимо, затрудняется, не имеет времени и охоты. Жером[11] обещал хорошего архитектора и свою помощь, к нему можно и обратиться прямо; я из тех учеников его, которых он уважает и для которых не откажется сделать возможное. Писал Купинскому, просил прислать кальку с плана — не получил, верно он дал Гейнсу, а там запропастилось. Кабы Вы были так добры — выслали *эту кальку*, а также снятую с *плана самого места* (находится у Гейнса) да поскорее, так я бы живой рукой начертил, где именно что поставить. И тогда в будущем году можно было бы начать постройку. Надеюсь на Вашу откровенность; скажите, если на первый раз я слишком заваливаю Вас просьбами. Просил также Гейнса спросить у правителя Канцелярии Кауфмана[12] о моем виде, так как мой паспорт годен лишь до конца года, — не отвечает, хотя эта статья весьма важная; не спросите ли у него? Пришлите статью Вашу с выдержками из английских газет[13] непременно. Также желательно иметь Вашу книгу Аткинсон, т. е. Ваши переводы[14]. Желательно бы прочесть статью «Московских Ведомостей»; коли можно, достаньте. Поговорите с Владимиром Михайловичем Жемчужниковым, где бы Вы могли иметь помещение для моих этюдов такое, где бы их *никто* не видел, кроме Вас двоих. Помещение должно быть светлое и большое, потому что я надеюсь много работать. Желательно бы послать штук 25 этюдов сейчас, потому что здесь они покрываются плесенью. Ответьте обстоятельно. Смотрите, Влад[имир] Вас[ильевич], чтобы выставка в Москве была даровая, исключая, если хотите, одного дня. Настаивайте на этом[15]. Через неделю надеюсь сообщить Вам новый адрес, так как на днях уезжаю из Бомбея[16]. Прощайте.

В. Верещагин.

6. В. В. СТАСОВ — В. В. ВЕРЕЩАГИНУ

С.-П[етер]б[ург], Надеждинская, д[ом] Трофимова,
26 сент[ября] 18]74

Пишу я Вам, Василий Васильевич, решительно наудалую и наполовину убежденный, что это письмо не дойдет к Вам — от этого напишу очень мало. Из почтового штемпеля я узнал, что Вы писали мне свое огромное письмо из Бомбея 1/13 августа (ведь Вы ни за что не хотите взять привычку подписывать числа!!); дошло оно ко мне 27 [августа] (старого стиля), значит, было в дороге *почти месяц*. Вот как легко иметь с Вами сообщение, вот куда Вы от нас забежали, а Вы еще не хотите этого знать и делаете решительно невозможною переписку с Вами, не сообщая адреса. В письме от 1/13 августа Вы мне пишете, что куда-то уезжаете и что *через неделю* сообщите новый свой адрес. Но прошла не неделя, а целых 4, и ни письма, ни адреса ничего нет!! Вот и извольте быть тут как знаете, вот и извольте исполнять Ваши поручения или отвечать на Ваши вопросы, если даже забыть горячее желание обменяться с Вами парой слов. Таким манером я и решился попытаться написать Вам на прежний адрес: авось-авось дойдет — или письма пропадают? Тогда вот-то приятная перспектива на бесконечных тысячах верст расстояния! Но что будет, то будет, а между тем я лучше отвечу Вам на Ваши вопросы:

1) *Гейнс* говорил, что писал к Вам в Бомбей письма 3 (если не 4) и очень удивляется, как они к Вам не дошли. Так он написал Вам — давным давно — про *все* подробности, Вам интересные. Значит, теперь, с его слов, я только повторю Вам то, что он Вам прежде меня писал.

2) Ваша коллекция [1] куплена *одним* Третьяковым (так как он разошелся, по очень многим причинам, с Боткиным), за 90 000; из них 50 000 заплачено при самой покупке, а на 40 000 дано три векселя (которые я сам собственными глазами видел) с определенными сроками. Лежат эти векселя у Гейнса.

3) За место в Париже (для мастерской) заплачено. Гейнс уже давным-давно отослал деньги продавцу.

4) Фотографии с рисунков архитектора *Купинского* давно уже отправлены к Вам в Бомбей Гейнсом. Но так как Вы их не получили, то Гейнс готов сейчас же послать Вам другой экземпляр; только для этого надо знать Ваш адрес в Индии.

5) О виде Вашем на жительство [2] сделано уже распоряжение, и его можно отправить к Вам хоть сейчас; но опять-таки надо знать точный Ваш адрес.

6) Деревяшки [3] для издания Hachette присланы Вам по

ошибке. Гейнс говорит, что и сам не знает, как это могло случиться, но, вероятно, говорит он, случилось это оттого, что ящик с деревяшками стоял в числе ящиков, отобранных Вами самим и назначенных к отправлению в Индию: он уже потом их не раскрывал, да так и послал. Но, так или иначе, Гейнс просит, чтобы Вы эти деревяшки переслали сюда, но *ничего не платили за пересылку*. Заплатится здесь.

7) Эти деревяшки именно теперь нужны будут здесь. Васнецов возвращается со своей родины, Вятки, и будет уже постоянно, всю осень и зиму, рисовать Ваши вещи, без перерыва, и даже нарочно проживет некоторое время в Москве, чтобы иметь главные оригиналы под руками. До отъезда же своего, т. е. до лета, он нарисовал *три* деревяшки, величиной каждая с мой лист бумаги для настоящего письма: это головы трех киргизов из числа принадлежащих Гейнсу и по его же выбору. Все три нарисованы *отлично*. Теперь дело стало только за деревяшками.

8) Издание текста[4] Гейнса покуда еще не подвинулось ничуть: он говорит, что он его отсылал целиком в Париж и уже там его будут переводить на французский язык.

9) По Вашему желанию, я списался с Третьяковым и, с его согласия, послал ему *переделанный* мною каталог для выставки[5]: я его пополнил всеми Вашими указаниями и послал Третьякову. Но что дальше будет, не знаю; покуда он еще не напечатан. Однако Третьяков был очень благодарен за него и обещал непременно напечатать.

10) Ваша выставка в Москве открылась уже 2 недели тому назад в помещении Общ[ества] любит[елей] искусства, подле Страстного монастыря, и толпа валит туда страшная. Все здешние газеты наполнены корреспонденциями из Москвы — хвалебными, но, впрочем, ничего особенного не заключающими.

11) Как я ни настаивал у Третьякова, по Вашему желанию, но эта выставка все-таки *за деньги*, и Третьяков говорит, что он не виноват и напрасно он *прежде* не знал, а теперь уже поздно. Ни в контракте, ни на словах ему ничего не было *прежде* сказано об этом Вашем желании. Притом он говорит, что у Общ[ества] любителей столько издержек для выставки, что мудрено было бы требовать с них бесплатного входа. Впрочем, *один раз в неделю* есть и бесплатный вход. А художники, воспитанники и многие другие — постоянно впускаются бесплатно.

12) Отправить деньги (около 5 000) в Новгородское земство для школы или в Москву для подобной же цели, Гейнс говорит, что не мог и не может потому, что сбор от выставки

в Петерб[урге] был невелик, а у него уплат было довольно много. Так что это предприятие он полагал бы отложить на некоторое, по крайней мере, время.

13) Владимира Жемчужн[икова] теперь довольно давно уже нет в Петербурге. Его родственник, граф Бобринский[6], бывший министр путей сообщения, весной или в начале лета вышел в отставку и уехал в деревню. Жемчужн[иков] уехал к нему в деревню и оттуда до сих пор не возвращался. Говорят, скоро будет назад. Но будет он или нет, во всяком случае, я не затруднюсь найти хорошее место для хранения Ваших картин или этюдов, когда Вы их пришлете.

14) Не посылаю Вам *покуда* ни одной из желаемых Вами статей. Они все у меня лежат под руками, и только получу верный Ваш адрес — тотчас пошлю.

15) Наконец прихожу к самой капитальной новости. Письмо Ваше с отказом от профессорства я напечатал,[7] и именно в «Голосе». Сначала я было обратился в «С.-П[етер]б[ургские] Ведом[ости]», но временный редактор (за отсутствием настоящего — Корша[8]) отказался его печатать, бог знает почему находя его ***нецензурным***. «Голос» же не нашел ни малейших затруднений, напечатал сию же секунду, а на другой день перепечатали *все* газеты, русские, французские и немецкие, опять-таки за исключением «С.-П[етер]б[ургских] Ведом[остей]», которые только в экстракте сказали, что Верещагин отказался от профессорства, а причину премудро умолчали. Вот-то идиоты!! Ух, и ругал же я их. Эффект на публику произошел громадный, спорам и толкам не было конца. Одни были в восхищении, особенно молодежь, художественная и всякая (я слышал даже, что иные молодые художники толковали о том, что хорошо бы Верещаг[ину] послать адрес). Ну, и, разумеется, все ретроградное и консервативное — одним словом, весь хлам пришел в негодование и ярость. «Journal de S. Pétersb[ourg]»[9] сказал, что напрасно наш célèbre peintre Wereschag[ine][10] отмочил такую штуку, тогда как профессорство «ни к чему его не способствовало» и что, верно, он сам себе не давал отчета, что многим покажется, что он ищет «une popularité de mauvais aloi»[11], а поганый писака кн[язь] Урусов[12] напечатал в «Соврем[енных] Известиях» (в Москве) еще и того хуже и глупее какие-то заметки[13]. Он так прямо и жалуется на нигилизм и неуважение, вольнодумство и дурной пример для художников. Что мне сказать про Ваше большое, 16-страничное письмо[14]. Оно чудесно, как всегда, и у меня одною гордостью больше, с тех пор как оно у меня в руках, с тех пор что оно нарочно для меня и мне писано. Там есть иные строки — чисто исторические. Написал

бы я Вам еще много, да боюсь, что не стоит писать, потому что эти мои строки всего скорее обречены на пропажу и не дойдут [15] до Вас. Итак, покуда прощайте.

Ваш *В. С*[*тасов*]

Разве вот что еще сказать Вам, чтобы посмешить: летом вышел отчет Акад[емии] за прошлый год, и я там прочитал [16] удивительную мерзость — распоряжение Академии, чтоб впредь не делать *заграничными пенсионерами* тех воспитанников с золотою медалью, которые женаты. Они, мол, и деньги и время тратят за границей не так, как следует, — *не для искусства*. Это меня крепко рассердило, и я написал статью [17], где советовал и академистам, уж лучше вообще художникам запретить брак, как католическим попам. Потом я сказал еще, что знаю немало примеров между пенсионерами молодых людей, которые и женаты, да делают хорошие и важные вещи, а много профессоров и академиков, у которых много и денег и времени, а все ничего не вышло. Кто смеет мешаться в чужую жизнь? Репин пишет мне [18], что вся парижская худож[ническая] колония аплодировала мне издали и была в восхищении. А Боголюбов рассказал им тут, что в заседании Совета Резанов [19] (бездарный архитектурный чиновник) встал и поставил себя в пример, как он поехал за границу женихом и в честь искусства протерпел 6 лет!! Это все, чтобы понравиться вел[икому] князю [20], предложившему эту меру. Молодцы!!!!!

7. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

Агра, 23 ноября/5 декабря [1874] [1]

Что это значит, что я не получаю от Вас ответа. — Неужели Вы не хотите писать мне?

Еду в Непал. Мой адрес: *M-r Keene, Judge in Agra* [2], для передачи.

Примите уверение в моем уважении.

В. Верещагин

8. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

[Darjeeling [1], 5/17 декабря 1874] [2]

Я не получил от Вас ответа, Владимир Васильевич, и очень интересуюсь знать, читали ли Вы мое к Вам письмо. Как Вам известно, *интересы* мои я вверил, уезжая, Гейнсу. Вот сей-то

государственный муж и беспокоит меня крепко. Отберите от него вместе с Львом Жемчужниковым (которому я писал) мои деньги и мои вещи — часть денег (15 000 руб[лей]) пошлите мне, остальные оставьте у Третьякова. Я знал, что Гейнс способен унижаться перед аристократами, и не раз корил его этим, но чтоб он способен был выкинуть следующую пошлость — не ожидал: он предложил мне еще до моей выставки дозволить ему задобрить несколькими моими работами разных важных лиц будто бы для того, чтобы расположить государя к покупке моих работ, в самом же деле, очевидно, для успеха своих заискиваний перед необходимыми ему графами и князьями (в числе последних и великий князь Владимир Александрович). В глаза совестно было мне сказать ему, что это будет низость, и я отвечал только, что этого не следует делать, но затем написал ему категорически, что лучше откажусь от отдачи моих работ, чем соглашусь унижаться таким образом. Несмотря на это, Гейнс настаивал на своем намерении и еще незадолго до моего отъезда прямо давал мне понять, что «как я уберусь», так он выберет *что получше...*

Раз я даже застал у него посланного от Владимира Александровича, как сам Гейнс говорил, для этой цели. А так как в видах неразрознивания моей коллекции я, как Вам, может быть, известно, отказался от сравнительно гораздо большей платы за мои картины, то такая бесцеремонность меня сильно испугала, и я написал, кажется, Третьякову, чтобы он и Боткин не давали Гейнсу ничего брать из моей коллекции. На это Гейнс осерчал так, что с самого моего отъезда не пишет мне ни слова. Так как его личные денежные дела очень запутаны, то мне крайне необходимо возможно скорее знать, в каком положении мои денежные счеты. Я просил Третьякова, просил Льва Жемчужникова (который предлагал мне свою помощь во всем, что понадобится) и прошу Вас: 1) *возьмите от Гейнса векселя мои* и устройте все, о чем прошу, и отчет в деньгах, 2) мои вещи, состоящие из *большого ящика костюмов туркестан[ских]*, кое-какого оружия из той же страны, *мраморов и глазурей из Самарканда,* нескольких *ковриков* и, наконец, *зеркала в ореховой раме* — наследство покойного Горшельдта [3]. Вероятно, найдется еще кое-что и, вероятно, он не откажется возвратить все это как крайне нужное для моих будущих работ. Положите с Жемчужн[иковым] все это под сохран[ение] и отпишите мне, дабы я мог работать спокойно. Как я беспокоюсь, можете судить по тому, что не шутя думаю, в случае дальнейшего неполучения сведений, бросить работу и съездить в Европу. Не доведите до этого — ответьте, как только можно скорее.

Я просил Жемчужникова и прошу Вас достать мне рекомендательное письмо к лорду Нортбруку[4] — наместнику Индии. Стремоухов[5] отказался дать мне какие-либо рекомендации!!!

Мой адрес: India, Agra, M-r Keene, Judge[6], для передачи.

[В. Верещагин]

9. В. В. СТАСОВ — В. В. ВЕРЕЩАГИНУ

С.-П[етер]б[ург], Публичная библиотека,
25 дек[абря 18]74/6 янв[аря 18]75, вечер

Василий Васильевич, я сейчас только получил Ваше письмо из *Агры* от 25 ноября/6 декабря[1] и отвечаю на него, как всегда, сейчас же. Вы жалуетесь и удивляетесь, что не получаете моих писем; но чем же я тут виноват? Моих *несколько* писем лежит к Вам в Бомбее, одно на Вашей квартире (Belvedere Hill Mazagon, № 9)[2], другие на poste restante[3], тоже в Бомбее, — что же мне прикажете еще делать? Каким образом доставлять письма, чтоб они действительно до Вас [доходили] — ума не приложу!! Единственное письмо, мною полученное от Вас из Индии, было отправлено Вами из Бомбея 1/13 августа 1874 (пришло оно ко мне 24 августа нашего стиля), и я на него отвечал немедленно же, прописал Вам ответы решительно на все Ваши вопросы. Но в этом Вашем письме ко мне (единственном) Вы написали, что *через неделю* сообщите мне свой адрес; но прошло целых 5 месяцев, а я никакого адреса не получал!!! Только сегодня наконец узнал я, что надо к Вам писать в Агру, тогда как я и не подозревал о пребывании Вашем в этом городе. Из прежних моих писем (лежащих теперь в Бомбее) Вы узнаете, что в нашей мучительной неизвестности мы даже делали о Вас *разведки* в Индии: здешнее телеграфное управление просило бомбейское телеграфное же управление разослать телеграммы по разным направлениям и отыскать, где Вы находитесь, — мы думали этим способом получить возможность узнать Ваш адрес и послать Вам письма. Но из Бомбея нам отвечали (по телеграфу), что Вас проследили до местечка *Нимуч,* близ Мадраса, а далее неизвестно, и что Вы поехали куда-то в Среднюю Индию. Что прикажете нам делать после этого!! — Но я так счастлив, что, по крайней мере, хоть теперь что-нибудь [узнал] про Вас и Ваш адрес. Ради бога, будьте хоть впредь поаккуратнее и пишите свои будущие адресы. А между тем у нас здесь накопилось огромное количество новых фактов, касающихся до

Вас. Я почти уже все писал Вам и теперь *вкратце* повторю здесь (3-м или 4-м разом) то, что уже прежде писал подробнее в письмах, лежащих от меня в Бомбее. Гейнс много раз писал Вам и посылал Вам деньги, дошло ли все это до Вас — не знаем. И теперь тоже у него лежит 1 500 руб[лей], присланных для Вас от Вашего батюшки [4], только Гейнс до сей минуты не знал, куда их надо отправлять. В Париже заплачено давным-давно то, что Вы велели [5]. От Третьякова (который *один* купил Вашу коллекцию) получено деньгами 40 000 и три векселя, два по 17 000 и один в 16 000, для уплаты каждый через год. Выставка в Москве началась еще в сентябре, но не имела такого успеха, как в Петербурге, потому что *все* московские художники, с Перовым во главе (просто невообразимо после его письма, сообщенного мною Вам!!), стали на дыбы против Вас и не хотят признавать в Вас таланта. Московская телячья публика в большинстве покорилась этим великим мудрецам. Впрочем, вероятно, Вы это уже знаете из писем Третьякова, который тоже писал Вам в Бомбей, не имея никакого другого Вашего адреса. Между тем я, по Вашему желанию, написал в «Голосе» ваше отречение от профессорского звания, и это подняло у нас просто целую бурю (о чем я тоже писал Вам в предыдущих письмах). Кажется, наученный или науськанный подонками здешних художников, всем старьем и всем, что есть *отсталого и ретроградного* выступил на сцену какой-то бездарный академик Тютрюмов [6] и в мерзкой газете «Русский мир» напечатал[7], что Вы писали картины не сами, а с помощью разных мюнхенских художников, так что только была Ваша *фирма,* а не Ваша работа. Тут же он нападал на Ваше высокомерие по поводу непринятия профессорского звания, говорил, что такого примера еще не бывало и что, конечно, Вы это сделали от стыда, чувствуя свое недостоинство; и по этой же причине Вы осветили иные картины огнем, чтоб скрыть их недостатки, а в Москве без огня все эти недостатки вышли наружу. Тут *вся наша литература* поднялась, как один человек, и так великолепно высказалась в защиту Вашего таланта и честного имени, как, быть может, еще отроду не бывало [8]. Я же со своей стороны выступил *первый* и печатно заявил, что в Ваше отсутствие я, как близкий Вам человек и получивший притом поручение иметь попечение о Ваших художественных и других делах, *требую* от г. Тютрюмова немедленных *доказательств* его клеветы, не то привлеку его к суду, а дело исследую до точности и здесь и за границей [9]. Тютрюмов перепугался от всего этого, начал вилять, как-то извиняться, а на мой повторительный категорический вызов (печатный [10]) наконец ответил [11], словно пойман-

ный школьник, что все это были «слухи», и фактов у него никаких, и он первый же готов отступиться от всего сказанного. Между тем здешние художники, все лучшие (именно: Крамской [12], Гун [13], Ге [14], Мясоедов [15], М. П. Клодт [16], М. К. Клодт [17], Якоби [18], Шишкин [19], Забелло [20], Чистяков [21], Попов [22]) — одним словом, все, что помоложе и почестнее, напечатали *протест* [23] против Тютрюмова; Гейнс напечатал тоже свой протест [24], где рассказывал, *каким* человеком Вас знает. Все эти статьи и весь ход дела были перепечатаны в иностранных газетах, и это дело теперь известно всей Европе. Так как я выступил *публично* Вашим как бы доверенным лицом и ходатаем, то профессор Коцебу [25] прямо ко мне адресовался из Мюнхена, выражая негодование всех тамошних художников и от их имени вызвался разъяснить это дело до ниточки. Тогда я тотчас же послал пространное письмо к мюнхенской Künstlergenossenschaft [26], прося произвести формальное следствие. Вчера наконец я получил от их общества большое письмо, официальное, где они заявляют, что по произведенному следствию *никто никогда Вам не помогал,* и, кроме того, они все с негодованием смотрят на эту *клевету* против высокоталантливого г. Верещагина, при громадном даровании и искусстве которого вовсе и немыслимо, чтобы кто-нибудь мог ему помогать. Я это письмо печатаю [27] (со своею заключительною статьею) по-русски, а также в немецкой газете, и через несколько дней оно будет напечатано во всех *европейских газетах.* Восстановление Вашей художественной чести произошло и в России и за границей таким блестящим и великолепным образом, что навряд ли Вы захотите притягивать эту гадину, эту ничтожную вошь, Тютрюмова, в суд *за клевету.* Не стоит Вам на него даже и плюнуть. Все статьи и документы по этому делу целиком посланы мною в Бомбей и будут ждать Ваших распоряжений на poste restante. Васнецов давно уже рисует на деревяшках рисунки для Вашего издания (*превосходно* рисует!!), и я постепенно пересылаю их к М-г Templier, с которым переписываюсь. Одним словом, я исполняю решительно *все* Ваши поручения и желания, кажется, хорошо и успешно, и теперь только жду Ваших писем. Ваш

В. Стасов

Во время своих справок и разысканий мы посылали даже телеграмму в *Триест* к экспедитору *Поллак* [28], но и он тоже ничего не знал про Вас, более чем мы. Ему известно было только, что надо писать Вам в *Бомбей,* — вот и все! Просто Вы нам обрезали руки. Templier тоже жаловался на страшную Вашу неаккуратность.

1875

10. В. В. СТАСОВ — В. В. ВЕРЕЩАГИНУ

С.-П[етер]б[ург], Надеждинская, д[ом] Трофимова.
1/13 янв[аря 18]75

Василий Васильевич, Вы написали мне 1/13 августа прошлого года Ваше письмо, где отрекались от профессорства, данного Вам в мае Академией художеств; *ровно через пять месяцев,* изо дня в день, пишу Вам сегодняшнее письмо, с приложением 13 вырезок из разных газет [1], — все это прямое следствие Вашего отречения. Читайте их, пожалуйста, по порядку чисел, как я их обозначил красным карандашом. Они идут от начала — статьи проклятого дурака Тютрюмова, — и кончаются *моей* статьей от третьего дня, 30-го декабря. Мне кажется, Вы можете остаться вполне довольны, не только Россией, но и Европой. Ваша история получила *размеры европейские:* во всех газетах, немецких, французских, английских, писалось о ней и перепечатывались переводы статей Тютрюмова и *моих* отзывов или вызовов. Теперь всему конец — и Вы вышли самым светлым героем нового современного искусства после того, что мне написало мюнхенское Künstlergenossenschaft (600 человек)!! Не было у нас журнала, который бы в течение этих последних трех месяцев не писал бы про эти дела, и я бы должен был послать Вам целый тюк, если бы захотел дать Вам прочитать все писанное, даже у одних у нас только, не говоря об иностранных газетах. *Все — все* за Вас, кроме двух-трех дураков и подлецов да *всех* московских гг. художников, не прощающих Вам таланта и успеха громадного, небывалого. В Москве Перов — во главе ретроградов и врагов (вот как он вдруг перевернулся теперь, со времени того письма, что я Вам посылал летом в копии: зависть и чувство собственного, все большего и большего падения — вот что заставляет его и их всех становиться на дыбы против Вас). Надняx я получил Ваше письмо из Агры (от 23 ноября/4 декабря) и отвечал в *тот же день* по указанному Вами адресу судье Keen[e] esq[uire] [2]. Там я прописал уже Вам всю историю

эту — дай бог, чтобы это письмо дошло до Вас!! Да пишите же, ради бога, ведь я Вам послал в Bombay, poste restante [3] и уж и не знаю, сколько писем написал с августа или сентября — обо *всех* Ваших делах *подробно*. Неужели все это пропало??!!! Пишите же, ради бога, ведь Ваша неаккуратность и неписание адреса, наконец, просто убийственны! Портрет Ваш и биография появляются уже во многих журналах, в январе будут еще новые [4], и я Вам пошлю их. Дело с Hachette (Templier) идет прекрасно; Васнецов рисует на деревяшках Ваши вещи — наславу! *Гейнс* наконец воротился из деревни, приготовил текста несколько livraisons [5]. Пишите же чаще и больше — да с числом и адресом. Некогда больше, а то бы написал том [6].

В. С.[тасов]

11. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

11/23 февраля [1875] [1]

Не сердитесь, Владимир Васильевич, и не пишите сердито, ведь я один-одинешенек и письма людей хороших пережевываю по нескольку раз, так что всякая малая горечь в них кажется мне большою. Что Вы за меня поратовали — спасибо Вам. Не понимаю только, зачем, говоря об общественном мнении вообще и московском в особенности, Вы ставите восклицательный знак. По-моему, достаточно обыкновенной кавычки или иного более скромного знака.

Я в самой середке Гималайев, в малом королевстве Сикким [2]; в резиденцию великого монарха этой страны я теперь направляюсь и уже обменялся с ним несколькими витиеватыми письмами и более скромными подарками. Это время занимался в буддистских монастырях, а допрежь того на высоте 15 000 фут[ов] чуть не замерз со своею супружницею: снег, которым нам пришлось итти последний день подъема на гору Канчинга (28 000 ф[утов]), испугал моих спутников, и они за нами не изволили последовать. Между тем пошел снег, которым пришлось и питаться за неимением другой пищи, потушил наш огонь, и, кабы не мой охотник, который был с нами и отыскал и уговорил одного из людей внести на гору ящик с едою и несколько необходимых вещей, пришлось бы плохо. Замечательно, что я выбился из сил и положительно заявил об этом прежде, чем моя дорогая спутница, моя маленькая жена, слабая и мизерная (Вы ее видели в библиотеке). Зато после, когда первое изнурение прошло, она, не говоря худого слова, грохнулась. Лицо мое за несколько дней пребывания на этой высоте непомерно опухло, и какое-то

страшное давление на темя, от которого я непременно умер бы, через пару промедленных дней, заставило спуститься прежде, чем все этюды, которые я намеревался сделать, были готовы. Сделаю еще попытку в другое время года и в другом месте — уж очень хороши эти горные шири и выси, покрытые льдом и снегом. Когда спущусь с гор, приеду в Агру, пошлю Вам оттуда с полсотни, а может, и более этюдов; многие из них — лишь наброски, но многие хорошо кончены, и из таковых каждый, надеюсь, стоит петербургского профессора (а все-таки профессором не хочу быть и не буду). То, что с помощью этих этюдов я надеюсь сделать, будет, как я думаю, иметь не англо-индийское только, а всемирное значение, и не формою только [3]. Впрочем, не хвались, едучи на рать, а хвались, едучи с рати...

Ваше письмо о буре, на меня обрушившейся, получил я — где бы Вы думали? На минеральных водах [4]... Да, на минеральных водах, очень мало известных, которых температуру, кажется, никто не измерял. Есть источники в 48—50° R. Я только что воротился с охоты на обезьян, охоты неудачной, но небезынтересной: представьте себе, самцы (огромные!) так озлились, что с ревом поскакали на меня, и я счел за лучшее ретироваться домой, где и ожидало меня Ваше письмо, живо прогнавшее мою досаду не только на обезьян, но даже и на туземцев, рыболовов, перегородивших реку и заперевших рыбу выше того, где после многого труда я установил вершу.

Что Вам сказать на обвинение меня в эксплоатировании чужого труда и искусства? Я не только дограгиваться до моих работ, даже смотреть на них никого не пускал, так после этого судите, как это обвинение смешно и глупо. Если это тот Тютрюмов, который имеет фабрику сукон, бобров и офицерских вещей, то Вам легко наказать его — похвалите его работу, он поймет иронию. Ну их всех к чорту! Я буду всегда делать то и только то, что сам нахожу хорошим, и так, как сам нахожу это нужным. Значит, сей муж или сии мужи не первые и не последние, пока живут, будут злиться, ругаться и всячески чернить — наплевать.

Будьте так любезны из-под руки и *никак не от моего имени* узнайте, где находится медаль, которую я получил на Венской выставке. Много благодарен буду Вам, коли устроите так, чтобы ее через Вас или иначе как-нибудь переслали мне (повторяю, я тут должен быть в стороне) [5]. Я пришлю тогда Вам мою благодарность за эту награду — для напечатания. Надеюсь, Владимир Васильевич, Вы, как и я, смотрите на это серьезно, ведь за нами следят много молодых глаз и голов

не в одной Академии художеств. Не взыщите за несколько изысканную речь — я сегодня не в своей тарелке; не спал две ночи от москитов; ранки ног, еще разъеденные серною горячею водою, просто взбесили меня, и я, бросивши начатые этюды, с раннего утра сегодня отправился далее. Теперь сижу в веранде монастыря [6], до которого поднялся, пишу Вам, думаю как бы уговорить посидеть немного странствующего буддистского монаха, который, бормоча молитвы, обходит чуть не двадцатый раз мой монастырь, и еще чешу руки, искусанные москитами.

Этюды, которые Вам пошлю, попрошу Вас *никому не показывать*. Я бы держал их и здесь, но они покрываются плесенью за время дождей и в жару коробятся, доски же трескаются (на несчастье, несколько этюдов я написал на досках). Пошлите мне русскую газету, которую считаете лучшею, «Петерб[ургские] Ведом[ости]» или «Голос». Думаю — первую. Об этом просит особенно меня барыня [7].

Помните, что за все *сложные рисунки* Templier должен платить *300* фр[анков]; не забудьте, что он (хоть и приятель мой), *кулак*.

[*В. Верещагин*]

12. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

[13/25 марта 1875] [1]

Да нет же, Владимир Васильевич, мои работы никогда не были освещены в Лондоне огнем; они показывались при самом незавидном дневном свете; зачем Вы говорите, не зная [2]. Будьте так добры, пришлите мне Ваши выдержки из лондонских газет. Я уже просил Вас об этом и буду просить, пока не вышлете.

Я думал, что кто-то сбрехнул, по Вашим словам, но, прочитавши статью [3] в «Русск[ом] Мире», вижу, что это нахальная, с первого до последнего слова, ложь, обдуманная и, по мере сил, осмысленная. Разумеется, на такого мерзавца не стоит и плевать; это та помесь из сплетни, битюма и водки, которой пропитано в Академии художеств все — от мастерских до нужников.

Как счастливо, что я получил все статьи и заключения разом [4], а иначе я просто свихнулся бы от злости. И теперь даже, скажу Вам по секрету, *я не спал несколько ночей напролет,* желудок же мой отказывается в продолжение целой

недели варить или принимать даже кусок курицы — чисто от раздражения.

Что за ложь, что за чепуха все эти писания: какому-то дураку вздумалось исключить меня из *семьи русск[их] художников* — нашлись умники, которые снова включили! Что это за болваны, которые все без ярлычков *не признают;* меня называют самоучкою в самом презрительном смысле, когда я два года посещал школу, что на Бирже [5], 3 года Академию в Петербурге и 3 года Акад[емию] [6] в Париже, и во всех этих заведениях был самым прилежным учеником, занимаясь по *16 часов в день.* Я жалкая самоучка, когда Жером, если не первый, то, без сомнения, один из величайших современных художников, гордится тем, что имеет такого ученика, как я. Я выскочка, самоучка в Петербурге, когда Тейлор, критик «Таймса» [7] — уж не подкупленный ли? — называет меня *совершеннейшим* и *правдивейшим художником,* у которого *ни одна черта не потеряна даром* и *каждый штрих руки верен* (буквально).

Здоровье мое положительно плохо, даже в горах, что-то будет в жарких местах, боюсь и думать. Хочу поехать в Кашмир, чтобы спастись от дождей; коли занездоровится очень, придется на 2 или 3 месяца приехать в Европу.

Уж как хочется протянуть еще хоть десяток годов, хоть бы для того, чтобы этим образованным негодяям показать, на кого они поднялись (хоть вряд ли их чем проймешь). Пожалуйста, предложите гнуснейшую ложь называть отныне (между *образованными людьми*) ложью *системы Тютрюмова.*

Таким кулакам, как Templier, зачем верите? Ведь кабы слушаться его и ему подобных, так мне бы теперь не путешествовать и учиться следовало, а возить воду в редакцию «Tour du Monde» [8]. Смотрите, чтобы не испортили в Париже граверы. Коли Серяков [9] согласится гравировать [10] сам, то Templier, верно, не откажется дать ему 400 фр[анков] за доску. Еще могу рекомендовать Hecht [11] в Мюнхене — превосходный гравер. Адрес мой тот же покамест: *Agra,* M-r Keene, Judge.

Денег еще не получал, но слышал, что есть в банке страховое письмо, не оно ли? Получил извещение от графа Шувалова [12] из Лондона, что на Бомбей посланы мне рекомендации. Это очень не лишнее, потому что этот самый *Keene,* человек весьма почтенный, прямо сказал мне, что без достаточных рекомендаций я прослыву шпионом,— внушительно, Гейнс послал мне денег и *телеграмму,* но писем не послал ни на одно из четырех ему посланных. Пока он брал мои работы лишь для себя, то доставлял мне этим истинное удовольствие. Но

когда вздумал *требовать* их для задабривания разных своих фешенебельных знакомых, то прямо опошлил в моих глазах не только нашу дружбу, но и самое знакомство. Напишите, когда Вы думаете быть в Париже и возьмете на себя труд постройки мастерской (план и проч[ее] у Гейнса). Жером, повторяю, обещал помочь, чем может. Я желал бы только видеть прежде план и размеры. Самая мастерская должна быть огромадная, 40 шагов в длину и 30 в ширину, с соответственной вышиною. Необходимо мне также самому указать на плане, где стоять этой мастерской и где летней (забор четырехугольником или круглый для работы на солнце я могу и сам построить по приезде, но придется, пожалуй, потерять много времени, так как не скоро найдешь мастерскую в Париже, а на 1 год и совсем не найти). Жилых комнат нужно немного и небольших. Деньги, что присланы мне отцом моим, посылайте сюда. Здесь жизнь и поездки очень дороги, напр[имер], в горах одни носильщики [13] стоят мне 400 рупий, или 300 руб[лей], в месяц. Пошлите графу Шувалову оба мои альбома [14] *непременно*. Не выставляю чисел потому, что никогда не знаю, — довольно Вам? Скажите это Жемчужникову — он меня ест поедом. Но с немцем [15] Вы должны договориться сами. Templier, как истинный патриот, отказывается.

Академии я не отвечал потому, что письма ее еще [не получил].

Засвидетельствуйте мое почтение Петру Федоровичу Исееву [16].

Скоро спущусь с гор.

[*В. Верещагин*]

13. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

Сикким. Гималаи. [Конец] март[а 1875] [1]

4 месяца тому назад, Владимир Васильевич, я просил П. М. Третьякова послать денег в Париж по адресу: M-r Lortsch, 17, rue d'Hauteville — он послушался Гейнса и не послал — в результате письмо, которое прилагаю. Пошлите, пожалуйста, туда 13 000 франк[ов] и попросите только отчет. 1000 или 1500 рублей приблизительно (не помню хорошенько сколько), вырученных за выставку в Петербурге, я *не имею права* задерживать; пошлите их непременно немедля в Новгородское земство с просьбою употребить их на *улучшение способов преподавания,* хоть в нескольких, хоть в одной школе (дайте понять, что ни на поповское, ни на дьячковское, тем паче, обучение они не должны итти). Потрудитесь в не-

многих словах оговорить, что эта небольшая сумма предлагается как начальная, первая, что впоследствии я выражу мою мысль яснее и подкреплю ее более приличною делу суммою. Прилагаю статейку из газеты «Times of Jndia» [2] с рассказом о свидании одного здешнего мусульманина с генер[алом] Кауфманом в Петербурге; прочитайте ее, если можно, и выразите желание, чтоб кто-либо к делу близко стоящий (коли не сам Кауфман) опровергнул этот вздор. И без таких глупостей англичане с недоверием смотрят на всякого русского, путешествующего не для плезира только или охоты на тигров, а для дела. Что здесь пишут о России, русских и их видах и намерениях, то просто стыдно читать, стыдно за пишущих.

Сейчас получил письмо от Л. М. Жемчужникова и по совету его прошу П. М. Третьякова передать ему векселя на имеющуюся еще к уплате мне сумму [3]. Попросите их поскорей переслать деньги в Париж. До написания этих векселей, впрочем, и я черкну Л[ьву] М[ихайловичу] о том, чтобы он выслал по Вашему требованию эти деньги. Жемчужников дал мне совет беречь деньги и прибавил, *что не всегда они мне так легко достанутся в руки, как этот раз!* За первое я его поблагодарил, а за второе, озлившись, обругал. Я выразил надежду, что никогда более плод моих просто нечеловеческих пятилетних трудовых усилий не перейдет в чьи-либо руки за такую небольшую плату и что, к соблазну москвичей, не признающих во мне таланта, буду не иначе, как на вес золота, отдавать мои вещи [...]. Коли выживу — сдержу слово; коли умру рано, — окажусь хвастуном. Прилагаю еще вырезку с несколькими словами о нашем соотечественнике Пашино [4] — то же удовольствие ожидает и меня.

Что тут страшного, что Вам пришлось писать по старому адресу; я сам не знаю, повторяю, куда направляюсь и где сколько останусь, а в Бомбее поручу почтмейстеру передавать все письма, ко мне приходящие, человеку, которого извещаю о моих передвижениях. Коли знаете, как лучше распоряжаться, научите, а коли не знаете, за что ругаетесь так язвительно? И теперь не знаю, куда нужно мне писать. Попрошу адресовать письма покамест по-старому (Agra). Что я хотел сообщить адрес через неделю, а сообщил действительно позже — вот причина: надеялся добраться до *Одепура* [5], где хотел основаться и поработать очень скоро, но на деле пробился на дороге 2—3 недели: сам, весь мокрый и в грязи, погонял быков, которых запрягали по 6 в каждую из моих 3 повозок; ежедневно буквально выбивался из сил. Вдобавок в Одепуре английский резидент не дал мне ничего, кроме вежливых отказов, так что против ожидания снова не мог сказать, где оста-

новился. Потрудитесь, дорогой Владимир Васильевич, заказать по 2 пары нам обоим крепких сапогов (без голенищ) на толстых подошвах с пробками; носки должны быть широкой формы и сапоги *никак не узки*. Здесь обувь очень дурна. Как с Исаакиевской площади войдете в ту улицу, что идет под почтамтскую арку, сейчас же на правой руке будут 2 сапожные вывески, из которых в одной, кажется, второй (артельной), есть мерка моих и моей жены сапогов. Заведует мастерской барыня в очках.

[*В. Верещагин*]

14. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

[Агра, около 12/24 апреля 1875] [1]

Попросите Андрея Александровича Краевского [2] напечатать прилагаемую статейку [3], найденную мною случайно в одной здешней газете, и против последней части, т. е. *подозрения меня в шпионстве, протестуйте самым энергическим образом*. Выскажите, что уже одна моя независимость, как человека и художника, исключает всякую возможность подобных подозрений. Надобно Вам сказать, что намеки на *возможную цель* моей поездки были высказываемы и прежде, и я боюсь думать, что когда я предприму тщательный обзор и объезд гималайской границы с ее в высшей степени интересными странами и племенами, подозрения эти обратятся в положительную уверенность. Меня бесит одна мысль о том, что всюду полицейские агенты будут сдавать меня с рук на руки. Послал ли Беггров [4] мои альбомы [5] в Лондон? Пусть пошлет без расчета на аферу — афера будет в том, что более будут знать меня как художника и, следовательно, менее предполагать шпиона. *Может быть,* также понадобится еще несколько экземпляров для Индии.

Этюды посылаю на днях и самым положительным образом прошу *никому* не показывать [6]. Посылаю много костюмов и других вещей — все старые вещи. Необходимо выпросить пропуск *этюдов* без таможенного досмотра. Впрочем, ящики с костюмами можно досматривать сколько угодно — вероятно, немного придется оплачивать. Даржилинг — станция, с которой я отправился в сердце Гималаев. Газета, в которой я встретил эту статейку, называется *Pioneer,* одна из лучших в Индии. Я теперь в Агре, уезжаю в Кашмир [7]. — Уж и жарища же здесь!

[*В. Верещагин*] [8]

15. В. В. СТАСОВ — В. В. ВЕРЕЩАГИНУ

С.-П[етер]б[ург], Надеждинская, д[ом] Трофимова, вторн[ик], 22 апр[еля 18]75

Василий Васильевич, я получил все Ваши три письма[1] от марта и исполнил все, что Вы желали, но раньше, чем давать Вам в этом отчет, я скажу Вам, что, вероятно, около 1 июля (нашего стиля) уеду в Париж, месяца на 2, а может, и $2^1/_2$ или 3 — смотря, как позволят мои миниатюрные средства; поэтому если Вы хотите мне что-нибудь поручать за границей, то пишите скорее, но во всяком случае *не посылайте* мне писем в Париж, а продолжайте посылать их сюда: мало ли что до тех пор может случиться и помешать моей поездке, а между тем, мне перешлют за границу (если туда поеду), и через какие-нибудь 3—4 дня, все, что только будет сюда адресовано. Думаю даже, хоть на коротенькое время, побывать снова и в Лондоне. Когда пришло Ваше письмо о том, чтобы графу Шувалову передать от Вашего имени альбомы, случилось, что он как раз был сам здесь, в Петербурге. По моей просьбе он тотчас назначил мне аудиенцию, принял меня *необыкновенно* любезно, и с величайшим удовольствием принял оба альбома: громадный и маленький (я взял превосходные экземпляры от Беггрова); сказал, что это очень милая внимательность с Вашей стороны, и просил благодарить Вас. Во время нашего свидания я много ему рассказывал про Вас и прошлогодние *истории* Ваши (знаете, на Вашей выставке, когда еще публику не пускали), а также историю уничтожения трех картин[2]. Он все это слушал с необыкновенным интересом, а равно и А. Л. Потапов[3], его приятель, нынешний начальник III отделения. Шувалов несколько раз повторял мне, что он, кажется, ничего особенного не сделал, что его услугу Вам преувеличивают, но, конечно, он всегда рад и впредь быть Вам полезен, и если что понадобится, я могу писать ему прямо в Лондон. Вообще, наше заседание оставило во мне самое приятное впечатление; да, я забыл еще сказать, что и Шув[алов] и Потап[ов] — оба удивлялись дурацкому лжепатриотизму тех чиновников и генералов, кто приставали к Вам в прошлом году и наконец заставили потерять всякое терпение. Теперь второе дело: прилагаю, в фотографиях, планы и рисунки проекта Вашей парижской мастерской — что-то Вы про них скажете, как найдете? Я же замечу, что это мы отправляем Вам теперь второй экземпляр: первый послали год тому назад, и, пожалуй [он] и до сих пор лежит в Бомбее, где-нибудь на почте, как и громадная масса всяких писем. *Целый год почти!!!*

3) Немедленно по получении Вашего последнего письма я написал и Третьякову и Льву Жемчужникову, с настоятельною просьбой *немедленно* послать 13 000 фр[анков] Лорчу в Париж, а тоже написал к Лорчу, рассказав все это дело, и просил его тотчас уведомить меня, когда дойдут до него деньги. На всякий случай, я просил его выставить мне поаккуратнее, когда именно он получил от Гейнса, в прошлом году, 8000 фр[анков]? От Третьякова ответа еще ко мне не пришло (он иногда разъезжает по своим фабрикам); но только что получу, тотчас Вам напишу. 4) В Новгородское земство пошлю деньги, только узнаю от Гейнса, сколько их есть. Я помню, в прошлом году Гейнс много говорил, что от денежного входа получено было *очень мало,* и то пошло на расходы по выставке. Впрочем, я теперь снова хорошенько расспрошу его, и какие деньги окажутся — отошлю. Конечно, от Москвы никаких денег ожидать нельзя: там все пошло на самое Общество. 5) Не знаю, написали ли Вы что-нибудь Третьякову, но еще недавно он писал мне, что бедствует, не получая уведомления от Вас о прибытии этих денег в Индию, а он именно торопился, зная по письмам, что эти деньги Вам были очень нужны. 6) Из числа 1500 р[ублей], присланных Гейнсу Вашим батюшкой, не все могут быть Вам посланы, потому что из них несколько рублей пошло на некоторые расходы, а именно: на телеграммы (в том числе на одну телеграмму гр[афа] Шувалова и ответ лорда Нортбрука, вице-короля Ост-Индии, потребовалось 8 ф[унтов] ст[ерлингов] и 10 шилл[ингов]), а также на подписку «Голоса», который начнет посылаться к Вам с 1-го нашего мая: Краевский не прислал мне еще цифры, но я ожидаю, что будет стоить рублей 50, если не больше, от мая до декабря. За целый год, с пересылкой в Ост-Индию, стоит 70 рубл[ей] с чем-то. Итак, не все 1500 р[ублей] Вам пошлются, а часть: когда пошлем, уведомлю Вас. 7) Послать Вам мою статью про Аткинсона и др. невозможно: теперь нигде не добудешь старых №№ журнала. А если я написал про *огненное освещение,* то не вините меня: мне в то время кто-то из бывших в Лондоне рассказывал это (если не ошибаюсь, Павел Брюллов[4]). Значит, я ничего не выдумывал и не виноват, что кто-то мне соврал. 8) Дело с изданием идет хорошо: рисунки Васнецова подвигаются, и мы уже послали в Париж около 30 штук разной величины деревяшек, на-днях послали еще, и Templier присылал за них только благодарности. Но говорит, что не примется печатать, пока не будет иметь в руках *порядочную* порцию и текста и рисунков. А на-днях я послал ему наконец и всю 1-ю главу текста Гейнса (из которой выйдет 2, а пожалуй и 3 *выпуска*); долго,

долго помучил меня Гейнс, и я уже не хочу Вам рассказывать, сколько я натерпелся с ним горя, сколько было разъездов, писем, напоминаний, неисполненных обещаний, — я просто выходил из себя, но зато наконец (*через целый год!!!*) удалось мне выцарапать у него целую большую главу, и прямо скажу Вам — главу, написанную *превосходно*. Все тут есть: живописность, ловкость и живость рассказа, интерес — одним словом, превосходный текст путешествия. Заглавие: «Два года в Средней Азии» и впереди маленькое предисловие, где рассказывается происхождение путешествия и самого издания. Всех глав будет, как говорит Гейнс, 7 или 8. Но если мне всякий раз придется столько же мучиться, как нынешний раз, то есть с чем меня поздравить. Авось, впрочем, я как-нибудь сохраню терпение, и Вы, я надеюсь, вообще останетесь мною довольны. 9) Вырезку из ост-индского «Times», про Кауфмана, я тотчас отослал к Краевскому, и он сказал, что напечатает: не знаю, исполнит ли или не исполнит ли? Я терпеть не могу «Голос», по многим причинам, как лично Вам рассказывал, и хотя *поневоле* иной раз печатаю там кое-что, но всякий раз с отвращением и почти никогда не читаю и даже не вижу. Самый журнал для толпы и флюгер во все стороны, в том числе часто и *в подлую* — точь-в-точь парижский «Figaro». «Петербургские же Ведомости» теперь уже давно все равно что не существуют: с нового года по высочайшему повелению, вследствие доклада министра народного просвещения и внутренних дел *«о вредном направлении»*, Корш был прогнан с редакторства и заменен другим редактором, по выбору или утверждению правительства, и потому после такого превращения все прежние сотрудники вышли вон и разбрелись по сторонам. Я в том числе. Пишу теперь большую книгу художественно-критическую [5]. При этой оказии скажу Вам еще, что и с «Пчелой» [6], которой три первые №№ я недавно послал Вам, тоже случилась катастрофа: все порядочные художники, Крамской en tête [7], обещавшие участвовать, вышли вон оттуда, ввиду деспотизма, глупости, тупости и неумелости редакторов и издателей, которые сумели сделать из этого журнала что-то глупое, безобразное и гадкое. Я тоже еще в январе вышел вон. Кстати: напечатанные мною [8] в № 3-м письма [9] Репина произвели здесь просто *бурю:* из Академии, *почти* от *всех* художников, а также от известной части публики посылались проклятия и анафемы на Репина и меня — как можно что-нибудь думать и писать против Рафаэля, Рима и всего *принятого*. Парижская колония до того *пристала* к Репину в Париже (он пенсионер), в особенности под предводительством Тургенева [10], талантливого писателя, но старого марки-

за, что Репин, кажется, и нос повесил, поприуныл. Но авось скоро пройдет эта минута постыдной слабости. Ведь он тоже храбрый, как вот *Вы,* да немножко и я.

Другая еще история недавно опять на меня обрушилась и продолжается до сих пор: Антокольский сочинил и выставил совершенно *оригинальную* модель памятника Пушкину, а я рассказал ее в статье «Голоса», когда еще никто из публики ее не видел [11]. Опять беда! Опять буря! Тупоумные кастраты так и полезли на стену, жужжат, как комары, и кусают меня со всех сторон, чуть не каждую минуту, словно туча поганых вшей и клопов. Вот как скверно у нас затевать что-нибудь *новое и непробованное.* Немедленная ярость и всеобщий поход. Таким-то манером я и веду всю жизнь свою на войне. На-днях опять стану расправляться с дураками и пошляками [12]. А Вы все-таки пишите. Это освежает.

В. С[тасов]

На меня с Репиным сделали даже карикатуру [13], в газете московской иллюстрации, под заглавием «Развлечение»: я стою, с pince-nez [14] на носу, и помогаю Репину *вылупляться из яйца;* из кармана у меня торчат *«дипломы на знаменитости»,* а кругом сидят юноши и кричат: «à bas Raphael! à bas великих художников!» [15] Неправда ли, как умно? Репин *вылупляется!!!* А что про него *писали иностранцы в 1873 г.?* [16].

16. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

Ладак [1], большущий буддийский монастырь Хемис.
[Начало] июл[я] месяц[а 1875] [2]

Вам посылаю через руки Julius *Pollack,* эспедитора в Триесте, 4 ящика: 1 (маленький) с деревяшками; 2 (большие) с костюмами и разною дрянью, для моих будущих работ, наконец, *1 ящик с 50 моими этюдами.* Сделайте все возможное для скорейшего получения их и по получении немедленно вскройте; так как перед отправкою их застали в Бомбее сырость и мокрота тамошних дождей муссонов, то я вне себя от боязни, что этюды зазеленеют и покроются пятнами, как это случилось на моих руках с некоторыми из них. Повторяю и умоляю сделать *все возможное для скорейшего* получения их в Ваши, надеюсь верные, руки.

Показывать их кому бы то ни было Вы не имеете права, но время от времени необходимо вынимать их из ящиков на божий свет.

По совету 2 докторов (один из которых нашел меня очень *плохим*), перерву мое путешествие на 2 части и к маю месяцу приеду в Европу на год или $1^1/_2$. Как быть к тому времени с мастерскою? Проект красив, но в нем множество лишнего (в украшениях). Пришлю Вам скоро исправления, которые желательны, и прошу заготовить или поручить заготовить материалы для постройки. На первое время, боюсь, придется нанимать мастерскую, а больших в Париже так мало.

Постарайтесь выручить мои костюмы и прочий хлам, что посланы Вам теперь в двух ящиках, без оплаты пошлины, а коли этого нельзя, то постарайтесь заплатить лишь за *новые вещи*.

Выпросите у князя Горчакова [3] (канцлера) дозволение мне послать следующие ящики с костюмами и прочими старыми, подержанными вещами, необходимыми мне для будущих работ, прямо в Париж на посольство или на имя князя Орлова [4]; это избавит вещи от таможни. — Я со своей стороны поручусь, что *ничего для продажи там не будет,* будет лишь разный хлам, художнику необходимый.

Очень тороплюсь писать Вам; рад, что получил Ваше письмо и думал, не шутя, что Вы меня забыли, — хотел зарок на себя наложить вперед кому-либо доверяться. Скоро, на-днях, буду писать еще.

Работаю прилежно, но если Вы не выручите мои этюды и не сохраните в хорошем виде к моему приезду, просто ума рехнусь. Смерть боюсь, что этюды мои, стоящие мне таких страшных трудов, не дойдут, потеряются или пострадают. Пишите сами Pollack'у в Триест и просите Беггрова, так как Беггров рекомендовал мне его. Ведь там не менее 50 оконченных этюдов да штук 20 набросков, также более или менее нужных мне. Теперь готовлю новую коллекцию для посылки Вам. Отпишите поскорее.

Коли для этюдов нужно Вам съездить на несколько дней из Парижа в Петербург, *сделайте это на мой счет.*

[*В. Верещагин*]

17. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

Ладак, [11/23] июль [1875] [1]

Вот план мастерской, как я того желаю. Так как я думаю быть в мае в Европе, то чем скорее она поспеет, тем лучше. Если не можете к тому времени выстроить, то заготовьте материалы для того, чтоб по прибытии я мог немедленно приступить к постройке, окончить все осенью 1876 года и зимою

этого года уже жить там и работать. Летняя мастерская и коридор, к ней ведущий, должны быть из дерева, т. е. из досок.

Полагая, что место мое такого вида [2], дом неудобно построить *слева,* окном мастерской, разумеется, прямо на *N* [3]. Летняя мастерская должна быть в таком расстоянии от дома, чтобы тень с юга и юго-запада не падала на нее. Около ворот — маленькая конура для портье с супругою. Размеры мои могут быть не строго соблюдены, но приблизительно нужно их держаться, мастерская должна быть не меньше обозначенного и *чем выше, тем лучше.*

Что Вы платите за рисование на дереве? Если сможете, не обижая Васнецова и других, сэкономить мне добрую сумму от полного издания, то будет очень хорошо.

Статьи об Аткинсоне и [с] проч[ими] отзывами [4] велите списать в редакции «С. Петерб[ургских]) Ведомостей» на почтовой бумаге и пришлите мне. *Шутки в сторону* — не печатайте [5] моих писем и известий обо мне. Третьякову я, кажется, писал. На всякий случай напишу еще раз.

Кто Вам сказал, что англичане или английские власти любезно меня принимают [6] — только что двери не показывают, за небольшими исключениями.

«I am very sorry» [7] мне уж просто опротивело.

Я писал Вам недавно, что посланы Вам 4 ящика; из них один *с этюдами.* Сделайте все возможное для скорейшего их получения и вскрытия — боюсь, не покрылись ли они плесенью. Посланы ящики конторою Nicol et C⁰ [8] в Бомбее через экспедитора *Pollack* в Триесте. Пожалуйста, берегите их; остальные вещи тоже не мешает пересмотреть — это разный хлам, старые костюмы и проч[ее] [9].

Снаружи дома никаких украшений, ибо таковые стоят очень дорого. Над окном отнюдь не делать навеса ни русского, ни шведского, ни прусского, а то свет испортится.

[В. Верещагин]

18. В. В. СТАСОВ — В. В. ВЕРЕЩАГИНУ

Париж, 19/31 авг[уста 18]75

Василий Васильевич, я живу здесь, в Париже, уже более месяца и напрасно все время ждал уведомления в ответ на мое давнишнее письмо [1]. Ничего не получал, хотя по расчету мне казалось, времени было довольно, чтобы моему письму

давным-давно прийти к Вам и чтоб ответу от Вас воротиться в Европу. Может быть, я и в самом деле неправ в своих расчетах, и иначе не могло состояться. Так ли, сяк ли, но предосадно, что так много времени утекло, когда бы я, может быть, успел бы кое-что устроить, а между тем теперь я должен уже ехать в Россию, ничего не сделав. Только вчера мои переслали из Петербурга Ваше *первое* письмо о мастерской, посланное в Публ[ичную] библиотеку, сегодня — второе [2], посланное ко мне на квартиру в Надеждинскую. Что же теперь выходит? *Жерома* — давным-давно в Париже нет, с самого начала лета; он еще в июне уехал из Буживаля, со своей всегдашней дачи, в *Ponts-l'Evêque* [3], а оттуда проехал в *Vézoul* [4], и *оттуда* воротится не раньше октября конца, а может, и позже. *Лорч* — тоже следует здешней общей моде, тоже укатил куда-то на воды; его теперь нет здесь, как нет вообще всего Парижа, испарившегося в деревни, на охоты, на воды и т. д. Просто *никого* теперь здесь нет, а я нуждаюсь видеться с разными личностями по делам библиотечным и моим собственным, — просто никого нет, хоть шаром покати! Оно отчасти извинительно и понятно, потому что вот до самых сих пор стояли здесь такие страшные жары — кажется, вроде Ваших, индийских, — что, конечно, каждому только одна постоянно и лезет мысль в голову: как бы поскорее убраться отсюда вон и улепетнуть в тень. Таким образом, у меня не было под руками ни людей, ни планов, ни сведений, ни (особенно) никакого извещения от Вас самих, а когда наконец оно пришло, было уже поздно, кроме всего остального, и для меня самого, человека не свободного, служащего, обязанного явиться назад в Петербург *в срок*. Вы не можете вообразить, как меня бесит та несчастная случайность, вследствие которой *более года* (!!) пролежали в Бомбее, на почте, без всякого движения и пользы, планы и рисунки мастерской, посланные к Вам Гейнсом еще в мае или июне 1874 года (?!!!?!). Или хоть бы рисунки, посланные весной нынешнего года мною самим, пришли бы к Вам во-время, и я бы тоже во-время получил о них ответ. А то нет, эти проклятые громадные расстояния все портят и путают. Однако же нечего слишком долго жаловаться и нюнить — лучше поскорее за дело. И я Вам поскорее сообщаю, *чем* именно все это поправится: сюда, в Париж, едут нынче осенью двое наших пенсионеров, архитекторов: Парланд [5] и Ропет [6], получившие большие золотые медали. Оба парни отличные, превосходные, чрезвычайно талантливые и оба сильные по русскому стилю, особенно *Ропет*. По новому уставу Академии, они оба после золотой медали пробыли в России 2 года на практических работах, и вот

теперь едут сюда, усовершенствоваться. Так вот на них обоих или которого-нибудь из них я рассчитываю насчет постройки Вашей мастерской. Я *должен* уехать отсюда дня через 2—3 и поговорю о Ваших желаниях и назначениях с обоими, а между тем спишусь с Жеромом и с Лорчем. А постройки здесь производятся (как Вы, конечно, знаете) даже всю зиму, так что, может быть, дело и поспеет к лету; а если нет, то будет итти и доканчиваться при Ваших собственных глазах. Не знаю почему, но постройка этой мастерской, кажется, сильно занимает *Боголюбова*[7] (которого я сильно недолюбливаю за его придворное прихвостничанье и притворное *меценатство* и *доброжелательство* молодым художникам, пенсионерам). Бог его знает почему, но он расспрашивал меня про эту мастерскую, про ее местоположение, а когда я сказал, что не знаю, где куплено Вами место, он сказал: «Я, впрочем, знаю! Это в Ecouen[8]!» К *моему удивлению*, он сказал мне также, что великий с Вами приятель и что бывал у Вас в Петербурге в последний Ваш приезд, именно когда Вы скрывали от всех себя и свою квартиру — а именно, что Вы тогда жили у Демута[9] в гостинице, и там он с Вами вместе завтракал. Я говорю, что слышал все это, к своему *удивлению,* потому что никак не подозревал интимности между Вами и фальшивым и фарисейским притворщиком, как Богол[юбов]. При этом я должен признаться, что терпеть не могу всю его живопись: настоящего таланта, поэтичности и светлого взгляда я не нахожу там. Ну, да чорт с ним. Мне он был до крайности неприятен и во время нашего свидания у *Репина,* а потом у него самого в квартире, куда он, можно сказать, почти силой затащил меня, показывал свои и чужие картины и говорил, что я *хорошо* сделаю, если как-нибудь в печати скажу про затеваемый им маленький национальный музей, куда он дарит все, все, что у него теперь есть: и картины, и скульптуры, и разные шкафы, и канделябры, и средневековую разную посуду etc. Положим, идея-то хорошая, чтоб частные люди начали заводить на разных пунктах России маленькие музеи — это даже чудесно, это народно, это современно, но ведь у Боголюбова это чисто из *чванства* и *славолюбия*! Ну да в сторону его, мне надо еще многое другое сказать Вам. Завтра же еду в русское посольство и постараюсь устроить там Ваше дело насчет присылки прямо сюда Ваших ящиков с вещами. Тотчас же напишу Вам о результатах. Но если б мой ответ почему-нибудь замедлился (конечно, независимо от моей воли), а Вам пора была бы уже послать — посылайте прямо сюда на имя здешнего *русского генерального консула* и только напишите несколько слов, чтоб предварить его. Впрочем,

надеюсь скоро сообщить Вам что-нибудь более точное и обстоятельное. Я виделся с *Templier,* который очень доволен высланными ему деревяшками с рисунками Васнецова: мне выдано им 2750 франков, которые следует отдать (покуда Гейнсу), так как он до сих пор выдал в течение года около 600 рубл[ей] сер[ебром] Васнецову из своих собственных денег. *Templier* никак не соглашается платить более 200 и 250 франков за страницу рисунков, основываясь на собственноручном письме Вашем, которое он мне показывал и где Вы соглашаетесь на эту плату. Поэтому после безнадежного моего спора с ним об этом предмете я просто не хотел брать от него *никаких* денег и сказал — пусть он лично с Вами порешит этот вопрос, а мы с деньгами подождем хоть еще год и будем пока уплачивать из своих Васнецову. Но этого ему сильно не захотелось, и мы кончили наконец на том, что я деньги эти взял, но подписал на счете, что это расчет *временный, не окончательный,* впредь до рассмотрения денежных дел самим г. Верещагиным. Я, кажется, уже писал Вам прежде, что для *первой главы* текста гейнсовского нам нехватало многих рисунков — киргизских, хотя мы употребили все, что только было у Вас киргизского. Нельзя же было оставлять слишком много страниц вовсе без рисунков — и тогда мы *принуждены* были пустить в ход несколько рисунков, взятых с фотографий большого кауфмановского альбома [10] Туркестана, и даже несколько (3—4) рисунка самого Васнецова, составленных частью по фотографиям, частью по рассказам и тексту Гейнса. Эти рисунки вышли прекрасные (так как Васнецов истинно талантлив, особенно же, всего более, для всего *степного* и *дикого*), но Templier немного на это жаловался, говорил, что ему для его журнала и публики нужно *Ваше* имя и *Ваши* рисунки, а не чьи-нибудь другие. Несмотря на это, он принужден был со мною согласиться, когда я ему объяснил нашу «крайность»: таким образом, мы и постановили окончательно, что лишь в самых неизбежных случаях я буду присылать рисунки, сочиненные Васнецовым. Награвированы вообще все деревяшки прекрасно, особенно изящны вышли: Ваш «Орел» и «Олень» в Алатауских горах [11] и некоторые из киргизских типов. Надо еще сказать, что *Templier* до крайности хвалит *живописность, мастерство,* и даже *поэтичность текста* Гейнса, говорит, что все это будет необыкновенно интересно для европейской публики, но говорит, что был немного удивлен, читая текст: «Я был до сих пор убежден, — говорит он, — что путешествие будет собственно *самого* Верещагина и, главное, будут его картины и рисунки; текст же только будет служить *иллюстрацией.* А теперь выходит, что

текст — совершенно самостоятельное путешествие, вовсе не Верещагина, так что текст и картины только случайно соприкасаются, а не сделаны один для другого!» Но это была только его заметка — в сущности же, повторяю, он необыкновенно доволен и рисунками и текстом. Если бы почему-нибудь Ваша мастерская не была бы готова к Вашему приезду сюда, Вы легко найдете здесь *временную* большую мастерскую для себя. Теперь на Boulevard de Clichy [12], недалеко от Place Blanche [13], настроили огромных мастерских для найма — *почти* таких же огромных, какие бывали у главных профессоров в нашей Академии. Кстати, Маковский [14] (фат, хлыщ и порядочный шарлатан) нанял одну из таких мастерских, развесил и расставил там всю свою огромную коллекцию этюдов из Каира, Египта, валяет, во весь дух, очень эффектные, но пустые свои картины и затевает *большую, даже громадную,* где может, по сюжету, сойтись с Вами; это вот что: целая толпа фанатиков-мусульман лежит на земле рядком, как мостовая из бревен, и по этой мостовой едет главный мулла из Мекки на священном коне [15]. Пожалуй, у Вас будет что-нибудь подобное с Вашим *Яггернаутом* [16]. Верно, Вы не минуете этого сюжета? Только приеду в Петербург, справлю все мелкие и крупные Ваши поручения (напр[имер], Аткинсон А. С.) и тотчас буду писать Вам, — но зачем же Вы-то так редко пишете и даже не уведомили: получаете ли «Голос» с 1 мая или июня (не помню) и дошли ли посланные мною сапоги. Прощайте.

«С.-П[етер]бургские Ведомости» опять сделались не *министерским,* хорошим и честным журналом, и мы *все* туда возвращаемся. Подлое министерство уже от него отступилось, и можно опять быть независимым и порядочным (до некоторой степени) [....].

[*В. Стасов*]

19. В. В. СТАСОВ — В. В. ВЕРЕЩАГИНУ

Париж, среда, 20 авг[уста]/1 сент[ября 18]75

Сейчас был в русском посольстве. Посла (кн[язя] Орлова) нет вовсе в Париже, после недавней смерти жены он уехал во Флоренцию, все секретари посольства тоже расползлись во все стороны. Итак, я принужден был говорить только с *генеральным консулом* Донауровым [1], чиновником очень хорошим, и дельным, и любезным (даже!). Он говорит,

что, пожалуй, я могу прямо адресоваться к Орлову (который воротится сюда месяца через 2), и тот, будучи любезным господином, пожалуй, согласится и даст *приказание*. Но дело в том, что это ни к чему не поведет: у них при посольстве нет ровно никакого помещения, так что даже [когда] здесь была в последний раз наша императрица, ее ящики простояли все время на дворе, и дождь их пробил *насквозь*!!! Каково? Вот какая участь предстояла бы и Вашим вещам! — А потому он советует Вам: прямо отправлять ящики в Париж на имя *экспедитора посольства* (4, Rue Scribe, Paris, Expéditeur de l'ambassadeur Impérial de Russie[2]) (а этот уже будет хлопотать о ящиках, как о «зенице ока». А Вы только напишите в то же время мне в Петербург и, пожалуй, *Донаурову* (Захару Петровичу) в Hôtel[3] русского посольства (Rue de Grenelle, 79)[4].

[*В. Стасов*]

20. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

Dehli/Дели, 8/20 октября [1875][1]

Templier совершенно справедлив, когда не хочет принимать других рисунков, кроме моих, — об этом никогда не было речи ни с ним, ни с Вами, ни с Гейнсом. Последний безцеремонен и просто дерзок: как он смел так распоряжаться моими рисунками. У меня никогда не было в уме иллюстрировать его путешествие, а напротив: так как моя работа была готова раньше его, то ему следовало придерживаться рисунков. Я настоятельно прошу Вас не помещать вместе с моими рисунками *ни одного* чужого, будь то с фотографий или сочинений Васнецова, талант которого я искренно уважаю, но вторгаться которому, как и всякому другому, в мою область не дозволяю. Я взбешен развязностью Гейнса. Он слушал меня как Гейнс, а распорядился как офицер генерального штаба, каковым ему суждено остаться всю жизнь. Потрудитесь написать Гейнсу, что если хоть один рисунок *не мой* будет помещен в собрании моих, то я также нарушаю мое обещание и *отказываю в праве печатать мои* рисунки — как честный человек — исполню это. Я не думаю, чтобы Парланд (которого хорошо с лучшей стороны знаю) или Ропет были практичны настолько, чтобы построить образцовую мастерскую; *они будут учиться на ней*, и боюсь, что мне от этого не поздоровится (русский стиль, кажется, придется *по боку*, и лишняя трата и помеха, как, на-

Полагая вид

N место мое так

вид, домъ надобно

постройте съ тыла, окномъ

мастерской разумеется (прямо) на N

Летняя мастерская домомъ

Летнею и зимою разсчитать

отъ дому, чтобы тень съ

юга и югозапада не падали

на нее. Около воротъ

маленькая конура для портье

съ супругою. Размеры, мои

могутъ быть не строго соблюдены,

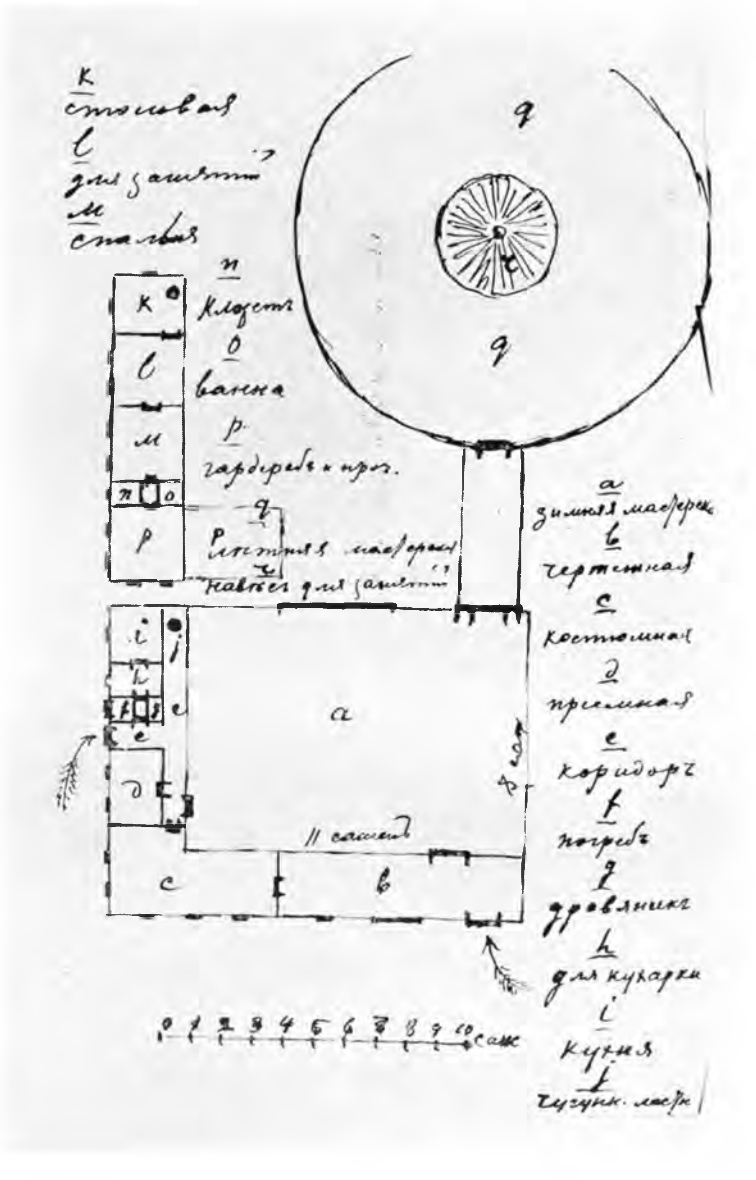
но приблизительно нужно поддержать,

мастерская должна быть не

меньше обозначенного и чемъ

выше темъ лучше.

Страница письма В. В. Верещагина к В. В. Стасову.
11/23 июля 1875

Страница письма В. В. Верещагина к В. В. Стасову 11/23 июля 1875

План мастерской

пр[имер], в окне и проч[ем].) Если можно поспеть построить мастерскую к *маю,* то начните постройку сейчас, списавшись с архитектором Жерома. Если нет, то не лучше ли подождать моего приезда в *апреле,* а может быть, и в *марте,* покамест же заготовить все материалы. Тут выгоды те, что сам все укажу и расскажу. В особенности это важно для летней мастерской, так как она несколько выходит из ряда принятых построек. При найме мастерской меня всегда коробит соседство. Но так как к моему приезду во всяком случае мастерская вряд ли поспеет, то найма, должно быть, не избежать, как это ни горько; хотя все-таки в дом, где Маковский, никак не пойду (между нами).

«Голос» я получаю; *соперничества* Маковского не боюсь: Яггернаута у меня не будет.

Потрудитесь попросить Templier, чтобы в двух словах предисловия или примечания от редакции оговорил, что я предполагал издать мое собственное путешествие, ибо вел аккуратный дневник, но по нездоровью частью, частью же по недосужеству эта мысль оставлена — отсюда настоящая комбинация: текст Гейнса и мои рисунки. Скажите, что я только забыл и давно уже хотел сказать ему об этом; настаиваю-де на том, чтобы это было исполнено *крепко.* Примите 250 ф[ранков], если таково условие. Но Вы не пишете мне, сколько Вы даете Васнецову; без нужды не идите *дальше половины;* помните, что в Париже такой рисовальщик, как Баяр, нарисует за 100 фр[анков] любой рисунок.

В случае, если видите, что Васнецов очень нуждается в деньгах (между нами), тогда прибавьте. Мне также, откровенно говоря, денег понадобится пропасть, — уж и не придумаю, откуда их добыть.

Надеюсь обойтись без Яггернаута, ибо складываются, частью сложились уже в голове картины или ряд картин, лично для меня одного интересные; об том, будут ли они интересны и для других, я не забочусь — наплевать. Чувствую себя совершенно на ногах и без заботы о насущном хлебе. Какое кому дело, из-за чего делает Боголюбов хорошее дело, — лишь бы делал; до сих пор еще не найдено рычага, равносильного Славолюбию, да и требуется ли? Он силен и благодарен. Я такой же приятель Боголюбову, как и Вы, т. е. так же поддаюсь его затаскиваниям и так же не люблю его холопства крепко и проч[ее]. Он был у меня вскоре по моем приезде, еще в гостинице, выпросили вместе с Гуном картинку для передвижной выставки, да кстати польстил Гуну, уверяя, что тот может быть сколько угодно и когда угодно, что этому 50-летнему жениху было на руку.

Я имени не называл наших общих знакомых в Париже, чтобы ему не говорили, где я покупаю землю.

Templier я напишу. Помните, что с ним на всякий случай надобно быть вострым.

К моим рисункам ни одного чужого ни с фотографий, ни чьей-либо композиции; ничего другого никогда не имел в виду и, наверно, иначе не дозволю распорядиться г-ну Гейнсу, как бы ему ни понадобились разные *сценки*. Бойтесь (откровенно) вкуса Гейнса, он чисто *мещанский* и в искусстве — как свинья в апельсинах.

Все Ваши письма мне доставлены, раньше или позже, но писем Гейнса, ни с планами, ни без планов, по самым тщательным розыскам не найдено, ни одного — понимайте как знаете.

[*В. Верещагин*]

21. В. В. СТАСОВ — В. В. ВЕРЕЩАГИНУ

С.-П[етер]б[ург], Надежд[инская], д[ом] Трофимова, 8/20 окт[ября 18]75

Вы перестанете сердиться на меня за долгое молчание, Василий Васильевич, когда узнаете причины, от которых оно произошло. *Во-первых,* хотя нынешнее путешествие мое за границу было во многих отношениях лучшим и приятнейшим из всех моих путешествий [1], но вместе и самым несчастным: я привез назад *сердцебиение!!!* Оно началось у меня в Париже как раз в день моих именин, 15 июля, без малейшей причины, продолжалось потом в Париже, и [в] Лондоне, и в Riesengebirge [2], где я был у своих, возобновляется теперь и здесь. Положим, что оно еще не совершенно сильно, еще в 1-м стадиуме, но согласитесь, что утешительного тут мало. Ведь я знаю, что сердцебиение не вылечивается и спуска не даст. Еще немного лет, и меня не будет!! Вот как я был прав, говоря при прощании, что, может быть, мы с Вами более не увидимся — а Вы еще не верили и смеялись надо мной! Впрочем, что ж надоедать толками о моих болезнях — у Вас, может быть, есть и свои, и с Вас их довольно. Так ли, сяк ли, но Вы легко поймете, что с перспективой недалекого конца впереди мало будешь расположен писать и даже разговаривать. Прежняя энергия иной раз тает как воск! — Вторая моя причина была та, что все не мог разыскать Вашего бывшего архитектора *Купинского,* и только теперь, по возвращении Владимира Жемч[ужникова] из путешествия по Мариинской системе с его мини-

стром (Посьетом [3]), сыскал и увидал его, сообщил ему Ваши замечания и заставил сделать новый проект, по Вашим наброскам. Посылаю Вам новый *план* и *фасад*, но признаюсь, столько же недоволен им, как и сам архитектор (который прилагает здесь записку к Вам — ее я, конечно, не читал). Купинский рассказывал мне, что Вы поставили его своим последним письмом ко мне в совершенный тупик: «как же (говорит он), сначала Вас[илий] Вас[ильевич] требовал от меня проекта в *русском* стиле, ожидал, что смотреть на эту *русскую* мастерскую или дом будет сбегаться весь Париж, а теперь хочет, чтоб дом был нарисован ни в каком стиле — ни в *русском,* ни *прусском,* ни *шведском.* Какой же это дом без стиля? Сарай!!! Это то же, что требовать, чтоб нарисовали лицо без ушей, без носа, без рта и глаз, а только с какими-нибудь дырами для обоняния, слуха и еды. На такой дом никакой Париж не сбежится, а разве будут указывать пальцами!!!... и т. д. Мне кажется, это все сущая правда. Что касается до издержек, то они мне кажутся громадны! По *здешним* ценам — приблизительно 35 000 [рублей] серебр[ом]. Положим, в Париже все будет гораздо дешевле, но пусть дом обойдется там (с архитектором) в 70—80 000 франков, даже 50 или 60 — ведь это ужасно дорого!! А можно ли иначе, когда вышиною он будет в $5^1/_2$ сажен, с кровлею в $7^1/_2$ — в Зимнем дворце [4], всего 10 сажен вышины. Впрочем, денежный вопрос — не мое дело, Вам лучше знать, что годится или не годится для Вас. Приступить же к каким бы то ни было *заготовкам* материала в Париже я, конечно, не имел никакой возможности. Я не говорю уже о времени (я готов был бы, чтоб сделать Вам удовольствие, даже нарочно остаться в Париже подольше, хотя мне уже очень и очень пора была ворочаться в Петербург, на службу) — но что же я мог заготавливать, когда ни планы, ни фасады не были даже установлены и утверждены! Выстроить подобный домик в Париже можно — как мне говорят — в 2-3 месяца. Значит, теперь все будет зависеть от Вас самих. Решайте скорее, и тогда можно вступить в переговоры с французским архитектором, рекомендованным мне от нашего известного писателя, *Ив[ана] Серг[еевича] Тургенева.* Это: M-r Poitrineau, Rue de Clichy, № 58 [5]; по словам Тургенева, это человек хороший и честный, основательный практик-строитель (хотя мало художник); он строил Тургеневу загородный его дом в Буживале. Если вы пожелаете, я начну переговоры с ним, пошлю ему копию с плана и фасадов (прежних или теперешнего — как Вы захотите), и в начале 1876-го г[ода] можно будет начать постройку, к лету будет готово. Сверх того, повторяю: нынче зиму будут в Париже, вероятно, и некоторые из молодых рус-

ских архитекторов: они могут присмотреть. Должен ли при этом всем играть какую-нибудь роль *Лорч* — не знаю, но надо было бы, чтоб Вы это определили. Ведь мне ничего не известно насчет всей бумажной и документальной стороны дела. Но не лучше ли всего было бы, может быть, если б все это произошло при Вас? Было бы и скорее и вернее. А впрочем, как знаете. Был недавно здесь *Лев Жемчужн*[*иков*] [6] и рассказывал мне, что Вы требуете высылки себе пашпорта. Это меня удивило: я был убежден, что после моих просьб и напоминаний Гейнс давно уже, как обещал, добыл этот пашпорт от Кауфмана (который был летом здесь) и отослал к Вам. Видно, он забыл и это, как сто других вещей; значит, мне надо будет этим заняться, и я обещаюсь добыть и отослать Вам в Бомбей, или куда Вы скажете, пашпорт еще заблаговременно. Я не посажу Вас на мель. Теперь перехожу к Вашим ящикам. Из моей ответной телеграммы Вы уже давно, конечно, знаете, что все прибыло сюда в лучшем виде: только ящик с костюмами немножко промок в одном месте, да и то капельку, ничто не пострадало внутри. Что касается до *этюдов,* то они в полной исправности, лишь иные холстики сделались *волнами*, от перемены температуры, но чтоб это поправить, стоило только переставить иные гвоздики, прикреплявшие их к доске. Из числа живописи на дереве всего только одна или две доски дали капельные, почти незаметные трещины, а одна дощечка (*индианка* с серьгой в носу, в касто[во]м покрывале на зеленом фоне) дала трещину по толщине дерева, значит не касаясь живописи — точнее сказать, *отклеился* угол одной из 3 пластинок, из которых составлена каждая доска. Вот и все изъяны. Я *сам* ездил в таможню, *сам* привез все ящики на дом, куда *выпросил* себе таможенного чиновника для освидетельствования (так что от Бомбея и до здешней квартиры никто ничего не трогал); живопись же раскрывал и осматривал при пособии лучшего здешнего реставратора (человека вполне знающего, *скромного* и мне очень преданного). Итак, все произошло в порядке, и охраняется тщательно и заботливо. Все костюмы развешены *мною* и проветриваются постоянно. Гейнс (пропадающий из Петербурга 3-й месяц — он в отпуску) переехал уже давно из казенного дома, но все Ваши туркест[анские] костюмы и проч[ее], а также большая картина («Перевал» [7]), скатанная и в ящике, хранятся в *хорошем* сарае в казенном доме Путей сообщения. При первой возможности я развешу и проветрю также и эти костюмы. Только воротится Гейнс, допрошу его обо многом и потребую многих отчетов и ответов. Между прочим, в последний раз постараюсь добыть у него продолжение текста для издания: вообразите, в $1^1/_2$ года

всеми правдами и неправдами мне удалось вырвать у него текст всего листа $1^{1}/_{2}$ печатных. Что до остального — все только обещает и ничего не исполняет, хоть убей! Templier просто в отчаянии — я тоже!!! В заключение скажу Вам, что Ваши новые этюды — чудо и прелесть!!! Виртуозность удивительная работы. Но что-то будут картины? Подождем. Я до сих пор ровно ничего не знаю: получили ли Вы «Голос» и посылку ботинок? Вот тоже аккуратный человек!! Пишите же скорее. И нужно — да и пора, кажется. Про здешний художественный мир просто писать тошно: либо бездарщина, либо дураки, либо пролазы и подлецы. Из живописцев один *Репин* составляет исключение, но он в Париже.

9 окт[ября 18]75, утро

Я сейчас получил письмо от Лорча из Парижа, и он мне пишет, что к 1 декабря нынешнего года надо послать в Париж следующую сумму за купленную Вами землю:

за капитал	6666	фр[анков]	65 сант[имов]
процентов	1666	„	65 „
Всего	8333	фр[анка]	30 сант[имов]

Хотя Вы мне не давали полномочия на эту именно уплату, но я считаю, что хорошо сделаю, распорядившись немедленно же, для того чтоб опять не было остановки и неприятностей, как в прошлый раз. И я вот что предприму: дождусь возвращения *Гейнса* (который, по словам его камердинера, должен быть *на-днях*) и попрошу его послать эти деньги к 1 декабря (нов. ст.). Если же он, может быть, откажется и скажет, что у него в настоящую минуту нет денег, то я попрошу о том же *Третьякова* (которого теперь, пока, тоже нет в Москве: он на короткое время уехал в Крым). Но при этом Вы опять потеряете на учете, как и в последний раз: ведь сроки приходятся 1 мая каждого года, следовательно, понятно, что, требуя денег многими месяцами раньше, потеряешь порядочный куш. Если Вы пожелаете что-нибудь во всем этом изменить, *телеграфируйте*: письмо не *поспеет*.

[*В. Стасов*]

22. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

Dehli, 16/28 октября [1875] г.

Я уже писал Вам, Владимир Васильевич, что не дозволяю помещать мои рисунки вместе с чьими бы ни было, в той же

книге. Хотя я уже известил об этом Templier, но прошу и Вас соответственно распорядиться, а именно уже изготовленные и имеющие изготовиться рисунки с фотографий или композиций Васнецова *исключить*. Удивляюсь, как Вы позволили это Гейнсу и как Templier, знающий мое мнение на этот счет, не воспротивился. Потрудитесь заявить Templier, что переводы [2] на иностранные языки принадлежат не ему. Если же он этому воспротивится, то, по крайней [мере], русский язык удержите за собою. Я просил Вас и прошу еще прислать масляную краску *кармин* в 2-х или 3-х трубочках — очень нужно и здесь не достать. Письма из Питера от Вас еще не получил. Где мои этюды? Хорошо ли помещены? (Никому их не показывайте.) Думаю скоро послать еще. Думаете ли Вы, что можно строить мастерскую без меня? Если Вы хорошо поняли, что я хочу, так *валяйте*. Важно было бы, кабы успеть к моему приезду в мае построить, чтобы можно было приткнуться туда и не искать наемной мастерской. Если успеть построить нельзя, то, по крайней мере, заготовьте все материалы к апрелю, ибо в этом случае приеду месяцем раньше. Прилагаю еще чертежик того, что хочу где поставить, как расположить [3].

Может быть вся история левее, но так, чтобы тени от деревьев не *падали в летнюю мастерскую* и не заслоняли солнца. Вот Вы так уж ленивы писать — на 3 моих письма отвечаете одним и еще хвалитесь аккуратностью. Коли что нужно спешно, — телеграфируйте. Через месяц уеду в Агру.

[*В. Верещагин*]

23. В. В. СТАСОВ — В. В. ВЕРЕЩАГИНУ

С.-П[етер]б[ург], Публ[ичная]б[иблиоте]ка,
11/23 ноября [18]75

Только я получил, Василий Васильевич, Ваше письмо из Дели от 8/20 окт[ября], сейчас же принялся работать. Повидался поскорее с Гейнсом, переговорил с ним и послал к *Templier* письмо с просьбой приостановить печатание, если оно начато, и ни под каким видом не выпускать ни одного листа с какими бы то ни было рисунками, кроме Ваших. Итак, Ваше желание исполнено, и машина остановлена, но теперь спрашивается: что дальше? Как и чему быть? *Гейнс* сам пишет Вам нынче же, и, что он там объяснит, не знаю. Но тоже и я должен написать Вам мои соображения. Вы

подумайте только: ведь сколько было хлопот, работ, наконец, и затрат — и все это должно пойти на ветер?!! *Templier* вручил мне (считая по 200 франков за страницу, provisoirement[1] впредь до Ваших личных соображений и расчетов) — *2750 франков;* да, сверх того, не знаю, сколько он заплатил своим граверам да переводчику своему текста Гейнса с русского на французский язык — неужели все это так и должно пропасть задаром или пасть на кого-нибудь одного, на Гашетта или на Гейнса? Вы можете, конечно, сказать: ничего не знаю и знать не хочу, я никого не просил посылать к *Templier* васнецовских рисунков и гравировать их. Но тогда бы я ответил: а я так знаю, кто виноват во всем этом сумбуре и бестолковщине! Главные виноватые (и виноватые совершенно поровну) — Вы и Гейнс, а потом виноват также Templier, хотя в меньшей мере. Когда, перед Вашим отъездом, Вы мне поручали смотреть за изданием этим, мне *ровно никто ничего* не сказал об условиях Ваших с Гейнсом и с Templier и как рисунки должны будут согласоваться с текстом. Меня просто Вы просили наблюдать за работой Васнецова, а сюжеты рисунков даст, дескать, сам *Гейнс,* который все знает, как чему быть. Я и стал исполнять то, что мне было поручено, и исполнять как можно лучше. А мог ли я вообразить себе, что у Вас с Гейнсом ничего не было никогда говорено о тексте, или, по крайней мере, что Вы не слыхали и не видали текста *Гейнса,* давным-давно готового вчерне и составляющего целый огромный том; мог ли я представить себе, что вот как *налегке,* просто *наудалую,* устраиваются такие важные дела, как издание двумя человеками текста и рисунков путешествия! Признаюсь, теперь, когда я узнал, как это все было неосновательно, *поверхностно* затеяно, я не могу довольно надивиться двум этим взрослым людям! И конечно, ни за что не впутался бы в это дело!!! Но так ли, сяк ли, дело тогда пошло, Гейнс стал нам (т. е. мне с *Васнецовым*) указывать, какие рисунки надо делать с фотографий Кауфмана, какие с Ваших киргизских типов (так как вначале дело шло натурально о киргизах), — я мог только записывать список. Не мог же я отгадать, что не было так условлено между Вами двумя заранее. Но оказалось, что для начала путешествия нехватает множества рисунков, тогда как у Templier рисунки должны быть, по принятой программе, почти на каждой странице. Что ж тут прикажете делать, что предпринять с текстом, который, по-моему, по крайней мере, понятию, давным-давно был *апробирован* и *утвержден* Вами самими. Конечно, ничего не оставалось, как вставлять недостающее из фотографий и пополнять сочине-

ниями Васнецова. Этого захотел Гейнс (это естественно) — так дело и пошло после первых удачных проб. Но считая Вас и Гейнса одинаково виноватыми в самой сущности дела, в корню, я нахожу затем, что отчасти виноват тоже и Templier. Как же это он молчал чуть не целый год, или по крайней мере более $^1/_2$ года, получал рисунки Васнецова, хвалил их и ни разу *не протестовал,* до самых тех пор, пока я увидел его лично в Париже и имел с ним объяснение! Значит, не приезжай я летом в Париж, он и до сих пор молчал бы и, пожалуй, напечатал бы несколько livraisons и текста и рисунков, какие мы посылали! Вот это бы история вышла! А все отчего? Оттого, что главные действующие лица ни об чем не поговорили и не условились порядком! Однако теперь надо смотреть не назад, а вперед, надо принимать поскорее меры к поправлению дела. *Гейнс* сегодня или завтра Вам пишет, и я надеюсь из этого выйдет наконец порядок и благоустройство, дело наладится. По-моему, необходимо будет Гейнсу написать теперь только «пояснительный текст» к Вашим рисункам, а что касается до его *путешествия,* то это сочинение (как очень живое и талантливое) должно выйти когда-нибудь впоследствии отдельно, с рисунками или без рисунков. Но сильно опасаюсь я, что, пожалуй, это последнее издание не состоится: Гейнс до того ленив и распущен, до того тяжел на подъем при каждой работе письменной, что мне кажется, скорее сдвинуть гору с места, чем заставить его приняться за перо. Я так было радовался, что мне удалось наконец — в $1^1/_2$ года — вытянуть из него целых 2 главы, очень интересных и живописных (по-моему, это было бы одно из лучших русских путешествий); теперь же все это прекращается, и при своей непобедимой лени к письму, конечно, он и в 100 лет не соберется написать в другой раз хоть строчку. — Вот это *одно* дело. Теперь другое, не менее мне неприятное. Я разумею дело с Лорчем. В последнем своем письме (кажется, от 8 октября) я писал Вам, что еще в Париже Лорч говорил мне летом, что к 1 декабря нужно будет уплатить около 8000 франков за место, и в октябре напомнил мне это письмом. Сначала Гейнса не было в Петербурге, он ездил в Нижний-Новгород и, кажется, Оренбург; когда же он воротился, я ему показал письмо *Лорча.* Гейнс сказал, что готов послать деньги хоть сейчас, но ему кажется странным, что надо в нынешнем году вторым разом посылать 8000 фр[анков], тогда как условлено было по разу в год. (В доказательство он мне показал письмо Лорча.) Сверх того, что ему была, еще в прошлом году, очень странная телеграмма Лорча, которою тот просил высылки

25 000 франков, независимо от прошлогодних 8000 фр[анков]. Поэтому он и просил меня (при своей ненависти к письмам) попросить от Лорча хоть какого-нибудь объяснения и общего счета всего заплаченного и незаплаченного, с поименованием всех подробностей, в том числе казенных пошлин, комиссий. Я исполнил это в самых учтивых и даже почтительных формах, как только можно. И что же? Лорч обиделся и рассердился (разумеется, не на меня, а на Гейнса) и грозится писать Вам что-то вроде жалобы что ли за то, дескать, [что] его как будто «подозревают» в чем-то. Между тем никакого подозрения не было с нашей стороны, а просто желание разъяснить непонятное. Лорч в своем сердитом письме говорит теперь, что в прошлом году надо было произвести не *одну* уплату, а *две,* потому что выговорено было, что при подписании контракта надо внести 8000 фр[анков] (с чем-то), да еще тысячи $2^1/_2$ франков процентов и пошлин, всего $10^1/_2$ тысяч фр[анков] (с франками), и на эту уплату пошли деньги, посланные Гейнсом в прошлом лете еще. А на декабрьскую уплату прошлого года пошли деньги, посланные, по Вашему желанию, Третьяковым в начале нынешнего года. Значит, теперь надо платить за *нынешний* год. Вот теперь все просто и понятно, и наконец я что-нибудь знаю начисто, а то, прошу покорно. Как я мог что-нибудь знать, когда опять-таки до сих пор никто мне ничего не объяснял!! Но все-таки я опять не понимаю (хотя уже больше не стану допрашивать Лорча), отчего это, по его словам, ему нужно было летом прошлого года заплатить $10^1/_2$ тысяч франков, а он удовольствовался *восемью?* Не понимаю!! Что касается 25 000 фр[анков], просимых в прошлом году по телеграмме, Лорч объясняет мне теперь, что он их просил для того, что хотел избавить Вас зараз от многих процентов, и что об этом в свое время писал Гейнсу. А тот возражает, что никакого *письма* о 25 000 не получал, а только телеграмму, и потому ничего на нее не отвечал тогда: он не понимал причины требования этих 25 000, и притом удивлялся такому требованию странному, вопреки условию и контракту продажи. Но так ли, сяк ли, дело это улажено, и 1-го декабря *Лорч* получает 8333 фр[анка], распоряжение сделано; а все остальное — бабьи сплетни и вздор, о которых не стоит говорить. Вот два главных дела. Теперь перейду к остальным. Не знаю, что именно напишет Вам теперь Гейнс, но я надеюсь, что его письмо и Ваша собственная справедливость приведут в порядок все Ваши отношения с ним. Хотя все это не мое дело, но после всего, что Вы мне писали до сих пор, я считаю себя вправе тоже сказать, что я думаю. *Гейнс* ни-

чего дурного Вам не сделал, и с самого Вашего отъезда не произошло ровно *ни одного факта*, за который можно было бы винить его в чем-нибудь серьезном, а еще *накануне* Вашего отъезда Вы говорили мне о нем в самых лучших выражениях, и сказали, что если о нем что худо и говорят, то это все вздор и *Вы ничему не верите*. Что такое худое, я и до сих пор не знаю, потому что никто ничего не мог мне рассказать. Итак, со стороны Гейнса ровно ничего нового не произошло, что ж за притча такая Ваш поворот, антипатия и даже какое-то преследование? Я Гейнса вовсе не знаю, а потому не берусь о нем судить и говорить о нем *за* или *против*. Но все-таки как посторонний свидетель скажу, что Ваш поворот в отношении к нему мне кажется непостижимым, необъяснимым. Мне кажется также, что главное обвинение состоит в том, зачем он долго не писал Вам? Но в этом обвинять кого бы то ни было всего менее права имеете Вы, Вы, который сами по целым годам не пишете ни слова (как мне жаловался много раз письменно и словесно Templier); даже и меня, не взирая на дела и поручения, Вы оставляли по полугодам и больше без *малейшего* известия. Уедете куда-то вдаль, даже не сообщите адреса, — а там делай что хочешь, а ведь иной раз как нужно!! *Итак*, ненаписание писем со стороны [Гейнса] еще никак не может быть поставлено ему в особую вину. Что же остается после этого? Я уж и не знаю. Каков он был прежде, таков и остался. Ничего нового не произошло, ни на единую иоту, и он точно так же отзывается о Вас и готов все сделать, как в первый день, когда Вы его познакомили со мной, в Публ[ичной] библиотеке. А между тем без всяких каких бы то ни было новых фактов и событий, Вы вдруг начинаете поступать с ним, как с врагом, требуете у него бумаги, вещи, костюмы и проч[ее], словно у какого-нибудь уличенного вора!!! Не знаю, можно ли похвалить это? И я особенно сердит на Льва Жемч[ужникова], который мой старинный приятель, славный, хороший человек, но тут поступил точно какой-нибудь фельдфебель или городовой, а не как порядочный джентльмен. И я его крепко за то ругал, и письменно и словесно. Мало ли что может притти в голову рассерженному и нервному человеку (напр[имер], Вам), — неужели мы обязаны исполнять, как какой-нибудь часовой — бессмысленный, всякие требования, всякий каприз, всякую фантазию? Боже меня сохрани! Ни за что на свете!! Я согласен скорее, чтобы меня изрубили в мелкие куски, замесили в тесто и выбросили собакам на съедение. И я *мерзкого* поступка Льва Жемч[ужникова] никогда не забуду и не прощу. Без всяких дальнейших околич-

ностей, он написал что-то вроде *ордера*, сухого и шершавого, Гейнсу, чтоб он послал туда-то и туда-то Ваши бумаги и вещи. Это что еще такое? И на что это похоже? Что бы Вы сказали, если б кто-нибудь прислал Вам такой дерзкий ордер?! Нет, нет, так поступать с другими — бесчеловечно и непростительно[2]. Не сердитесь на меня за все это, я бешусь на такие поступки, может быть, потому, что и сам нездоров и мое усиливающееся *сердцебиение* делает меня все более и более нервным и раздражительным. Только бы мне дожить до того, когда Вы сюда вернетесь, и вместо сплетен, кляуз и всякой мелкоты и мерзости я увижу Ваши талантливые вещи, и услышу снова Вашу речь, смелую, прямую, честную, великодушную, — услышу мысль, летящую вперед, к великим и светлым горизонтам искусства. А что здесь делается в художественном мире? Все гаже и гаже становится! Около Исеева и старого профессорского хлама группируется целая масса новых молодых пройдох и бездарностей (во главе их *Якоби* — ожидается сюда же Семирадский. *Крамской,* в полуотчаянии, бросает Россию и едет на Восток и Запад. Но ведь он еще только полуталант, *Ге* тоже (вышедший вон из Совета); но счастье, что ничто скверное и мутное не коснулось двух лучших наших талантов: *Антокольского* и особенно *Репина*. Вот-то истинный талант и могучая светлая голова!! Обоих Вы увидите в Париже. Ваши эскизы или этюды все в порядке, кроме *двух*, да и тут изъянцы не очень-то важные. По словам *Сидорова*[3] (реставратора), предпринимать ничего не надо до Вашего возвращения. — На днях Гейнс посылает Вам полный отчет о всех Ваших деньгах.

Не позабудьте, пожалуйста, сказать: получили ли Вы *ботинки*, еще летом Вам посланные? 2) Надо ли в 1876 г[оду] опять посылать Вам «Голос»?

[*В. Стасов*]

24. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

Агра, [15]27 ноября [1875][1]

Не увлекайтесь сравнениями, Владимир Васильевич, ибо они могут завести Вас дальше, чем Вы желаете; уж если можно сравнить *стиль* дома с чем-либо в человеке, так разве с типом его, а не с ушами, глазами и проч. И поэтому постройка дома без отличительного стиля выйдет похожа на рисование *человека без типа* (что-нибудь вроде меня, на

$^{3}/_{4}$ русского, на $^{1}/_{4}$ татарина [2]), а никак не без *носа*, без *ушей*, *глаз* и т. д. Это чепуха, которую сочинил Купинский, а Вы поддержали. Окно мастерской положительно не вяжется с русским стилем, по крайней мере в проекте Купинского; кроме того, навес над окном заслоняет свет (что очень важно). Наконец, крыша безобразно увеличивает цену. Вероятно, я уменьшу размеры, и тогда дом не будет стоить дороже 40—50 тысяч франков. Проект (последний) положительно мне не нравится, разумеется, снаружи, ибо внутри Купинский изменил лишь немногое против моего, и то, я нахожу, изменил к худшему, так, напр[имер], уменьшил чертежную, в которой должны помещаться те же полотна, что и в мастерской.

Вы много меня обяжете, если спросите у Лорча, в каком положении счет мой с продавцом земли. Именно Вы, неделовой человек, надежнее — делового, хотя бы, напр[имер], Лорча, который прямо *в противность несколько раз положительно высказываемому мною желанию* оговорил в продажном условии лишь половину суммы, т. е. не 50, а 25 000 фр[анков] в видах, изволите видеть, сохранения мне лишнего взноса в казну. Я говорил, что лучше плачу несколько тысяч франков лишних, но веду дело чисто — нет, меня не послушались и сделали что-то вроде преднамеренной плутни, которая в случае недоразумений с продавцом, я боюсь, может быть мне вредна. Очевидно, тут соблюдались выгоды не только мои, но и еще чьи-то.

Деньги послать, разумеется, надо — Лев Михайлович Жемчужников имеет их теперь. Гейнс обещал при продаже выговорить мне право занять у покупателя картин, в случае нужды, 10 000 за проценты. Спросите у него, сделал ли он это и могу ли я года через 2 обратиться с таковою просьбою к Третьякову. Чего Вы так перетрусили: с сердцебиением люди живут десятки лет. У кого нет такого горя? Я так плох здоровьем, что ни работать, ни читать, в особенности, не могу без вреда для здоровья, и все-таки живу да еще и работаю; уж коли петь себе раньше времени панихиду, так будем вдвоем, вместе. Сегодня еду на 2 дня в Джейпур приготовить место для занятий. Из Агры надобно утекать к времени приезда принца Уэльского [3], а то, чего доброго, замажут известкою вместе со всеми домами, да и бока намнут на радостях. Скоро пошлю Вам еще ящик с этюдами. Их надобно *наклеить на негрунтованное полотно и натянуть на подрамки.* Если можете сделать это хорошо, т[о] е[сть] так, чтобы не было *отклеек, пузырей* и проч[ее], то возьмите на себя этот труд, много этим меня обяжете. Только наклейщик

должен быть *первого сорта* и начать нужно с набросков, т. е. малоценных этюдов, дабы не перепортить некоторых из лучших, как это сделали мне в Мюнхене, где взялся за дело неумеющий и отказался только тогда, когда увидел, что краска стала *лупиться*. Нужно дать наклейщику хорошую комнату (отнюдь не давайте на дом!). В случае коли хорошего мастера этого дела нет, то лучше оставить этюды в том виде, как они теперь.

Значит, решено, что до моего приезда Вы не начнете строить мастерскую. Архитектор Ваш строил ли *мастерские?* Ведь это особая наука. Жером потому и рекомендует своего архитектора, что он строил много мастерских, между прочим, и его собственную. Сколько мне кажется, для большого окна очень идет стиль Дворца дожей [4] в Венеции. Разумеется, тут мыслимо только лишь дальнее сходство и то в виду лишь слабости некоторых людей к стилю или стилям. [...] Между прочим, наши хоровые, хороводные песни удивительно схожи с теми, которые с еще большим диссонансом выпеваются здешними дамами, в деревнях, *и впрочем, прощайте*. Ботинки не получены.

Пожалуйста, передайте мой поклон Купинскому. Напишу ему в скором времени.

[*В. Верещагин*]

25. В. В. СТАСОВ — В. В. ВЕРЕЩАГИНУ

С.-П[етер]б[ург], Надежд[инская], дом № 9,
27 ноября [18]75

Василий Васильевич, после Вашего письма [1], полученного несколько дней тому назад, я не писал Вам до сегодня потому, что *нечего* было, и я ожидал ответов из Парижа. Они теперь оба пришли: 1) Лорч уведомляет, что получил через контору Гинцбурга [2] (и в надлежащее время) 8333 франка, т. е. взнос суммы и процентов за нынешний год: эти деньги, по моему приглашению, послал к нему Гейнс. 2) *Templier* пишет мне, что, получив Вашу телеграмму и письмо, он был приведен в крайнее недоумение, во-первых, *повелительным тоном* («je Vous défends» [3]), а во-вторых, тем, что Вы ему запрещаете в *одной книге* печатать Ваши рисунки и чужие рисунки. Templier ничего тут не понял и вообразил себе, что Ваше желание в том состоит, чтоб в самом деле не печатать ничьих рисунков, при других даже путешествиях. Поэтому он и поспешил отве-

тить Вам, что они не согласны и готовы отказаться от всего условия. Только уж после получения моего письма он увидал, что все это *qui pro quo, malentendu* [4], происшедшее от крайней неточности Ваших выражений. Я не знаю, что Вы будете вообще отвечать и ему и мне и на какую меру Вы согласитесь, но Templier (после того, как теперь невольное недоразумение разъяснилось) предлагает, как и я, остановиться на чем-нибудь одном из двух: 1) либо уничтожить все сделанное до сих пор, и тогда надо ему заплатить траты за гравюру, перевод и рисунки, т. е. более 3000 франков, пожалуй, около 4500, 2) либо сделать два издания: одно с Вашими только рисунками и особым для того текстом; другое с рисунками *Васнецова* и полным текстом *Гейнса* (так, чтоб сюда пошли все награвированные до сих пор рисунки, фотографии и сочинения Васнецова). Но так как рисунки этого последнего натурально он ценит несравненно ниже Ваших, то предлагает за страницу его рисунков по 100 франков. Теперь, что-то Вы на это скажете? А между тем все ждут Ваших ответов о мастерской, без чего нечего и думать о заказах материалов. В художественном мире же у нас идет *отвратительно.* Подробности до следующих писем или до личного свидания. С одной стороны, деспотизм и насилие, в связи с художественным тупым консерватизмом, с другой — лизок з[......] профессорам, Совету, и т. д., тупость и глупость.

Ваш В. С[тасов]

Три трубочки кармина Беггров послал на днях чрез Юл. Поллака в Агру, Кину.

26. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

10/22 декабря [1875] [1]

Если Ваш знакомый реставратор не согласится наклеить этюды (на подрамок с неприготовленным холстом), то выпишите мастера этого дела из Берлина или Дрездена (дорога туда и назад ему будет стоить 40—50 руб[лей], да от 50 до 100 руб[лей] за работу и тех этюдов, что у Вас, и тех, что теперь пошлю — вот и все) и прикажите работать на дому у Вас или в другом месте. Я пошлю Вам через 2 недели еще коллекцию этюдов также с просьбою наклеить. В особенности нужно быть осторожным при наклейке тех этюдов, в которых краски наложены толстым слоем;

этот толстый слой краски *не должен быть придавлен к полотну.* Начать можно с маленьких набросков, чтобы в случае порчи не об чем было сожалеть.

Сапоги не пришли; я уверен, что здешние туземные чиновники украли их, то, пожалуйста, начните через почтовый департамент строгое расследование и уведомите об этом Postmaster [2] в Бомбее, — ведь это просто скандал. Посланный мне из Парижа ящик полгода тому назад тоже не пришел! Значит, мастерская будет строиться при мне, на том и порешили.

Здоровье мое все еще не хорошо, и думаю, не поправится раньше приезда в Европу.

Этюды не показывайте никому.

[*В. Верещагин*]

27. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

Футтипор-Сикри,
14/26 декабря [1875] [1]

При наклейке этюдов важно иметь хороший *клей;* клейстер, который малоопытные люди употребляют, обыкновенно дает после пузыри, что очень трудно поправить. Как я писал Вам в последнем письме, самое практичное (по моему мнению) будет выписать хорошего мастера этого дела (реставратора или нечто вроде этого) из Берлина или Дрездена — за деньги почему бы ему не поехать. Этюды пошлю опять через *Pollack* в Триесте. Не забудьте, что в случае моей нечаянной смерти Вы должны моими деньгами обеспечить *мою жену* — давно собирался написать Вам об этом, да все забывал.

В. Верещагин

28. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

Футтипор-Сикри,
15/27 декабря [1875] [1]

Милостивый государь
Владимир Васильевич.

Ваше последнее письмо [2] так резко и даже грубо, что я не ответил бы на него вовсе, если бы не желал опровергнуть Ваши обвинения, представляющие истинный сумбур и бес-

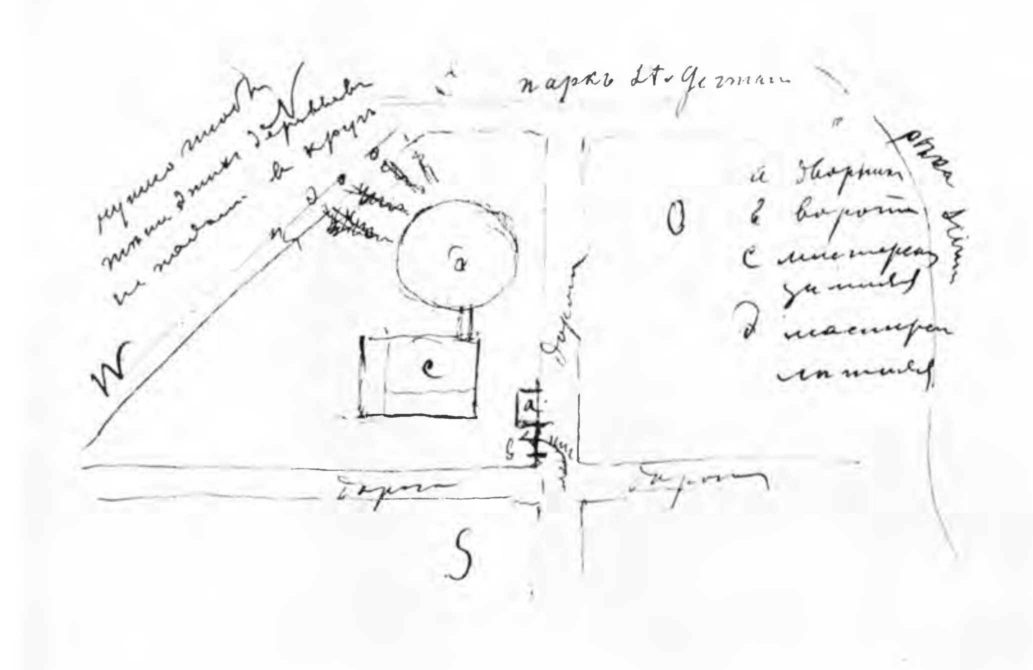
толковщину — благо Вы уже обратили ко мне эти милые выражения. Даже если бы то, что Вы пишете, была правда, то и тогда Вы не имели бы права так дерзко обращаться ко мне.

Да, я никого, никогда не просил поручать Васнецову или какому-либо другому художнику составлять для этого издания рисунки в добавок к моим. *Да,* у меня было говорено и переговорено с Гейнсом об этом, что «Tour du monde» издает мои рисунки с его текстом или его текст с моими рисунками, что одно и то же, — но при этом, ни мною, ни им ни слова не было сказано об включении туда рисунков других художников — уверяю Вас снова в этом честью моею, хотя и уверен, что Вы все-таки усумнитесь.

Да, я просил Вас наблюсти за исполнением моих рисунков на дереве (Васнецовым или другими — все равно), но об том, чтобы поручать ему, т. е. Васнецову, составлять новые рисунки — не заикался.

Да, я предлагал Вам следовать указаниям Гейнса на то, которые из моих картин и рисунков должны быть исполнены, но ни словом не упоминал о том, что он может сочинять новые рисунки в помощь к моим. *Да,* у Гейнса есть *том,* но не текста, а материалов для него — это его дневник; такой дневник есть у меня за время всего моего путешествия, и если бы его можно было издать, без трудной и хлопотливой обработки, то я, разумеется, предпочел бы издать мой текст с моими рисунками. Какой же после этого текст был мною *апробирован* и утвержден? И, утверждая такие небывальщины, Вы чуть не обличаете меня во лжи, запирательстве и проч[ем]. Я готов заплатить из тех небольших денег, что у меня остались, все, что следует *Templier,* чтобы только развязаться с этим делом, в котором все тяготит меня, начиная с Ваших жалоб, в каждом письме на то, что Вы впутались в это дело. Уж конечно, если бы и я знал, что Вы когда-нибудь позволите себе так беззастенчиво распекать меня, да еще за разные небывальщины, то не позволил бы себе Вас беспокоить. *Мерзости* Жемчужников не сделал никакой [3]; так как Вам известно, что я просил его, и просил настойчиво так поступить, то мерзость эту сделал я, а не он, на меня пусть и падает Ваше *непрощение.*

Что касается Вашего намерения дать себя изрубить и бросить псам, то лучше было бы Вам так далеко не заходить — ведь это каз[н]юшка распутных женщин, и то на Востоке только, значит в России такое самопожертвование не у места. Гейнса половина его знакомых считает *вором* — вот чему я предлагал не верить, так как об этом было за-

Страница письма В. В. Верещагина к В. В. Стасову. 16/28 октября 1875

Константинович. Сидят тут, вертятся с квартальны-
ми и городовыми — и сам ни с места! Что
тут станешь делать? — Я слышал на днях,
что у Вас есть теперь начатая картина:
„Русскіе, замерзнувшіе на Шипке." Если это
правда, исполать Вам! И я думаю, что Вы-бы
справились с этим грозным сюжетом как
никто!!! По выраженію, для меня лучшая Ваша
картина — „Отцы-командиры" и это самое назло
для многих лучших наших художников. Но не сколько
выше и глубже было-бы „Замерзшіе"!!!
На днях Третьяков писал мне по делу (ответ
на одно мое письмо) — и говорит, что Ваши
индійскіе этюды — „выше всяких похвал."
Я думаю, что то же самое скажут все
понимающіе, когда начнется Ваша выставка в
Париже. Желаю и надеюсь ей крепкого успеха.

Страница письма В. В. Стасова к В. В. Верещагину 22 ноября 1878

явлено в печати; любить и уважать его, более или менее, я никогда не переставал, но переменил мои к нему отношения по причинам, о которых Вам сообщал[4]; если письмо мое не дошло до Вас или, если Вы опять мне не поверили, вина не моя, повторять не буду, ибо чем короче будут все эти объяснения, тем лучше. Утверждаю затем, что на каждое Ваше письмо придется не менее двух моих, следовательно, если *дела* и поручения терпят, то не совсем по моей вине, кое-что тут и расстояние. Впрочем, я почтительно извиняюсь перед Вами в тех страшных беспокойствах, которые Вам причинил этими делами и поручениями, и постараюсь впредь избегнуть этого. Пожалуйста, все мои просьбы, адресованные к Вам в прошедших письмах, считайте недействительными, несуществующими. Этюды, второй ящик, не пошлю Вам, потому что передумал — лучше сам отвезу. Затем попрошу Вас написать мне, если Вам угодно доставить мне это истинное удовольствие, *помягче,* в противном случае — совсем лучше не пишите. Вы пишете мне об Вашем аневризме; позвольте же и мне Вам сказать, что письмо Ваше, так безалаберно резкое, совершенно взбудоражило меня и уничтожило, я боюсь, покой и лечение целого месяца.

Свидетельствую Вам мое искреннее уважение.

В. Верещагин

Ботинки я не получил. «Голос» посылать не нужно.

Репина я не имею удовольствия знать, а потому и «могучесть его светлой головы», по меньшей мере, непонятна мне.

Если Вы ничего против этого не имеете, покажите это письмо Гейнсу.

29. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

Футтипор-Сикри,
[19/]31 декабря [1875][1]

Что больше читаю Ваше письмо, то больше дивлюсь Вашей смелости. Вы просто-напросто вините меня в «сплетнях, кляузах, всякой мелкоте и мерзости». Да у Вас там, Вас самих включая, нет ни одного человека, который был бы менее замешан в сплетнях, кляузах и проч[ем], чем я. С кем у меня сплетни? На кого я кляузничаю? На Гейнса, что ли? Я покончил с ним старые недомолвки, что давно пора было сделать, и если говорил Вам об этом, так для того, чтобы

Вы исполнили мою просьбу — относительно его, осмысленно, а не как «фельдфебель или часовой», а уж никак не для того, чтобы дать Вам право изливать на меня Ваше бешенство, как Вы сами выражаетесь. Мало ли что мне в Вас не нравится, мало ли что, какие недостатки и, кажется, не призрачные промахи я высмотрел в Вас — никогда себе не позволю так грубо распекать Вас, как Вы меня, да еще понапрасну.

Либо Вы левой ногой ступили в тот день, как писали, либо муха какая-нибудь [2] укусила Вас.

В. Верещагин

1876

30. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

Агра, 2/14 января [1876][1]

Владимир Васильевич!

Я получил Ваше письмо от 27 ноября. Не имею ничего нового сказать Вам по поводу издания и предполагаемых Вами изменений в нем; ибо я стоял, стою и буду стоять на том, с чего не думал сходить, а именно на *издании моих рисунков с текстом* Гейнса. Никаких посторонних добавок к моим рисункам не допускаю, как, вероятно, не допустит и Гейнс добавлять и разрыхлять свой дневник, даже людям, более его знакомым с краем, а тем менее компиляторам с чужих источников. Его путешествие так же неполно, как и мои очерки, но это, повторяю, не резон для добавок и вставок к его тексту другими.

Вы, сами пищущий, если не ошибаюсь, книгу об искусстве или искусствах, верно, не допустите чужой руки в Ваше сочинение, как бы она ни была искусна, а тем более если она ничего не знает и не видела дальше своего гнезда. Templier я уведомлю, что мало надежды получить с меня 4000 фр[анков], если дело не пойдет, так как, принявши чужие рисунки, он тем самым *нарушил наше условие.* Так как[2] я просил Вас *присмотреть за исполнением моих рисунков* — *только,* то, без сомнения, и Вы виноваты. Я не говорил Вам этого прежде для того, чтобы Вы не подумали, что желаю взвалить на Вас денежную ответственность; теперь же, когда дело, вероятно, направилось уже вперед или назад, говорю это без запинки. Затем, так как с Гейнсом я оговорил дело обстоятельно и ничего поверхностного тут не было, в противность Вашему уверению, то я считаю себя совершенно не виноватым в происшедшем *сумбуре.* Не понимаю, какие деньги послал в Париж Гейнс, если он сдал мои Жемчужникову. Впрочем, он еще не выписал употребления денег, и потому я не могу ничего сказать.

В. Верещагин

Академические сплетни и дрязги меня интересуют весьма мало[3].

31. В. В. СТАСОВ — В. В. ВЕРЕЩАГИНУ

С.-П[етер]б[ург], Надеждинская, № 9,
14/26 янв[аря 18]76

Я получил 2 Ваших письма, Василий Васильевич, одно от 27 ноября (Агра), другое от 10/22 декабря прошлого года (кажется, тоже из Агры), на расстоянии очень немногих дней, а так как нужно сделать некоторые распоряжения и получить ответы, то вот Вам и причина моего небольшого замедления, как Вы сейчас увидите, *невольного*. Теперь спешу ответить на все Ваши вопросы. Насчет реставратора можете быть *совершенно* покойны: наш эрмитажный реставратор [1] — превосходный, можно сказать, европейская знаменитость, и он тут совершал *не раз* такие подвиги, что просто удивляться только надо. Теперь долго рассказывать, как и что, но довольно будет привести Вам для примера, что он перевел множество эрмитажных картин с дерева и с медных досок на дерево — и всегда превосходно. А одну знаменитую картину Рафаэля (купленную сюда за 125 000 р[ублей] сер[ебром]), он при моих глазах должен был *выпилить* из большой доски — и совершил превосходно. Что он самым оригинальным манером наклеит на подрамники все Ваши холсты — в этом я не сомневаюсь, и буду присутствовать сам при всех операциях этих. Лорчу деньги, им назначенные, давным-давно посланы, Вы, конечно, это знаете уже. Что касается *отчета*, которого Вы пожелали, я написал ему как можно помягче и просил его, чтоб он или прямо отписал к Вам, через *Кина*, либо прислал мне, для передачи Вам. Он помолчал-помолчал (и тем только заставил меня потерять *много* времени), а теперь на этих днях написал мне, что написал уже Вам сам. Ну, и слава богу!! Только досадно, зачем так много времени теряется!

Что касается займа в 10 000, то это дело вполне улаженное, но опять со странными проволочками. Первым делом я написал об этом *Гейнсу* (которого то в городе нет, то нельзя застать дома) — и он так долго ни слова мне не отвечал, что я был убежден в его каком-нибудь отъезде или путешествии. Между тем приехал сюда Третьяков, по-всегдашнему тотчас побывал у меня и на мой вопрос по этому делу сказал, что при продаже Ваших картин ему об этом займе говорили (только он не помнит кто: Гейнс или Дм. Боткин), и он как тогда, так и теперь нисколько не отказывается и готов, если Вы пожелаете, дать Вам 10 000 рубл[ей], но, конечно, надо говорить об этом основательно, со всеми по-

дробностями. Итак, это дело конченное. A propos de[2] *Лев Жемчужников.* Что за странный малый! Человек он превосходный, что об этом и говорить, и я его люблю и уважаю столько же времени, сколько знаю. Но только нелюбовь к письмам и затягиванье ответов превосходят всякую меру терпенья. Но представьте себе только это: лишь теперь, от *Третьякова,* я услыхал, что он еще осенью получил все Ваши деньги от Третьякова, а мне ни гу-гу!! Ну скажите, что это за порядок? Неужели ему трудно было бы сказать мне, черкнуть хоть единое слово? В случае расходов, надо же мне знать, откуда брать деньги? Ну, да уж если человек не любит до такой степени писать — что же делать! Будем как-нибудь так или сяк справляться, не слишком надоедая и приставая к нему. Насчет неприсылки к Вам ящика с ботинками я тотчас же написал *Поллаку* в Триест — и что же! Он до сих пор ни слова ответа не присылает!!! Чудеса да и только! Завтра напишу ему снова. Со здешнего почтамта мне предпринимать нечего: ведь ящик до Поллака дошел аккуратно, о чем он меня и уведомил, а равно и о дальнейшей отправке, а мы ему послали деньги, за отправку (11 рублей); значит, теперь *он* только может навести справку в Европе или Индии,— но никак [не] у нас в России. Русский почтамт сделал свое дело исправно. — Прилагаю при сем *копию* с официальной французской бумаги, которую Остен-Сакен[3] просил меня переслать Вам. Это дело пустейшей *формалистики,* и потому я было думал вовсе ее не посылать к Вам (труда не стоит, ну, да так как Остен-Сакен просил, то я исполняю его желание). Дело в том, что собственник (бывший) Вашей земли, Дюваль, кому-то уступил одну свою порцию уплаты (будущей) от Вас — другому кому-то, верно нужны были деньги: вместо 6500 фр[анков] он получил 6000 — вот и все. Об этой сделке французские власти и сообщают через наше посольство и министерство иностранных дел — *к сведению.* Оригинал же будет храниться у Остен-Сакена до Вашего приезда сюда. Купинскому я передал все Ваши слова и кланялся от Вашего имени.[....]. Мы ведь так мало еще успели обо всем обменять мысли — и при всем том, мне показалось, что светлости и меткости взгляда у Вас много. Значит, хотелось бы мало ли о чем потолковать с Вами (а может быть, и поспорить). Теперь скажу Вам 2 слова и про самого себя: я, конечно, хожу, езжу, работаю. Боткин[4] меня обнадеживает и дает лекарство, — но я-то сам собою мало доволен. Стал очень раздражителен и невынослив, так что поминутно должен сдерживать себя, чтоб не надоедать другим, а сердце

болит да болит, особливо очень часто по ночам. Впрочем, что же!! Я все-таки надеюсь увидеться еще с Вами и провести много хорошего времени, и увидать еще много Ваших отличных вещей. Жду известий от вас.

В. С[тасов]

В последнее время у меня поминутно все тревоги и неприятности всякого рода — а это вовсе не так-то полезно для моей болезни, которая прежде всего требует *спокойствия.* В январе умер граф Корф,[5] мой начальник; человек, которого, несмотря на разные недостатки и слабости, я *глубоко* любил и ценил в течение 20 лет! Это был тоже для меня удар. Мне теперь 52 года, и каждая утрата слишком болезненно на мне отзывается. Ну, да скоро и сам, вероятно, кончу.

P. S.[6] Забыл Вам еще сказать, что *Беггров* все приготовил для издания Ваших вещей в Лондоне. Он обещался надням показать мне английский перевод текста, для проверки и поправки.

32. В. В. СТАСОВ — В. В. ВЕРЕЩАГИНУ

С.-П[етер]б[ург], Надежд[инская], № 9,
22 янв[аря 18]76

Василий Васильевич, мне приходится сегодня отвечать на *три* последние Ваши письма. Они до того не похожи одно на другое, словно три разных человека писали их мне. Значит, их не надо смешивать и, по-моему, отвечать на них тоже надо порознь, ни на единую секунду [не] смешивая ни их, ни того чувства, которое каждое из них во мне производило.

В *первом,* 14/26 декабря, писано к хорошему знакомому, почти интимному человеку, одному из самых близких. И этот человек повторяет еще раз, что если бы Вы нашли нужным послать сюда транспорт картин или вообще дать какое хотите поручение, он сделает все *как только может:* хорошо, аккуратно и тщательно, и Ваше дело не пострадает. Что же касается до «обеспечения Вашей жены» в случае Вашей преждевременной кончины Вашими же средствами, то я отвечаю, что для меня нет ни малейшего вероятия пережить Вас, но если бы это чудо случилось, чудо

и несчастие для меня невообразимое, то я сделал бы уже все, что только было бы в моей власти, и так хорошо, как был бы способен. В этом Вам невозможно сомневаться.

Второе Ваше письмо, от 15/27 декабря было такого содержания, что я было решился вовсе *не отвечать на него ни слова.* Не то, чтобы меня оскорбил или обидел его тон, и его насмешки, и его шпильки (наприм[ер], сравнение с «распутными женщинами», подтрунивание над моими словами о Репине или такие выражения, как: *сумбур, бестолковщина, дерзость, безалаберная резкость,* позволили себе и т. д.) — все это не имеет для меня ровно никакого значения, и для меня уже, быть может, лет 30, ровно ничего не значат принятые *предрассудки* и так называемые «бранные слова», «обиды», «оскорбления». Я уже давно считаю все это совершенными пустяками и праздными привычками барства. Меня ни оскорбить, ни обидеть ничем подобным нельзя — мне помнится, я даже рассказывал Вам это лично, в прошлом году в Петербурге. Итак, не вследствие чего-нибудь подобного я хотел было вовсе Вам не отвечать, а вследствие того, что мне казалось, что мы слишком расходимся в самых коренных и важных взглядах наших, а поэтому нам делать вместе — нечего. Оказывалось, что я для Вас вовсе не гожусь и человек Вам вовсе неподходящий — а Вы мне; значит, самое лучшее: немедленно же нам быть врозь; объяснений и оправданий я тоже никогда никому не даю — значит, о чем же писать. Главный мой упрек Вам состоял в том, что Вы предоставляете себе (как и *следует* всякому человеку нынче) полную свободу мысли и слова в отношении к другим, кто только немного хотя развит и рассуждает. Но при этом не хотите давать точно такой же свободы мысли и слова другим. А подобной монополии я не признаю. Я предоставляю другим (т. е. порядочным, по-моему, людям) высказывать мне *что* и *как* угодно и никогда не буду за это в обиде, но требую и для себя точно такого же неограниченного права. Всякие другие отношения в теперешнее время кажутся мне уже непригодными. Только была бы во всем этом чистота души и искреннее убеждение в том, что я думаю. И в прошлом году, при личном свидании, мне казалось, что у Вас точь-в-точь такой же символ веры. Вот поэтому-то я и думал махнуть на все рукой и ни слова не отвечать: думайте, дескать, про меня что хотите и как хотите, а я в сторону уйду и замкнусь опять в свою раковину. Но, признаюсь, меня *одно* теперь заставляет прервать молчание и снова писать к

Вам: это, что в эти почти 2 года я сильно привязался к Вам и полюбил Вас (чего мне это скрывать!). Ваша прямая, энергичная, смелая, чистая натура пленяла и притягивала. Разве можно так-то легко отвертываться! Итак, вот снова пишу к Вам, и скажу, что ни в чем я Вас не подозреваю: ни в кляузах, ни сплетнях, ни вообще в чем бы то ни было худом и нечистом. Ни единой секунды я не думал и не писал про Вас дурно и ровно ни в чем не обвинял: что я написал, касалось вовсе *не Вас,* а всяких негодяев, пошляков, подлецов и мерзавцев, с которыми мне пришлось это время иметь дело. Пусть Вы были бы здесь — и на каждое слово свое, на каждое название могли бы подставить по имени и по фамилии. С какой стати Вы вздумали взять все это на себя и на меня накинуться — не постигаю. Что же касается до издания в «Tour du monde», то ведь ни единой страницы не напечатано и не вышло в свет, Вас же наперед обо всем спросили, а теперь все остановлено, отложено в сторону и устроено, так что Вы совершенно ни при чем тут — об чем же еще тут толковать, о чем тут нам царапать друг другу глаза и вырывать клочья волос?

Третье письмо Ваше от 19/31 дек[абря] прошлого года пришло только вчера утром. Это письмо писано к человеку не совсем чуждому, но опять толкует о *кляузах, сплетнях* и проч[ее], будто бы относящихся к *Вам,* — а это чистая небывальщина, для которой нет никакого повода. Говорится тут еще про мои недостатки и про то, что Вам во мне не нравится. Ну, тут уже я помочь не могу. Каков я есть, таким и буду. Переменяться поздно. Если я кому-нибудь на что-нибудь годен или чем-нибудь приятен, — ну и слава богу. А нет, так нет. Кто желает меня, пусть берет, каков я есть. И тут уже объясняться и оправдываться мне не приходится, а тоже стеснять себя в том, что я нахожу и думаю про все встречающееся на пути, я и не могу и не намерен. К чему эти галантерейные белые перчатки? Ведь это было бы общественное ипокритство!

В. С[тасов]

Если я жаловался, то не на *поручения* от Вас (от которых я никогда никому не отказывался), а на то, что вместо тех чистых, художественных отношений с Вами, которые были бы мне всего дороже, мне приходилось наполнять письма отчетами о всяких кляузах, мерзостях и дрянях (хотя вовсе не *от Вас* идущих, как Вам бог знает почему представилось). Спрашиваю, кто был бы этому рад? И я не должен сметь даже заикаться, что, дескать, мерзко то, что мерзко!!!

Чудеса да и только, и я Вас не узнал. Мне всегда казалось, что Вы даже в 100 раз более меня защитник всякой свободы каждого человека.

33. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

[25 февраля/] 8 марта [1876][1]

Мои туркестанские работы, плод 4—5-летних трудов, составляют, как хотите, нечто целое, моим именем подписанное, хотя и далеко не полное (это я первый говорю). Видя эту неполноту, Гейнс, а за ним и Вы решили, что для поправления дела всего короче и лучше пригласить постороннего добавить недостающее, и недостающее не по характеру всего моего труда, а по прихоти и надобности пишущего, текст которого также далеко не полон и который, следовательно, в свою очередь должен быть исправлен кем-либо и т. д. Как Вы, человек *творящий* и жаловавшийся на слишком легкомысленные исправления газетной редакцией Ваших работ, могли так легкомысленно поступить с моим трудом — просто не понимаю; не говоря уже о том, что я просил Вас лишь присмотреть за исполнением рисунков на дереве и за отправкою их к Templier только. Меня не только удивила, но просто возмутила легкость, с которою Вы, извещая меня об этой перемене в художественной стороне всего издания, заметили, что к исполненным уже рисункам и впредь намерены добавлять по мере надобности! Повторяю: согласитесь ли Вы допустить людей посторонних, а тем более хуже Вас знающих дело, исправлять и дополнять Ваши работы? Или Вы думаете, что между Вашими работами, как писателя, и моими, как художника, есть разница! Никакой. Самое издание в моих глазах не имеет никакой цены. Вам известно, что я не задумываясь уничтожаю вовсе мои работы, тем менее я буду хлопотать о более или менее исправном появлении в свет искажения моих трудов, каковое представляют даже лучшие гравюры на дереве — буквально выеденного яйца все дело не стоит.

Уж разумеется, следовательно, не по моей вине возбуждена вся эта переписка об издании, которую, как и все это дело, я не менее Вас желаю похерить. Гейнс в последнее время так облепился фольгой и мишурой, что очень редко проскакивает у него наружу что-либо, кроме фальши и фатовства, бывших у него всегда, но прежде совершенно заслоненных многими очень хорошими качествами. Привлекателен он попрежнему, но и по фальши своего положения и

по извратившемуся характеру (может быть, второе — последствие первого) просто невозможен для близкого знакомства с людьми, не удовлетворяющимися одними фразами. Это первый раз, что я говорю Вам о Гейнсе; то, что было писано прежде, назначалось лишь для того, чтобы Вы исполнили мою просьбу, попросили бы передать мои вещи Вам или кому-либо другому, говоря Вашими словами, не как какой-нибудь фельдфебель или часовой бессмысленный. То, что я писал, было настолько серьезно, что Вы должны были понять *осмысленность* моих слов и с тем вместе невозможность дальнейших личных сношений моих с А[лександром] Кон[стантиновичем]. Что же Вы мне ответили — объявили, что скорее согласитесь дать себя разрезать на мелкие куски и бросить псам на съедение, чем исполнить такую просьбу или такие просьбы разных *нервных господ вроде меня*. Разве я умалишенный? Затем поступок Жемчужникова, исполнившего мою настоятельную просьбу, назвали мерзостью.

Если бы вследствие этого Вы прервали знакомство со мною и переписку, то Вы были бы, по крайней мере, последовательны, а то пишете, что мы *слишком расходимся в самых коренных и важных взглядах наших, что Вы для меня, а я для Вас не годимся и вместе делать нам нечего*. Читаю и не верю: Вы ли это писали — набор слов, который может быть применен и отнесен куда угодно и к чему угодно. Даже *если б* был справедлив Ваш упрек мне (главный[2]) в том, что я не хочу давать свободы мысли и слова другим настолько, насколько позволяю это себе, то и то, порывшись хорошенько вокруг себя, Вы должны были бы допустить, что это еще не великая беда в честном человеке, и если бы приняли в расчет то, что я здесь почти один и вот уже 2 года работаю под знойным солнцем так прилежно, как наверно никто более в целой Индии, то от упрека этого ничего бы или очень мало бы осталось. В Импер[аторской] Публ[ичной] библиотеке или в доме Трофимова на Надеждинской, и тут и там все на тех же петербургских болотах, можно и должно быть терпеливее и выносливее. Но даже и этот упрек я на добрые три четверти (3/4) отвергаю; я прошу Вас только *не ругаться*, потому что, как бы честна, пряма и благонамеренна ни была брань, но я ее не выношу — без шуток. Письмо же Ваше бранно — оно у меня цело. Мое первое движение в таком случае подраться с человеком, меня выбранившим, да еще без основания, а если этого нельзя, то нагрубить ему в пять раз более, чем он мне (письмо, которое я Вам послал, было второе — пер-

вое, написанное тотчас по прочтении Вашего, изорвано). О том, как вредно действует раздражение вроде того, которое я испытал и испытываю еще теперь, нечего и говорить, потому что Вы, как болезненный человек, сами это понимаете, прибавьте только разницу в наших положениях, о какой я говорил. Ведь писать мне отчеты о разных кляузах, мерзостях и дрянях я Вас *никогда не просил,* — значит, я ли виноват, что отношения наши, письменные, не чисто художественные. Я мог испортить эти последние только тем разве, что утрудил Вас просьбой о присылке сапогов. Но, принимая во внимание 10 000[-ое] расстояние и дрянность здешнего товара, и это простительно (сапоги пришли, кстати). Что касается слов *сумбур*, бестолковщина и проч[ее], то мне странно, что Вы называете их выражениями бранными и для людей оскорбительными, — ведь это только те самые доказательства Вашей собственной сдержанности и либеральности, которые Вы послали мне и которые я Вам возвратил — не более.

Мое мнение то, что мы как *нельзя более* подходим характером и направлением нашей деятельности к житию в согласии и работе вместе (Вы, разумеется, не примете это за навязывание с моей стороны на дальнейшее знакомство), но я, как и Вы, тоже думаю, что относиться друг к другу нужно просто и без лести, но и без брани, иначе будем только раздражать друг друга, и в этом случае, разумеется, лучше прекратить и переписку нашу и знакомство. Так ли, сяк ли, во всяком случае Вы не откажете мне еще заставить кого следует выдать мне паспорт. Беда моя, что я поверил Гейнсу, который чуть не поклялся (буквально), что вышлет мне его немедля и что, следовательно, я не должен много беспокоиться. Кажется, указ мой об отставке потерян в канцелярии туркестанск[ого] генер[ал]-губернатора [3], как чиновники говорят, тем же Гейнсом, когда он был правителем этой канцелярии (вместе со множеством других бумаг), и вот благодаря этому как ни нужно мне теперь побывать в Питере, я должен миновать русскую границу. Раз уже сидел в Вержболове в кутузке (был арестован при полиции) за беспаспортность [4].

Сейчас еду из Джейпура в Агру и через 7 или 10 дней в Бомбей, откуда в Париж.

В. Верещагин

Повидайте О[стен]-Сакена, спросите о паспорте в случае надобности также графа Гейдена [5], коли он не забыл меня.

34. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

Агра, 4/16 марта [1876][1]

Попросите Ост[ен]-Сакена написать к генеральному консулу[2] в Париже, на имя которого я посылаю огромное количество ящиков. Донауров умер; боюсь, что без рекомендаций к сему новому сановнику будет много хлопот. Еду в конце месяца. Жара уже наступила, и я совсем без сил, не знаю, как доберусь до Европы. Этюдов множество, задуманного, пожалуй, еще больше, а силенки плохи — предосадно; сердит да не силен — [......] брат.

В. Верещагин

35. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

Мюнхен, [3/]15 апреля [1876][1]

На случай, если между нами нет недоразумений, пишу Вам следующее: для работы свободной в продолжение многих лет, мне, вероятно, понадобится больше денег, чем у меня есть, и более, чем те 10 000, которые были выговорены Гейнсом для займа. Вот Вы со Львом Михайловичем Жемчужниковым и выручайте меня (я писал ему об этом). Теперь, впрочем, еще капиталы есть и на постройку и на работы.

Впечатления путешествия моего начинают теперь приходить в порядок, дело только за здоровьем, временем и (может быть) деньгами. Повидайте Сергея Петровича Боткина (доктора), скажите что я очень хотел бы посоветоваться с ним в один из его неурочных часов; я нарочно приехал бы для этого в Питер.

Граф Шувалов в Питере или нет?

Пошлите мои этюды и вещи в Париж на имя генерального консула, которого Остен-Сакен должен попросить оказать мне содействие.

Напишите поскорее адрес архитектора, о котором Вы говорили. У Гейнса должно быть наше теплое платье, посланное из Одессы. Пошлите, пожалуйста, поскорее.

[*В. Верещагин*]

36. В. В. СТАСОВ — В. В. ВЕРЕЩАГИНУ

С.-П[етер]б[ург], Надеждинская, 9,
8 апр[еля 18]76

Василий Васильевич, Ваша первая телеграмма из Парижа ужасно удивила меня: несмотря на всю Вашу энергию, я все-таки никак не думал, что Вы так скоро будете назад, даже по последнему Вашему письму из Агры я все воображал, что Вы воротитесь не ранее 2—3 недель. Вчера утром я телеграфировал Вам, что отправляю *этюды* Ваши по *grande vitesse* [1] (и получил ответ Ваш вчера же вечером). Но случилось неожиданное, необъяснимое событие, вследствие которого ящик пошел по железной дороге не с *утренним*, а с *вечерним* вчерашним поездом. Ящик (адресованный, по Вашей телеграмме, на имя генерального консула в Париже) был привезен на железную дорогу, принят, свешен, записан, занумерован в книге, нам дан билет, но в последнюю минуту кассир багажей вдруг взглянул в книгу тарифа (насчет цены) и тут объявил, что этого ящика посылать нельзя, потому что с октября 1875 года вышло новое предписание, по которому никакие «objets d'art» [2] нельзя более посылать *прямо* в Париж и Бельгию, а если угодно, то через кого-нибудь знакомого или комиссионера *посредством* Берлина или Кёльна, или другого немецкого города. Причины этого распоряжения никто не знает (говорят, что это по требованию самой Франции), и что недавно заставили заплатить огромный штраф какие-то личности, думавшие обманом обойти это новое правило. Даже адресуя на имя генер[ального] консула, ничего нельзя было поделать: одно исключение было бы, если б адресовать на имя *самого посольства нашего*. Мы на этом и остановились вчера днем с Остен-Сакеном, и если бы не удалось с частной конторой, то сегодня этюды пошли бы на имя посольства, за казенными печатями, но уже в мелких нескольких ящиках (*больших* казенных посылок делать нельзя). Однакоже, по рекомендации или совету Беггрова, мы вчера все устроили с пересылочной (отличной) конторой Вольбрюка [3], и посылка наша пошла в 8 часов вечера на имя их экспедитора в Берлин, который уже оттуда перешлет немедленно Вам в Париж. Ящик зашит в клеенку, сверху в рогожу, и на нем стоят буквы: B. V. (т. е. Basile Vereschagine). Сначала было я хотел страховать, но начальник станции и другие личности там же сказали, что это совершенно лишнее. Денег надо заплатить много, а в случае несчастия все равно почти ничего не получишь. И какие деньги в состоянии были бы вознагра-

дить Вас за поездку, труды, мучения двухлетнего путешествия?!! Вчера утром, во время укладки артельщиками гостинодворской артели, я снова пересмотрел все этюды, один за другим, на прощанье, и кажется поцеловал бы их каждый: столько тут положено таланта, правды, мастерства! Так Вы, сударь, не извольте лениться и по прибытии ящика в Париж извольте тотчас уведомить меня: этюды, мол, прибыли благополучно и находятся в моих руках. По второй Вашей телеграмме отправлю Вам (завтра, вероятно) Ваши ящики с вещами, но только *индийскими*. Что же касается туркестанских ящиков (от Гейнса), уведомьте, посылать ли их теперь или подождать Вашего приезда в Петербург? Там ведь есть тоже и громадная картина «Перекочевка с гор» — не думаю, чтоб нужно было тоже и ее посылать; потом есть еще: зеркала, грелка, ружье одноствольное, шашки, 3 альбома орехового дерева, мраморы; наконец, один *металлический* ящик с вещами, а другие *деревянные* укупоренные, со списками от Гейнса. Так как же со всем этим быть: посылать теперь или после? — Остен-Сакен послал уже давно, недели $1^1/_2$, письмо к генеральному консулу (Кумани — греку), и тот окажет Вам всевозможную помощь и услуги. Если Вам нужно будет, получите от него и *пашпорт* для проезда в Россию. Указ же об отставке лежит в столе у Гейнса. Хотите, пошлю его Вам, а если не надо, то вручится он Вам здесь лично.

В. С[тасов]

О[стен]-С[акен] тоже ничего не знает о причине этого странного распоряжения, но говорит, что даст этому делу ход и будет хлопотать об изменении такого непонятного стеснения.

37. В. В. СТАСОВ – В. В. ВЕРЕЩАГИНУ

Имп[ераторская пуб[личная] библиотека.
9 апр[еля 18]76

Вчера утром я послал Вам письмо, где говорил, что *сегодня* или *завтра* посылаю Вам все Ваши индийские вещи, но вчера же утром пришло Ваше письмо из Мюнхена, от 3/15 апреля, где между прочим речь идет о необходимости экономить. Это меня и остановило с пересылкой Вам этих вещей по *grande vitesse*. Ведь это ужасно дорого будет стоить, около 220 или 240 рублей (так как клади около

40 пуд[ов]), а еще за страховку несколько десятков рублей — ведь *много* выходит. Я и рассудил лучше отложить на коротенькое время пересылку и *снова* спросить Вас, как Вы хотите и жалеть ли денег или нет? Итак, Василий Васильевич, делать или нет большую эту трату? По «petite vitesse» [1] будет стоить гораздо меньше, а что касается времени, то, быть может, Вам можно было бы несколько и подождать. Впрочем, разумеется, как хотите. Потом, я вчера решился *застраховать* Ваши этюды, несмотря на то, что они пошли по железной дороге еще третьего дня. Я Вам писал вчера, что жел[езная] дорога не страховала, но я нашел возможность застраховать в особой конторе (Вольбрюка), той, что взяла на себя пересылку Ваших этюдов через Берлин. И на это я решился не для того, чтоб Вам были выданы деньги в случае какого-либо несчастья, а чтоб было принято более осторожностей и чтоб строже смотрели за ящиком нашим. Я на всякий случай застраховал [в] 10 000 рублей (хотя очень хорошо знаю, что стоимость значительнее), и это стоило 100 рублей. Немедленным последствием было то, что, приняв на себя такую значительную страховку, контора немедленно послала своему корреспонденту новую, особую телеграмму (в Берлин), рекомендуя ему как можно более осторожности и осмотрительности. Вместе с тем корреспонденту их в Берлине написано, чтоб он *отнюдь* не задерживал ящика в Берлине и *немедленно* же отослал бы его в Париж, на имя генерального консула. Итак, через немного дней этюды будут у Вас в руках. Пожалуйста, также уведомьте о благополучной их доставке — ведь я сильно этим обеспокоен. Вы спрашиваете про Шувалова: он уехал отсюда третьего дня, т[о] е[сть] 7/19 апреля, и возвращается в Лондон. Вы спрашиваете про Боткина: на будущей неделе его свадьба, в Москве, и оттуда он уезжает, как я слышал, с женою в деревню ее и будет в разъездах между Москвой и деревней весь май и июнь, а в Петербур[г] воротится *окончательно* [— — — —] в июле. Впрочем, я послал ему письмо с вопросом о том, когда он мог бы принять Вас и *Антокольского* (который пишет мне из Рима почти точь-в-точь то самое поручение насчет Боткина, как и Вы); только получу от него ответ — сообщу Вам. Остен-Сакену я показал Вашу 2-ю телеграмму, касающуюся его: он отвечал, что он послал свое письмо (*самое убедительное*) к генеральному консулу Кумани еще 31 марта (старого стиля), значит это письмо теперь давно уже в Париже, и не требуется ничего более, ни письма, ни телеграммы. Адрес архитектора, рекомендованного мне для Вас Тургеневым, следующий:

M-r Poitrineau, rue de Clichy, 58. Впрочем, если Вам понадобится сам Тургенев (Иван Сергеевич), то вот его адрес: rue de Douai, № 50»[2]. Вы спрашиваете, сколько денег у меня осталось от 1500 рублей? Но я никаких 1500 р[ублей] ни от кого не получал, как и вообще никаких денег. Все уплаты производил либо Гейнс, либо Третьяков — через мои руки *никаких* денег не проходило. Единственное исключение: это 2750 франков, полученных мною в прошлом году (1875) летом, от *Templier,* и привезенных мною сюда, Гейнсу, в уплату за злополучные деревяшки, нарисованные Васнецовым (теперь находящимся от бедности и недостатка работы в Париже). Гейнс, как я Вам писал, не раз постоянно выплачивал *вперед* некоторую часть денег Васнецову, и, значит, эти 2750 франков должны войти в состав счетов, которые впоследствии произойдут между Вами и Гейнсом. Если издание вовсе не состоится, ни в каком виде, тогда деревяшки нарисованные и вырезанные останутся в Петербурге, за Гейнсом, а 2750 франков надо будет возвратить *Templier* вместе с другими затратами. Итак, эти 2750 франков — единственные деньги, прошедшие через мои руки. Что касается до Ваших собственных денежных дел, о которых Вы мне говорите, вместе со Львом Жемчужниковым, то я думаю, что все это устроится. *Во-первых,* еще не истрачены все деньги от Третьякова, *во-вторых,* я убежден, что Третьяков с удовольствием даст Вам взаймы не только 10 т[ысяч], но сколько угодно; он уже много раз спрашивал меня и *лично* и *письменно* о времени Вашего возвращения, и нет сомнения, что если только Вы захотите, многие из Ваших будущих картин (наверное, чудесных) могут попасть очень легко в его коллекцию.

Прощайте пока. Завтра или послезавтра снова пишу Вам. О теплом платье из Одессы передаю сегодня Гейнсу.

В. С[тасов]

38. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

[Париж, 11/23 апреля 1876][1]

В продолжение 2 лет Беггров не собрался послать *ни одного* из моих малых альбомов в Париж, а между тем было условлено, что он пошлет их. Такая неряшливость — умышленна она или неумышленна — просто непростительна. Пожалуйста, Владимир Васильевич, велите ему послать *немедлен-*

но (или лучше пошлите сами) 50 (пятьдесят) небольших альбомов сюда, в Париж, хоть на имя Громме[2], 5, cité Pigalle или на имя Лемана[3], 9, rue Duperré. Много переплетов не нужно, достаточно и бумажной обертки. Позвольте попросить Вас еще написать Ганфштенгелю[4] в Мюнхен, что я хотел бы предоставить ему право распродавать большие фотографии и коллекциями и отдельными листами, так как Беггров, очевидно, нимало не заботится о моих интересах. Выговорите у Ганфштенгеля несколько экземпляров для меня как плату художнику. Само собою, все художественные права я удерживаю за собою. Спросите *Фельтена*[5], дает ли ему Беггров достаточно альбомов обоего формата. Уезжая, я строго наказывал об этом.

Пожалуйста, пошлите альбомы сами и не слушайте Беггрова; он, как я вижу, заботится только о себе.

[*В. Верещагин*]

39. В. В. СТАСОВ — В. В. ВЕРЕЩАГИНУ

С.-П[етер]б[ург], Надеждинская, 9,
вторн[ик] 13 апр[еля 18]76, вечером

Сегодня вечером получил я, Василий Васильевич, Вашу телеграмму[1] от давешнего утра. Вещи *индийские* и *туркестанские* начну приготавливать к отправке и пошлю, только придет Ваше уведомление, что этюды получены благополучно. Если же туркестанских посылать покуда не надо — уведомьте. Вообще все это застрахую, но стоить будет *немного* — ведь только за художественные предметы берут сравнительно дороже. Остен-Сакену завтра передам Вашу благодарность. Сегодня пришел ответ от Боткина, он уезжает в Москву для свадьбы, не на этой, а на будущей неделе, но, конечно, Вы уже не поспеете теперь. Впрочем, он уведомляет меня, что приедет сюда назад, в Петербург, в последних числах *мая* или первых *июня* (стар[ого] стиля) и пробудет до конца *июля*, а потом снова уедет, и уже надолго.

Вот главное, что второпях сообщаю Вам сегодня.

В. С[*тасов*]

40. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

14/26 апреля 1876[1]

Что касается денег — Вы не поняли меня[2], Владимир Васильевич: *я хочу быть спокойным за будущее*, так как при мо-

ем неспокойном характере быть неуверенным в том, что нет нужды нищенствовать раньше или позже, значит мучиться и просто портить свое прозябание.

Скажу (лично для Вас), что впечатления мои складываются покамест в два ряда картин, в две поэмы — скажем; одна короткая (так и назову ее — «коротенькою поэмой»), другая длинная, в 20 или 30 колоссальных картин. (Притом у меня 150 этюдов.) Придется, вероятно, съездить еще раз в Индию и затем, коли будет достаточно здоровья, терпенья и денег, можно будет соорудить себе и памятник чудесный и который будет стоить не менее 500 000 рублей (полумиллиона тож). Мне, собственно, столько денег не нужно, но для школ, которые я хочу устроить, необходимо. Значит, мне нужно быть не слишком податливым на наши российские щедроты [....]

Вот ввиду этой-то цели — помочь мне воздержаться от розничной продажи или даже запродажи моих работ — я и прошу Вас и Льва Михайловича Жемчужникова помудрить. Может, сделаете это Вы, может, он, а может, и оба вместе. Во всяком случае, деньги должны быть заняты, как видите, чисто коммерчески, за *проценты,* без всяких видов на картины, которые в продолжение 2—3 лет просто еще не существуют ни для кого, кроме нас с Вами. Значит, и Третьяков, если захочет дать деньги, должен дать их не художнику Верещагину, а Верещагину Esq.[3], платящему известный выгодный процент и представляющему известные гарантии. Я думаю, Вы можете для разъяснения дела показать это письмо П. М. Третьякову, если думаете, что Вам не [к] кому обратиться за деньгами, кроме него. Лишнее говорить здесь, что я его считаю совсем порядочным человеком и, следовательно, не боюсь быть с ним откровенным.

Этюды я еще не получил ни от Вас, ни из Индии (последние, думаю, интереснее первых).

Архитектора уже имею; рекомендован Boulanger[4], умеет строить мастерские, экономен и проч[ее] — словом, как здесь говорят, «не гений, но дело сделает»

У Templier был, и так как начисто отказался на предложенные им комбинации (вроде того, о чем Вы мне писали), то он предложил (в последнюю минуту, когда я уже уходил — злодей!) сделать так: оставить первоначальный план во всей его неприкосновенности, т. е. издать в журнале[5] и потом книгою *мои рисунки и дневник Гейнса*; составленные же Васнецовым рисунки поместить в журнале при каком-нибудь другом, т. е. другого автора, тексте. Так как степь сходна во всем на огромном пространстве, то текст может быть от другой части

Туркестана, напр[имер] близкой к Аральскому морю или иной. Я сказал ему, что Вам, вероятно, нетрудно будет, при богатстве этого материала в России, найти человека, который доставит этот текст (на 2 примерно livraisons).

За Вами, а главное за Гейнсом, решение, которое лучше всего сообщить прямо Templier — да он этого и ждет.

Не лишнее, может быть, прибавить мое замечание, что Templier не так равнодушен к появлению в свет в их журнале моих рисунков, как показывает, но только выдерживает характер, к чему, как Вы понимаете, долгая практика в обращении с бедняками художниками и писателями должна была приучить его. Между прочим, я хотел бы иметь деньги и для того, чтобы сделать издание *по моему вкусу* моего путешествия, не прибегая к кошельку издателей, рыночный вкус которых извращает всякую художественность до неузнаваемости — понимаете?

Мастерскую думаю построить большую, в 20 метров длины (архитектор смеется), денег на нее понадобится 60 000 франков, может быть, [на] 5000 более. Скажите Л[ьву] Мих[айловичу] Жемчужникову, что скоро попрошу его о присылке этой суммы. Туркестанские вещи подождите посылать, пока построю мастерскую. За Ваши неоцененные хлопоты не благодарю Вас, потому уверен, что Вы не желаете благодарностей.

Я писал [Остен-]Сакену 2 письма из Индии — получил ли он их?

Из тех 1500 рублей, что были присланы мне из деревни, я хотел бы послать мой долг моей *матушке* [6] — 300 рублей.

Гейнс сам просил Кауфмана. Узнайте, пожалуйста, у Гейнса, почему большая картина [7] не у императора — напишите **мне** об этом откровенно. Гейнс сам просил Кауфмана предложить ее государю. Значит, должен знать причину.

[*В. Верещагин*]

41. В. В. СТАСОВ — В. В. ВЕРЕЩАГИНУ

С.-П[етер]б[ург], Надеждинская, 9,
понед[ельник], 19 апр[еля 18]76,
утро, 9 часов

Я сию секунду получил, Василий Васильевич, Ваше страховое письмо от 14/26 апреля. Знаете ли, Вы меня привели просто в восхищение, и я не могу удержаться, чтобы *тотчас же* не написать хоть несколько строк. Что Вы мне нынче на-

писали — лучшее, важнейшее и чуднейшее, что Вы мне когда-нибудь говорили и писали. Это можно сравнить разве только с нашими разговорами дня 2 до Вашего отъезда, по 15-саженным пустым залам Библиотеки. Ваши крупные планы и намерения — это отместка за обычную бесплановость и бессмысленность почти всех русских художников. Ведь (кроме одного-двух) они только все *картинки для дам* пишут! У Вас — какая разница!! Голова работает на сто колес разом, вся могучая машина в ходу, затевает и замышляет крупные мужские вещи. И я Вам низенько кланяюсь уже вперед. Вот только таких людей мне нужно, вот только таких понимаю и люблю!

Ну-с, теперь за деловые дела. С Гейнсом повидаюсь сегодня же; Третьякову и Жемчужникову напишу тоже сегодня же[1]. А между тем, скажите мне поскорее 2 вещи: 1) по какому же адресу надо послать 300 рубл[ей] Вашей матушке? 2) *Сколько* и на *когда* Вам нужна будет значительная сумма? Я потребую, чтоб Третьяков приехал из Москвы лично со мною обо всем переговорить (он *часто* бывает по разным делам в Петербурге — значит, ему нетрудно будет условиться со мною). Итак, мне нужно же знать, о каких цифрах и времени я должен с ним трактовать. Хотя это нужно *скоро*, но все-таки я просил бы написать это не в телеграмме (слишком всегда короткой), а в письме.

Про дела[2] Templier, про Беггрова и Ганфштенгеля напишу завтра или послезавтра. Вы на этот раз правы, что прислали письмо свое страховым. Боже сохрани, чтоб такие письма могли пропасть.

В. С[тасов]

P. S. Когда получите этюды, ради бога уведомьте — я так *беспокоюсь!!!*

Одно скверно: вчера сердце мое, одно время было улегшееся, приняло так болеть, что 1/2 дня лежал. Вот тут и думай как знаешь о близком своем будущем.

42. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

Париж [24 апреля/] 6 мая [1876][1]

Я был уверен, что Вы поймете то, что я Вам писал,— так и вышло. Понадобится мне не ахти какая сумма, вероятно, от 50 000 до 100 000 франков, т. е. от 15 до 30 тысяч рублей. Считайте 100 000 франков, так как, вероятно, придется сде-

лать издание[2] за свой счет. Покамест у меня еще есть деньги, и когда понадобится занять — не могу сказать верно. Желательно бы слышать от Вас следующее: *дело оговорено, такой-то даст, столько-то, за такие-то проценты; деньги могут быть высланы немедленно — когда понадобятся.* Если бы Вы таким манером мне отписали, то я был бы *совершенно спокоен* и за себя и за свои будущие работы.

Пожалуйста, напишите графу Шувалову, что на случай, если я приеду в Лондон, когда его там не будет, он много обязал бы меня, если бы попросил, хоть Бартоломэ[3], помочь мне, в чем нужно. Кроме того, попросите его отрекомендовать меня заочно первому министру Низама[4] *sir Salar Jang*[5], который теперь уже, вероятно, в Англии; приедет туда также, вероятно нынче же, правитель Непала[6] *sir Jang Bahadur*[7], и его пусть граф попросит также оказать мне содействие, когда я года через 2 опять наведаюсь в Индию — такой случай не скоро опять представится.

Мне нужно будет, между прочим, заказать или достать на подержание самые верные костюмы времени Елизаветы[8] — Якова[9] и сделать несколько этюдов (в Англии) различного рода оружия древнего и нового и проч[ее] и проч[ее].

Кажется, я писал Вам, что архитектор обещает выстроить большую мастерскую при самой строгой экономии на все — и на работу и на материалы — за 60 000 франков. Если Вы мне напишите, что денег, в случае нужды, можно достать, т. е. просто, что они готовы, то я не буду очень его теснить, а то, чего доброго, рухнет моя постройка от излишней экономии и задавит меня с моими картинами — ни больше ни меньше. Что-то уж очень настойчиво оговаривается архитектор, что в случае такой беды ответственность должен будет нести не один он, а вместе с антрепренером.

Архитектор, впрочем, человек совестливый, не без таланта и практичный, рекомендован Буланже, которому он недавно выстроил хорошую мастерскую (адреса Вами рекомендованного, или, вернее, Тургеневым, я не дождался). Туркестанские вещи подождите посылать, мастерская больно мала, места нет. Жемчужников что-то мне не отвечает, а может быть, только запоздал. Напишите ему, пожалуйста, что мне нужны *60 000 франков* в переводе на солидную фирму. Если он думает, что выгоднее оставить деньги подолее, то попросите выслать половину, и в таком случае другая половина понадобится через 3 месяца. Пошлите, пожалуйста, пару учебников русского языка (для немца) некоему г[осподи]ну Hausheer[10] в Бомбее; он служит в конторе огромного Бомбейского дома Nicol et C°, ведет, между прочим, агентство на

шего «Общества пароходства и торговли» и непременно хочет выучиться русскому языку (немец). Так как, помимо своей обязанности (как агент за известный процент), он был *очень любезен* со мною и питает действительную дружбу к русским, то Вы бы хорошо сделали, если бы выхлопотали ему какую-нибудь официальную благодарность (через Остен-Сакена). Пожалуйста, узнайте у О[стен]-Сакена (между прочим), когда поедет опять в Китай полковн[ик] *Пржевальский*[11]. Один мой знакомый очень интересуется знать это.

Адрес матушки моей: Новгородской губернии, *Череповец*. Анне Николаевне Верещагиной. Так как деньги эти посылаются ей в поддержку, то, пожалуйста, отошлите их скромно и тактически — и то и другое Вы сумеете. Я послал бы отсюда, да не хочу терять на переводе, у Гейнса же (?) должны оставаться деньги от 1500 руб[лей]. Кстати, сведите, пожалуйста, счеты с А. К. Гейнсом.

Спросите, пожалуйста, у Беггрова счет за издание. Сколько выручено?

[*В. Верещагин*]

43. В. В. СТАСОВ — В. В. ВЕРЕЩАГИНУ

С.-П[етер]б[ург], Надеждинск[ая], № 9,
25 апр[еля 18]76

Все это время у нас тут шли всякие торжества в честь певца Петрова — человек 50 лет пел на сцене и в 70 лет жизни не только не раскисал и не ложился валяться на постели, но только все выше и выше шел в своих созданиях. Пример совершенно небывалый у нас в России, где всякий человек, даже самый талантливый, еще до 30—40 лет идет иной раз вперед довольно ладно, как порядочный человек, а потом остановится на той или другой рутине, и уже ни на шаг с места. Таким образом, все, кто оценяет факт необыкновенный с Петровым, возился и хлопотал для его юбилея, как можно. Я в том числе. И вот от этого я немножко запустил свою корреспонденцию и пишу Вам только сегодня то, что должен был бы сообщить еще третьего дня. Прилагаю *квитанцию* на ящики с туркестанскими альбомами, отправленными на имя Громме. По этой квитанции Вам надо будет получить вещи в Париже. Послано 50 альбомов, из них 5 в папках; сверх того приложено 5 экземпляров 18-и Ваших больших картин, уменьшенных в меру туркестанского альбома *Обернеттером*[2] во время Вашего странствия, по Ва-

шему распоряжению (как мне говорит Беггров). Эти 5 экземпляров посылаются для образца — скажите, что делать с остальными? Посылать ли часть их Вам в Париж или пускать в продажу прямо здесь? Папок еще не сделано для них, потому что эти вещи еще очень недавно пришли из Мюнхена. Главное же назначение их (как мне говорят, по Вашему же распоряжению) для Лондона, и с этой целью сделан английский перевод каталога и гейнсовского текста. Только Гейнс просмотрит этот перевод (что-то у него залежавшийся, почему и *подгоню* его завтра или послезавтра) — тотчас его и пошлют печатать в Лондон. Третьякову я написал в Москву, и, по моему требованию, он на этих днях нарочно приезжает сюда. О результате нашей конференции тотчас напишу Вам. Этот добрый тюфяк Лев Жемчужников все еще *ни слова* не отвечает мне. Из него клещами надо вырывать письма, даже деловые.

В. С[тасов]

Повторяю: Боткин уехал и будет около начала июня назад, недели на 3—4.

44. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

[29 апреля/] 11 мая [1876, Париж][1]

Никогда, никогда, никогда не просил я Беггрова делать уменьшенных снимков с тех вещей, которые сделаны Ганфштенгелем. Еще раз — *никогда.* Беггрова я просто знать не хочу. Сделайте божескую милость, возьмите на себя труд, Владимир Васильевич, дать ход этому новому изданию и не дозвольте Беггрову забирать все в свой магазин; раздайте Фельтену, Дациаро[2], пошлите в Париж Гупилю[3] и Лорану[4] (rue Richelieu), также в Лондон и др[угие] места.

Цену назначьте *возможно небольшую.* Подумайте только, что у меня было условлено крепко-накрепко с Беггровым, что он пошлет *альбомы* (небольшие) в Париж к Гупилю немедленно — и вот в продолжение 2 лет он не собрался послать *ни одного!* Предупредите его, пожалуйста, что я *сбавлю* здесь в Париже цену *альбома, так как* вижу, что он научил меня увеличить ее чуть не вдвое только для того, чтобы не подрывать продажу прочих его изданий.

Цена (продажная) нового издания должна покрыть расходы, заплатить комиссию и дать 10% барыша — *только.*

Пожалуйста, не беспокойте больше Льва Михайловича Жемчужникова, если он не отвечает — верно, ему некогда. Желательно бы только получить либо 60 000, либо покамест 30 000 фр[анков] (как выгоднее) для постройки, так как архитектор говорит, что следовало бы положить некоторую сумму (коли не всю) в банк и указать на нее антрепренеру, как на ручательство, иначе, не зная меня и моих средств, они задумаются предпринимать постройку из боязни остаться долго без уплаты. Чорт их знает, может быть, это и правда. Новый альбом подождите пускать в продажу, пока я получу и посмотрю его; еще раз прошу Вас, не отдавайте его на съедение этому кулаку Беггрову.

[*В. Верещагин*]

45. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

[2/] 14 мая [1876] [1]
Париж

Забыл сказать Вам в последнем письме: Петров ведь только полезность — это Сосницкий [2], но не Самойлов [3]. Так как последний еще жив и все еще идет вперед, то меня удивляет несколько, что Вы так настаиваете на единственности примера Петрова. Читал письмо, Вами написанное Лорчу по поводу моего якобы молчания — давно-давно писал Вам о получении ящиков (хотя, мимоходом сказать, они были в пути более 10 дней). Альбомы, кажется, пришли. Уведомьте, пожалуйста, о цене нового издания: без этого нельзя пускать в продажу.

До свиданья.
В. Верещагин

46. В. В. СТАСОВ — В. В. ВЕРЕЩАГИНУ

С.-П[етер]б[ург], Надеждинская, 9,
6 мая 1876

Василий Васильевич, вот Вам ответы на целых 3 последних Ваших письма:

1) Я послал 300 рублей Вашей матушке, при письме, где *вкратце* дал ей несколько известий о Вас на тот случай, если она не имеет еще писем от Вас. Ответа, разумеется, я еще не успел получить.

2) Сегодня утром Лев Жемчужников наконец отвечал мне, по *второму* письму моему. Говорит, что никаких писем не получал от Вас с самой Индии и без меня не знал бы, что Вы воротились в Европу, а потому и не писал Вам, тем более, что не знал, *где* Вы и *куда* писать. Теперь же высылает Вам немедленно 30 000 франков — Вы их получите на-днях. Что же касается до других 30 000 франков, то он готов (разумеется) тотчас послать Вам их под видом *трехмесячного векселя,* но думает, что лучше не тратиться на перевод и послать их Вам позже, когда придет настоящая надобность, или вручить их Вам, когда сами будете здесь. И я с ним вполне согласен. Впрочем, если рассудите иначе, черкните ему или мне — и тотчас перешлем. Но только, ради бога, не замедлите уведомлением о получении этих 30 000.

3) Теплое Ваше платье (и Вашей супруги) сохраняется у меховщика Зезерина (в Гостином дворе).

4) Остен-Сакену давно уже переданы мною все Ваши благодарности; но он не получал от Вас ни одного письма из Индии, а только одно письмо, кажется, из Суеца или что-то вроде того.

5) Пржевальский уезжает в Китай *послезавтра.*

6) Остен-Сакен с удовольствием обещает устроить посылку официальной благодарности г. *Hausheer;* но для этого ему нужно, чтобы Вы написали ему письмо, которое он мог бы показать управляющему министерством и где Вы бы сказали (хотя бы кратко), *чем* полезен этот господин русским, а в том числе и Вам. Впрочем, Остен-Сакен сегодня уезжает, по делам службы, в Ковенскую губернию и вернется в начале июня. Значит, покуда торопиться нечего.

7) Этому же господину *Hausheer* учебники отправлю и Вас о том уведомлю.

8) И я и Остен-Сакен одинаково думаем, что Шувалову Вы непременно должны написать *сами.* Это ему будет приятно, а Вам полезно. Мы оба полагаем, что именно Вам следовало бы написать ему, что только воротились в Европу, Вы спешите благодарить его за помощь, оказанную Вам. Сверх того, Остен-Сакен думает, что было бы теперь совершенно *неловко,* если бы *я* написал Шувалову насчет рекомендования Вас таким-то и таким-то из индийских властей: через *третьи руки,* мол, это вовсе не годится. Тут надо Вам самим это сказать или написать. Главное же: нечего опасаться, что Шувалова не будет в Лондоне. Теперь такое время, что никакой посланник не может тронуться со своего места, все твердо сидят и ждут [1] — особенно в Лондоне!! Тем более, что только недавно он отлучался в Петербург и только что,

только что воротился назад. Пожалуйста не подумайте, чтоб тут была какая-нибудь лень с моей стороны: мне нетрудно писать кому угодно, но в заключение я скажу, что скорее *Вам* рекомендовать меня, а не *мне* Вас. Ведь большая знаменитость *Вы*, а не *я*. Бартоломэ же — человек сухой и недоброжелательный, с которым Вам лучше избегать сношений.

9) Когда речь пойдет о Вашей поездке в Лондон, дайте мне знать, и я постараюсь дать Вам все нужные указания насчет английских костюмов времени Елизаветы и Иакова: у меня есть *знакомые*, и это ничуть не трудно будет устроить. То же касается и каких угодно этюдов.

10) Признаюсь Вам, что я не понимаю опасений и запугиваний Вашего архитектора: отчего он так боится какого-нибудь несчастия. Со стороны французов, всегда только храбрых, отважных, это что-то совершенно необычайное. Уж точно уверен ли он сам в своем знаньи и уменьи?

11) Про Беггрова и Фельтена напишу на-днях.

12) Гейнс рассказал было мне, что знал про судьбу Вашей большой картины, но потом, для большей верности, собрался нарочно повидаться еще раз с Кауфманом, который на-днях уезжает в Ташкент, и завтра или послезавтра сообщит мне результаты их разговора, а я тотчас напишу.

13) В августе открывается здесь всемирный *ориентальный* конгресс, и Остен-Сакен просит спросить Вас: не согласитесь ли Вы выставить в первой зале (это в том же доме министерства внутренних дел, где была Ваша выставка) одну или несколько Ваших восточных картин, из прежних или из новых (конечно, всего лучше из туркестанских)? Или, может быть, об этом можно будет переговорить, когда Вы сами приедете сюда?

14) От Ганфштенгеля все еще нет ответа. Получу — отпишу Вам.

15) Мы совещались с *Гейнсом*, и, по его мысли, положили предложить Вам вот что относительно издания путешествия с рисунками. Не лучше ли будет напечатать полное путешествие, такое, где явились бы и кочевой и оседлый Туркестан, киргизы и проч[ее]. Пусть текст будет составлен из обоих дневников и Вашего и гейнсовского. Что же касается рисунков, то пусть туда войдут все Ваши наличные рисунки, этюды и картины, а если чего недостает, то, может быть, Вы сами *прибавили бы* из Ваших записных тетрадей или из своей художественной памяти. Это именно касается первой *половины* или *четверти* касающейся кочевого населения, и, наверное, Вы без затруднения начертили бы все, что сюда должно следо-

вать. Мне кажется, это было бы не худо, и в результате получилось бы путешествие, примерное по полноте и художественности. Согласны Вы или нет? Если *да,* то Гейнс вполне готов сделать все, что Вам будет приятно, всякого рода изменения или пополнения, а, между тем, мы бы Вас попросили прочитать русский его текст, находящийся теперь у *Templier.* Мне кажется, он наверное Вам понравится по своей художественности и талантливости.

А для рисования на дереве хотите Вы или нет удержать Васнецова? Он теперь в Париже, в большой крайности, поехал искать там работы, которой не находил себе в Петербурге. Если захотите его видеть, его адрес: rue Frochot, № 9 [2]. Он прекрасный, честный, добрый малый, вышел из народа — родом из Вятки. Если предложение наше Вам понравится, тогда *собственные* рисунки Васнецова или рисунки *фотографий* будут оставлены в стороне. За них деньги давно уже заплачены Васнецову, и Гейнс говорит, что о 700 или 800 рублях не стоит много и распространяться: он это возьмет на свой счет, и делу конец. Итак, ждем Вашего ответа.

16) Гейнс свел наконец все счеты, и его расходы (подкрепленные подлинными расписками и письмами) на несколько сот рублей *превышают* 40 000 рублей. На-днях пошлю Вам краткую выписку расходов. Нам только нужно знать, сколько будет стоить пересылка индийских Ваших ящиков, а я за это не принимаюсь, потому что все не знаю, получили Вы или нет *этюды,* а потом *альбомы* фотографические?

17) В сегодняшнем письме Лев Жемчужников пишет: «*Мне было от В. В. Верещ*[*агина*] *2 раза писано, что года через два-три ему понадобится занять тысяч 30 и могу ли я этому помочь; признаюсь, на это я не отвечал по весьма понятной причине, что и сам не знаю, будем ли мы живы к этому времени*». Это действительно до некоторой степени соображение справедливое, но все-таки он больше об этом не распространялся. А между тем ко мне приезжал Третьяков из Москвы. Я ему показал (по Вашему желанию) письмо Ваше — о чем я не жалел, потому что он в самом деле настоящий джентльмен. Прослушав его, он сказал, что он, конечно, купец и этим гордится (и даже не принимает никаких *титулов* и *званий* или *орденов*), но его часть не денежная, а товарная, а потому он не может заниматься тем, чтобы давать деньги взаймы. Если он обещал при продаже Вашей коллекции дать взаймы тысячу, то это было *исключение,* связанное с художественным делом, которому посвятил всю свою жизнь и деятельность. Он *н и к а к* не согласен на Ваше предложение: дать деньги Вам не как художнику и не ввиду

какой-нибудь будущей комбинации с Вашими картинами, а просто как постороннему человеку, за проценты. «Что мне за утешение было бы, сказал он, чтоб мои деньги послужили бы на то, чтоб картины отличного русского художника пошли бы в Англию! Я всю жизнь хлопотал и заботился о русском искусстве, в последнее время вся самая грубая и нелепая часть русской прессы и общества глумились надо мною за покупку верещагинской коллекции, какие бестолковые и безобразные москвичи, не хотят ее знать, но мне это все равно: я продолжаю и буду продолжать то дело, которое считаю народным и полезным,— и вдруг мне поворотить назад и хлопотать для Европы, для Англии!!!!» — и т. д. и т. д. Видя, что на *Ваших* условиях это дело не могло сладиться, я упросил его не останавливаться на *окончательном* решении и дождаться Вашего приезда в Россию, и тогда личное свидание скоро порешит (по моему соображению) все дело как не надо лучше, и на деньги с его стороны можно *вполне* рассчитывать. Вот все, что я могу покуда сказать, и я считаю это дело почти слаженным. Теперь это будет зависеть от Вас самих. Больше же ничего нельзя теперь сказать, потому что мы не знаем ни цифры денег (Вам необходимых), ни *времени,* когда сумма понадобится, ни, наконец, *на сколько времени* нужны будут эти деньги. А согласитесь, не зная ничего из всего этого, нельзя ничего окончательно и устроить. Итак, я думаю, что решительное устройство произойдет, когда Вы сами будете здесь. Завтра или послезавтра пишу Вам снова.

В. С[тасов]

(А сердце у меня все эти дни болит и дает себя знать порядком, хотя я *на вид* ничего, здоров и весел.)

47. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

[6/] 18 мая [1876]. Париж [1]

Вы ошиблись, Владимир Васильевич, когда написали, что новое издание сделано *Обернеттером;* у меня в мыслях не было просить этого господина об исполнении каких-либо работ, во-первых, по причине хлопот и неприятностей, которые я имел с ним за время издания им туркест[анского] альбома этюдов, во-вторых, потому, что способ его печатания хотя и

удешевляет издание, но зато портит эффект фотографии. Я просто испугался, когда узнал из Вашего письма, что ему же, якобы по моему желанию, поручена новая работа.

Теперь, получивши альбом, вижу, что рисунки исполнены фотографией Ганфштенгеля и исполнены порядочно. Против такого издания я *ничего не имею,* хотя и не заказывал его. Будьте добры, обговорите с Беггровым, что посылки *в Париж должны быть произведены прямо* из Мюнхена, так как отправка в Питер и переотправка оттуда до Парижа бестолку увеличивает цену. Жду извещения о цене, чтобы передать и тот и другой альбомы в магазин Лоранса (улица *Ришелье,* № 90).

Гупиль, имея массу своих собственных фотографий, не даст им хода, а пожалуй, и придушит их. Лоранс же набивается и надеется на сбыт.

В. Верещагин

Лоранс берется быть комиссионером для Франции и Испании.

Дом еще не начал строить. Когда построю, уведомлю и припасу для Вас покойное кресло.

Этюды и ящики с хламом, посланные на Марсель, пришли недавно.

Кумани — любезен.

48. В. В. СТАСОВ — В. В. ВЕРЕЩАГИНУ

С.-П[етер]б[ург],
Импер[аторская Публ[ичная] б[иблиоте]ка,
9 мая [18]76, 2 часа дня

Василий Васильевич, сию секунду получил Ваше письмо от 14 мая — и просто ничего не понимаю!!! Должно быть иные письма Ваши *пропадают* на почте (что и со мной случалось не раз). Вы говорите, что писали мне уже о прибытии этюдов Ваших, но я *положительно, самым положительным* образом заявляю Вам, что ни единого слова не получал о том до сих пор, ни в тексте, ни в приписке. Ну, да все равно, если пришли, то и слава богу. Теперь, значит, могу посылать Вам и ящики с индийскими вещами. Про *Петрова* Вы мне говорите, что это только полезность: да, это *когда-то* было, но давно уже переменилось. Петров начал талантливым актером, а кончил — как *гениальный* художник. Последние 10 лет были шествием его в гору таким могучим, как ни у

кого еще не бывало в интервале между 60—70-ю годами жизни. Будете здесь сами, посмотрите и убедитесь и поклонитесь этому человеку низенько, низенько. Таких примеров почти не видать и не слыхать на свете, тем паче у нас. Скажу вдобавок, что я и сам тоже, бывало, Петрова *недолюбливал*, считал его человеком посредственным, а теперь принужден петь другое. Что касается до Самойлова, то вот человек, которого всегда не выносил (хотя и давно знаком с ним и даже на обеде Петрову сидел и толковал с ним часа 1½ обо всем). Нет, это *не настоящий* талант: это талант *чисто внешний* нечто вроде Маковского[1]. Известный наружный блеск и живость, не воспроизведение, а *передразнивание* натуры, способность гримировать не только фигуру, но и лицо — вот и все. Тут глубокого, истинного психологического нет ни на ¼ копейки!!! Для меня всегда было *досадно*, и больше ничего, смотреть на представление Самойлова и на картины Маковского. Как будто что-то должно бы тут быть, но в сущности *ровно ничего нет*. Нет, это не моего поля ягода, это не для меня талант! Знаю, что я тут иду вразрез большинства, особливо петербургской публики, да мне не привыкать стать. Вы спрашиваете про цену маленьких (точнее сказать: уменьшенных) фотографий: но я покуда ничего не писал, потому что Вы сами просили не трогать этого дела, пока Вы собственными глазами не увидите их и не скажете, пускать их в продажу или нет. Но теперь принимаюсь за это дело. Сегодня воскрес[енье], значит, все *заперто*. Но завтра или послезавтра пойду рассуждать с Беггровым об издержках, соображусь и тотчас напишу Вам. Только одно прибавлю: сезон теперь кончился, все разъезжаются, и до сентября или октября навряд ли кто здесь купит хоть один экземпляр. Когда Вы будете в Петербурге? Ведь, *может быть*, я отправлюсь за *границу в июле, в середине. Но это не верно.*

В. С[тасов]

49. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

[9/] 21 мая [1876], Париж[1]

Ладно, Владимир Васильевич, потрудитесь, пожалуйста, уведомить П. М. Третьякова, что на основании условия, сделанного с ним Гейнсом, я прошу его года через 1½ (а может быть, и через 1 год) дать мне взаймы на несколько лет 10 000 рублей (надеюсь, в этом он *не может* мне отказать) —

только более ни о деньгах, ни о картинах толковать с ним не буду. Мне странно слышать его напоминание о том, что над ним смеялись, когда он купил мою коллекцию картин: ему, как человеку опытному, хорошо известно, как непомерно возвысится цена это[й] коллекции уже после первой же новой выставки, которую я сделаю. Значит, он далеко не был жертвою своей любви к русскому искусству только; он полагает, как видно из его слов, что он сделал, прежде всего, доброе дело, а я думаю, что он сделал, прежде всего, выгодное дело — маленькая разница, как видим. Впрочем, препираться далее излишне. Денег я достану *без него*. За посылку денег матушке моей я Вас очень благодарю; уже писано с моей стороны: Льва Михайловича Жемчужникова не троньте больше. Разумеется, 30 000 ф[ранков] покамест довольно.

Теплое платье пусть полежит у того же меховщика.

Если Вы послали учебники Hausheer'у, то и довольно. Не просите более Остен-Сакена ни о какой благодарности. Я избегаю писания и говорения с важными людьми вроде Шувалова, потому что против воли им обыкновенно грублю, а уж странным, чуть не сумасшедшим кажусь им непременно — вот и причина, почему просил Вас написать Шувалову. То же, что Вы пишете о знаменитости моей, я что-то плохо понимаю. Бартоломэ, разумеется, не из тех людей, с которыми сношения приятны (особенно для pauvre diable peintre [2]), но я знаю, что Шувалов к нему же пошлет меня, ни к кому иному.

На всякий случай дайте мне теперь указания насчет костюмов, а если можно, то закажите их без меня — может быть, я и не буду вовсе в Лондоне нынешний год. Архитектор, кажется, человек опытный, толкует же *про всякий случай;* пойду к нему завтра для окончательных переговоров. Очень интересно будет слышать, почему картина (большая [3]) свернута и в таком загоне: есть у царя батюшки в палатах и похуже ее.

Скажите Остен-Сакену, что мне *неприятно будет,* если он повесит мои картины в зале занятий конгресса.

Вы можете сказать Гейнсу, что я ничего не хочу иного, кроме того, о чем у нас с ним было говорено и переговорено, т. е. *издания его путешествия* с моими *рисунками,* не больше и не меньше. У меня действительно есть дневник моего путешествия, но обрабатывать его я решительно не в состоянии. (Для примера, писание этого и всякого другого письма будет стоить мне боли в печени и в желудке в продолжение всего сегодняшнего дня, а может быть, останется и на завтра; в газете могу читать только телеграммы, потому что чтение целой газеты *наверное* причинит боли.) Разговаривать вредно, хо-

дить вредно, есть вредно, вино пить вредно и проч[ее] (по опыту).

Если бы не это болезненное мое состояние, я, разумеется, издал бы мой текст при моих рисунках, и Гейнсу не было бы резона стряхивать пыль со своего дневника, по крайней мере для моих рисунков. Как видите, о предложенном Вами соединении текстов не может быть и речи. Чертить же что-либо новое никогда ему не обещал и начисто от этого отказываюсь. У меня такой колоссальный труд на руках теперь, что и карандаш не повернется.

Текст Гейнса при всем желании прочесть *не могу* по изложенной причине, т. е. по моей болезненности. К Васнецову не пойду, хотя очень уважаю его карандаш; не хожу ни к кому почти (Боголюбов просто ругается). К себе тоже никого не пускаю — спокойнее мне. Счёта Гейнса, пожалуйста, не посылайте; достаточно того, что он есть — это для него. На случай, коли можете достать (кроме 10 000, что Третьяков *обязался дать*) еще денег у кого-либо (через 2 года), то я могу Вам сказать, что они мне понадобятся не более как на 1—2 года и понадобятся от 10 до 20 тысяч. В Россию, по всей вероятности, *не поеду*; начал лечиться у одного заезжего сюда немца, по совету Кумани, ген[ерального] консула, у которого он и живет.

Этюды получил и от Вас и из Марселя, альбомы получил. Пошлите, пожалуйста, газету, хоть *«Новое Время»*.

[*В. Верещагин*]

50. В. В. СТАСОВ — В. В. ВЕРЕЩАГИНУ

С.-П[етер]б[ург],
Публ[ичная] б[иблиоте]ка,
11 мая [18]76

Сейчас получил 2 письма: одно от Вас, другое от Ганфштенгеля. Последний, кажется, *плохо* понимает по-французски (мое письмо было к нему на этом языке) и вообразил, что я ему говорю о новом каком-то Вашем издании, а не о прежнем. И он отвечает мне (о чем, кажется, написал и Вам в Париж теперь), что он очень рад принять на себя и работу, и право собственности; автору предоставляется 10% со всего проданного и «несколько» даровых экземпляров. Но желает знать объем, количество произведений и прочие подробности [1]. Конечно, я мог бы немедленно снова написать ему и объяснить, что он ошибается, но сегодня же я видел *наконец*

Беггрова, имел с ним пространный разговор, и думаю, что Ганфштенгелю писать не надо впредь до разрешения всех беггровских дел: Вы можете судить о моих к тому резонах по следующим фактам. Беггров дня через 2 сам посылает Вам письмо, *самое подробное,* где на основании счетов и бумаг, которыми займется сейчас, сообщит Вам:

1) По какой именно цене продавались здесь большие фотографии и альбом и по каким он думает *можно бы* продавать их за границей. Теперь он еще этого последнего не знает, и надо несколько времени, чтоб сообразиться.

2) То же самое и относительно нового альбома.

3) Он напишет Вам полный отчет о всем проданном до сих пор как у него, так и у Фельтена и других (у которых было *всегда* в руках столько экземпляров, сколько они сами требовали).

К этому я прибавлю, что Беггров все время как будто был обижен, что Вы ему сами не пишете, а все через меня. Я ему объяснил, что он сам виноват, потому что не исполнил своего обещания насчет пересылки (больших) альбомов в Париж, — значит, Вы не могли не быть на него сильно недовольны и даже сердиты. Отговорки его были очень нелепы: то он говорил, что не готов был *английский текст* (но, разумеется, я ему тотчас отвечал, что англ[ийского] текста не нужно ни для Франции, ни для Германии), то он ссылался на «недостаток времени» и т. п., но я, конечно, и этот довод разбивал, и он, наконец, просто каялся, что виноват, и просил извинить его. Итак, Вы сами на-днях будете судить о цене и о результатах продажи. Что касается до передачи прав продажи за границей Ганфштенгелю (о чем я не могу же не говорить ему в самых *общих* выражениях и как *мое собственное* покуда предположение), то он говорит, что, значит, надо тогда переменить всю существующую до сих пор систему, т. е. присылку *всех до* единого экземпляров фотографий сюда для приложения клейма Беггрова. Значит, говорил он, если *заграничное* право перейдет к Ганфштенгелю, тогда надо разуметь, что и вообще всякое право к нему переходит, продажа здесь убивается, и всякий контроль над Ганфштенгелем исчезает (к этому он прибавил, что и теперь Ганфштенгель поступал помимо условий: например, без всякого права и клейма подарил полную коллекцию фотографий — больших — нашему мюнхенскому посланнику и за то получил крест или какую-то другую награду. Впрочем, я не вполне доверяю этому: быть может, это не более как *сплетня торговца!*). Признаюсь Вам откровенно, что вообще мне кажется, и Беггров и Ганфштенгель могли поступать во всем этом вполне произвольно, и если они люди не

совершенно добросовестные — чего я не знаю — то могли делать, что хотели, не знаю даже хорошо ли и правильно ли.

Назначены были продажные цены фотографий. Я боюсь, что разница между ценой Ганфштенгеля (ценой производства) и ценой Беггрова (ценой магазина) слишком была громадна; оба Вас ощипывали, цена была в результате очень высока, и потому фотографий продавалось меньше, чем бы им следовало. Так, например, в Москве *вовсе* не хотели покупать по дороговизне их, и это-то (по словам Беггрова) принудило Гейнса и его затеять уменьшенное издание. Знаете, что я бы Вам присоветовал? Приезжайте-ка сюда, когда найдете возможным для себя, и соберите маленькое совещание из себя, Гейнса, Беггрова и какого-нибудь прочного и надежного *homme d'affaires*[2]. Тут пусть сообща проверится по бумагам все дело продажи и ее результаты и т. д. Но пусть тут тоже проверятся и цены, по которым до сих пор продавались фотографии. Беггров должен до мелочи представить все свои резоны, и они будут (я надеюсь) оспорены, и новые пониженные цены установлены. Этого не сделаешь в легких, поверхностных разговорах и на письмах. Пускай тут тоже будет и Лев Жемчужников. Если у Вас никого другого не будет налицо, я бы Вам предложил для этого моего брата Дмитрия, адвоката, который *во всех отношениях* точь-в-точь то же самое, что и я, и такой же приятель Жемчужниковых; разница между нами двумя только та, что он деловой человек, а я нет. Если Вы захотите *его*, то Вам надо бы быть здесь скоро: он теперь с больной женой в Германии и приезжает сюда на коротенькое время (по делам, между 20 мая и 6 июня). Если же Вам теперь неудобно, то пусть подобное собрание состоится *осенью*, в сентябре. По-моему, надо все это дело просмотреть *основательно*. Тут, кажется, царствовала до сих пор порядочная каша, произвол и надувательство. Надо бы, чтоб надежные и знающие люди процедили все это до ниточки. А моего брата (отвечаю Вам головой) Вы просто *полюбите*: он чудесный человек. Да, чтоб не забыть: все 200 экземпляров (кроме 5-и, Вам недавно посланных) уменьшенных фотографий давно уже присланы сюда к Беггрову: этого я еще до сих пор не знал. Сколько экземпляров посылать Вам в Париж и на чье имя? Прежних же (больших) осталось уже немного (говорит Беггров), и Ганфштенгелю надо бы поручить новое печатание. Только что Ваши индийские ящики уложатся и отправятся, я напишу Вам. Когда получите 30 000 фр[анков] от Льва Жемч[ужникова], пожалуйста, тотчас уведомьте. От Гейнса все ни малейшего известия о Кауфмане и большой Вашей картине. Я, право, не знаю человека неаккуратнее и надувательнее насчет сроков.

По утрам я занят своей библиотекой, по вечерам его не застанешь, на письма не отвечает. Завтра опять поеду сам к нему — захвачу.

[*В. Стасов*]

51. В. В. ВЕРЕЩАГИН В. В. СТАСОВУ

Париж, [15/] 27 мая [1876][1]

Если Вы попужали Беггрова, Владимир Васильевич, то я думаю и полно; уж полно, стоит ли затевать суд над ним? Моя же особа не сдвинется для этого с места: далеко. Не стоит бросать для этого работу. Я и для доктора-то, вероятно, не поеду, ибо нашел здесь какого-то «немца копченого, по-русски не ученого», который уже начал исправно вливать в меня буквально «через час по ложке».

В том самом письме, куда я вложил бумажку с вопросом, когда уедет Пржевальский, был засунут еще такой же листочек с извещением о том, что этюды пришли, — уж не выпал ли он дорогою.

А Самойлов-то ведь великий художник (по мне) не за Гамлета — не бойтесь, а хоть бы и за то, как он произносит слова Симеона богоприимца в «Грех да беда на кого не живет»[2] — величит душа моя, господа... и проч. да и еще за многое. Как Вы, человек с чутьем, можете приравнивать его к Маковскому и не находить в нем ни на $^1/_4$ коп[ейки] сер[ебром] чувства — не понимаю.

Впрочем, препираться об этом не будем — нездорово и для Вас и для меня. Спасибо Вам, что Вы поговорили с Беггровым. Это труд не малый, так как этот человек, при приличной внешности, просто неприличен часто по недомолвкам, умолчаниям, добавлениям, исправлениям и т. п.

Я хотел пустить все издание по возможно низкой цене, но он отсоветовал, как сам же проговорился, потому что это было бы слишком вразрез с теми ценами, по которым идут его издания и те, что у него на комиссии. Это я изменю. Коли объяснения его будут недостаточны, разумеется, надо будет попросить делового человека просмотреть его отчет. Лучших рук не надо, как Вашего брата; только утруждать его чем бы то ни было я не соглашусь без платы. Вы — особая статья, а он особ[ая] статья.

Пожалуйста, уведомьте, как я уже писал Вам, Третьякова о том, что года через $1^1/_2$ мне понадобятся те 10 000, которые я выговорил для займа Гейнсом; больше мне от него ничего не надобно. Он нескромен, когда выставляет себя мучеником

за покупку моих картин. Я обратился к нему как к человеку, а он спешит заявить, что он только купец — впрочем, это его дело. Разумеется, я употреблю все усилия, чтобы избежать новой милости с его стороны. Скорее продам свои работы с аукциона [....], чем дам им попасть в *галлерею* Третьякова. Архитектор все еще не начинает строить; все старается вогнать тысяч в 65, 70, а я все предлагаю ему держаться 60. Кабы не неожиданный отказ Третьякова, не пришлось бы так жаться. Я понимаю, что построить за 60 000 такую огромную мастерскую с жильем — кунштюк.

План очень практичен, мастерская просто превосходная, и чертеж Купинского со всем его русским стилем — детская каракуля сравнительно. Раньше как в августе или даже в сентябре я не могу Вас принять в мастерской, ибо покамест живу в лагере. Пожалуйста, напишите мне, *сколько у меня денег всего-навсего*. Очень начинает меня беспокоить эта статья.

Ганфштенгель и мне написал письмо, да такое высокопарное, что я в нем ничего не понял, кроме той ошибки, о которой и Вы пишете; пожалуйста, выручите меня, ответьте ему что-нибудь.

Одни рамки для этюдов и в особенности для картин будут стоить огромных денег — многих десяток тысяч. О работах своих не пишу покамест: я всегда боюсь слишком нахвастать. Теперь стоит начатое большое полотно — Снега Гималаев [3], первая картина первой моей поэмы (коротенькой). Каждая картина имеет соответствующее четверостишие (стихи эти я сочинил в то время, когда скакал на почтовых, удаляясь от Гималаев; за несколько запряжек и перепряжек лошадей, в продолжение которых жена моя спала, я составил их и потом прочел ей. После только добавил введение и заключение). Затем, как уже писал Вам, на руках еще (готовая в голове) *историческая поэма* [4] в множестве колоссальных картин (не знаю, хватит ли здоровья исполнить все это). Большая часть картин уже передо мною, как живые.

Ну, так до свидания в Париже; только не приходите в мастерскую ранее августа или сентября.

Нет ли возможности достать на подержание костюм кавалера-посла времени Якова I? — боюсь заказывать — будет дорого; нужен пунктуально верный как вельможи, так и его секретаря, духовника и проч[ей] свиты — дайте совет! Обо всем, что я говорю Вам насчет моих работ, *помолчите,* пожалуйста, *ничего никому* не говорите. Просто обидите меня, если расскажете кому-либо. Что же Вы не пишете мне о книге, которую Вы собирались издать. Переведите ее непременно на разные языки. Что Беггров не отправил никуда за границу в

продолжение 2 лет — это просто непростительно; он никак не сделал бы этого со своим изданием; но уличать его все-таки не стоит.

Нового издания потрудитесь прислать экземпляров 50 на имя брата моего, rue de l'Ancienne Comédie, 18 [5].

Я продал на 6000 руб[лей] лесу [6], но это помощь ничтожная.

[В. Верещагин]

52. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

Париж, [18/] 30 мая [1876] [1]

Пожалуйста, пошлите сказать Беггрову, чтобы *немедленно выслал* мне *цену нового альбома* [2]. Право, этот человек делает все возможное, чтобы испортить ход изданий, распространять которые он взялся. Здесь просто не хотели верить, что, взявшись за главное комиссионерство, он не нашел времени в продолжение 2 лет выслать хоть один экземпляр за границу. Laurent, rue de Richelieu, 90 [3], который принял на себя комиссионерство для Франции и Испании (и который писал Беггрову, но не получил ответа), говорит, что вряд ли найдутся между их собратьями другие такие неумелые или недоброжелательные руки.

Еще раз пишу Вам, что деньги очень тревожат меня (мне нужно считать себя свободным и обеспеченным; без этого не могу работать спокойно). Третьяков не имеет права отказать в 10 000, потому что Гейнс налицо и, верно, в случае нужды не откажется дать удостоверение в том, что патриот этот обязался дать мне взаймы десять тысяч. Затем, в случае нужды, можно будет удовольствоваться и 10 000 (а не 20, как я писал Вам прежде).

Думаете ли, надеетесь ли раздобыться этими деньгами?

В. Верещагин

Прошу также послать самые альбомы — не трудитесь толковать с ним, пошлите Вашего человека.

53. В. В. СТАСОВ — В. В. ВЕРЕЩАГИНУ

С.-П[етер]б[ург], Надеж[динская], 9,
20 мая [18]76

Василий Васильевич, вчера я наконец получил ответ от Вашей матушки: она уведомляет о получении 300 руб[лей],

благодарит за известие о Вас и просит новых сведений [1]. Я сегодня же снова писал ей и рассказал *вкратце*, что Вы не совсем здоровы, лечитесь и ехать сюда что-то раздумали. Между тем, я все-таки продолжаю надеяться, что авось Вы в июне завернете сюда: это хорошо было бы не только для того, чтоб посоветоваться с *Боткиным*, по Вашему же собственному [желанию] (наверное, он Вам пополезнее посоветует, чем все иностранцы: русского может хорошо лечить только русский), но, кроме всего этого, для устройства разных Ваших дел. Так наприм[ер], и с *Templier*. И Гейнс, и я совершенно готовы исполнить все Ваши желания, готовы сделать все, что только может быть Вам приятно, но хоть что хотите, а не знаем, как приняться. С одной стороны, *Templier* требует, чтоб рисунки непременно шли с первых же страниц текста, а для этих страниц рисунков нет почти вовсе — что же тут прикажете делать? Составлять текст об одних «оседлых» Вы не позволяете, хотите, чтоб Гейнс давал весь свой дневник — ну что тут выдумаешь? Хоть треснуть, право, я не знаю, как и быть. Мне кажется, это можно порядком решить только в личном разговоре и общем рассмотрении всех сторон дела. Впрочем, распоряжайтесь, как Вам угодно: и Гейнс и я *nous nous mettons complètement à votre disposition* [2]; что скажете, то и сделаем. Только скажите подробно и точно, одних *общих* выражений тут, конечно, мало. «Новое Время» будет высылаться Вам с 1 июня: раньше контора не согласна, по своим правилам. Я все-таки не отказываюсь писать Шувалову, хотя и считаю, что лучше бы Вам самим; но если хотите, чтоб я, черкните только, и я сейчас напишу в Лондон. Самоучитель русского языка выслан уже *Гаусхеру* в Бомбей; посылаю ему также 5 строк письма, чтоб он знал, что это от Вас. Несколько дней тому назад я отправил Вам ящики с индийскими вещами; дойдут, надеюсь, хорошо; укладывали *при мне лично* (так как Влад[имир] Жемчужников привык ни во что лично сам не входить, а только другим поручать), укладывали гостинодворские артельщики; страховых заплачено (за 1000 р[ублей]) всего $3^1/_2$ руб[ля]; отправил я с *petite vitesse*, и это стоило только 40 рубл[ей] (с grande vitesse стоило бы рублей 150 или больше). Адресовано опять генеральному консулу. Но контора «Вольбрюк», где я застраховал, просит, нельзя ли, чтоб кого-нибудь отрядить еще на железную дорогу, чтоб там хоть *поверхностно, сверху*, взглянуть, вещи ли пришли или что другое. Теперь везде развелось такое дерзкое мошенничество на жел[езных] дорогах, что не раз вынут вещи и положат камни или песок. А потом, когда откупорят ящики *дома*,

уже никто и не отвечает за подлог. Впрочем, пришли же этюды в целости, авось придут в целости и эти ящики. — Костюмы могу заказать в Лондоне когда угодно; но мне необходимо знать для этого: 1) какие именно костюмы: аристократические или народные, штатские или военные, богатые или средние и т. д., наконец, даже каких приблизительно цветов? 2) На какой рост? Нужны ли *верхние* платья, плащи etc. 3) Сколько именно заказывать? А лучше всего этого я вот что посоветовал бы Вам: прямо призвать к себе костюмеров из Théâtre Français или Grand-Opéra [3], велеть показать себе рисунки (которых миллион) и выбрать, что Вам пригодно. Французы — *первые* костюмеры в мире, точные, верные, знающие, ловкие и, уж, конечно, лучше всевозможных англичан. Однако если угодно, я закажу Вам и в Лондоне. Если Вам нужна справка с изданиями костюмов (наприм[ер] в Публи[чной] библиотеке Парижской), то я рекомендую Вам следующие увражи [4]:

1) Kretschmer, Trachten der Völker, 4⁰;
2) Hefner Alteneck, III том, 1⁰;
3) Vecellio.

Другие увражи Вам покажут парижские библиотекари с удовольствием и обязательностью — они премилые люди, я сам испытал это не раз. Только подите и скажите, что Вы живописец и русский — все тотчас дадут и покажут.

Гейнс виделся с Кауфманом (теперь уже отсюда уехавшим), и тот ему сказал еще раз то же самое, что прежде мне рассказывал и Гейнс, а именно: государю прежде было говорено, что *вся* коллекция будет ему поднесена, он этого и ожидал; но когда потом коллекции продали и Кауфман однажды стал докладывать, что вот, мол, Верещ[агин] желал бы поднести одну большую картину из прежней коллекции [5], то государь «не слыхал» этого, и Кауфман не посмел уже в другой раз снова о том же докладывать. Вот и все. Правда это или вранье и выдумки — не могу судить.

В. С[тасов]

54. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

[21 мая/] 2 июня [1876] [1]

30 000 франков я еще *не получил;* черкните, пожалуйста, Жемчужникову, чтобы высылал, ибо через 2—3 недели могут понадобиться для первой уплаты.

В половине июня начнут строить мою мастерскую, в конце сентября окончат.

Прощайте

В. Верещагин

Писал Вам 2 раза.

55. В. В. СТАСОВ — В. В. ВЕРЕЩАГИНУ

Надежд[инская], 9,
23 мая [18]76

Василий Васильевич, вчера в Библиотеке я получил одно Ваше письмо, другое сегодня дома, и я Вам скажу, что когда Вы пожелаете, чтоб я *поскорее* получил письмо, я бы Вам советовал адресовать ко мне на дом; это вот по какому расчету: я ухожу из Библиотеки около 5 часов, иногда в 5-м, почта же приходит в 6 или в 7 вечера — значит, письмо и пролежит в Библиотеке до следующего утра, до 11 часов. А если приходит письмо страховое, тогда и того хуже: почтамт посылает в таком случае (как я много раз испытал) не в Б[иблиоте]ку, а в справочный стол: где, мол, квартира такого-то служащего. За этою справкою проходит 1/2 дня, а иногда и целый день, принесут потом письмо, когда меня дома уже нет, и таким манером дело затянется. Итак, все *простые* письма адресуйте в Б[иблиоте]ку, а что Вам надо *поскорее,* посылайте на дом, особенно страховые письма. Почта заграничная разносится по городу 2 раза в день: в 8 и 9 утра и в 6 или 7 вечера; и в то и в другое время я наверное дома, у себя в Надеждинской. Сегодня у нас тут троицын день, завтра духов день — значит, магазины все закрыты, и Беггрова не поймаешь и с собаками. Я его увижу не ранее послезавтра, и тогда все отпишу Вам, и насчет цены альбома, и насчет отсылки Вам 50 экземпляров и проч[ее]. К Льву Жемчужникову пишу сегодня же, чтобы дать Вам общий отчет о Ваших деньгах в наличности (при этом напишу крупными группами и отчет гейнсовский). Вот это все раз, — теперь остальное — сегодня же. К *Гаусхеру* самоучитель русского языка уже послан, и завтра пошлю ему коротенькое письмо, по-немецки, чтобы он знал, откуда ему свалится книга. Насчет костюмов я уже приблизительно почти все отвечал еще третьего дня, т. е. я советовал адресоваться к парижским костюмерам (Théâtre Français или Grand-Opéra) для заказа и выбора костюмов; но так как теперь речь идет уже не о заказе, а о получении на подержа-

ние, то я несколько изменю свои слова и говорю: все-таки призовите себе одного из этих костюмеров, потолкуйте о лучшем выборе — и потом тот или другой за несколько франков доставит Вам на дом, на сколько хотите времени, нужные Вам костюмы. Если бы Вы были здесь, то, конечно, я без малейшего затруднения достал бы Вам костюмы такого рода из которого-нибудь нашего театра, во-первых, потому, что у меня там есть хорошие знакомые, а во-вторых, что художникам разрешено здесь давать костюмы на дом из театра. Когда Антокольский делал своего Петра I[1], я секретным манером устроил ему так, что он даже увез нужные вещи в Рим, но ведь это было *продолжение* данной ему льготы, посылать же костюмы из театра, отсюда, в Париж, мне кажется немыслимо; натурально всякий скажет: «Да как же и на что посылать костюмы наши в Париж, когда там есть их больше и они лучше и вернее наших?». Поэтому-то я советовал бы прямо пойти в театр и поговорить с «лучшим» тамошним костюмером. А кто лучший, то Вам, конечно, объяснят хорошие французские художники из Ваших знакомых. Если же нельзя будет или Вы не захотите, напишите мне, и тогда посмотрим, как выгоднее и удобнее будет устроиться. Я не хочу распространяться сегодня, как Вы меня глубоко радуете известиями о Ваших замыслах: как ни коротки эти известия, но из-за чуть-чуть приподнятого края занавески видятся уже великолепные перспективы. Если Вам можно будет, напишите мне обо всем этом и еще, и еще — наверно *никого* так не обрадуете, как меня. Только бог знает, когда удастся мне видеть Ваши чудесные работы: сюда они попадут и невесть когда, а в Париже буду ли я, а если и буду, то когда именно — сам не знаю. По теперешним обстоятельствам, может быть, нынче и вовсе не поеду за границу, а если поеду, то не знаю попаду ли в Париж: скорее поеду только в Гамбург, Любек и Бремен, потом в Брюссель и Антверпен и, наконец, в Италию, где я не был с 1869 года, а [на] все эти места мне *необходимо* было бы нынче взглянуть для одной специальной работы[2]. Что мне приходит в голову: дай-ка я возьму да пошлю Вам завтра или послезавтра одну недавнишнюю свою работу, напечатанную в феврале и марте нынешнего года в «Вестнике Европы». Эти статьи[3] (публичные лекции, прочитанные мною нынче в *Обществе архитекторов*) произвели здесь много *эффекта*, и я получил пропасть комплиментов и в печати, и на словах, и в письмах. Я до сих пор ни слова не говорил Вам обо всем этом, потому что полагал, что Вам не до чужих работ; но так как Вам пришло в голову спросить нынче про меня самого, то я вот и попробую при-

слать Вам один из 10 отдельных оттисков, полученных от редакции. Если найдете $1/2$ часика времени, пожалуйста, пробегите. На прошлой неделе мне сделал большой сюрприз Крамской (который в июне будет, и надолго, в Париже): вдруг нежданно-негаданно получаю письмо [4] от него из Рима — я даже не знал, *где* он — и что же? Тоже вот и он сильно распространяется об этих моих статьях и комплиментирует меня! Но так или иначе, мне бы надо, в дополнение и продолжение к 5 главным столицам, мною нарисованным (Лондон, Мюнхен, Берлин, Вена, Париж), рассказать еще *второстепенные* столицы; я их давно знаю, но хотелось бы освежить впечатление и съездить снова туда. Что же касается большой моей книги — она в работе, двигается ладно, но не скоро, так как я смотрю на нее как на главное дело целой моей жизни — значит, теперь нечего покуда об этом разговаривать [5]. В заключение я оставил очень важный вопрос: Вы вот сильно недовольны Третьяковым, и, по моему убеждению, совершенно понапрасну — я был бы в отчаянье, если б которыми-нибудь своими строками, неловкой какой-нибудь передачей фактов окислил Вас против человека, который совсем не этого стоит. Я скажу Вам, вижу я людей постоянно громадную массу, всех сортов, складов, способностей и сословий — и не много до сих пор встречал таких субъектов, как Третьяков. Особливо мне поразительно, что такой превосходный человек вышел из среды нашего толстопузого, нелепого, неотесанного, самодурного и безмозглого купечества. Вы его не знаете, а когда узнаете лично, будете и любить, и уважать, и в одну секунду забудете то некрасивое впечатление, которое, кажется, произвело на Вас мое *неловкое* или *промахнувшееся* которое-нибудь письмо. Ни чванства, ни хвастовства, ни глупых претензий у него никаких нет: он просто чист и честен, от глубины души ценит и любит Ваш талант и произведения, и что делал и говорил до сих пор — все было хорошо. О 10 000 р[ублей] поминать ему нечего — он никогда от них и не отказывался, а другие 10 000 в свое время тоже, наверное, даст. *Не беспокойтесь же и не хлопочите об этом:* все устроим, а когда узнаете Третьякова лично, то полюбите его и будете уважать, как и я. Значит, я запрячу в самый потайной ящик моей памяти то, что по нечаянности [Вы] подумали про него, еще не зная его.

К Ганфштенгелю пишу завтра; но могу ему сказать покуда только «общее соображение», потому что не знаю до сих пор, хотите ли Вы отдать ему *полное* право собственности или только *заграничное*. Но тогда *надо все* это сообразить и обдумать.

[*В. Стасов*]

56. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

[24 мая/5 июня 1876] [1]

Я не совсем понимаю Вашу фразу «nous mettons complétement à votre disposition». Если это только вежливость, то она, право, лишняя; если же это не одна только учтивость Ваша, то почему бы Вам не сделать давно так, как было уговорено между мною и Гейнсом и как я уже Вам говорил раз с десяток, коли не больше, т. е. издать мои рисунки с текстом Гейнса. Не я поверхностно говорю, а Вы, когда утверждаете, что для кочевого населения *нет рисунков* и, чтобы не было это голословно, а главное, чтоб нам покончить наши бесконечные переговоры о деле, выеденного яйца не стоящем, приведу №№ тех рисунков и картин, снимки с которых не только могут, но *должны* быть помещены с рассказом о кочевниках:

По каталогу [2]

4) Варвары

а, б, в, т. е. первые три картины поэмы, как хорошо рисующие среднеазиатскую войну и как представляющие русских в стычках *с кочевниками;* это, разумеется, должны быть *3 больших рисунка.*

Затем *№ 10* большой рисунок,
№ 13 большой рисунок,
№ 24 большой рисунок,
№ 32 — (узбек ст[арый] или киргиз),
46 — (то же, может быть, большой),
47 —
111 —
112 —
малые рисунки, разных величин
№№ 23, 25, 26, 40, 41, 48, 49, 50, 51, 53, 54, 55, 56, 57, 69, 70, 71, 72, 79, 80, 81, 82, 83, 84, 85, 94, 95, 96, 97, 98, 99, 100, 101, 102, 103, 113, 116, 117, 118, 119, 120. Выкиньте половину, коли хотите, так и то останется 25—30 рисунков, из которых 10—12 больших, во всю страницу.

Я не говорю о том, что так как Гейнс мало был между калмыками и о Дунганском восстании [3], например, будет говорить рядом с рассказом о киргизах, то все помеченное *Китаем* большею частью перейдет к кочевой части текста.

Ведь не для 12-летних детей только поведет он рассказ, и нет надобности, говоря о человеке, курящем трубку, тотчас показывать на рисунке и этого человека, и трубку его. Многого нет, но многое и есть: палатки внутри и снаружи с фигурами при них, перекочевка, верблюд, лошади, типы и фигуры, и лица; эти последние всех *родов* от Урала до Китая. Может быть,

все-таки этого мало — ну пусть Гейнс не делает издания или делает его с другими рисунками, а не с моими — мне это *решительно все равно*. Решитесь или предложите Гейнсу решиться на что-нибудь, и не будем больше толковать об этом. Еще раз повторю для ясности: добавлять к моим рисункам рисунки других художников или сделанные с фотографий (в одном и том же издании) я не дозволяю и никогда и не думал дозволять. Ну, сделайте же милость, окончим разговоры об этом несчастном издании, напишите что-нибудь Templier — и делу конец.

Очень, очень Вам благодарен за посылку денег матушке моей; коли она Вас обо мне расспрашивает, то не теряйте терпенья — ответьте пару слов, хотя много распространяться не советую — рискуете получить еще расспросы и запросы. Доктор утверждает, что смертельного в болезни моей нет, но что за долгим невниманием она запущена крепко.

Ведь надо Вам сказать, что я уже был у Боткина, он меня осматривал и очень внимательно — и что же! — дал пилюли для желудка и велел соду пить!!

Боюсь опять — не родила бы гора́ мышь; поэтому, вероятно, не поеду в Питер, по крайней мере пока есть какая-нибудь надежда поправиться здесь.

В. В[ерещагин]

Мое письмо к Беггрову [4] сообщаю для всякого случая [5].

Имейте терпение, Владимир Васильевич, разобрать эти каракули.

Коли так, подождите заказывать костюмы; я узнаю, что можно сделать здесь; только боюсь фантазерства французов.

57. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

[3/] 15 июня [1876] [1]

Не могу Вам сказать, какие неприятности я имел с архитектором по поводу разных убавок и экономий — все ввиду сохранения десятка тысяч франков; от души назвал бы [....] Третьякова, отказавшего в ничтожной ссуде денег и тем заставившего меня прибегать к ничтожным экономиям в таком деле, как постройка большой мастерской — если бы не встреча с Крамским, который объяснил мне, что за урод Третьяков. Черт с ним, коли он такой, не будем больше и толковать. Пришлите *непременно* не одну статью, а *все* статьи, как ни нездоров, а осилю их понемножку, потому что очень интересуюсь [2]. Смотрите, книгу [3] переведите на французский язык и чтобы

перевод явился в одно время с оригиналом, т. е. русским (de l'audace, de l'audace et encore de l'audace [4]). Жемчужников телеграфировал мне от *2 июня* (т. е. 13 дней тому назад), что послал мне *письмо* и *деньги,* но я до сих пор (15 июня) ничего не получил и очень беспокоюсь — не надо ли навести справки. Ведь послано 30 000 fr[ancs] [5]!

Кажется, наконец скоро будет приступлено к постройке мастерской. Боюсь, что к тому, что уже получил неприятности, прибавится еще.

Видел портрет [6] Боголюбова, писанный Репиным, — *плох,* хотя похож — скажите ему это.

До свидания.

В. Верещагин

58. В. В. СТАСОВ — В. В. ВЕРЕЩАГИНУ

С.-П[етер]б[ург], Надежд[инская], № 9,
вторник, 8 июня [18]76

Василий Васильевич, получив вчера письмо Ваше от 3/15 июня, я сейчас же написал Льву Жемчужн[икову] и просто не понимаю, что это с ним делается? Мне на мои запросы ни слова не отвечает, деньги, 30 000 фр[анков], до сих пор до Вас не дошли — чорт знает, на что все это похоже!! Только получу его ответ, конечно, сейчас отпишу Вам. А между тем я очень был доволен эффектом, какое произвело на Беггрова Ваше письмо. Он поприуныл и говорит (по кр[айней] мере, со мною) в каком-то *минорном тоне,* что, однакоже, вероятно, не мешает ему продолжать всякие большие и малые свои пакости. Надеюсь, что теперь Вы уже получили и *большой* его отчет, который он обещал послать еще третьего дня непременно. Пропускаю разные глупые его оправдания, которыми он раза два пробовал выгораживать свое 2-годовое мямленье. Не стоит об этих нелепых пустяках упоминать. Пришли ли наконец ящики с индийскими вещами отсюда? Кажется, я Вам писал, что они должны были пробыть в дороге 22 дня — значит, теперь им срок. Гейнс уезжает в свое имение в Уфу, 15 июня или несколько дней позже, до конца августа или начала сентября, и мне обещал, честным словом, до отъезда передать мне *полный счет* всем тратам своим по Вашим делам, с документами налицо; я его только *видел* (в руках), но в своих руках еще не держал и, значит, не просматривал; но, кажется, разница (по его словам) будет в рублях не более, как в 200 в ту

или другую сторону, т. е. что рублей 200 *он Вам должен.* Не ручаюсь покуда, потому что, повторяю, собственными глазами не читал и не проверял. Относительно издания Hachette et C° Ваше предпоследнее письмо было таково, какое необходимо было для развязки дела, и если бы Вы его мне написали раньше, то давно бы уже и самое дело направлено было как нельзя [лучше]. Согласитесь, что я мог считать *киргизскими* (т. е. кочевыми) только те сюжеты, где было подписано слово «киргиз», «киргизка» и т. д.; про все географические же названия я, конечно, не имел возможности знать, что из них *киргизское,* что не киргизское и не кочевое; значит, я должен был на слово все время верить Гейнсу, когда он мне сто раз повторял (2 года), что киргизских, кочевых сюжетов у Вас было *очень мало, слишком мало* между Вашими картинами и этюдами. Теперь же все переменяется: Вы написали список всего сюда относящегося, я и мог приступить к организованию дела, когда Гейнс согласился, что все это сюжеты «кочевые». Правда, в Вашем списке оказалось: 10 сюжетов с людьми, 42 — без людей (ландшафты и проч[ее]), и, кажется, это не совсем удовлетворительно, но так или сяк, я очень сильно атаковал Гейнса, мы разделили весь *кочевой* текст на 4 главы и картинки туда в следующем порядке разместили [1]:

глава I (находится уже у Hachette).

№№ 23, 24, 25, 26, 32, 40, 41, 51, 94, 195, 194, 189, 197 и еще киргиз в башлыке (*из туркест*[*анского*] альбома, на том листе, где есть киргизка в высоком невестином уборе);

глава II (находится уже у Hachette)

№№ 45, 46, 47, 48, 49, 69, 72, 113, 116, 118, 119, 121;

глава III (этнографическая, еще не писана)

№№ 10, 13, 79—85, 111, 112, 202;

глава IV (этнографическая, еще не писана)

№№ 4, а, б, в, 62, 63, 43, 44, 235, 237, 92, 242, 243.

Гейнс обещается по возвращении из Уфы непременно написать III и IV, а может, будет писать их даже и в Уфе — этому последнему мало верю: куда ему среди разъездов, охот, жары etc писать, когда надо было употреблять чорт знает какие усилия, чтоб вытеребить у него 2 главы даже и здесь. Но все-таки, мне кажется, теперь это дело *налажено,* и ему отказываться за недостатком рисунков более уже нельзя, сваливать свое неписание не на что. Остаются только следующие 2 затруднения:

1) Не будет ли затруднения со стороны Hachette насчет *меньшего* количества рисунков против их обыкновенных привычек? Но я надеюсь, что они будут податливы. 2) Как нам быть с деревяшками? Васнецов теперь в Париже, и *когда* он

сюда вернется — не знаю. Он ленив писать, вроде Льва Жемчужн[икова], и с самого отъезда написал мне из Парижа всего несколько строк. Так вот что я Вам предлагаю: пускай с ним говорит Крамской, его большой приятель, и я уверен, что при своей недостаточности он будет в восхищении получить теперь работу. Фотографии у Вас все *есть*, — значит, можете прямо поручить ему приготовить все рисунки, нужные для 1-й и 2-й главы, а потом и дальше, в таких размерах, какие признаете за лучшие. Правда, тут есть 26 рисунков, с которых не существует фотографий (а именно: №№ 23, 25, 26, 32, 40, 41, 48, 49, 51, 69, 72, 79—81, 83, 85, 94, 112, 113, 116, 118, 119, 120); но авось Васнецов через несколько времени воротится сюда, и тогда может ехать в Москву и рисовать с оригиналов как для этих 4 глав, так и для остальных (оседлых). Буду ждать ответа и согласия или несогласия.

В. С[тасов]

А как быть с деревяшками? У нас их тут целая масса от Hachette. Неужели посылать в Париж? Или лучше беречь их для приезда Васнецова в Россию?

Не могу судить о Третьякове — слишком мало его знаю, но он мне всегда казался *порядочным* человеком и, во всяком случае, исключением между нашими купцами. И еще раз повторяю, что не только обещанные по договору 10 000 р[ублей], но, вероятно, он даст и еще сколько хотите — стоит Вам только повидаться.

P. S. Для своей будущей книги я должен читать «Записки Бенвенуто Челлини» [2] и искренно восхищаюсь им. Вообразите, по характеру — это *Вы:* та же дикость, необузданность, свирепость, младенческая чистота и светлость души, прямота, порывы, бесконечные выдумки и предприятия, страсть передвигаться и ездить. Прочтите по-итальянски или по-французски и скажите Ваше мнение.

59. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

12/24 июня [1876] [1]

Что я согласен, в этом не может быть никакого сомнения. Как увижу Крамского, попрошу его переговорить с Васнецовым. Вещи, Вами посланные, получил третьего дня; при доставке на дом поперемочили ящики и боюсь, что поперепортили кое-что. Вот какого рода предложение Вам сделаю: не можете ли найти А. Я. Герда [2] (что ботаник, педагог и проч[ее]) и спросить его, не согласится ли он предложить госте-

приимство известной английской филантропистке M[istres]s Carpenter [3], которая, по моему предложению, непрочь побывать в Петербурге проездом с конгресса социальных наук, что соберется летом нынче или осенью в Стокгольме; может быть, Вам известно, что она направила свою деятельность главным образом на улучшение тюрем и женского (частью и мужского) образования. *Я и жена моя* познакомились с нею на корабле, везшем нас в Европу. Сожалею, что не могу Вам приложить *адрес,* с которым она обратилась к публике в Калькутте — это chef-d'oeuvre в своем роде; честно, умно, энергично и умеренно в то же время. Личное ее влияние *я считаю* громадным и потому полагаю, что желательно было бы, чтобы она завернула в наши страны. Сильным нашего мира она могла бы высказать много правдивого своим музыкальным старческим полушопотом в высшей степени убедительным. Непременное условие, ею выговариваемое, состоит в том, чтобы какое-либо английское семейство (или владеющее английским языком) пригласило ее на побывку, гостьбу, потому что и ее средства (300 ф[унтов стерлингов] в год) и привычка к home [4] не дозволяют ей останавливаться в гостинице. Говорю Вам о Герде потому, что считаю его человеком подходящим [....]. Если же Вы найдете кого другого, еще более подходящего, — тем лучше. *Не оставьте этого дела.*

От Жемчужникова деньги получил и не только деньги, а даже целое извинение, порадовавшее меня не хуже московского калача, извинение в том, что телеграмму о посылке денег послали, а *самые деньги забыли послать* и догадались лишь через 2 недели! А я то тут горел, бродил по почтовым конторам, расспрашивал и разыскивал. Впрочем, беды нет, благо прислано наконец. Я переменил архитектора, потому что тот, рекомендованный Boulanger, в продолжение 2 месяцев не смог даже дать мне окончательной цифры стоимости. Нашел теперь какого-то очень бойкого, строящего множество всевозможных домов от 5 до 100 тысяч франков. Этот обязался вытянуть мне 30 метров без подпорок (50, говорит, коли хотите) за те же деньги, об чем первый боялся бы и подумать. Я Вам высказать не могу всех хлопот, что имею с мастерскою этою — можете судить, каково это при гнилой печенке. Оказывается, между прочим, что место мое заплачено *очень дорого,* по крайней мере 1 фр[анк], за □ метр лишнее — значит, около 15 000 фр[анков] больше, чем было бы это, если бы велось честными людьми. Вот и разгадка, почему Лорч *(приятель)* без моего вызова взялся за это дело и живо обделал его в мое отсутствие — тысяч 7—8 он хапнул за здоровье отсут-

ствующего приятеля. Впрочем, неприятна только эта последняя *догадка;* местом же своим я как нельзя более доволен. Горе то, что не могу начинать расчерчивать задуманные полотна — нет места, и времени пропадает много бестолку.

Может быть, съезжу в Англию. На всякий случай назовите тех знакомых или знакомого, который, как Вы говорите, может помочь мне добыть костюмы. На верность французских костюмеров я *не надеюсь* и поплачусь своими боками за всякую ошибку в складках, пуговицах и т. п.

До свидания.

В. Верещагин

Забыл сказать, что статьи Ваши мне очень нравятся. Дивлюсь смелости, с которою Вы сожигаете корабли даже на глазах Парижской оперы, добро наш брат полоумный — не ведает, что творит, а Вы, действительный статский советник, кавалер и проч[ее] и проч[ее], грубите и лезете в драку со всем официально признанным, патентованным и проч[ее] — чудо да и только. «Живучесть замечательная», сказал бы Базаров, кабы не умер, и сказал бы это [не] в насмешку, а в уважение к Вам. Переведите на французский язык (удобочитаемо для парижской публики) и пришлите, я снесу в «Revue de deux Mondes»[5]. Впрочем, кое с чем я не согласен, есть лишок.

Счет Гейнса мне не посылайте — уверен, что он верен. Скажите только: 1500 руб[лей], присланные отцом моим, там же или нет?

Неужели Гейнс, говоря «о Дунганском восстании», не сказал ничего о калмыках, солонах и др[угих] китайских племенах — у меня их непочатый край. [....]

60. В. В. СТАСОВ — В. В. ВЕРЕЩАГИНУ

С.-П[етер]б[ург], Надежд[инская], 9,
пятн[ица], 18 июня [18]76

Вчера я виделся с Гейнсом; он отвечает, что, конечно, будет писать о Дунганском восстании и употребит в дело все рисунки калмыков и прочих молодцов. Он уезжает в Уфу завтра или послезавтра и уж вперед отправил вместе с другими вещами свой том записок, а мне дал *самое честное слово,* что в имении напишет III и IV главы. Итак, теперь дело будет за Васнецовым (пожалуйста, наладьте и торопите это дело: пусть он рисует, а потом, ведь у Гашетта *гравируют* рисунки для I-й и II-й глав), а во-вторых, дело будет за переводом текста. Сделайте одолжение, переговорите с *Templier,* и пусть ско-

рее переводят II-ю главу на французский язык: ведь это возьмет несколько времени, а потом еще понадобится время на поправку и т. д. Если станете сами сверять перевод с оригиналом, то и прекрасно; если же нет, то покажете кому найдете за лучшее; а если не так, то пришлите мне: несмотря на скуку поправок и сверки, я готов заняться и этим, как сделал с I-й главой. За мной уж дело не станет, я проверю живо и тотчас возвращу в Париж (надо Вам сказать, что переводчик Гашетта *прекрасно* переводил то, что понимал; но в том-то и дело, что он пропасть вещей не понимал по-русски, недостаточно зная наш язык, и потому я вынужден был испещрить его перевод своими карандашными поправками; по-французски я разумею, смею сказать, навряд ли хуже кого бы то ни было в целой Росс[ийской] империи, а у нас, Вы знаете, что знают этот язык не худо!) Итак, пожалуйста, с этим делом Гашетта: ведь когда будет готова вторая глава, можно приступать и к печатанью; эти 2 главы уже одни составят ливрезона 3, если не 4. Надо будет торопить теперь тоже и Васнецова; но пишите мне, *как* Вы условитесь с ним насчет тех рисунков, с которых до сих пор нет фотографий: ждать ли его возвращения в Россию или сейчас же снимать фотографии в Москве и посылать Вам в Париж? Пожалуй, это будет слишком дорого. Итак, жду по этим двум пунктам ответа. Я так был бы рад, чтоб это издание наконец двинулось с места! (Да, еще одно слово: я полагаю, Вы *наизусть* знаете, которые из №№ рисунков и картин для I и II глав еще не сняты фотографией; но если не помните, я тотчас пришлю Вам список, буде нужно.) Что касается костюмов в Лондоне, то вот Вам адрес моего хорошего знакомого: M-r Ralston, № 8, Alfred Place, Bedford Square[1] (недалеко от Британского музея[2]). Он служил еще недавно в Британском музее, заведовал русским отделением (так как знает по-русски и печатал книги о России и переводы); у него в Лондоне связи и знакомства большие в ученых и художеств[енных] кругах. По моему разумению, он должен Вас свести с доками из *Kensington Museum*[3], у которых и коллекции всякого рода (в том числе костюмов) великолепные, а во-вторых, и библиотека с иллюстрированными изданиями (в том числе костюмными). Наконец, в Лондоне Вам покажут также старые и новые *картины*, где английские костюмы в полном ходу. Но одного я только боюсь: не в отъезде ли теперь Ральстон? Он недавно был здесь — в Петербурге — и уехал отсюда на воды, в Германию: воротился ли уже он в Лондон, не знаю. Но он мне подтвердил, уезжая, чтоб по всем надобностям я продолжал ему писать *8. Bedford Square, Alfred Place,* и где бы он ни был, ему тотчас доставят. Если Вы

скоро едете в Лондон, прямо поезжайте к нему на квартиру, если не его застанете, то его старика-отца, который Вам сообщит о времени возвращения сына, если его дома нет еще; а если время еще терпит, то, пожалуй, я напишу, и мы тогда все узнаем на письмах. Остен-Сакена я еще не видал, не знаю, воротился ли он. Герда не знаю, но пойду его разыскивать; но, кажется, он теперь за границей (сколько припомню по газетным известиям). Во всяком случае, теперь *самое неудачное* время для всяких приезжих иностранцев. Никого в городе нет, все разъехались — кто на дачу, кто в деревню, кто за границу; никого не соберешь, никого не найдешь. Это я поминутно испытываю для своих собственных дел, даже неважных. Тем паче, я думаю, теперь ничего не поделаешь для *Mistress Carpenter*. Всего выгоднее ей было бы приехать сюда осенью или зимой. Впрочем, посмотрим. Что узнаю, напишу Вам. Не знаю, как-то Вы наладите свое дело со своим новым архитектором. Но если почему-нибудь с ним дело не состоится, то снова, на всякий случай, пишу Вам адрес архитектора, строившего для Тургенева: *M-r Poitrineau, Rue de Clichy, № 58*. Не могу при этом не сказать Вам двух вещей: 1) страшно боюсь я, что все эти французские архитекторы просто разорят Вас и облупят как липку и вдобавок соорудят какую-нибудь штуку, которая повалится и передавит народ; 2) что точно так же *давно* уже эксплоатирует Вас Лорч: до сих пор я не имел права этого Вам говорить, так как он пользовался Вашим старинным доверием; но теперь Вы сами начали об этом речь, и я скажу, что хотя *недавно* знаю его и всего раз видел лично, но он сразу же внушил мне чувство какой-то глубочайшей антипатии, словно какой-то сукин сын, пройдоха и хапуга. Письменные сношения поддерживали постоянно эту же мысль. Буду *очень рад, очень рад*, если ошибаюсь и если он вполне честный человек. Мне все кажется, что эти Беггровы да Лорчи постоянно будут высасывать из Вас все, что Вы ни наработаете. Впрочем, если Вы не хотите слушать таких моих предположений — как угодно, пожалуй, я никогда более ни слова не скажу. Лев Жемчуж[ников]просто поражает меня: еще раньше Вашего письма он мне тоже написал, *почему* так долго не посылал денег. *Забыть* 30 000 фр[анков] после телеграммы, своей же собственной — чудеса да и только!!!! [....] За «Revue de deux Mondes» благодарю, как за симпатичное намерение, сто тысяч раз — но ведь это чистая невозможность. Это журнал самый *умеренный,* самая *золотая середина* и *осторожность*. И чтоб он стал печатать мои анафемы!!! Да они там скорее повесят сами себя, собственною рукою, вверх ногами.

Знаете, какая у меня есть забавная затея в голове: если мы

только с Вами увидимся когда-нибудь, мне хочется вытребовать у Вас портрет мой, в том размере (около 1 вершка величиной), который всегда у Вас так чудесно выходит! Тогда, значит, я никогда совсем не умру.

[*В. Стасов*]

61. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

[23 июня/] 5 июля [1876][1]

Писать портрет, даже и *Ваш*, не буду: это и неинтересно для меня и мучительно. Вы правы отчасти, когда говорите, что «Revue de deux Mondes» слишком умерен, чтобы поместить такую независимую статью, как Ваша, — ну, так печатайте в Париже отдельною брошюрою. Это мой искренний Вам совет. Не для ради славы пишут только, а хоть бы ради необходимости проповеди.

Пожалуй, не худо будет, если Вы черкнете Шувалову о том, что многое понадобится в Англии (преимущественно костюмы), между прочим, *фельдмаршальский мундир принца Валлийского, форму сипаев*[2] *времени возмущения* и друг[ие]. Спросили бы его, время ли теперь приехать; поблагодарите его за прежнее участие и попросите о новом содействии; когда, дескать, лучше приехать — теперь или после? Имя Вашего знакомого мне, разумеется, известно, но я не думаю теперь ехать в Лондон (разве если Шувалов скажет, что можно). Дела восточные приняли такой оборот, что без сильной поддержки ничего там теперь не встретишь, кроме недоверия.

Нет ли возможности достать *хорошего трезвого пожилого человека*, а то и пару (супругов) для дома нашего в Париже. Просто беда здесь с прислугою: дерзка и небрежна до крайности. Нужно смотреть за домом и садом мужу; жене убирать и готовить кушанье, или, лучше сказать, помогать в этом. Французского языка не нужно для этого. Мы уже решили давно делать все сами и я, как это ни смешно сказать, сам хожу к мяснику, зеленщику и пр. Соседи, кажется, подтрунивают, но нам наплевать; только это можно лишь до тех пор, пока квартира небольшая; держать же в порядке целый дом, без прислуги, нехватит сил. Трудно передать Вам те неприятности, которые мы имели, за 2—3 недели времени от 2 бывших у нас, одна за другою, кухарок: одной молодой, другой старухи. Даже плюю, когда вспоминаю; точно ноша с плеч свалилась, когда мы начали сами себе прислуживать

и освободились от этих мегер. Поручите кому-нибудь разыскать, Владимир Васильевич, да попомните, что я не один, *а с женою*. То-то бы хорошо найти верных и порядочных людей, на руках которых можно бы было оставить дом без страха, даже и за время отсутствия. Вы так-таки и не сказали мне положительно, достанете ли в случае надобности денег взаймы? *Вероятно, даст Третьяков*. Это нимало меня не успокаивает. Значит, может и не дать. Неужели, кроме Третьякова, нет людей с деньгами? Возьмите грех на себя — скажите кому-либо из таких Ваших знакомых: мне, мол, года через 2 понадобится 10—15 тысяч денег, сможете ли дать на 2 года за 10%? С Третьяковым же, больше чем вероятно, я ни в какие переговоры вступать не буду. Одна его манера торговаться для меня омерзительна. Очень бы нужны были деньги и для издания путешествия по Индии: жена моя напишет текст, я дам свои рисунки. В этом случае не согласились бы Вы перевести на французский язык? Скажите не церемонясь! Если дело поведется через издателя, то плата та, что он положит; если же издание поведется на свой кошт (что, впрочем, трудно, так как потребуется много денег), то по взаимному соглашению. Я просил Крамского[3] переговорить с Васнецовым — он обещал ответ не *очень скоро*, так как, по его словам, Васнецов менее всего любит говорить прямо, что он думает и желает!

К Templier, извините, без особенной надобности не пойду, ужасный он пройдоха, хотя и с приличною внешностью, да, впрочем, и не будет надобности, так как деревяшки выдадут Васнецову, коли он захочет, так же как и деньги заплатят. Я предложил ему половину этой платы, что условлена с Templier; когда не захочет, нарисуют французы, никак не хуже, если не лучше. Какая здесь жара, просто страсти! На месте моем только лишь сделали колодец; к работам *обещают* приступить на-днях, *обещают* выстроить мастерскую в 27—18 метров, *обещают* не перейти 60 000 ф[ранков], мало ли что еще обещают — сдержат ли обещания?

До последнего времени, когда побывал у нотариуса, я не знал, что не упомянутая в условии (чему я крепко противился) сумма, почти 20 000 фр[анков], составляет чистую прибыль комиссионера, с которым Лорч устроил дело. И не вписана она, как вижу, не столько для сохранения мне какой-то ничтожной суммы, сколько именно для скрытия от меня этого обстоятельства — будь ему пусто: на 24 000—20 000 прибыли — здоровый процент.

Прощайте.

В. В[ерещагин]

62. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

[25 июня/] 7 июля [1876] [1]

Время ли теперь беспокоить Шувалова с моею просьбою, Владимир Васильевич? Не отложить ли? Пожалуй, что теперь неудобно вовсе заговаривать с ним об костюмах и проч[ем]. Впрочем, как знаете.

Насчет прислуги-то помудрите, коли можете. Также дайте *терпеливый*, обстоятельный и положительный ответ насчет денег; можно будет раздобыть в случае надобности или нет? Опять и этот архитектор норовит втянуть в лишние издержки — просто хоть бросить дело, а бросить нельзя. Завтра пойду решать окончательно. Кабы не ехидный отказ Третьякова дать денег за проценты, давно бы я уже строил, не стал бы стоять за 5—6 000 франков и так из-за них биться. Подумайте, какое горе: надобно отдавать расчерчивать архитектуру на огромных полотнах, но их негде ни натянуть, ни поставить и негде будет еще 3 или 4 месяца — вот так горе! У меня было намерение построить временный барак, но опять-таки эта проклятая запятая в деньгах все испортила, не смею сделать этой затраты (тысяч 3—4—5 фр[анков]). Коли дадите положительное обещание, что достанете денег, когда понадобится (за проценты), то сейчас велю выстроить временный барак для расчерчивания архитектуры. Пожалуйста, об этом, что я Вам пишу, не сообщайте никому. Художники в особенности большие сплетники и пересудники.

[*В. Верещагин*]

63. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

[30 июня/] 12 июля [1876] [1]

И зачем это Вы, Владимир Васильевич, обратили меня к Васнецову? Он начисто объявил Крамскому, что работать не желает — не видался я с позволения сказать...

Вы просто избаловали его с Гейнсом огромными деньгами, которые платили за его рисунки. Я то в простоте душевной верю, что он человек, средств не имеющий; помню, что сам дал Вам право платить ему чуть не 200 ф[ранков] за рисунок, а он объявляет, что в работе не нуждается!

Если Вы станете приискивать человечка для рисования того, что не срочно гравировать, то, пожалуйста, минуйте Васнецова.

Я писал Льву Михайловичу Жемчужникову, что прошу выслать сюда, в Париж, все мои остальные деньги. Мастерская будет стоить не 60 000, а 80 000 фр[анков]! Хоть разорваться, дешевле нельзя; я просто ошалел вчера от счетов и учетов с антрепренером. Всеми правдами и неправдами мы с архитектором урезали еще 10 000 ф[ранков] (было 90 000!), зато и размеров урезали — увы! Просто мне самому смешно подумать что из-за 10 000 фр[анков], т. е. 3000 рубл[ей] приходится терять столько времени и даже здоровья в спорах и т. п. Но что же прикажете делать: деньгам скоро конец, а Вы до сих пор не сказали мне, есть ли возможность наверное достать **денег** в случае надобности. Открывать же лавочку теперь *распивочно* и *навынос* глупо и нерасчетливо.

В. [*Верещагин*]

Напишите и Вы Жемчужникову, чтобы выслал остальные деньги.

64. В. В. СТАСОВ — В. В. ВЕРЕЩАГИНУ

С.-П[етер]б[ург], Надеждинск[ая], 9,
3 июля [18]76

У меня был на этих днях Ваш брат Сергей [1], раза 2, и потом уехал в Вологду, а сегодня утром я уже исполнил его желание и послал ему туда, *poste-restante,* рекомендацию к обоим губернаторам: вологодскому и архангельскому — и притом рекомендацию очень хорошую, от товарища министра внутренних дел кн[язя] Лобанова-Ростовского [2], моего хорошего знакомого. Ваша мать тоже много довольна, потому что я сообщил ей о Вас несколько самых общих сведений [3]. Теперь стану отвечать на Ваши вопросы: 1) Если понадобится, я с удовольствием переведу Вам на фр[анцузский] язык текст Вашей жены об Индии: сделаю это, я полагаю, хорошо. 2) Как мне ни приятно было бы печатать в Париже мои статьи «Столицы Европы», но этого я не сделаю: во-первых, хлопот, времени и денег много понадобится, а у меня нет ни времени, ни денег, во-вторых же, что годится для журнальной статьи, того еще *мало* для отдельного издания, хотя бы даже только брошюры. Но я Вам все-таки крепко благодарен за доброе желание, и могу только удивляться, что Вы захотели и нашли время столько остановиться на чужом труде. В-третьих же, я теперь занят большой работой, самой крупной и важной во всю мою жизнь, тороплюсь ее сделать пока

жив, а выйдет всего 2—3 тома, и там будут еще не такие смелости или даже новости, как в этой статье: мне тут придется дотронуться до всего, до всего — и до корней. *Вступление* будет состоять из 3 глав: I — художники; II — публика; III — критика, и хотя во всех трех главах будут, я надеюсь, такие вещи, которые еще никто не трогал и, значит, которые большинству придутся поперек горла, я все-таки думаю напечатать эти 3 вступительные главы нынче осенью или зимой, в «Вестн[ике] Европы» или где случится. 3) Ваше второе письмо (маленькое) пришло в то самое время, когда я было уже совсем собрался писать Шувалову, — а тут я был очень рад, что и Вы сами рассудили отложить: действительно, если у Вас нет в настоящую минуту *крайности* и если время терпит, к Шувалову лучше пока *не* писать. Скоро вся эта дрянь и чепуха гадкая (со стороны Англии только) кончится, и тогда Шувалову будет гораздо ловчее и удобнее просить и делать что угодно. Про нужных Вам людей, мужа с женой, я делаю кое-какие разведки, расспрашивал — это, кажется, исполнимо; но ничего нельзя наверное решить, пока Вы не скажете определительно всех Ваших потребностей и условий, т. е.: что каждый из них должен делать, сколько Вы желаете (приблизительно) платить им и с какого именно времени они нужны Вам будут. Теперь ли, тотчас, или впоследствии, когда отстроится мастерская? Напишите мне это. 4) Я крепко радуюсь, что уже приступают к постройке и, тем более, к большим Вашим картинам, но только бы и *эти* антрепренеры и архитекторы опять не обчистили Вас, как прежние, все эти Лорчи, Беггровы, propriétaires'ы[4] и прочая шваль. Мне все сдается, что эта мастерская вгонит Вас не в 60 и не в 65 тысяч, а пожалуй, в 90 или более. А что прикажете делать? Дело, которое Вы затеваете, важнее денег. Жаль только, что нет около Вас какого-нибудь делового человека в Париже, который раскусывал бы всю эту челядь и распутывал бы узлы. Я много раз себе сам говорил: будь я на Вашем месте, вероятно, и меня сто раз бы облапошили, как Вас: я по практическим денежным делам точь-в-точь столько же ни к чорту не гожусь. 5) Крамской пишет[5] мне, что по всей вероятности, Васнецов не будет рисовать на деревяшках до *декабря*, когда воротится в Россию. Если это дело решенное, то мне надо знать, на чем же Вы-то остановитесь? Соглашаетесь ли Вы ждать зимы — и тогда надо предварить Templier; а если нет, тогда берите французского рисовальщика (как Вы мне уже раз писали, недавно) и передавайте ему все дело. Только, по-моему, с французом больше будет возни! А впрочем, как знаете! В заключение скажу несколько

слов о *займе*. У меня никогда не было на руках никаких денежных дел, и я отроду не делал никаких займов ни для себя, ни для других — значит, для меня исполнить Ваше желание — что-то такое, что совершенно вне всех моих привычек. На-днях я говорил с Владимиром Жемчужниковым, старым моим приятелем. Он говорит то же, что и я, то же, что и его брат Лев: «Как это ручаться другому, что достанешь столько-то денег через 2 года, когда про самого себя не можешь сказать, что ты и где ты будешь через эти 2 года!!» В самом деле, ну пусть я что-нибудь и пообещаю Вам, даже каким-нибудь чудом *устрою*. Но что будет через 2 года и с *тем* человеком, не только со мною, и в каких мы будем отношениях — кто может предвидеть? А потому я *никакими судьбами* не могу взять на себя подобного обязательства и дать Вам *слово*, что непременно достану Вам через 2 года нужные деньги. Но снова повторяю, что, по-моему, есть много вероятия, что деньги будут: либо даст их все тот же Третьяков (которого Вы теперь экспромтом и совершенно понапрасну невзлюбили); либо картины Ваши сами дадут деньги; либо добудет денег *Гейнс*, у которого много знакомых и который уже устраивал Вам деньги, когда они нужны были (его я теперь давно не вижу: сам не едет, а мне невозможно утром разъезжать по городу, некогда, я занят службой, а вечером его дома нет — уж не уехал ли он в Уфу, не знаю!); или, наконец, Вам устроит впоследствии что-нибудь подобное мой брат, адвокат, имеющий дела и связи в финансовом мире и здесь и за границей (но теперь он до сентября в чужих краях — в Германии, Швейцарии и Париже) — так или сяк, но мне кажется это дело в свое время устроится. Только бы Лорчи и архитекторы, и антрепренеры всякие не вогнали Вас в расходы более тех, что Вы теперь рассчитываете. А пока прощайте.

В. С[тасов]

65. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

[7/]19 июля [1876] [1]

Знаю, знаю, двадцать раз знаю, что денежные дела не Ваши дела; знаю также очень хорошо цену Вашего времени. Если бы я не ценил так мои будущие работы, то, разумеется, не позволил бы себе так настойчиво беспокоить Вас. Оставаться в неизвестности насчет того, будут [ли] у меня деньги для житья и работ, я не могу, потому что это будет медлен-

ная казнь для меня, буквально ни днем, ни ночью не буду иметь покоя. Значит, коли Вы не в состоянии этого уладить, надобно будет войти в сделку с каким-нибудь Гупилем, который к тому давно уже ждет случая со мною познакомиться. После казнитесь, если узнаете, что он меня надул на 200 или 300 000 руб[лей], т. е. если он, пользуясь надобностью в деньгах, об которой, вероятно, уже теперь прослышал, возьмет себе [....] барыш. Верно то, что если у меня хватит здоровья и терпения, я возьму 2 000 000 франков за всю серию моих работ; коли почему-либо не исполню все, что задумал, то на половину этой суммы все-таки могу рассчитывать и не далее, как года через 2, много 3. И все-таки я принужден урезывать размеры мастерской для того, чтобы сберечь какие-нибудь 10 000 фр[анков]! Вот этого я Третьякову во всю мою жизнь не прощу. Патриотизм его тут ни при чем, ему просто нужно законтрактовать мои работы на корню, по дешевой цене. Эти собиратели художественных произведений — сплошь и рядом такие же кулаки, как и раз[ные] другие капиталисты. Десять тысяч он обязан дать мне по условию с Гейнсом, *обязан, обязан.* И затем больше с ним об моих работах и моей особе, сделайте милость, не распространяйтесь, потому что чем больше он поймет мою крайность, тем более прижмет при случае. Брат мой [2] дурак, нахал; не сказавши мне ни слова, беспокоил Вас просьбами и только потому, что Вы так деликатны, что не отказываете мне в моих. Рекомендации к вологодскому губернатору ему не нужно, так как он его знает (служил под его непосредственным начальством), а в Архангельск и носу своего не покажет, да к тому же, если губернатор Архангельска *Игнатьев*, то это хороший знакомый и сосед нашего семейства. Значит, просто брату моему нужно было, во-первых, заявить Вам о своем существовании, а во-вторых, порисоваться в своей Вологде письмами к 2-м губернаторам — дурак, дурак. Сделайте милость, Владимир Васильевич, не исполняйте никаких просьб моих милых родственников. Брат мой — образчик назойливости, на которую некоторые могут быть способны: знает, что я Вас знаю, слышал мои похвалы Вашей внимательности и воспользовался, да еще без толку и нужды. Если Вы будете еще писать моей матушке, то, не шутя, рискуете быть докучаемы да и расплавите ее в сироп.

Российские *муж* и *жена* нужны мне были бы месяца через 3. Делать им придется всего понемногу: отворять дверь, сажать цветы (коли не умеет — выучится, для выучки можно взять садовника), варить или помогать варить кушанье, убирать комнаты и проч[ее]. Необходимы *трезвость* и *чест-*

ность. Пожалуй, цветами-то и не надобно пугать; это придет само собою. Горе мое то еще, что до постройки мастерской не могу начать больших работ, просто без дела сижу. Прилагаю 100 ф[ранков], пошлите их, пожалуйста, куда следует, для отсылки в Сербию — сердце не каменное [3]. Кабы не жена моя, я бы уехал туда рисовать и драться в случае нужды. К Гейнсу я, пока жив, не обращусь ни с какою просьбою. Как курьез скажу Вам: он достал мне раз денег взаймы, часть которых я взял, другую *попросил его положить на 1 месяц в банк*. Вместо банка они попали в карман к его родственнику для покупки имения, и мне пришла такая крайность, что я просто заплакал у него на квартире.

Пожалуйста, напишите Льву Мих[айловичу] Жемчужникову, чтобы выслал все мои остальные деньги теперь же.

[*В. Верещагин*]

66. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

[18/]30 июля [1876] [1]

Владимир Васильевич!

Что делает Беггров, того нельзя терпеть; судите сами: я просил его прислать 50 экземпляров нового альбома, и он прислал их, но теперь вдруг без всякого приглашения выслал *еще 100 тетрадей* — просто для того, вероятно, чтобы наказать меня, так как они мне здесь совершенно лишние. А между тем получение их обошлось мне в 200 ф[ранков]. Разумеется, я отослал их обратно, и это опять будет стоить столько же денег, да по прилагаемому письму получавшего и переотправлявшего их увидите, что при небрежной укладке г. Беггров распорядился испортить 3 или 4 коллекции, значит — еще убыток. Пожалуйста, заставьте Беггрова выплатить из своих денег все это. Еще раз повторяю, я и не заикался о присылке мне сюда этих 100 экземпляров. Перейдате, пожалуйста, все, что есть моих изданий, *Фельтену* или кому-нибудь другому подходящему торговцу. У этого подлеца Беггрова решительно нельзя ничего оставить; если нужно, я вышлю Вам доверенность (формальную трудно, много возни) или несколько более официальное письмо. Во всяком случае, повидайте, пожалуйста, этого коммерсанта и скажите, что я никаким образом не принимаю на себя всего глупого и бестолкового расхода по этой непрошенной отправке целых 100 экземпляров. Не бойтесь довести дело до процесса с ним, лишь бы

только Вы нашли человека, могущего взять дело в руки, за известную плату (comme de raison[2]).

В. Верещагин.

Прилагаю счет[3] того, что я заплатил; как видите, все — более 200 фр[анков].

67. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

[Париж, 22 июля/3 августа 1876][1]

Что Вы, Владимир Васильевич, ничего мне не пишете: что-нибудь хоть: «Ну Вас к...!!» Архитектор мой, с которым все еще возня, оказался большим плутом; кроме того, что сделал двусмысленные условия, еще изменил cahier des charges[2] *после моей* подписи, без моего ведома и согласия! Т. е. сделал прямо преступление. Наконец я напал на человека, который взял и этого барина и всю постройку в свои руки — все легче. Что же прикажете делать, ведь постройка *нужна* — значит, и бейся с нею. Писали ли Вы Жемчужникову о присылке мне всех остальных денег? Пожалуйста, не будьте в претензии на то, что я Вас бомбардирую письмами. Верьте, что я очень хорошо понимаю всю цену Вашего времени, и если так часто беспокою Вас, то только потому, что задумал большие работы, которые кажутся мне стоящими усиленного внимания и помощи.

В. Верещагин

Ответьте скорее что-нибудь, что хотите.

68. В. В. СТАСОВ — В. В. ВЕРЕЩАГИНУ

С.-П[етер]б[ург], Надежд[инская], 9,
понедельн[ик], 26 июля [18]76

Василий Васильевич, я довольно давно не писал Вам — что делать! Во-первых, нездоровилось, голова и сердце болели и не было никакой охоты писать; во-вторых, все это время, по случаю каникул, из библиотеки разъехались все библиотекари, и я вдвоем с *одним* только товарищем должен был справлять все дело — значит, утром и днем порядком уставал и, значит, кроме нездоровья, мало оставалось возможности приниматься по вечерам за перо и чернила. Ну-с, теперь однакоже вот собрался писать Вам:

1) Льву Жемчужникову писал уже *целых 2 раза*, и, кажется, и убедительно и понукательно, даже порядком ругал его — ничто не помогает, ни слова ответа!!! Вот-то люди, чорт знает на что это похоже! Нечего делать, завтра снова пошлю письмо.

2) Сто франков от Вас передал в тот же день, как получил, в редакцию «Нового Времени», и на прошлой неделе было о том напечатано в газете этой (надеюсь, Вы видели сами [1]).

3) Ваш брат Сергей Васильевич, признаюсь, удивляет меня: приходил ко мне 2 раза и, как я ни отказывался, можно сказать, *почти силою* принудил меня добыть ему рекомендательные письма к губернаторам вологодскому и архангельскому. Я думал, правду сказать, что этим сделаю удовольствие и Вам и что Ваш брат в этом случае действует по Вашему указанию или совету. Но, так или иначе, я на другой же день после его отъезда послал ему (по его же просьбе) письмо *poste restante* в Вологду, с уведомлением, что рекомендации добыты и на-днях посылаю их ему. Потом действительно послал, даже «рекомендованными» *) для верности, и просил только уведомить о получении. И что бы Вы думали? С самого отъезда Сергей Вас[ильевич] мне *ни слова* ответа; даже я не знаю, дошли ли до него мои письма — просто отбивает всякую охоту делать другому что-нибудь приятное. Право, я так не привык и никогда не позволял себе такой крайней невнимательности к другим.

4) Я долго не мог поймать Беггрова: то он не приходил почему-то в магазин, то уехал к великому князю в Петергоф, то приходились праздники. Наконец застал я его сегодня утром, и имел опять большой разговор. Он отвечает: что последние 100 экземпляров фотографий посланы Вам по требованию Вашего брата Сергея Васильевича, который зашел к Беггрову и от *Вашего имени* приказал ему послать побольше экземпляров, говоря, что в Париже они почти все вышли, их там нехватает, значит, следует послать *поскорее*. Только Беггров не помнит, сколько именно приказано было послать. 50 или 100? Если 50, тогда другие 50 посланы по ошибке магазина, и тогда Беггров считает себя обязанным заплатить за лишнюю перевозку этих 50 экземпляров в Париж и обратно; но, разумеется, если все 100 экземпляров были заказаны Сергеем Васильевичем, то он более не виноват (мне помнится также, хотя *не наверное* могу сказать, что Серг[ей] Вас[ильевич] говорил мне, что думает послать Вам не 50, а 100 экземпляров). Что же касается до порчи 3 или 4 экземпляров, то

* Заказным письмом. — *Ред.*

Беггров считает себя обязанным заплатить за них, если в порче виноваты его укладчики — артельщики; но он просит только, чтобы Вы ему сообщили достоверное сведение от тех, кто присутствовал при распаковке, что порча совершилась *в дороге,* а не в *парижской таможне* при раскрытии ящиков, так как нередко случается, что самую большую порчу производят сами таможни, и русские и заграничные, грубо и кое-как раскрывая ящики.

5) Наконец, я бы *очень* просил Вас, при нынешних Ваших счетах и расчетах с Беггровым, ничего не писать ему сгоряча и второпях. Его вины и небрежность в двух понапрасну затянутых годах я очень хорошо знаю; но мне кажется, теперь дело состоит в том, чтоб покончить с ним все счеты, рассмотреть и проверить их — и больше ничего. А всякие упреки и перебранки ни к чему не ведут, теперь уж поздно. Мне кажется *фальши* в счетах у него не будет, а что он, вероятно, сильно понагрел руки комиссионными процентами — в этом я уверен, но вольно же было в самом начале выговаривать в его пользу такой процент! Если хотите меня послушать, кроме самых деловых и формальных фраз, *ничего* ему не пишите. Он сам хочет просить Вас, чтоб Вы поручили все дело продажи передать Фельтену или кому другому; но я покуда на это не решаюсь: ведь и Фельтен и Дациаро, конечно, будут точно такой же народ, выгоды никакой не будет. Оставимте решение счетов и передачи до осени (сентября), когда мой брат Дмитрий воротится из-за границы. Если он только согласится, Вы увидите, как он Вам будет приятен и как все устроит к лучшему: и мягко и солидно. Вы увидите, что по этим делам *брат Дмитрий* будет Вам и приятнее и полезнее, чем я. За это ручаюсь Вам. Теперь он в Париже.

Васнецов прислал мне на-днях письмо из Медока и, между прочим, пишет, что нисколько не *отказывался вполне* от рисованья на деревяшках для Вашего издания, но только теперь он очень занят, рисовать же он будет, если угодно, когда воротится в Россию, т. е. в октябре или ноябре.

[*В. Стасов*]

69. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

[1/] 13 августа [1876] [1]

Что Вы устали отвечать мне и исполнять мои просьбы, это совершенно понятно. Я, признаюсь, удивлялся, что встретил человека такого бескорыстия и с такою готовностью помогать

другому талантливому человеку работать и воевать с обстоятельствами, более или менее мешающими этой работе. Я болен и раздражен, как видите. Признание веское, значит, не бейте лежащего, не корите меня моими промахами. За это даю Вам слово не надоедать Вам более так отчаянно. Однако перед тем сделайте следующее: достаньте мне какое-либо ручательство, что Третьяков не возьмет назад своего обещания дать мне в случае надобности 10 000 р[ублей] взаймы. Хотя обещание это было выговорено при сделке и продаже, но оно, сколько мне помнится, не закреплено на бумаге, а от коммерческих людей, даже если люди хорошие, можно всегда ожидать сюрпризы, когда дело касается денег! Я боюсь, что, не давши обязательства на форменной бумаге, подписанной, Третьяков, коли еще к этому прибавится желание законтрактовать мои будущие работы (для пользы отечества, разумеется), — тогда [под] тем или другим предлогом скажет в решительную минуту, что денег не даст и тем заставит меня или повеситься, или отдаться за грош первому кулаку, который подвернется; так как первое совершать над собою мне не хочется, то придется выбрать второе. Знаю, что для Вас это старая музыка, старая погудка на новый лад с моей стороны, но прошу Вас верить, Владимир Васильевич, что мне очень тяжело продолжать эту музыку. Что мне делать, если я всего покоя лишился с тех пор, как Жемчужников не ответил ничего, а Вы ответили, что и думать нечего о каких-либо денежных переговорах. Знаю, Вы усмехнетесь, если я Вам скажу, что принял намерение прежде всего не разбрасывать моих денежных средств, когда первый же раз получу их, и затем плюнуть в харю всему миру, Вас исключая (я не шучу). Досадно мне не столько на Беггровых, которые просто мошенники, а на этих честных прохвостов Жемчужниковых и К°.

Я думал, что он московский калач или сайка, а он оказывается всероссийскою просвирою, только еще не вынутою. Поверите ли, что он самым милым образом просил меня в Петербурге обратиться непременно к нему, в случае, если у меня будет какое-либо денежное затруднение.

«Коли не будет у меня, говорит, достану». Теперь даже моих собственных денег не высылает и ничего не отвечает. Писал ему месяц тому назад, 3 недели тому назад и 2 недели тому назад, наконец, телеграфировал на прошлой неделе — ни ответа, ни привета, и это в то время, когда он знает, что у меня нет никакой расписки, никаких доказательств на эти деньги.

Между тем для постройки они нужны теперь же. Что у меня

делается с постройкою, того и сказать Вам не могу. Фальшивые приписки после моей подписи, приписки на контрактах под мою руку и т. п. прелести. Архитектор влез просто в уголовную ответственность, к которой, однако, притянуть его боюсь, потому что боюсь издержек и затяжек с постройкою. Я распоряжался глупо, в этом сознаюсь. Вы поймете дело, если я Вам скажу, что моя вина в излишней доверчивости. Думал, что он честный человек, а он мошенник. Разумеется, плевок мой до мира не дойдет, а останется на моей же бороде, но уж одно поползновение на это показывает, что в нашей деревне не так красно живется, как бы казалось. Я не исполнил Ваше предложение относительно Беггрова и на его чисто нахальное предложение отдать немедленно деньги и убираться вон с изданием ответил, чтоб он и не воображал, что получит деньги по выставленной цифре без прозерки, т. е. сейчас, а если желает это, то может обратиться к суду; кстати же, тогда я буду вправе заявить мою претензию на материальный ущерб, который он мне нанес, положивши под сукно издания мои на целые 2 года. Ведь этот скот имеет дерзость теперь говорить, что я не оставил ему капитала. А капитала нужно было ровно столько, чтобы разослать посылки с изданиями в разные столицы Европы; дом, принимающий тысячные вещи на комиссию и даже на самых полных правах, как его, не имеет нескольких десятков рублей!

Брат[2] мой дурачина, и я в этом не виноват, я не рекомендовал его.

Он прислал мне 50 экземпл[яров], а потом еще 100.

[*В. Верещагин*]

70. В. В. СТАСОВ — В. В. ВЕРЕЩАГИНУ

С.-П[етер]б[ург], Надежд[инская], № 9,
7 авг[уста 18]76

Получил я вчера утром Ваше письмо, Василий Васильевич, и тотчас повидался с *Владимиром Жемчужниковым*: тот имеет влияние на брата Льва. Я думаю в 1 — или 2 *дня* в Москве была получена наша телеграмма, очень грозная и распекательная, значит, сегодня или завтра совершится какое-нибудь исполнение. Это просто какая-то непозволительная пакость происходит! Как мне ни хочется, но нечего делать — напишу сегодня же Третьякову (на которого Вы продолжаете сердиться вкривь и вкось совершенно понапрасну: время Вам это наконец когда-нибудь докажет, я надеюсь). Только не

знаю, в Москве ли он. Если там, то попрошу его заехать ко мне в Петербурге при первой поездке сюда (и это часто бывает); если же он не скоро сюда будет, расскажу дело на письме. Продолжаю беситься на Вас и за *Вас,* за Вашу мастерскую: мне кажется, эта затея принесет Вам неисчислимый вред навеки — в материальном отношении (и тоже, вольно Вам было не брать архитектора Тургенева, за которого этот последний ручался!) Дай бог только, чтоб для картин вышла та польза, которую Вы ожидаете и о которой не могу судить, потому что ничего не знаю о Ваших предприятиях. А покуда, в своем незнании, удивляюсь только выбору громадных размеров: и продавать будет труднее, да и живопись, не знаю, нуждается ли в таких размерах *в наше время и в будущее.* В средние века размеры бывали громадны у живописи и содержание ничтожно. Нынче содержание прибавляется, размеры убавляются, и какие-нибудь *глупые* затеи Каульбаха [1] (в Берлине) именно уже одними своими размерами доказывают, что он немец, а не европеец. Впрочем, опять повторяю, не зная планов, не могу и судить о их деятельности и пригодности для нашего времени. Дай бог, дай бог, чтоб Вы ни в чем не ошиблись.

От Вашего брата все ни слова.

В. С[*тасов*]

Сильно работаю теперь, а здоровье мое — так себе, не худо. Что касается Вашего нового письма к Беггрову — не могу одобрить: только вред, а не польза.

71. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

[9/] 21 августа [1876] [1]

В жизнь мою не приходилось мне быть в таком пакостном положении, в каком нахожусь теперь вот уже 2 недели. Архитектор, рекомендованный Боголюбовым, Дюлу, Вассиль и К° так меня обработал, что едва-едва совсем не разорил. Это оказался такой вор, мерзавец, подлец, что я затрудняюсь передать Вам. И такому-то негодяю я, благодаря тройной рекомендации, *доверился вполне.* Можете себе представить, что он наделал: не только переправил все контракты воровским манером, *после моей подписи,* но и самую постройку повел так, что, по отзыву призванного эксперта, она не могла бы держаться более 2-х—3-х лет. Если бы не бояться затяжек и траты денег, то следовало бы притянуть этого скота к уголовному суду, но дело в том, что и это, пожалуй, не поможет,

так как я слишком доверился ему и моя подпись покрывает все мошенничества этого сукина сына. Так попался, что не знаю, как и выберусь. Что же делает Жемчужников, ведь я потерял счет письмам, которые ему послал, и ни на одно нет ответа. Верно, он уехал из Москвы. Разве он забыл, что я предупреждал об необходимости в скором времени иметь деньги? Перешлите ему *в теперешнем его местонахождении* прилагаемое письмо [2]. У меня голова просто идет кругом от всех этих гадостей; об работе нет и речи; не могу и взяться ни за кисть, ни за карандаш. Хоть Вы-то отвечайте мне и по мере сил Ваших помогайте или уж прямо скажите, на меня, мол, не рассчитывайте.

Прощайте.

Буду все-таки ждать Вашего ответа. Этот прохвост архитектор, Ferrand (Ферран) по имени, ведет постройку кажется и в России; нельзя ли через Общество архитекторов огласить его мошенничество.

[*В. Верещагин*]

72. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

[11/] 23 августа [1876] [1]

Если Шувалов в Питере, повидайте его и скажите, что мне нужно будет: прежде всего большое место для выставки, в которое я буду постоянно досылать вновь оконченные вещи; разумеется, если получу место даром, то и выставка будет даром, а так как для Лондона выставка этюдов Индии — d'utilité publique [2], то я и думаю, что с его помощью можно будет достать хорошее помещение. Затем понадобится попросить у принца Валлийского его фельдмаршальский мундир и несколько богатых индийских костюмов, ибо таковые я, по бедности моей, не мог купить; кое-что еще, вероятно, занадобится. Когда могу я приехать в Лондон, чтобы без большой помехи его делам мог переговорить бы с ним об этом.

В. Верещагин

Жемчужников телеграфирует, что вышлет скоро деньги.

73. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

[11/] 23 августа [1876] [1]

Читаю Ваше письмо, которое сейчас получил, и не узнаю Вас; мастерская больших размеров — затея! Большие раз-

меры в картинах — глупая неметчина!.. Лучше не будем продолжать в этом тоне, потому что Вы договоритесь до явного противоречия с самим собою и с тем, что Вы мне говорили прежде. Мне дорога Ваша честная, энергическая личность, мне дорога помощь, которую Вы мне, безалаберному и сильно увлекающемуся человеку, оказываете с самого нашего знакомства, но чтоб я послушал Вашего совета и уменьшил размеры картин моих потому, что легче продадутся? Или потому, что в *наше* время содержание обратно пропорционально величинам? Это не для меня законы, и я думал, что не для Вас также, пожалею, если ошибся.

Я только что писал Вам об Шувалове; теперь в Питере, вероятно; если это не составит Вам труда и беспокойства, повидайте его; в противном случае, не делайте, так как в Лондон я могу съездить после и переговорить с ним. Моя [к] Вам теперь единственная просьба (надеюсь дать Вам отдых) — принять меры, чтобы Третьяков, *честный и милый человек* (довольно ли этого?), но купец прежде всего, не прижал меня в последнюю минуту и не отказал бы в деньгах под тем или другим предлогом, несмотря на свое положительное обещание. Если, как Вы говорите, брат Ваш Дмитрий может достать денег за проценты (предложу хоть 15%), то я бы с удовольствием оставил Третьякова в покое. Коли он пересмотрит счет Беггрова, разумеется, крайне обяжет меня, я и рассчитываю на это.

Беггров просто нахально требовал денег и теперь выставляет, что я не оставил ему, уезжая, *100* рублей для дела! По рассмотрении счетов, тотчас уплачу деньги ему.

У меня полтораста хорошо оконченных этюдов, которые имеют большую цену на всяком худож[ественном] рынке, как видите, обеспечение верное.

[*В. Верещагин*]

74. В. В. СТАСОВ — В. В. ВЕРЕЩАГИНУ

С.-П[етер]б[ург], Надеждинск[ая], 9,
20 авг[уста 18]76

Василий Васильевич, вот мои ответы на последние два Ваших письма: *Беггрова* я недавно по нечаянности встретил в зоологическом саду, и он мне сказал, что скоро (на-днях) уезжает на воды, а между тем отдал приказ в магазин, что если кто от Вас явится для проверки счетов, то представить

все документы и бумаги, а при этом я снова страмил его, как ему не стыдно сваливать свою *беспечность* на какую-то болезнь и недостаток рублей ста!!! Не знаю, уехал ли он уже или уезжает на этих днях. Насчет *Третьякова* очень скоро напишу Вам во всей подробности [1]. От Льва Жемч[ужникова] до сих пор ничего не получаю, хотя еще 10-го числа телеграфировал нам, что в *тот же день* посылает нам копию с письма своего к Вам. Завтра, впрочем, повидаюсь с Владимиром Жемчужник[овым] (несмотря на то, что я сильно теперь занят). На-днях получил (наконец-то!!) письмо из Вологды от Вашего брата Сергея Васильевича: он говорит, что так долго не писал мне, потому что страдал печенью и ревматизмом, а потому воспользуется моими рекомендательными письмами — в будущем году. Я вспомнил басню Лафонтена:

Jura, mais un peu tard
Qu'on ne l'y reprendrait plus [2].

Но это пустяки: перейдем к серьезному.

Я виделся с Остен-Сакеном, и вот что мы находим оба *единогласно* насчет Шувалова (которого, кажется, впрочем, здесь и *нет:* он, должно быть, в Варшаве при государе): неловко просить посланника *о мундире.* Это дело камердинера или по крайней мере камергера. Остен-Сакен уверен, что при Вашей знаменитости (вообще везде, и в Англии в частности, после выставки в Crystal Palace [3]) Вам только стоит попросить лично или письмом, когда будете в Лондоне The Lord Chief Chamberlain (т. е. обер-камергера), и Вам тотчас все устроят, да еще с удовольствием. Что касается «богатого индийского костюма», это надо достать в Kensington Museum [4], где в настоящую минуту изумительная коллекция всего самого богатого, необыкновенного и чудесного, что только есть в Индии. Принц Уэльский тут ни при чем, а устроит Вам это *мой знакомый,* которому я напишу в свое время, когда Вы поедете в Лондон. То же самое и о костюмах XVI века: он же устроит. Наконец, *Мóрган* [5] или уже приехал или приезжает на этой неделе, и Остен-Сакен потолкует с ним о Вашей выставке: верно, возьмется с удовольствием и устроит столь же хорошо, как в прошлый раз. Сколько мне известно, Вы были довольны тогда. Больше писать некогда, я должен сию секунду написать до почты еще 4 письма, а времени мало. Буду бог знает как рад, когда услышу, что Вы, так или сяк, наладили с мастерской, а главное — начали писать, т. е. сели в настоящее свое седло.

Спорить о *размерах* картины не стану, хотя мои мнения насчет этого предмета установлены уже очень давно. Но оста-

немся лучше каждый при своем мнении, и только бы Вам все удалось, как Вы желаете и как Вам нужно, хотя бы Вы ошибались, вот я и буду совершенно доволен.

В. С[тасов]

75. В. В. СТАСОВ — В. В. ВЕРЕЩАГИНУ

С.-П[етер]б[ург], Надежд[инская], 9,
25 ав[густа 18]76

Я сегодня утром уезжаю в Тюринген, где у меня *умирает* племянница [1], и меня зовут телеграммой. Ворочусь недели через 2 приблизительно — а впрочем, хорошенько и сам не знаю. На Ориентальном съезде я видел Моргана: он в восхищении устроить Вам в Лондоне выставку, когда понадобится. Так же, вместе с моим *Ральстоном* (его хорошим знакомым), добудет Вам и английские, и богатые индийские костюмы, и мундир Валлийского. Я дал ему Ваш адрес, а на будущей неделе он уже будет писать Вам из Лондона. Вот его адрес: M-r Delmar Morgan, 15, Roland Gardens, South Kensington, *London* [2].

Прощайте покуда.

В. С[тасов]

От Льва Жемчужн[икова] все ничего [3]. Чорт знает что такое!!!

76. В. В. СТАСОВ — В. В. ВЕРЕЩАГИНУ

С.-П[етер]б[ург],
понед[ельник], 6 сентября [1876]

Я воротился в Петербург с телом племянницы, похоронил ее здесь, и теперь вот снова к Вашим услугам с головы до ног. Сейчас я и *Влад*[*имир*] *Жемчужников* (до моего возвращения сюда вовсе не знавший Вашего адреса в Auteuil [1] — Вы забыли написать), мы сейчас отправили телеграмму к моему брату *Дмитрию*, чтоб он из Трувиля приехал к Вам в Отё[й]ль и устроил, что нужно окажется [2]. Он человек вполне солидный и знающий (не говоря уже о том, что он вообще *великолепный* человек) и, буде нужно, Вам *все возможное* устроит, наладит или посоветует. А Владим[ир] Жемчужн[иков] сию секунду уехал в Москву распутать дела брата Льва и достать деньги и послать их тотчас Вам. Мы

только одного боимся: чтоб *Вы* лично сильно не пострадали от проволочки.

Больше некогда.

В. С[*тасов*].

77. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

[9/]21 сентября [1876][1] четверг

Жду с нетерпением Ваше письмо. Объяснение Жемчужникова — чистый вздор, он просто отдал мои деньги не в банк, а частному лицу для оборота, без малейшего на то права. Правду, должно быть, говорит один мой знакомый, что когда чужие деньги в руках, то свиная щетина вырастает.

Посылаю Вам две вырезки из фельетонов известного франц[узского] писателя и критика художественного Жюля Кларети[2]. Он прислал мне премилое, симпатичное письмо, в котором, указывая на то, что давно уже следит *за* всеми моими работами и что в последней своей книге указывает на меня и на Макарта[3] как на двух самых выдающихся европейских художников,— просил позволение познакомиться и получить материал для составления полного этюда об моей личности и моих работах. Разумеется, я ответил визитом к нему. И вот, в ожидании обстоятельного разбора, он печатает в «Presse» и «Indép[endance] Belge»[4] 2 заметки, кои предлагаю Вам поместить в каком-либо русском журнале[5]. Пусть это будет мой первый ответ господам, утверждающим, что у меня ничего, кроме грубого малевания, нет на полотне. Вам, вероятно, известно, что Claretie[6] пользуется самою лучшею репутацией и именем. Лично от себя скажу Вам, что это человек с *неподкупно тонким* художественным чутьем из вежливости или из французского камарадства похвалит и не ахти что, но придет в восторг от вещей только действительно из ряду выдающихся. Однако прощайте.

В. В[*ерещагин*]

Телеграмму получил!

Если Вы заняли деньги, то высылайте их скорее — выйдет просто скандал, коли нечем будет уплатить подрядчикам, а это непременно случится, потому что Жемчужников, несмотря на мое настоятельное *требование* выслать все мои деньги, прислал 2000 руб[лей], да еще извещает телеграммою, что послал 1600 — хоть ты что хочешь! Вместо 70 000 ф[ранков] 10 или 11 000 ф[ранков]!

В. В[*ерещагин*]

78. В. В. СТАСОВ — В. В. ВЕРЕЩАГИНУ

С.-П[етер]б[ург], Надежд[инская], 9,
24 сент[ября 18]76

Надеюсь, Василий Васильевич, что Вы давным-давно получили все деньги: еще в прошлый вторник, 14/28 сент[ября] *Жемчужников* телеграфировал мне, что в тот самый день Вам посланы через контору Винекена[1] все деньги *сполна*[2]. Итак, это дело конченное. Статьи Кларети я напечатал в «Новом Времени», и, я надеюсь, Вы их видели. Только там сделали 2 смешные опечатки: вместо *«на холстах»* напечатали *«на столбцах»,* и вместо *«напечатаю этюд о Верещагине»* поставили «эпизод о Верещагине». Впрочем, большинство, конечно, не заметило этих мелочей. Весь наш художественный мир читал эти отзывы Кларети, и, натурально, все молодое и хорошее — радо и даже в восторге, все протухлое и отсталое — в ярости. Мне сказывали даже, что *Михаил Боткин*[3], этот художественный ублюдок и иезуит проклятый, ничтожество бездарное и, значит, завистливое с пеной у рта, ходил и разносил там и сям такие ехидные слова: что вот, мол, г. Верещагин здесь от всех прятался, ни с кем из порядочных людей и художников знаться не хотел, всех повально презирал, а в Париже при первом сахарном слове какого-нибудь фельетониста растаял и с подобострастием принялся показывать ему свою мастерскую... Я этого [......] Боткина давно уже презираю и ненавижу, и если где-нибудь повстречаю — порядком отшлепаю (конечно, на словах). При первой оказии учиню также расправу со всеми ретроградами и консерваторами, каких только повстречаю. Про этого Михайлу Боткина и его роль в 1874 году, при покупке Вашей коллекции его братом Дмитрием и Третьяковым, я еще Вам впоследствии когда-нибудь порасскажу, при личном свидании. Зато совсем другое дело наше *молодое поколение* (про которое Вы, кажется, совсем забыли, а оно-то и есть настоящая Россия). Я сто раз имел случай видеть, как оно Вас любит, ценит и понимает. Еще на-днях какой-то юноша-художник (не подписавший, впрочем, фамилии) прислал мне восторженное письмо, где благодарит меня за мою деятельность, рассказывает, что мое влияние на русское художество лучше и значительнее влияния *Белинского*[4] на нашу литературу, и т. д. и т. д. (все вещи, которые извиняются и объясняются, конечно, молодостью и восторженностью юноши); но при этом, говоря также с *сожалением,* что наши художники не берут теперь сюжетов из геройской борьбы славян, говорит между прочим: «Конечно, может быть, за такие сюжеты взялся *наш Проме-*

тей[5], Верещагин, но он по горло утонул теперь в Индии». Эти слова Вам ясно покажут, *как* на Вас здесь смотрит художеств[енная] молодежь, в которой вся сила и надежда для будущего.

Час тому назад я получил письмо от брата Дмитрия, еще из Парижа (завтра он будет уже здесь): как и следовало ожидать, он в великом восторге от Вас и говорит... ну, все, что Вы и сами хорошо можете понять. Прощайте, больше некогда. Я надеюсь, что Вы пробежали на-днях в «Новом Времени» мою маленькую статейку[6] (впрочем, *без подписи,* в «хронике» об отчете Академии художеств. Что за слякоть там сидит!!! На-днях будет тоже маленькая моя заметка[7] (тоже без подписи, вероятно) о выставке этой итальянской плащицы Беллоли[8]. Давно Вы мне ничего не пишете.

В. С[*тасов*]

Морган уехал на-днях и теперь уже в Лондоне.

79. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

[28 сентября/] 10 октября [1876][1]

Прометей[2] не далее, как третьего дня, был у Кумани, консула, и просил о кое-каком содействии на случай отъезда в Белград. Давно бы я уже уехал, кабы не страшные хлопоты с постройкой, дрязги, гадости, кляузничество! Впрочем, коли перемирие заключат, то, может быть, и не поеду. Дмитр[ий] Вас[ильевич], верно, передал Вам одну мою просьбу. Пожалуйста, исполните ее, лишь только будет хотя полная вероятность войны[3].

Надобно Вам сказать, что когда я пожег мои 3 картины («выдуманные»)[4], то дал Гейнсу мой большой альбом с рисунками из моих записных книжек Кавказа, Дуная, Туркестана и проч[ее] с просьбою *заменить этим альбомом потерю картин,* буде это возможно (я сам *очень* ценю эти *кроки*). Гейнс же расторговался моими картинами да потом мимоходом объявил мне, что альбом он подарил *Михаилу Петровичу Боткину*, которого я вовсе не знаю, но который будто бы *очень помогал ему* (в чем?). Меня это крепко озлило, и я написал Гейнсу, что уж если дарить (чего я вовсе не имел в виду), то дарить для коллекции: «согласен и подарить, но с тем, чтобы этот альбом находился при коллекции». Гейнс исполнил мою просьбу, отобрал альбом, но настоял, чтобы я по-

дарил какой-либо этюд М. Боткину якобы великому почитателю моего таланта и проч[ее] и проч[ее]. Я послал ему старый этюд мой 1864 г. — головку, деланную еще в деревне моей. Недавно здесь слышал от одного приятеля (как Вы знаете, вздор и кляузы охотно переносятся), что этот М. Боткин с каким-то еще юродивым художником по дороге из Рима рассказывал вздор обо мне: я будто, видите, строю мастерские для отдачи внаймы, для аферы. Теперь Вы пишете мне, что он еще говорит пустяки. Коли увидите Гейнса, скажите ему, что, по своей холопьей манере *задабривать,* он ввел меня в большую ошибку, заставивши, хоть и заочно, приблизиться к негодяю. Я отвечал уже Жемчужникову, что деньги получил.

Восторженное то письмо к Вам писал не *русский* ли *поляк;* посмотрите, освидетельствуйте правописание; если да, скиньте 90% с искренности и восторженности. Кларети я пустил к себе потому, что в искренности его не было возможности сомневаться. Представьте себе, что он давно уже следил за моими работами, не зная меня ни по каким выставкам, и знает наперечет все мои работы до мельчайших.

Опечатки в переводе не могли не броситься в глаза, слишком уж смешны. Брат Ваш удивительно похож на Вас, только, как я ему и говорил, бороды различны: у Вас — как у Шейх-уль-Ислама [5], у него — как у покойного Абдул-Азиса [6], постриженная в кружок.

Даже движение поддерживания штанов (вероятно) локтями, с приударением при этом по брюху, — одно и то же. Разговор, движения, прищуривание глаз и проч[ее] — чисто Ваши. Он был очень любезен со мною и вполне успокоил меня по известному Вам обстоятельству, имеющемуся в виду [7].

Скоро мне стукнет 34 года.

[*В. Верещагин*]

80. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

16/28 октября [1876] [1]

Я просил Дмитрия Васильевича сказать торговцу Зезерину в Гостином дворе, чтобы выслал меховое платье мое и жены моей, у него находящееся. Я думаю, под расписку он это сделает; на всякий случай прилагаю послание к нему [2]. У меня также сердцебиение — есть с чем поздравить.

В. Верещагин

81. В. В. СТАСОВ — В. В. ВЕРЕЩАГИНУ

С.-П[етер]б[ург], Надежд[инская], 9,
30 окт[ября 18]76

Василий Васильевич, *Гейнс* только что приехал из Уфы, и потому раньше ничего нельзя было поделать с меховыми вещами: Зезерин требовал непременно квитанции, а та была у Гейнса. Теперь все это устроено, и Гейнс обещал, что вещи Ваши пойдут к Вам *непременно* сегодня же или завтра.

Сам Гейнс собирается и уезжает в армию, на Дунай, если война будет объявлена с Турцией. Он надеется получить дивизию или, в крайнем случае, бригаду. Я сильно занят, готовлю свою большую книгу [1], кроме того пропасть хлопот всегдашних и во все концы.

В. С[тасов]

82. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

1/13 ноября [1876] [1]

Владимир Васильевич.

Я просил Вас о присылке мне теплого платья моего и жены моей от меховщика *Зезерина* в Гостин[ом] дворе. Если почему-либо Вы не можете сделать это, так будьте так любезны сказать мне парою строчек, ведь, может быть, я выручу тогда платье как-нибудь иначе, а то теперь в ожидании мерзну и простуживаюсь.

В. Верещагин

Нет необходимости, чтобы Вы сами отвечали, пусть хоть кто-нибудь черкнет 2 слова, чтобы я мог принять меры.

83. В. В. СТАСОВ — В. В. ВЕРЕЩАГИНУ

С.-П[етер]б[ург], Надеждинская, № 9,
пятница, 5 ноября [18]76

Василий Васильевич, только что отправил Вам телеграмму — теперь пишу Вам обещанные там подробности. Я рассудил еще вчера, тотчас же по получении Вашей телеграммы, что адресоваться к графу Гейдену вовсе не следует [1]. Он, правда, любезнейший и милейший господин, но даже и в обыкновенное время захлопотан до того, что от него никогда не

добьешься ни ответа, ни свидания. И потому я подержал совет с *Остен-Сакеном,* потом мы составили вдвоем план действий, и, согласно с моими указаниями и советами, он написал подробное письмо к генералу *Галлу*[2], самому близкому человеку к в[еликому] кн[язю] Николаю Николаевичу[3], а теперь *Главному начальнику квартиры* главнокомандующего. Сегодня утром это письмо было доложено великому князю, который с удовольствием принял Ваше желание быть при армии во время похода, и вследствие его решения генерал Галл приезжал сегодня днем к барону Остен-Сакену с просьбою передать Вам решение великого князя, которое *уж сообщено* и начальнику штаба, генералу Непокойчицкому[4]. Генерал Галл просил Вас уведомить, что Вы будете считаться *наравне с адъютантами* великого князя (конечно, без жалованья, которого Вы, впрочем, и не желали), и если угодно Вам будет, то можете всегда обедать у великого князя вместе со всем штабом его, как это назначено (всего около 200 человек ежедневно). Мы напомнили вел[икому] князю в нашем письме вчерашнем, что Вы человек не только обстрелянный, но даже боевой, и он сказал, что знает Ваши действия в Самарканде и помнит Вашего Георгия[5]. Но вот одна подробность, которую Вам следует знать: с самого назначения великого князя главнокомандующим он решил взять с собою в армию двух молодых художников (лет около 30), давно уже на него работавших и получающих от него жалованье: один *Макаров*[6] (товарищ Репина по Академии и по курсу) — хороший копиист и отчасти портретист и жанрист, другой *Красовский*[7] — баталист, из посредственных. Они уже нан днях трогаются из Петербурга. Что касается времени отправления, то генерал Галл поручил Вам сказать, что так как вел[икий] князь уезжает отсюда в *Кишинев* 11 ноября, т. е. на будущей неделе, то, конечно, и Вы можете, если захотите, ехать туда же в Кишинев — немедленно. Но он советовал бы Вам капельку подождать, а именно, переселения всего штаба в *Джурджево,* и приехать уже прямо туда. Впрочем, когда Вы ни поехали бы, теперь или позже, генерал Галл просит Вас за *несколько дней* написать ему о Вашем отъезде, чтоб он мог знать и приготовить Вам квартиру. Адрес ему пишите тогда так:

Начальнику главной квартиры главнокомандующего, генералу Галлу. Пожалуйста, напишите мне раньше отъезда.

В. С[*тасов*]

P. S. Совершенно *по секрету* я выведал от Владимира Жемчужникова, как от своего старинного приятеля (почти си-

лой), что Лев, его брат, намерен выплатить Вам и те проценты, которые причитались бы на Вашу сумму и которых он не получил ни с кого, за изменением всех обстоятельств. По-моему, этого не должно вовсе быть. По моему *допросу*, оказывается теперь, что Лев никакой подлости, ни пакости не делал, а разве был легкомысленен и неосторожен. Я думаю, Вы этот раз все подробно узнаете. Надеюсь, что *Гейнс* переслал уже Вам меховое платье: по крайней мере, он мне дал в том *слово* почти неделю тому назад.

84. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

[11/] 23 ноября [1876] [1]

Письмо Ваше получил, но платья теплого нет как нет. **Пошлите** же его, пожалуйста, т. е. **понудьте** Гейнса отослать расписку. Я вышлю немедля, что стоило подержание. Кстати: нет ли у Вас за мною неоплаченных мелочей? Будет нехорошо, если не скажете. Я писал уже Жемчужникову (Льву) в ответ на его уверения, что старался об процентах (сначала говорил об 5—6%, после — об 9%), писал ему, что я никогда о процентах не хлопотал; на вопрос же его, сколько получил денег, я без замедления отвечал: *все*. Когда он спрашивал меня, какие убытки причинены мне, я отвечал, что так как деньги пришли не очень поздно, то *никаких*. Конечно, я мог бы сказать ему, что тысячи 3 франков потеряны на упадке курса в промежуток времени между моею просьбою о деньгах и его высылкою, но я не считаю себя вправе взять и этих денег. Тем более отказываюсь от получения процентов, об которых, повторяю, никогда не хлопотал. Коли сделает глупость — пришлет, — отошлю назад. Из истории этой выходит, что Лев Жемчужников менее умен, чем я думал. Не могу Вам сказать, как высоко я его прежде ставил, по памяти моего знакомства с ним в Академии.

В подлости я его не укорял. Напрасно Вы его в этом оправдываете. Я просил брата моего, что в деревне (Александр Вас[ильевич] Верещ[агин] [2]) прислать Вам 3000 рублей, т. е. половину тех денег, которые он мне должен за лес, у меня купленный, под тем предлогом, что Вы знаете, как выгоднее их пересылать; в самом же деле потому, что просить его перевести их в январе на Париж нельзя будет: курс очень низок. А просить подержать у себя — еще хуже: издержит наверное. Будьте так добры положить их в банк до поры, когда можно будет выслать их сюда.

Что с передачею издания Фельтену? Возьмите, пожалуйста, все это дело от Беггрова, который просто не дает ему хода. Надобно обязать Фельтена вести продажу на широких основаниях, выслать [если] не по 2 или 3 экземпляра, то хоть по одному в Берлин, Вену, Рим, Лондон, Дрезден, Стокгольм и т. д. Не откажите руководить и заставить сделать так именно и не иначе. Не надейтесь, что с Беггровым можно будет как-нибудь сладиться. Он будет только гадить и подличать. Сколько будет недохватывать денег до уплаты ему, возьмите из тех, что пришлет в январе брат мой.

В. Верещагин

Я очень рад, что с велик[им] князем есть художники: меньше вероятия, что будет просить *написать картину.*

85. В. В. СТАСОВ — В. В. ВЕРЕЩАГИНУ

С.-П[етер]б[ург], Надеждинск[ая], 9,
пятница, 12 ноября [18]76, вечер

1) Сейчас получил я Вашу телеграмму от давеча утра, насчет мехового платья, и отвечаю: если так долго Вам это платье не послали — конечно, я в том не виноват. Много раз я писал Гейнсу, лично с ним видался, он всякий раз обещал *сейчас* сделать, вот непременно все *завтра же* устроит, и однакоже ничего не выходило. Согласитесь, не могу же я, как нянька, ходить за Гейнсом и наблюдать за тем, чтобы он исполнял свои обещания и честные слова. Оно и скучно, да и не могу же я все свое время посвящать только одному этому. Однакоже, так или этак, но наконец мое «долбенье» возымело успех: платье послано и, я надеюсь, придет к Вам вместе с этим письмом, может быть, даже раньше этого.

2) Очень вероятно, что [после] моей второй телеграммы и письма Вы собрались пускаться в путь. Я Вас знаю, Вы ведь человек нетерпеливый, загорающийся в одну секунду, как порох. Так вот именно поэтому-то я Вам и скажу: *не торопитесь* с отъездом, если на него решились, *не торопитесь*, потому что иначе рискуете попасть впросак. Отъезд вел[икого] князя все более и более затягивается, а вместе с тем и отъезд всего его штаба: сначала назначили его 7 ноября, потом на 11-е, потом на 16-е, а теперь его отложили, говорят, до 21-го — а потом, пожалуй, он затянется и еще дольше. Есть немало людей и солидных и знающих, которые утверждают, что войны вовсе не будет, что все так и

разойдется, невзирая на военные приготовления; а если и совершится даже *оккупация* Болгарии нашими войсками, то войны все-таки не будет, и войска постоят-постоят там, а потом воротятся назад, и больше ничего. Но, конечно, никто пророком быть не может, и теперь мудрено что-нибудь отгадать в нынешней общей сумятице. Во всяком же случае, все-таки Вам нечего торопиться и лучше бы не выезжать, пока не получите официального известия, по газетам или в нашем парижском посольстве, что война действительно началась или, по крайней мере, что вел[икий] князь уже на Дунае.

3) В том случае, если война состоится, меня очень озабочивает дело Hachette. Вот Вы уедете на войну, Гейнс тоже собирается; война может продолжиться — конечно — всего несколько месяцев, но также и несколько лет, если сделается *«европейскою»:* спрашивается, что же тогда будет со всем этим делом *Hachette*, с которым я, к сожалению, связан и о котором все точно позабыли? Со стороны кого угодно из действующих лиц это крайне «легко» и некрасиво, и всякий раз, когда я наткнусь глазами у себя в библиотеке на громадный взвод пальмовых деревяшек, присланных в разное время Гашеттом, у меня становится внутри как-то неловко и досадно. А между тем я не могу себя ни в чем обвинить: что тут было с моей стороны напоминаний, понуканий, упрашиваний, уговариваний — и рассказать мудрено!! Не могу же я сесть и писать за Гейнса и рисовать за Васнецова или устраивать за Вас! Те двое — нестерпимые ленивцы и мямли — $1/2$ года, год и 2 проволочки и оттягивания им ничего не значат, словно у них 100 лет жизни в кармане; Вы же сущим grand seigneur'ом [1], баричем, только отвечаете: «не хочу ни с кем говорить, не хочу ничего устраивать, слаживать» — значит, дело предоставлено самому себе, и должно совершиться какое-то чудо, для того чтоб каким-то сверхъестественным наитием оно не только дошло до конца, но даже хоть немножко тронулось вперед. Гейнс такого рода человек (хотя, в сущности, кажется и хорошим), которого надо весь день щипать, пихать, двигать, толкать, переворачивать, подгонять кнутиком. Но я не могу посвятить ему целую жизнь, у меня и без него есть много и своих забот, на которые времени не хватает. Я не говорю, пускай бы мои усилия приводили к удачным результатам — ну, тогда я готов бы, пожалуй, до некоторой степени приносить себя в жертву и запасаться терпением; а то сегодня у него *вымучишь* какой-нибудь один или два шага, а завтра надо начинать сызнова, приставать и вымучивать следующий капельный шаг — что за мучение, что за каторга!! Право, этакого человека я еще не видывал.

Однакоже, как бы ни было, это дело с изданием надо либо *покончить*, либо устроить — ведь просто бессовестно так долго тянуть за нос Гашетта, и я только удивляюсь его джентльменскому долготерпению! Воротясь из Уфы, Гейнс уверял меня (и даже давал «слово»), что написал несколько новых глав текста, по обещанию, данному до отъезда, но что-то ничего не показывает и все отлынивает. Подозрительно!!! Со своей стороны, Васнецов обещается быть в декабре здесь. Посмотрим, что-то выйдет изо всего этого?

4) Вы как-то всегда отлыниваете от всяческих художественных разговоров (которые, однакоже, единственный, мотив, делающий для меня интересными и важными сношения с художниками), и вследствие такого отлынивания или упорного замалчивания я должен был не говорить с Вами о сотне интересных и важных для меня вещей, о которых хотел бы говорить с Вами. Одна из таких материй — это вопрос о *больших* размерах картин. Я о нем думал много раз, и вот к чему я пришел, к какому заключению: *большие* (очень большие) размеры и должны и не должны существовать — это смотря с какой точки смотреть на живопись. Если смотреть на нее с точки нынешней, общепринятой и традиционной, т. е. той, для которой существует *виртуозность*, *фактура*, *мастерство кисти*,— больших размеров существовать не должно: весьма достаточно размеров средних, умеренных, в них вполне может проявиться то художественное впечатление, которое мы до сих пор только одно и знаем и к которому мы привыкли, со всею его искусственностью и условностью, во всех музеях и коллекциях целого мира. Но есть впереди нас, далеко впереди, в далеком будущем, другое еще искусство, другая живопись, которой бы теперь никто не захотел бы, вероятно, признать: это та живопись, где будет речь не о *виртуозности*, не о *мастерстве*, не об условных *красотах* и *совершенствах*, а о таком исполнении, где бы каждый предмет обманул глаз и где бы я был перенесен с неотразимою силой внутрь сцены важной, трагической, комической, исторической или бытовой. Мне нужно, чтоб подобная сцена обманула меня и мое воображенье, как обманывает «Siège de Paris» [2] Филиппото [3] в панораме,— и вот этакие-то картины будущих людей и времен имеют все право быть каких угодно размеров. Для произведения *обманывающего* эффекта пусть употребят и огненное освещение, и стекло, и что угодно. Это будет нечто вроде *декораций* и *живых картин*, но только с глубоким содержанием. Вот такие мои фантазии насчет будущности живописи!! Со скульптурою тоже должны совершиться, по моему мнению, подобные же *коренные* превращения. Но о них я покуда молчу.

Не знаю, настолько ли Вы лишены предрассудков, чтоб согласиться со мною и признать, что в самом деле искусства не могут остаться в том эмбриональном виде, в каком до сих пор прозябали со своими Рафаэлями [4] и иными.

В. С[тасов]

86. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

[17/] 29 ноября [1876] [1]

Если у Вас «становится внутри неловко и досадно при виде деревяшек», то досада эта должна быть на Гейнса и на себя и никак уж не на меня. Удивляюсь, как Вы бездоказательно утверждаете, что тут с моей стороны что-то «легкое и некрасивое». Еще раз и еще раз отвечаю Вам, что я никогда не желал и не говорил о своем желании, ни Вам, ни Гейнсу, добавлять или разбавлять мою коллекцию среднеазиатских этюдов посторонними рисунками, чьими бы то ни было, и удивляюсь только, как Вы с легким сердцем припустили ко мне другого художника, да еще и не с ахти какими *сценками*. Повторяю Вам мой вопрос: допустите ли Вы или Гейнс прибавки к Вашим литературным работам, хотя бы эти добавки добавляли и исправляли Ваши работы? Если нет, то каким образом дозволили Вы себе (Вы и Гейнс) издавать не мои рисунки с текстом Гейнса, как было условлено, а рисунки Васнецова *и мои?* Я Вам говорил, что на это я никогда не соглашусь. Скажите Гейнсу, что он *нахально врет,* если говорит, что ничего не было условлено; *честью моею утверждаю,* что все было условлено и только после переврано. Неужели этого Вам мало? Какое же тут grand seigneur'ство с моей стороны — обвинение голословное. Я не иду к Templier потому, что он кулак и пройдоха; сейчас подумает, что я нуждаюсь в нем, начнет затягивать разговор, делать вид, что ему все равно, и т. д. Мне эти издевательские уловки уже опротивели. Чтобы покончить с этими делами, предлагаю Вам написать Templier, что Гейнс *уплатит за заказанные им Васнецову деревяшки* (что он должен это сделать, в том не может быть сомнения). Затем издание может пойти своим чередом, если готов текст. Если Гейнс уплатит [за] рисунки Васнецова, что он должен сделать, то за будущие рисунки я должен получать половину платы Templier. Так как капризник Васнецов, по всей вероятности, рисовать не будет, то либо поручить рисунки хорошим художникам в Петербурге, либо пере-

слать деревяшки Templier, с тем, что можно будет разделить их здесь. Ухаживать за Гейнсом Вам положительно не приходится. Это даже бесполезно во всех отношениях, так как самое лучшее — пусть он уплатит за деревяшки, которые заказал, и затем убирается со своим текстом к чорту. Я останусь при моих рисунках. Телеграмму Вам я послал только потому, что не мог послать ее к Гейнсу. И не думал винить Вас; напрасно утверждаете, что не Ваша вина и не Ваше дело. Прошу извинения.

Замечание Ваше, что «я всегда, будто бы, отлыниваю от всяческих художественных разговоров», совершенно неверно. Прибавка, что «эти художественные разговоры — единственный мотив Ваших сношений с художниками», в том числе, значит, и со мною, кажется мне крайне надменною. Вы уже прежде мне говорили, что хотели *чисто художественных* сношений со мною — только, и теперь это повторяете. Нужда, нужда, Ваше Превосходительство, заставила меня к Вам обращаться с просьбою заказать то-то, выслать то-то и проч[ее]. Скажу в оправдание, что никого, кроме Вас, нет знакомых в Петербурге. Разумеется, это еще не резон, но ведь нельзя же не ошибиться. Искренне Вам советую похерить Ваши рассуждения насчет размеров картин. Они неверны в самом основании. По моему мнению, Вы сделали чистую ошибку, сказавши, что картины в наше время не должны иметь больших размеров. Теперь увеличиваете еще ее рассуждениями о том, что «должны и в то же время не должны, смотря с какой точки смотреть на живопись». Никаких стеснений Вы не имеете права делать художнику. За Вами остается и признается право критика, за ним — право творчества. И то и другое в каких угодно размерах. Другое дело, если Вы обратитесь с Вашими советами насчет размеров к поставщикам картинной мебели, дураки они будут, если не примут такого практического совета.

В. В[ерещагин]

87. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

17/29 ноября [1876] [1]

Я хочу еще раз сказать Вам, что Гейнс должен уплатить Templier за те деревяшки, которые он заказал Васнецову или Вы. Пришлите какой-нибудь текст к ним для Templier. Затем Гейнс намерен издать свой текст. Я предлагаю издать

мои рисунки, но лишь одни мои, так как добавление или разбавление их чьими бы то ни было я считаю лишним и ненужным. На это никогда я не соглашался и не соглашусь. Вы можете находить, что это *легко* и даже *некрасиво,* но я, наверное, останусь при своем мнении. Затем очень жалею, что Вы имели и имеете хлопоты с этим делом, но думаю, что винить можете только себя, а затем А. К. Гейнса, который поступил с моим предложением издать мои рисунки вместе с его текстом чисто по-офицерски.

Весною, когда природа цветет и благоухает, а Петербург невозможно воняет, приезжайте сюда или заезжайте, и живо уладится все издание — Je ne demande pas mieux[2]. Я знаю, что Templier только прикидывается равнодушным, на самом же деле желает иметь мои рисунки.

Впрочем, не принимайте серьезно это последнее предложение. Вы, я знаю, ищете только чисто художественных сношений, по крайней мере с художниками, а тут хлопоты и еще хлопоты, хлопоты без конца. Сейчас получил теплое платье. Не понимаю, для чего присланы шубы, купленные было у Зезерина ввиду поездки в Сибирь, но затем оставленные у него для продажи. Что с ними делать в Париже? Впрочем, не подумайте, что прошу Вас вступиться в это недоразумение. Сообщаю это так, между прочим. Я знаю, что Вы не желаете со мною иных сношений, кроме чисто художественных.

В. Верещагин

88. В. В. СТАСОВ — В. В. ВЕРЕЩАГИНУ

С.-П[етер]б[ург], Надеж[динская], 9,
22 ноября [18]76

Я вижу из Вашего письма от 17/29 ноября, Вас[илий] Вас[ильевич], что Вы совсем не схватили моей мысли, и потому считаю своею обязанностью в первый и последний раз сказать здесь, что именно думаю о *взаимных наших правах,* Вас как художника, меня как публики. Если мне нужно будет иметь дело с мебельщиком, я ничего не стану ему советовать, а просто закажу или прикажу, что мне нужно. Когда же у меня будет сношение с художником, то я никогда не позволю себе не только приказывать ему что-нибудь (что уже совершенно невозможно), но даже советовать, потому что не имею на то никакого права. Всякий должен быть сам по себе, и в художнике всего драгоценнее его индивидуальность. Но

если я никогда не вмешаюсь в чужое дело, то имею претензию требовать, чтоб никто не вмешивался в мое, чтоб никто не зажимал мне рот и не останавливал мое перо. Художник имеет право делать и творить, что ему только угодно, я — публика — имею право думать и высказывать, что мне ни кажется справедливым [1]. Мы ни на одну секунду не обязаны хоть бы на волосок *слушаться* один другого, но *выслушивать* друг дружку — да. Пусть, впрочем, художник повертывает спину сколько ему угодно к нам, публике (если не чувствует надобности обмениваться мыслями), это ничуть не резон для нас — принимать на коленах и с подобострастием что ни вздумает кинуть художник нам, дуракам (т. е. публике): право обсуждения всегда принадлежало и будет принадлежать нам, потребителям, и в самых широчайших размерах. Нет такого предмета и подробности художественной, на которые не мог бы и не должен был бы простираться наш контроль и наша мысль. Рабства и фетишизма перед художниками и перед художеством мы ни за какие пряники не согласны принять. Сноситесь с нами или не сноситесь с нами, выслушивайте нас или не выслушивайте нас — как Вам угодно, — но и не воображайте, чтоб мы перестали вносить *«дерзкий»*, *«непослушный»* взгляд и мысль в то, что художник делает. Прежние художники считали себя какой-то привилегированной, богоизбранной кастой и племенем — оттого сидели на одиноких, недоступных вершинах, не желали смешиваться с презренной толпой. Нынешние — чувствуют свою принадлежность к народной массе и потому постоянно желают быть с нею в сношении, выслушивают, что она думает и чувствует. Может быть, Вы найдете, что все мною сказанное не новость, давно Вам известно. Прекрасно! Но тогда зачем же Вам было представлять себе, будто я навязываю Вам какие-то *«советы»* или *«требования»*. Я ровно ничего не советую и не требую, но желаю никогда не быть лишенным права думать и высказывать то, что у меня внутри происходит. Что же касается моих слов, что в сношениях моих с художниками мне всего дороже выражение их мнений, мыслей и чувств о художестве — единственное, из-за чего приятно и стоит быть с ними в сношениях, — что же тут не так, что же тут «надменного», что тут ложно или непозволительно? Хоть миллион рублей или палок дайте — не пойму.

В. С[тасов]

P. S. У меня сейчас был в б[иблиоте]ке Ваш брат *Александр* и сказал мне 2 вещи:

1. Что в конце декабря или начале января он принесет ко мне 3000 рублей Ваших и что Вам нечего об этом предмете

беспокоиться. (Если же это обещание будет исполнено, я немедленно передам те деньги брату Дмитрию, с просьбой внести в банк.)

2. Что он только что получил телеграмму от Вашего брата *Сергея*, который только что воротился в Череповец из Вологды и совершенно согласен продать ему (Александру) свое имение.

89. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

30 ноября/11 декабря [1876] [1]

Иронию Ваших слов опускаю, какой бы взгляд Вы ни вносили в то, что художник делает. Это мне решительно все равно. Говорю, разумеется, не об Вас лично, а о той публике, которая *требует за свои деньги*. Одно в Ваших словах для меня ново: это то, что Вы выставляете себя представителем этой публики; остальное все старо. Я не *воображал* и не буду *воображать* запрещать кому-либо вносить свои мысли и взгляды в то, что я делаю, но имею право требовать, чтобы судили то, что я сделал, а не то, что я намерен сделать, чтобы не корили меня размером картины, напр[имер] не говорили бы, что большой размер в наше время анахронизм, нечто средневековое и т. п. До Вас, и яснее Вас, и резче Вас формулировал эти требования всех ищущих *за свои деньги*, которых Вы выставляете себя представителем, Прудон [2]. Но зато ведь он носил блузу, живя в Париже, да и то он не делал той ошибки, в которую Вы впадаете и в первом и во втором Вашем письме о «размерах картины». Он требовал у художников отчета в результатах их работ, а не в средствах.

Пусть Ваша излюбленная, за свои деньги хающая публика судит мои работы, когда они готовы; но чтобы я пустил всякое неумытое рыло рыться в моих проектах и затеях? Дозволил бы, на французский манер, фабриканту, отдыхающему от стука и пыли своей фабрики, и épicier [3] — от вони запертой в праздник лавочки давать мне советы, что, в каком размере делать. Никогда! Пусть эта толпа, желающая воспроизведения своих идей и вкусов, представителем которой Вы являетесь (к моему удивлению и ужасу), пусть она обращается к тем фешенебельным мебельщикам, о которых я говорил (чего Вы не поняли) и имя которых легион, прямее сказать — к 99% существующих художников.

По Вашему примеру, говорю Вам об обязанностях моих как художника и Ваших как критика в последний раз и в первый.

Что касается Ваших слов о цели Ваших сношений с художниками, то так как Вы поддерживаете Ваши слова, я, со своей стороны, усиливаю, если возможно, слово *надменность*, которое выговорил.

Вчера давали в Concert populaire [4] увертюру Чайковского [5] «Ромео и Джульетта» [6]. Я хлопал как соотечественник, к соблазну соседей, но мои аплодисменты были каплею в море свиста и шиканья. Начало мне понравилось, но вся пьеса, надобно сказать правду, порядочная чепуха. Талант у него, должно быть, есть, тем не менее терпению и нервам такая музыка — самая здоровая проба.

[*В. Верещагин*]

90. В. В. СТАСОВ — В. В. ВЕРЕЩАГИНУ

С.-П[етер]б[ург], Надежд[инская], № 9,
23 дек[абря 18]76

Василий Васильевич, вчера (*среда*) Ваш брат Александр принес мне в библиотеку 1500 рублей, а сегодня утром еще другие 1500 руб[лей], в чем я, конечно, дал ему расписку, а сегодня я передал все 3000 р[ублей] моему брату Дмитрию для помещения в банк. Теперь Вы, пожалуйста, уведомьте его или меня, уплатить ли из этих денег *тысячу* рублей Беггрову (по проверенному его счету) или этим деньгам лежать, во всем их составе, в банке, впредь до Вашего востребования? Но я полагаю, что хорошо было бы этих денег не переводить пока в Париж — наш курс *очень плох!* Авось поправится, вместе с политич[ескими] делами. А впрочем — как сами знаете.

Ваш брат Александр сообщил мне несколько подробностей, просит передать их Вам. Лес Ваш он продал вместе со всем своим имением, так что теперь ему в деревне делать более нечего, а потому он переехал в Петербург и живет у Конюшенного моста, в доме Арендта. Желал бы заняться каким-нибудь делом, но не знает — каким бы, и потому очень скучает. Собирается ходить в нашу библиотеку, но тоже пока еще не решился, по какой именно части брать для чтения книги. Спрашивал он и меня, что бы я ему присоветовал и чем бы ему заняться, но я вовсе не знаю ни его вкусов, ни характера, ни способностей и потому, видав его всего 2—3 раза, ровно ничего не мог посоветовать, пока. Однакоже он сказал мне еще, что желал бы служить по части государственного коннозаводства и что он будет просить Вас, не можете

ли Вы пристроить по этой части, через кого-нибудь из Ваших знакомых. Ваш брат Сергей все продолжает жить в Вологде, но оттуда думает скоро поехать в Париж. Ваша матушка и Ваш батюшка думают на праздниках приехать сюда, в Петербург, и тогда остановятся в квартире у Вашего брата Александра. Теперь прибавлю несколько слов и от себя. Я уже очень давно не вижу А. К. Гейнса и ровно ничего не знаю о нем. Поедешь к нему — и даже несколько раз, — дома не застанешь; на письма он очень ленив отвечать, обещаний не исполняет, а когда пишешь или говоришь ему, что вот он то-то или то-то забыл или то-то и то-то не исполнил, как обещал, он сердится и говорит, что при всяком упреке или выговоре *прячется в свою раковинку.*

Однакоже как мне ни надоело с ним возиться, как нянька с ребенком, я все-таки постараюсь повидаться с ним, авось на праздниках застану его дома (хотя по утрам мне вовсе нет времени для разъездов, я занят *всегда,* и не признаю и не соблюдаю *никаких* праздников).

Васнецов не будет еще теперь к январю здесь, как обещал; он все еще занят какой-то своей картиной, и притом, кажется, дела его идут довольно неладно: он надеялся найти хоть в Париже работу и занятие, отчаявшись найти что-нибудь в Петербурге (вот каково положение русского искусства и русских художников!!), но недавно *Григорович* [1] говорил мне, что Общ[ество] поощр[ения] художников [2] послало ему, по его просьбе, 1000 франков.

Ваш *В. С[тасов]*

91. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

[31 декабря 1876/] 12 января [1877] [1]

Не придумаю, зачем брат мой [2] посвятил Вас в тайны своих продаж, желания служить в коннозаводстве и проч[ее]. Могу и должен только извиниться в том, что родство мое без нужды Вас беспокоит. Очень благодарен Вам за отдачу денег в банк; я просил передать их Вам потому, что иначе они были бы издержаны, а кроме Вас, я решительно никого не знаю в Питере. Разумеется, нужно отдать деньги сейчас же Беггрову, но и взять от него издания. Брат Вам обещал передать альбомы Фельтену, и я еще раз писал ему в этом смысле (через Ваши руки, на библиотеку). Думаю, что он ответит мне что-нибудь. Полагаю, что при передаче этой не-

трудно выговорить обязательство выслать экземпляры в Лондон, Берлин, Вену, Рим и др[угие] места и оговорить, обусловить контроль, который будет легок, если отчетность в порядке. Пожалуйста, не подумайте, Владимир Васильевич, что я прошу Вас лично об этом; верно, Вы не откажетесь передать это Вашему брату, который очень любезно, как мне думается, совершенно искренне, обещался взять разбор этого дела на себя и помочь мне. Я хотел бы также без церемоний просить Вашего брата сказать мне, если ему надоело или надоест возиться с этим хламом; нимало не буду в претензии.

Уж, разумеется, буду очень рад, когда начнется снова приготовляться издание, хоть бы по одному тому, что мне наруку получить будет некоторую сумму от моих работ — так я обнищал. К тому же снимется некоторый род запрещения, под которым находится теперь право издания моих рисунков, — ни вперед, ни назад. Если Васнецов не рисует, беды нет, здесь легко найти рисовальщиков; главное дело в том, чтобы Гейнс уплатил за заказанные им *сцены,* о которых у нас не было и речи при условиях насчет издания и которые я положительно не признаю и не допускаю в соседство к моим наброскам — худы они или хороши.

Нет ли кого-нибудь, кто бы шел впереди в Петербургской академии?

В. Верещагин

Пришлите 2 слова Ральстону. Я думаю скоро поехать в Лондон, если это Вас не стесняет.

1877

92. В. В. СТАСОВ — В. В. ВЕРЕЩАГИНУ

С.-П[етер]б[ург], Надежд[инская], № 9,
26 янв[аря 18]77

Вот какая неожиданная штука, Василий Васильевич,— мне пришла надоб[ность] попросить Вас об одном деле. Нисколько не сомневаюсь, что Вы исполните мою просьбу, даже употребив на то несколько Вашего времени (впрочем, надеюсь, не слишком много), — и прямо примусь объяснять Вам, что мне нужно. Будьте так любезны, сходите в rue Bonaparte [1] (недалеко от École des Beaux Arts [2]), и войдите в известный магазин художественных изданий — «*Veuve Morel et C°*» [3]. Там адресуйтесь, пожалуйста, к нынешнему хозяину или главному приказчику — они все *в близких сношениях* со знаменитым французским архитектором Viollet-le-Duc [4] (отцом) — и спросите, не знают ли они или не могут ли узнать от него самого: правда ли, что он теперь пишет *историю русской архитектуры* [5] и даже в прошлом году нарочно приезжал сюда в Россию? Вот и всё. Если все это правда, то сделайте одолжение, напишите мне адрес Виолле-ле-Дюка — я бы хотел войти с ним в сношения, или, точнее сказать, возобновить мои с ним сношения, начатые в Париже в 1862 году (только, я думаю, он давным-давно забыл меня). Я *очень* уважаю археологическую и художественно-научную деятельность этого чудесного француза, и мне очень жаль было бы, если б он много наврал в будущей своей книге. А чего ожидать, когда его руководителями были: какой-нибудь сукин сын и пройдоха, и круглый невежда Леонид Бутовский [6] и тому подобные дураки. Книга же Виолле-ле-Дюка, при его великой знаменитости, конечно, немедленно разлетится по всей Европе. Я нашу национальную архитектуру, старую и новую, смею сказать, знаю и, пожалуй, крепко помог бы Виолле-ле-Дюку.

Все эти длинные (и м[ожет] б[ыть] скучные) объяснения Вам написал лишь для того, чтоб Вы знали, что и почему мне нужно. А впрочем, если Вам трудно это поручение, я, пожа-

луй, и так обойдусь. На-днях брат Дмитрий говорил мне, что Вы скоро собираетесь в Лондон; поэтому, на всякий случай, я повторю здесь нужные Вам в Лондоне адреса: 1) Mister Delmar Morgan, 15, Roland Gardens, South Kensington[7]. 2) Mister W. G. Ralston, 8, Alfred Place, Bedford Square[8].

Оба давным-давно об Вас предуведомлены и сделают все Вам полезное, особливо по части Кенсингтонского музея и проч[ее]. Сверх того, завтра или послезавтра я должен писать Ральстону по разным своим делам и между прочим еще раз повторю о скором Вашем приезде.

Давно Вам не писал, потому что, признаться, не об чем. Сверх того, крепко работал и работаю да еще принужден заниматься не одним *главным, собственным* своим делом, а и многими другими, не главными и не собственными. Приехал на-днях Крамской, мы с ним тотчас же виделись. Он во многом возмужал и вырос, но лучше всего то, что он привез великолепный eau-forte[9]: громадный портрет наследника. Не знаю, видели ли Вы его? Но, по-моему, это (кроме старинного Чемесова[10]) лучшая до сих пор русская гравюра. Остальные тут все кто глуп, кто интриган, а все вообще, как сошествия с небеси, ожидают картину *Семирадского*[11]. Я видел фотографию — мерзость и дрянь!!! Вот авось краски будут «эффектны»![12]

Посмотрим.

В. С[тасов]

Новый роман Тургенева в «Вестнике Европы» «Новь»[13] — старческий лепет. Все либо плоско, либо фальшиво. Всего лучше еще пейзажики и амурности. Но, разумеется, большинство барынь тает и млеет, как от всякого *романса*. Ведь Тургенев не более, как автор романсов и *акварелист*. Я это ему самому говаривал не раз в глаза. А нынче он и прежнее-то на ³/₄ растерял.

93. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

[6/]18 февраля [1877][1]

Что это с Вами случилось, Владимир Васильевич, что Вы пишете мне письмо без укоров и без пререканий? Ведь это истинное удовольствие — ответить Вам и исполнить Вашу просьбу, насколько, разумеется, я могу. Крепко уважая Вашу литературно-художественную деятельность, я, разумеется, скажу, Le-Duc[2], что лучше Вас никто в России не в состоянии

помочь ему. Не знаю только, увижу ли его и, прежде всего, пишет ли он историю нашей архитектуры. Этот господин печатает в «XIX Siècle»[3] свои «Lettres extra parlamentaires»[4], которые Вы, вероятно, еще не читали. Признаюсь Вам — это нечто совершенно вон выходящее, ничего подобного в протухлой всевозможными условными приличиями атмосфере Парижа, скрепленное притом, разумеется, таким именем, я думаю, не появлялось давно уже. Ведь разрывает, злодей, всю гниль своих архитектурных собратий — и каких? Что ни на есть важных — бессмертных. Что узнаю, напишу Вам. Я здесь слышал, напротив, что гравюра Крамского слаба, черна. Самого ее автора я раз поддел, заставил высказать суждение о картине Семирадского, прямо противоположное тому, которое он излагал перед тем. В последнем случае он говорил при свидетелях, в первом — глаз-на-глаз; один раз говорил — белое, другой — черное.

Впрочем, когда он приехал сюда, меня предупреждали, что он дипломат. Только тогда я этому не верил[5]. Он мало развит, хотя немного читал и кое-что слушал[6]. Коли засядет в Петербурге — именно он-то недалеко уйдет вперед. Очень жаль, что Вы так поздно прислали мне адрес Ральстона: я уже воротился из Лондона, не видевши его. Морган просто ревнует к нему, как мне показалось, и недолюбливает его. На мою просьбу сказать его адрес обещал непременно поехать вместе, да так и прособирался, пока я уехал. Впрочем, я, вероятно, напишу ему.

Картина Семирадского мне не нравится, но я понимаю, что большинству публики она должна нравиться; жаль, что он не догадался легко наметить по небу ангелов, спускающихся к мученикам, — успех был бы еще более. Чего ждать от массы публики, хоть английской, когда она в восторге от картин Доре[7], этого гениального иллюстратора и этого бездарного, уродливого писаки десятисаженных холстов! Он имел дерзость сделать свою отдельную выставку в Париже в «Cercle»[8] — публика не пошла, художники, которые ходили, выходили со слезами — от смеха.

Коли увидите Гейнса, спросите у него оригиналы или копии его писем к Лорчу, также того, если это есть, что я писал ему, т. е. Гейнсу, о покупке земли. Очень нужно это, так как Лорч меня обманул на 25 000. Я его на стороне называл вором, и он теперь на меня жалуется в суд, требует dommages intérêts[9].

Я говорил об этой канальской проделке и писал Громме, которого Вы, может быть, знаете, а этот негодяй все это показал Лорчу и теперь настаивает, чтобы тот вел против меня

иск. Я не хотел трогать [....], чтобы не воняло, — извините, — но теперь принужден буду поднять всю эту комиссионерскую проделку. Если Вы что знаете по этому делу, то сообщите. Я считаю Тургенева более чем «автором романсов и акварелей». Он способен * вести действия, *оканчивать,* что немалая заслуга, в особенности у нас, где такие тузы, как Гоголь [10], Грибоедов [11] и многие другие, сумели дать лишь превосходные типы и крепко осеклись на том, что они задумали *построить, воссоздать* из своих ярких и талантливых этюдов [12]. Что Тургенев немного *легок* — это правда.

[*В. Верещагин*]

94. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

[9/] 21 февраля [1877] [1]

Я был в магазине Morel. Сначала приказчик сказал, что ничего об этом не знает, но потом вспомнил, что два господина на-днях разговаривали об этом у него в магазине. Наконец подвернулся какой-то господин, к которому он обратился, как к хорошему знакомому Viollet-le-Duc. Тот сказал, что это совершенно правда. Что хотя этот архитектор и не был сам в России, но *имеет все документы, и рисунки уже все готовы.*

Значит, если Вы хотите предложить ему Ваше участие, то должны поспешить. Я было хотел пойти к нему сам и расспросить, когда его можно застать, чтобы переговорить без стеснения (до 9 часов утра), но потом, перечитавши Ваше письмо, понял, что Вы хотите сами писать ему. Пожалуй, это будет и лучше, так как, ничего здесь не выставляя и не показывая, я никому почти не известен, и Viollet-le-Duc, вероятно, не слышал моего имени, так что мой порывистый отзыв о Вас, который, пожалуй, смахнет на бестолков[ый] панегирик, не много расположит его в пользу Вашего предложения.

Вот его адрес:

68, rue Condorcet, Paris [2].

Мне сказали, что он пишет L'art Russe [3].

В. Верещагин

В случае, если Вы хотите, чтобы я сходил, — сделаю это с удовольствием.

Не помешает, если скажете, на что именно опереться в разговоре.

---

* Впрочем, картины хороши и у Гоголя. (*Примеч. Верещагина*)

95. В. В. СТАСОВ — В. В. ВЕРЕЩАГИНУ

С.-П[етер]б[ург], Надежд[инская], № 9,
13 февр[аля 18]77

Своя рубашка к телу ближе, и потому, Василий Васильевич, я начну со *своих* дел, а не с ваших. Ведь я опять к Вам с просьбой, и на этот раз Вы сами виноваты: Вы так раздразнили меня рассказом о статьях Viollet-le-Duc'a, которого я глубоко уважаю за светлый, сильный и оригинальный ум, что решаюсь просить Вас прислать мне эти статьи. Если Вам можно прислать эти статьи *по-одиночке*, то я просил бы отрезать по фельетону и прислать мне, раз за разом, как письма. Если же Вы рассудите, что так неудобно, то пришлите под бандеролью на имя: *Bibliothèque Imper*[*iale*] *Publ*[*ique*] *de S-Péter*[*sbourg*] [1], которая имеет право *все* получать, только уведомьте меня наперед, — а если эти статьи должны потом выйти отдельной книгой (что Вам, м[ожет] б[ыть], скажет сам *Viollet-le-Duc* или магазин *Morel*, тогда и присылать нечего — мы получим эту книгу непременно. Теперь про Вас. Меня до крайности поразил Громме, которого, впрочем, я никогда не видал и не знаю, но Лорч меня ничуть не удивил: Вы, я думаю, припомните, как он мне сразу был *антипатичен*, и как я его сразу заподозрил. Я все удивлялся только, какими судьбами Вы можете не только сделать доверенным лицом, но даже интимным. Это, на мои глаза, такая гадина, с которою и $1/2$ часа невозможно иметь дело. Я виделся уже с *Гейнсом*, и мы оба завтра или послезавтра посылаем Вам (страховым письмом) все, что у нас документов есть, касающихся лорчевского дела. Мы же можем прибавить только *одно* Вам на пользу: это его попытку вытянуть у Гейнса, в счет уплаты за землю, 25 000 — о чем я Вам уже писал в свое время, а теперь повторяю снова. Только, пожалуйста, сохраните все эти бумаги. *Гейнс* (который, несмотря на все истории, любит и уважает Вас все попрежнему) с жаром принял это печальное известие, сегодня весь день будет рыться в бумагах, и завтра мы напишем Вам свои соображения. Только я все не понимаю, как могут Вас официально преследовать за *частное* письмо, ничуть не назначенное для публичности. Таких документов не берут в суд нигде на свете для преследования насчет клеветы или диффамации. Просто ничего не понимаю!!! Гейнс назначен военным губернатором Тургайской области (Киргизы, близ китайской границы), и месяца через 2 он туда уедет. Но до того он по каким-то личным делам должен побывать в Париже и Лондоне. При этом случае он спрашивает: желаете Вы с ним повидаться и все дела

порешить? Он этого *очень* желает, да и я его к тому побуждаю. Мне кажется, это было бы прекрасно. Он даже в лорчевском деле (или даже процессе) мог бы, пожалуй, явиться свидетелем, если понадобится, — он не отказывается, — а во-вторых, Вы втроем с Templier'ом уладили бы и направили бы и прежнее издательское дело. Так вот, сделайте одолжение, ответьте мне поскорее согласны Вы с ним повидаться в Париже или нет? Недели через $1^1/_2$ или 2 он едет уже за границу. Приказ о его губернаторстве состоится 19 февраля. Жду ответа.

В. С[*тасов*]

96. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

[17 февраля/] 1 марта [1877][1]

По делу с Лорчем обстоит так: я передал все адвокату, который на первый раз оспорил подсудность этого дела здешним судом, так как я русский и на меня жалующийся — также русский подданный. Гг. Лорч и Громме с большими носами, несмотря на свой протест, отправились во-свояси: им предложено жаловаться на меня в России, на что вряд ли они рискнут. Со своей стороны, я просил адвоката собрать все сведения и смекнуть затем, нельзя ли будет мне теперь, раз что я уже тронут, шлепнуть этого негодяя. Хотя они устроили дело очень гладко, но, может быть, и удастся где-нибудь открыть кончик кошачьего хвоста.

В особенности нотариус, эту сделку совершивший, может сильно поплатиться.

Вы так и не сказали мне, сами ли напишете Viollet-le-Duc или мне надобно сходить? Если последнее, то сделаю это с величайшим удовольствием. Для получения статей схожу в редакцию «XIX Siècle», потому что статьи я читал, но затем не берег, так что сейчас найти их не могу. *Гейнса буду очень рад видеть*, хотя злость моя на то, что он ни разу не писал мне в Индию, не прошла, да вряд и пройдет когда совершенно. Это не мешает мне и любить и уважать его (впрочем, уважение к нему уже не такое безотчетное, как прежде).

Что это Вы пишете, что Гейнс, *несмотря на все истории* мои и проч[ие]... какие это истории? Не он ли, наболтавши с три короба, наполовину переврал, наполовину ничего не сделал?

До свидания.

В. В[*ерещагин*]

97. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

[23 февраля/] 7 марта [1877] [1]

Посылаю статьи V[iollet]-le-Duc (7 номеров). Один №, кажется, проеден крысами, чего, бравши его из редакции, я недосмотрел. Коли он понадобится, черкните, и я вышлю новый. Не мешало бы Вам, заручившись, разумеется, дозволением, перевести эти статьи; ведь le-Duc бьет не одну Парижскую академию — всем перепадет на орехи. Что такое наше «Архитектурное общество»? [2] Если оно то, чем должно быть, то ему приятно и назидательно должно быть прослушать такой разбор деятельности ожиревших тузов своей профессии.

Посылаю Вам очень интересную выдержку из англо-индийской газеты «*Friend of India*» [3], передайте ее Суворину да кстати спросите его, не желает ли он, чтобы я присылал ему то, что найду там и сям интересного. Между прочим, сообщите следующее: в прошлое воскресенье в концерте Паделу [4] был дан «Камаринский» Глинки [5] — и ошикан. Чайковский же был, незадолго, страшно освистан за увертюру из «Ромео и Джульетта». Надобно сказать, что эта последняя пьеса действительно того стоит, но «Камаринская» ведь прелестная вещь! Правда, что Паделу ухитрился поместить ее между Моцартом [6] и Бетховеном [7], из которых в особенности последний сосед, разумеется, чуть ли не оправдал такой прием для Парижа (граф Эгмонт) [8]. Чайковский, помнится, так же был помещен между Бетховеном и Мендельсоном [9]. Этот толстый Паделу, при кажущемся желании знакомить парижскую публику с иностранными композиторами, таким образом делает, кажется, все от него зависящее для доставления случая этой публике проявить свои башибузукские наклонности.

В. В[ерещагин]

98. В. В. СТАСОВ — В. В. ВЕРЕЩАГИНУ

С.-П[етер]б[ург], Надежд[инская], № 9,
24 февр[аля 18]77

Василий Васильевич, я очень рад был узнать, что Лорч с Громме провалились [1]. Если бы они вздумали поднять процесс *здесь*, их можно бы порядком отшлепать. Громме я не знаю, но, увидев господина *Бруно* [2] в Париже, я только удивлялся, как Вы могли связаться с такою швалью и мерзостью (даже говорить ему «ты»), и у меня нехватило духу с ним

видаться. Кажется, я даже все это писал Вам в то время. Я до сих пор ничего Вам не послал от Гейнса, потому что, несмотря на все поиски, *нечего* было. Гейнс говорит, что у него нет ровно ничего *писанного* насчет контракта и продажи, а Вы сказали про все это на словах. К Лорчу он писал всего *один раз,* в мае 1874 года, чтоб только сказать, что, кроме условленных 8000 фр[анков], не пошлет ему *ничего больше,* а потом уже только *телеграммами* отказывал ему в других сверхштатных подобных же требованиях. Если понадобятся копии с таких телеграмм, послать Вам можно, если понадобится. Особливо нас однажды смутило, обоих, требование 25 000 фр[анков], которые Лорч вдруг потребовал телеграммой, в чем мы ему тотчас же отказали (считая немножко *темным* делом и штукой); тогда он рассердился, грозился Вам жаловаться в Индию, а сам присылал длинные объяснения со счетами, почему и куда ему нужны деньги,— но всегда мало верили. Да и цифры бывали иногда разные — то больше, то меньше. Некогда больше писать сегодня.

Гейнс, кажется, на будущей неделе (или предбудущей) приедет в Париж и очень доволен Вас увидеть.

В. С[тасов]

99. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

[1/13 марта 1877] [1]

Вы спрашиваете, как я сошелся с Лорчем. У Громме, за попойкою [....] и там-то с пьяных глаз стали говорить друг другу *ты.* Хоть не ясно, но, во всяком случае, коротко.

Какого он мне тумана подпускал своим участием, можете видеть из того, что на письме ко мне в Индию предупредил меня *против Вашего намерения строить мастерскую мне.* (Вы будто бы ему говорили это?!) «Это нельзя,— говорил он,— допустить». Я не обратил тогда на эти слова внимания, но теперь, просматривая письма его, вижу, как тут и далее он приговаривался к тому, чтобы взять постройку в свои руки,— одолжил бы!

Напишите, пожалуйста, Владимир Васильевич, небольшое показание *для суда,* разумеется, на французском языке, о том, что Вы, из дружбы ко мне, вмешавшись в дело покупки земли, вынесли на основании тех или других причин очень невыгодное впечатление о самовольном забрании этого дела в свои руки г[осподин]ом Лорчем и *нечистым ведением* его. Вас не учить стать, что показание это желательно в *учтивых*

выражениях — по-французскому. Эти господа обратились в суд исправительной полиции, и негодяй Громме затащил в свидетели г[осподи]на Ковалевского[2] — артиста, с которым я всего несколько раз виделся, но также имел неосторожность в совершенно *дружеском разговоре* рассказывать о том, как эти негодяи меня ловко надули. Его, видите, успели *уговорить* показать, по чести совести, что я, говоря с ним, употреблял слова *негодяй,* мошенник и проч[ее]. Каковы эти товарищи художники? И надобно Вам знать, что очень незадолго до этого сей самый Ковалевский просил Лемана (единственного человека, с которым я вижусь) свести его со мною поближе, чтобы я не отказал ему советами и проч[ее]!

Ну, урок мне — ни с кем больше знаться не хочу, ни к кому не хожу и к себе никого не пускаю. Впрочем, это последнее, да чуть ли и не первое, я исправно проделывал и до сих пор, и немало, думаю, злящегося на меня здесь за это люда.

А все-таки не пишете, сходить к V[iollet]-le-Duc или нет. Недавно я проезжал утром по улице Condorcet, думал, не заехать ли, да вспомнил пословицу и не решился.

Не забудьте называть Лорча Commissionnaire en marchandise[3]. Попросите Гейнса также написать *его* оценку поведения Лорча — мерзавца, негодяя, подлеца, сукина сына. Вы ведь не выдадите, можно надеяться.

[*В. Верещагин*]

100. В. В. СТАСОВ — В. В. ВЕРЕЩАГИНУ

С.-П[етер]б[ург], Надежд[инская], № 9,
10 марта [18]77

К Viollet-le-Duc'у больше не надо, я буду ждать появления его книги. Но вот что досадно: я не получаю ни малейшей тени №№ статей этого синьора — куда девались газеты, Вами посланные, не могу понять! Верно, Вы послали не вырезанные фельетоны, а целые листы газет, и цензура задержала. Теперь я хочу написать в Париж к Дюлу́ (приятелю Боголюбова), который получает эту газету, чтоб он прислал мне все вышедшие номера.

Теперь-с Ваши дела. Этот процесс — просто мерзость, и бесит меня, как бог знает что. Что за люди, что за нравы!!! И я бы рад-радешенек был чем-нибудь подсобить Вам, чтоб сверзить подлецов и мошенников. Но, спрашивается, что же я могу делать? Вы говорите, чтоб я написал Вам французское письмо, которое можно было бы показать на суде. Я ни-

чуть не отказываюсь, мне никакого труда тут нет, я напишу хоть 5 писем, не только что одно. Но что же я могу написать такое, что пригодилось бы для суда? Ведь история о 25 000 франках, что это — не что иное, как *предположение* с нашей стороны, *ничем* не подкрепленное и потому *ровно ничего* не значащее для суда. Вы говорите, чтоб я писал, что на меня произвело невыгодное впечатление самовольное забрание в руки этого дела Лорчем и нечистое ведение его. Но ведь я имею обо всем этом лишь самое поверхностное понятие и никаких *точных* фактов не имею, а только факты и нужны суду. Одно разве, быть может, стоило бы написать: это что он *наклеветал* Вам на меня, будто я желаю заняться постройкой мастерской и говорил ему это, а он находил такой мой проект неподходящим и отговаривал Вас: это все есть мерзкая клевета, и, конечно, мне легко опровергнуть все в двух словах и сказать, как мне противна такая *махинация* со стороны этого молодца. Но опять-таки, спрашивается: годится ли это, нужно ли это для дела, принесет ли какую-нибудь пользу и Вам и процессу? Здешние юристы (в том числе кассационные сенаторы некоторые, мои приятели) говорят, что это все пустяки и ни на какого чорта к делу не нужно. Но если у Вас есть под рукой адвокат или другой законник, спросите его, что бы такое было *полезно,* и напишите мне. А потом, если понадобится писать что-нибудь, то в какой форме: в виде *письма частного* или в виде *официальной* бумаги, с засвидетельствованием моей подписи министерством? Но, признаюсь, все недоумеваю, что именно писать. До следующего письма.

В. С[*тасов*]

Через 2 дня откроют для публики картину [1] Семирадского: судя по фотографии — это просто дрянь. А впрочем, может быть, краски очень хороши. Посмотрим.

Пожалуйста, не пишите: «*дом Трофимова*»; он давно уже продан князю Голицыну, и потому почтальоны долго ходят и не отыскивают — время теряется иногда $^1/_2$ дня или больше. Просто пишите: *Надеждинская, № 9.*

101. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

[10/] 22 марта [1877] [1]

Будьте так любезны, Владимир Васильевич, прислать мою большую свернутую картину [2], не знаю, где находящуюся. Прошу Вас адресовать ее на мое имя.

В. Верещагин

102. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

[14/] 26 марта [1877][1]

Я послал статьи *V[iollet]-le-Duc* цельными номерами. От этого, вероятно, и задержка; вышлю затем еще 3 №. Так как мне ничего не стоит зайти в rue Lafayette[2] и взять №№ в редакции, то я с удовольствием выслал бы Вам и второй и третий раз. Но Вы предпочитаете почему-то обратиться к мошеннику Дюлу, приятелю Боголюбова, а следовательно, и цесаревича[3],— что ж, обращайтесь, горевать, наверное, не буду. Меньше изношу сапогов, меньше обременю Вашу совесть.

В. Верещагин

103. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

[15/] 27 марта [1877][1]

Владимир Васильевич, я не понимаю, как Вы могли изменить смысл того, что я Вам сообщил насчет «Камаринской» Глинки: она *никогда не была страшно ошикана и освистана;* аплодисменты были довольно слабы (сравнительно) и закончились кое-каким шиканьем, как это всегда бывает у французов при приеме вещей спорных, по крайней мере для них. Я прошу Вас исправить в этом смысле Ваше сообщение в газету[2] или, в противном случае, я сам непременно сделаю это. Чайковский был *освистан* поделом, по моему мнению, потому, что его увертюра «Ром[ео] и Джул[ьетта]» представляет какую-то безобразную смесь порывов, без гармонии и смысла; может быть, задатки таланта в ней есть, но, в общем, это создание способно надорвать самые крепкие, ультранемецкие нервы. Самое начало и самый конец (орган) эффектны. Я и жена моя (которые хлопали) приняли ее сочувственно, но чем далее, тем более переглядывались и наконец, до публичного ее фиаско, решили, что *долго, глупо, невозможно.* Именно по многим кускам (очень маленьким) я думаю, что у Чайковского талант есть или может развиться, но покамест ой, ой...

Если Вы желаете, я буду сообщать Вам иногда о том, что вижу и слышу в концертах и др[угих] местах, но с условием, чтобы в Ваших сообщениях в газету Вы из *partie prise*[3] не изменяли смысла, а то приравняли (даже и в мнении французов) Чайковского к Глинке. Последнего можно не призна-

вать величайшим музыкальным гением, как это делаете Вы[4] (написавший статью о Брюллове[5] и впавший в ту же крайность, в которой упрекал других), но не находить в нем громадного-громадного таланта — нельзя.

Передали ли Вы мою вырезанную статейку Суворину[6] и предложили ли ему мои посылки, время от времени?

У Берлиоза[7] более, чем у кого-нибудь, можно встретить талантливые *порывы*, но они остаются в пределах музыки и гармонии, и французы, сколько я вижу, понимают это.

В. В[ерещагин]

Французы — рутинеры, особенно в музыке, но уж не немцев ли Вы назовете реформаторами? Вагнер[8] со своею барабанною гвардейскою подкладкою мне часто противен. Его движение не есть результат связи гармонии с новыми требованиями вкуса и ума. Это на ³/₄ порождение немецкого шовинизма, музыка же в большей части его новейших творений — просто предлог. Что общего, что искреннего между гармониею звука и барабаном или тарелками шовинизма, да еще немецкого?

В. В[ерещагин]

104. В. В. СТАСОВ — В. В. ВЕРЕЩАГИНУ

С.-П[етер]б[ург], Надежд[инская], 9,
25 марта [18]77

Василий Васильевич, я сильно занят все это время и казенными работами и своими статьями для разных журналов[1]. Распространяться мне теперь ни о чем нельзя. Вкратце пишу Вам сегодня только самонужнейшее. Ваша картина едет сегодня к Вам с сегодняшним поездом, *grande vitesse*, обязуются доставить Вам ее в 13—14 дней. На всякий случай я застраховал ее в 3000 р[ублей]. Деньги на всю пересылку взял у брата Дмитрия, из Ваших. На-днях дам Вам отчет, сколько именно употреблено, потому что теперь еще и сам не знаю всего расхода. Теперь вопрос о *раме*. Полагаю, что и она Вам непременно нужна. Но 2 огромных ящика с нею оказались попорченными — пришлось чинить их, а на этой неделе (*страстной*) людей просто невозможно достать. Пришлось ждать. А между тем уведомьте: посылать раму *grande vitesse* или *petite vitesse*? Первое вдвое скорее, но и вдвое дороже. Это не то что картина, которая весит всего пудов 6, а та — несколько десятков!! Если для Вас время терпит, отве-

чайте простым письмом, а если надо *очень скоро,* то телеграммой.

В. С[*тасов*]

Надо ли страховать раму или нет?

105. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

[29 марта/10 апреля 1877] [1]

Владимир Васильевич, я покамест очень занят, так что ограничиваюсь несколькими строками: *рама* не нужна, но если бы Вы выслали мне мерку ouverture du cadre [2], то было бы недурно [3].

Громме и Лорч провалились самым позорным образом: несмотря на то что я на суде сказал, что считаю себя *обманутым,* президент решил оставить дело, *как оно есть.* Громме же предъявил мои письма со словами: вор, мошенник и проч[ее]. Жаль, что Гейнс не дал своего показания.

Намерен он продолжать путешествие или нет?

В. В[*ерещагин*]

106. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

[29 апреля/11 мая 1877] [1]

Владимир Васильевич,

Если брат мой [2] побеспокоит Вас, не откажите ему в Вашем содействии для немедленного поступления на службу.

Я иду с передовым отрядом [3], дивизионом казаков генерала Скобелева [4], и надеюсь, что раньше меня никто не встретится с башибузуками [5].

В. Верещагин

Адрес: Главная квартира, В. В. Верещагину.

107. В. В. СТАСОВ — В. В. ВЕРЕЩАГИНУ

С.-П[етер]б[ург], Надежд[инская], 9,
4 мая [18]77, вечер

Василий Васильевич, *я сию секунду,* только что получил (наконец-то, наконец-то!! чорт знает, какой был антракт!), получил Ваше письмо из армии [1], и Вы сердитесь или не сердитесь на меня, хоть расстреляйте меня, но я 2—3 строки из

письма *напечатаю*[2]. Меня всего подняло, из самой глубины души, и прохватило этою краткостью и лаконичностью — о том, что Вы идете *в самом* передовом отряде. Этого еще отроду не делал, не говорил и не писал ни один русский художник — и *надо,* чтоб все знали и прочитали. Я уже и так напечатал на-днях («Новое Время») о том, что Вы махнули из Парижа на Дунай. И все газеты тотчас перепечатали. Пишите мне когда-нибудь хоть пару слов.

Я *Вас* ругаю на *чем свет стоит* за присутствие на войне — это вовсе не дело художника, без Вас есть сотни тысяч [....] людей и лезущих на сабли и на пушки, Ваша жизнь дороже — и все-таки не могу отказать Вам в глубочайшей симпатии и удивлении!!! С Вашим братом я уже *давно* вижусь каждый день, в Б[иблиоте]ке. Он у меня сидит по часам, и мы уже давно хлопочем вместе о его поступлении сейчас же в войско, к Вам. Куда-то, куда-то я не ходил и не ездил, куда-то и его не посылал, куда-то он и сам не лазил! Но со здешними чиновниками-идиотами канитель длинная. Наконец, однако, обещаю ему, что *через неделю* выйдет блаженное разрешение ему уехать. А его я между тем научил выписать из Череповца какой-то его великолепный клинок в 1000 франков, и мы его ждем каждый день. Между прочим, мы толкнулись и к *Черняеву*[3], который теперь здесь, сидит и у моря ждет погоды; *Черняев* мне пообещал, что, только получит свое назначение на Кавказ (а его, кажется, *затягивают!!*), он возьмет Вашего брата к себе в ординарцы. Когда я о нем говорил, я прямо так сказал: «Вы помните, Мих[аил] Григор[ьевич], Верещагина Василия?» — «Помню — знаю».— «Ну-с, так вот, в Александре Верещагине, представьте себе, есть *одна капелька* крови брата. Больше мне нечего прибавлять. Та же решительность, настойчивость, беспардонность, смелость. Вы его пошлете — он либо сделает, либо не воротится!!» И этой рекомендации (с прибавлением нескольких слов о детской чистоте души) было довольно: Черняев обещал взять его *непременно.* К несчастью, ждать нам некогда, и он едет в Дунайскую армию через неделю.

Пишите же мне.

В. С[тасов]

108. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

4/16 мая [1877][1]

2 слова на случай, если после войны найдет на меня безденежье: примите, пожалуйста, меры, спишитесь с Templier

насчет того, чтобы я сам мог писать текст к моим средне-азиатским кроки и рисункам; хотя рисовать сам не буду, но дам исполнить под моим руководством. Если бы Вы могли найти издателя для индийского путешествия, то было бы еще лучше. Текст уже теперь заготовляется. Только нужно приняться за это очень политично, чтобы не дать понять Templier, что мне нужны деньги. Хотя у них была недавно[2] Индия, но я ручаюсь, что большей части рисунков тех местностей, в которых я был, у них нет. Если бы можно было найти издателя *офортом*? Во всяком случае, оставим это между нами. Разумеется, разбирание записных тетрадей не интересует меня, но, боюсь, не сесть бы на мель. Коли брат Ваш в состоянии будет по окончании войны достать деньжат на проценты — и того лучше.

Не поминайте лихом и покамест прощайте. Я иду с передовою казачьею дивизиею; письма адресуйте в штаб казачьей дивизии через главную квартиру просто В. В. Верещагину.

Как порубаем башибузуков, напишу Вам. Узнайте, пожалуйста, в редакции «Нового Времени», посылают ли мне сюда газету. Если нет, то пусть и не посылают, потому что я все равно не буду получать ее во-время. Пусть адресуют ее в Мюнхен, Баварию, Bayerstrasse, 15, Herrn Rieth[3].

Так прощайте; реку[4] перейдем еще не скоро — очень широка, да и войска еще не собрались.

В. В[ерещагин]

109. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

15/27 мая [1877][1]

Я на 2 дня в Париже. Завтра возвращаюсь[2] на Дунай. Еще раз повторяю то, что писал оттуда: если есть еще какие-либо затруднения с изданием, то уполномачиваю Вас написать Templier, что я сам берусь дать ему текст, причем рисунки будут исполнены под моим надсмотром. Еще того лучше будет, если сумеете приискать издателя для моего индийского путешествия, текст для которого уже почти готов (по-немецки и по-русски)[3]. Начните требовать, чтобы рисунки были исполнены *à l'eau-forte*[4], и, в крайнем только случае, спуститесь до гравюры на дереве (очень *нежелательной*); а главное, не давайте понять, что автору или авто-

рам нужны деньги. Делайте вид, что Вы хотите убедить меня и что я упираюсь. Верьте, что с этими кулаками-издателями нельзя иначе — заедят.

В. В[ерещагин]

Прощайте, до свиданья. Приятель мой (хороший), Юрий Яковлевич Леман, выставивший нынче большой портрет маркизы Кастежа, хочет послать на передвижную выставку несколько головок. Пожалуйста, обратите на него внимание публики; он портретист (получивший за свою последнюю работу 9 или 10 000 франков в Париже, на которую до сих пор наши важные господа не обращают внимания). Будучи несимпатичен Боголюбову, он не имеет шансов на цесаревича; ни Тургенев, никакая другая знаменитость его не протежируют. Сами, надеюсь, признаете за ним большие достоинства [5].

110. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

[23 мая/4 июня 1877] [1]

Владимир Васильевич!

Будьте так добры, пошлите 500 рублей русскими деньгами в Париж Юрию Яковлевичу Леману. Мельком видел выставку [2]: премилая картинка Дмитриева [3], очень недурная, с хорошими лошадями — Ковалевского и затем по большому успеху в красках — Васнецова.

Этот последний хоть не передал ночного эффекта вполне, но изрядно приблизился к нему, впрочем типичности несколько меньше, чем в его рисунках карандашом.

Покамест я работал мало; скучаю, потому что драки нет, а лагери и проч[ее] я уже видел и перевидел. Уехать же нельзя — как бы не подрались без меня.

Будьте так любезны, повидайте м[ада]м Кауфман [4] и попросите ее не давать моих этюдов, ей принадлежащих, на Парижскую выставку, по той причине, что я намерен после сделать сам выставку в Париже. Желал бы также, чтобы и принадлежащие Гейнсу этюды не были посланы. Академии [5], приславшей приглашение, к сожалению, отвечу отказом. Черкните 2 слова о том, будет ли возможность после кампании заняться, денег ради, разумеется, изданием хоть туркестанского, хоть индийского путешествия (последнее было бы лучшее).

В. Верещагин

111. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

Не знаю, которое число.
[2/14] июн[я] 1877 [1]

Влад[имир] Васильевич!

Коли узнаете, что со мною случилось что-нибудь нехорошее, то помогите товарищу моему Леману (что в Париже) распорядиться моим добром. Я оставил ему на этот счет распоряжение в двух конвертах; хочу только прибавить теперь то, что позабыл, а именно: чтобы в этом (нежелательном) случае то из моих вещей, что жена моя пожелает взять, было бы передано ей *немедленно же,* затем с остальным можно распорядиться так, как у меня об этом сказано. Прощайте, до свидания [2].

В. Верещагин

Ездил недавно ночью со старым товарищем моряком [3] на шлюпке под турецкий берег, никто нас не заметил. Мы высматривали и выслушивали.

112. В. В. СТАСОВ — В. В. ВЕРЕЩАГИНУ

С.-П[етер]б[ург], Надеждинск[ая], 9,
11 июня [18]77, суббота

Василий Васильевич, вчера вечером получил я Ваше письмо от 2/14 июня (*судя по штемпелю*) [1], где Вы мне поручаете некоторые распоряжения на случай какой-нибудь беды с Вами, а сегодня утром я уже читал телеграмму, что Вы ранены!!! [2] Слава богу, говорят, Ваша рана не тяжкая, а то бы это было ужасно, если б теперь Вам пришлось пролежать все время побед и шествия вперед наших войск и не видеть *собственными глазами* всего самого важного. Вот что значит верещагинская *татарская,* тамерлановская нетерпеливость и торопливость!!! Я Вас и теперь, снова, еще новый раз ругнул, однако тут же, приходя от Вас и в восхищение, не мог удержаться, чтоб не послать в «Новое Время» несколько строк, которые там и появятся, вероятно, завтра утром [3]. Не знаю, читали ли Вы (тоже в «Новом Времени») мою капельную статейку, напечатанную по поводу известия о Вашем отъезде из Парижа в армию; если не читали, пусть Ваш брат Александр Вам расскажет [....]. На-днях, вероятно, мне случится напечатать еще статейку про Вас,

только побольше, по одному особому случаю, а именно по поводу перехода (ожидаемого мною) Вашей московской коллекции от Общества художеств обратно в собственность Третьякова. Если только это случится, о свиньи и непроходимые болваны!!! И тогда я постараюсь их обработать порядком. Быть может, я напечатаю прямо *«Открытое письмо В. В. Верещагину»*, а может быть, и как-нибудь иначе, не знаю, смотря по обстоятельствам [4]. Ну, а теперь пока потолкуем про Ваши дела. Мне кажется, нечего повторять Вам, что я исполню *все* Ваши поручения прошедшие, настоящие и будущие,— это уже само собою разумеется, ведь у нас условлено раз навсегда. Значит, Вы только скажите, что и как, и всегда все *будет* исполнено, относительно ли Вашей жены, относительно ли чего бы ни понадобилось. Кстати: я уже давным-давно послал «Новое Время» Вашей жене в Мюнхен, и полагаю, она его давным-давно получает, а впоследствии послал 500 рублей Леману в Париж, но еще не получил его уведомления о приходе этих денег в Париж. Все Ваши поручения относительно Вашего брата *Александра* также выполнил, сколько успел и мог,— пусть он сам расскажет Вам. Да что он не пишет? А еще 100 раз обещался. Получил я от него письмо со станции *Раздельной,* и с тех пор ровно ничего не знаю. Или он чересчур Верещагин и писать не охотник, и потому в 100 лет раз черкнет одно слово? Впрочем, он все-таки парень отличный. Писал я также к Templier в Париж, но ответа еще нет. Сколько при этом было отсрочек и пропусканий времени для назначенных свиданий с Гейнсом — просто страсть!!! Что я вновь придумал, увидите, вероятно, из следующего моего письма. Сам *Гейнс* прибежал сегодня ко мне утром, как сумасшедший, прочитав, что Вы ранены,— вот как он все попрежнему Вас любит и носит на сердце! Послезавтра он также посылает Вам письмо. Да, пожалуйста, пишите поскорее сами или продиктуйте кому другому (если писать трудно): что и как Вы. Да не затягивайте с известием про себя. Нам тут *так* нужно и *так* хочется знать про Вас. Пишите также, получаете ли Вы мои письма,— ведь я тут ничего не знаю, доходят они или пропадают? А что касается до денег, то *повторяю еще раз,* пожалуйста, не беспокойтесь: когда придет время и надобность, все будет сделано: я ли, мой брат ли Дмитрий, но, во всяком случае, дело будет сделано и устроено. Про издания Ваши напишу тотчас, как получу известие из Парижа. Да пишите, пожалуйста, скорее, не затягивайте. Тысячу раз благодарю за Ваш кишиневский портрет. Он прекрасен, но я не знаю, фотография ли виновата или Вас так удивительно *из-*

менил индийский климат — совсем другое лицо!!! Я скорее отношу это к Индии. Мой товарищ по правоведению (нынешний сенатор) Ровинский [5] в одно время с Вами путешествовал по Индии и хотя ни разу не был там болен, но лицо его так изменилось («des traits décomposés» [6], сказал бы француз), что точно другого человека видишь. Вот она, милая Индия!!! Репин воротился [7] в Россию, принялся за целую серию удивительных сюжетов, а между тем пришел в *великое* восхищение от Ваших картин [8] в Москве, прежде ему неизвестных, и пишет мне: «Я нашел в нем даже гораздо больше, чем ожидал... Теперь я оценил наконец эту свежесть взгляда, эту оригинальную натуральность представлений. Какие есть у него чудеса колорита, живописи и жизни в красках! Просто необыкновенно. Простота, смелость, самостоятельность, какой я прежде не ценил...» и т. д.

Прощайте, пишите скорее.

В. С[*тасов*]

113. В. В. СТАСОВ — В. В. ВЕРЕЩАГИНУ

С.-П[етер]б[ург], Надеждинск[ая], 9,
23 июня [18]77

Василий Васильевич, я сейчас только получил письмо от *Немировича-Данченко* [1] от 11 июня (вот как почта ходит!!) и тороплюсь сию же секунду написать Вам хоть несколько строк. Получили ли Вы мое письмо, посланное недавно, вслед за получением Вашего письма *от 2 июня?* Если не получили, то велите, пожалуйста, разыскать его. Не зная, куда хорошенько адресовать его, я адресовал через штаб армии в дивизию генерала Скобелева: значит, это письмо, если Вами не получено, лежит либо в главном штабе, либо где-нибудь в Управлении казацкой дивизии Скобелева. На-днях тоже послал к Вам письмо (и *превосходное,* полное чувства и дружбы) А. К. Гейнса, который не застал Вас в Париже и на-днях уезжает в Оренбург, на свое военное губернаторство Тургайской области. В своем письме я писал Вам, чтоб Вы были вполне уверены, что все Ваши распоряжения *немедленно* мною исполняются, как Вам сказано; только не знаю, куда теперь писать к Вашей супруге: в Мюнхене она или нет? Впрочем, на всякий случай сегодня же пишу ей по сообщенному Вами прежде адресу. Леман давно уведомил меня, что получил в исправности 500 руб[лей], посланных мной по Вашему желанию. При этом Леман прислал мне

прилагаемую при сем вырезку из газеты «Temps»[2], где говорится про подвиг Ваш и Скрыдлова и Вас величают «Prince Verestchagine»[3]. Посылаю для смеха. Здесь было ужасно много толков про Ваше дело; раньше того я напечатал в «Новом Времени» выдержку из Вашего письма, а по получении телеграммы о Вашей ране напечатал там же (12 июня) еще статейку, где говорю о неопасности раны и проч[ем], на основании сведений, добытых Гейнсом в тот же день, на основании подлинной телеграммы, виденной им в министерстве. К этому я присовокупил несколько своих размышлений. Не зная, получаете ли Вы и видите ли Вы там у себя русские газеты, посылаю Вам сегодня 2 последние №№ «Нового Времени» (лучшего журнала, где и я участвую,— он расходится в 25—27 000 экземпляров). Во вчерашнем № Вы прочитаете превосходную корреспонденцию Каразина[4] про Скрыдловско-Верещагинское дело. Я думаю посылать Вам «Новое Время» отдельными номерами все время, пока Вы не выздоровеете или пока не напишете, чтоб больше не посылать. Ваш же прежний экземпляр аккуратно посылается в Мюнхен, к Вашей супруге; не знаю только, все там ли она? Да дайте мне знать, видели ли Вы «Новое Время», где я написал выдержку из Вашего письма, а также получаете ли мои письма? К сожалению, мне ни слова не пишет Ваш брат Александр, хотя и обещал при отъезде,— где он и что он! Да, ради бога, напишите свой адрес, когда выйдете из госпиталя. Я вижу иной раз Вашего отца и мать.

Пишите, пишите.

Завтра напечатано будет извлечение из письма *Немировича-Данченко* ко мне про Вас.

В. С[*тасов*]

От *Templier* *давно* жду ответов.

Не знаю, что с ним. Не уехал ли он куда?

114. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

[Около 6/18 июля 1877][1]

Дорогой Владимир Васильевич,

Рана моя оказалась очень и очень нелегкою; кроме глубины и большого протяжения, в ней оказалась масса хлопьев платья и белья; все это вытаскивалось ежедневно с большою болью и весьма методически до тех пор, пока убедились, что без опе-

рации дело не пойдет. С хлороформом разрезали мне рану, и после очень трудных двух недель я начинаю немного поправляться. Так приготовился умереть, что просто не верится в возможность выздоровления, — авось.

Успокойте меня, дорогой мой, уведомлением в том, какие меры имеете Вы в виду для того, чтобы дать мне возможность жить и работать по моем возвращении в Париж. Крайне беспокоюсь этим.

Больше писать не могу. Отвечайте.

Бухарест, Русский генеральный консул, для передачи В. В. В[ерещагину].

Напишите же непременно, как и где раздобудетесь деньгами; крепко рассчитываю на Вас и Вашего брата, которому крепко кланяюсь.

В. В. В[ерещагин]

115. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

[Около 10/22 июля 1877] [1]

Не взыщите, дорогой Владимир Васильевич, что я мало Вам пишу, — очень еще слаб. Письмо Ваше получил, но газет не получаю, вероятно, потому, что Вы их адресуете в госпиталь № 54, тогда как я лежу в румынском госпитале Brancovenese [2], где за мною очень ухаживают; надеюсь быть здоровым не ранее 3-х недель; разумеется, опять пойду в главную квартиру.

Займусь ли Индиею после или чем другим, во всяком случае, постараюсь видеть, что можно, из Дунайской драмы. Как милы мне теперь работы мои, оставленные в Париже! Так бы и улетел туда. Письма Гейнса не получал. Ваше одновременное с тем письмо также не получил. Коли увидите отца моего, поклонитесь ему, буду ему писать. Спасибо Вам за письмо жене моей; она извещает меня о нем. Кроме издания, которое далеко не даст мне возможности существовать, надобно будет достать деньжат взаймы — придется еще уплачивать за землю 8600 ф[ранков], да 8000.

Кабы издать хорошенько индийское путешествие? Текст уже готов. Очень и очень успокоите меня, если с братом Вашим скажете, что к осени деньги будут, сколько понадобится для свободной работы. Брат мой [3] был жив и здоров. Я его со всеми перезнакомил, начиная с его полкового командира. Другой брат мой [4] за мое отсутствие помещен при главной

квартире. Не знаю, что он там делает, так как рисует еще плохо; обобрал все мои вещи — и увез.

В. В[ерещагин]

Адрес: Генеральному консулу в Бухаресте для передачи *В. В[ерещагину]*.

116. В. В. СТАСОВ — В. В. ВЕРЕЩАГИНУ

С.-П[етер]б[ург], Надеждинск[ая], 9,
среда, 13 июля [18]77, вечер, 6 часов

Василий Васильевич, только сейчас получил Ваше письмо и сию же секунду отвечаю Вам. Как же Вы меня порадовали весточкою о себе, да еще *собственноручною!!* Должно быть, крепко Вас скрутило. Ваш почерк страшно изменился. Некогда мне теперь же, сейчас отвечать на «деловые» подробности, про которые Вы спрашиваете. Мы потолкуем с братом Дмитрием, который теперь *на даче* — и тогда напишем Вам все подробно. А пока мне хочется сказать Вам только: выздоравливайте, выздоравливайте скорее! А главное: *не волнуйтесь*, не волнуйтесь, и еще: *не торопитесь*, не торопитесь!! Еще всего довольно увидите, еще во всем успеете принять достаточно участия. Только бы не попортить Вам своего здоровья и выздоровления, а то, пожалуй, не увидите главного *генерального сражения*, и *вшествия в Константинополь*. А ведь именно последнее событие — то, которое *никогда* больше не повторится!! Сражений было, есть и будет много, но вшествие в Константинопль — единственное и неповторяющееся. Вот хоть для него-то Вы себя и поберегите. Это не *я* один говорю, это твердят здесь и сотни других людей, интересующихся Вами и поминутно и всюду о Вас наведывающихся. Что касается до денег, то, поверьте (как я и прежде уже писал), за этим дело не станет, и, так или сяк, мы это дело устроим. Теперь нечего еще беспокоиться, до Парижа и Вашего возвращения еще *далеко*. Теперь Ваше дело: скорее выздоравливать, но только не *кое-как*, а по-настоящему, *совсем*, как следует. И тогда — марш в армию, смотреть большие, крупные дела. Опять повторяю: о деньгах не хлопочите, все будет.

Мне такая досада: ничего не знаю, получили ли Вы мои письма, посланные мною до сих пор? Их было несколько, по крайней мере *три*. Прежде я писал через штаб армии, а потом в Бухарест, в лазарет и, по указанию письма Немировича-Данченко, через Австрию. Не знаю, получаете ли Вы также и

«Новое Время», которого один экземпляр я велел посылать Вам, кажется, с средины или начала июня, тоже в бухарестский госпиталь, № 54 (так мне написал Немирович). Если ни писем, ни газет Вы еще [не] получили, велите спросить на почте, они уже *давно* там. Мадам С. Rieth[1] мне пишет, что исправно получает свой экземпляр «Нового Времени», а также в свое время получила Вашу телеграмму о ране. Впрочем, все это в коротеньких словах, в ответ на мое письмо, где я ей писал о Вашей ране и просил ее не беспокоиться.

В прежних моих письмах (не знаю, полученных или не полученных Вами) я Вам писал, что жду ответа от *Тамплие*. Ответ уже давно теперь пришел, он искренно жалеет о Вашей ране (известной ему по газетам) и говорит, что готов сделать, что Вам только будет угодно и приятно. Гейнс тоже: но он теперь уже уехал в Оренбург; несмотря на это, я надеюсь, что издание или печатание пойдет в ход с нового года. Буду стараться торопить этого ленивого, но талантливого и хорошего человека. Не знаю, получили ли Вы (через штаб) его прекрасное и теплое письмо, написанное при известии, что Вы в армии и в отряде Скобелева.

Со Скрыдловым я видался до перевода его в Петергофский дворец[2]. Он рассказал мне пропасть про Вас и про все. Леман *давно уже* получил деньги и отвечал мне.

Я уже *несколько раз* писал[3] про Вас в «Новом Времени». В последний раз — с рассказов Скрыдлова, три дня тому назад, в № от 10 июля[4]. Если можно, постарайтесь прочитать. Выздоравливайте, выздоравливайте, берегите себя — не только для самого себя, но и для России.

В. С[*тасов*]

А что Ваш брат Александр?

117. В. В. ВЕРЕЩАГИН В. В. СТАСОВУ

[15/27 июля 1877][1]

Не упрекайте, пожалуйста, тем, что приходится лежать теперь, когда нужно было бы ездить и смотреть.

Вы понимаете, что попрек этот очень тяжел мне. Вам бы, однако, не следовало так легко относиться к моей татарской торопливости (как Вы уверяете).

Слушайте: я оставил Париж и работы мои не для того только, чтобы высмотреть и воспроизвести тот или другой

эпизод войны, а для того, чтобы быть ближе к дикому и безобразному делу избиения; не для того, чтобы рисовать, а для того, чтобы смотреть, чувствовать, изучать людей. Я совершенно приготовился к смерти (еще в Париже), потому что решил, выезжая в армию, все прочувствовать, сам с пехотою пойти в штыки, с казаками в атаку, с моряками на взрыв монитора и т. д. Неужели Вы из числа тех, которые скажут, что Скрыдлов шел для дела, а я — от безделья? Собака, дескать, бесится с жиру. Если бы не пробили мне бедро на «Шутке», то я пошел бы непременно с первым понтоном на тот берег и, вероятно, был бы заколот или полез бы на батарею и т. д.

Если Вы спросите меня, почему бы не воздержаться и от того, и от другого, и от третьего, — так я с Вами больше и объясняться не хочу, да и не могу, потому что еще слаб.

Отец мой еще крепче попрекает меня, но он последовательнее Вас, потому что прямо говорит: «зачем испытывать провидение божие...», и ответ мой ему зато короток: «вспомните, мол, что всегда поступал так, как хотел и как находил лучшим, так же распорядился и теперь — вот и все».

Пожалуйста, не подымайте такой бури из-за третьяковских картин — не стоит, да и стыдно много шуметь [2]. Выйдет похоже на французскую рекламу. Брат мой и мне ничего не пишет. Поднимусь я не раньше 2—3 недель, и, если до тех пор война не кончится, я наверстаю все потерянное, да еще останется прибавкою все перечувствованное при расставании с жизнью в госпитале. Ведь неофициально-то мне было совсем плохо, не надеялись, что я поднимусь.

Работа деревяшек — имейте это в виду — все, что есть противного для меня, так что я *донельзя обрадовался,* когда прочитал в Вашем письме, чтобы я о деньгах не заботился. Гора свалилась с плеч, значит, я буду в состоянии приняться за мои большие индийские работы, не пуская в продажу моих бедных этюдов, — так? Значит, буду в состоянии не торопясь, под шумок этих работ, переживать то, что видел и слышал здесь, на Дунае, не прибегая к ублаготворению разных особ картиночками — так? Claretie (французский писатель, большой мой приятель, с которым я Вас непременно познакомлю) уверял меня, что этюды мои пойдут в Париже в ценах Мейсонье [3] и др[угих] знаменитостей. Хотя тут, думается, есть набавка из любезности, но все-таки Вы можете видеть, что я Вас или брата Вашего с принятыми за меня денежными обязательствами в яму не посажу.

Спасибо Репину за лестный отзыв, всякого ему успеха и поменьше детей (между нами).

[*В. Верещагин*]

118. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

18[/30] июля [1877] [1]

Брат мой Сергей Васильевич, что у Вас был, приехал сюда и я, чтобы дать ему случай помараковать, просил принять его в главную квартиру, пока меня там нет. Он забрал у меня массу нужных мне вещей, которые, как пишет теперь, потерял; между прочим, утерял мой георгиевский крестик. Пожалуйста, купите и пришлите мне оный на имя м[ада]м Демидовой [2] (1 георгиевский крест 4 ст[епени]). Хуже всего то, что брат мой уведомляет о контузии в голову и руку, которые он будто бы получил. Известите осторожно отца моего об этом. Письмо писано им самим и крепким, обыкновенным почерком — авось беды нет.

В. Верещагин

Сегодня я с помощью докторов сделал несколько шагов по комнате.

Жду Вашего ответа.

119. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

29 июля/10 августа [1877] [1]

Не могу понять, почему нет от Вас ответа: с одной стороны, Вы очень аккуратны, с другой — и почта доставляла до сих пор Ваши письма исправно. Просил Вас письмом и телеграммою выслать мне георгиевский крест офицерский (4 ст[епени]), но теперь прошу не посылать, так как, вероятно, он меня в Бухаресте не захватит уже. Как только рана перестанет гноиться, так я утеку из госпиталя, хотя она еще и не закроется, потому что тоска одолевает страшная. Двинусь потихоньку за армиею. Получили ли Вы мою телеграмму?

Брат мой ранен в палец на левой руке, кажется (Сергей). От казака [2] нет никаких известий? • Кажется, он в Тырнове. Приходил ко мне вчера художник Соколов [3] Петр — порядочный смехотвор. Рассказывал, как он в общей панике, вызванной плевненским делом [4], утекал от воображаемых турок. Я немало смеялся. Эта негодная Плевна стоит нам не 7000, как я полагал, а, говорят, до 10 000 народа, выбитого из строя. Раненые большею частью валяются на солнце на земле, перевозить не на чем, кроватей нет, доктор[ов] мало, сестер милосердия мало. Пусть редакции газет посылают по экзем-

пляру в наши госпитали. Если это еще не сделано, то потребуйте этого печатно. Страсть к чтению неутомимая у раненых, как Вы сами понимаете, а читать нечего. Кланяйтесь брату Вашему. Прощайте, до свидания.

В. Верещагин

Я брожу с палочкою [5]. Часто навещал меня Горчаков — спасибо ему. Газету «Нов[ое] Время» не получаю вот уже *целую неделю.*

Вышлите моей жене *1000 марок* по адресу:

München, Bayerstrasse, 15, Herrn Rieth через Bayerische Vereinsbank [6].

120. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

2[/14] августа [1877] [1]

Я просил Вас, Владимир Васильевич, послать жене моей в Мюнхен 1000 марок. Теперь прошу Вас перевести мне в Бухарест остальные мои деньги (если таковые остались).

Нужно не менее 2000 фр[анков] еще, так как брат мой пренаивно извещает, что в Балканах растерял все вещи, и все вещи были даны ему на время моей болезни мною.

Да что-то Вы не пишете, чорт побери, совсем! Меня укоряли за антракт, а сами даже не отвечаете. Или почта стала неаккуратна? Адрес для денег тот же — Лидии Алексеевне Демидовой или через консула.

В. Верещагин

Что отец мой, плох или еще крепок?

Об матери и не спрашиваю, знаю, что, кроме терпенья и деревенского воздуха, ничто не одолеет ее болезнь.

Не знаю, что и думать о Вашем неответе: больны Вы, на даче Вы, не хотите отвечать Вы, не получили мое письмо и мою телеграмму Вы???? [2].

121. В. В. СТАСОВ — В. В. ВЕРЕЩАГИНУ

С.-П[етер]б[ург],
10/22 авг[уста 18]77

Из моей телеграммы Вы уже, конечно, знаете, Василий Васильевич, что Ваше желание исполнено, и сегодня отправляю Вам при сем [ак]кредитив в 2000 (две тысячи) франков. Се-

годня же отправил тысячу марок на имя *г. Рит* в Мюнхен, при письме к Вашей супруге, но только не через Bayerische Vereinsbank, как Вы желали, а через банкира Гирта, в Мюнхене, с которым имеет дела здешний банкир Гинцбург[1], у которого лежали Ваши деньги. Прошу Вас *немедленно* же *уведомить* о получении Вами денег в Бухаресте.

Получили ли Вы также крест? Я также давным-давно его отправил, значит никак не мог остановить посылку, а что почты долго идут в Бухарест, то я в этом не ответчик. Напишите еще, прекратить ли Вам пересылку «Нового Времени», когда Вы опять поедете в армию, или нет?

Мой брат *Дмитрий* Вам кланяется, но, как и я, очень жалеет, что Вы раньше времени собираетесь опять отправляться в армию. *Гейнс* со времени отъезда в Оренбург опять ни слова не пишет, не отвечает ровно *ничего* на все мои вопросы. Что это за человек? С ним просто нельзя иметь никакого дела!!! А все-таки хороший человек. Я боюсь, что многие мои письма к Вам не доходят: я пишу, пишу, а Вы все жалуетесь на мое молчание.

Вчера ко мне приходил в библиотеку Ваш отец: оказывается, что он несколько недель провел вместо Череповца в Луге, у Вашей сестры[2]; не видел там никаких газет, ничего не слыхал и почти ничего не знает про Вас за последнее время. Во время его отсутствия полученное там *мое* письмо со вложением *Вашего* письма на имя Вашего отца — так и пролежало: никто там в деревне так и не догадался переслать эти письма к нему (Господи!! Что это за захолустные провинции у нас, точно будто бы вовсе не в Европе!!!), — и только теперь уже, по моему совету, Ваш батюшка послал телеграмму в Череповец, чтоб ему наконец доставили эти письма сюда. По его просьбе, я сегодня или завтра пойду к ним на квартиру, повидать Вашу матушку, которая теперь опять здесь — говорят, все по причине своей болезни, требующей докторов и леченья.

Теперь здесь гравируют, в иллюстрации «Пчела», Ваш портрет с георгием, по кишиневской карточке. Номер выйдет, вероятно, 14 или 21 августа (если только гравер не запоздает)[3]. Я пошлю тогда номер «Пчелы» на Ваше имя к барону Стюарту[4], а другой экземпляр к Вашей жене в Мюнхен — ей, верно, это будет приятно.

Пусть *Трифонов*[5], который едет к Вам на-днях (хороший парень!), покажет Вам свой фельетон в «С[анкт]-П[етер]б[ургских] Ведомостях», почти весь наполненный Вами: не худо, и мы тут все были довольны. Да нельзя ли Вам прислать сюда хоть какой-нибудь рисунок или два, *карандашом,*

если не что-нибудь больше. В начале октября будет *«Передвижная выставка»* [6], собрание независимых и честных художников (Крамской и другие), которых гонит Академия и всякие художественные и нехудожественные подлецы. Ваше появление там было бы, мне кажется, кстати.

В. С[тасов]

Р. S. *Я сильно* занят службой и одним большим сочинением.

122. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

15[/27] августа [1877, Бухарест] [1]

Слышал, что консул получил для меня 2000 фр[анков]. Последнее Ваше письмо получено мною около месяца тому назад [2].

В. Верещагин

123. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

18[/30] августа [1877] [1]

Крест получил, деньги получил, жена моя деньги получила. Значит, все в порядке, и я покамест спокоен. Трифонов сказал, что Вы пишете мне, но я, как перед богом, ничего не получил от Вас около месяца уже. Брат мой Сергей пишет мне, что контужен в голову и ранен пулею в руку; в особенности по причине контузии в голову я хотел бы его вытащить сюда, но до сих пор не могу.

Александру я, перед отправлением его в полк, прочитал приятельское наставление и *потребовал,* чтобы бравее и исправнее его не было казака в армии. Теперь с нескольких сторон слышу, что парень держит себя молодцом и с лихою сотнею своею посылается всюду, где нужда и опасность (он командует сотнею — прошу не шутить).

Пожалуйста, прочитайте это отцу моему, если увидите его, да кстати и передайте ему мой поклон. Барыню мою Вы крепко напугали тем, что написали об моем намерении скоро опять сунуться под пулю. Я писал ей, что еду только достать солдатских костюмов. Трифонов говорил мне еще, что у Вас все крепко повесили носы. Уверяю Вас, что это неосновательно, беды покамест нет никакой.

Осман-паша [2] в незавидном положении, а против Махмета [3] и Сулеймана [4], как Вам известно, наши держатся отлично; разумеется, могло бы быть и лучше, могли бы кончить кампанию, если бы воспользовались примером пруссаков и мобилизовали больше войска сразу — хоть бы 400 000 вместо 200 000. Я до сих пор не хулю план кампании; по мнению моему, он мог удаться, но *не с этими силами.* Думается мне, что и теперь перемен больших в общем плане не будет, выждут подкрепления, да и за Балканы! [5] Поживем — увидим, а покамест не печатайте, пожалуйста, моих писем или делайте это с крайней осторожностью. Скажу Вам по секрету, что, пропечатывая свои мысли и замечания, я рискую утерять мою свободу действий, рискую не встречать прежней приветливости от военных. Успею еще высказать все, что вижу и слышу.

В. В[*ерещагин*]

Боюсь, что Рущук [6] не так легко сбить и взять, как думают.

Еду через несколько дней. Консул будет исправно доставлять мне письма.

Не слышали ли чего о моей больной матери?

124. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

[Бухарест] 22 августа/3 сентября [1877] [1]

О телеграмме Вашей я узнал только недавно, потому что она вместе с телеграммой, призывающею меня от имени в[еликого] к[нязя] главнокомандующего в главную квартиру, пролежала в консульстве и не сообщалась мне, по наущению князя Горчакова. Не далее как сегодня он выторговал у меня два дня и заставил отложить отъезд с середы до пятницы. Старик очень боится зимней кампании, не только потому, что она будет нам стоить миллиард лишний, но и потому, что предвидит для себя лично трудную зимнюю кампанию чуть ли не со всею европейскою дипломатиею.

Поговорите с Вашим братом Дмитрием Васильевичем, не лучше ли теперь же перевести хоть на имя Кумани в Париж 10 000 фр[анков] приблизительно, из которых я должен буду внести 8000 за землю в декабре, а 1600 доплатить моему дворнику. Меня Вы этим много успокоите. Буду после этого в армии, как у Христа за пазухою, — да вдобавок и не потеряете ничего в моих интересах, так как Горчаков, напр[имер], уверен, что мы будем еще и еще выпускать кредитные билеты. Об том, что может быть потеря в несколько сот

рублей (что весьма невероятно), не заботьтесь, ибо заранее разрешаю Вам. Слышал я, что брат мой С[ергей] Васильевич получил [....] строгое приказание лечиться, и надеюсь поэтому, что глупец уляжется наконец в постель. Напишу отцу о братьях с той стороны, как только узнаю о них что-либо положительное. Вероятно, я повидаю их — скажите это отцу и матери. (Да, кстати: не будьте подолгу у матери моей, она замучит Вас.)

Прилагаемую карточку[2] прошу *никому не показывать.* Сестры милосердия, за мной ходившие, просили на память карточек моих, и я, дурак, послушался — полюбуйтесь, какая в результате *картина.* Разумеется, не решился никому дать такую смерть на *память* и позволил сделать только 2 карточки, из которых одну посылаю лично для Вас — только (не кажите и отцу моему).

В. В[ерещагин]

125. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

[Бухарест] 25 августа [/6 сентября 1877][1]

Предложите, пожалуйста, Templier передать мои рисунки художникам для исполнения на дереве; скажите ему, что он может платить по 100 фр[анков] за перерисовку и по 100 фр[анков] за лист мне (*сцены, сколько помнится,* т. е. некоторые битвы, были положены на 50 ф[ранков] дороже). Если он желает, я пошлю ему через Лемана по экземпляру большого и малого альбомов моих. Очень бы хорошо было, если бы Вы сговорились с каким-нибудь издателем насчет издания моего *индийского путешествия.* Текст уже почти готов, рисунки также, т. е. с них всегда можно начать рисовать. Hachette издавали путешествие по Индии, но мои рисунки на $^3/_4$ были бы новы; к тому же француз не имеет тех интересных гималайских щелей, по которым шлялся я. Только не покажите Templier, что я нуждаюсь в деньгах. В Париже есть и еще *Plon*[2], который непрочь от этого рода изданий, — не знаю его адреса. На всякий случай прилагаю 2 слова к Леману. Пошлите их к нему, когда сговоритесь.

Турки не дураки — напирают на наследника до прибытия наших подкреплений. Какая масса народа сгибнет у нас, да, пожалуй, и у турок, только потому, что не смогли ударить и кончить все сразу.

Кланяйтесь Скрыдлову. Скажите, что Демидова отвечала ему тотчас же. Напишу ему на-днях. Скажите этой *щуке,* чтоб поправлялся хорошенько, потому что, как приедет сюда, будем ловить мышей.

В. В[ерещагин]

Из Парижа мог бы дать что-нибудь для передвижной выставки, но отсюда не могу, потому что имею лишь несколько *набросков.* Поклонитесь Владимиру Михайловичу Жемчужникову.

126. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

3[/15] сентября [1877] [1]

Посвятите несколько слов памяти убитого 30 августа под Плевною брата моего Сергея Васильевича. Вы знали его, следовательно, можете сделать это *от Вашего имени.* Он поступил в казаки охотником и состоял ординарцем при генерале Скобелеве-сыне [2], молодом генерале с огромными военными способностями, храбром, деятельном воине и, что главное, образованном офицере. Скобелев говорил мне, что он был до крайности полезен ему, и действительно, по словам почти всех офицеров главной квартиры, он был в высшей степени бесстрашен, подскакивал к неприятельской цепи, врубался в середину их кавалерии и т. п. Полковник генерального штаба П. сказывал, что он исполнял в отряде Скобелева, кроме обязанности ординарца генерала, еще некоторым образом и обязанности офицера генерального штаба, снимал кроки местностей, рекогносцировал дороги и силы неприятеля и т. д.

Не было того огня, через который он не проскакал бы с данным ему приказанием. На Шипкинском проходе, при занятии его генералом Гурко [3], С[ергей] В[асильевич], подобравши себе какого-то унтер-офицера с ружьем, такого же решительного, как и сам он, шел далеко впереди всего передового отряда, солдаты и казаки которого, ожидавшие, разумеется, засад во всех ущельях и редутах, не раз говаривали: «Вот этот господин штатский (он был тогда еще в штатском платье) уж там, значит итти можно»... «Он не жилец был на этом свете, — говорил мне один из адъютантов великого князя главнокомандующего, видевший его под Ловчею и сделавший с ним несколько других поездок. — Он просто искал смерти, был какой-то задумчивый, как будто пригнетенный

каким-то горем, при этом нервный, немного обидчивый, оживлялся только при выстрелах и тотчас скакал на опасность...»

Покойный брат, выйдя из Морского корпуса, когда его преобразовали в училище, начал рисовать, ездил на Кавказ с художественною целью, но частью по болезненности, частью по неуверенности в силах своих, скоро пристроился на службу (которую нес, впрочем, только номинально) при Вологодском губернаторе. Затем занимался у старшего брата[4] моего, на его артельных сыроварнях, управлял, не совсем, разумеется, удачно, имением отца моего и, наконец, в Париже свернулся на старую дорогу, стал посещать мастерскую Жерома, рисовать и писать с рвением и настойчивостью, бывшими отличительными чертами его характера. В 2 года усиленных занятий он сделал громадный успех, и я покажу Вам, вероятно, некоторые из маленьких его последних рисунков и этюдов, деланных в Вологодской губернии. Когда я приехал в главную квартиру, почти все говорили мне одобрительно о брате С[ергее] В[асильевиче], В[еликий] к[нязь] вечером того же дня объявил мне, что государь приказал послать ему георгиевский солдатский крест, который покойный, по его собственным словам, хотел непременно заслужить. Будучи 3 раза ранен, он, разумеется, заслужил его, но не довелось малому надеть царскую награду — на другой же день, при общей атаке на Плевну, посланный генералом Скобелевым собрать и соединить один очень пострадавший пехотный полк, он был, по словам одних, зарублен, по словам других (и это более вероятно), убит наповал пулею в левый бок, навылет. Бывшие при нем осетины обрезали шашку убитого, сняли револьвер, седло и забыли только одно: захватить самое тело. Не будучи еще в состоянии сесть в седло, я бросился на левый фланг в коляске; до Скобелева, моего старого туркестанского знакомого, не мог, при моей хромой ноге, добраться, так как он был в это время в передней линии, в самом адском огне. Повидав командующего лев[ым] флангом генерала Имеретинского[5] и переспросивши офицеров, я понял, что вытащить тело С[ергея] В[асильевича] не было никакой возможности, — так оно и осталось, к величайшему моему горю, пухнуть и гнить в массе — страшной массе покладенных в этот день трупов солдат наших. И то сказать, ведь он был «охотник»-казак, следовательно, нижний чин. До него ли было осетинам нашим, поторопившимся снять с него вещи, лишь в полной уверенности, что они составят их неотъемлемый военный приз. [....] эти хоть и храбро дерутся, но понятий об обязанностях бравого воина держатся престранных до сих пор...

Брат мой Александр, казак-офицер, ранен был также около генерала Скобелева, еще при начале дела. «Иначе, — говорил он мне, — я бы добыл тело брата во что бы то ни стало». Узнавши по лазаретам, что раненый мой уже уехал к месту моего нахождения в деревне Піародин, я, буквально пробираясь через массу раненых в продолжение всей дороги, т. е. на расстоянии верст 20, приехал к ночи домой, оттуда и отправил Александра в Бухарест, в тот самый румынский госпиталь Бранковань, в котором с таким вниманием лечили меня. Рана, *кажется*, не опасная, и есть полная надежда сохранить ступню, которая, как Вы понимаете, так нужна нашему зеленому юноше. Замечательно, что накануне, когда, узнавши о приезде моем, он прискакал не надолго с левого фланга, навестить, А[лександр] В[асильевич] говорил мне, что его, наверное, убьют по той простой причине, что все окружающее Скобелева валится убитое или раненое. Я на это ответил ему шутя: «Не бойся, убить тебя не убьют, а только ранят, и мы тебя залечим...» Одна пуля попала ему в ногу и засела в ней, другая убила в то же время его лошадь.

Убитый же брат мой, по словам казака его, садясь в этот день на лошадь при начале дела, сказал ему: «Ну, прощай, брат Иван, может быть, больше не увидимся».

Еще раз прошу Вас посвятить брату моему несколько напутственных слов в эту *открытую* могилу, открытую потому, что Осман-паша на предложение генерала Зотова[6] — убрать и убитых и раненых — отвечал, говорят: «Не нужно, пускай дохнут *гяуры*». Об варварстве этого решения можете судить по тому, что с наших позиций в хороший бинокль ясно видно, как многие из наших раненых ворочаются, поднимают руки, вероятно, молят своих о помощи... Может быть, и убитый брат мой не наповал убит, может быть, и он *ворочается*, ожидая, не подойдет ли выручить *свой*...

Не могу больше писать и да и нечего[7].

Прощайте.

В. В[ерещагин]

127. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

5[/17] сентября [1877][1]

О брате моем имею еще такие сведения от шт[абс]-капитана Сокольского, видевшего его вскоре после его смерти. Еще утром этого дня он рекогносцировал местность перед левым флангом и объяснял генер[алу] Скобелеву сделанные им кро-

ки. Затем С[окольский] видел, как он на скаку кричал Калужскому полку: «Калужцы, стой, стой!» Посланный потом на правый фланг водворить там порядок в сильно расстроенных частях Шуйского и Владимирского полков, он, по приказанию Скобелева, прислал оттуда донесение о положении дела. Последняя его записка (находящаяся в штабе) говорила о том, что порядок начинает водворяться, неприятель объявляет намерение перейти в наступление и проч[ее]. Затем под подписью «Сергей Верещагин», в последнюю минуту, вероятно, приписано: «Нет порядка». Это было последнее его донесение. Убит он был в грудь, как говорят, и, кажется, потом еще порублен. Сокольский говорил, что лицо его было сильно залито кровью, лежал он навзничь, с выражением лица покойным. Глаза были открыты. Малый зарыт вместе с прочими. Это немало облегчило меня, так как мерещилось как-то, что он раненый валяется на солнце без помощи...

Прибавлю, что Скобелев очень сожалеет о потере этого бравого, энергичного и разумного ординарца своего. Ответьте мне по адресу: «В главную квартиру д[ействующей] а[рмии], Дмитрию Антоновичу Скалону [2], для передачи В. В. Верещагину».

Под Плевною положено 15 000 народа. У одного Скобелева на левом фланге 9 000! Сам он был все время в огне и остался цел и невредим.

Раненый брат в Бухаресте, покамест не имею о нем вестей.

[*В. Верещагин*]

128. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

[8/20 сентября 1877] [1]

Пожалуйста, Владимир Васильевич, если Вы скажете несколько слов о брате моем, покойном Сергее Васильевиче, то цитируйте письмо мое с маленькою осторожностью. Об осетинах, например, стащивших с мертвого вещи и оставивших самое тело, не говорите ничего — на меня рассердится весь полк; к тому же мне дали знать, что вещи будут все возвращены.

Осетины, наиболее ездившие за братом, не нахвалятся им; офицеры, все его знавшие, удивляются его храбрости, храбрости безоглядной. Говорят, он, должно быть, тяготился жизнью; некоторые прямо говорят, что он был герой, какого другого у них нет. Он имел 3 раны, правда, неопасные, и под ним было убито 2 лошади и ранено 2 лошади. Брат мой, по

словам офицеров, оставил им нечто вроде завещанья, говорил: «Если меня убьют, непременно вытащите мое тело». Они уверяли меня, что сильный и крепкий осетин, с ним бывший, пробовал вытаскивать тело, но, под градом пуль, бросил его и, снявши вещи, спасся с грехом пополам. Он будто бы (т. е. брат), воротившись с правого фланга, стал наносить на бумагу местность, занятую неприятелем, и заехал для этого слишком далеко. Целый залп дан был по нем из неприятельского ложемента.

Тогда он сел на лошадь, чтобы отъехать, но лишь успел вскочить в седло, как повалился, пробитый несколькими пулями. Сообщаю эти подробности столько же для отца (и матери?), сколько и для маленького напутственного в бездонную вечность слова, которым прошу Вас почтить бедного братишку художника.

Прощайте.

В. Верещагин

Я начал делать наброски. Жду писем от Вас. Здоровье мое не худо. Военные наши дела, как Вы, вероятно, уже знаете, если не худы, то и не хороши.

129. В. В. СТАСОВ — В. В. ВЕРЕЩАГИНУ

С.-П[етер]б[ург], вторник 13 сент[ября 18]77

Василий Васильевич, теперь уже почти 12 часов ночи, но я не могу удержаться, чтоб не отвечать на письмо Ваше, найденное мною по возвращении домой из гостей. Мне кажется, никто никогда не производил на меня того действия, какое нынче *Вы* на меня производите. От Вас меня поминутно бросает то в жар, то в холод. То я готов Вам поклоняться, то опять ругаю Вас, как никто. В настоящую минуту наступила еще — новый раз — минута *поклонения*. Вы меня снова наполнили таким энтузиазмом, как никто, и я, кажется, так бы и полетел к Вам и поцеловал бы Вас прямо в сердце. Знаете, меня, кажется, никто и ничто не в состоянии шевелить так, кроме чего-то самого крупного, и я про себя тысячу раз повторяю, что у кого столько огня и горячей души, бьющей ключом, у того однажды выйдут из-под кисти одни из самых чудных созданий в мире. Что такое художественное создание, как не кусочек нашего существа, нашего сердца? И стоит ли говорить про другие художества, кроме *такого?!* Отчего так великолепны, отчего так неотразимо действуют картины

француза *Нёвиля*[1] из последней (франко-прусской) войны? Оттого, что и у этого человека внутри бьется и рвется вон вот так же нестерпимо горячее чувство, как у Вас. Только с тою разницей, что Вы вдобавок еще — русский, т. е. человек еще полнее, еще светлее и зорчее. Вы просите, чтоб я написал несколько строк про Вашего брата *Сергея*. Но я это уже давно сделал, уже целую неделю тому назад. В «Новом Времени» 7 сентября я напечатал, второпях, небольшую статейку[2], где сказал, что́ тогда знал про обоих Верещагиных под Плевной: Сергея и Александра, частью на основании телеграмм доктора Чудновского[3] и Вашей (пришедшей 2 дня позже*), а также на основании того, что я слышал от Вас и от них лично или узнал из писем. Потом, я хотел напечатать в «Пчеле» портрет Серг[ея] Вас[ильевича], и для этого просил на-днях его фотографию у Вашего отца и каких-нибудь биографических сведений, но Ваш отец написал мне в ответ, что «не желал бы отсылать (?) единственный находящийся у него портрет». Кажется, он подумал, что портрет этот должен более к нему не возвратиться. Но завтра я пойду снова, и просто [не] мытьем, так катаньем вытащу у него карточку и сведения для послезавтрашней моей статьи в «Новом Времени». Я не послал Вам № от 7 сентября да думаю также не посылать послезавтрашний №, так как в Бухарест продолжает посылаться Ваш экземпляр «*Нового Времени*». А дня 3 тому назад я послал Стюарту в Бухарест два экземпляра (для Вас и Ал[ександра] Вас[ильевича]) последнего № «Пчелы», где я напечатал Ваш портрет с кишиневской карточки. Хоть она и неважная, но все-таки не худая. Мой гравер, молодой человек, кажется, довольно талантливый, руководствовался также *отчасти* большим мюнхенским Вашим портретом, что Вы мне подарили. Но по мерзким оттискам «Пчелы» не судите о работе Матэ[4]. Здесь вовсе не умеют печатать гравюр, а я Вам покажу *отдельные оттиски* самого художника, и, я думаю, Вы будете довольны. По моему наущению, такие отдельные оттиски будут (вероятно) пущены на-днях в продажу. Я получил Ваш бухарестский портрет уже давно. Я горжусь тем, что Вы захотели мне прислать *единственный* экземпляр, но он все-таки очень-очень нехорош и представляет Вас каким-то прегадким, препротивным. Я никому его, разумеется, не показывал, по Вашему желанию.

Теперь главное: я напечатаю почти слово в слово Ваше сегодняшнее *чудесное-чудесное* письмо про Вашего брата Сер-

---

* Не знаю, почему Ваша телеграмма пришла ко мне целых *два раза*, на расстоянии трех-четырех дней!!

гея, хотя и не назову Вашего имени. Но многие, вероятно, догадаются, дай бог, я этого *предательски* про себя желаю. Прибавлю только несколько слов от себя — что узнаю завтра от Вашего отца. В день получения телеграммы о смерти Серг[ея] Вас[ильевича] я нарочно не пошел к Вашим: боялся испугать Вашу мать, которую видел до того за несколько дней. Она здесь сильно страдала и, по обыкновению, меняла доктора за доктором, выводя иных из их числа просто из себя своими приставаниями и выговорами. Я ей как-то раз сказал, что это от нее *Вы* наследовали свою татарскую, необузданную натуру. И она, кажется, была очень довольна моей заметкой. Впрочем, теперь ей лучше, болезнь стала в эти последние дни *сноснее,* затихает. Так вот, я и не пошел к ним, стал ждать Вашего отца, который должен был на другой день сам притти ко мне в Библиотеку для получения Вашего награвированного портрета. И тут я *долго* и постепенно его приготавливал, наконец сказал всю правду. Он как-то вовсе не был поражен или убит (как я ожидал), но дня через 3 он снова у меня был, и тут он уж плакал и как-то совсем опустился и расслаб. Мне больно было тут на него смотреть. В этот раз он мне рассказал, как *постепенно* сообщил о смерти Серг[ея] Ва-с[ильевича] Вашей матери, — начал с того, что рассказал ей свой сон, будто видел С[ергея] В[асильевича] в «белой рубашке», и с этой худой приметы пошел у них весь разговор. Что и как завтра найду, напишу Вам. Вообразите, я летом еще послал Ваше письмо к Вашему отцу в Череповец, и оно так и пропало на почте. По счастью, я им мог потом лично рассказать все главное содержание, на основании последнего тогдашнего Вашего письма ко мне.

Пожалуйста, не сердитесь на меня, если иной раз не получаете писем. Во-первых, частью виновата почта, а во-вторых, частью мне *не о чем* писать — я и молчу, а поручения все исполняю. Но этот *ужасный* Гейнс ни слова не отвечает мне из Оренбурга, а я 2 раза уже писал ему. Без него же не могу тронуться, а можно бы печатать с января, как мне писал *Templier.* Через 2 дня я переезжаю на новую квартиру. Вот адрес: «*Сергиевская, № 79 (дом Покотилова)*». Надо ли продолжать посылать в Бухарест *«Новое Время»?* Прекратить вовсе или посылать в другое место? Скоро опять напишу. После телеграммы Чудновского и Вашей я тотчас писал Ал[ександру] Ва[сильевичу] в Бухарест через Стюарта, научил и Вашего отца послать письмо. Ответа все нет. Не знаю, дошли ли эти письма.

[*В. Стасов*]

130. В. В. СТАСОВ — В. В. ВЕРЕЩАГИНУ

С.-П[етер]б[ург], Надеждинск[ая], 9.
18 сентября [18]77

Пишу Вам сегодня *немного* — сегодня мы переезжаем на новую квартиру.

Сергиевская, № 79, дом Покотилова, и около моего письменного стола ходят артельщики, таскают ящики и вещи. Значит, порядочно неудобно. Пишу же Вам только для того, чтоб поскорее ответить на последнее Ваше письмо (от 5 сентября). Посмотрим, дойдет ли настоящее письмо на имя *Скалона:* ведь именно на его имя и точно по такому же адресу (в главную действ[ующую] армию) было адресовано, еще весной, письмо к Вам Гейнса. Неужели же оно так и пропало без вести? А жаль; было это письмо написано с большой душой, с большим сердцем, и мне кажется, если бы у Вас оставалась еще хоть капля неудовольствия на этого хотя сильно бестолкового, беспорядочного и в высшей степени неаккуратного генерала, но зато в высшей степени хорошего, доброго и горячего человека, то эта капля должна была бы испариться. Вот теперь я, пожалуй, должен был бы тоже беситься на него, ссориться с ним (как однажды Вы, к великому моему прискорбию): ведь он мне ни *слова* не отвечает на все мои письма — а они ведь порядочно были и нужны и спешны!! Нет, что хочешь — не пишет, да и только. А уж, кажется, я ли не писал ему, что мое положение благодаря *единственно* ему — пресквернейшее!!!! С Вашей стороны — все только прекрасно, отлично, нельзя Вас достаточно нахвалить, но он, он — это просто чорт знает что такое, просто ни на что не похоже. Несколько раз я ему и писал и говорил, что надо же ему наконец все это дело с текстом привести к концу, — нет, ничто не помогает. *Сто* раз дает *самое* честное слово, клянется, божится — и потом нарушит все сроки, позабудет и ничего не исполнит. Сколько раз я ему повторял, что из-за него вся остановка, что если бы не он, то мы бы начали печатанье в январе, и, мало того, он мне мешает устраивать дело с *Templier* насчет Индии (Вы вообразите себе только, что про меня должен думать *Templier,* что, не начавши порядком даже *одного* дела, я принимаюсь толковать о другом, — ясно, что *Templier* должен на меня смотреть с величайшим недоверием и, наконец, просто не станет ничего отвечать) — итак, повторяю сто раз Гейнсу, что он подрывает мне в Париже всякий *кредит,* лишает меня силы, связывает по рукам и по ногам, — нет, ты тут что хочешь, а он все не отвечает, не

отвечает, да и только!!! Не знаю, верить ли: иные меня уверяют, что он попивает, пьет будто бы даже запоем, — не знаю, как и подумать, но, так или сяк, он мне страшная помеха. И все-таки человек хороший, и я сто раз был свидетелем его сожалений и всяких извинений. Ну, да на-днях предприму еще одну решительную меру: пошлю телеграмму или письмо к Оренбургскому губернатору; так или сяк, заставлю его ходить у меня рысью.

Но я, кажется, слишком долго остановился на всем этом, а пишу эти подробности решительно только «к сведению»; Вы никакими распоряжениями во все это *покуда* не мешайтесь. Если Ваше вступательство понадобится — напишу.

Дошло ли мое письмо, на-днях посланное Вам через Стюарта, немедленно в ответ на Ваше чудесное, великолепное описание смерти брата Вашего Сергея? Оно уже теперь напечатано в «Новом Времени» 15 сентября, — надеюсь, Вы его видели. Получили ли Вы также «*Пчелу*» с Вашим портретом? Я послал 2 экземпляра к Стюарту, для Вас и брата Александра. На этой неделе уже гравируют портрет брата Вашего Сергея — я при этом напишу маленькую статейку про него: вставлю туда все последнее Ваше письмо 5-го сент[ября] (не называя Вашего имени) и сколько можно будет вытянуть рассказов у Вашего отца и матери — материал *очень* скудный, они как-то ничего не могут припомнить, говорят «ничего нет», даже цифры годов все перезабыли. Матушка Ваша в горести, но *умеренно* — я ожидал гораздо больше. Кажется, у них все мысли и заботы про Вас, и они точно с удивлением и недоверием прислушиваются: «как это, дескать, столько говорят теперь про Сергея, а он просто — ничто, и от него ничего нельзя было ожидать!» Какая несправедливость из-за Вас, так как Вы *знаменитость* и льстите их самолюбию!!!! Ну, да это не мое дело. А может быть, я крепко и ошибаюсь (дай бог!). Они люди, кажется, прекрасные. Портрет брата Сергея будет гравироваться с *portrait-album* [1], принадлеж[ащего] Вашему брату Николаю, и, говорят, отличного.

Что касается войны, Вы не можете представить себе здешнего всеобщего негодования, злобы, досады, обвинений — даже со стороны самых отчаянных чиновников, прежде, бывало, самых ярых противников всяческого либерализма, свободомыслия. *Все* говорят, что нынешняя война в 100 раз постыднее Крымской 1853 года, хотя солдаты и офицеры — верх всего великолепного, великодушного, геройского. И в такую войну *так* опростоволоситься, в войну, *первую в мире* из всех известных!!! Мы тут просто все в отчаяньи!

Ну, пока прощайте, некогда больше. Напишу опять на-днях. И то пишу на краю стола. Да напишите про брата Александра — он сам ни слова не пишет.

В. С[тасов]

Я, может быть, ошибся, напечатав в статье, что Вы сами свезли брата Александра в Бухарест. Если я ошибся, то это оттого, что у Вас в письме *ничего* не было сказано, откуда Вы пишете, а штемпель был из Бухареста, да и Чудновский писал в телеграмме.

131. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

Систово, 19 сентября [/1 октября 1877] [1]

Говорят, брат мой действительно зарыт в землю, хотя почти нагой [...]. Это не малое утешение, ввиду того что трупы наших до сих пор валяются и гниют по редутам, где турки постоянно покушаются снимать с них сапоги, а наши, по мере сил, им в том препятствуют. Коли увидите отца моего, а может быть, и мать, кланяйтесь им и передайте кстати, чтобы из имущества, оставшегося после покойного (кажется, несколько тысяч рублей), дали бы Вам для меня деньги, которые Сергей Вас[ильевич] взял у меня перед смертью: 310 руб. (триста десять рублей) и 700 фр[анков] (семьсот франков). Я до сих пор еще плачу за него в Париже, так как он имел там комнату, в которой сохраняются его вещи, разный хлам, от старого чулка до подрамок с ужасными образинами — его пробами масляных красок. 2 его чемодана я или оставлю у брата Александра, или пошлю отцу, коли он того пожелает. Брату Александру пусть также отдадут взятые у него 150 руб[лей] (сто пятьдесят рублей).

Начались дожди и холода, но так как я еще мало наработал, то и остаюсь покамест здесь [2], хотя надеюсь если не всю зиму, то хоть часть ее провести в Париже. Прощайте, до свидания. Пишите и известите о переговорах Ваших насчет издания туркест[анского] и индийского.

В. В[ерещагин]

Брату Вашему кланяйтесь, получил его письмо.

Если можно, отдайте в какой-нибудь иллюстрированный журнал прилагаемую карточку брата моего (убитого).

132. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

Тырново, [4/16 октября 1877] [1]

Давно уже не получал от Вас писем, вероятно, потому, что часто переезжал с места на место.

Брат Александр поправляется, опасных последствий не будет никаких. Он немного малодушничает, как я слышал, говорит, что хочет теперь уже получить место в Питере и т. п., но я ему прочитал строгую братскую нотацию [2] и посоветовал, хорошенько вылечившись, непременно вернуться в армию. Если он выразит желание ехать поправляться в Питер (к чему не лежит мое сердце), то, разумеется, постараюсь немедленно доставить ему к этому возможность. Пришлось напомнить малому, что *он Верещагин,* брат Сергея, о котором до сих пор не могу хладнокровно говорить — таким молодцом он дрался и умер.

Попрежнему хворый, раньше времени согнувшийся, он по первому приказанию вскакивал на коня и несся исполнять поручения, не заботясь о том, стреляли в него в одиночку или залпами. Вот, со слов князя Черкасского [3], последний день брата моего (скажите это, прочитайте отцу и матери, коли они приготовлены выслушать).

«Я был со Скобелевым утром, — говорил мне князь, — когда он дал поручение Вашему брату, так же при нем бывшему, сделать рекогносцировку одной местности. Вскоре мы услышали в том направлении, куда он поехал, выстрелы целыми залпами и именно говорили, что должно быть ему плохо» (брат, действительно, рассказал в это утро одному офицеру, что когда снимал кроки местности, то по нем стали стрелять залпами и он едва успел ускакать). Потом, — говорил князь,— он приехал, однако, благополучно, объяснил Скобелеву свои кроки и получил от него поручение расставить там войска. «Так дайте же мне рисунок-то», — сказал он генералу, который хотел удержать кроки у себя, и поскакал. И тут он окончил поручение благополучно, но потом, посланный еще куда-то, уже не воротился...»

Высылку газеты можете прекратить; впрочем, ее читает теперь брат Александр, в госпитале. Из денег, что покойный брат остался мне должен, я получил 300 рублей. Получите, пожалуйста, из его имущества, от отца, еще 700 ф[ранков], так как из этого числа около 200 фр[анков] мне еще предстоит заплатить за него в Париже. Затем, кажется, я писал Вам, что Александр имеет получить 150 рублей. Остальные деньги его должны быть употреблены по смыслу прилагаемой

записки [4], переданной покойным еще за $1^1/_2$ месяца до смерти одному казацкому офицеру, теперь только мне ее доставившему. Приятель как бравый из бравых, видимо, был готов всегда к смерти (которою все трусы и полухрабрецы его всегда страшали), так как, кроме этой цидулки, еще крепко просил знакомых офицеров не оставлять его тело ни на месте, где свалится, ни, еще более, в руках турок.

Что наши переговоры насчет издания? Говорят, в доме моем потолок ненадежен, придется ломать крышу! Ой, доставайте непременно денег, сделали Вы что по этому? Прощайте, до свиданья. Поеду или съезжу в Париж после первого хорошего краха турок — не раньше.

В. В[ерещагин]

Рана моя благополучна, но все еще есть струпик, настойчиво держится. В прошлом письме я послал Вам карточку убитого брата моего.

Уже сделал кое-какие нужные наброски, но еще недостаточно. Погода отвратительная, работать нельзя, город интересен. Скоро, вероятно, поеду под Плевну опять.

133. В. В. СТАСОВ — В. В. ВЕРЕЩАГИНУ

С.-П[етер]бург, Сергиевская, № 79, 8 окт[ября 18]77

По желанию Вашего батюшки, напишу Вам сегодня свое письмо на *одном* листе с ним [1]. И начну тем, чем он кончает, — вопросами.

Получили ли Вы портреты детей Ник[олая] Вас[ильевича], Вашего брата, которые я передал *Скрыдлову,* еще в его бытность здесь, а он отправил к Вам с каким-то отъезжающим в армию знакомым своим?

Потом, получили ли Вы через консула «*Пчелу*» с Вашим портретом? Наконец, получили ли Вы, через того же консула, еще другую «*Пчелу*» с портретом и моей биографией Сергея Верещагина? Жаль, если все это пропадает где-то в дороге. На первый взгляд, портрет Вашего брата Сергея удался лучше, но, в сущности, он ни на единую йоту не награвирован лучше Вашего портрета; это я могу сказать, потому что художник приносил мне показывать обе деревяшки. Но вся разница в том, что Вашу деревяшку отпечатали в типографии в отсутствие гравера, и оттого гравюра *много* потеряла (например, на щеке вышло чорт знает что за пятно,

идущее от самого носа, и т. д.), а портрет Сергея Васильевича отпечатан *при* художнике и под его надзором — от этого вышло очень хорошо. Что же касается фотографии Сер[гея] Вас[ильевича], присланной Вами, то она пришла слишком поздно, когда был уже награвирован портрет с парижской карточки, принадлежащей Вашему брату Николаю. Она значительно ретушована и *enjolivée*[2], но что делать, у нас не было другой, и мы такую и награвировали, какая была. Печатать же опять новый портрет — не знаю, захотят ли здешние иллюстрации. Впрочем, попробую.

К Гейнсу я послал *третье* письмо, через *Крыжановского*[3] (при посредстве Жемчужникова и графа Перовского[4]) — авось хоть это, наверное, попадет в руки и я получу ответ, а то не могу *шагу* сделать ни в каких Ваших делах (получили ли Вы через Стюарта и Скалона два или три моих письма, где я все это Вам подробно описывал, — пожалуйста, уведомьте).

В Москве Ваши коллекции все еще в *прежнем* помещении, то есть в Общ[естве] любит[елей] иск[усств], у Страстного монастыря, и они ничего пока не предпринимают; но, кажется, Третьяков возьмет себе коллекцию обратно и *выстроит* особую для нее галлерею, а после смерти завещает и то и другое городу Москве. Славный, великолепный человек Третьяков!! С ним приятно иметь дело. И я всегда с удовольствием с ним переписываюсь или видаюсь. И Вас и вообще искусство он *крепко* любит. Таких мало, как он.

Ваш батюшка считает необходимым добиваться пенсии (говорит, напр[имер], через *Горчакова*). Я всячески отговаривал, уверял, что Вы ни за что за это не возьметесь, а я *не могу*, — но он твердит одно: «Необходимо! Крайность заставляет! Мы теперь с женой хуже нищих!!», и т. д. И я не имею ни права, ни возможности что-либо отвечать. Брат Дмитрий кланяется, на-днях думает сам Вам писать. Будьте здоровы.

В. С[тасов]

134. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

Горный студень, 9[/21] октября [1877][1]

Только что воротился с Шипки[2]. Хорошая позиция, нечего сказать: обстреливается с трех сторон и пулями, и гранатами, и бомбами. Скала св[ятого] Николая, на которую

турки лезли и уже влезли 5 сентября, с лепящимися по ней солдатами нашими, имеет какой-то сказочный вид. Буквально живого места нет — где ни остановишься порисовать, всюду сыплются свинцовые гостинцы. Выбрал я раз себе укромное местечко, в крайнем из 3-х домов, что стоят на позиции, сел на подоконник, со стороны, защищенной от Лысой горы справа; слева, думаю, пальба реже — авось не попадет. Только принялся писать известную Вам, вероятно, по газетам «долину роз»[3], как с грохотом граната в крышу! Обдало пылью, однако, думаю, врешь — дорисую. Через 2 минуты новая граната — и меня и палитру с красками совсем засыпало черепицею и землею. Нечего делать — домазал, как попало, и ушел *от греха*. По дорогам масса переселенцев, разумеется, нищенствующих. Их размещают по деревням, но так как жителям местным самим скоро нечего будет есть (так велики потребности войск), то, вероятно, большая часть этих несчастных переболеет и перемрет. Теперь бы более чем когда-либо нужно было содействие наших славянских комитетов, доверенные которых, разумеется, лучше, чем местные чиновники, заваленные делами, могли бы вникать в нужды, обогревать и кормить этих бедняков. Между тем *единственный* бывший здесь член Славянского комитета Н[арышкин] прекращает свою полезную деятельность, некоторым образом закрывает лавочку, под тем предлогом, что администрация *будет скоро* выдавать какое-то ничтожное пособие (а сам поступает юнкером в полк!). Нужно открыть кухни просто-напросто при всех больших населенных пунктах, ездить *самим* по селам, *самим* раздавать пособие, где натурой, где деньгами, самим уменьшать смертность детей, *самим* не дать извратиться и развратиться взрослым, из которых женская половина, вкусивши сладость бродяжничества по чужим дворам с протянутою рукою, скоро выучится известному выгодному торгу — кстати, охотников при войсках наших не занимать стать.

В. В[ерещагин]

Встретил сейчас офицера, видевшего убитого брата моего. Говорит, что лицо его было страшно обезображено и залито кровью. По траншеям в мокроте пухнут у солдат ноги; по сотне человек ежедневно спускается вниз больных; видел даже замерзшего, посинелого.

О переселенцах можете напечатать, если найдете нужным. Не знаю, куда поеду,— письма крепко зовут в Мюнхен.

135. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

[12/24 октября 1877] [1]

Я и не спросил Вас в последнем письме, послали ли Вы денег в Париж, к Кумани. Не мешало бы перевести теперь же 10 или 12 тысяч франков, так как курс валится все более и более. Надобно будет вносить в конце года за землю и уплачивать еще кое за что. Был ли толк о путешествии в Индию? Кто бы ни был издатель, лишь бы было хорошо издано. Относительно моего туркестанского путешествия скажу Вам, что так как Гейнс ничего не отвечает, то я непрочь продолжить его сам. Для этого мне нужно будет знать, целы ли мои записные книжки, которые я оставил с вещами у Беггрова (маленькие). Еду под Плевну, где, кажется, будут скоро решительные действия [2]. Не давайте меня в руки картинопродавцам-кулакам; деньгами, что выручу за мои работы, я сделаю дело, которым попрошу Вас заняться самому, мне много не нужно.

[*В. Верещагин*]

136. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

17[/29] октября [1877] [1]

Владимир Васильевич,

Затрудняюсь передать Вам впечатление массы в несколько сот наших егерей, павших под Телишем [2] и изуродованных турками. На земле валялось десятка 3, 4 хотя и раздетых догола, но не избитых; а в отдельных кучках, прикрытых землею, лежали тела всячески избитые: у кого перерезано горло или затылок, отрезан нос, уши, у некоторых вырезаны куски кожи или продолговатые или аккуратными кружками; некоторые в груди или других местах положжены и обуглены. Когда этих несчастных повыкопали из набросанной на них земли, то представилось что-то до того дикое, что словами трудно сказать. Что сделано это не черкесами, видно из того, что мундиры наших павших егерей найдены по траншеям и землянкам регулярного войска. Что турки знали, что они делали, видно из того, что они приняли меры для того, чтобы скрыть свое зверство. Уезжая оттуда, я встретил генерала Струкова [3], с которым вместе еще объехали трупы. Он распорядился, чтобы был составлен протокол, и мы все подпишемся под ним [4]. До свидания.

В. В[ерещагин]

137. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

Горный Дубняк, 19[/31] октября [1877] [1]

Я послал Вам, Владимир Васильевич, несколько слов, не знаю, дошли ли они до Вас. Дело шло о телах наших егерей, атаковавших Телиш и оставшихся перед редутом. Я видел несколько сот их, голых, изувеченных и уже значительно вздувшихся. Те, что найдены по взятии нами редута валявшимися на земле, были просто убиты, те же, что были более или менее тяжело ранены и уже прикончены и изуродованы турками, все были прикрыты землею, очевидно, по совету тех иностранных докторов, или, вернее, просто иностранцев, которые попались в наши руки при взятии Телиша. У некоторых было разрезано горло или затылок, у других сплюснут или отсечен нос, отрезаны или просечены уши. У других вырезаны длинные куски мяса из ляжек и подпалены бока. Целого круга кожи и мяса до ребер недоставало у одного молодчика егеря, и я сильно сомневаюсь, чтобы пес или шакал могли выгрызть бок так искусно кружком. Уезжая оттуда, я встретил своего знакомого генерала Струкова, которого взял на это место. Струков велел составить подробный протокол, под которым мы все, тут бывшие, подпишемся. «Вот, Ваше превосходительство,— говорил С[трукову] один из погребавших тела,— пометки, которые они понаделали у тех, что получили галун за стрельбу,— вот, извольте видеть, галун, а вот прорублен крест на голове; вот опять с галуном — и опять крест на голове...» Я думаю, что эти зверства следует сделать гласными, и подробно рассказывал о них корреспондентам «Нового Времени» Иванову и «Московских Ведом[остей]» кн[язю] Шаховскому, находящимся при отряде Гурко, но не имевшим случая видеть этого моря изуродованных тел.

До свидания.

В. В[ерещагин]

138. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

Бухарест, 28 октября [/9 ноября 1877] [1]

Послал Вам недавно телеграмму о деньгах, которые необходимо отправить в Париж. Хотя курс и плох, но рассчитывать не приходится, ибо деньги нужны теперь же. Жду Вашей ответной телеграммы. Брат мой Александр окончательно едет в Россию недели на 2 или на 3. Говорит, что вернется непременно. Пожалуйста, не балуйте малого, чтобы он не вообра-

зил себя героем. Я как-то писал Вам недавно с Софийского шоссе, что под Плевною, о тех мерзостях, которые турки совершили над нашими ранеными егерями под Телишем; кажется, не писал ничего о Горном Дубняке[2], где виденная мною картина смерти и разорения превосходила все, что можно себе представить, — таковы были груды побитых людей, лошадей, рогатого скота и овец в ограде взятого нами редута. Турецкие пленные делаются все более и более курьезны, и я не утерпел, чтобы не стянуть с некоторых убитых их платья, лапти и проч[ее]. Только все еще не имею всего нужного. Совсем было собрался уезжать в Париж на зиму, но кое-кто полусловом остановил и дал понять, что, может быть, будут еще добрые стычки, помимо Плевны, сдачи которой я было уже решился не дожидаться. Через 2 дня вернусь опять к Гурко, у которого теперь под командою целая армия. Здоровье держится, и говорят, что я значительно поправился. Рисую не то чтобы очень много, больше смотрю и слушаю, хотя уже и теперь имею многое и в тетрадках и в голове — слишком много для того, чтобы все это исполнить[3]. Не достанете ли у кого-либо старый мундир генерал-адъютанта или генерала свиты е[го] в[еличества]? Здесь никто не даст, ибо все имеют только необходимое.

Солдатское платье имею.

Гейнсу я отвечал, давно уже.

До свидания.

В. В[ерещагин]

139. В. В. СТАСОВ — В. В. ВЕРЕЩАГИНУ

С.-П[етер]б[ург], Сергиевская, № 79,
30 окт[ября 18]77

Сегодня утром, Василий Васильевич, я отправил Вам телеграмму о том, что послано 3500 франков к консулу *Кумани* в Париж, что все деньги Ваши кончились и что негде больше достать других (осталось у нас здесь лишь маленькая порция остаточных рублей, от *круглого* числа, посланного к Кумани). Мне ужасно досадно, что это так — после того, что я несколько раз писал Вам о том, что *деньги будут*,— но что же прикажете делать, когда теперь здесь ни у кого денег нет, все здесь бьются с деньгами, как рыба об лед. Летом было одно, а теперь — другое. В то время еще не было такой *всеобщей нужды* в деньгах, как теперь. У меня остается теперь только одна еще надежда: на *Третьякова*. Я знаю и помню очень хорошо, что Вы не хотите брать денег именно

от него, но я всегда считал, что Вы тут совершенно несправедливы в отношении к нему; он прекрасный человек, и уважает и любит Вас именно так и столько, как и сколько нужно. Я убежден, что он не откажется ссудить Вам те 10 000 рублей, которые обещал Гейнсу при продаже Вашей коллекции картин[1]. Признаюсь Вам откровенно, я бы даже сам это устроил, помимо Вас (даже вопреки Вашей воле, что делать!), но на беду теперь Третьякова нет в Москве, он уехал в Кострому, на свои ситцевые фабрики. Только он воротится, я попробую наладить это дело, если только Вы не пришлете нового подтверждения: не вступать в условие с Третьяковым. Могу Вас уверить, что приди надобность в деньгах мне, я бы и для самого себя не знал бы, как и где их достать — такое уже теперь прекрасное времечко. А я вовсе не умею делать денежных дел и никогда ими не занимался. Хорошо было Гейнсу: тот как-то умел, да, вероятно, у него и знакомых было больше, *денежных*. Был я у Беггрова, не застал его, а главный приказчик обещался разыскать Ваши «Записные книжки» туркестанского путешествия, и тогда я сейчас велю их доставить ко мне. Получили ли Вы через Стюарта посланные мною для Вас и Вашего брата Александра два №№ «Пчелы» с портретами Вашим и брата Сергея? Александр Васильевич пишет мне жалобы на консула Стюарта: тот не только не передает ему «Пчелы», но даже ни разу не потрудился проведать его в госпитале. Я очень удивился тому, что Вы мне пишете, что он собирается сюда, в Петербург, *на службу*: в его письмах ко мне не видать ничего подобного; он, напротив, повторяет мне много раз, что только и ждет выздоровления своего, чтобы воротиться скорее в армию[2]. Матушка Ваша страшно нетерпеливая, точь-в-точь *Вы*: она тут переменила, кажется, 100 докторов, ни одному не доверяет, а одного из самых капитальных, *Масловского*[3], просто отвадила от себя какими-то грубостями. Тот так и перестал ездить!! Теперь она ускакала в Тверь, к родственнику своему *Дубасову*[4],— все от нетерпения и природного беспокойства. Я уверен, что скоро она воротится опять сюда...[5].

Очень хорошо понимаю, как она должна мучиться от своей болезни. Ваш отец иной раз заходит ко мне в библиотеку: все жалуется на безденежье и недостатки, на сильные траты по поводу болезней Вашей матушки. Иной раз говорит: «Мы хуже нищих теперь, лучше бы мне, кажется, быть убитым под Плевной!» Про наследство после Сергея Вас[ильевича] он говорит, что не знает еще, какие деньги оно даст, и как, и когда. Полагает, что вся история составит не более тысяч пяти. «Завещание» Сергея Вас[ильевича] я ему пока-

зал и прочитал, но он его оставил у меня. Да, кстати, скажите мне: прочитали ли Вы в *«Новом Времени»* мою статейку про смерть Серг[ея] Вас[ильевича]? Ведь я ничего не знаю. Ваш отец говорил мне также, что перед отъездом Алек[сандра] Вас[ильевича] в армию он, по его желанию, занял для него 600 рублей, и так как не у кого было достать, то он эти деньги взял у Никол[ая] Вас[ильевича], но тот спрашивает теперь эти деньги обратно, так как у него не было *своих*. Не помню, писал ли я Вам, что к новому году выйдет здесь в свет томик «Знаменитых современников» [6] — 12 биографий с портретами. Тут будут: митрополит Иннокентий [7], Тотлебен [8], Милютин [9], Игнатьев [10], Пирогов [11], *Вы*, Некрасов [12], певец-актер Петров и т. д. Ваша биография будет самая полная из всех Ваших биографий, до сих пор напечатанных: тут будет собрано все, что я и все другие печатали про Вас. Меня [просили] просмотреть ее. Крыжановский отвечает Жемчужникову (т. е., собственно, графу Перовскому), что лично вручил последнее мое письмо Гейнсу в Оренбурге, а тот все ничего мне до сих пор не отвечает. Я все надеюсь, что с окончанием войны и написанием Вами нового ряда картин все Ваши дела не только поправятся, но пойдут в гору больше, чем когда-нибудь.

[При] [13] личном присутствии в Париже издайте и оба Ваши путешествия, туркестанское и индийское. А то, сам, согласитесь, ведь я *постоянно связан по рукам и по ногам*. Гейнс то в отлучке, то за тысячи верст где-то, то не добьешься его и в Петербурге. Обещает и ничего не делает, невзирая ни на какие *честные слова*. Васнецов то в Вятке, то в Париже. Вы — то в Париже, то в Индии, то на Дунае. При таком постоянном и всеобщем *разброде*, при такой постоянной розни, прошу покорно, состряпать что-нибудь!! Тут возьмите какого хотите доку и практика, и тот ничего не поделает!! А я и *не дока*, и *не практик*, а просто человек, который Вас любит и уважает без памяти и желает всего самого превосходного, да только недоумевает и *не умеет*, как Вам устроить то, что желал бы от всего сердца. Мое дело — перо.

В. С[тасов]

140. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

31 октября [/12 ноября 1877] [1]

Неужели это правда, Владимир Васильевич, что Вы по поводу смерти брата моего Сергея пропечатали отца и мать

наших *неимущими,* что после всех жалостливых слов приписана весьма прозрачная просьба о помощи? Конечно, на это должно было быть желание моего выжившего из ума батюшки [2], но позвольте же спросить Вас, каким образом именем моего покойного брата Вы делаете это; ведь он перевернулся бы в земле, кабы мог слышать об этом! Мне стыдно, что писали и обо мне и об моих братьях, потому что вслед за всеми ужасами, над нами обрушившимися и четко прописанными, не менее четко и ясно выписана просьба на бедность виновникам наших дней. Эдакий срам, эдакий позор! Да как же Вы решились сделать это? Как Вы не подумали, что Вы оскорбите всех нас? Отец и мать, во-первых, растратили свою часть, просто безумно разбросали ее; во-вторых, ведь, чорт побери, я Вам доставил материал для биографии брата моего, я просил Вас написать несколько слов о нем. Как же Вы решились, ни словом не предупредивши меня, придавать такой смысл сообщению о нем и его смерти? Просто не узнаю Вас. Умоляю Вас отныне не поминать обо мне в печати. Заклинаю — если мольбы моей мало. Отца-дурака знать более не хочу и пропечатаю, чтобы не давали ему милостыни, если именем моим будет просить ее.

В. В[ерещагин]

За что Вы меня *режете* тем, что Вы сделали, за что этот срам? У отца, бесстыдника, дом в нашем городе, есть деньги, есть место, наконец, в нашей деревне.

Вот копия письма, посланного мною отцу моему [3].

141. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

Бухарест, 1 [/13] ноября [1877] [1]

Напишите мне, пожалуйста, правда ли, что под биографией покойного брата моего приписана косвенная просьба на бедность? Это отец мой уговорил Вас сделать эту неслыханную, непонятную неловкость. Отец мой — недостойный, нечестивый старик; если он сделал это, я отрекаюсь от него и не вижусь с ним, по крайней мере — в этом свете.

Во что же обращено, скажите, все то, что было писано и обо мне и о братьях моих, если после рассказа (моего рассказа, чорт побери!!!) о том, как он был брав, как браво умер, остался на поле битвы и проч[ее] и проч[ее], приписана просьба отца о деньгах. Хуже, глубже обидеть память брата моего Вы (т. е., вернее, отец мой) не могли. Как раз-

громил бы покойник, если бы мог, нас с Вами (Вас за то, что Вы писали, и меня за то, что я направлял Вас, что писать). Это был не копейка-Александр, да и тот в ужасе от того, что сделано, больше, впрочем, оттого, что после этого я отказался хлопотать о нем в главной квартире и даже носмой туда показывать. Ведь там «Пчела» получается, там прочитают, как Верещагины умеют во-время просить на бедность, ковать железо, пока оно горячо. Я опомниться не могу, неужели это правда? *За что* это Вы, Владимир Васильевич? Бедность моя, о которой Вы недавно телеграфировали Стюарту(?!), не позорна, но затычка этою бедностью рассказа о смерти на поле брата моего просто возмутительна — для меня, очевидно, не для отца моего [2].

[*В. Верещагин*]

142. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

[2/14 ноября 1877] [1]

Вы несколько раз писали мне, Владимир Васильевич, что когда мне понадобятся деньги, Вы достанете через брата Вашего или кого-либо другого, и настойчиво предлагали мне не беспокоиться о деньгах. Теперь же, когда мне понадобились 12—15 тысяч франков, Вы просите Стюарта, какого-то Стюарта, передать мне, что денег за мною более не водится. Просто не могу понять этого.

Сделайте милость, напишите обстоятельно, как понимать Ваши слова? Да будьте так добры, телеграммою ли, письмом ли, напишите мне лично — уж очень не хочется посвящать в тайны болтуна-консула.

В. Верещагин

143. В. В. СТАСОВ — В. В. ВЕРЕЩАГИНУ

С.-П[етер]б[ург], Сергиевская, № 79,
3 ноября [18]77

Пишу Вам сегодня, Василий Васильевич, по *двум* причинам. Первая — это по просьбе Вашего отца, который приходил ко мне сегодня и просил написать Вам, не можете ли посмотреть в вещах, оставшихся после Вашего брата *Сергея Васильевича*, нет ли там официального документа — *закладной?* Дело в том, что перед отъездом в армию Серг[ей] Вас[ильевич] продал свое именьице какому-то купцу за

5000 рублей, а потом большую часть этих денег (3 или 4 тысячи, кажется) отдал взаймы какому-то помещику, под заклад его поместья, конечно. Конечно, можно будет все это разыскать и взыскать, в крайнем случае, и без подлинной *закладной,* у нотариуса, где акт был совершен; но все лучше и удобнее было бы, имея этот документ в руках. Другая причина — та, что сегодня утром пришла телеграмма Ваша на имя моего брата Дмитрия, на которую мы и отвечали еще давеча — телеграммой же, по общему нашему совещанию. В этой телеграмме мы написали, что *при нынешнем положении вещей мудрено достать где-нибудь денег,* но что в двух отправленных к Вам письмах *изложены некоторые комбинации.* Из двух писем первое — это то, которое я Вам послал дня 3 или 4 тому назад, и там я говорил Вам, что единственная моя надежда теперь — Третьяков, который обещался же ведь в 1874 году, при продаже коллекции Вашей, дать Вам при надобности тысяч 10 сер[ебром] взаймы. Теперь эта надобность представилась — как же ею не воспользоваться! Вот это было мое *первое* письмо; сегодня же, в настоящую минуту, пишу Вам *второе.* Мой брат Дмитрий одобряет вполне это мое предложение и находит его самым простым и естественным. Но после Вашей сегодняшней телеграммы и нашего общего совещания он просит меня сказать Вам, что если уже *ничто* не удастся и дело никак иначе не наладится, он, пожалуй, даст Вам небольшую сумму, для *настоящей* надобности, из своих собственных маленьких средств. А именно: он пошлет в Париж, к Кумани, сколько нужно для необходимых в настоящую минуту уплат. Вам нужно было от 10 до 12 тысяч франков. Мы послали дня три назад 2800 франков (а *не 3500,* как я ошибочно написал) к Кумани; значит, теперь требуется еще послать тысяч 10 франков. Конечно, будь у меня самого деньги, я бы сию секунду, не говоря ни слова, взял и послал бы, сколько Вам нужно. К несчастию, у меня *ничего* нет, и нет никаких денежных знакомых. Да и никаких денежных дел я отроду не делал и делать не умею. Брат Дмитрий постоянно ведет дела денежные и знакомств деловых и других у него пропасть, но говорит, что в настоящую минуту все дела вследствие войны *остановились* и *денег* нигде не *достанешь.* Он решается, при крайней необходимости, послать нужные деньги в Париж, но это деньги не его, а его детей, и, значит, он обязан в них отчетом и перед женой, и перед детьми. И он и я, мы оба легко можем всякий день умереть — мы оба седы и больше 50 лет каждому из нас; наконец — чего не дай бог! — можете умереть даже и Вы, даром что Вы гораздо моложе нас обоих. Притом же Вы

слишком рисковали самим собою, точно будто ставили собственную жизнь ни во что. По всему этому брату Дмитрию необходим *документ*. Сделайте его в какой хотите форме, в форме ли заемного письма или в какой другой угодно форме. Если Вам затруднительно устроить такой акт в армии, напишите только ему, и он Вам сейчас пошлет его, *заготовленный* как следует, для Вашей подписи, а Вы его возвратите — *страховым*. Времени еще довольно для парижских уплат, тем более что уже целых 2800 франков в руках у Кумани, и он уже, вероятно, уплачивает в настоящую минуту то, что самое спешное.

Итак, отвечайте мне или брату Дмитрию *(Малая Морская, дом Татищева)* и верьте, что мы оба готовы всегда делать все, что только может быть Вам приятно, но не виноваты же мы, если у нас самих средств так мало, а с другими устраивать теперь, во время войны, слишком мудрено!

В. С[тасов]

Напишите, если что знаете про брата Вашего Александра. Давно ничего об нем не знаю. Да, вот что еще: если заем будет делаться у Третьякова, то надо будет Вам прислать *доверенность* для этого на имя брата Дмитрия или на мое, как Вам угодно. Если Вам трудно будет составить такой акт в армии, скажите только, мы пошлем Вам готовый.

В сегодняшнем № «Нового Времени» я напечатал статью маленькую: «*Известие о В. В. Верещагине*»[1]. Это несколько фактов *о Вас,* из последних Ваших писем. К этому я принужден был, потому что слишком много меня спрашивают про Вас и словесно и письменно, а между тем нигде про Вас не писано, и никто ничего не знает. Тут же я напечатал и Ваши строки про «Переселенцев», как Вы сами того желали.

144. В. В. СТАСОВ — В. В. ВЕРЕЩАГИНУ

С.-П[етер]б[ург], Сергиевская, № 79,
7 ноября [18]77

Вчера вечером я получил, Василий Васильевич, Ваше письмо от 1 ноября — и просто глазам своим не верил, читая то, что там было написано. Какие-то обвинения, какие-то упреки мне — да что за чорт, и что это значит?!!! Во-первых, я не хочу никаких обвинений, ни упреков, и не намерен слушать их даже и тогда, когда был бы в самом деле виноват, а тут я принужден выслушивать их тогда, когда не могу даже взять в толк, зачем это вдруг Вы на меня напали и в чем

именно обвиняете!! Все, что стойт в Вашем письме, в такой степени было для меня чуждо и непонятно, что я даже написал тотчас же Вашему батюшке, прося его пожаловать ко мне. Он был у меня в библиотеке сегодня утром, и я стал спрашивать его: не написал ли он в самом деле князю Горчакову или не просил ли кого о пенсии? Оказалось, что он никому ни о чем не писал, но даже и не говорил. У меня тогда совершенно отлегло от сердца, и я сказал себе, что, значит, ровно ничего и *нет* в действительности, а действует только одна *торопливость и разыгравшаяся фантазия,* как Ваша, так и брата Вашего Александра. Признаюсь, я вначале был порядочно рассержен и выведен из терпенья этой торопливостью, которая ничуть не задумывается с бухты-барахты нападать на кого угодно, не разобравши дела, а я с досадой спрашивал себя, да за что же, наконец, я обязан выносить все капризные «брыканья», какие взбредут другим на ум,— словно *я крепостной* какой-то. Теперь я, со вчерашнего вечера и с давешнего утра, несколько холоднее; я только пожимаю плечами и согласен еще лишний раз пускаться в отношении к Вам в *оправдание,* но уверяю Вас, что так не может и не должно всегда продолжаться. Есть конец терпению, даже и моему. После разговора моего с вашим отцом, сегодня утром, я знаю, что никуда и ничего не писано об этой проклятой пенсии. Значит, Вы можете иметь в виду только: либо письма наши, либо «Пчелу». Что касается моего письма или моих писем, то, кажется, Вы довольно могли и сами видеть, что я *крепко не одобрял* пенсии и начисто отказался хлопотать о ней. Что касается письма Вашего отца, то ведь он говорил же только со своим сыном — Вами — и *больше ни с кем,* неужели же он не имеет права и на то! И, впрочем, какое мне до всего этого дело? Я не обязан мешаться в чужие семейные обстоятельства. Что же, наконец, касается статьи в «Пчеле», то там нет *ров|но ничего худого.* Я видел десятки людей, самых разнообразных характеров, нравов и понятий, читавших статью «Пчелы», и ни одной душе не пришло в голову того гадкого смысла, какой пришел бог знает почему Вам и Вашему брату Александру. В статье не сказано *ровно ничего* дурного; мне кажется, никто из всех знающих меня [не] может подумать про меня, чтоб я был в состоянии писать и печатать какие-то мерзости, вроде торговли смертью и ранами сыновей, для того чтоб выханживать пенсии отцам и матерям. Мне надо было дождаться такого обвинения от Вас!! Потом я еще прочитал во вчерашнем Вашем письме, что будто бы *«я телеграфировал консулу про Вашу бедность».* Что это такое? Что это значит? Да ведь ни-

когда ничего подобного не бывало, и все это вздор!!! У меня только и было сказано в телеграмме, что *«argent épuisé»* [1]. Неужели же это значит «телеграфировать о бедности»? Решительно ничего не понимаю. Тут нет ничего не только постыдного, бесчестного — да даже и хоть сколько-нибудь нескромного с моей стороны. *Истощение денег* вовсе не есть бедность и может сто раз случиться с кем угодно в продолжение одного и того же года. Как можно Вам было притти к каким-то другим соображениям, решительно не постигаю!! В заключение скажу, что если действительно понадобится генер[ал]-адъют[антский] или другой мундир, мне кажется, я буду в состоянии достать. Только тогда надо мне знать, куда послать.

В. С[*тасов*]

Вторник 8 ноября

Вчера вечером получил я новых *два* Ваших письма, и так как я сегодня и еще более и еще более прежнего простыл, то хладнокровно отвечу на оба. В одном, коротком (без числа), Вы спрашиваете, как я мог прежде обещать Вам деньги, а теперь уведомляю, что *нет* денег. Это все уже Вам объяснено в предыдущих моих письмах. *Прежде* я обещал, но то было прежде, а с тех пор много времени прошло, и теперь деньги достать *гораздо труднее* — война виновата. И притом, еще раз повторяю: деньги не моя часть, я с ними никогда не возился и не умею, да и впредь не намерен. Телеграмма адресована к консулу, потому что так Вами сказано, и предыдущие телеграммы я *точно так* же адресовал. И как же это адресовать телеграммы *«для передачи»* — я не слыхал никогда. Притом, никаких тайн тут я не предполагал; что у Вас в настоящую минуту вышли *известные* деньги (не все же, какие у Вас есть на свете), поймет консул и всякий. В другом письме, от 31 окт[ября], Вы опять повторяете упреки Вашему отцу и мне. Но в них нет *ни малейшего* основания, как я писал уже выше, и повторять больше не хочу.

Вы поторопились нескладно и неладно. Никакого я не причинил Вам всем ни *«срама»*, ни *«позора»*, никакой не писал *«прозрачной»*, ни непрозрачной просьбы о помощи. Все это *выдумки*. Я, наконец, принужден думать, что Вы просто *не читали* моей статьи, а говорите с чьего-то рассказа. Так прошу Вас вперед прочитать эту статью, а потом писать нападения, упреки и выговоры. Но еще раз повторяю: *я всего этого не хочу долее терпеть*, да еще так несправедливо!!!!

В. С[*тасов*]

1878

145. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

Казанлык, 2[/14] января [1878] [1]

Вы поверите, что я просматривал эти письма [2] со слезами на глазах, когда узнаете, как они мне достались. После битвы под Шипкою, где, как Вы знаете, вероятно, Скобелев разбил и полонил командующего всею этою позициею генерала, еду я по полю битвы. Чем ближе к деревне Шейново, тем более встречаю наших и турецких тел. В редуте, что на нашем левом и на турецком правом фланге, масса набитых турок. Скобелев, посылая казанцев в атаку, сказал им: «Пленных, братцы, не берите». Можете судить, как солдатики постарались,— буквально напичкан был мертвыми турками и редут и ров. Только один русский как-то очутился между телами: молодой, хорошенький мальчик, вольноопределяющийся, лежал раскинувшись навзничь. Выражение лица его трудно передать. Оно как бы говорило: «Больно, очень больно, что-то нехорошее со мной случилось...» На груди, против самого сердца, большая рана, с обжогами; видно было, что выстрелили в него близко. Сапоги с малого были сняты, на груди золотой крест с маленьким медальоном, пощаженные [...лицами], разбросавшими бывшие в карманах письма. Я велел казаку собрать те, что были поцелее, и посылаю их теперь Вам. Перешлите родителям да расскажите им, как умер их сын (через газету или прямо письмом — как хотите). А умер он молодцом, как рассказывал подвернувшийся солдатик, видевший, как малого убили; он стоял браво, впереди своей части, когда наскочили черкесы, подхватили его под руки и марш-маршем уволокли к редуту, где приста[ви]ли дуло к сердцу... Крестик я, разумеется, оставил на нем, медальон же хотел снять с груди и также отослать родным, но там был не портрет, а образ богоматери — с ним его и зарыли. До свидания.

В. В[ерещагин]

Послали Вы деньги в Париж, к Кумани?
Александр кланяется Вам; он поправляется.

146. В. В. СТАСОВ — В. В. ВЕРЕЩАГИНУ

С.-П[етер]б[ург], Сергиевская, 79,
2 января [1878][1]

Василий Васильевич, вчера утром мой брат Дмитрий показал мне Ваше письмо к нему, а вчера вечером я получил Ваше письмо ко мне (оба от 14 декабря[2] — вот как скоро доставила их контора[3] великого князя!!!), еще медленнее почты *вдвое,* если не *втрое*). И вот я тотчас же, по обыкновению, отвечаю.

Я больше не стану возвращаться к нашему *спорному* предмету — это ровно ни к чему не ведет и может разъясниться и кончиться разве когда-нибудь при личном свидании. А то это будет только постоянное толчение воды: Вы будете все уверять, что будто бы я *писал* и *говорил* про «бедность» Вашего отца, про «бедность» Вашу — а я буду утверждать, что никогда *не писал* и не говорил ни того, ни другого. Это ли еще не толчение воды?! Итак, я решительно прекращаю этот спор до личного свидания. Лучше займемтесь чем-нибудь подельнее и посущественнее.

Брат Дмитрий намерен выполнить Ваше желание и посылать деньги в Париж, консулу Кумани. Значит, опять-таки тут нечего нам спорить о том, *что* я обещал и *зачем* я обещал. В десятый раз могу только повторить: обещал я — потому, что имел в виду исполнение, а когда сделалось нельзя — то нельзя!! Значит, опять тут нечего спорить понапрасну, и понапрасны все упреки.

Но я сожалею, что во время нашей размолвки (или по крайней мере перерыва переписки) я ничего не знал, что Вы и где Вы, а я желал бы все время это знать, потому что, помимо *личных* наших отношений, которые (если угодно) легко могут кончиться, я все-таки не переставал Вас очень высоко ценить как общественного деятеля не только по части искусства, но и по многому другому. Во время этого антракта напечаталась (перед самым рождеством) книжечка «Русские общественные деятели»; я ее сегодня же посылаю Вам через Скалона. Вы там найдете свой портрет (гравиров[анный] в Лейпциге) и Вашу биографию.

Кстати: заставьте же наконец этого сукина сына, Стюарта, переслать Вам и Вашему брату Александру посланные на Ваши имена №№ «*Пчелы*» с портретами и статьями про Вас и брата Вашего Сергея. Что за негодяй этот парень!!! Даже не заглянул ни разу к Ал[ександру] Вас[ильевичу] в Бранкованский госпиталь!

Еще другое кстати: я не знаю теперешнего адреса Алек[сандра] Вас[ильевича] и потому прошу Вас написать ему, что я *наконец* получил от полковника Бибикова[4] посланные им *болгарские рубахи и полотенца* (по моей просьбе) и очень, очень благодарю его. Бибиков так запоздал с октября, потому что все время прожил в Подольской губернии и лечился. Жду Ваших писем. Куда Вам писать?

В. С[тасов]

P. S. Этот непостижимый Гейнс опять *ни слова* мне не пишет! Раз прислал письмо за 4 печатями, где рассказывал, как Вы его поразили «*добрым*» Вашим письмом, и тут же уверял с клятвами, что тотчас будет писать текст, как я ему подробно объяснил,— даже скоро его кончит. Ну и вот, прошло довольно времени — ни слуху, ни духу.

Удивительный человек!!! Этакого разгильдяя, этакого рохли я не видывал.

Пишите же скорее *про себя.*

Издатель[5] «*Пчелы*» просит Вашего позволения напечатать некоторые «*московские*» (третьяковские) Ваши картины, некоторые даже в *хороших* и больших парижских хромолитографиях. Дозволяете или запрещаете?

147. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

Адрианополь, 9 [/21] января [1878][1]

Представьте себе меня, сидящего в вагоне между Сервери Намык-пашами[2], и этих господ, обращающихся ко мне со словами: «Monsieur le secrétaire, monsieur le secrétaire»[3]. Генерал Струков, начальствовавший передовою частью и первый принявший этих послов, представил меня им как секретаря своего, и когда дипломатия его плохо помогала, тогда он обращался ко мне за выручкою. Мы отправили их в Казанлык к в[еликому] князю, а сами тем временем вперед да вперед, хотя и с небольшими силами: $2^1/_2$ полка (драгуны и уланы) кавалерии, очень неполные, направились к Адрианополю, гарнизон которого при слухе о быстром приближении русских бежал; не будь дураки, мы сей славный город и заняли, хотя всего с одним кавалерийским полком и сотнею казаков; зато же беспокойные сутки провели мы! Хотя народ принял нас восторженно, но скоро увидел, что спасителей маловато, а кругом города грабили и резали черкесы, баши-

бузуки и отступавшие регулярные войска. Трудно Вам передать все ужасы, которых мы тут насмотрелись и наслышались. По дороге зарезанные дети и женщины, и болгары и турки, масса бродящего и подохнувшего скота, разбросанных, разбитых телег, хлеба, платья и проч[ее]. Отовсюду бегут болгары с просьбою защиты, а защищать нечем не только их, но и самих себя, если бы встретили мы пехоту и артиллерию. У меня целовали руку с крестным знаменем, как у Иверской (помешать этому нельзя было под опасением потерять перчатку или быть укушенным в колено). Духовенство с крестами и хоругвями, духовенство всех вероисповеданий, депутации, народы разных одежд и физиономий — все это гудело и орало. Женщины и старики крестились и плакали с самыми искренними приветствиями и пожеланиями. [....] Как только подойдут силы, так мы двинемся по дороге к Константинополю и позащитим бедных болгар, которых, по правде сказать, режут, как баранов. Сегодня целый день рыскал по городу, искал турецкие склады и смотрел места, где можно поместить подходящие войска. Даже некогда было рисовать: впрочем, после наквитаю. До свидания [4].

Послали ли Вы деньги в Париж? Кажется, скоро мир.

[*В. Верещагин*]

148. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

Адрианополь, 29 января [/10 февраля 1878] [1]

И я, со своей стороны, в десятый раз повторяю Вам, что если бы мог думать, что будет столько затруднений с высылкою этой ничтожной суммы, то, разумеется, обратился бы в другое место с моею просьбою. Очень беспокоюсь тем, что получил от Кумани телеграмму, требующую немедленно денег. Неужели они ему еще не посланы? Ведь срок уплаты за землю был $1^1/_2$ месяца тому назад!

Что сказать Вам лично о себе? Я очень устал, и начинает это сказываться теперь, когда война кончилась, и, вероятно, нервы от долгого напряжения не хотят более служить как следует. Теперь (прошлое дело) как вспоминаю, в каком огне доводилось мне быть, не верю как будто самому себе, что действительно это было так опасно, так безрассудно. Случилось мне быть, напр[имер], со Скобелевым на рекогносцировке его позиций под Шипкою, после перехода через Балканы. Пуля в пулю били проклятые турки по скалам, мимо

наших голов, плеч, ног, валили одного за другим людей и лошадей, а Скобелев идет да идет, не прибавляя шага, и, разумеется, идешь около тоже потихоньку и скрепя сердце слышишь, как летят пули между ног.

«Я уж около Вас держусь, Михаил Дмитриевич. Вас, наверное, не убьют, так авось и меня минуют».— «Типу[н] бы Вам на язык...»

Я Вам расскажу или напишу когда-нибудь о Скобелеве кое-что небезынтересное, да и вообще мог бы рассказать множество случаев и фактов, стоящих замечания. Не знаю, решусь ли сделать это печатно.

Вот теперь комедия окончилась, публика аплодирует, актеры вызваны или будут вызваны, скоро будут потушены лампы и люстры, и декорации, такие красивые и такие натуральные, выкажут свою подделку и картон. Оказывается, что и мне приходится смывать малую толику румян и белил с лица!

Гравироваться на дереве мои картины будут в журнале, как Вам известно, но хромолитографию я могу дозволить с тем, разумеется, чтобы делалось хорошо и не на грошевые средства; необходимо показать мне оттиски с первой картины. Еду в Париж по старой дороге[2], через Балканы, так как множество вещей разбросано по этой дороге: и тряпок и оружия, т. е. вещей, мне необходимых. Прощайте, до свидания[3].

В. В[ерещагин]

Да, разумеется, наши отношения могут во всякую данную минуту кончиться. Это так ясно, что нечего много и говорить о том.

149. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

Париж, 19 февраля[/3 марта 1878][1]

Я получил деньги, Владимир Васильевич, и благодарю за них. Попросите брата Вашего, чтобы он исполнил то, что я писал еще из Турции, в ответ на его письмо, а именно, чтобы уплату назначить не через год, а через 2 года, ибо мне трудно приготовить деньги в такой короткий срок. Я предлагаю зато тому, кто ссудил деньги, не 8, а 10% в год; так *мне выгоднее,* да и ему, вероятно, убыли не будет. Прилагаю 10 рублей с покорнейшею просьбою выслать с 1 января «Новое Время» (хоть 1/2 года) по адресу: France, Paris, Maisons Laffitte, avenue Kléber, M-r B. Vereschagin[2].

Брат Александр Васильевич говорил мне, что Вы просили его о *полотенцах*[3]. Я достал их с дюжину и, как только придут вещи, вероятно, через месяц, вышлю Вам их в Питер.

В. Верещагин

Попросите Дмитр[ия] Васильевича выслать оформленное заемное письмо мне для подписи и кланяйтесь ему, пожалуйста.

150. В. В. СТАСОВ — В. В. ВЕРЕЩАГИНУ

С.-П[етер]б[ург], Сергиевская, № 79,
25 февр[аля 18]78

Я вчера получил Ваше *первое* письмо снова из Парижа (от 19 февр[аля]) и скажу Вам, что Вы мне доставили им *огромное* удовольствие, даром что оно коротко. Я нашел Вас там в отличнейшем, милом расположении духа. Значит, Вы совсем здоровы, довольны — значит, Вы скоро схватитесь снова за свои кисти и (в чем не сомневаюсь) наделаете ими истинные чудеса!!! Теперь самая минута, самое время. Вы в цвете лет[1], прошли сквозь огонь и воду, подняли в последнее время еще выше свое искусство (это я сужу по индийским эскизам), Вы наполнены теми громадными сценами, которые целых 1/2 года стояли перед Вашими глазами. Вы были ими потрясены, как, может быть, никто, в Вас горит глубокое *национальное* чувство — чего только не надо ожидать теперь от Вас!!

Меня поминутно спрашивают со всех сторон, неужели ничего не будет Верещагина на Всемирной выставке в Париже? И я постоянно отвечаю: «Не знаю, ничего не знаю! Верещагин своих намерений не рассказывает, но что довольно вероятно, это — что он в Париже сделает свою отдельную выставку (я сам видел в 1867 году, как Courbet[2], вечно ссорившийся с парижским художественным *цехом,* взял да выстроил, в двух шагах от Всемирной выставки, свой отдельный домик у *Pont d'Iéna*[3] и туда, на его отдельную выставку, ходил сотнями тысяч народ. Кто знает, может он удерет такую же штуку!!) А что поспеет ли он, об этом я не забочусь: когда его одолеет художеств[енный] чорт, он пишет так быстро, как никто,— даже в этом загоняет «великого» Айвазовского[4], только маленькая разница будет в качестве картин». Надо Вам сказать, что Вы нынче столько же *популярны* по целой России, как, например, Скобелев и Гурко, и кто даже

не читал эти 10 месяцев одной строки «Нового Времени», знает и слышал *все* про Вас, до последней ниточки. Мне кажется, сделай Вы в нынешнем или будущем году, или, наконец, когда хотите, еще раз свою выставку в Петербурге, это будет опять такой же *скандал* и неслыханная штука, как в 1874 году. Придут сотни тысяч народа и будут приступом брать двери. Навряд ли кто еще из наших художников имел когда-либо такую громадную, истинно национальную популярность. И сомнительно, чтобы Вы не то что ее теперь не поддержали, а чтоб Вы ее не увеличили еще ныне на 100 процентов.

Теперь — на одну секунду — деловые дела. «Новое Время» сегодня же закажу для Вас. Брата Дмитрия увижу сегодня или завтра — ответит, конечно, он на все сам. Он, бедняга, немного вздохнул теперь. У него жена[5] была после родов при смерти, дело висело на волоске, и он был все это время в таком положении, что смотреть было не то что глубоко жаль, а просто страшно! Наконец теперь опасность прошла.

Как бы мне хотелось побывать нынче в июле или августе на Всемирной выставке, по-всегдашнему — и ее посмотреть, да и Вас повидать. Я ни одну из больших этих историй никогда не пропускал. Да только нынешний раз, кажись, что не попаду. Что прикажешь делать — нельзя, нельзя. А впрочем, если уж очень туго придет, я как-нибудь попробую хоть *на 2 недели* прикатить к Вам туда. Так мне хочется, так мне хочется!!

Ваши здоровы. Отца изредка видаю. Мать все болеет и беспощадно (для самой же себя) мечется от одного доктора к другому. Она уж их в ½ года, никак, штук 25 или 30 переменила. И в деревню-то раза два махала, взад и вперед, и раз ложилась в Максимилиановскую больницу — ничто не помогает, ничто не успокаивает!! [....]

Теперь скажите мне, пожалуйста, поскорее вот что, так как от Стюарта (этого подлого самого господина, имеющего внимание только к «высшему начальству» и ко всему титулованному) я никогда не мог добиться ни слова ответа:

1) Доставил ли он Вам «Пчелу», те №№, где были портреты Ваш и Сергея Васильевича со статьями про обоих?

2) Доставил ли он Вам, уж в январе, книжечку «*Соврем*[*енные*] *деятели*», где был Ваш портрет и биография? Если нет, то я пошлю Вам теперь в Париж новую.

3) Доставляли ли Вам мои письма и он и Скалон? Вы не раз бранили меня за молчание, а я-то посылал Вам письмо за письмом — неужели все они пропали и Вы не знаете ничего из всего того, что мне хотелось Вам сказать в разное время,

во все эти месяцы? Это просто приводит меня в отчаяние. Ответьте, пожалуйста, на эти 3 пункта. Если Вы не получили ни журналов, ни книги, ни моих писем, то скажу Вам, что я не раз печатал в *«Новом Времени»* маленькие отрывки из Ваших писем и *вся* Россия читала их с удивлением и жадностью. И Вы меня за это браните или нет, а я считаю, что поступил так, как было хорошо и как надо было. Проклятые *«скромности»* — ко всем сто миллионам чертей: я этого идиотства (скромности) не понимаю. Письма бедного юноши, Янкова[6] (убитого под Шипкой), я переслал близкому знакомому семейства, какому-то генералу Слуцкому, в Киеве, а тот осторожно подготовил бедное семейство. Он Вас просто *благословляет* за Ваше золотое сердце и пишет мне, что теперь еще более прежнего ценит нашего великого художника. Если бы не Вы, бедные Слуцкие даже и до сих пор не знали бы ничего о смерти их бедного Васи.

У меня по временам все сердце заболевает, чтоб в самом деле не кончилось плохо!! Этак, пожалуй, и в самом деле с Вами больше не увидимся. А жаль!

Ни в одном журнале столько не писали про Вас, как в «Н[овом] Врем[ени]», в том числе и в корреспонденциях Немировича-Данченки. Впрочем, немного бывало в «Голосе», и в «С-П[етер]б[ургских] Ведом[остях]».

[*В. Стасов*]

151. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

[Париж], 3/15 марта [1878] [1]

И я, признаться, непрочь получать письма без брани, свидетельствующие о хорошем расположении Вашего духа; к несчастию, их немного.

Я получил от Стюарта сверток с двумя №№ «Пчелы», но в обоих моя физиономия; вероятно, так по ошибке послано.

«Деятелей» не получал, почему себя к таковым все еще не причисляю, несмотря на Ваши лестные отзывы о моем имени.

Знаете Вы, Владимир Васильевич, историю пьяницы, который, проходя мимо кабака, говорил и себе и другим: «Нельзя, никак нельзя, стерплю на этот раз...» и который кончал тем, что направлялся под елочку? Этого пьяницу напоминаете мне Вы Вашими рассуждениями о невозможности

на этот раз побывать в Париже, на выставке. Как у пьяницы на шкалик, так и у Вас на это найдутся и деньги, и время, и проч[ее]; о доброй воле и говорить нечего.

На выставке действительно ничего моего не будет, надеюсь по крайней мере[2]; отдельно же, как хотел, сделать выставку нехватит денег.

Боголюбов все предлагает дозволить ему сказать наследнику о моем желании видеть и будущие мои работы неразрозненными, т. е. некоторым образом навязаться ему с ними. Хотя он, т. е. в[еликий] к[нязь], [....], вероятно не откажется *взять* и *заплатить*, но я, признаюсь, боюсь иметь дело с таким важным лицом, которому *могут не понравиться* многие из моих картин. Как Вы об этом думаете?

В. В[ерещагин]

Письма Ваши я получил, газеты большею частью читал.

Некто доктор Стуковенко[3], в Плевне, взявшийся сохранить и переслать один из ящиков с моими этюдами, до сих пор не переслал их! Очень боюсь.

Какой № Вашего дома на Сергиевской?

Кажется, 78?

152. В. В. СТАСОВ — В. В. ВЕРЕЩАГИНУ

Сергиевская, № 79, 10 марта [18]78

Получил Ваше письмо от 3/15 марта, и отвечаю на лету, вкратце, — у меня столько бед и хлопот на руках! Третьего дня мы свезли в сумасш[едший] дом моего зятя (мужа моей дочери[1]), вчера вечером пришла телеграмма в Выборгск[ой] стороны, что там *умирает* один нам близкий человек; в доме у моей дочери в тифе сестра ее мужа; сегодня ½ ночи я провозился с бедной солдаткой, с бедной крестьянкой, которую поднял на улице, которой надо было сейчас рожать, а ее нигде не принимали и отсылали от одного *приемного покоя* в другой, из одного *родильного дома* в другой — дескать, все места заняты!! Экие мерзавцы, сукины дети! Представьте, как я тут вступился и захлопотал — кое-как уже ее пристроили, когда уже воды у ней пошли, — сейчас опять туда, только встав с постели. Значит, писать много некогда. Но вот в двух словах все мои ответы:

1. *«Новое Время»* я Вам велел посылать с февраля, потому что январь весь разошелся давно уже — не знаю, собе-

рут ли даже весь февраль. Я подписался на 5 месяцев (т. е. до нового полугодия).

2. Я послал Вам «*Деятелей*».

3. Стюарту я посылал иллюстрир[ованные] журналы *3 раза* — а он доставил Вам всего *одну* посылку!!!! Хорош молодчик. В 1-й раз: «*Пчелу*» с Вашим портретом, во 2-й раз: «*Пчелу*» с портретом Вашего брата Сергея (оба раза по два экземпляра): один — Вам, другой — брату Александру; в 3-й раз: «*Всемирную иллюстрацию*» с портретом брата Сергея, по фотографии, Вами присланной. И $^2/_3$ всего этого пропало у Стюарта!?!

4. Мне кажется, Вам бы следовало устроить *свою* выставку в Париже: плата за вход окупит расходы устройства. В 1867 году Курбэ сделал у *Pont d'Jéna* свой особый домик (стоил ему 50 000 франков) — окупился; в 1873 году (или 1875), не помню хорошенько, в Rue Royale, в одном доме, внизу, была выставка всех вещей *Клезингера* [2] — опять окупилась. Еще бы Вы не окупились!! Ведь нынче Вас Европа вся знает.

5. По-моему, на предложение Боголюбова надо согласиться. Какое Вам дело до мнений, глупостей и непонимания в[еликого] кн[язя]! [3] И он однажды сойдет со сцены, и мы все, публика, — тоже. А вещь (или коллекция) останется. Забывайте имена и личности — помните одно *дело*, одно только *дело*. На все остальное — наплевать!!!

Вот Вам мое мнение. Вы ведь хотели его знать.

В. С[*тасов*]

Некогда больше.

153. В. В. СТАСОВ — В. В. ВЕРЕЩАГИНУ

Публ[ичная] б[иблиоте]ка,
31 марта [18]78 [1]

Вчера вечером я получил Вашу телеграмму, Вас[илий] Вас[ильевич]. Сегодня утром я пустился отыскивать *Гейнса*, хотя у меня совсем времени мало — ну, да уж для Вас, так и быть!! Разыскал его, а он, каналья, вот уж сколько времени здесь, и глаза не кажет. Я даже только из газет узнал, что он здесь и государю представлялся. Я его застал над картами Средней Азии и сочинением о ней (уж не план ли похода [....] тут у них стряпается; ведь Гейнса сюда нарочно по телеграфу вызвали — для чего, не говорит). Он так завален работой, что уверяет, несколько ночей не спал и должен

к *послезавтра* *кончить* свою работу. Поэтому мы и послали Вам сегодня же телеграмму, что подробный ответ насчет Templier он Вам пошлет послезавтра. Сегодня же я распорядился послать Вам (по просьбе Вашего брата Александра) 2 ящика, *petite vitesse* (простреленные мундиры Скобелева, значок его). Получите через 21 день. Да нельзя ли нам в *библиотеку* эту записку Скобелева о сражениях, где был бы значок? Получили ли Вы «Русских деятелей»? Ал[ександр] Вас[ильевич] говорит, что тут Ваш портрет *ничуть* не похож. Может быть, но я не виноват: это точная копия с портрета кишиневского.

У меня в семействе странные все неподелки: сошел с ума муж моей дочери, племянница — сумасшедшая идет к худу и чахотке[2]; умерли кое-какие близкие, а брата Дмитрия жена 2 раза была при смерти. Пишите же.

В. С[*тасов*]

Тут все *страшно* интересуются Вами. Ваши письма (экстракты в «*Нов*[*ом*] *Врем*[*ени*]») были читаны всей Россией, и меня поминутно *осаждают* вопросами: будете ли Вы с картинами на Всемирной выставке, отдельно или с другими?

154. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

[Париж], 3/15 апреля [1878][1]

Владимир Васильевич!

Пошлите, пожалуйста, комитету Общества мореходства для сбора «на крейсеров» — *25 р*[*ублей*] от меня и *10 р*[*ублей*] от Ю. Я. Лемана. Жалею, что по бедности не могу дать больше[2]. Послал Вам телеграммою просьбу сообщить Гейнсу, что Templier недавно, в письме ко мне, требовал разрешения истории с туркест[анским] путешествием: или-де дают ему текст, или вносят деньги за сделанные затраты. Неужели Гейнс будет так непорядочен, что не сделает ни того, ни другого, — чтобы чорт его подрал за его *подлое* поведение в этом деле! За что он нас обоих наказывает?

[*В. Верещагин*]

155. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

[Париж], 6/18 апреля [1878][1]

Совет Ваш, Владимир Васильевич, построить себе на время выставки особое помещение (даже если б и окупилось оно), хоть и хорош, но немножко наивен: у меня не только

50 000, — и 5000 франков свободных нет. Вот теперь пишу 2 большие картины еще индийских сюжетов и не могу сделать для них рам, хотя бы очень нужно было. До построек ли, коли так! К тому же и самая мастерская моя требует перестройки. До выставки ли, со всеми ее хлопотами и расходами! Коли будете писать Ральстону в Лондон, скажите ему, чтобы побывал у меня, коли приедет в Париж на выставку. Мы поговорим о том, где можно будет поставить кое-что из работ моих в Лондоне, осенью, разумеется, если не будет войны с этими умными нахалами — англичанами. Не был [2] у него только потому, что Морган, постоянно собиравшийся съездить вместе со мною, так и не собрался. В Париже, *надеюсь,* ничего моего не будет. Уж никак не следовало печатать того, что Вам писал о рекогносцировке со Скобелевым. Вышла в печати похвальба храбростью, стыдно было читать [3]. Получил письма от Янковых. Не за что, я ничего не сделал (как бы Янков не забрался из благодарности к моим родителям!). Кланяйтесь брату Вашему.

До свидания.

В. В[*ерещагин*]

Нельзя ли приказать снять мерку (внутреннюю) с рамы от моей большой картины и послать мне ее? Если бы посылка всех туркест[анских] вещей стоила недорого, то я попросил бы послать все, что есть. Прикажите накласть камфары, чтобы не поела моль. Боюсь, что вся масса моих костюмов и оружия, собранная в Болгарии, потеряется или разворуется комиссионером. Попортил руку и потому работаю мало. Впрочем, скоро наквитаю. А что Ваша работа?

В. В[*ерещагин*]

156. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

13/25 апреля [1878] [1]

Владимир Васильевич,

Пожалуйста, передайте прилагаемую цидулку А. С. Суворину вместе с моим поклоном. Если он найдет не лишним напечатать это письмо, то пусть выставит лишь одни заглавные буквы мои, а *никак не всю фамилию.*

Получили ли Вы мои *25 руб*[*лей*], назначенные на крейсеров? Там же были *10* от Лемана. Я подбил Боголюбова открыть подписку между здешней Русск[ой] колонией на тот же предмет, т. е. на битье врага [2] не столько дубьем, сколько рублем.

От Гейнса *ничего не получил* и Templier все ждет ответа. Что мне делать? Все не могу получить мои этюды и костюмы из Болгарии. Боюсь, что потерялись.

В. В[*ерещагин*]

157. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

[22 апреля/] 4 мая [1878] [1]

Легко сказать, Владимир Васильевич: напишите текст [2]. Но ведь если даже я пойду и разберу мои тетрадки, то придется посвятить на это дело все вечера и при этом совершенно загубить мои глаза, и без того уже часто устающие. Неужели текст стоит этого? Не лучше ли поберечь мне свои силы (которых у меня один комплект) на большие работы?

Я уверен, что Вы сейчас же согласитесь со мною, в особенности, если прибавлю, что текст этот унесет у меня сил на *несколько больших картин*. А чем подвинет меня вперед эта работа? — Ничем! А много ли даст денег? — Самую малость! А мало ли я приму с нею беспокойства и мучений? — Страсть!

Смотрите же, В[ладимир] Вас[ильевич], перешлите Гейнсу для прочтения прилагаемое письмо [3] с верными руками. Чувствую, что он протянет писание текста еще года на 3—4. Коли увидите его, не побойтесь сказать ему, что из-за него и Вам, как и мне, с Templier неприятности, а мне даже и убытки. Что и о чем буду говорить с Сомовым [4]. Я так рад, что никого не вижу, а тут вдруг знакомство — нет, лучше избавьте. Картина Макарта, как все почти его работы: голые цветы на битюмном газоне, в венском вкусе; красиво, но бессмысленно [5]. Французы сильны в красках. Бонна [6] идет назад, Лоран [7] тривиален в типах, злоупотребляет бандитами, Жером падает, Мейссонье еще не видал, и т. д.

Нельзя ли положить побольше камфары в мои вещи, иначе они пропадут.

Маленький альбом продавался здесь. Альбомы здесь продавались по 60 франков.

[*В. Верещагин*]

158. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

[22 апреля/] 4 мая [1878] [1]

Пожалуйста, Владимир Васильевич, покажите это письмо Гейнсу. Дело в том, что Templier не имеет намерения дожи-

даться досугов А. К. Он 4 года ждет их и теперь положительно требует или текста, или денег. Еще раз повторяю, я не навязывался Гейнсу с моими рисунками. За что же он меня наказывает теперь? Зачем закрывает мне возможность иметь какие-либо сношения с домом Hachette, с которым уже 15 лет имею дело [2] и никогда не делал ему пакостей, подобных той, которую заставляет меня подстраивать им А. К. Пусть Гейнс или даст сейчас же текст, или пусть внесет сейчас же деньги за начатые работы по гравюре и переводу текста. Если не сделает ни того, ни другого, я буду считать его поступок *бесчестным* и шарлатанским. Я уверен, что Вы перешлете это письмо Гейнсу, иначе Вы некоторым образом возьмете на себя ответственность за бесконечные отговорки и затягиванья гениального генерала, сумевшего написать мне жалостные письма, но не находящего нужным исполнить *100* раз данное слово.

В. Верещагин

159. В. В. СТАСОВ — В. В. ВЕРЕЩАГИНУ

С.-П[етер]б[ург], Сергиевск[ая], 79,
24 апреля [18]78

Василий Васильевич, *Суворин* просит меня спросить Вас: не согласитесь ли вы, чтобы ваше письмо [1] к нему (насчет крейсеров и Индии) напечатать с Вашим именем? Он говорит, что без имени, а только с буквами В. В. эти строки не имеют ни интереса, ни важности, потому что об обоих предметах в последнее время писано теперь довольно много и приблизительно то же, что и Вы говорите. Но с *Вашим именем*, эти же слова приобретают другое значение и колорит, потому что исходят уже не от какого-то совершенно неизвестного и ничем не авторитетного человека, а от такого человека, которого все знают, и притом от такого, который сам только что принимал участие в войне и недавно был в Индии. Итак, если Вы согласны, пожалуйста, *немедленно* пришлите мне в библиотеку (или самому Суворину, прямо: Знаменская, № 7) телеграмму о согласии.

Дело в том, что в случае согласия Вашего Суворин хочет напечатать письмо в воскресном своем фельетоне *29 апреля*, и надо поспеть: сегодня понедельник, это мое письмо будет у Вас в руках в четверг; значит, телеграмма Ваша может быть

либо в четверг, либо в пятницу, времени еще довольно. Если же несогласны, то никакой телеграммы не посылайте.

В. С[*тасов*]

Про все прочие дела пишу Вам завтра или послезавтра.

160. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

[28 апреля/] 10 мая [1878] [1]

Забыл сказать Вам, что от Гейнса я не получил *ни строки*. Куда адресовал он письмо? Ваше замечание насчет ненужности больших размеров опять-таки не пропускаю без протеста: не Ваше дело (говорю не Влад[имиру] Василь[евичу] Стасову, а отвлеченному лицу, критикующему), не Ваше дело, говорю, решать за художника, какой размер брать для его картины. Другое дело, если Вы заказываете ее: тут, как в мебельной или иной лавке, Вы полновластны; иначе осуждайте меня лишь за дурное исполнение, а какое оно, как прием и на какой площади развернуто, до этого кому какое дело? Если художник навязывает кому-либо свои громадные затеи или если, с другой стороны, Вы высказываете только Ваш личный вкус, тогда Вы правы — не иначе. Нельзя ли хоть через Остен-Сакена написать в Вену о том, чтобы в таможне тамошней справились насчет вещей, посланных еще в феврале *из Бухареста* от комиссионера *Морица Кеппиха* [2], через *Кронстадт,* на *Вену, в Парижское посольство.* Боюсь, что вещи затеряются, а они мне крайне нужны.

В. В[*ерещагин*]

161. В. В. СТАСОВ — В. В. ВЕРЕЩАГИНУ

С.-П[етер]б[ург], Сергиевск[ая], № 79,
5 мая [18]78

Гейнс долго со мной не видался, долго и не отвечал мне, я даже думал, уж не уехал ли в Оренбург, после того как Кауфман представил государю его проект [....]. Думаю себе: «Скверно!» И вот я, переписав ему все Ваше последнее письмо (оригинала я не хотел отправлять, чтоб он не пропал у него), прибавил от себя вот какую *штуку:* «Так как Вы избегаете и видеть меня и писать мне, то я бы мог огра-

ничиться этими выписками; но все-таки считаю своим долгом прибавить, что лучше бы Вам направить это дело так или иначе, не то, пожалуй, *Templier*, наконец выведенный из терпения, возьмет да пожалуется посольству...» Конечно, это было только с моей стороны стращание, потому что, разумеется, для сохранения чести соотечественника, конечно, и Вы и я употребили бы все возможное, чтоб никогда какой-то француз не лазил по посольствам нашим. Но, так или иначе, моя *штука* подействовала, и Гейнс написал мне вчера же (вместо прежнего отмалчивания) следующее письмо:

«Пожалейте же Вы, Влад[имир] Вас[ильевич], человека, заваленного по горло работой. Я уже говорил Вам, что буду в состоянии выслать рукопись из Оренбурга: здесь у меня ее нет с собой. Честное слово, я работаю как негр, не досыпая ночи; не до статей мне теперь, когда от официального писанья трещат кости руки. Поэтому, несмотря на довольно решительное заключение В. В. Верещагина, я теперь, *сейчас* не могу дать текста. Я тоже не навязывался никому со своими статьями. *«За что же* (повторяя слова Верещ[агина]) меня *наказывать теперь?»* Я вот уже 2 года не могу ясно взять в толк, что, строго говоря, хотят, чтоб я писал. Телеграмму и письмо Верещагину я *послал*. Прошу Вас передать Василию Васильевичу, что по приезде в Оренбург я *сейчас* могу послать текст, но только те три главы, которые мною были написаны. Если требуется другой текст, то я не могу его выпустить за моей подписью, не обработавши тщательно, на что потребуется время. Если Templier согласен, в ожидании текста по верещагинским картинам (*когда дойдет до них по ходу путешествия*), напечатать то, что начато мною писать, я разрешаю ему это. Если он захочет чего-нибудь другого, пусть пишет ко мне, но только ясно формулирует свои желания. Прошу извинить за невольное беспокойство, которое я Вам делаю и делал...»

Вот, Василий Васильевич, что он пишет. Что ж! Подождем еще капельку: пусть доедет до Оренбурга. Авось и в самом деле пришлет *целых 3 главы* — ну, тогда и слава богу! Чего еще лучше? Я, право, так желал бы, чтоб дело наладилось. Подождем, подождем капельку.

Теперь другие дела. Жду с нетерпением Ваших болгарских посылок: я получил несколько недурных болгарских (или, точнее, турецких) рубашек и полотенец от Вашего брата Александра, а третьего дня — целую дюжину *превосходных* полотенец из Адрианополя и Константинополя, и еще одно, болгарское, из Казанлыка, от живописца Макарова [1], только что воротившегося с вел[иким] князем. Теперь я жду только

Ваших вещей и тогда тотчас все отдам в музей [2] Общ[ества] поощр[ения] худ[ожников] — великолепный музей, который мне очень дорог, потому это музей — национальный и народный.

Макаров посылает в Париж на выставку довольно много своих *акварелей* с натуры из Болгарии и Турции (вещи принадлежат вел[икому] князю); иное хорошо (портреты, типы), виды и перспективы — хуже. Но, так или сяк, я рад, что хоть *что-нибудь* будет у нас из нынешней войны — это просто срам, что никто ничего не хочет давать. Только в России такие вещи бывают! Будь такая война у французов или у англичан — чего бы только не выставили перед целым светом их художники!! Ну, а у нас, разумеется, ничего, ничего и ничего. Один не хочет, другой не может, третий знать ничего не желает, четвертый только подсмеивается, пятый все считает лишним и пустяками, а в результате — 0!

Увижусь ли с Вами в нынешнем году или нет в Париже, не знаю. Все будет зависеть от денег. Если курс не поправится, попробую как-нибудь съездить в Париж в конце июля, хоть на 2, на 3 недели. А мне так нужно было бы! Не только в Париже мне надо побывать, но еще и в Берлине: посмотреть снова все рисунки Александра Иванова [3]. Мне необходимо писать о них. Если же увижусь с Вами, обязуюсь вперед не затевать никаких художественных споров. Стоит только отворить клапан — и тогда конца не скоро дождешься, просто все время будет отравлено, а пожалуй, и обозлимся друг на друга без памяти. А если нам встречаться, то уж, конечно, не для этого. Вот наприм[ер], и теперь не хочу поднимать никакого спора (у меня их вечно столько, что я даже устал, даже надоело), но все-таки скажу, что напрасно пишете мне, будто бы мы, публика, должны молчать с своими замечаниями, должны держать язык за зубами, что это *не наше дело* рассуждать о том, что предпринимает художник, и имеем право судить только о результатах, а не о формах и средствах. Ну-с, нет, на это *никто, никто* никогда не согласится, уж Вы нас извините. Художник имеет полнейшее право не только не слушаться нас, но даже и не слушать нас, — это Ваше право. Но никто никогда не лишит нас и нашего тоже права: думать, судить и высказывать наше мнение. Ничто не обязывает нас слепо покоряться всему, что придет в голову художнику. Мы разбирали, разбираем и будем всегда разбирать.

Еще одно: *Ал*[*ександр*] *Вас*[*ильевич*] [4] недавно узнал от Вашего брата Николая (по моему требованию), где именно он вычитал рассуждение *чье-то,* что Ваши родители нуждаются

и проч[ее], что так Вас однажды рассердило. Оказалось, что это было написано в каком-то иллюстрированном дурацком издании, которого я не только никогда не вижу, но которого даже имя я едва знаю. Судите же после этого, как кстати и прилично было с Вашей стороны, не разузнавши порядком дела, ничего не зная, ни как, ни что, — Вы вдруг напали на меня в письме, чуть не с бранью!!!! Как это было мило! Ну, да чорт бы взял все *эти* вздоры. Все не могу попасть в тот сарай, где Ваши ящики стоят в минист[ерстве] путей сообщения. Как я уже Вам писал, *Жемчужников* уехал за границу, люди его где-то в разброде, иные уехали на время в деревню и т. д., вахтера же и сторожа тамошние меня не знают. Но все-таки на-днях все это должно устроиться, и я пошлю Вам мерку рамы Вашей.

Что ж Вы мне ничего не отвечаете целую кучу разных вещей? Пишешь, пишешь, по нескольку раз, а ответа все нет как нет. Согласны Вы? Хочу употребить деньги от продажи Ваших фотографий в театр[альной] дирекции (60 франков, или рублей 18 примерно) на то, чтоб подписаться Вам на *«Нов*[*ое*] *Время»,* когда ему кончится срок полугодичный. Или Вам не нужно?

Не помню, писал ли я Вам, что *Васнецов* основался теперь в Москве — и, значит, будет очень кстати для рисования рисунков на дереве с Ваших картин и этюдов, если дело пойдет в ход. Писал ли я Вам или нет, как надо мною насмехалась, в стихах и прозе, целая ватага тупиц и идиотов, по случаю моего *«Письма к офицерам»* [5]? И вот теперь я скоро отщелкаю этих дураков и уродов. Я укажу им, что есть люди и получше их, которые нашли возможным собирать и присылать сюда чудесные вещи из Болгарии. Вот Вы, вот Ваш брат Александр, вот Макаров, вот начальник 14-й дивизии Петрушевский [6], который прислал мне рисунки с фресок и вещи, и т. д. и т. д. Я все это тыкну в зубы тем печатным дуракам и идиотам.

Порядочно я потолкался во все концы по Петербургу, искавши, *куда* внести Ваши 35 руб[лей] на крейсеров. Наконец (как уже писал Вам) передал эти деньги начальнику конторы наследника, генералу Васильковскому [7], и при этом написал ему, что множество людей желает жертвовать на крейсеров, и никто не знает, *куда* адресоваться. Я убежден, что мое письмо показывали или читали наследнику; авось оно послужило тоже (вместе с другими) к тому, чтоб поторопились с развязкой и воззваниями насчет крейсеров.

[*В. Стасов*]

162. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

[5/] 17 мая [1878][1]

Вещи мои, кажется, пришли, Владимир Васильевич. Значит, не беспокойтесь и не беспокойте никого по поводу их. Жалко, что брат мой потерял большой процент при получении денег. Он ветрогон хуже меня. У нас хорошо было условлено, что он, в случае нужды, даст мне денег *через год* или *полтора*, так как покамест у меня найдутся кое-какие деньги. Посоветуйтесь, пожалуйста, с знающим человеком, куда бы можно было отдать эти деньги на *1 год,* за хороший %, так как здесь проценты начисляются не более 5, к тому же теперь курс до крайности плох. Если через год я буду еще нуждаться в деньгах, то воспользуюсь ими. Я не успел успокоить Алекс[андра] Вас[ильевича][2] тем, что значок Скобелеву послал с предложением, чтобы [....] материя, из которой он сшит, напоминала бы ему постоянно о его заветной цели [....]...

Разумеется, нет надобности расписывать мою фамилию под письмом[3] — зачем?

Наше отделение выставки[4] устроено крайне безобразно. Это какой-то лабиринт витрин, между которыми редко можно заметить нескольких смельчаков. Вещи ценные, но некрасивые, сзади, а бутылки, лукутинские вещи[5] и т. п. дрянь — впереди.

Французская школа живописи богата, но пуста. Немцы много слабее в красках и едва ли много серьезнее. Наши еще *не устроились.* Англичане, кроме нескольких перлов, до крайности слабы.

Templier говорит, что Гейнс во всяком случае должен заплатить за заказанные им деревяшки. Письма от *Гейнса* я *не получал.*

[*В. Верещагин*]

163. В. В. СТАСОВ — В. В. ВЕРЕЩАГИНУ

С.-П[етер]б[ург], Сергиевская, 79,
7 мая [18]78

Василий Васильевич, я сегодня встретил на Невском Скрыдлова. Он просил меня написать Вам, что вчера во дворце был обед их воротившемуся *гвардейскому экипажу*[1] (человек 30 всего) и что государь дважды громко, при всех, стал расспрашивать про Вас, *где* Вы, здоровы ли и т. д. А по-

том, разговаривая в отдельности то с тем, то с другим, он спросил Скрыдлова: что, поправился ли, наконец, совсем Верещагин? И пишет ли он картины из нынешней войны? А потом, спустя немного, он еще спросил его же: «Будет ли Верещагин писать Ваш с ним поход на миноносной шлюпке? Я думаю, он его хорошо помнит...» Скрыдлов отвечал, что *не знает,* но полагает, что да, напишет такую картину. Что и спешу немедленно Вам передать.

Я в великом восхищении от фасада нынешней нашей выставки в Париже — его сочинял маленький *Ропет,* самый талантливый теперь наш архитектор, — он *несколько* мне заменяет покойного моего друга Гартмана — ну, да тот был уж просто гениальный человек, и я такого, кажется, больше не встречу. Ропет будет *пожиже* его, а все необыкновенно талантлив и оригинален в своих сочинениях, и я [его] ужасно люблю, постоянно с ним переписываюсь. Один его только грех: слишком робок и скромен. И то и другое *непростительно* для нынешнего талантливого человека. В сегодняшнем № «Пчелы» я уже напечатал этот фасад[2]; но, по-моему, еще талантливее и оригинальнее его фасад нынешнего *машинного отделения.* Не знаю только, как он вышел в работе. Я его тоже скоро издам. Если что-нибудь архитектурное или орнаментальное Вам понадобится, напишите только мне. До конца выставки он живет в Париже.

В. С[тасов]

Брат Дмитрий около 20 мая повезет больную жену в Пирмонт[3] и тотчас воротится назад. А сам поедет в Париж позже, в июле или августе.

164. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

[9/] 21 мая [1878][1]

Ведь нужно еще, чтобы, как говорит Templier, Гейнс принял те рисунки, которые он *заказал* Васнецову. Без этого дело не разрешится. Будьте добры, уведомьте Гейнса об этом, пока он еще в Оренбурге. Копировать мои рисунки Васнецов, разумеется, может, когда дело пойдет. Употребить деньги от продажи альбома на *«Новое Время»* следует. Хотел бы выписать еще некоторые журналы, да покамест жалею денег.

«Деятелей» получил. Получил также вещи, собранные за кампанию. Несказанно рад, ибо могу начать кое-какие работы. Как писал Вам уже, брат мой чересчур *поторопился* деньгами,

ибо у нас было условлено, что он достанет мне их через год. Нельзя ли покамест отдать их хоть приблизительно за те же проценты, которые я должен платить? Выставка нынешняя заметно более против всех прежних напоминает ярмарку. Говорю это не в суд или в осуждение ей, а просто констатирую факт и даже думаю, что чем далее, тем более пойдут по этой дороге следующие. Наша выставка бедна, так бедна, что, по добросовестной оценке, мало хуже ее между европейскими странами.

Вы вовсе *не публика*. В этом мы и расходимся. Публика, и в числе ее железнодорожный король Поляков [2], негодующий на тень, покрывающую одну сторону портрета, может и должна все *болтать*, а Вы, т. е. худож[ественный] критик, — нет. *Публика* очень часто рассуждает (и нельзя ее упрекать за это) таким образом: «Что это за картина, разве можно такую картину повесить в комнате...» или: «Такая-то картина (или статуя) была бы хороша, кабы не дурацкие размеры...» Разве Вы, т. е. худож[ественный] критик, можете повторять то же самое? У публики (говорю о большинстве, ибо нельзя перечислять всех отдельных мнений и вкусов) в виду лишь мебель для гнезда, более или менее комфортабельная. У Вас — философия природы, жизни... Публике нужно, чтобы в картине было более или менее ясно сказано, что она стоит больших денег. Вам, т. е. неприсяжному критику (таких почти нет в Европе), пусть значится, что̀ картина мыслит и говорит.

Вам не побывать в Париже — значит отрезать себе палец на правой руке.

Вещи, я думаю, можно послать морем, адресуя просто на *посольство*. Нельзя ли приказать положить *камфары* в ящики?

[*В. Верещагин*]

165. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

14/26 мая [1878] [1]

Фасад русского отдела хорош, но размещение витрин — рутинное и скучное, т. е. то, что сделал художник, хорошо и даже очень, а то, что настряпали чиновники, — скверно. Точно сосенки в лесу, стоят наши витрины: и тесно, и невзрачно. Писали ли Вы Ральстону о том, чтобы заехал ко мне в Париже? Ведь уж, вероятно, будет он на выставке. Очень нужно мне достать некоторые вещи, без которых не могу окончить мою большую картину; просить же принца Уэльского или

кого-либо из важных англичан не хочу, особенно теперь, когда каждому из таковых хочется прежде всего плюнуть в морду.

Как начал прилежно работать на солнце, так и стали опять одолевать всякие боли. Приходится сдерживаться и стараться не очень много работать, что ужасно трудно. Кажется, наш отдел картин будет не особенно знаменит. Я еще не видел ни их, ни привезших их чиновно-художников — не тянет. Боголюбов (который очень внимателен) уверяет, что индийские *этюды* мои стоят *миллион* франков, *не менее,* и предлагает говорить с наследником о сдаче их ему с рассрочкой платежа на многие годы и, разумеется, на всех моих условиях, т. е. неразрозниваемости, публичности выставки и т. д.

В. В[ерещагин]

Скоро вышлю полотенца и оборки, надо их проветрить.

Когда будут посылаться мои ящики, нельзя ли положить в них побольше камфары?

Я писал уже Вам, что Templier предлагает Гейнсу заплатить [за] те гравюры, рисунки которых он заказал Васнецову. Понудьте его, без этого дело не разрешится даже и присылкою текста. Я готов совершенно развязаться с лживым Гейнсом: пусть он заплатит за Васнецова рисунки, я соглашусь мои, уже сделанные, подарить Templier и затем никакого путешествия не издавать.

166. В. В. СТАСОВ — В. В. ВЕРЕЩАГИНУ

С.-П[етер]б[ург], Сергиевская, 79.
21 мая [18]78

Василий Васильевич, у меня сегодня много предметов для письма, и, чтоб не смешивать их, я для явственности распишу их по пунктам.

1) В последних трех письмах Вы говорите мне о деньгах Вашего брата Алекс[андра] Васильев[ича]; и именно, что он поторопился приготовить их для Вас. Он *сегодня* уехал назад в Сан-Стефано и перед отъездом просил меня сказать Вам, что он поторопился с этими деньгами потому, что *так Вы его просили.* При этом он показывал мне письмо Ваше от апреля 1877 года, где Вы несколько раз просите его, чтоб *через год* он приготовил Вам деньги, а нынче, перед отъездом из армии в Париж, Вы ему *несколько раз* напоминали прошлогоднее обещание и просили *поскорее* озаботиться деньгами.

Что он и поспешил сделать. Но если Вам деньги теперь оказались, пока, и не нужны, он все-таки очень рад, что он Вам услужил, как Вы того желали, и нисколько не раскаивается.

2) Все вообще свои деньги он вручил моему брату Дмитрию, при официальном [письме], которым уполномачивает его действовать *так* и *так* в случае, если умрет или будет убит и т. д. Тут же в бумаге сказано, что мой брат обязан переслать Вам известную сумму, когда от Вас придет требование. А между тем вся вообще сумма эта положена моим братом в кредитное учреждение или банк (название не припоминаю в настоящую минуту) — значит, проценты на нее идут и ничто не пропадает втуне.

3) Про *Гейнса* опять давно ничего не знаю: не могу же я поминутно за ним бегать или поминутно посылать ему письма! Мне и времени нет, да и скучно, *наконец!!!* Однако я велел нашему курьеру пойти справиться: здесь он или уже уехал, и поступлю сообразно с полученным ответом, т. е. напишу ему здесь, в городе, или пошлю письмо в Оренбург.

4) Ральстону писал и жду ответа. Если хотите между тем написать ему и сами, то вот его адрес: *London*, 8, *Alfred Place, Bedford Square*. Но если дело идет о мундире принца Уэльского и т. п., то я думаю, Вам лучше будет написать Моргану, который брался за это дело еще в третьем году, в личном разговоре со мною (если я не ошибаюсь). Вот его адрес: *M-r Delmar Morgan, London,* 15, *Roland Gardens, South Kensington.* Но если бы дело шло о будущей Вашей выставке в Лондоне, то Вам надо просить обоих: и Моргана, и Ральстона. Оба должны заняться устройством этого дела.

5) Ваш брат Алекс[андр] Вас[ильевич] просил Вас похлопотать о его отпуске (да еще на 4 месяца!!!!) за границу. Он это сделал экспромтом, ничего мне наперед не сказавши, а то, конечно, я отсоветовал бы ему писать Вам о таком *вздоре*, в котором Вы ему наверное откажете. Ведь это столько же нелепо, как и то, что он вдруг поверил словам Гейнса, предлагавшего ему сделать его *«командиром полка в Оренбурге»* (!?!?), а когда этот легковерный и легкомысленный бедняга через несколько дней пришел потом к Гейнсу, оказалось, что этот последний уже давно все забыл и теперь уже больше и не заикался про полк.

6) Сегодня же Ал[ександр] Вас[ильевич] перед отъездом и сам соглашался, что ехать ему за границу и нечего, и незачем, и дорого, но... тут же убедительно и 100 раз повторял одно и то же, просил меня написать Вам, что вчера *Скалон* сказал ему, что его (Скалона) только что сделали *началь-*

ником канцелярии генерал-инспектора кавалерии, и поэтому Ваш брат теперь приступил к совершенно новым планам и убедительно просит Вас написать Скалону о том, чтобы его (Ал[ександра] Вас[ильевича]) Скалон взял к себе на службу как и чем угодно — только бы в Петербурге, если можно. Передаю Вам все это, не прибавляя от себя ни слова, потому что тут ничего не знаю.

7) A propos de[1] Скалон: вообразите себе, вчера мне принесли с почты обратно, совсем упакованную и запечатанную, ту книжку «Деятелей», которую я еще 4 января послал, по Вашему указанию, Скалону. От почты стояла только лаконическая отметка: «*За выбытием*», тогда как Скалон выбыл из армии всего только в апреле или мае. Где же пробыла посылка целых 4 месяца?!! Это один чорт знает.

8) Вы говорите мне: посылать Вам Ваши ящики, но которые именно, и *все* или *не все,* — этого Вы не говорите. И потому прошу точно обозначить.

9) Посылать ли раму?

10) Я намерен послать все это так, чтобы платить за них — Вам самим, в Париже. Согласны Вы? А пересылочной конторе все равно.

11) Меры рамы я все еще не посылаю, потому что до сих пор нет в Петербурге *Влад*[*имира*] *Жемчужникова,* ни его людей, а без них, по кр[айней] мере, без людей, я несогласен вскрывать чужих ящиков в чужом доме. Это неловко! Но, говорят, на-днях люди будут назад.

12) Я бог знает как был бы рад, если б устроилась продажа Вашей индийской коллекции наследнику. Не пойдет она в розницу, даст Вам деньги, а между тем эта продажа ничуть Вам не помешает писать с этих самых этюдов какие хотите, и сколько угодно картин.

13) Несмотря на все Ваши добрые предсказания и на все Ваше доброжелательство (меня немножко даже удивившее на этот раз), я, кажется, все-таки не попаду в Париж. А уж как бы надо было!! Не дальше как сегодня лопнула и еще комбинация: работа (большая), которую должен был издать граф С. Гр. Строганов[2] и при этом послать меня в Париж и Вену. Эта работа, и очень важная, состоится по Археологич[еской] ком[иссии], которой он председатель, но *в будущем году.* Вот я и сел окончательно на мель!

14) Все известия о начатых Вами наконец работах сильно обрадовали меня. А все-таки какая досада, что ничего Вашего не будет на Всемирной выставке! На-днях буду писать опять.

С нетерпением жду от Вас полотенец и прочего. Ведь это все пойдет в *народный* наш музей! Я твердо убежден, что по-

лученные от Вас вещи в миллион раз будут важнее и лучше всего, что привезли и Ваш брат, и Макаров, и Газенкампф[3], и т. д.

167. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

[23 мая/4 июня 1878][1]

Сегодня послал Вам салфетки; теперь они достаточно проветрились, а то в костюмах, между которыми они лежали, сохранилось было столько насекомых, что я не входил в комнату, где было развешано это добро. Некоторые салфетки оставил у себя. Если найдете некоторые мало интересными, то привезите мне назад. Полотенца, кажется, все турецкие, но зато прошивки чисто болгарские и одинаковые с великорусскими. Попали они ко мне так: когда мы нагоняли обозы, то беглецы, испугавшись преследований за своровавнное у болгар добро, отрезали и разбрасывали по дороге вышивки, выдававшие происхождение рубах, платков и проч[его], наполнявших их возы. Я велел своему казаку подобрать эти лоскутья и половину каждого посылаю Вам. Некоторые, похитрее, остались у меня, потому что состоят при полном костюме.

Видел наконец русский отдел картин выставки. Общее впечатление не ахти какое. Краски дурны, сочинения рутинны и рисунок большею частью плох.

Большая картина[2] Семирадского талантлива, но также рутинна и дурно нарисована. Воздуха в ней совсем нет.

Антокольский один совсем молодец, шибко талантлив. У Крамского хорош портрет Шишкина, остальное все слабо. До свидания.

В. В[ерещагин]

168. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

[28 мая/] 9 июня [1878][1]

В Адрианополе, Владимир Васильевич, решили мы с братом, что он даст мне денег *через год,* значит, он напрасно показывал Вам письмо мое прошлого года; впрочем, я только могу быть благодарен ему за желание быть мне полезным и деньгами воспользуюсь при первой надобности. В брате моем, при некоторых порядочных качествах, мне крайне не нравится его манера просьб и заискиваний для движения по службе — все его письма наполнены просьбами похлопотать о *Георгии,*

похлопотать о чине, похлопотать о *Владимире*[2] и т. д. Ни слова не скажу Скалону, с которым должен был быть в сношениях при главной квартире, но с которым, как и со многими другими, не желаю входить в переписку теперь, когда сбросил военщину с плеч.

Вы пишете, что Вам *наконец!!!* скучно возиться с Гейнсом. Да разве мне не скучно тоже хоть бы *наконец!!!* Зачем Вы так легко дозволили Гейнсу поручить рисовать и гравировать не мои рисунки, как было у меня условлено и с Templier и с *Вами,* а чужие, о которых при отъезде моем и *речи не было;* теперь я и сам не знаю, что делать: платить денег Hachette не могу и не хочу, заставить же этого мазурика-губернатора исполнить свою обязанность тоже нет сил. Что называется «не было печали, да черти накачали». Решительно не допускаю и мысли, чтобы из-за 500 рублей, которые Вы всегда можете иметь, не поехали на выставку; Строганов, его поручения и проч[ее] тут совершенно ни при чем. Если и Вы будете ожидать себе подталкиваний меценатов, то что же это будет? Вещи попросите послать все *морем,* с платою здесь, в Париже. Я хочу еще раз напомнить о том, что в тряпки следует положить *камфары.* Раму также можно послать вместе с прочим хламом. Будьте так добры, поблагодарите Жемчужникова за сохранение всего этого добра. Посылка моя, вероятно, беднее того, что Вы ожидали, но имейте в виду, что я не собирал все это, а просто *поднимал,* лишь некоторые полотенца куплены в Тырнове. До свидания.

В. В[ерещагин]

Скажите Суворину, чтобы торопил с крейсерскими судами, — эдакие тамбовцы! Семь раз меряют, прежде чем режут! Получил письмо от Ральстона, буду писать ему.

Прилагаемое письмо потрудитесь передать Скальковскому[3].

169. В. В. СТАСОВ — В. В. ВЕРЕЩАГИНУ

**С.-П[етер]б[ург], Сергиевская, 79,
20 июня 1878**

Я должен был уже очень давно писать Вам, Василий Васильевич, — раньше всего, чтоб благодарить за оплаченную посылку, да все мешало то то, то другое. Итак, хоть сегодня потороплюсь поблагодарить Вас. Напрасно Вы уверяли, будто Ваши полотенца и проч[ее] недостаточно хороши: напротив, все вещи оказались *отличными!* Правда, еще лучше были полотен-

ца, вывезенные Макаровым, но этот беззубый скот и дурак, сначала уступивший вышивки для музея, на другой день пришел, отнял вещи и унес назад! Я с большим трудом успел втолковать этому болвану на прощанье, что так порядочные люди не делают и что я надеюсь, что вижу его *в последний раз*. Он только все улыбался, оскаливая свои гнилые десны, и с тем так и ушел, не переставая улыбаться.

Так вот, у этого осла были привезены отличные вещи, узоры полотенец были вершков по 6 и по 8 (он их подобрал *в мечети Селима* [1], в Адрианополе), и еще превосходный был у него узор подушки почти в 1 аршин в квадрате, и все это было превосходно. Но и Ваши вещи также превосходны, а особливо мне драгоценны и интересны вышивки или тканье — *болгарские:* ничего такого не привез *никто,* кроме Вас. Если я попаду в Париж в июле (у меня является в перспективе маленькая-маленькая надежда), то авось Вы отдадите музею и еще кое-что. Теперь другое дело: всё корабля (или парохода) нет, который повезет Ваши ящики. Теперь ждем его всякий день. Контора Вольбрюка уже 2 раза писала мне, что эту *«Юнону»* [2] всякий день ждут. А у нас уже все готово. Я Вам посылаю всего только 3 ящика: два с рамой огромной (в одном ящике продольные 2 стороны, а в другом поперечные 2); в 3-м ящике Вы найдете: *во-первых,* все оставшиеся здесь ташкентские костюмы; несколько книг; *во-вторых,* складной зонтик для работы на солнце; *в-третьих,* грелку, шашку и ружье со сломанным штыком; *в-четвертых,* небольшой ящик в клеенке, очень аккуратно затюкованный, которого я даже не вскрывал. Затем, я счел *ненужным* посылать Вам, впредь до дальнейшего Вашего распоряжения, следующие предметы, хранящиеся покуда в сараях [министерства] путей сообщения: а) зеркало в раме красного дерева; б) ящик с новым седлом и сбруей от шорника Вальтер и Кох; в) три альбома орехового дерева, с бронзой по углам; г) три больших подставки под них. Сверх того, остаются ящики у Беггрова.

Итак, м[ожет] б[ыть], в июле приеду в Париж, и тогда в первое же утро приеду к Вам. Только все это еще не наверное.

В. С[тасов]

Ах, совсем было позабыл: я, наконец, вытребовал к себе Гейнса. Он извинялся на все манеры и поручил передать Вам *толстую печатную тетрадь* (правительственно-конфиденциальную) сочиненного им положения о киргизах и управлении ими. Он *почти со слезами* рассказывал мне о недавней беде своей, 50 000 руб[лях], потерянных им по недобросовестности мужа его сестры. А потом, после того, что я долго мылил ему го-

лову, снова дал мне *самое торжественное* честное слово, что, едва воротившись в Оренбург, пришлет *весь текст* для Вашего издания. Нечего делать, я поверил еще раз, хотя бы от одной жалости. Я ему сказал на прощанье: «Вы, сколько я знаю, человек *хороший* (он пожал мне руку), способный и талантливый, но лень у Вас и беспечность примерные и оттого Вы поминутно принуждены говорить неправду, изворачиваться и извиваться». Он *с чувством* благодарил меня за все и сказал, что «есть доля правды в моих словах».

170. В. В. СТАСОВ — В. В. ВЕРЕЩАГИНУ

С.-П[етер]б[ург], Сергиевск[ая], 79,
понед[ельник], 26 июня [18]78

Ваш брат *Александр* пишет мне, Василий Васильевич, из Систова [1], чтоб Вам не[ме]дленно послать 800 руб[лей], должных им Вам [2]. Но так как я еду в Париж в будущее воскресенье, т. е. 9/21 июля, то я думаю взять эти деньги с собой и передать их Вам лично. Если захотите как-нибудь иначе, пишите или телеграфируйте скорее.

Контора Вольбрюка уведомила меня, что Ваши вещи сегодня-завтра уже отъезжают на пароходе «Юнона» в Гавр, но так как пароход этот должен зайти в Роттердам и пробыть там капельку, то в Париже Вы получите вещи *через месяц* от сегодня, т. е. во время моего пребывания в Париже. По ошибке человека Жемчужникова, к Вам не пошел *небольшой плоский ящик,* о котором я Вам писал: что там, не знаю, но если он Вам нужен будет теперь же, то напишите или телеграфируйте, я его отправлю по жел[езной] дороге еще при себе.

В. С[тасов]

171. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

1/13 июля [1878] [1]

Владимир Васильевич, не присылайте и не привозите мне деньги; курс так дурен, что необходимо подождать. Что в плоском ящике — не знаю, а потому и не могу сказать, нужен он или нет. Значит, скоро увидимся — очень рад.

В. Верещагин

172. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

Париж, 1/13 июля [1878] [1]

Через докторов Боткина или Юрия Трофимовича Чудновского не узнаете ли, Владимир Васильевич, чего о докторе Стуковенко, взявшемся еще в декабре прошлого года в Плевне доставить мои этюды в Систово, на мою квартиру, и не отдающего их мне до сих пор. Неужели нет возможности раздобыть этого сукина сына? Как он не понимает, что этюды крайне нужны мне! Нельзя ли напечатать в «Нов[ом] Времени» «просьбу к доктору Стуковенко, бывшему в Плевне, доставить туда-то порученную ему в декабре 1877 г-м В. В. В[ерещагиным] посылку, крайне нужную». Можно печатать до тех пор, пока эта всероссийская бестия не отзовется. Не увидите ли кого из бывших в компании графа Соллогуба [2], напр[имер] сына доктора Склифосовского [3] или др. Они, вероятно, знают, где этот толсторожий доктор, который, как я слышал, уехал из действующей армии. Слышал я также, что он имеет в Москве брата, также доктора.

До свидания.

В. В[ерещагин]

173. В. В. СТАСОВ — В. В. ВЕРЕЩАГИНУ

Париж, воскресенье,
23 июля/4 августа [1878] [1]

Я приехал сюда вчера вечером и остановился: Boulevard Montmartre, № 3, Maison Doré [2], кварт[ира] № 52. Когда мне лучше к Вам приехать?

В. С[тасов]

Останусь недели 2—3.

174. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

Париж, 29 июля/10 августа [1878] [1]

Владимир Васильевич! Еще раз честью уверяю Вас, что я нимало не в претензии за Ваше обращение [2] к императору; зная, что Вы принимаете во мне искреннее участие, я уверен, что Вы поступаете так или иначе из желания мне добра. Но неужели Вы решительно отказываетесь сказать, *что* Вы проси-

ли для меня? и *что* Вы говорили и *что* Вам ответили? Не говорю уже про то, что Ваше нежелание сказать мне это крайне меня беспокоит, я еще буду думать, что делаете это, т. е. не говорите мне, потому, что я в глазах Ваших или малолетний, или малоумный.

В. Верещагин

175. В. В. СТАСОВ — В. В. ВЕРЕЩАГИНУ

Париж, B[oulevа]rd Montmartre, 3,
29 июля/10 авг[уста 18]78

Извольте, Василий Васильевич, так как *Вы непременно* хотите знать, что мы такое с Жемчужниковым (Владимиром) написали Боткину, — вот Вам подлинный отчет (только, разумеется, я не могу ручаться за текст «слово в слово»: ведь уж столько времени с тех пор прошло!). Мы писали, что так как он, Боткин, принадлежит к числу русских людей, выходящих из ряду вон, то, по нашему мнению, его обязанность устроить нечто важное и необходимое для такого же русского человека, его товарища по таланту. Мы говорили, что, к стыду и сожалению, русское правительство до сих пор ничего не сделало для Верещагина, как должно было быть, судя по общему сознанию и голосу. Что теперь самое к тому время, когда Верещагин на полях войны и под ядрами приготавливает материалы для ряда картин, наверное капитальных, и таких, которые принесут впоследствии великую честь и славу родине. Что пусть он похлопочет убедить императора, чтоб Верещагина постарались *заставить* взять теперь же, сейчас же, несколько тысяч рублей (может быть, каких-нибудь тысяч 15 или 20) как задаток его работ, и как заручение себя, что он никому другому не отдаст и не продаст этих работ, и что они не разлетятся по сторонам, в розницу, а составят целиком достояние нашего народа. Что нуждается или не нуждается Верещагин в деньгах, но по всем известному своему характеру и независимости (в том числе известному и ему, Боткину), конечно, Верещагин никогда не пойдет ни просить чего-то, ни предлагать своих картин; но тем паче на нас (в том числе и Боткина), людях, его знающих и ценящих, лежит долг и обязанность, которую мы вот теперь и исполняем. И что, взяв на себя такое дело, Боткин сделает себе честь и выполнит национальное дело. На все это мы с Жемчужниковым не получили никакого ответа, даром что письмо наше было послано *с собственным фельдъегерем* государя, значит, непременно

дошло по назначению. Подождали мы, подождали, да потом пожали плечами и сказали друг другу: «Что это такое? Стал ли он совсем сукиным сыном тайным советником и, кроме звезд, ничего не понимает — или там у них денег нет, и он не смеет заикаться?!» — Но так или сяк, а ответа все-таки нам не было. А как он хочет, в первый раз, что я увижу Боткина, я его допрошу, и *строго*.

Могу прибавить Вам еще, что если б оказия была (что не невозможно), я готов повторить все это, на словах или на письме, и самому императору. А когда-нибудь, впоследствии, быть может (и даже вероятно), после моей смерти, вся эта штука будет напечатана в моих «Записках» [1].

В. С[тасов]

176. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

Париж, 30 июля/11 августа [1878]

Владимир Васильевич!

Много и искренно Вам благодарен за Вашу просьбу через Боткина, но, прошу Вас (ведь могу же просить Вас, не обижая этим), не делайте этого другой раз помимо меня. Надобно Вам сказать, я заметил, что у императора был маленький зубок на меня, оставшийся, очевидно, от истории передачи картин Третьякову уже после того, что *он* [2] согласился взять их. Правда, Кауфман и Гейнс, как истинные холопы, старались оправдать меня тем, что я немножко *тронут* [3], но, должно быть, и это не помогло, потому что (вряд ли я ошибаюсь) он сначала немного косился и на шапку на моей голове при разговоре с ним и на неверно, т. е. не по форме, завязанную георг[иевскую] ленточку в петлице и проч[ее]. Ему как будто чудился тут нигилизм! Потом, при следующих, однако, встречах, он был очень мил и любезен и, если бы я хотел, разумеется, мог бы обратиться к нему или к его приближенным со всякой просьбою; но самая мысль об этом испугала бы меня, скажу больше, независимость, с которою я себя держал, не позволила бы никому ни предложить мне денег, ни работать для того или другого. Как выразился один близкий к в[еликому] к[нязю] Ник[олаю] Николаевичу человек, я был в этом отношении похож на *лейденскую банку* [4]: вот-вот готов был разразиться при всяком намеке на мою независимость.

Еще раз благодарю Вас. Не зная, что Вы писали, я был уверен, что это что-либо внушенное самым искренним участи-

ем к моему таланту. Когда картины будут готовы (т. е. когда не придется ни брать задатка, ни принимать одолжения), я буду очень рад, если Вы, *при случае,* сговорите мои работы кому-либо, хоть и важному лицу, вроде наследника или императора, но теперь я стал бы говорить об этом предмете лишь с равным себе, Третьяковым, напр[имер], или кем-либо ему подобным, да и то на условии, чтобы не торговались со мною, а то, чего доброго, опять обращусь в лейденскую банку. Довольно, однако, болтать. Пожалуйста, коли будете в Alexandra Palace [5], в Лондоне, смеряйте вышину и ширину тамошних галлерей для картин. Не мешало бы сделать это в Cristal Palace [6], коли милость Ваша и терпение будет. Еще, коли хватит терпенья, повидайте *Бартоломэ,* советника посольства, и скажите ему, чтобы сказал Knollys [7], секретарю принца Уэльского, пусть-де или заставит принца снять для меня свой портрет в том повороте, как мне нужно, или пусть приведет его на полчаса посидеть — я не укушу.

До свиданья.

В. В[ерещагин]

Я не решался беспокоить принца Уэльского, чтобы он не подумал, что я ему навязываю свою лавочку, но ввиду того, что его фигура *должна быть похожа,* не вижу иного средства, как или достать его хороший портрет в полной форме и в нужном мне повороте, или попросить его посидеть на солнце.

Ехать в Лондон не могу, потому что жду на-днях эксперта для осмотра и, вероятно, переборки *крыши.*

177. В. В. СТАСОВ — В. В. ВЕРЕЩАГИНУ

Лондон, пятница, 4/16 авг[уста 1878] [1]

Василий Васильевич, я буду назад в Париже в *среду* вечером, 9/21 августа, а если Вам до тех пор понадобится написать мне что-нибудь в Лондон, то вот мой адрес: London, Covent Garden Market, Bedford Hotel, appart[ement] № 64 [2].

В[ч]ера мы были на большом празднике в Alexandra Palace, и, по моей просьбе, Ральстон определил, на глаз, размеры картинных зал следующим образом:

Вышина везде, до карниза, = около 3 сажен. Длина двух зал = около 4 сажен (квадратные). Длина одной большой = около 10 сажен, ширина 4 сажени.

Но надо при этом выкинуть по две и по три двери залы.

Выставлять тут, кажется, никуда не годно, свет сверху, *очень высоко*, и прескверный: просто темно и серо. Притом публика тут бывает только почти низшего разбора: мещане, лавочники, bourgeois [3], да и то преимущественно из одного *северного* Лондона. Остальной Лондон даже ничего и не узнает про выставку картин здесь. К этим сведениям Ральстон прибавляет, что особенно *не советует* выставлять в Alexandra Palace, потому что дела акционерной компании, [которой] принадлежит Дворец, идут очень плохо, и ожидают объявления банкротства. А если это действительно случится, то, по английскому закону, будут захвачены со всею остальною наличностью и проданы и Ваши все картины, а потом Вы их не воротите никаким процессом.

Ральстон просит еще Вам сказать, что он говорил здесь с *тремя* лучшими художественными торговцами, и ни один не решается взять на себя Вашу выставку. Вам же предпринять ее будет очень трудно и дорого, не столько по найму помещения, сколько по *громадной* дороговизне публикаций, афиш, рекламы и проч[ему]. Он говорит еще, что лучший совет и помощь может Вам оказать Cunliffe Owen [4], распорядитель английского отдела на Всемирной выставке в Париже — дельный и прекрасный человек.

Что касается Вашего поручения насчет принца Уэльского, то ни по русским посольским чиновникам, ни по английским секретарям принца (мною давно и глубоко *презираемого*, так что я не понимаю, как и почему он попадет в картины русского художника вместо совершенно других сюжетов!!) — по всем этим сукиным сынам я ни за что ходить не стану.

Ральстон не знает секретаря принца Уэльского, но говорит, что все касающееся принца Вам легко устроит, если Вы захотите, тот же Оуэн, в Париже. До свидания.

В. С[тасов]

178. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

6/18 августа [1878] [1]

Принц Уэльский — историческое лицо, завершающее своею поездкою по Индии огромный период в истории этой чудесной страны, и как историческое лицо он интересен для меня, как интересны многие из тех Великих Моголов, которые были большими негодяями в сущности; так что мне все равно, *презираем* принц или нет, *давно* он презираем или только со времени Вашего приезда в Лондон и, наконец, *глубоко* он

презираем или только немножко. Ни с меньшим, ни с большим старанием не будет вследствие этого исполнена его фигура на моей картине. Так как эта фигура *должна* быть похожа, то мне и нужен или хороший портрет его в *форме,* или его особа для срисовывания. Я говорил уже Вам, кажется, что принц предлагал мне принять от него заказы; но я отказался, потому что заказов вообще не принимаю. Это доказывает Вам, что он мне нужен действительно *как модель, а не как покровитель,* что Вы, кажется, упустили из вида, когда написали мне странную Вашу укоризну [2]. Вы можете иметь Ваше мнение о том, чтó мне как художнику следует делать или не делать, хотя я нимало не намерен следовать Вашим указаниям. Но в том, что я должен делать как *русский,* Вы уже положительно мне не указчик; питье, хотя и в необыкновенном количестве, квасу и клюквенного морса еще не дает права считать себя русским по преимуществу, и я думаю, что Вы никак не более русский, чем я, и ни личностью Вашею, ни трудами Вашими. Разумеется, я не для того все это говорю, чтобы повторить мою просьбу, такой ошибки не сделаю. Как будет время, постараюсь увидать *сукиных сынов* сам или скропаю фигуру принца с грехом пополам [3] (надеюсь, впрочем, что Ваше достоинство как русского не было задето моею просьбою).

В. Верещагин

«Новое Время» мне более не посылают; будьте добры, уведомьте, черкнете Вы Суворину, или я должен написать сам? (Кажется, Вы хотели велеть продолжать посылку.)

Мне бы нужно было перевести сюда деньги, оставленные для меня братом моим; посоветуйтесь, пожалуйста, как это сделать; так как брата Вашего нет в Питере, то к кому обратиться?

179. В. В. СТАСОВ — В. В. ВЕРЕЩАГИНУ

Лондон, 7/19 авг[уста 1878] [1]

Василий Васильевич, сейчас получил Ваше письмо от 6/18 августа и скажу Вам вот что: сделайте одолжение, оставьте меня в покое и не пишите мне больше, как и я обещаюсь более не писать Вам.

Вы себе *позволяете* насмехаться надо мною (впрочем, довольно нескладно!) — я этого не желаю и не потерплю. О прочем (принце Валлийском и проч[ее]) не стоит долее препираться, когда Вы *не понимаете,* что я Вам писал.

В. С[тасов]

180. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

[Париж], 9/21 августа [1878] [1]

Очень сожалею, Владимир Васильевич, что Вы так обиделись моею насмешкою, но думаю, что иначе, как смехом, и нельзя было отвечать на Ваш резкий приговор. Не обижаться же ведь так же! Вспомните Ваши слова: «Удивляюсь, как русский художник может помещать картины таких презренных людей, как Уэльский принц, как может русский художник брать такие сюжеты...» Помнится, Вы были в восторге, трижды подчеркнутом, когда я сообщил Вам замысел моих картин: *история заграбастания Индии англичанами.* Некоторые из этих сюжетов таковы, что проберут даже и английскую шкуру, и, уж наверно, в лести или низкопоклонстве перед английским моголом, как и перед тюркскими, меня никто не заподозрит. Что же Вас заставило изменить Ваш взгляд и изречь такой невозможный приговор? Чем более чутко прислушиваюсь я к Вашим словам, тем осторожнее следовало бы Вам казнить меня. Много принцев, от Уэльского до нашего императора включительно, придется мне изображать, но, признаюсь, я не буду разбирать, кто из них более негодяй или более презренен, как Вы выражаетесь, а буду брать их как исторические лица и модели...

Если Вы все-таки считаете себя обиженным, то я много пожалею об этом и затем пожелаю, чтобы отношения наши возобновились в будущей жизни с характером большей терпимости: Вы, может быть, будете менее скоры и резки в Ваших приговорах, а я буду более равнодушно относиться к ним и вообще к Вашим словам.

Свидетельствую Вам мое уважение.

В. Верещагин

Брат Александр просил в письме своем передать Вам поклон.

181. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

[Париж], 13/25 августа [1878] [1]

Пишу еще раз, Владимир Васильевич, потому что зарока не давал не писать Вам.

Вы не обижены моею насмешкою, как Вы говорите, а «возмущены тем, как я считаю возможным третировать людей, когда чем недоволен». Эта *возмущенная* фраза просто не похожа на Вас, — не только на Вас, пишущего и говорящего,

но и на Вас, всегда гордо носящего свою голову; от фразы этой пахнет обидчивостью какого-нибудь убогого ничтожества вроде Трифонова, провонявшего Плевну своим саном помощника делопроизводителя и корреспондента по $1^{1}/_{2}$ коп[ейки] за строку. Уверяю Вас, что не имел и не имею намерения заниматься Вашим носом и Вашими сапогами, а тем более «итти далее по этой дороге» — между этою дорогою и моим подозрением, что родные квас и клюква повлияли на Ваши укоры мне как *«русскому художнику»*, ничего нет общего.

Откуда Вы взяли, где Вы вычитали, что я «тотчас начал толковать, что мои труды побольше стоят Ваших», — это я просто и ума не приложу. Начинаю верить, что у Вас болит сердце и расстроены нервы, как Вы сами говорите.

В заключение нашего знакомства мне необходимо объяснить Вам, почему я пришел к Вам в библиотеку познакомиться, так как не в моих правилах навязываться к кому бы то ни было: m[ada]me Бейдеман[2] писала мне в Мюнхен (письмо, вероятно, еще цело у меня), что по возвращении из Вены Вы очень хвалили мои работы, взяли у ней мой портрет и выражали желание познакомиться со мною; по приезде в Питер я и зашел к Вам. Как видите, не приходилось искать Вас, а следовательно, не приходится и терять. Как до нашего знакомства, так и теперь я Вас знал и знаю за талантливого, честного и весьма независимого писателя и человека. На том и покончим.

В. В[ерещагин]

182. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

[Париж, 21 августа/] 2 сентября [1878 г.][1]

Владимир Васильевич!

Погода стоит по утрам хорошая, почему и не могу собраться к Вам. Коли Николай Петрович[2] придет вечером, то, наверное, застанет дома, даже может здесь и переночевать.

До свиданья.

В. В[ерещагин]

183. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

[Париж, 27 августа/] 8 Septembre [1878][1]

Я тем более хотел бы, Владимир Васильевич, иметь дело с простыми смертными, что был бы свободнее в *издании*, ко-

торое намерен бы сделать. Уверен, что Вы одобрите мою мысль сделать его с текстом, выпусками, листов в 5 большого формата, тем способом печатания по фотографии, которым теперь Гупиль так хорошо работает. Напр[имер], в первом выпуске могут пойти 2 *плевненск[ие]* картины, Дороги, Дунай, Балканы.

Какой хороший случай рассказать просто, понятно и откровенно то, чему был свидетелем; лишь бы только не струсить в откровенности.

Как только вопрос о том, куда пристроятся мои картины, решится, немедленно приступлю к изданию. Думаю, что выйдет около *20* картин, если они будут довольно большие, и от 20 до 30 в том случае, коли будут между ними и маленькие.

До свиданья.

В. Верещагин.

Был у меня князь Орлов — очень любезный и простой человек. Но мне было так совестно просить его, что и не сказал о главном — о желании получить место для моей выставки; передам через кого-нибудь.

184. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

[Париж] [1] Понед[ельник], 28 авг[уста/9 сентября 18]78

ТЕЛЕГРАММА [2]

Откуда	Куда
перв[ый] этаж	седьмой этаж

В. В. Стасову

Получил письмо от Струкова из С.-Стефано. Пишет, что, прочитавши уведомление милого доктора Стуковенко, он немедля навел справки. Оказалось, что у полицмейстера в Систове *ничего нет*. Не придумаете ли, как поступить? Не могу помириться с мыслью, что мои наброски потеряны. Струков называет Стуковенко и К° свиньями, к чему и я присоединяюсь. Кажется, Николай Петрович получил вчера чай с непрокипяченною водою, боюсь, что последствия были серьезны и неотвратимы.

В. Верещагин

185. В. В. СТАСОВ — В. В. ВЕРЕЩАГИНУ

Париж, понед[ельник], вечер, 28 авг[уста 18]78 9 сентября]

Какая жалость, что я не видал Вас давеча в концерте и только теперь нашел Вашу записку! У Ник[олая] Петр[овича] живот нисколько не болел, но за[то] он (как следует) *забыл* передать мне про Стуковенко!!

Но, так или сяк, вот что я советовал бы: чтоб Вы *письменно* или на словах попросили бы Орлова вступиться в это дело — а если мало, то и прямо Горчакова. Если они только вступятся и начнут, то у них рысью заходят Стуковенко и все другие сукины сыны! Согласны Вы — хорошо, и пишите скорее, а если почему-нибудь *нет*, то надо написать по почте к Стуковенко — в Бургас [1], как он сам назвал свое местопребывание, только это хуже и ненадежнее. А в журнале (т. е. «Новом Времени») я всего больше хотел бы напечатать, только теперь Вы на то не имеете права, потому что стал известен адрес Стуковенко.

Разве вот что: напечатать в *«Новом Времени»* письмо к редактору и там рассказать ответ Струкова? А прочее пусть все остается попрежнему, т. е. обращение к Орлову или Горчакову. Только не можете ли Вы сыскать №, где Стуковенко отвечал Вам. Это бы нужно, а у меня его более нет.

В. С[тасов]

Я второй день в таком сплине и хандре, что готов бы, кажется, броситься со своего седьмого этажа вниз, прямо в какую-нибудь помойную яму.

Завтра *Собко* хочет приехать к Вам вечером.

186. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

[Париж, 30 августа/] 11 сентября [1878] [a]

Непременно выброситесь, Владимир Васильевич, из Вашего седьмого этажа, только не в помойную яму, а сюда, в Maisons-Laffitte, мы прогоним Вашу хандру диетою и прогулкою — здесь парк хороший. Коли запоздаете, останетесь ночевать, если не боитесь нового места и немножко комаров. Нимало нас не стесните, ибо внизу стоит пустая кровать.

Вот вырезка объявления [2] Стуковенко. Ее прислал мне на всякий случай отец мой. Струков положительно пишет, что справлялся у систовского полицмейстера и получил в ответ, что ничего там для меня не оставлено. Обращаться к важным господам думаю подождать, но полагаю, что какой-нибудь

ответ нахальному уведомлению, бывшему в «Новом Времени», следует дать, хотя нелепо было доставить вещь в феврале (когда я уже проехал назад), но все-таки за это полвины долой можно бы снять, не доставить же вовсе или выбросить вещи куда попало — просто *преступление*. Там у меня есть заметы нескольких битв, которые незаменимы, потому что были деланы прямо на месте, под выстрелами. Двое весьма почтенных лиц вызвались со всем вниманием, осторожностью и аккуратностью доставить на мою квартиру эти этюды, но я предпочел, чорт знает почему, довериться Стуковенко, да вот и попался.

А Глинка-то[3] вышел бледен. Самая оригинальная его вещь пропала почти, за шумом. Вам это, вероятно, весьма чувствительно?

В. В[*ерещагин*]

187. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

[Париж, 1/13 сентября 1878] [1]

Прочитайте[2], Владимир Васильевич. Как бы узнать, где находится этот Подгурский[3] (майор), бывший полицмейстер в Систове?

В. В[*ерещагин*]

Граф Гейден, верно, не откажется приказать разыскать его.

188. В. В. СТАСОВ — В. В. ВЕРЕЩАГИНУ

С.-Петербург, Сергиевск[ая], 79,
воскрес[енье], 10/22 сент[ября 18]78

Василий Васильевич, я приехал сюда в четверг вечером, видел на другой день Суворина, и что же он мне сказал первым словом? «Влад[имир] Вас[ильевич], Вы делайте со мной что хотите, казните, расстреляйте, — но я *потерял* Вашу статью[1] о Верещагине!» — Вы не можете себе представить мою досаду. И сколько времени понапрасну потеряно, да и статьи нет! Как это случилось, он и сам не знает. Извиняется, извиняется, а что мне из его извинений! Так досадно, так досадно, что даже бранить его нехватает духу. И все случилось при переезде на нынешнюю новую их квартиру. Теперь он мне говорит (*в утешение*, вероятно?), что работа моя не пропала, что мне будет выдан гонорар за статью, как будто она напечатана, — скажите, как это интересно! Точно будто

несколько копеек больше или меньше могут меня вознаградить за то, что я написал и что утрачено! Да, мне так досадно, что я не могу рассказать. Суворин говорит: «Мне тем больше эта пропажа обидна и непростительна, что хоть я и не успел, в первые минуты по получении, прочитать всю статью как следует, но пробежал ее наскоро и видел, что она была *отличная* и горячая!» Теперь Суворин меня просит написать новую: но разве это легко — писать вторым разом? И где я возьму *тогдашнее* расположение моего духа, *тогдашнее* мое одушевление? Конечно, я попробую, потому что не хочу, чтоб этот сильно интересующий меня предмет остался так, без единого моего слова, но выйдет ли какой-нибудь толк, вот чего я не знаю, и даже в чем я сильно сомневаюсь. Я теперь уже не в Париже, с его одурявшей меня атмосферой и Всемирной выставкой. В Петербурге я себя чувствую совсем иным. Ну, да попробую на-днях, только немного сбуду с плеч целый воз больших и маленьких делишек, накопившихся здесь во время моего отсутствия, а также справлюсь со множеством материальных хлопот и манипуляций, которые мне надо проделать тут в библиотеке,— дела прямой моей службы.

Брат Дмитрий говорит мне, что отправил уже Вам деньги Вашего брата через контору Гинцбурга, и, вероятно, Вы уже их получили. Он тоже написал Вам все деловые подробности, и письмо его уже в Ваших руках, или в дороге, в настоящую минуту. С самого приезда своего я тотчас же принялся разыскивать полковника *Подгурского,* бывшего полицмейстера в Систове. Но еще ничего не нашел. Завтра или послезавтра получу ответы, а потом посмотрю, как надо действовать. С Сувориным мы условились, что если мои поиски ни к чему не приведут, то мы в *«Новом Времени»* напечатаем телеграммы, полученные от Струкова. Согласны Вы? Хотите, мы это сделаем от Вашего имени, а не то от моего имени, *«по Вашему поручению»*? Или напечатаем письмо от Вас к Суворину? Или письмо от Вас к Стуковенко? Или еще что-нибудь иное? Одним словом, отвечайте скорее, в какой форме Вы хотите,— но все это в том случае, если никакого *Подгурского* не найдем. В своем печатном отзыве Стуковенко говорит, что вещи были отданы в Систове полицмейстеру лично каким-то *Кирилиным* [2] (чиновником особых поручений при инспекторе госпиталей); может быть, следует печатно вызвать на ответ этого *Кирилина?*

А сверх того, мне кажется, Вам было бы не худо простым письмом или телеграммой спросить Стуковенко (проживающего теперь в *Бургасе*), где этот *Кирилин,* и что он объявит,

а также сказать ему, что по розыскам Струкова ничего не оказывается. Не напишете ли Вы, *поскорее?* А потом, как Стуковенко Вам ответит или не ответит, — так и будем потом действовать.

Я еще пока никого не поспел здесь видеть.

Ваш В. С[*тасов*]

Как мне досадно, что я не мог дольше в Париже оставаться! Все деньги, все деньги. Будь деньги, я бы прожил в Париже, может быть, еще с месяц, и авось бы написал несколько порядочных статей. А здесь — все не то, все не так!! Да и времени мало. Занят я сильно уже и сейчас, в первые дни, а что будет дальше?

189. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

[Париж], 16/28 сентября [1878][1]

Странный, однако, человек брат Ваш, Владимир Васильевич. Писал мне: вышлю Вам мои деньги, деньги моих детей, поэтому оформьте заем — чего же понятнее и натуральнее? Я просил выслать форму правильного заемного письма, чего он, однако, не сделал. Теперь пишет, что деньги взяты у *Гинцбурга*!!! которому в январе, вероятно, придется уплачивать! Для меня иметь деньги от Стасова или Гинцбурга — громадная разница. Дмитрий Васильевич, получавши в свое время проценты, разумеется может смело оставить деньги свои или своих детей и на другой год и даже на третий, потому что 5 или 6 тысяч рублей я всегда ему отдам, а [....] Гинцбург чего только не может проделать со мной нравственно из-за этих 15 000 фр[анков]. Я всегда мог бы обратиться к Гинцбургу, но не хотел и *знакомиться* с ним, тем более из-за денег, — неужели брат Ваш поставит меня к нему носом к носу из-за этих несчастных 5000 руб[лей]! Пожалуйста, предложите брату Вашему, *от себя,* сказать мне следующее: деньги 5000 руб[лей], Вам данные, я дал *свои* на условии: 1) исправно платить %, 2) отдать из первых полученных за работу денег — коротко и ясно; в этом смысле я напишу заемное письмо и мне приятное и ему не обидное.

А. П. Боголюбов пишет мне, что говорил со многими лицами о моих работах. Между прочим, я забыл Вам сказать, что этюды мои он полагал (по уговору со мною) предложить за 15 000 рублей ежегодных в течение моей жизни или, скажем, в продолжение 20 лет; в случае моей смерти раньше, деньги, должны итти, по указанию моему, на школы. Цена

эта может быть уменьшена, в случае если деньги могут быть уплачены в меньший срок времени. В случае если бы кто захотел приобресть работы мои из последней войны (некоторые уже начатые), то и тут условие придется оформить и хорошо оговорить, так как приобретатели картин, даже и такие хорошие и почтенные, как Третьяков, по части денег большие прижималы. Должен Вам сказать, Владимир Васильевич, что я не намерен отдавать мои работы дешево, потому что деньги, как еще раз повторяю, нужны мне не на слуг и не на экипажи, а на школы (те или другие), которые я себе поставил задачею завести. Когда деньги у меня будут, мы с Вами поговорим об этом подробно, по душе. Разумеется, жалко, что пропала статья Ваша и с нею первые впечатления. Что касается моих несчастных этюдов и с ними этих прохвостов Стуковенко и Подгурского, то я Вас прошу об этом не хлопотать более. Узнаю зимою, кто потерял, и плюну тому в морду, на чем и покончу все дело, так оно мне надоело.

До свиданья.

В. Верещагин

Никол[аю] Петровичу[2] мой поклон.

Вышлите мне, пожалуйста, *«Всемирную историю» Шлоссера*[3].

190. В. В. СТАСОВ — В. В. ВЕРЕЩАГИНУ

С.-П[етер]б[ург], Сергиевская, 79,
23 сент[ября 18]78

Василий Васильевич, я получил Ваше письмо насчет денег брата моего, картин и т. д. Отвечать мне теперь некогда, но брат Дмитрий завтра уезжает в Париж (на месяц) и, конечно, в конце будущей недели с Вами увидится. Я убежден, что с таким *хорошим*, даже *отличным* человеком, как он, у Вас все устроится как надо лучше, в 5—6 минут. Наверное, он опять Вам будет приятен, попрежнему. Прощайте, больше, право, некогда.

В. С[тасов]

Вообразите, мое отвратительное расположение духа опять как-то поправилось — не знаю, надолго ли, и написал снова статью: «Мастерская Верещагина»[1]. Кажется, *завтра* будет напечатана. Только уж, право, не знаю, вышло ли что-нибудь порядочное и горячее, как первая статья, потерянная.

191. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

24 сентября/6 октября [1878] [1]

Вы обещали послать мне гр[афа] Толстого [2], Владимир Васильевич, к этому, коли капитал есть, не прибавите ли «Всемирную историю» Шлоссера? Боголюбов по приезде сообщил мне, что наследник очень интересуется моими работами и, кажется, желает, чтобы я присылал их ему. Я ставлю только условием, чтобы мною не командовали, работы не разрознивали и не предлагали делать то или другое, а оставили бы меня воспроизводить то, что видел, слышал и что меня лично интересует. Неладным мне кажется только то, что Боголюбов говорит, как будто хорошо будет посылать картины *через него*, в случае коли цесаревич пожелает их иметь. Боюсь, что это будет пахнуть цензурою и бо́льшим или меньшим покровительством моего почтенного собрата, чего я вовсе не желаю. Третьяков был у меня и держал себя очень мило, не торговался, хотя, как мне показалось, работы мои очень понравились ему. Он, вероятно, ждет, когда я буду совсем у стенки, чтобы предложить свои условия, но думаю, что он может прогадать, ибо когда деньги меня заставят, я войду в соглашение с кем-нибудь из больших торговцев картин, и тогда Третьякову будет еще труднее (еще дороже стоить) удержать за собою то, что ему, кажется, очень понравилось (по крайней мере, он говорил это Боголюбову).

До свиданья. Жду ответа Дмитрия Васильевича. Неужели он настаивает на передаче должных мною 5000 Гинцбургу?

Кланяйтесь Николаю Петровичу. Он обещал мне портрет императора в профиль.

[*В. Верещагин*]

192. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

1/13 октября [1878] [1]

С братом Вашим, Владимир Васильевич, я не был неприятелем и не буду, зачем понапрасну такие слова говорить [2].

В. В[*ерещагин*]

193. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

14/26 октября [1878] [1]

Читал я в газете, Владимир Васильевич, что Гейнс еще в Петербурге. Не найдете ли возможным дать знать этому гос-

подину, что принадлежности костюмов, оружие, обломки и проч[ее] из Туркестана нужны мне для моих будущих работ, поэтому хорошо будет, если он оставит их где-либо для позднейшей пересылки мне. Брат Ваш говорил мне, что Вы наводите справки о моих бедных набросках, — порадуйте весточкою, когда что-либо откроете. Кстати, я скоро поеду в Болгарию, так не нужно ли будет поискать там?

В. В[ерещагин]

Николая Петровича поблагодарите за карточку [2]. Вот-вот сберусь письмом к нему.

194. В. В. СТАСОВ — В. В. ВЕРЕЩАГИНУ

С.-П[етер]б[ург], Сергиевск[ая], 79,
18 окт[ября 18]78

Василий Васильевич, сегодня утром получил Ваше письмо от [14/26 октября] [1]. Сегодня же утром я был в Адмиралтействе, у адмирала *Свешникова* [2], у которого останавливался Гейнс: оказалось, что он уже целую неделю, как укатил в Одессу. Значит, я ему завтра напишу уже туда. Брат Дмитрий не ошибся, сказав Вам, что я разыскиваю Ваши этюды. Я не прекращал этих розысков с самого приезда из Парижа, и вот только что узнал от ген[ерал]-лейтенанта М. Ф. Петрушевского (старинного моего знакомого), что тот *Кирилин,* про которого пишет в своем ответе Стуковенко, был ординарцем у Петрушевского и теперь находится в Одессе, у своего отца, старого генерала и председателя военноокружного суда.

Я уже написал в Одессу и жду ответа. Если опять тут ничего не выйдет, я обращусь — знаете куда: сначала к генералу *Дрентельну* [3] (который был начальником тыла армии, а теперь перешел в III отдел[ение]), а если и это не поможет, то к великому князю наследнику. Во всяком случае я чего-нибудь, наконец, добьюсь. Надеюсь, что Вы уже получили Сочинения гр[афа] Льва Толстого и прочитали «Севастополь», «Побег», «Рубку леса», «Мятель» и проч[ее], где есть столько схожего с Вами. Репин, прочитав в «Новом Времени» коротенькие наброски Ваших будущих картин из нынешней войны, пришел от них в неописанный восторг и говорил мне (в письме [4]), что спокойно вспомнить не может о «Дороге в Плевну», с истоптанным снегом, телеграфн[ыми] проволоками, и столбами, и грудами тел по сторонам дороги. Он ожидает от Ва-

щих этих картин чудес; сам он тоже затеял картину: *«Встреча возвращающегося полка в Петербург»* [5].

Пишите до Болгарии. А из Болгарии не забудьте привезти (для музея народного) всяческого болгарского шитья, etc.

В. С[*тасов*]

195. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

[29 октября/] 10 ноября [1878] [1]

Владимир Васильевич!

Разумеется, надобно обратиться к кому-либо власть имеющему; мне кажется, Дрентельн всего подходящее. Ведь *Кирилин* этот должен же сказать, кому и когда он сдал мой ящичек — экие свиньи и подлецы! Собака Стуковенко, чуть не поклявшийся переслать этюды сейчас, послал их через полтора месяца, когда я уже уехал из армии, а следовательно, и квартиры уже не имел в Систове, от этого и вся путаница. Генерал Боголюбов [2] все не дает мне никакого ответа насчет того, берет мои работы (болгарские) наследник или нет, а между тем Половцов [3], которого Вы, может быть, знаете, хотел, по словам того же Боголюбова, взять их все на моих условиях, т. е. неразрозненными и т. д. У меня есть несколько картин, которые я могу послать сейчас, лишь бы знать от цесаревича, берет он их или нет. Если Вы знаете Половцова, поговорите с ним, не может ли он узнать о е[го] в[ысочестве], и в случае *нет,* сейчас бы получил сам первые картины. Я уж и жалею, что дозволил Боголюбову предлагать мои работы наследнику, потому что вместо простого предложения он уже был у Орлова и просил его *помочь ему* (?!). Какой срам!

В. В[*ерещагин*]

Мой книксен Николаю Петровичу.

196. В. В. СТАСОВ — В. В. ВЕРЕЩАГИНУ

С.-П[етер]б[ург], Сергиевская, 79,
30 окт[ября 18]78

Дело с Вашими этюдами в Болгарии понемногу подвигается вперед. Я Вам писал (в последнем письме, кажется), что М. Ф. Петрушевский рассказал мне, кто такой Кирилин, которому Стуковенко поручил довезти эти этюды в Систово. Я тотчас и написал этому Кирилину, в Одессу.

Вчера я получил ответ [1] от этого штабс-капитана и мамень-

кина сынка. Он мне говорит: «Объявление, напечатанное доктором Стуковенко в *«Новом Времени»,* составлено на основании письма моего к нему, которое я счел нужным написать ему, чтобы тем дать возможность известить публикацией владельца портфеля, запросившего, в свою очередь, путем печати, что Стуковенко сделал с последним. К несчастию, мною не была взята расписка в сдаче портфеля, а равно забыта фамилия полицмейстера, его принявшего, что меня ставит в весьма неприятное положение относительно г. Верещагина, так как я невольно становлюсь ответственным лицом, если бы портфель не нашелся совершенно. В настоящее время я положительно ничего не могу сказать относительно того, что с портфелем случилось, так как в Систове я был в последний раз в день *сдачи портфеля в полицию,* да и возвратился я сюда из-за Дуная $1^1/_2$ месяца тому назад. Во всяком случае, все мои стремления будут направлены к отысканию следа его через посредство многих знакомых моих в действующей армии, и в случае благополучного результата поисков я буду Вам телеграфировать...» Итак, по крайней мере, мы теперь знаем, что Стуковенко остается в стороне и не виноват. Зато тем крепче я уцеплюсь за Кирилина и буду его *пилить.* Сегодня же к нему едет от меня письмо с просьбою объявить: не *подполковник ли Владимирский* [2] принял от него портфель или не *майор ли Ерофеев* [3], так как первый был в Систове полицмейстером до февраля, а второй — с февраля? (Владимирский теперь служит окружным начальником в Силистрии; про Ерофеева ничего не знаю пока.)

Вас же, Василий Васильевич, прошу написать положение дела, и про *Кирилина,* и про *Владимирского,* и про *Ерофеева* — Струкову (или кому другому влиятельному), в Болгарию, чтоб дать материалы для точных розысков. Если *ничто* не поможет, я хочу адресоваться к генералу Дрентельну, как бывшему начальнику «тыла армии» и теперешнему начальнику III отделения.

В. С[тасов]

Получили ли Вы Льва Толстого?

P. S. Так как Кирилин долго мне не отвечал, то я уже написал Гейнсу (как одесскому губернатору), просил его *ради Вас* и *для Вас* разыскать Кирилина и заставить его дать ответ.

Теперь пишу Гейнсу, что ответ уже получен. Но вообще жду ответа самого Гейнса по другим нашим делам: ташкентские остатки и мраморы и Hachette.

Брат Дмитрий воротился из Парижа с великим восхищением от Вас как человека (даже оставляя художника в стороне).

197. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

2/14 ноября [1878] [1]

Владимир Васильевич!

Ответ этого Кирилина просто возмутительный: он, видите, жалеет, что поставлен в *неприятное* положение, — эдакая свинья! И очень неприятное положение, потому что я непременно обращусь к суду с жалобою на него и Стуковенко, который вместо передачи вещей сейчас передал их чуть не через 2 месяца. Знаете ли Вы, что, кроме ящичка этюдов, Стуковенко принял от меня для пересылки еще *целую гору турецких костюмов,* которые я большею частью сам снял с убитых турок в день вылазки и сдачи армии. Объяснять ли мне Вам (что Вы хорошо знаете и что эти болваны не понимают), что, не говоря про этюды мои, и все эти тряпки и одежды крайне нужны мне!

Будьте так добры, передайте г[осподи]ну Кирилину прилагаемое письмо [2] или смысл его в Вашем письме.

Как жаль, что Вы просили Гейнса, да еще за *меня* и *от меня,* — никогда не буду ни о чем просить этого щеголя. Я потерял совсем уважение к нему — верьте — не с сегодняшнего дня. Не на ветер это говорю, право; люблю его как очень умного, талантливого и донельзя симпатичного человека, но не уважаю потому, что убедился в справедливости данного ему названия его сослуживцами и товарищами.......

Я извещаю доктора Стуковенко письмом (не знаю, дойдет ли оно) о том, что намерен обратиться к суду.

В. Верещагин

Без крайней настойчивости с такими олухами ничего не получить. Толстого получил, но он тут не весь. А Шлоссер?

198. В. В. СТАСОВ — В. В. ВЕРЕЩАГИНУ

С.-П[етер]б[ург], Сергиевская, 79,
2 ноября [18]78

Н. П. Собко просит передать Вам портрет государя в профиль, который по его просьбе нарочно оттиснули у Левицкого [1]. Он хорошенько не помнит, не этот ли самый портрет он уже послал Вам в красках. Но, во всяком случае, Левицкий объявил, что у него *нет* другого профильного портрета государя. Как Вы, конечно, знаете, кроме Левицкого, никто государя не снимал и не снимает. Теперь начинаю свой ответ я на Ваше письмо, только сегодня утром полученное. Как я

уже Вам говорил, мне меценатство Бог[олюбова] было, есть и будет противно, особливо при его нахальстве, чванстве и глупости, прикрываемых лжефигурой «bon enfant[2]» и «простака-русского». Но все-таки он уже много дел устраивал и устраивает, — пожалуй, устроит и это: его там слушают и верят, как бог знает кому и чему. Впрочем, он порядочный *blagueur*[3]. Так что, по-моему, от него можно и ожидать и не ожидать — у него все смотря по обстоятельствам. Если хотите меня послушаться, подождите немножко — *laissez le s'avancer*[4].

Что касается Половцова, признаюсь, этот мне еще неприятнее, потому что в сто раз хлыщеватее и уже не заключает ни единого зернышка художественности. Я его давно знаю, еще с училища, и мы на «ты»; я могу всякий день пойти и повидаться с ним, но это было бы мне крайне неприятно. Разумеется, если нужно будет, я поговорю не только с ним, а с кем угодно. Но лучше будет обойтись без него. Мне противно в такое дело вмешивать такого прохвоста покровителя, который даже однажды с аппетитом *подставил* свою жену (взятую из-за штиглицких денег). Фу! какой проклятый и гнусный народ! Я только с омерзением и ненавистью могу к таким людям обращаться. Уж каков ни есть Бог[олюбов], а все в тысячу раз чище и лучше. Этот, если захочет, может без всякого посредничества *прямо* сам адресоваться, и просить, и устраивать. Впрочем, повторяю, если надобность будет (в чем сомневаюсь), пойду и поговорю с Половц[овым].

От Кирилина, покуда, разумеется, не могло еще притти никакого нового известия; а Вас еще раз прошу написать о нынешнем положении дела об этюдах, со *слов Кирилина,* как я Вам писал в последнем письме — написать Струкову, или *кому сами знаете, в Болгарию.*

В. С[тасов]

199. В. В. ВЕРЕЩАГИН В. В. СТАСОВУ

8/20 ноября [1878][1]

Владимир Васильевич!

Худа никакого еще не было, но дело в том, что его превосходительство Боголюбов (которого я не считаю таким отчаянным притворщиком) — порядочный лакей, между нами будь сказано, и он даже при желании мне добра незаметно проврется в том смысле, что не выговорит перед своими богами главного, т. е. *неразрозниваемости и принятия всего,* относящегося до известной Вам эпохи, и дело сойдет тогда на

обыкновенное всучивание картинной мебели важным барам. Не будет ли Вам возможности проверить, были ли предложены эти мои 2 непременных условия, и были ли они приняты, и есть ли надежда, что не обратят их в смех? Уж на что бы лучше Третьякова, Боткина или кого-либо из этих любителей наших, но ведь они ужасные жилы. Павел Михайлович на что хороший человек, а так и чуется в нем его купеческое уменье выжидать, пока художник будет у стенки, чтобы тогда как раз во-время еще прижать его и взять *подешевле*; понятно, что я брошусь в сторону, чтобы не допустить этого.

И в самом деле, покамест лучше совсем подождать, но хорошо бы, кабы после Вы не отказались выяснить, насколько можете, крепость моих двух условий. Я думаю, Дрентельна можно побеспокоить, даже должно, труда ему большого это не даст.

[*В. Верещагин*]

200. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

15/27 ноября [1878][1]

Сейчас получил телеграмму от М. Д. Скобелева. Извещает, что разыскал мои этюды в *Габрове*. Если это верно, то каково же врали гг. Стуковенко и Кирилин?

Когда брат Ваш посылал деньги мне в Париж: в январе или феврале, спросите, пожалуйста, у него при свидании. Мне нужно это знать для своевременной высылки процентов.

Кстати, кланяйтесь брату Вашему; он собирался притти ко мне еще раз с Ропетом, да и не собрался.

Думаю скоро выставить здесь, в Париже, мои работы. Скоро еду в Болгарию. До свидания.

В. Верещагин

201. В. В. СТАСОВ — В. В. ВЕРЕЩАГИНУ

С.-П[етер]б[ург], Сергиевск[ая], 79,
22 ноября [18]78

Вы меня сильно обрадовали, Василий Васильевич, известием о том, что наконец нашлись-таки Ваши этюды. Я торжествую, восхищаюсь, бью в ладоши!!! Какой молодец этот Скобелев! И как мне всегда дороги те люди, которые, кроме своей специальности, помнят и других, и нужды и интересы этих других! Только от таких обыкновенно и исходят крупные дела. А Кирилину я еще несколько дней не напишу ничего: во-первых, что мне с этим сукиным сыном много валандаться!

Он не стоит того. А во-вторых, я только что перед Вашим письмом подстегнул его кнутиком, т. е., что, дескать, ищите — ищите хорошенько и скорее, не то будет Вам на орехи! Значит, его обязанность была, *при его виновности*, отвечать — а он этого не делает! Что же мне с ним много миндальничать! Кстати: еще другой молодец, в той же Одессе... наш миленький Александр Константинович. Сидит там, возится с квартальными и городовыми — и сам ни с места! Что тут станешь делать? Я слышал на-днях, что у Вас есть теперь начатая картина: *«Русские, замерзнувшие на Шипке»* [1]. Если это правда, исполать Вам. И я думаю, что Вы бы справились с этим грозным сюжетом, как никто!!! По выражению, для меня лучшая Ваша картина «Опиумоеды» [2], и это самое находят многие лучшие наши художники. Но насколько выше и глубже были бы «Замерзшие»!!! На-днях Третьяков писал мне по делу (ответ на одно мое письмо) — и говорит, что Ваши индийские этюды *«выше всяких похвал»*. Я думаю, что-то в этом же роде скажут все понимающие, когда начнется Ваша выставка в Париже. Желаю и надеюсь ей крепкого успеха. Сегодня же, или на-днях, пишет к Вам мой брат. И именно по поводу письма Вашего брата Александра, который поручает ему переслать Вам из его денег 10 000 рублей. Брат Дмитрий пугается за *громадные* потери при нынешнем курсе и хочет спросить Вас: действительно ли посылать Вам эти деньги *сейчас* или Вы признаете возможным подождать немножко? Авось что-нибудь переменится к лучшему. На сколько времени Вы хотите уехать в Болгарию?

Если поедете через *Одессу*, не повидаете ли Гейнса? Несколько минут разговора больше сделают, чем 100 писем. Ведь каков он ни есть, а любит и уважает Вас искренно.

В. С[тасов]

202. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

[25 ноября/] 7 декабря [1878] [1]

Владимир Васильевич!

Я думаю ехать на-днях и побывать только на Шипке, как месте, отходящем туркам; в других местах, которые остаются за Болгарией, успею побывать после. Будьте так добры передать Дмитрию Васильевичу, что денег *теперь* посылать не надобно, пусть они будут в резерве, письма его еще не получил. Замерзших, кроме «пленных», покамест нет, но, может быть, будут; теперь у меня начинают укладываться в голове впечатления и картины; начинают выползать из мозгов то готовые, то не-

ясные и требующие обработки. Вообще я не тороплюсь перекладывать мысли на полотно, так как по опыту знаю, что чем больше выносишь замысел картины в голове, тем лучше. При всяком поползновении воплотить мысль встречаются технические препятствия и трудности, сбивающие с толку и с задуманного, если оно не ясно осмыслено. Говорю это в особенности о себе, потому что, кроме самого маленького наброска карандашом, никогда не делаю эскизов, как съедающих безвозвратно самый свежий и сильный порыв. Мысль о выставке здесь все еще не оставил, не знаю только, получу ли залы, о которых просил Орлова. Боголюбов старается помогать в этом и также хлопочет. Хорошо бы, если бы Вы предупредили Боткина Д. П. о том, что надобно теперь же получить дозволение Общества[2] на отправку московской коллекции на некоторое время сюда. Хорошо, кабы он распорядился приготовить на всякий случай людей для снимки и укладки вещей. Все расходы, разумеется, заплатятся немедленно. (Уж целовал, целовал меня Боткин — я думал, укусит, — а ни слова не сказал, несмотря на то, что я видел, как ему понравились мои работы. Они все ждут время, когда можно будет приобрести по дешевой цене. Сами виноваты будут, если, *к моему сожалению,* картины пойдут мимо их.)

[*В. Верещагин*]

203. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

С.-П[етер]б[ург], вторник [12 декабря 1878] [1]

Владимир Васильевич!

Отложите, пожалуйста, наше собрание[2] до другого раза. Очень извиняюсь перед г. Мусоргским[3]. Еду завтра, т. е. в среду, в Москву и по дороге заеду к брату в Тверь.

С наследником дело решилось мило, деликатно и быстро! Он выслал мне сказать, что не имеет времени принять меня (как будто не он, а я назначил время приема), велел сказать, чтобы я пришел другой раз, но я не намерен приходить другой раз, потому что опять так же бесцеремонно могут предложить убраться во-свояси, а притти в третий раз и т. д. Правда, я Вам говорил, что душа не лежит? А ведь это было только начало, цветочки — ягодки были бы впереди.

До свиданья.

В. Верещагин

Мне время не менее дорого, как и его высочеству.

204. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

С.-П[етер]б[ург],
четверг, 14 дек[абря 18]78 [1]

Владимир Васильевич!

Я хочу сходить сегодня к доктору Боткину (кажется, это его приемный день), так что, может быть, буду не в 8 часов, а несколько позднее — не взыщите.

В. В[ерещагин]

205. В. В. ВЕРЕЩАГИН — В. В. СТАСОВУ

Ст[анция] Раздельная, 22 декабря [1878] [1]

Дорогой Владимир Васильевич! По письму доктора Стуковенко, он должен быть на-днях в Питере, в Моховой, № 18, кварт[ира] 23. Пошлите, пожалуйста, спросить у него, где он бросил взятые у меня для отсылки в Систово *платья турецких солдат,* часть которых он же достал мне из госпиталей, а другую я сам снял с мертвецов под Плевною.

Не у Вас ли находится бумажка, высланная мною Вам, на которой брат мой покойный написал свое последнее желание об употреблении кое-каких деньжонок, после него оставшихся. Если у Вас, то передайте ее, пожалуйста, брату моему Николаю Васильевичу или когда он зайдет к Вам, или в *Тверь.*

До свиданья.

В. Верещагин

Третьякову, повидимому, *очень хочется*, да жаль денег. Боюсь, что он просолит. У него прекрасная коллекция.

ПОЯСНИТЕЛЬНЫЙ ТЕКСТ

1874

I

К письму 10 марта 1874 г.

1. Дата письма на автографе проставлена В. В. Стасовым. Письмо написано в Петербурге, куда В. В. Верещагин возвратился из Мюнхена для устройства выставки своих туркестанских картин, этюдов и рисунков, созданных в результате поездок художника в Туркестан.

В. В. Верещагин был в Туркестане дважды: в 1867—1868 гг. и в 1869—1870 гг. Он участвовал там в военных действиях и, как художник, выполнил большое количество эскизов, этюдов и зарисовок военного, бытового и этнографического характера.

Еще в 1869 г., после возвращения из первой поездки в Туркестан, В. В. Верещагин выставил часть своих туркестанских работ на устроенной им в Петербурге «Туркестанской выставке».

На этой выставке были экспонированы: «После удачи», «После неудачи», «Опиумоеды» и другие работы.

По возвращении из второй поездки в Туркестан Верещагин уехал в Мюнхен, где в 1871—1873 гг. писал свою вторую серию туркестанских картин.

С этого периода картины Верещагина стали появляться на выставках за границей. В 1872 г. в Русском отделе Всемирной выставки в Лондоне находились три его работы: «После удачи», «После неудачи» и «Опиумоеды».

О картинах В. В. Верещагина Стасов писал еще в 1872 г. в статье «Русская живопись и скульптура на Лондонской выставке» («С.-Петербургские ведомости», 1872, 25 июня, № 201; см. также: Стасов В. В., Собр. соч., СПБ, 1894, т. II, отд 3, стб. 301—310).

В этой статье Стасов приводил пространные восторженные мнения английской печати о картинах В. В. Верещагина. «Дейли телеграф», — сообщал Стасов, — называла русского художника «великим», а его работы — «в высшей степени художественными». В статье Стасова приводились мнения и других английских газет, дававших также исключительно высокую оценку выдающемуся русскому художнику и его произведениям.

Во второй своей статье «Еще о наших картинах и скульптурах на Лондонской выставке» («С.-Петербургские ведомости», 1872, 24 августа, № 231; см. также: Стасов В. В., Собр. соч., СПБ, 1894, т. II, отд. 3, стб. 309—316) Стасов привел новые отзывы о В. В. Верещагине. Однако Стасов отмечал, что некоторые английские издания, вынужденные признавать высокие достоинства произведений Верещагина, все же нападали на русского художника за идейность и неподкупную правду его произведений. Филистерская ограниченность подобной точки зрения «порядочно дрессированного» (выражение Стасова) английского общества получила в статье Стасова резкую критику и была им высмеяна.

В апреле 1873 года Верещагин, закончив основную часть туркестанских картин, экспонировал их вместе с этюдами на своей персональ-

ной выставке в Лондоне, в Хрустальном дворце. Английская критика уделила выставке Верещагина большое внимание. Наиболее значительные из ее высказываний Стасов опубликовал в статье «Отзывы английской печати о картинах Верещагина».

Статья появилась только в следующем, 1874 году, 7 марта, в день открытия выставки Верещагина в Петербурге («С.-Петербургские ведомости», № 94; см. также: Стасов В. В., Собр. соч., СПБ, 1894, т. II, отд. 3, стб. 329—336). В ней Стасов писал: «Кажется, не было ни одного журнала или газеты, где бы не хвалили русского художника, где бы не указывали английской публике на силу и оригинальность его таланта» (стб. 329).

В 1873 г. на Венской всемирной выставке в Русском отделе был выставлен этюд В. В. Верещагина «Голова ташкентца» (впоследствии приобретенный Д. В. Стасовым). Кроме того, на той же выставке, в фотографическом отделе, экспонировались двадцать снимков с туркестанских картин Верещагина, находившихся на его выставке в Лондоне. Оригинальный талант художника вскоре стал в центре внимания всей австрийской художественной критики.

При посещении Венской выставки вместе со скульптором М. М. Антокольским Стасов увидел этюд «Голова ташкентца» и фотографии с находящихся в Лондоне картин, о которых он знал только по отзывам английских газет. Работы Верещагина поразили и взволновали его. «Мы только что вместе восхищались двумя самыми тузовыми картинами выставки: «*Портретом Прима*» Реньо и «*Бурлаками*» Репина, — пишет Стасов в биографии Верещагина, — и вдруг это неожиданное, совершено нечаянное знакомство с какими-то еще новыми поразительными картинами, да еще нового, нам совершенно неизвестного, художника! Надо сказать, что до той минуты я не видал ни единой картины Верещагина: на выставке 1869 года в Петербурге я не мог быть; четыре же главные ее картины: «*Опиумоеды*», «*Бача*», «*После удачи*», «*После неудачи*», — я узнал лишь позже по «*Всемирной иллюстрации*». Антокольский тоже не знал картин и этюдов Верещагина 1869 года (он был тогда, кажется, в Берлине). Тем громаднее и поразительнее было на обоих нас впечатление от этих картин, от этих неслыханных и невиданных сюжетов. Нужды нет, что тут не было красок, а только одни фотографии — мы оба разом и до корней души были потрясены. Мы долго простояли перед этими серо-лиловыми листами, но нам казалось, что перед нашими глазами расстилаются все чудеса совершеннейших палитр. Потом мы всякий день ходили еще и еще рассматривать эти столько новые художественные чудеса». («Вестник изящных искусств», 1883, вып. 2, стр. 242; см. также: Стасов В. В., Собр. соч., СПБ, 1894, т. II, отд. 4, стб. 299.)

После Венской выставки в критическом отчете о ней («Нынешнее искусство в Европе» — «С.-Петербургские ведомости», 1873, 14 сентября, с перерывами по 14 ноября, №№ 253, 257, 265, 272, 278, 281, 295, 300, 314, 319; отдельный оттиск СПБ, 1874; см. также: Стасов В. В., Собр. соч., СПБ, 1894, т. I, отд. 2, стб. 403—494) Стасов писал про картины Верещагина, что в них «затаенное в глубине негодование против тысячи возмутительнейших событий прежнего или настоящего времени»; «дух, протестующий против безобразий и варварств, на каждом шагу кишащих в истории и жизни, и вместе ...мастерство, сила, почти что резкость выражения». «Голова ташкентца», — продолжал Стасов, — не больше как этюд с натуры, и хотя это мастерской этюд, но не мог он выставить наружу главных качеств г. Верещагина; но зато, в одном из углов выставки... было несколько произведений этого художника, которые по-настоящему должны были бы висеть... в Русском отделе, а не в чьем-то чужом. В Ротонде, на одной из стен кругового кольца, помещено было до 20 отличных фотографий... с картин

г. Верещагина, например: «Нападают врасплох!», «Окружены!», «Нищие в Самарканде», «Хор дуванов», «Пилигримы у дверей мечети», «Разбор мертвых русскими и туркестанцами на поле сражения» и т. д. Но особенно характерною мне показалась вот какая картина. Нарисована унылая местность, ташкентская степь; посреди возвышается пирамида из каких-то шаров, точь-в-точь какие бывают на артиллерийских дворах. Но посмотрите поближе, и вы увидите, что это не ядра и не шары, а целая гора человеческих черепов, очутившаяся здесь, потому что на этих самых местах недавно было сражение. Кругом летают и подпрыгивают вороны, отыскивая что поклевать, а внизу подпись: «Апофеоз войны». Посвящается всем великим завоевателям прошедшего, настоящего и будущего времени». Правдивость изображений г. Верещагина в соединении с метким и едким выбором сюжетов (вспомните его трагические картины: «До победы» и «После победы») делают его одним из самых дорогих для нас русских художников» (стб. 485).

В конце 1873 и в начале 1874 г. Верещагин дополнил выставлявшиеся в Лондоне картины новыми работами и привез туркестанскую серию в Петербург, где 7 марта 1874 г. открыл выставку своих картин.

На выставке были представлены 121 живописная работа и 122 рисунка. К выставке был издан каталог со статьей А. К. Гейнса — «Очерк Туркестана» (Гейнс был знаком с Верещагиным по Туркестану. Он помогал художнику в устройстве выставки туркестанских картин в Петербурге и был уполномочен им на переговоры по их продаже).

Вскоре после приезда в Петербург Верещагин познакомился с В. В. Стасовым, к которому он пришел в Публичную библиотеку.

О том, как состоялось знакомство с В. В. Верещагиным, В. В. Стасов писал 31 марта 1878 г. Л. Н. Толстому (после того как Л. Н. так же, как и Верещагин, пришел к нему в Библиотеку познакомиться): «...представьте, почти на том самом аршине библиотечного паркета... 4 года тому назад, в марте же (1874 г.) я встретил идущего ко мне навстречу человека, который подошел ко мне и сказал: «Я Василий Верещагин и хочу познакомиться с вами. Угодно?» представьте себе, — *угодно ли* мне было! Ну, и вот теперь прошло 4 года, и опять встреча в той самой зале, и опять знакомство, — да какое!» (Лев Толстой и В. В. Стасов, Переписка, 1876—1906, [Л.], 1928, стр. 27.)

О знакомстве с В. В. Стасовым Верещагин рассказывал своему биографу Ф. И. Булгакову: «Бейдеман, вдова моего бывшего профессора и друга, писала мне, что Стасов, увидевши у нее портрет на почтовой бумаге, добился того, чтобы она вырезала его и отдала ему, якобы большому поклоннику моего таланта. Он будто бы выражал живейшее желание со мною познакомиться — вот почему, [про]ходя мимо Публичной библиотеки, я зашел раз к нему и познакомился». (Булгаков Ф. И., «В. В. Верещагин и его произведения», СПБ, 1905, стр. 60.)

О состоявшемся знакомстве с В. В. Верещагиным Стасов сразу же написал И. Е. Репину в Париж.

Отвечая на письмо Стасова, Репин писал о Верещагине 8/20 марта 1874 г.: «Художник он дельный и самобытный (я видел недавно здесь фотографии с тех вещей, которые фигурируют теперь в Питере, — новые). Хороши особенно с ориентальной архитектурой, и условности почти нет. А что он пришел сам к Вам, этому Вы сами виноваты: вспомните, как Вы отозвались о нем в Вашей книжке о Венской выставке. Он как хороший человек (я не знаю, но думаю), почувствовал в Вас такого же и потому пошел к Вам сам знакомиться; сколько я слышал о нем, говорят, он гордый и не лицемер. Насчет его академичности — не знаю, его работы не говорят в ее пользу».

После состоявшегося знакомства В. В. Стасов стал другом и деятельным помощником Верещагина во многих его делах.

Выставка работ В. В. Верещагина в Петербурге в 1874 г. явилась крупным событием в художественной жизни столицы.

Художник И. Н. Крамской писал В. В. Стасову 15 марта 1874 г. по поводу выставки Верещагина: «Теперь о Верещагине: Я слышал, что будто бы Верещагин принужден коллекцию распродать в разные руки желающим. Мне сдается, что этого допустить не следовало бы; [....] Когда я раньше видел фотографии с его коллекции и слышал, например, сообщение, что вот такая-то картина написана в натуральную величину, я думал: странно, чем меньше сюжет, содержание, тем больше формат, но когда я увидел «У дверей мечети», я понял, в чем дело. Будь эта картина исполнена (написана) на одну ступень ниже, и исторической картины нет. По-моему, это нечто невероятное. Эта идея, пронизывающая невидимо (но осязательно для ума и чувства) всю выставку, эта неослабная энергия, этот высокий уровень исполнения (исключая «С гор на долину» — самая большая и самая слабая), этот, наконец, прием, невероятно новый и художественный в исполнении вторых и последних планов в картине, заставляет биться мое сердце гордостью, что Верещагин — русский, вполне русский». (Крамской И. Н., Письма, 1862—1875, [Л.—М.], 1937, т. I, стр. 253—254.)

Тогда же, 14 марта 1874 г., Крамской писал К. А. Савицкому об этой взволновавшей его выставке картин: «Верещагин (ташкентский) открыл выставку, наконец... Все вещи высокого художественного уровня. Я не знаю, есть ли в настоящее время художник, ему равный не только у нас, но и за границей. Это нечто удивительное...» (Там же, стр. 253.)

Позднее, 7 мая 1874 г., И. Н. Крамской писал о Верещагине И. Е. Репину в Париж: «... Хотел начать с выставки Верещагина (ташкентского), но она тоже составляет прошлое. К тому же Вам, вероятно, многое известно уже из писем В. В. Стасова. От себя прибавлю, что вещи Верещагина — вещи действительно оригинальные и удивительные во многих отношениях. Вы знаете, что говорить в живописи о таких вещах, которые нам обоим знакомы и которые мы оба видели, чрезвычайно интересно и даже бывает поучительно, но когда один из нас не видал, то описания ни к чему не послужат. Единственное, что еще возможно, это общий смысл произведений, то-есть та сторона искусства, которая и в науке и в литературе одинакова и которая вследствие этого может быть вызвана в нашем уме как бесформенное представление. Но хотя эта сторона в Верещагине чрезвычайно сильна, однакож он такой художник, что его надо видеть непременно. Как доказательство своего мнения приведу пример. Год тому назад у Гуна в мастерской я видел фотографии со многих картин [Верещагина. — *Ред.*], которые теперь были выставлены. Указывая на некоторые фотографии, Гун говорил, что вот такая-то картина в натуральную величину, а вот эта в полнатуры, а эти маленькие, и я удивлялся тому, что многие вещи мне казались лишенными содержания, и чем больше картина, тем меньше его (то-есть содержания). Между тем, когда картины были налицо, многое стало ясно. Например, «Двери Тамерлана», или, еще лучше, «У дверей мечети»: в натуральную величину резные деревянные двери в каменной стене и по бокам две фигуры — стража, тоже в натуральную величину, и только. Никакого содержания, по крайней мере видимого, но это — историческая картина. Это один из тех рискованных сюжетов, где живопись, и только она одна, может что-нибудь сделать. Написана она поразительно, в полном смысле слова, и будь она только на волос ниже в техническом отношении, и исторической картины не существует. Эти тяжелые, страшно старые двери с удивительной орнаментацией, эти фигуры, сонные, неподвижные, как пуговки к дверям, как мебель какая-нибудь, как тот же

орнамент, так переносят в Среднюю Азию, в эту отжившую и неподвижную цивилизацию, что напишите книг, сколько хотите, не вызовете такого впечатления, как одна такая картина. Верещагин — явление, высоко поднимающее дух русского человека. Это человек оригинальный и вполне самобытный несмотря на то, что он много времени провел за границей и усвоил себе все технические приемы западного искусства, только с некоторой поправкой, ему одному принадлежащей. Через это видеть его — истинное наслаждение...» (И. Е. Репин и И. Н. Крамской, Переписка, 1873—1885, М. — Л., 1949, стр. 75—76.)

Крамской, взволнованный картинами туркестанской серии Верещагина, выразил желание познакомиться с их автором * и настоятельно советовал П. М. Третьякову приобрести картины.

П. М. Третьяков сразу же заинтересовался картинами Верещагина. Еще до открытия выставки он сообщил Верещагину о своем желании приобрести туркестанскую серию, которую он видел у Верещагина в Мюнхене.

Однако приобретение туркестанской коллекции картин В. В. Верещагина Третьяковым осложнилось и затянулось. Сначала конкурентом Третьякова выступил двор. После того как вопрос о закупке верещагинских картин царской фамилией отпал, Третьяков некоторое время не решался взять большие затраты по покупке картин и постройке для них помещения на одного себя. Он решил найти в этом предприятии себе компаньонов в лице брата С. М. Третьякова и коллекционера Д. П. Боткина. Вследствие разногласий с компаньонами П. М. Третьяков решил наконец приобрести всю коллекцию Верещагина один. Но это осуществилось уже после отъезда художника в Индию.

Уезжая в путешествие, Верещагин сообщил Третьякову в конце марта 1874 г. свои условия продажи коллекции:

«Милостивый государь Павел Михайлович,

К тому условию, которое Дмитрий Петрович Боткин со слов Александра Константиновича Гейнса, вероятно, уже сообщил Вам (а именно, что коллекция купленных Вами картин не может быть разрознена ни Вами, ни потомками Вашими), я позволяю себе прибавить просьбу отправлять картины на выставки всемирные или иные, если бы это случилось,

---

* В ответ на записку И. Н. Крамского с предложением познакомиться В. В. Верещагин писал ему 12 марта 1874 г.:

«Милостивый государь,

Я много и искренно благодарен Вам за участие, которое Вы принимаете в моих работах; непременно забегу к Вам, когда поосвобожусь от хлопот, неизбежных, как Вы знаете, перед отправлением в большое путешествие. Хочу объехать Амур, Японию, Китай, Тибет и Индию и отправляюсь на этой неделе.

Прошу Вас принять уверения в моем уважении

В. Верещагин.

Если бы Вы имели заметить что-нибудь относительно моих работ, то будьте так любезны сообщите это моему приятелю Александру Константиновичу Гейнсу (в доме министра путей сообщения), так как он устроитель и распорядитель выставки.

Ваш портрет художника Шишкина *бесподобен* (чтобы Вы не сочли это за иронию, прибавлю: *очень хорош, превосходен*)». (Архив Русского музея.)

не иначе, как в составе всей коллекции или по крайней мере трех четвертей ее, а также не дозволять при таком случае Академии разбрасывать ее с тою бестолковостью, которая ее везде и всегда отличает.

Если Вы захотите черкнуть мне пару слов, то вот адрес мой: *Киев, на почту до востребования* — теперь и *Константинополь, на почту до востребования* — позже.

Я приложил к коллекции альбом с очерками моих скитаний как в Азии так и по Кавказу — Закавказью, Дунаю и проч.

Кроме того, крепко-накрепко наказываю Александру Константиновичу Гейнсу, ни из каких видов не вытаскивать чего-либо из этюдов, а тем паче картин.

Если Вы хотите, я дополню к каталогу объяснения для всех работ, вроде того, как это было сделано для Лондона; коли Вы не имеете этого лондонского каталога, то спросите у человека Якова, находящегося при картинах, он имеет их множество.

Спешу на чугунку.

Прощайте

В. Верещагин»

(Архив Третьяковской галлереи.)

Несмотря на большой успех выставки в широких демократически настроенных кругах публики и желание Третьякова приобрести туркестанскую коллекцию, Верещагину пришлось испытать тяжелое потрясение в связи с враждебным отношением к выставленным картинам реакционных царских генералов. К. П. Кауфман и некоторые другие генералы, выражая, повидимому, не только свое мнение, но и мнение лиц царской фамилии, обвинили Верещагина в лживом изображении событий туркестанской войны и в антипатриотизме. Верещагин более всего стремившийся к реализму, к правде, многократно шедший в поисках этой правды с риском для жизни на самые опасные военные операции, был глубоко обижен и потрясен этой клеветой.

В порыве отчаяния он снял с выставки и уничтожил три лучшие свои картины.

Об этом событии В. В. Стасов с возмущением рассказывает в своем письме от 23 марта 1874 г. к Д. В. Стасову: «Вчера утром Верещагин снял с выставки целых 3 картины, по желанию *«высшего начальства»* (дескать, марают честь русской армии). Это: «Забытый», «Окружили» и *«Слава в вышних богу»* *, т. е. одни из самых тузовых. Вчера утром, придя ко мне в б[иблиоте]ку, Верещагин был точно полупомешан от злости, досады и негодования» (Архив Института литературы Академии наук СССР).

Более подробно об уничтожении Верещагиным собственных картин В. В. Стасов рассказывает в написанной им биографии Верещагина: «Верещагинской выставке не суждено было дойти до конца спокойно, мирно, как у всех. Почти в самом начале три из числа лучших картин исчезли с нее. Толпы публики радовались и восхищались выставкой; не оказались и недовольные — оказались люди, уязвленные в своих понятиях и симпатиях. Одни были истинные, другие притворные патриоты, но у тех и у других были свои резоны нападать на иные картины Верещагина. Генерал Кауфман... как главный начальник Туркестана «имел слабость, — пишет Верещагин, — рассердиться на некоторые из моих туркестанских картин и некоторым образом шельмовал меня перед всем своим штабом, на приеме, доказывая мне, что я во многом «на-

* По каталогу выставки: «У крепостной стены. Вошли»

лгал»: отряд-де его никогда не оставлял на поле боя убитых и т. п. Тайный советник С... окончательно вывел меня из терпения, рассказывая о своих впечатлениях перед моею «клеветою» на солдат. Я пожег те картины, что им кололи глаза». («Вестник изящиых искусств», 1883, т. I, вып. 2, стр. 252.)

Уничтожение своих лучших картин Верещагин рассматривал как акт громкого и гневного публичного обличения низких клеветников, нападавших на его творчество. На вопрос Стасова Верещагину, зачем он уничтожил картины, художник ответил: «Я дал плюху этим господам!»

Через некоторое время после открытия выставки, 19 марта 1874 г., Стасов опубликовал в «С.-Петербургских ведомостях» (№ 77) критическую статью «Выставка картин В. В. Верещагина». В ней он писал: «В. В. Верещагина у нас знают и ценят с 1869 г., когда на Ташкентской выставке, в здании министерства государственных имуществ, появились картины — его, тогда еще вовсе неизвестного художника, и поразили всех смелостью, правдой и реальностью изображения. С тех пор прошло целых четыре года; г. Верещагин совершил несколько новых путешествий по Европе и Азии, написал множество новых, столько же талантливых, как и прежние, картин, приобрел европейское имя...

Кроме таланта, совершенно самобытного, г. Верещагин отличается от многих наших художников всего более — почином, предприимчивостью и энергией. Несмотря на то, что ему всего 32 года, он успел написать целую массу этюдов и картин, полных оригинальности и художества, и продолжает работать неутомимо, без устали, без лени, без сладостного far-niente после успеха; едва воротившись из одного далекого путешествия, снова затевает другое, еще большее, и не куда-нибудь у себя под боком, полегче и поприятнее, в имение приятеля, в поместье знатного барина, чтобы отдохнуть и пожуировать, а за тысячи верст, в глубь и даль Востока, где все ярко горит и светится в диком огне, не тронутом еще цивилизацией, где всласть наглотаешься всяких красот и безобразий, но где тоже подчас сабли и желтые горячки спуска не дают. Энергия, почин, ненасытная любознательность, огонь предприимчивости — не большие ли все это редкости в нашем художественном мире?

Если бы дело шло об одних только этих качествах, я бы всего скорее сравнил г. Верещагина с иными французами, например, хоть с Орасом Верне. И тот тоже страстно привязался к путешествиям и Востоку и избороздил его с одного края до другого; и тот тоже всего чаще представлял битвы и стычки европейского солдата с диким, остервенелым кочевником; оба художника, и наш и француз, живали с солдатом под походной палаткой и иной раз принуждены были, чтобы защищаться, вместе с другими взять ружье и саблю и итти в общую свалку. Но тут и кончается сходство. Орас Верне приобрел еще с молодых лет репутацию громадную, всемирную и все-таки был человек-проза, сухой и холодный, с головой узкой и не способной ни к одной светлой мысли; художник живой и подвижный, но с картинами серенькими и мутными, с несносным шиком и ухарством, а главное — с непозволительнейшим квасным патриотизмом, за который его корили сами же французы — а эти ли еще были не патриоты во времена Луи-Филиппа! Для Ораса Верне французский солдат был чудом и дивом природы; у этого живописца недоставало красок на палитре, чтобы изобразить неслыханные и невиданные добродетели и совершенства этого солдата, превзошедшего всех героев Илиады в храбрости и глубоких душевных свойствах; при этом, значит, надо было затоптать, унизить врага его — араба и бедуина, ни в чем не повинного, впрочем, кроме того, что он защищал, как мог, свой клочок земли, свою жену и детей. И вот Орас Верне, с

легкомыслием самым непростительным, накладывал самые любезные, самые розовые краски на физиономии, штыки и сабли своих фаворитов, любовно пел им торжественный, нескончаемый гимн и припасал все презрение, мрачность, тупоумие и даже карикатурность для бедных африканских жертв французского ус‹ч›.

Ничего подобного не встретишь у г. Верещагина. У него есть глаза, чтобы смотреть и видеть обе стороны. Как мне уже однажды пришлось говорить (в отчете о прошлогодней Всемирной выставке), у нашего художника всего громче звучит нота негодования и протеста против варварства, бессердечия и холодного зверства, где бы и кем бы эти качества ни пускались в ход...

После Венской выставки, где я видел только несколько образчиков основной думы и таланта г. Верещагина, я теперь впервые увидал все собрание его созданий (почти полное), и эта громадная выставка еще более прежнего убедила меня в мысли о глубоком, современном направлении таланта нашего художника... быть может, еще выше силы и мастерства в картинах этого художника — то содержание, которое туда вложено и которое придает им гораздо более долговечности, чем самые талантливые и блестящие мазки кисти. Пускай ученые педанты проповедуют с кафедры черствую проповедь об «искусстве для искусства»; мы все, публика, никогда не перестанем думать, что только те произведения искусства и достойны жизни и симпатии потомства, куда вложено умелой художественной рукой что-то в самом деле правдивое и глубокое...» («С.-Петербургские ведомости», 1874, 19 марта, № 77; см. также: Стасов В. В., Собр. соч.; СПБ, 1894, т. I, отд. 2, стб. 499—506.)

[2] Задуманная Верещагиным поездка в Индию по указанному в письме маршруту через Сибирь, Японию, Китай и Тибет не осуществилась. Он отправился в Индию через Одессу, Константинополь, Александрию, Суэцкий канал.

[3] В. В. Стасов подбирал Верещагину книги и разные пособия, по которым художник знакомился со странами Азии, куда предполагал совершить путешествие.

В неопубликованном письме к Д. В. Стасову В. В. Стасов 23 марта 1874 г. рассказывает, как серьезно готовился художник к своей поездке. «Придя в Публичную библиотеку», говорит Стасов, Верещагин «...рассматривал целую груду у меня громадных и чудесных атласов Китая, Тибета, Сиама, Индии, — это он приготовлялся к путешествию, п р е с е р ь е з н о, конечно, как ни один русский художник». (Архив Института литературы Академии наук СССР.)

2

К письму — середина марта 1874 г.

[1] Письмо Верещагиным не датировано; датировка «середина марта 1874 г.» установлена на основании текста письма. Письмо написано в Петербурге. Хранится в Архиве Третьяковской галлереи.

[2] Несомненно, что Верещагин имеет в виду статью Стасова, которую последний намеревался опубликовать по поводу выставки картин Верещагина в 1874 г. в Петербурге. Статья была опубликована в «С.-Петербургских ведомостях» («Выставка картин В. В. Верещагина», 1874, 19 марта, № 77).

Верещагин, как видно из текста письма, впервые излагает здесь Стасову отношение к сюжетам своих произведений о войне в Туркестане.

[3] Здесь в автографе Стасов сделал сноску: «Пример тому *Двери Самаркандского дворца, Охотник с ястребом* и др.».

[4] Верещагин имеет в виду свое пребывание в Самарканде и участие в боях за него в 1868 г., во время осады города узбеками.

[5] «Апофеоз войны» — картина Верещагина, изображающая пирамиду, сложенную из черепов, посреди пустынной, сожженной солнцем степи. К названию картины в каталоге выставки 1874 г. добавлено: «Посвящается всем великим завоевателям: прошедшим, настоящим и будущим». Та же надпись сделана на раме картины.

Картина «Апофеоз войны» входит в группу картин, объединенных названием «Варвары».

[6] В группу «Варвары», кроме «Апофеоза войны» по каталогу 1874 г. входили картины: а) «Высматривают»; б) «Нападают врасплох!» К названию этой работы в каталоге добавлено: «...Умрем, не посрамим русской земли! Мертвым не стыдно...» в) «Окружили — преследуют...»; г) «Представляют трофеи»; д) «Торжествуют». К названию этой работы в каталоге добавлено:

«Так повелевает бог!»
«Нет бога, кроме бога...»;

е) «У гробницы святого — благодарят всевышнего». В каталоге добавлено:

«Хвала тебе, богу войн!»
«Нет бога, кроме бога,
Нет бога, кроме бога».

[7] Лессинг Готгольд-Эфраим (1729—1781) — крупнейший немецкий писатель, драматург и критик эпохи буржуазного просвещения, выступавший против феодализма, идеалистической философии, клерикализма. В области эстетики Лессинг боролся за реализм против классицизма. По своим эстетическим взглядам Верещагин не был противником лучших сторон эстетической теории Лессинга. Поэтому отрицательное замечание Верещагина по адресу Лессинга касается, очевидно, отдельных частных сторон эстетической теории немецкого просветителя, не сумевшего полностью преодолеть элементы идеализма и идеалистической эстетики в своих работах.

С рядом положений Лессинга не был согласен и Стасов, который писал в своих автобиографических записках: «15—16 лет я прочитал почти все, написанное об искусстве Лессингом и Дидро... Я был увлечен обоими этими гениальными человеками: и немец и француз... как ни много еще гнездилось у них в голове старинных художественных вкусов и предрассудков, . . . потрясли и перевернули мои прежние понятия и устремили меня к независимости мысли и к свободному обсуждению, т. е., во-первых, помимо общепринятых оценок и авторитетов, а во-вторых, раньше всего обратили внимание на сущность и содержание каждого художественного произведения». (См. Каренин Влад. «Владимир Стасов», Л., 1927, т. I, стр. 139.)

[8] Упоминаемые Верещагиным надписи приведены в каталоге его выставки (СПБ, 1874) и на рамах его картин, находящихся в Государственной Трегьяковской галлерее.

3

К письму 2 апреля 1874 г.

[1] На автографе надпись В. В. Стасова: «Получено 4 апреля 1874 года. Писано из Москвы (от 2 апреля)».

В. В. Верещагин приехал в Москву из Петербурга, направляясь вместе со своей женой в путешествие по Индии.

Из Петербурга он выехал 31 марта.

4

К письму 2/14 июля 1874 г.

[1] Великие Моголы — прозвище основанной Бабуром династии тюркских завоевателей Индии (1526—1857).

[2] Гейнс (Гейнц) Александр Константинович (1834—1893), генерал-лейтенант. Член Русского географического общества, Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Являлся специалистом по вопросам Туркестана. Занимал ряд административных должностей в Туркестане, был губернатором Тургайской области, казанским и одесским губернатором и проч.

В. В. Верещагин во время своего пребывания в Туркестане подружился с Гейнсом, подарил ему целый ряд своих произведений: «После удачи» и «После неудачи»; этюды к «Бурлакам», рисунок «Религиозная процессия в Шуше» и многие этюды жителей Туркестана. Гейнс был распорядителем выставки картин Верещагина в 1874 г.

[3] Стасов опубликовал в отделе «Хроника» («С.-Петербургские ведомости», 1874, 27 июня, № 174) следующее сообщение: «Мы получили любопытные известия о В. В. Верещагине, о котором публике нашей ничего не было известно со времени отъезда его из Петербурга в первый день пасхи настоящего года [31 марта 1874 г. — *Ред.*] Не дождавшись закрытия своей выставки и перемещения коллекций в Москву, г. Верещагин уехал, через Константинополь и Александрию, в Ост-Индию и находится в настоящее время в Бомбее, откуда получено недавно письмо (от 1 июня н. ст.) генерал-майором А. Гейнсом, и с разрешения этого последнего мы имеем возможность привести из этого письма следующие отрывки: «...Пока я поселился в Бомбее, нанял дом, начал работать, собираю костюмы и проч. В настоящую минуту под окнами у меня адский шум от индийской музыки, [. . . .] Здесь идут дожди, но так как они только что начались, то пока, кроме ящериц на окнах и скорпионов по стенам, неудобств еще не было... Начали ли Вы писать текст ваш и рисуются ли доски для гравирования? * Сделал ли Купинский проект мастерской?.. ** Пошлите мне газету пока в Бомбей по указанному адресу; куда после — сообщу».

[4] Слухи о предстоящем присуждении В. В. Верещагину звания профессора Академии художеств возникли еще до отъезда художника из

---

* По настоянию Верещагина, генерал Гейнс, известный нашей публике по талантливому очерку [о] Средней Азии, приложенному в виде вступления к каталогу верещагинской выставки, решился напечатать свои «Записки о Средней Азии», иллюстрациями к которым будут служить фотографические виды с натуры и снимки с большинства лучших картин

Петербурга. Верещагин просил В. В. Стасова сообщить ему, если это намерение осуществится.

[5] Речь идет, повидимому, о статье «Несколько слов из Петербурга о верещагинской коллекции» («Московские ведомости», 1874, 13 мая, № 118), подписанной «М». В статье сообщается о приобретении туркестанской коллекции Верещагина П. М. Третьяковым, приносящим ее в дар Московскому обществу любителей художеств.

Верещагин сравнивается автором статьи с Л. Толстым. Далее автор опровергает мнение лиц, которые находили, что у Верещагина отсутствует патриотизм. Между тем подобная клеветническая точка зрения была незадолго перед тем высказана в небольшой заметке в тех же «Московских ведомостях».

[6] Имеется в виду статья В. В. Стасова «Отзывы английской печати о картинах В. В. Верещагина» («С.-Петербургские ведомости», 1874, 7 апреля, № 94; см. также: Стасов В. В., Собр. соч., СПБ, 1874, т. II, ч. 3, стб. 329—336).

[7] Перов Василий Григорьевич (1832—1882) — крупнейший русский художник-реалист, основоположник живописи идейного реализма, один из организаторов Товарищества передвижных художественных выставок; много лет преподавал в Московском училище живописи, ваяния и зодчества.

В последние годы жизни Перов порвал с передвижниками и несколько отошел от прежних передовых позиций в искусстве.

[8] Публичная библиотека в Петербурге, ныне Государственная публичная библиотека имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. Одно из крупнейших в мире собраний книг и рукописей. В. В. Стасов работал в Публичной библиотеке с 1855 г., а с 1872 г. по день смерти (1906 г.) был заведующим ее Художественным отделением.

[9] В. Г. Перов писал В. В. Стасову: «П. М. Третьяков, купив коллекцию картин Верещагина, предложил ее в подарок училищу, но с условием, чтобы училище сделало пристройку с верхним освещением, где бы и могла помещаться вся коллекция картин, и дал свободу сделать это через год и даже через два, а покуда картины могут поместиться в училище на стенах, и, назначивши известную плату, открыть вход для публики: таким образом даже еще кое-что приобретется для постройки галлереи. Что же вы думаете, сделали члены Совета, т. е. начальствующие лица училища? Конечно, обрадовались, пришли в восторг, благодарили Третьякова? Ничуть не бывало. Они как будто огорчились. Никто не выразил никакого участия к этому делу, и начали толковать, что у них нет таких денег (по смете оказалось, что для этого нужно 15 000). Думали-гадали, где достать эти деньги, и не нашли, и почти что отказались от этого подарка, даже и не послали поблагодарить Третьякова, а назначили другой Совет, куда был приглашен и Третьяков, вероятно, с той целью, что, так как он уже истратил 92 000, то не пожертвует ли он и 15 000 на постройку. Нужно вам сказать, что в Совете сидели Ананов, Солдатенков, Дашков и Станкевич, у каждого есть не один миллион, а несколько. Так кончился первый Совет. Инспек-

---

Верещагина. Рисунки исполняются на дереве В. М. Васнецовым и будут резаны в Париже. *(Примеч. Стасова.)*

** В. В. Верещагин купил себе кусок земли в Париже, в парке банкира Лаффита, и думает выстроить там себе домик с мастерской. Проект для этого в русском народном стиле, очень изящный и талантливый, составлен молодым нашим художником г. Купинским. *(Примеч. Стасова.)*

тор, видя всю эту неловкость, вызвался поехать к Третьякову и поблагодарить его. Тогда ему сказали, чтобы он поблагодарил и от них. На второй Совет Третьяков не приехал, а прислал письмо, что он свою коллекцию более не дарит училищу. Вы думаете, Влад. Вас., произошел шум, высказано было сожаление, желание возвратить потерянное? — Ничуть не бывало, все как будто обрадовались: «Ну и пусть так будет!», и тут же, как бы издеваясь над Третьяковым и полезным делом, начали рассуждать о том, что нужно заложить училище за 200 000 и выстроить доходный дом. Теперь все это кончено. Что будет? Где будет помещаться коллекция Верещагина — неизвестно... Мое мнение таково, что искусство — совершенно лишнее украшение для матушки России, а может, еще и не пришло то время, когда мода на искусство выразится сильнее, а потому и любовь к нему будет заметиее». («Вестник изящных искусств», 1883, вып. II, стр. 257—258; см. также: Стасов В. В., Собр. соч., СПБ, 1894, т. II, отд. 4, стб. 269—330.)

[10] Московское училище живописи, ваяния и зодчества — замечательная национальная художественная школа, воспитавшая несколько поколений выдающихся русских реалистов. Из ее стен вышли В. Перов, А. Саврасов, И. Шишкин, И. Левитан, Н. Касаткин, А. Архипов, М. Нестеров и многие другие русские художники, а также крупнейшие советские художники — А. Герасимов, Б. Иогансон, К. Юон, П. Корин, Е. Кацман, В. Яковлев. Преподавателями училища были В. Перов, А. М. Васнецов, В. Поленов, В. Серов, В. Маковский, А. Саврасов.

Основание Училищу, до 1843 г. называвшемуся Художественным классом, было положено в 1832 г. кружком художников-любителей.

В 1865 г. в него влилось Московское архитектурное училище.

Училище живописи, ваяния и зодчества состояло при Московском художественном обществе, организовавшемся в 1833 г.

Несмотря на консерватнвность богатых и сановных покровителей, Училище, в отличие от Академии художеств, было проникнуто передовыми демократическими идеями.

В настоящее время преемником Училища является Московский государственный художественный институт им. В. И. Сурикова.

В письме В. В. Стасова идет речь о заседании Совета Училища, в который входили крупные московские купцы и представители чиновничества.

[11] Третьяков Павел Михайлович (1832—1898) — видный деятель русской культуры, купец-меценат, собиратель картин русской художественной школы. Основатель Третьяковской картинной галлереи — сокровищницы русского искусства, которую в 1892 г. принес в дар городу Москве, вместе с коллекцией иностранных картин своего брата Сергея Михайловича Третьякова (1834—1892).

[12] Ананов Иван Степанович — член Совета Московского училища живописи, ваяния и зодчества (1857—1888).

[13] Солдатенков Козьма Терентьевич (1818—1901) — московский богач, собиратель художественных произведений русской школы; видный культурный деятель, издатель научных книг; свою коллекцию завещал Румянцевскому музею.

[14] Дашков Василий Андреевич (1819—1896) — крупный чиновник. Собиратель этнографических коллекций. Директор Московского Публичного музея и с 1867 г. объединенного с ним Румянцевского музея. Основатель в этих музеях «Собрания портретов русских деятелей». Товарищ председателя Совета Училища живописи, ваяния и зодчества.

[15] Московское Общество любителей художеств, которое Стасов иногда называет Обществом любителей искусств, основано в 1860 г. Имело

целью заботу о молодых художниках, сближение художников с любителями, организацию художественной галлереи. Устраивало выставки — с 1880 г. ежегодные *периодические аукционы и лотереи,* а также ежегодные конкурсы с выдачей премий. Посылало художников на свои средства за границу (Саврасов, Каменев и др.) и оказывало им помощь. Имело постоянную выставку.

[16] Общество любителей художеств приняло дар Третьякова и устроило выставку картин Верещагина, но не могло выполнить условие дара — выстроить отдельное помещение для коллекции, — поэтому передало ее в 1881 году обратно Третьякову.

[17] Гартман Виктор Александрович (1834—1873) — архитектор; автор оригинальных проектов в русском стиле зданий Всероссийской мануфактурной выставки 1870 г. в Петербурге, здания Военного отдела Всероссийской политехнической выставки 1872 г. в Москве и здания Московского народного театра.

Исполнил декорации к операм «Руслан и Людмила» Глинки, «Вражья сила» Серова и др. Академик. Был дружен со Стасовым, который высоко ценил его талант.

[18] Речь идет о посмертной выставке В. А. Гартмана, устроенной Петербургским Архитектурным обществом в феврале—марте 1874 г.

[19] Купинский Петр Станиславович (р. 1838) — архитектор (гражданский инженер), приглашенный для составления проекта мастерской В. В. Верещагина в Париже.

С 1864 г. служил в министерстве путей сообщения. Строил в т. н. «русском стиле», используя мотивы и формы древнерусского зодчества.

Еще в 1873 г., находясь в Париже, Верещагин стал подготовлять постройку огромной мастерской в окрестностях Парижа, в Maisons Laffitte, где он намеревался работать после возвращения из путешествия по Индии.

[20] Васнецов Виктор Михайлович (1848—1926) — выдающийся живописец-передвижник. Автор картин на русские бытовые, сказочные и былинные темы, театральных декораций, росписей в Историческом музее в Москве, в соборе Владимира в Киеве; иллюстратор русских сказок, автор проекта фасада Третьяковской галлереи.

В своих глубоко патриотических картинах на сказочно-былинные темы Васнецов воссоздавал народное представление о героях — защитниках русской национальной независимости, воплощал народную мечту о счастливой стране, радостной жизни.

В начале своей творческой деятельности В. М. Васнецов занимался граверными работами и, в частности, рисовал для гравюр на дереве с туркестанских работ В. В. Верещагина для книги о Туркестане с текстом А. К. Гейнса и иллюстрациями В. В. Верещагина.

В. М. Васнецова рекомендовал Верещагину В. В. Стасов — об этом он писал 25 марта 1874 г. И. Н. Крамскому: «В. В. Верещагин думает издавать в гравюре на дереве (в Париже) большинство своих картин и гравюр. Ему нужен хороший рисовальщик на деревяшках: я ему рекомендую Васнецова. Скажите, пожалуйста, как Вы думаете, принял ли бы он такой заказ?» (Архив Русского музея.)

[21] Гашет (Ашет) — известная издательская фирма в Париже, подготовлявшая выпуск книги Гейнса и Верещагина.

Гашет присылал Верещагину гравировальные доски.

[22] Антокольский Марк (Мордух) Матвеевич (1843—1902) — выдающийся русский скульптор, близкий к передвижникам. Автор произведений из жизни и истории евреев, из русской истории и мифологии, бюстов своих современников и надгробий.

Произведения Антокольского выполнены в духе реализма. В лучших

из них автор передает моральное величие людей с непреклонной волей, богатыми духовными и общественными интересами, высокими идейными и патриотическими устремлениями. В этом выразились передовые демократические идеалы скульптора.

Произведения Антокольского отличаются выразительностью психологической характеристики и правдивостью передачи вещественного мира, ясностью и законченностью формы.

Антокольский был другом В. В. Стасова, который своими советами и критическими статьями помогал скульптору в развитии творчества. Стасов морально поддерживал Антокольского и защищал его от нападок реакционной прессы.

23 «Христос перед судом народа» (1874) — скульптура М. М. Антокольского — неоднократно экспонировалась на выставках и, в частности, на Всемирной выставке в Париже 1878 г. (вариант находится в Третьяковской галлерее).

24 etc — сокращение латинского выражения «Et caetera», т. е. «и так далее».

5

К письму 1/13 августа 1874 г.

1 На автографе надпись В. В. Стасова: «Писано в Бомбее 1/13 авг[уста] 1874. Получено 27 авг[уста] 1874». На приложенном к письму конверте пометки В. В. Стасова: «1/13 авг[уста] 1874; 1) отказ от профессора; 2) школа; 3) выставка даровая».

2 Жемчужников Владимир Михайлович (1830—1884) — поэт. Служил в министерстве путей сообщения.

Со своим братом, поэтом А. М. Жемчужниковым, и писателем А. К. Толстым под псевдонимом «Кузьма Прутков» опубликовал том сатирических стихотворений и изречений.

3 Боткин Дмитрий Петрович (1829—1889) — московский коллекционер, председатель Московского общества любителей художеств.

Выехав в Петербург для переговоров с А. К. Гейнсом по поводу покупки коллекции картин Верещагина от лица трех компаньонов, нарушил предварительное соглашение и условился с Гейнсом о приобретении коллекции целиком на свое имя, о чем и объявил по возвращении в Москву П. М. Третьякову. Взамен прежних условий о неразрозненности коллекции и передаче ее городу Боткин соглашался поделить коллекцию и уступить половину ее Третьякову, а другую половину оставить у себя.

П. М. Третьяков написал 3 апреля 1874 г. о сложившемся положении Верещагину в Киев. Письмо не застало там Верещагина — он получил его, после пересылки почтой в Бомбей, только в июле 1874 г. и сразу же написал Третьякову ответ с возражениями против намерений Боткина разрознить коллекцию:

«Милостивый государь Павел Михайлович,

Я вчера только получил Ваше письмо, залежавшееся в Киеве.

Делить коллекцию моих последних работ Д. П. Боткин *не имеет права*, потому что неразделяемость ее, пока она существует, было «condition sans quoi non» * её продажи — как видите, это не просто желание мое, а требование, которое я, в случае нужды, поддержу.

Что касается того, кому она была продана, то я позволю себе маленькую подробность: Вам, может быть, небезызвестно, что я хотел передать мои работы в руки правительства, но после того, что те немно-

---

* Непременное условие. — *Ред.*

гие официальные лица, которых мне довелось видеть, огулом осудили направление их, я, испугавшись того, что последует, когда мне заткнут глотку деньгами, переменил намерение, некоторые, наиболее коловшие глаза, картины уничтожил и всю коллекцию просил Гейнса передать *в Ваши руки.* В этом смысле записка моя, вероятно, сохранилась у Алекс[андра] Константиновича. Под Вашими руками я разумел на основании первых Ваших писем *Вас одних,* а после *Вас, — Вашего брата и Д. П. Боткина.*

Мне известно также, что Алекс[андр] Констант[инович] Гейнс, вступая в переговоры с Боткиным, имел в виду передать картины в руки трех поименованных лиц и если после переменил что-либо в сделке, то совершенно помимо и против моей воли. Я ничего не имею против Дмитрия Петров[ича] Боткина, но не мог бы отдать картины ему помимо Вас, ибо Вы, давно уже, в самых лестных для меня письмах, удерживали за собою право или на выбор или на все, тогда как он просил меня через брата своего М[ихаила] Петровича лишь об трех картинах. Так как все Ваши письма ко мне переданы мною Гейнсу, то и он не мог и, как верно знаю, не имел сначала других намерений.

Вот тот ответ, дорогой Павел Михайлович, который я могу Вам дать. Если дело случилось так, как Вы пишете, то в моих глазах Дмитр[ий] Петрович не может оправдаться — конечно, это не много.

Что касается альбома, то я и не думал дарить его, а отдал для неразрознивания с коллекциею в те же руки трех лиц, т[о] е[сть] Вас, Вашего брата и Д[митрия] Петровича; попал же он Боткину только потому, что он был в Петербурге представителем Вас и Вашего брата. Следовательно, подарил я его столько же вам, сколько Д[митрию] П[етровичу]. По совести, до Ваших последних писем я считал картины принадлежащими Вам троим и нераздельность коллекции, так же как её будущую принадлежность городу, считал на основании Ваших прежних писем обеспеченной.

Позвольте мне прибавить следующее: я беспокоюсь об том, что в случае каких-либо серьезных недоразумений у Вас с Д. П. Боткиным не вышло замедления в условленной уплате денег за картины; так как задержка такая была бы несчастием для меня, то имейте в виду недопущение ее, если это будет частью от Вас зависеть.

Примите уверение в моем уважении

В. Верещагин.

Я в Бомбее, начал работать, но жара и духота просто душат.

Мой адрес: Indes, Bombay, Belvedere Hill, Mazagon 9». (Архив Третьяковской галлереи.)

Возникшие разногласия вскоре уладились. Видя нарушение своих планов с покупкой верещагинской коллекции, П. М. Третьяков сообщил об этом находившемуся в Москве И. Н. Крамскому. По возвращении в Петербург И. Н. Крамской рассказал все положение дела А. К Гейнсу. Так как соглашение Гейнса с Боткиным было предварительным, Гейнс обещал Крамскому восстановить условие неразрозниваемости коллекции и продажи ее целиком трем лицам: П. М. Третьякову, Д. П. Боткину и С. М. Третьякову. Об этом И. Н. Крамской писал Третьякову 5 апреля 1874 г.: «Успокойтесь. Дела обстоят благополучно. Вот Вам отчет моего объяснения с Гейнсом. Я сказал ему прежде всего следующее: «Я воротился только что из Москвы, и меня просил Пав. Мих. Третьяков просить Вас сообщить ему условия, на которых приобретена коллекция Верещагина; я виделся с ним вчера. Перед праздниками же я получил от Павла Михайловича уведомление, что Боткин едет в Петербург от имени образовавшейся компании в Москве для приобретения всей коллекции с тем, чтобы устроить особое помещение, куда поместить, не раз-

дробляя ее, и чтобы галлерея была постоянно открыта для публики». На это Гейнс сказал: «Мне, собственно, все равно, кто приобретает коллекцию, условий еще не было заключено, но были словесные условия при третьем лице, при Жемчужникове, которые все заключались в том только, что коллекция не может быть делима, продаваема и должна быть открыта постоянно». Вот и все. На фоминой я жду Боткина, чтобы заключить нотариальным порядком эти условия». Тогда я просил позволения сообщить ему несколько подробностей, мне известных, может быть, более, чем ему, и рассказал, что слышал от Вас в общих чертах, и о письме к Вам от Верещагина, и в заключение спросил, что он думает? Тогда он сказал: «Ну хорошо же. На фоминой неделе Боткин будет, мы заключим условие, как я вам уже сказал, что коллекция не должна быть раздробляема и постоянно открыта, и тогда я сообщу копию П. М. Третьякову». Я говорю: «Вы позволите мне сообщить Павлу Михайловичу наш теперешний разговор, ваше превосходительство?» — «Хорошо, сообщите!» На этом мы расстались. Я только что воротился от Гейнса и пишу к Вам. Дело, как видите, поставлено правильно, и тревожиться Вам нет никакого повода. Надо спокойно выждать развязки. Не принимать никакого предложения о делении коллекции. Мне сдается, что Боткин неосторожно сам себя поставил в затруднительное положение. Гейнс предупрежден. Условия словесные совершенно согласны с теми, которые Вам сообщает Верещагин, только он прибавляет статью и о наследниках еще. Но ведь это согласуется с Вашими намерениями; стало быть, мне остается только радоваться такому хорошему концу, и, сообщая Вам все это, я считаю себя счастливым, что обстоятельства поставили и меня несколько прикосновенным к этой истории». (Крамской И. Н., Письма, 1862—1875, [Л.—М.] 1937, т. I, стр. 259—260.)

Несколько позже Крамской в своем письме (13 апреля 1874 г.) уточнял Третьякову положение с переговорами о покупке коллекции:

«Сейчас был у Гейнса: он просил запиской притти к нему. Дело в том, что он не написал Вам до сих пор ничего, потому что был введен в заблуждение и ждал, когда приедет Боткин, и тогда уже Вас известит. В этом он теперь кается перед Вами. Но Боткины, вероятно, вели дело, в самом деле, так, как будто не они покупают, и потому Ваше письмо последнее к Гейнсу открыло ему глаза, и он меня просил Вам телеграфировать (что я уже сделал), что Боткины по разным недоразумениям (о которых мы с Вами говорили уже) едут в Москву и будут предлагать Вам то, что Вы уже раньше им предлагали после письма Верещагина. Дела повернулись хорошо. Только Гейнс просил *меня и Вас не знать,* что Вы и я знаем все это от него (т. е. пока не знать), до тех пор, пока Боткин не явится к Вам с письмом от Гейнса, и что Вы узнаете от Боткина все это в первый раз.

Во всей этой, дурно построенной махинации, несмотря на то, что эту махинацию устроил ученик Лойолы, больше всего некрасиво положение самого Боткина. Я говорил, что он не знает, с кем имеет дело: с Верещагиным шутить нельзя. Гейнс все время думал, что Боткин — уполномоченный и только, но так как дело оказалось иначе, то оно и возвращается к своему главному хозяину. Я полагал бы, что следовало бы теперь уже не допускать Боткина даже в участие». (Там же, стр. 260—261.)

14 апреля 1874 г. состоялось соглашение об уступке Д. П. Боткиным всей коллекции П. М. Третьякову. Последний подписал Боткину обязательство, в котором обещал передать всю коллекцию верещагинских картин, после показа ее на выставке в Московском обществе любителей художеств, Московскому училищу живописи, ваяния и зодчества, с усло-

вием хранения в отдельном помещении, и произвести все расчеты с Верещагиным.

Как видно из цитированного ранее письма Перова к Стасову от 27 апреля 1874 г., Совет Училища живописи, ваяния и зодчества, а с ним и Московское художественное общество отказались от дара П. М. Третьякова. Другое художественное объединение — Московское общество любителей художеств, — которому после того Третьяков предложил в дар коллекцию картин Верещагина с условием постройки для коллекции отдельного помещения, первоначально приняло дар. Однако общество ограничилось только устройством, осенью 1874 года, в своем помещении выставки коллекции туркестанских картин и хранением их в своем старом помещении. Тем самым оно нарушило условия дара Третьякова, который требовал постройки для коллекции отдельного помещения. Таким образом, после истечения трех лет, в которые общество обязалось построить помещение, но не построило, картины вернулись к Третьякову. Он выстроил для них новые залы в своей галлерее.

Об окончательном оставлении коллекции туркестанских картин за П. М. Третьяковым Верещагин узнал из его письма, полученного только 5/17 сентября 1874 г.

Он стал сомневаться в надежности ведения его денежных дел А. К. Гейнсом. В ответном письме Третьякову (6/18 сентября 1874 г.) Верещагин называет Б. В. Стасова и В. М. Жемчужникова в качестве доверенных лиц для получения денег.

«Нет ли возможности, — пишет Верещагин Третьякову, — теперь же в счет моих денег послать в Париж по адресу: 17, rue d'Hauteville, à Monsieur Bruno Lortsch, 12 500 франков. Последний, ([то]-е[сть] Лорч), купил землю для моей мастерской и теперь горько жалуется мне, что, получивши лишь часть денег, не получает остальной, так же как и ответа на его письма.

Вы много обязали бы меня, если бы уничтожили векселя, данные на имя А. К. Гейнса, и либо подержали бы деньги у себя, либо передали бы их Владимиру Васильевичу Стасову или Владимиру Михайловичу Жемчужникову, первый живет на Надеждинской, дом Трофимова, второй в доме министра путей сообщениий.

От Гейнса с самого моего отъезда я не получил ни строки; ни об том, кто приобрел мою коллекцию, ни об том, сколько денег получено и сколько когда можно получить, я не знал до Вашего последнего письма, которое получил вчера». (Архив Третьяковской галлереи.)

[4] Речь идет о лакее генерала А. К. Гейнса, отправившем Верещагину в Индию вместо ящика с зонтиком и другими вещами для работы художника, гравировальные доски, присланные Гейнсу из Парижа для Васнецова.

[5] Тамплие — владелец книгоиздательской и торговой фирмы Гашет в Париже.

[6] Имеется в виду Выставка туркестанской коллекции картин В. В. Верещагина в Москве. В. В. Стасов внес в каталог Московской выставки, изданный П. М. Третьяковым, указанные Верещагиным замечания. По этому поводу Стасов писал Третьякову 9 сентября 1874 г.:

«По Вашему желанию, и особенно по *усиленной* просьбе В. В. Верещагина, я сделал «дополнения» к каталогу его картин. Я на это потратил немало времени и работы, и, надеюсь, не понапрасну.

Я иное исправил, другое пополнил по *английскому* каталогу, напечатанному в Лондоне, в 1873 г., для Хрустального дворца, где была выставка верещагинских картин. Год и город выставлены у меня по заметкам Верещагина.

Текст написан самим Верещагиным (иное у него рассказывается

даже от первого лица — взгляните, наприм[ер], дополнение к № 87, и т. д.), и я думаю, хорошо было бы выразить это на заглавии каталога.

Тут много интересного, остроумного, наблюдательного и т. д., а это все так редко встречается у гг. наших художников, что должно бы быть закреплено печатью, для истории искусства.

Неужто только англичане будут читать *текст Верещагина,* а мы не будем его знать? Это было бы нам стыдно.

С совершенным почтением

Ваш *В. Стасов*

P. S. Позвольте, попросить у Вас прочесть *корректуру* будущего каталога с добавлениями. Обещаюсь не задержать эту корректуру долее нескольких часов, и в тот же день, с вечерним поездом отошлю Вам ее обратно». (Переписка П. М. Третьякова и В. В. Стасова, 1874—1897, М.—Л., 1949, стр. 6—7.)

[7] Академия художеств действительно к этому времени избрала В. В. Верещагина профессором. Отказ Верещагина от этого почетного звания был продиктован желанием художника быть независимым от Академии художеств, являвшейся частью самодержавного государственного аппарата.

[8] Речь идет о проектировавшейся выставке картин Верещагина в Москве.

[9] Вероятно, имеется в виду художник академического направления Верещагин Василий Петрович (1835—1909), профессор исторической и портретной живописи (по 1894 г. член Совета Академии художеств). За исключением небольшого числа работ, содержание которых взято из действительности, его произведения были безжизненны и отмечены печатью академического шаблона.

[10] Лорч Бруно, 17, улица Отвиль, — доверенное лицо Верещагина в Париже по покупке участка для мастерской и ее постройке.

[11] Жером Жан-Леон (1824—1904) — французский живописец, представитель позднего академического искусства, автор картин преимущественно из восточной и античной жизни, отличающихся занимательностью сюжета, мастерством передачи национального пейзажа, типов, крепким рисунком и изящным гармоничным колоритом.

Работы Жерома лишены глубокого идейного содержания и проникновения в смысл исторических событий и внутренний мир человека.

В. В. Верещагин в 1864—1867 гг. работал в мастерской Жерома в Париже.

[12] Кауфман Константин Петрович (1818—1882) — генерал, руководивший с 1867 г. военными действиями по завоеванию Туркестана и бывший туркестанским генерал-губернатором. Отличался жестокостью.

Верещагин в период своего пребывания в Средней Азии числился прикомандированным к Кауфману. Однако отношения между ними были крайне сдержанными, а после того как генерал отрицательно отозвался о туркестанских картинах Верещагина, эти отношения вообще прекратились.

[13] «Отзывы английской печати о картинах В. В. Верещагина» — статья В. В. Стасова в «С.-Петербургских ведомостях» (1874, 5 апреля, № 94).

[14] «Английская книга о русском искусстве и русских художниках» — статья В. В. Стасова (без подписи) в «С.-Петербургских ведомостях» (1874, 30 апреля, № 117; см. также: Стасов В. В., Собр. соч., СПБ, 1894, т. II, отд. 3, стб. 335—344).

Статья является разбором книги известного английского художественного критика Аткинсона, побывавшего летом 1870 г. в Дании, Шве-

ции и России, — «Художественное путешествие по северным столицам Европы» (An art tour to northern capitals of Europe).

[15] По получении этого письма В. В. Стасов писал П. М. Третьякову 30 августа 1874 г.:

«Я получил два дня тому назад письмо от *Вас[илия] Вас[ильевича] Верещагина*, из Бомбея, от 1/13 августа, где, в числе многих других поручений, он просит меня обратиться к Вам с просьбой о сообщении: в каком положении теперь дело с его коллекцией картин? Изволили ли Вы уже формальным актом передать эту коллекцию учреждению, Вами избранному, или нет еще? Предполагаете ли дать ему особое постоянное помещение или поместить его до поры до времени где-либо в частном доме? Наконец, думаете ли Вы устроить вначале *отдельную*, предварительную выставку или прямо сразу откроете навсегда тот публичный вход, который постоянно составлял одну из главных целей Верещагина?

Во всяком случае, Верещагин просит меня особенно обратить Ваше внимание на две вещи:

1) Он *непременно* желал бы (как, вероятно, Вы не раз слышали и от него самого), чтоб впуск публики был *бесплатный* — как он первоначально назначал и в Петербурге, но некоторые знакомые уговорили его сделать несколько дней с платой, о чем он не переставал потом сожалеть во всех своих разговорах со мною. Он просил включить условие о бесплатном впуске даже и в продажный контракт, не знаю только; исполнилось ли это.

2) За плату же на выставке он желал бы назначить, в виде исключения, не более как *один день* в неделю, для того, чтобы «на вырученные деньги устроить школу, или полшколы в Москве, либо приобщить эти вырученные деньги к тем, которые есть уже у А. К. Гейнса от петербургской выставки и которые пойдут в Новгородское земство (приложив к ним особых 5000 руб.) для учреждения в Новгородской губернии первоначальной школы для *девочек*, или *девочек* и *мальчиков* (но никак для одних мальчиков)».

Сверх того, он поручает мне обратиться к Вам с просьбой о позволении мне: вставить в будущий *каталог* его московской выставки некоторые пассажи из английского каталога (у меня находящегося и самим им составленного), какой продавался в Лондоне, в 1872 году, во время выставки его картин в Crystal Palace...» (Переписка П. М. Третьякова и В. В. Стасова, 1874—1897, М.—Л., 1949, стр. 3—4.)

[16] Верещагин уезжал из Бомбея в Агру — крупный город в северной части Индии, знаменитый мраморными постройками (Тадж-Магал и др.).

6

К письму 26 сентября 1874 г.

[1] Туркестанская серия картин В. В. Верещагина, бывшая на выставке 1874 г. в Петербурге, первоначально запроданная Д. П. Боткину и П. М. Третьякову. Условия расчета за нее уточнены Стасовым в письме Верещагину от 25 декабря 1874 г.

[2] Имеется в виду заграничный паспорт для В. В. Верещагина.

[3] Гравировальные доски для рисунков к изданию В. В. Верещагина и А. К. Гейнса «Путешествие по Туркестану».

[4] Текст А. К. Гейнса к совместному с Верещагиным изданию.

[5] Каталог московской выставки картин В. В. Верещагина, которая открылась в помещении Общества любителей художеств (а не «любителей искусств», как ошибочно назвал его Стасов).

[6] Бобринский Алексей Павлович (1825—1894) — министр путей сообщения (1871—1874).

[7] В газете «Голос» (1874, сентябрь, № 252) было опубликовано: «Мы получили из Бомбея от В. В. Верещагина следующее письмо: М. г.! Прошу вас дать место в вашей уважаемой газете двум строкам моего за сим следующего заявления: «Известясь о том, что императорская академия художеств произвела меня в профессоры, я, считая все чины и отличия в искусстве безусловно вредными, начисто отказываюсь от этого звания. В. Верещагин. Бомбей. 1 (13) августа».

[8] Корш Валентин Федорович (1828—1883) — журналист. Редактировал: «Московские ведомости»; «С.-Петербургские ведомости» (1863—1874); «Северный вестник» (1877—1878); «Заграничный вестник» (1880—1883); участвовал в газете «Порядок» и в журнале «Вестник Европы»; издатель 15 выпусков «Истории всеобщей литературы» (1880—1883).

[9] «Петербургская газета» (Журналь де Сен-Петерсбур) — ежедневная газета, издававшаяся в Петербурге на французском языке.

[10] Знаменитый живописец Верещагин.

[11] Популярность дурного качества.

[12] Урусов Г. — литератор и художественный критик реакционного направления. Сотрудничал в газете «Современные известия».

[13] Статья Урусова была опубликована в московской газете «Современные известия» (1874, 15 сентября, № 233), в хронике, под заголовком «Москва 14 сентября». Автор, приводя заявление В. В. Верещагина, опубликованное в газете «Голос», № 251, писал:

«Все не только интересующиеся успехами отечественного искусства и успехом лично самого г. Верещагина, но и вообще «читатели» удивятся, без сомнения, заявлению художника. Беспримерное дело совершается на Руси! Отказываются от почетнейшего звания, подносимого императорскою Академиею художнику за труды, признанные достойными. Мы в затруднении: плакать или плясать нам при виде такого заявления, нового, необычайного у нас и редкого в целом свете. Нет, в самом деле, вся Россия, видно, не умеет итти ровным шагом, вся она, матушка наша, либо лежит, либо бежит.

В течение веков почти все наши и не наши художники с боя, жертвуя часто и жизнью и всем, старались достигнуть звания профессора. Потом, в недавнее время стали показывать вид, что-де неважная штука «профессор». А тут вдруг уже не равнодушие, а как-то злобная ненависть к когда-то лакомому, идеальному званию. Вникните в заявление почтенного г. Верещагина: как он отмахивается руками и ногами «начисто» от звания профессора, точно Академия холодную лягушку в пазуху ему всунула.

Что хотел выразить художник своим отказом: убедился ль он в совершенной омертвелости Академии художеств и почувствовал себя стоящим так высоко (в общем ли мнении, это еще вопрос), что ему, судя по тону заявления, показалось, будто до него и не существовало на свете ни единого *истинного* художника, зане *, по теории г. Верещагина, чин, звание, отличие суть орудия убийства искусства. Значит, все, до сих пор считавшиеся великими мастерами, но не отвергшие отличий, ничего не сделали для искусства, кроме вреда, и произведения Мик[ель]-Анджело, Рубенса, Веронезе, Пуссена и других, позднейших, годятся только на покрышки крынок с молоком. Становясь на известную точку зрения, можно будет согласиться, что отличия, чины и почет до известной степени портят; но можно ли утверждать, что порча эта действует только в области искусства?

---

* Так как. — *Ред.*

Вы хотите *свободного* искусства, *свободных* художников. Будьте свободны от предрассудков, с одной стороны, от фанатизма — с другой. Будьте оригинальны, новы в ваших произведениях, но не швыряйте за окно чужие. Чин, звание, отличия, если перед ними и под ними *не тают* и не захлебываются от удовольствия, сложа руки под живот, не могут повредить ни искусству, ни нравственному достоинству человека, ни свободе вообще.

Заявление г. Верещагина, без сомнения, произведет фурор... в обществе непризнанных гениев, свободных от труда художников, разглагольствующих по трактирам и погребкам. Всякий здравомыслящий человек будет видеть в поступке г. Верещагина, несомненно обладающего крупным талантом, редким трудолюбием и предприимчивостью, невежливый поступок по отношению к художникам-соотечественникам, вряд ли чем виноватым перед искусством за свои чины и звания, тем более пред «его ташкентско-бомбейским величеством».

[14] Стасов имеет в виду письмо Верещагина от 1/13 августа 1874 г. из Бомбея.

[15] Письмо Стасова до Верещагина дошло.

[16] В отчете Академии художеств за 1872/73 г. говорилось:

«Его императорскому высочеству, товарищу президента, угодно было предложить Совету обсудить вопрос: не следует ли конкурентов на золотые медали, вступающих в брак, лишать права на заграничное, на казенный счет, путешествие?

Приняв во внимание, что единственная цель заграничного путешествия есть усовершенствование в искусстве, что, следовательно, усиленная деятельность пенсионера требует много времени и полнейшей независимости, семейное же состояние часто отнимает возможность путешествовать и вынуждает работать не с целью усовершенствования, а единственно по нужде, для приобретения средств жизни, — Совет, имея примеры неутешительных результатов заграничного пребывания женатых пенсионеров, нашел полезным ученикам женатым, удостоенным первой золотой медали, не предоставлять права на пенсионерское содержание».

(Из речи конференц-секретаря на годичном собрании Академии художеств 4 ноября 1873 г. «Отчет Имп. Академии художеств с 4 ноября 1872 по 4 ноября 1873 г.», СПБ, 1874, стр. 3.)

[17] Статья В. В. Стасова «Отчет Академии художеств за 1872—1873 гг.» была помещена в «С.-Петербургских ведомостях» (1874, 11 августа, № 219; см. также: Стасов В. В., Собр. соч., СПБ, 1894, т. II, отд. 3, стб. 343—346). В ней Стасов в форме памфлета дал острую критику глупого решения академического Совета. Стасов писал: «Прочитав это решение, без сомнения многие пожалеют, что «разработкою этого вопроса», как сказано в отчете, «одного из многих, возникших в практической внутренней жизни Академии», Совет занялся, не обратившись наперед к общественному мнению и печати, как бывали не раз тому примеры. Без сомнения, общественное мнение... сказало бы, что «по нужде» слишком часто работают не одни пенсионеры, но и академики, и профессора, вообще всякого рода художники, без различия возраста и зависимости или независимости от Академии. Если положение неженатого человека должно было бы предохранять искусство от работы по нужде, то следовало бы издать такой закон, который вообще запрещал бы художникам (по примеру, мало утешительному, католических священников) жениться, когда бы то ни было. Далее общественное мнение сказало бы, конечно, что «независимость» и «много времени» нужны не только пенсионеру, но и всякому художнику, однакоже это не мешает художникам жениться и производить вещи усидчивые, а иногда замечательные; что всего более тратится юношами времени и денег не в се-

мейном, а в холостом состоянии; что и то и другое, время и деньги, очень часто могут быть налицо у академиков и профессоров, и однакоже все-таки могут не вести их ровно ни к чему порядочному по части искусства, так как для этого всего нужнее нечто совсем другое — дарование, любовь к делу и энергия; наконец, что в среде наших молодых художников можно показать несколько самых почетных примеров, доказывающих, что, несмотря на семейство, их талант вырастал и мужал, за границей, в их года пенсионерства» (стр. 344—345).

[18] Репин Илья Ефимович (1844—1930) писал В. В. Стасову 3/15 сентября 1874 г. из Парижа: «А как Вы их распекли!!! Как распекли!!! Браввиссимо! Как это умно, коротко, сильно, неотразимо и ясно! Прелесть!! Вчера вечером были у нас: Боголюбов, Харламов, Савицкий с женой, Беггров... и все были в восторге; я прочел всем вслух с чувством; ... Боголюбов говорил, впрочем, что в Совете было 7 голосов против этой глупости, но 11 перетянули». (И. Е. Репин и В. В. Стасов, Переписка, [т.] 1, 1871—1876, М.—Л., 1948, стр. 101.)

[19] Резанов Александр Иванович (1817—1887) — архитектор; с 1871 г. ректор Академии художеств по архитектуре. Автор проекта дворца в Ливадии, построил ряд великокняжеских дворцов, участвовал в постройке храма Христа-спасителя в Москве. По его проекту в Петербурге построено здание дворца великого князя Владимира Александровича, бывшего президентом Академии художеств (ныне Ленинградский Дом ученых).

[20] Великий князь Владимир Александрович Романов (1847—1909), с 1876 г. президент Академии художеств. Хотя формально в 1874 г. Вла-д[имир] Алекс[андрович] был только товарищем президента Академии, но фактически вел все дела президента. Несомненно, что Стасов имеет здесь в виду его.

7

К письму 5 декабря 1874 г.

[1] Год «1874» проставлен на автографе В. В. Стасовым. К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Агра, 6 декабря [н. ст.]. Петербург, 24 декабря [ст. ст.].

[2] Господин Кин, судья в Агре.

8

К письму 5/17 декабря 1874 г.

[1] Дарджилинг — небольшой городок в Северной Бенгалии, у восточной границы Непала.

[2] Слова: «Darjeeling, 5/17 декабря 1874» написаны в автографе В. В. Стасовым. К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Darjeeling, 17 декабря [н. ст.]; Петербург, 2 января [ст. ст.] 1875.

На конверте надписи В. В. Стасова: «дек. 74; Гейнс; Третьяков».

В Дарджилинг В. В. Верещагин с женой приехали из Агры, через Аллахабад и Банкипор.

Верещагины направлялись в Катманду, столицу Непала, куда получили приглашение от местного английского резидента Гердльстона. В Банкипоре, под влиянием советов местного английского чиновника, изменили свое намерение и направились в соседнее с Непалом княже-

ство Сикким. Из Агры до Банкипора ехали по железной дороге, далее — на пароходе по Гангу и на почтовых лошадях. Вещи везли в арбах на волах. В Дарджилинге Верещагины остановились и стали готовиться к поездке в горы, в Сикким.

Это путешествие описано в книге: «Очерки путешествия в Гималайи г-на и г-жи Верещагиных». Ч. I, Сикким. СПБ, 1883.

В письме к П. М. Третьякову В. В. Верещагин сообщил (5 декабря/23 ноября 1874):

«Я направляюсь теперь в Непал, и хотя пугают меня дикостью и подозрительностью непальцев, но я надеюсь так или иначе добраться до M-t Everest, высочайшей горы в Гималайях и на всем земном шаре (29 000 ф.).

Мой адрес теперь, через упомянутого Keene Esq. Judge in Agra». (Архив Третьяковской галлереи.)

[3] Горшельдт Федор Федорович (1829—1871) — художник-баталист реалистического направления; с 1860 г. — академик батальной живописи. Путешествовал по Алжиру с 1858 по 1863 г., участвовал в боевых действиях русских войск на Кавказе, выполнил много зарисовок сражений, типов и видов Кавказа. Написал ряд картин из истории завоеваний Кавказа: «Сдача Шамиля в плен» (1865), «Взятие Гуниба» (1867), «Переправа через реку», «Рыночная сцена в Тифлисе» и др.

После кавказских походов заканчивал и писал кавказские картины в Мюнхене. В. В. Верещагин познакомился там с Горшельдтом и впоследствии работал в его обширной мюнхенской мастерской над картинами туркестанской серии. Мастерская Горшельдта не была приспособлена для работы на воздухе; поэтому Верещагин тогда же устроил из досок временную открытую мастерскую за городом.

[4] Нортбрук, лорд — вице-король Индии с 1872 по 1876 г. Рекомендательное письмо к Нортбруку Верещагину нужно было вследствие того, что английские власти в Индии относились к русскому художнику с крайней недоверчивостью и подозревали в нем шпиона.

[5] Стремоухов Петр Николаевич (1823—1885) — директор Азиатского департамента министерства иностранных дел (1864—1875).

[6] Индия, Агра, г-н Кин, судья.

9

К письму 25 декабря 1874 г./6 января 1875.

[1] Стасов имеет в виду письмо Верещагина из Агры от 5 декабря/23 ноября 1874 г., с почтовым штемпелем отправления от 6 декабря н. ст.

[2] Бельведер Хилль Мазагон, № 9 — адрес квартиры В. В. Верещагина в Бомбее.

[3] На почте до востребования.

[4] Верещагин Василий Васильевич — отец художника, череповецкий помещик. Получив домашнее образование, поступил в лицей. Не окончив курса, начал службу в сенате, но вскоре вышел в отставку. Как видный помещик, владевший рядом деревень и лесных участков в Череповецком уезде, в течение девяти лет избирался предводителем дворянства уезда. Сколько-нибудь значительного влияния на воспитание своего сына — будущего художника — не имел.

[5] Уплачено за земельный участок, купленный для мастерской В. В. Верещагина в Париже.

[6] Тютрюмов Никанор Леонтьевич (1821—1877) — живописец-портре-

тист и жанрист салонно-академического направления. Писал портреты деятелей крайне реакционного лагеря и бесчисленные салонные произведения с обнаженной женской натуры. Получил скандальную известность своей клеветнической статьей против В. В. Верещагина («Русский мир», 1874, 27 сентября, № 265), в которой выступил рупором самых крайних реакционных кругов Академии художеств. В этой статье, написанной по поводу отказа Верещагина от профессорского звания, выдающийся русский баталист был обвинен в корысти, в присвоении чужого труда (Тютрюмов утверждал, будто туркестанские картины были написаны не Верещагиным, а руками нанятых мюнхенских художников) и в профессиональной безграмотности.

[7] Отказ Верещагина от профессорского звания, продиктованный стремлением сохранить свою независимость от консервативной царской Академии художеств, послужил реакционным кругам поводом для злобной травли художника. Уже само оригинальное, демократическое по своему духу творчество Верещагина, рисующее правдивую картину войны, будящее мысли народа, воспринималось ретроградами как крамола, как нарушение священных традиций искусства. Верещагинский показ «оборотной стороны» войны был расценен как нигилизм и антипатриотизм. Демонстративный отказ художника от профессорства был воспринят уже прямо как бунт против Академии, являвшейся частью государственного аппарата самодержавия. Поэтому вслед за статьей Тютрюмова стали появляться другие клеветнические статьи против Верещагина. Весь реакционный лагерь вооружился против художника, получившего, однако, сразу же могучую поддержку честных, передовых сил русского общества. Газеты и журналы в вопросе о Верещагине резко разделились на два враждебных лагеря.

Вслед за статьей Тютрюмова в газете «Новости» (1874, 28 сентября, № 208) была опубликована заметка «Происхождение картин г. Верещагина», повторяющая тютрюмовскую клевету. В заключение автор заметки со злобной иронией восклицал: «Верещагин прав, что не признает себя достойным именоваться профессором живописи!»

Несколько позднее в газете «Русский мир» (1874, 6 октября, № 274) появилось новое выступление против Верещагина. В «фельетоне» (без подписи) автор, излагая историю отказа Верещагина от звания профессора и подхватывая клевету Тютрюмова, упрекает членов Совета Академии художеств за присуждение «без оснований» звания Верещагину. «Для чего же Вы это сделали? Не для того ли, что Вы просто-напросто испугались г. В. Стасова... уступили напору общественного мнения профанов?.. Отчего же г. Семирадского вы не признали достойным профессорского диплома, а г. Верещагину поспешили поднести его? Опять-таки не оттого ли, что Вы не посмели перечить г. Стасову, которому не понравилась картина Семирадского, затем что в ней нет «реального» пота, грязи и рвани «бурлаков», нет никакого «обличения», никакой «гражданской скорби» и «гражданской идейки».

[8] Эти клеветнические выступления против Верещагина получили резкую отповедь в газете «Голос» (1874, 5 октября, № 275), в фельетоне «Художественные новости» без подписи. Газета «Голос» видела причину выступления Тютрюмова в его зависти таланту Верещагина. Доказывая лживость всех обвинений, выдвинутых Тютрюмовым, автор фельетона заканчивает свое выступление гневными словами: «...пока г. Тютрюмов не представил... осязательных доказательств, мы считаем его обличение клеветой, его разбор работ В. В. Верещагина — безграмотной и озлобленной болтовней. Мы уверены, что к этому так же отнесутся и русские художники. Мы знали г. Тютрюмова за плохого маляра разных портретов и голых турчанок, теперь же он обрисовывается и как человек,

способный печатно очернить ближнего, бросить в него комом грязи и, не краснея, говорить и писать неправду, заведомую ложь...»

[9] В. В. Стасов выступил по поводу статьи Н. Тютрюмова с письмом в редакцию газеты «С.-Петербургские ведомости» (1874, 30 сентября, № 264). Письмо гласило:

«М[илостивый] г[осударь]. В № 265-м «Русского мира» (27 сентября) помещена статья академика Н. Тютрюмова под заглавием: «Несколько слов касательно отречения г. Верещагина от звания профессора живописи». Здесь очень пространно доказывается, что «такому» художнику, как Верещагин, «всякие почетные титулы вредны, а полезны только деньги, деньги и деньги, которые он умел ловко выручать»; что во время выставки своих картин в Петербурге г. Верещагин употребил всевозможные средства, чтобы пустить пыль в глаза публике и обморочить знатоков: так, например, для этой последней цели он иные картины осветил огнем, другие — слабым светом из окон, а вообще ко всем не допускал публику близко подходить, посредством перил, и т. д.; что средством для привлечения симпатий публики г. Верещагину послужили также: бесплатный вход, продажа каталога по баснословно дешевой цене и т. д.

Я предоставляю себе рассмотреть все эти пункты подробно впоследствии, но в настоящую минуту обращаюсь к г. академику Тютрюмову со всепокорнейшей просьбой: *печатно* объяснить, на чем основано его заявление, что «в Азии написаны только этюды и сделаны карандашные заметки, а вся масса картин писалась в Мюнхене и *компанейским способом»* (особенно крупный и толстый шрифт в подлиннике), так что «в общем впечатлении осталась уже не личность г. Верещагина, а только его фирма, и после этого ему, пожалуй, и неловко было признать себя профессором».

Все эти факты я сообщаю теперь же В. В. Верещагину в Бомбей, а пока придет его ответ, я приглашаю академика Тютрюмова ответить мне как человеку, которому Верещагин, отъезжая на Восток, поручил иметь попечение о своих художественных и других интересах во время его отсутствия. Заявление г. Тютрюмова, если не будет подтверждено полновесными доказательствами, легко может быть признано злостной клеветой и подвергнуться рассмотрению суда. Я намерен исследовать это дело до последних подробностей здесь и за границей. Ведь дело идет о подлоге В. В. Верещагина и продаже им фальшивых картин.

В. Стасов

28 сентября 1874 г.»

(См. также: Стасов В. В., Собр. соч., СПБ, 1894, т. II, отд. 3, стб. 345—347.)

После опубликования этой статьи Стасов писал 1 октября 1874 г. П. М. Третьякову:

«Вы, вероятно, уже читали гнусную статью Тютрюмова про *Верещагина* в *«Русском мире»* от прошлой пятницы, 27 сент[ября] 1874, № 265, и, может быть, удивлялись сдержанности, холодности и как бы равнодушию моего письма, напечатанного вчера в *«С.-П[етер]б[ургских] ведомостях»*. Но дело в том, что я не хочу высказать ни единого своего слова негодования и ненависти, пока не заставлю это бездарное животное, Тютрюмова, высказать наперед все свои мотивы, — и потом уже пойду чесать его. Очень вероятно, что потом я начну громадный процесс, где должны будут явиться экспертами все лучшие наши художники, петербургские и московские, а также такие люди, как Вы. Сверх того, позвольте рассчитывать на Ваши показания за время посещения Вами Мюнхена и мастерской Верещагина. Думаю просить о том же

Д. П. Боткина и всех, кто бывал в Мюнхене у Верещагина. Думаю также поднять на ноги всю мюнхенскую академию и художников (на что имею все средства под руками), а наконец и *Жерома* в Париже. Но, разумеется, все это в таком случае, если процесса пожелает Верещагин. Я лично ненавижу процессы о клевете и, признаться, не желал бы такового и в настоящем случае, но, быть может, обстоятельства вынудят, потому что, судя по всем соображениям, этот несчастный идиот Тютрюмов действует не сам собой, а по *наущению* — кого, Вы и сами легко сообразите, даже по его статье. Впрочем, это пока только предположения. Но позвольте попросить Вас вот о каком еще сведении: разве правда, что пишет этот дурачок Тютрюмов, что в Москве нашлись какие-то люди, нашедшие разные недочеты у Верещагина при рассматривании его картин *без огня?* Что за чепуха!!! Таким глупостям я не хочу и верить, а впрочем, дураки могут найтись везде. Если бы, по слухам, это была правда, я бы *очень* просил Вас известить меня, кто именно и что говорит в Москве *против* Верещагина?

В случае процесса, я думаю также притянуть к ответу *«Новости»*, которых отвратиую статью от субботы 28 сентября Вы, вероятно, уже читали.

«Journal de S-t Pëtersbourg» был прежде *против* отречения Верещагина от профессорства, но про статью Тютрюмова отнесся с брезгливостью в своем № от субботы 28 сентября.

С глубоким и истинным почтением

Ваш *В. Стасов*

P. S. Вам, конечно, известно, что «отречение Верещагина» напечатал в *«Голосе»* я, так как оно *мне* сообщено Верещагиным в письме от 1/13 августа. Сначала я было думал напечатать в *«С.-П[етер]б[ургских] ведомостях»*, так как Верещагин этого хотел; но редакция отказалась, говоря, что напечатание «отказа» нецензурно и за него может достаться. В «Голосе» Бильбасов напечатал без всякого затруднения, но Краевский по возвращении из-за границы одно время боялся, чтобы ему не досталось именно за это письмо». (Переписка П. М. Третьякова и В. В. Стасова, 1874—1897, М.—Л., 1949, стр. 8—9.)

После этого Стасов опубликовал новое письмо в редакцию «С.-Петербургских ведомостей» (1874, 8 октября, № 277):

«М. г., академику Тютрюмову понадобилась целая неделя на то, чтобы отвечать на тот единственный вопрос, который я предложил ему в № 269 «С.-Петербургских ведомостей». Но, несмотря на такой длинный антракт, я все-таки не получил требованного мною ответа.

Академик Тютрюмов рассказывает мне теперь в № «Русского мира» про способ писания Рафаэля и Рубенса с их школою; советует мне, вместо расследования дела о подлогах г. Верещагина, обратиться к здешним экспертам; уверяет меня, что я и сам нахожу отказ г. Верещагина от профессорства неучтивым, и проч.

Я очень благодарен академику Тютрюмову за все его наставления, советы и сообщаемые им факты, но во всем этом я в настоящую минуту не нуждаюсь, а только еще раз покорнейше прошу его положительно объяснить *в печати*, откуда ему известно, что г. Верещагин не сам писал свои картины, и кто именно исполнял их в Мюнхене, так что «потом» от г. Верещагина осталась одна только фирма.

Все остальные заявления академика Тютрюмова мы уже и сами разберем, в свое время, без его помощи».

[10] Третье письмо В. В. Стасова в редакцию газеты «С.-Петербургские ведомости» (1874, 25 октября, № 294; см. также: Стасов В. В., Собр. соч., СПБ, 1894, т. II, отд. 3, стб. 347—348) гласило:

«М. г., академик Тютрюмов не хочет или не может мне отвечать. Я, кажется, дал ему довольно времени надуматься о вещи, должно быть, хорошо ему известной, о том: кого именно В. В. Верещагин нанимал в Мюнхене писать за себя картины? Но нет, он соблюдает строгое молчание. Должно быть, ждет: чего, не знаю. Вероятно, процесса, который авось развяжет ему язык.

Между тем я с разных сторон получаю из-за границы заявления о негодовании наших художников на выходку академика Тютрюмова. Римская наша художественная колония глубоко возмущена, парижская тоже, и, сверх того, эта последняя предлагает мне формально обратиться за разъяснениями к Жерому и другим парижским живописцам, а также к тем из наших русских художников, которые знают В. В. Верещагина и видали, как, когда и что он работал.

Но еще энергичнее всего этого письмо, присланное сюда из Мюнхена нашим известным художником профессором Коцебу. Он пишет одному здешнему профессору, для передачи мне, следующее: «К моему величайшему сожалению, только сегодня (10 (22) октября) прочитал я в «Дрезденской Газете» статью, где подробно излагается Верещагино-Тютрюмовское дело насчет того, что Верещагин заподозрен в писании картин посредством компании мюнхенских художников. Конечно, достаточно одного взгляда на картины Верещагина тому, кто хоть сколько-нибудь понимает художественное дело, чтобы ясно уразуметь, что все это писано одною и тою же рукою. Но дело идет не о моем только личном мнении, как бы оно твердо ни было: дело идет о том, чтобы как можно скорее и неопровержимее восстановить честь благородного человека. В статье «Дрезденской Газеты» я прочел, что г. Стасов (впрочем, мне вовсе неизвестный) взял на себя это дело. Я с полною готовностью протягиваю ему руку. Мюнхенское Художественное товарищество содержит около 600 художников. Пусть г. Стасов обратится к этому Обществу с полным доверием, прося их *произвести следствие.* Здесь, у нас, знают очень хорошо, клевета ли пущена про Верещагина или нет. Я с удовольствием приму на себя передачу его письма Обществу». Я с глубокой благодарностью принимаю предложение профессора Коцебу и в свое время доведу до сведения нашей публики о результатах мюнхенских разысканий. Свой же собственный взгляд на это дело откладываю до окончания этого «предварительного следствия».

[11] Тютрюмов ответил В. В. Стасову в газете «Русский мир» (1874, 30 октября, № 298). Он сознавался, что фактов у него никаких нет и что говорил он о Верещагине только по слухам.

[12] Крамской Иван Николаевич (1837—1887) — выдающийся русский художник; инициатор демонстративного выхода из Академии художеств в 1863 г. четырнадцати учеников — конкурентов на золотую медаль — в знак протеста против задания писать дипломную работу на предложенный мифологический сюжет (так называемый «бунт 14-ти»). Один из основателей и идейных руководителей Артели художников и Товарищества передвижных художественных выставок, неустанно боровшийся за развитие русского искусства по пути идейного реализма.

Произведения Крамского посвящены главным образом передовой русской интеллигенции 60—80-х годов и отличаются глубоким интересом к психологии человека.

Крамской был одним из ведущих художественных критиков своего времени, литературные произведения которого замечательны меткостью характеристик и оценок, ярко выраженным демократическим подходом к событиям художественной жизни и утверждением принципов реализма в искусстве.

Стасов называл Крамского «силачом ума и таланта» и считал его

«главным капельмейстером», «трибуном, советником, настроителем и учителем» русских художников 60—70-х годов XIX века. Он высоко ценил портретную живопись Крамского.

После смерти Крамского Стасов, кроме некролога, опубликовал статью «И. Н. Крамской по его письмам и статьям» («Вестник Европы», 1887, XI, 118—150; XII, 466—515) и книгу: «Иван Николаевич Крамской, его жизнь, переписка и художественно-критические статьи», 1837—1887, СПБ, 1888.

[13] Гун Карл Федорович (1830—1877) — исторический живописец и портретист; передвижник.

Его произведения отличаются драматизмом и жизненной правдивостью сцен, композиционным мастерством и хорошим рисунком. Известны картины Гуна из истории Франции времен изгнания гугенотов.

[14] Ге Николай Николаевич (1831—1894) — крупнейший русский художник; один из руководителей Товарищества передвижных художественных выставок. Автор портретов выдающихся современников: Герцена, Толстого и др. и картин на исторические и религиозные темы. Художник стремился отразить в своих лучших картинах идею общественного служения и долга. Для многих произведений Ге на религиозные темы характерна реалистическая трактовка изображаемых сцен. В этих работах на темы библейской истории художник стремился решить большие нравственные проблемы современности.

В поздний период Ге сближается с Л. Толстым и находится под влиянием его взглядов.

В. В. Стасов высоко ценил творчество Ге. Он опубликовал обширный биографический очерк о Ге («Неделя», 1897, I—VIII; отдельное издание: Николай Николаевич Ге, его жизнь, произведения и переписка. Москва, 1904).

[15] Мясоедов Григорий Григорьевич (1835—1911) — крупный живописец; один из инициаторов и учредителей Товарищества передвижных художественных выставок, принимавший близкое участие в руководстве его деятельностью.

Известность Мясоедов получил за свои картины из жизни русского крестьянства, выражающие горячее сочувствие тяжелой крестьянской доле. Некоторые из них носили обличительный характер, выражали суровую правду и были направлены против полукрепостнических условий русской жизни того времени.

[16] Клодт фон Юргенсбург Михаил Петрович (1835—1914) — живописец-жанрист; один из учредителей Товарищества передвижных художественных выставок.

Картины Клодта воспроизводят драматические сцены народного быта, народные типы, рисуют тяжелые сцены человеческих страданий. Наполненное гуманизмом, творчество художника носило драматический характер.

Клодт занимался преподавательской деятельностью (в Обществе поощрения художеств; в училище Штиглица) и был реставратором в Эрмитаже. С 1895 г. — член Академии художеств.

[17] Клодт фон Юргенсбург Михаил Константинович (1832—1902) — живописец-пейзажист; был в числе учредителей Товарищества передвижных художественных выставок; с 1872 г. — профессор Академии художеств по пейзажной живописи.

М. К. Клодт — один из ранних пейзажистов, реалистически изображавших русскую природу.

[18] Якоби Валерий Иванович (1834—1902) — видный художник-жанрист и исторический живописец; профессор Академии художеств. Был в

числе учредителей Товарищества передвижных художественных выставок, но в скором времени порвал с передвижниками и принимал участие на академических выставках.

Лучшие произведения Якоби написаны в 60-х годах; в них проявились демократические идеи того времени и нашла свое отражение острая наблюдательность художника.

[19] Шишкин Иван Иванович (1832—1898) — выдающийся живописец-пейзажист, рисовальщик и гравер. Один из учредителей Товарищества передвижных художественных выставок и постоянный участник его выставок.

Излюбленной темой картин Шишкина является лес средней полосы и севера России. Шишкин был одним из первых ярких представителей новой реалистической школы живописи, народившейся в 60—70-х годах прошлого столетия в противоположность академизму и отражавшей в своих картинах простую русскую природу. Шишкин создавал свои пейзажи на основе упорного изучения натуры, пристально наблюдая и правдиво передавая картины леса и поля. Он сумел выявить в обычной русской природе ее суровую величавую красоту, широкий размах и мощь. Шишкин представлял эпическую линию русской реалистической пейзажной живописи.

Стасов всегда высоко ставил творчество Шишкина. «Шишкин, — говорил он, — художник народный. Всю жизнь он изучал русский, преимущественно северный, лес, русское дерево, русскую чащу, русскую глушь. Это его царство, и тут он не имеет соперников, он единственный. Иные рисунки пером, иные гравюры, его офорт еще выше, чем картины, такова их сила, изящество и поразительная правда, такова любовь к ним автора...» (Стасов В. В. «Вот наши строгие ценители и судьи!», «Северный вестник», 1892, январь, № 1, отд. 2, стр. 84—102.)

[20] Забелло Пармен Петрович (род. 1830) — академик скульптуры. Автор многих бюстов и статуй, в том числе А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, А. И. Герцена (надгробие), Т. Г. Шевченко, семьи Кочубеев, Н. А. Терещенко и др.

[21] Чистяков Павел Петрович (1832—1919) — исторический живописец, выдающийся педагог Академии художеств, учитель многих крупнейших русских художников: Репина, Поленова, В. Васнецова, Сурикова, Серова и др. Создал целую систему обучения искусству живописи и рисунка. Эта система является крупнейшим вкладом в педагогику.

Немногочисленные произведения Чистякова характерны поисками ярких национальных типов, психологической выразительностью образов, ясностью и строгостью формы.

Старая Академия недооценивала значение Чистякова как преподавателя живописи; в течение 22 лет он пробыл заведующим мозаичным отделением Академии.

[22] Попов Андрей Андреевич (1832—1897) — живописец-жанрист. Писал народные сцены. В 1860 г. за картину «Татары нагружают чай на Нижегородской ярмарке» получил от Академии Большую золотую медаль и был направлен пенсионером за границу.

Работы, исполненные за границей, отличались незначительностью содержания и малой выразительностью.

[23] Протест перечисленных в письме Стасова одиннадцати художников был опубликован в газете «Голос» (1874, 5 октября, № 275; см. также: Стасов В. В., Собр. Соч., СПБ, 1894, т. II, отд. 4, стб 172—173). В нем говорилось: «Никогда в печати не появлялось более возмутительного обвинения, направленного против художника. Тем не менее мы, пишущие эти строки, не сочли бы себя вправе возражать академику Тютрю-

мову, если б он говорил от своего лица, а не от лица художников вообще. Подобное обобщение его мнения с мнением всех художников обязывает нас заявить публично, что мнения г. Тютрюмова нам совершенно чужды. Мы не делим ни его разочарований, ни подозрений, ни его критических взглядов и смеем думать, что Верещагин с честью может оставаться в семье русских художников, что бы ни думал о нем г. академик Тютрюмов».

Этот протест художников был опубликован по инициативе В. В. Стасова. После появления статьи Тютрюмова он написал 30 сентября 1874 г. И. Н. Крамскому:

«Не найдете ли Вы возможным, от своего имени и от имени порядочных художников, напечатать хотя коротенькое заявление о том, как на Вас подействовала статья прохвоста Тютрюмова, этого позора художников?

Пусть оно будет очень коротко, если Вам угодно, пусть оно не пускается в подробные доказательства, но оно сделает, мне кажется, всем Вам честь и даст подзатыльника еще *раньше процесса*, той гнилой партии академистов, которая водила рукой презренного Тютрюмова».

После опубликования заявления художников Стасов написал 5 октября 1874 г. И. Н. Крамскому:

«Я уже начинал терять всякую надежду на *«заявление художников»*, думал писать Вам вопросное и недоумевающее письмо — вдруг читаю сегодня утром Вашу статью в «Голосе». Вы не поверите, как я был обрадован!!! Ведь это заявление просто прелесть, что такое, и наверное с тех пор, как существуют русские художники, подобного еще не было!!!! Слава и честь Вам всем, мои дорогие, мои чудесные.

Как я теперь подумаю, что же, наконец, я-то напишу: на будущей неделе, вероятно, уже появится ответ мне от этого оберсвинтуса и прощалыги Тютрюмова. Но моя доля будет самая трудная: все так славно, так бесподобно отозвались отвращением и негодованием на мерзость, вылезшую из какой-то подземной навозной ямы. Что же мне-то еще остается?? Я бы пошел тоже, в свою очередь, ударить громовой палицей по дурацкой башке *выпущенного Академией глупца*». (Архив Русского музея).

И. Н. Крамской ответил В. В. Стасову в тот же день (5 октября 1874 г.):

«Я не могу приписывать себе, по совести, того, что случилось заявление от имени художников. Многие уже были готовы сделать и без того. Кроме того, Вы, вероятно, заметили существенную разницу между редакциями: того, что я читал Вам, и того, что напечатано. Последнюю составил молодец Мясоедов, и на ней-то можно было помирить многих. Хотя нашлись все-таки и такие, которые были бы согласны подписать только в том случае, если бы было выражено вместе с тем порицание поступка Верещагина. Хороши!!

Я совершенно нечаянно напал на источник статьи Тютрюмова. Она раньше печати читалась одному официальному лицу Академии (Иордану). Все это и многое другое я слышал от самого участника во всей этой проделке, слышал от сконфуженного и растерянного вконец, и в то время, когда я предлагал ему подписаться. Не оставляйте, ради бога, этого дела ни в коем случае.

Уважающий Вас

И. Крамской

P. S. Заявление попало в «Голос», потому что накануне было поздно, и меня не пустили к Коршу, а утром я не застал Вас дома». (Крамской И. Н., Письма, 1862—1875, [Л.—М.], 1937, т. I, стр. 287—288.)

На это письмо Стасов ответил 7 октября 1874 г.: «Сию секунду (9 ч[асов] утра) получил Вашу записку. Как, мне остановиться в деле Тютрюмова!!! Да разве это вообразимо? Только этот подлый мерзавец упорно молчит и тем связывает мои руки...» (Архив Русского музея.)

В этом же письме Стасов сообщал Крамскому о своем намерении повидаться с ректором Академии художеств, хранителем Эрмитажа Ф. И. Иорданом, надеясь от него услышать подробности о происхождении статьи Тютрюмова.

В свою очередь, Крамской отвечал Стасову 7 октября 1874 г.; «...Вы, конечно, попадете, при разговоре с Иорданом, в самое настоящее гнездо. Ведь никто другой, а именно он читал статью Тютрюмова всем профессорам на месячном экзамене, на другой день ее напечатания, и предлагал ее прочесть в Совете, как нечто такое, с чем Совет должен согласиться, и даже ему это должно понравиться. Но, чего доброго, он теперь, пожалуй, готов будет отпираться! От него и это станется! Теперь остается только ждать, что скажет Верещагин. Буду в среду утром. Мне все равно надо выйти из дому.

Уважающий Вас

И. Крамской.»

(Крамской И. Н., Письма, 1862—1875, [Л.-М.], 1937, т. 1 стр. 290).

Тогда же, 5 октября 1874 г., И. Н. Крамской писал П. М. Третьякову:

«Ведь что, в сущности, сделал Верещагин, отказавшись от профессора, — только то, что мы все знаем, думаем и даже, может быть, желаем, но у нас нехватает смелости, характера, а иногда и честности поступать так же. А между тем всякий, имеющий крест, отличие, кокарду или иное вещественное доказательство своих, часто мнимых, заслуг, чувствует себя уничтоженным и отемненным. Как же ему отдать справедливость: ведь это осудить себя, публично признаться, что вся жизнь моя есть одна сплошная ложь.

Трудно, очень трудно жить на свете. Одно, чего я от всего моего сердца желал бы, — это принять хоть какое-либо участие и долю в неприятностях по поводу Верещагина...» (Там же, стр. 288—289.)

После разговора с Иорданом Стасов сообщал Крамскому письмом от 15 октября 1874 г.:

«Я наконец сподобился увидать сегодня Иордана в Эрмитаже и уже могу сказать: наслушался всего хорошего!!! На-днях приеду к Вам утром и передам все по порядку и пространно, а покуда — вот Вам несколько слов.

Иордан признался, что Тютрюмов читал ему свою статью еще в рукописи — *но так как Иордан очень туг на ухо, то хорошенько не расслушал статью эту и даже не мог понять, что там было написано* (!!). Потом, когда Тютрюмов принес эту статью всем им, уже напечатанную, то он просто *ужаснулся,* когда прочитал ее сам. Он, равно как и Резанов, сильно *напали* на Тютрюмова и потребовали у него доказательств, но тот отвечал, что никаких других не надо, кроме тех, которые и сами собой очевидны для каждого, видящего картины Верещагина. Потом еще он, Иордан, даже уговаривал Тютрюмова, по крайней мере, съездить в Москву и посмотреть собственными глазами, чтобы было *что* отвечать на суде при вопросах о Москве. Но Тютрюмов так скуп, что не хочет ехать даже в 3-м классе! И Резанов и другие члены Совета находили, правда, *много* хорошего и справедливого в статье Тютрюмова, но все-таки признавали ее дерзкою и бездоказательною. Но, как бы там ни было, Совет порешил *не выступать* в печати. Тютрюмов прибегал к ним ко всем и умолял их напечатать что-нибудь в *его* защиту и оправ-

дание, говоря, что это ему до крайности необходимо после заявления 11 художников, и иные члены Совета желали бы ему помочь, но решили ни слова не печатать, потому что на заявление Академии тотчас последует ответ с противоположной стороны, а там и опять, и опять, и конца не будет. Притом же Ге неизменно успокаивал их тем, что не стоит обращать внимания на заявление Верещагина, потому что он может печатать, что хочет, а они (Академия) все-таки будут продолжать считать его профессором и проч., и проч., и проч...

Получил я также сегодня письмо от Третьякова из Москвы, который говорит, что публика от Верещагина в восхищении (кроме редких исключений). Из художников же довольны Верещагиным *только* Сорокин и два-три второстепенных художника, — остальные *нет*, и даже иные еще летом поговаривали о «Компанейском способе». Что же до картин, то Третьяков говорил, что те, которые были в Петербурге освещены огнем, в Москве без огня даже сильно *выиграли*, что и следовало ожидать!!... Неужели и Перов, и Трутовский, и другие все туда же?!!? Просто не верится». (Архив Русского музея.)

Упоминаемое Стасовым письмо Третьякова было написано 13 октября 1874 г.; оно гласило:

«Милостивый государь Владимир Васильевич. Простите, что так долго не отвечал на письмо Ваше от 1-го с/м. Если будет найдено нужным начать процесс против жалкого Тютрюмова, можете рассчитывать на мое показание посещения мастерской Верещагина в Мюнхене (хотя я также против подобных процессов), для чего, полагаю, не нужно будет мне являться в суд, а достаточно прислать письменное заявление; думаю, что и Боткин также не откажется. Это я мог бы сказать Вам на другой же день по получении Вашего письма, но на другой вопрос Ваш я не мог ранее сегодня собраться написать Вам. Вы очень хорошо знаете, что я относительно верещагинской коллекции нахожусь в таком положении, что мне очень трудно лично узнать истинное мнение публики и художников, и потому мне потребовалось такое долгое время, чтобы составить себе по возможности ясное понятие о впечатлении, производимом верещагинской выставкой. Выставка устроена плохо, очень сжато и неудобно размещена (по тесноте помещения устройство ее стоило больших трудов смотрителю выставки; из художников же, членов Общества, никто, как говорится, не ударил палец о палец при ее устройстве); несмотря на это, те картины, которые были освещены огнем, на мой взгляд, теперь даже выиграли, да и понятно: они писались вовсе не с тем, чтобы показываться при огненном освещении. По сегодняшний день, т. е. с 15 сентября, кончая субботой 12 октября, было всего на выставке 1579 посетит[елей], не считая членов Общества, учеников Училища живописи и ваяния и Строгановского, имеющих бесплатный вход, и не считая воспитанников всех учебных заведений и студентов, имеющих вход с платою по 5 коп.

Большей части публики произведения Верещагина очень нравятся, многие совершенно верно определяют значение этой коллекции и непритворно радуются, что она будет в Москве постоянно; многие враждебно относятся к Верещагину за то, что в этой коллекции нет бывших трех уничтоженных произведений, представленных на выставке в фотографиях, этого те лица никак не могут простить художнику. Есть, разумеется, такие, которым нравятся потому, что другие хвалят; есть, которым менее нравятся; но находят, что все-таки слава их преувеличена и что сумма, заплаченная за них, огромна; некоторым даже потому и не нравятся, может быть, что находят сумму заплаченную невероятно огромной. Все это в порядке вещей; когда плата будет понижена, тогда вернее определится мнение публики — вообще. Что же касается художников, то я не

скажу Вам, кто именно что говорит, не скажу, не желая называть имена, но, за исключением г. Сорокина да двух-трех второстепенных, никому верещагинские работы не нравятся или вовсе или же находят недочеты, и еще летом, до открытия выставки, от одного я слышал лично о компанейском способе писания.

Каталог еще не готов, и потому пока еще ничего не имею сообщить Вам». (Переписка П. М. Третьякова и В. В. Стасова, 1874—1897, М.—Л., 1949, стр. 10—11.)

Скульптор М. М. Антокольский также писал по поводу Верещагина в письме, полученном В. В. Стасовым 8/20 октября 1874 г. из Рима:

«Мой привет вам за то, что восстали за правду против лжи. Это делает вам честь и всем вашим друзьям, которые могут гордиться вами.

Известие об отказе Верещагина здесь давно известно, и, конечно, это вызвало разные толки вкривь и вкось, о которых и распространяться не стоит. Я думал, что все это болтовней и кончится. Однако, к сожалению, Петербург доказал, что когда в море поднимается буря, то у них достаточно грязи для забавы. Как только появился верещагинский отказ, поднялась стая ворон, и за то, что человек осмелился коснуться старого порядка, они привязали его к позорному столбу и прочли над ним пасквильный приговор: «Отечество в знак благодарности своему таланту». Как видно, вначале еще кипели затаенные злоба и зависть, но тогда решительно отказались отдать отчет в свое время. Но теперь, когда бездарнейший и безобразнейший циник выступил со своей нелепой статьей, доходящей до подлости, тогда многие поторопились ему поверить, чтобы высказать свою благодарность художнику, свою честь России и свой интерес к самому себе. Просто больно и стыдно за Россию, что в ее среде находится такое безобразие, и все под видом приличия. Подлость!

О Верещагине могу только сказать, что он идеалист, но, к сожалению, не практик: он не должен был сжигать своих картин, когда удостоился получить выговор, а также не возмущаться, когда поднесли ему профессуру; следовало просто не обращать внимания ни на одно, ни на другое, а продолжать свой путь. Но в подобных случаях легче давать советы, чем исполнять их, особенно истинному художнику, у которого чувство чисто и чутко. Он поступил если не практично, то благородно, и если в первом можно винить его, то во втором должно хвалить его.

Но вот что удивляет меня: до сих пор ищут причину поступка Верещагина в нем самом, между тем, если уж подняли разговор о профессуре, то следовало бы выставить причину подобного неуважения. Скажу вам чисто серьезно, что мне приятно получать или слышать одобрение моих произведений и точно так же, напротив, неприятно слышать порицание их. Но подобные приговоры важно слышать от тех, кому верю, зная их справедливость, компетентность в этом деле и, наконец, зная, что с этим мнением соединяется художественный отголосок всех. Но не такова в настоящем Академия художеств: она перестала быть авторитетом в искусстве, она более не орган общественной потребности, она идет совершенно вразрез с потребностью времени, она не может развивать ни художника, ни искусства вообще на началах истины, потому что направление ее ложно. Она придерживается того псевдоклассического направления, которое получила еще во время постройки своего дома. Вот, по-моему, где кроется разлад нового искусства с академическим. Я лично довольно жил, наблюдал и испытывал разные разности в здании Академии и после всего того могу сказать, что эти авторитеты, имеющие право признавать и не признавать профессорство как знак высшего достижения искусства, по своей вялости решительно не имеют никаких прав даже быть воспитателями молодых художников. Но при всем том, если бы

профессура назначалась даже авторитетами, то все-таки всякое звание, и в особенности профессорское, не совсем благотворно отзывается на художниках...

Очень хорошо сделало Общество художников, что заявило о том, что не разделяет гнусности Тютрюмова. Что это за болван пишет в «Русском Мире». Надо сказать, что «Русский Мир» не может нахвастаться тем, что на почве его обитает столько ворон и с плохим вкусом. Вот где он видит высоконравственные идеи: в картине Семирадского! Значит, высоконравственные личности он видит в актрисах из опереток Оффенбаха. Хвала тебе, «Русский Мир»! Отличаешься, нечего сказать!» (Марк Матвеевич Антокольский. Его жизнь, творения, письма и статьи, СПБ и М., 1905, стр. 187—188.)

И. Е. Репин 14/26 октября 1874 г. сообщал В. В. Стасову из Парижа:

«Верещагиным мы ужасно заняты (все русское общество здесь), читаем все сообща возмутительное дело! Особенно мерзкий фельетон в «Русском мире» *, который я вчера получил от Вас. Протест художников слабоват и неясен. Но мне ужасно понравился фельетон «Голоса» **; как это умно, дельно, обстоятельно и неотразимо. Не знаете Вы, кто это писал? — умница, должно быть. А Тютрюм[ов] струсил, начинает вилять. Хорош Ваш второй запрос к нему...

Если Вам понадобятся докум[енты] по делу Верещагина и из Парижа, то Вам напишут хорошо знавшие Верещагина: Боголюбов и Леман. Боголюбов возмущен ужасно и даже от Жерома хочет взять подтверждение (Жером — его, Верещ[агина], учитель был)...» (И. Е. Репин и В. В. Стасов, Переписка, 1871—1876, М.—Л., 1948, [т.] I, стр. 104.)

Тогда же, 16/28 октября 1874 г., Репин писал Крамскому:

«Какой чудесный фельетон был в «Голосе» на Тютрюмова, кто это писал? Что за умница, что это за образец критического разбора этого маранья Тютрюмова! Не знаете Вы, кто это? Я порадовался за нас. Но зато фельетон в «Русском мире», я думаю, писал сам Исеев. Читали ли Вы его? Прочтите, стоит».

Крамской ответил Репину 29 октября 1874 г.:

«Фельетон в «Голосе» был Александрова. По-моему, он ничего особенного не заключает, просто только без грубых промахов, как это часто у писателей. Разумеется, он неизмеримо лучше многих по этой части. В «Русском мире» фельетон мне тоже известен, но автора не знаю, хотя склонен с Вами вместе заключать одинаково. Но что несомненно Исеева — это ответы Гейнсу и Стасову». (И. Е. Репин и И. Н. Крамской, Переписка, 1873—1885, М.—Л., 1949, стр. 86 и 89.)

[24] Гейнс опубликовал свой протест против клеветы Тютрюмова в виде письма в редакцию газеты «Голос» (1874, 2 октября, № 272). Он утверждал, что отказ Верещагина от профессорского звания вытекал из общих взглядов художника, мнения и действия которого заслуживают большого уважения. Лживые же заявления Тютрюмова о «компанейском» способе исполнения картин Верещагина легко могут быть опровергнуты при выявлении в работах туркестанской серии оригинальной манеры, свойственной только этому выдающемуся баталисту.

[25] Коцебу Александр Евстафьевич (1815—1889) — известный художник-баталист, изображавший в своих картинах важнейшие сражения и победы русской армии. Его работы отличаются мастерством передачи боевых ситуаций, окружающей обстановки и пейзажа. Они нарядны, полны динамики, умело скомпонованы, звучны по колориту. Но при этом

---

* Русский Мир», 1874, 6 октября, № 274. — *Ред.*

** «Голос», 1874, 5 октября, № 275 — *Ред.*

главное внимание уделяется в них внешней, декоративной стороне событий.

Коцебу жил в Мюнхене, где работал над выполнением русских заказов.

[26] Мюнхенское Художественное товарищество.

[27] Статья В. В. Стасова «Окончание Тютрюмовской истории» с письмом Мюнхенского Художественного товарищества была опубликована в «С.-Петербургских ведомостях». (1874, 30 декабря, № 358; см. также: Стасов В. В., Собр. Соч., СПБ, 1894, т. II, отд. 3, стб. 348—352.) В этой статье Стасов писал:

«В № 294 «С.-Петербургских ведомостей», от 21 октября, я передавал читателям, что проживающий в Мюнхене наш профессор Коцебу предложил мне обратиться к «Мюнхенскому Художественному товариществу» (состоящему приблизительно из 600 членов) с просьбою *произвести следствие* по обвинению В. В. Верещагина академиком Тютрюмовым в том, что он не сам писал свои картины, а нанимал для того мюнхенских художников. Тотчас же я принял это предложение с искренней благодарностью, послал в Мюнхен, в переводе, статью г. Тютрюмова и протест наших художников и обязался сообщить в свое время нашим читателям о результатах с едствия.

На-днях я получил следующее официальное письмо от Мюнхенского Художественного товарищества (на немецком языке):

«Мюнхен, 30 декабря 1874.

М. г., согласно вашему желанию, Мюнхенское Художественное Товарищество произвело ближайшее расследование относительно русского живописца г. Верещагина (проживавшего здесь в 1871—73 гг.) и произведенных им здесь картин.

Г. Верещагин, во время пребывания своего здесь, был в сношениях лишь с очень немногими художниками, которые теперь все, конечно, известны нижеподписавшемуся комитету. Эти художники, равно как и находившиеся при г. Верещагине служители, заявили, что они никогда не видали у него других художников и что он никогда не пользовался чьею-нибудь художественною помощью.

Затем, мы предложили общему собранию Мюнхенского Художественного Товарищества вопрос: не известно ли кому-нибудь, чтобы кто-либо и кто именно оказывал г. Верещагину художественную помощь?

Когда же никто не отвечал утвердительно на этот вопрос, мы назначили еще 8-дневный срок, с просьбою дать ответ по этому делу; но, как и следовало ожидать, после прошествия срока не оказалось никаких сведений о помощи г. Верещагину со стороны мюнхенских художников.

Сверх того, мы можем заявить с величайшим удовольствием, что как в нашем общем собрании, так и вне его, во всех художественных кружках, сообщенный выше факт оклеветания такого высокого художника (eines so hervorragenden Künstlers), как г. Верещагин, вызвал глубочайшее негодование и что — без единого исключения — все многочисленные художники, знающие произведения г. Верещагина по фотографиям, выразили самую твердую уверенность, что характер и высокая оригинальность (eminente Originalität) этих созданий на сюжеты из ташкентской войны, решительно исключают участие всякой другой руки, кроме одного единственного мастера (jede andere Hand als die eines Einzigen Meisters in vorneherein ausschliessen).

Подписали: председатель комитета Мюнхенского Художественного Товарищества Конрад Гофф, секретарь: профессор Антон Гесс, члены комитета: профессор И. Л. Рааб, К. Кронбергер, В. Линденшмидт, профессор А. Вагнер, Вилгел, Марк, Иозеф Брандт, Д. Лангко, А. Коцебу».

Это энергическое и глубоко симпатичное заявление целой массы уважаемых европейских художников делает излишним всякое дальнейшее расследование по поводу клеветы, пущенной в печать господином академиком Тютрюмовым, и хотя одна пословица утверждает, что одному немудрому человеку гораздо легче бросить камень в воду, чем целому десятку разумных достать его потом оттуда, но на нынешний раз дело кончилось скорее и лучше, чем обещает пословица. Собственно говоря, самому г. академику я имел бы все право не отвечать, потому что он давно положил оружие и, видя, что дело принимает серьезный оборот, стал прибегать к разным плохим уверткам, а потом и прямо объявил в «Русском Мире» (№ 298), что фактов у него никаких нет и говорил он только по слухам; но я пишу теперь для того, чтобы уничтожить до самого корня и клеветнические слухи, откуда бы они и от кого бы ни шли. В своих статьях г. Тютрюмов никогда не говорил от одного своего лица; он всегда говорил «мы, художники» и вообще старался дать понять, что он не один в своем роде и что их несколько — людей, на тютрюмовский манер оценяющих талант В. В. Верещагина и открывших его *«компанейский способ работы»,* так что от самого г. Верещагина осталась *«только одна фирма»*. Переделывать у этих господ их низкий или плоский образ мысли — у меня нет ни времени, ни охоты, но я считаю себя обязанным сообщить публике несколько фактов относительно всего этого дела, быть может, ей неизвестных.

1) В. В. Верещагин осветил огнем некоторые (очень немногие) из своих картин, во время их выставки в Петербурге, потому, во-первых, что у нас дни коротки и часто серы, а ему хотелось иметь постоянно, беспрерывно, полное и удовлетворительное освещение; сверх того, в настоящее время в Европе принято освещать во многих галлереях картины огнем, именно для меньшей потери посетителями времени в продолжение дня. Так, например, не дальше как в прошлом году я видел освещенными подобным образом в Лондоне всю кенсингтонскую картинную галлерею (со включением знаменитых картонов Рафаэля) и весь музей в Бетналь-Грин, заключавший знаменитую и огромную картинную галлерею сэра Ричарда Уэллеса. Поэтому, когда г. Верещагин точно так же осветил огнем многие картины своей выставки в Хрустальном дворце (апрель 1873 года), то это никого из англичан не удивило (ссылаюсь на английские газетные статьи, переведенные мною нынешней весной в одном из нумеров «С.-Петербургских Ведомостей»). Нужно было картинам Верещагина проехать всю Европу и очутиться в Петербурге, для того чтобы нашлись гг. Тютрюмовы, называющие себя «художниками» и в своем круглом невежестве печатающие непростительные глупости.

2) Верхняя часть окон, освещавших картины Верещагина в доме министерства внутренних дел, была завешена по моему совету. Верещагин показывал мне свою выставку раньше ее открытия для публики, и я ему напомнил нынешний общепринятый в Европе способ выставления картин: это, чтоб зритель был сам в тени, а окно (боковое или верхнее) было прикрыто темным коленкором так, чтобы свет падал единственно на картину, а не на зрителей и не на комнату. В прошлом году я видел, как выставляли свои картины Гюстав Доре в Лондоне и Макарт в Вене, и потому давал свой совет на основании опыта. Верещагину понравилось мое указание, и он ему последовал немедленно же.

3) После статей академика Тютрюмова я адресовался к некоторым московским нашим художникам, чтобы узнать, правда ли, что картины Верещагина *проиграли* без огненного освещения и выказали все свои недочеты и несовершенства, до сих пор прикрытые или скраденные огнем. К сожалению, я из Москвы получил только уклончивые или двуязычные ответы и убедился, что большинство гг. московских худож-

ников не возлюбило или не поняло вовсе значения таланта Верещагина. Зато я получил самые решительные сведения от художников петербургских, которым случилось побывать в это время в Москве. Оставляя других пока в стороне, я сошлюсь хотя бы только на одного П. А. Брюллова, по назначению Академии художеств состоявшего комиссаром при нашем художественном отделе в прошлом году на Всемирной художественной выставке. Он уполномочивает меня высказать печатно, что он видел выставку Верещагина в Москве, в первые же дни ее открытия, в середине сентября: помещена она тесно, сжато, в высшей степени невыгодно, освещение плохонькое: но тем не менее даже и при таких условиях выступает наружу самым поразительным образом громадный талант автора, а картины, освещенные в Петербурге огнем, даже *сильно выигрывают* при одном дневном освещении, потому что при нем писались и рассчитаны были преимущественно на одно это освещение. Все мастерство, вся энергия, вся колоритность и весь кипучий огонь таланта Верещагина так и бросаются здесь в глаза каждому сколько-нибудь понимающему, все равно и в тщательно оконченных картинах и в быстрых, талантливых набросках.

Я до сих пор не знаю мнения В. В. Верещагина о выходках академика Тютрюмова; из последнего письма его я знаю только, что в последнее время он находился в Агре, направился в Непал и уже давно не получал моих писем, по случаю своих беспрестанных переездов по диким местностям Ост-Индии. Еще в конце ноября он ничего не знал о подвигах г. Тютрюмова; но я убежден, что когда наконец и узнает, то найдет всего более приличным — как я нахожу — не начинать никакого процесса. Дело уже достаточно разъяснилось с фактической стороны, а установившееся теперь о г. Тютрюмове и его статьях общее мнение может служить г. академику уже достаточной карой на всю остальную жизнь».

[28] Стасов обратился в Триест вследствие того, что через этот порт проходили отправления грузов из Индии в Европу, и экспедитор Юлиус Поллак, занимаясь переотправкой грузов Верещагина, должен был знать его местопребывание.

1875

10

К письму 1/13 января 1875 г.

[1] Вероятно, это были следующие вырезки: «Русский мир», 1874, 27 сентября, № 265 (Тютрюмов Н. «Несколько слов касательно отречения г. Верещагина от звания профессора живописи»); «С.-Петербургские ведомости», 1874, 30 сентября, № 269 (Стасов В. В., Письмо в отделе «корреспонденции»); «Голос», 1874, 2 октября, № 272 (Гейнс А. К., Письмо в редакцию); «Голос», 1874, 5 октября, № 275 (Заявление 11 художников); там же (без подписи, «Художественные новости». Фельетон); «Русский мир», 1874, 6 октября, №274 (Тютрюмов Н., Ответ Стасову на письмо в № 269 «С.-Петербургских ведомостей»); «С.-Петербургские ведомости», 1874, 8 октября, № 277 (Стасов В. В., Письмо в редакцию); «Русский мир», 1874, 8 октября, № 276 (Тютрюмов Н., Ответ на письмо А. К. Гейнса в № 272 «Голоса»); «С.-Петербургские ведомости», 1874, 25 октября, № 294 (Стасов В. В., Письмо в редакцию); «Русский мир», 1874, 30 октября, № 298 (Тютрюмов Н., Ответ Стасову на письмо в № 294 «С.-Петербургских ведомостей»); «Петербургский листок», 1874, 6 октября, № 195 (Влас Ловлас, «Тютрюмовщина»); «Новости», 1874; 28 сентября, № 208 («Происхождение картин г. Верещагина». Заметка без подписи); «С.-Петербургские ведомости», 1874, 30 декабря, № 358 (В. В. Стасов, «Окончание Тютрюмовской истории»).

[2] Кин, — эсквайр (эсквайр — титулование, обращение в письмах к чиновным и должностным лицам).

[3] Бомбей, до востребования.

[4] Портрет В. В. Верещагина и биографическая заметка о нем, написанная В. В. Стасовым, были опубликованы в № 1 журнала «Пчела» в январе 1875 г.

[5] Выпуски, тетради.

[6] Может быть, Стасов имел в виду обширное письмо о туркестанской коллекции Верещагина, только что полученное им из Москвы от М. М. Антокольского.

Скульптор приехал в Москву в декабре 1874 г. для работы над эскизом памятника А. С. Пушкину. Из Москвы он писал В. В. Стасову 19 декабря 1874 г.:

«Я не писал вам до сих пор по двум причинам: во-первых, каждый день я думал ехать и порешил было ехать сегодня; во-вторых, получив от Н. П. Собко письмо, где он передает о вашем желании, чтобы я сказал несколько слов о Верещагине, я охотно взялся за перо. Но должен признаться, что у меня силы нехватает, чтобы передать то впечатление, которое сделали на меня произведения Верещагина. Однако я написал и хотел было как можно скорее послать вам статью свою. Но пришлось задержать ее, потому что С. И. Мамонтов поправляет мои грамматические ошибки».

Статьи о Верещагине Антокольский не написал, а прислал Стасову свои заметки. В препроводительном к ним письме он сообщал:

«Теперь только решаюсь я послать вам мои заметки о Верещагине. Сознаюсь, что их нельзя напечатать, как разбор, даже в исправленном виде. Да я и не хотел писать статью о нем, а хотел только выразить мое впечатление и как я понимаю его.

То, что я написал, слишком лаконично, и оттого я просил бы вас облечь это в форму письма к вам. Об этом я бы очень просил вас. Еще прошу, раньше чем вы напечатаете, дайте мне ваше мнение об этой заметке...

...Здесь, как я слышал, художники не совсем довольны Верещагиным. А знаете причину? Они говорят, что у него содержания нет!!?! Как это вам нравится? (По моим заметкам вы увидите, что это совершенно наоборот). Да вообще художники теперь такой народ, что рады-радехоньки, коли оказывается случай бросить грязью в грудь своему близкому».

Заметки М. М. Антокольского о В. В. Верещагине, датированные также 28 декабря 1874 г., гласили:

«Сейчас я возвратился с выставки Верещагина и не могу успокоиться раньше, чем не напишу вам несколько слов об этом замечательном художнике.

Раньше всего я должен сказать, что по недостатку помещения картины его не расставлены в должном порядке, т. е. некоторые номера перемешаны, и таким образом утрачена последовательность и цельность впечатления. Но тем не менее почти никогда искусство не охватывало так цельно всего существа моего, как произведения Верещагина. В них я вижу, или, вернее, чувствую, все то, что могучий художник в силах был передать. Верещагин не один из тех людей, которые теоретически убаюкивают свои чувства тем, что жизнь без борьбы существовать не может и что победитель прав. Видно, что он не разделяет мнения: «Цель оправдывает средства». Он раньше всего человек впечатлительный, живущий не прошедшим и будущим, а только настоящим, и притом он художник с глубокою и чуткою душой. Ему нет дела до выводов, потому что не ими он может увлекаться, а факты настоящей жизни охватывают и поражают всю душу поэта: и чувство, и скорбь, и страдания его ярко выступают из каждой его картины. Чтобы передать все, что накипело у него на душе, ему мало было большого холста и яркой кисти. На помощь себе он призвал и другое искусство — словесность, чтобы воспеть человеческие страдания:

«Ты скажи моей молодой вдове,
Что женился я на другой жене;
Нас сосватала сабля острая,
Положила спать мать-сыра земля».

Странно, два художника из двух миров сошлись на одну дорогу. Когда читаешь эти надписи на картинах Верещагина, поневоле вспоминаешь подпись Микель-Анджело на его спящей фигуре «Ночь», которая столько раз была цитирована: «Сладко спать, а еще слаще окаменеть. Тогда ничего не видишь и ничего не слышишь, — вот мое желание, мое счастье... ах, говори тише...» Между этими двумя художниками есть что-то общее если не в искусстве, то в их внутренней жизни.

Да это иначе и не могло быть: человек-художник, который горячо чувствует, а не холодно рассуждает, очутился в варварской стране, где зверские поступки человека заглушают чувство справедливости. Его поражала продажа детей, подземный «клоповник» и сотни подобных явлений. Он стоял в бою грудью против вражеских пуль; перед ним

разыгрывалась трагедия войны во всей своей наготе, и это все под чистым и бесконечным небом, под божескими лучами солнца, обогревающими пятна человеческой крови

Первые тринадцать картин, самые большие по размеру и сильнее выполненные, посвящены одной и той же идее и кончаются апофеозом войны. Эта последняя, впрочем, сильнее по мысли и по чувству, чем по художественной форме, но тут-то оно и простительно, потому что эта картина есть не что иное, как занавес, опускающийся после продолжительного спектакля.

Часто я слышу возражения как от любителей искусства, так и от специалистов, которые составляют себе понятие об искусстве более по традициям, чем по собственным чувствам. «Это не искусство, — говорят они, — потому что картины эти не представляют ничего благородного и высокого». Зачем так узко смотреть на искусство, что только высокое и благородное оно должно создавать? — Искусство есть не что иное, как выражение ощущений души во всех ее фазисах. Задача художника: вызвать эти ощущения в художественной форме. Если художественное творчество не застывает на оболочке глаза зрителя, а достигает внутри человека глубоких ощущений, каковы: смех, плач, радость, печаль и т. д., если творчество завлекает зрителя в область действительности, опоэтизированной художником, так, что он перестает видеть краски, композицию и весь остальной механизм художника, тогда творец торжествует — он достиг своей цели! От степени интеллигенции художника зависят выбор сюжета и самый взгляд на искусство. Чем более он развит, тем шире горизонт его и тем глубже и вернее он чувствует.

Всматриваясь в первые тринадцать-пятнадцать картин Верещагина, не знаешь, которой из них отдать преимущество. Почти все одинакового достоинства. Но после того возбужденного состояния, в котором находишься среди этих произведений, поневоле отдыхаешь у «гробницы святого»... В ней чувствуешь что-то загробное, где двери жизни закрываются перед тобой — все там спокойно, величаво и молчаливо... и вместе с тем какая-то таинственная сила ласкает и манит тебя... куда? Почти всю картину занимает гробница в чудном архитектурном мавританском стиле, и только в стороне стоит небольшая группа хивинцев с понуренными взорами и с чувством благоговения: они пришли воздать благодарность за победы. «Хвала тебе, бог войны! Нет бога, кроме бога, нет бога, кроме бога».

Нужно удивляться тонкости художественного такта, который он вложил во все произведения свои, а в эту картнну в особенности. Размеры, пропорции, композиции — все это вместе соответствует одному и тому же поэтическому настроению. Сюда не хочешь ничего прибавить, ничего убавить, нигде не чувствуешь малейшей неловкости, ничего искусственного, и при всем том кисть необыкновенно сильна и легка, и, несмотря на пестроту восточных костюмов, картины цельны и гармоничны. При всем том всякое содержание соответствует своему размеру картины. Я не знаю, сознательно ли это делал художник, но его две большие картины противоречат этому: «Воины у двери Тамерлана», которая есть самая сильная по живописи, вторая — «Нищие у дверей мечети», ведущие войну с докучливыми насекомыми. Впрочем, в последнем произведении, может быть, и есть содержание, но не ясное, да и вообще не поэтичное.

Отбрасывая эти два спорных пункта, Верещагин остается везде один и тот же, даже в картине «Подземный клоповнннк», которая больше всех по размеру и слабее всех по исполнению. Но тут размер картины своеобразен, и вся она сильно действует на зрителя. Здесь художник хотел выразить всю глубину и мрак, куда спускали несчастных по веревке — тут есть что-то дантовское.

Мимоходом замечу одну странность. Многие упрекают Верещагина в неэстетичности, ужасаются, что он позволил себе показать кровь на картине. Положим, что это, может быть, и правда. Но в таком случае, каким образом мы так равнодушно и даже с увлечением смотрим, в живописи, — на баталии, которые вообще без крови не происходят? Каким образом юное поколение воспитывается на сюжетах: «Разрушение Иерусалима», «Смерть Патрокла», «Убиение младенцев» и на сотнях подобных же сюжетов? Не оттого ли это, что часто мы рождаемся кривыми, вокруг нас все криво, но мы этого не замечаем: «привычка — вторая натура». Главной заботой художника было достичь цельности впечатления своим творчеством, и оттого в сюжетах, где участвуют двигающиеся предметы, как, например: «Смертельно раненный», «Высматривают», и т. д., — в них видна какая-то торопливость кисти, точно эти картины не окончены. (Сознательно ли он это сделал или по чувству — в это я не вхожу, а говорю, что вижу.) Но дело в том, что этим он хотел передать, и передал, самое движение фигур. Когда перед вами кто бежит, вы не можете рассмотреть деталей и видите только общее. Этот оригинальный прием художника становится яснее, когда всматриваешься в другие его картины, где предметы не двигаются: — тут художник заботится и о детальности и о цельности и с одинаковой любовью выполняет и то и другое.

После целого ряда картин большого размера идет у Верещагина еще и другой ряд картин — картины малого размера. Они имеют этнографический характер, и в них тот же художник и поэт.

Затем идет множество этюдов, писанных масляными красками и рисованных карандашом, — и везде чувствуется одна и та же рука.

Передавши вкратце впечатление, произведенное на меня картинами Верещагина, я должен еще указать на два существенных их недостатка. Главное, что среди этого множества картин нет разнообразности времени дня. В них нет ни восхода, ни утра, ни вечера, ни ночи, а почти все, за исключением только двух картин небольшого размера, представляют все один и тот же характер дня. Потом кисти рук почти везде страдают неоконченностью. Тут же прибавлю, что в некоторых мертвых фигурах, которые, впрочем, на картинах играют второстепенную роль, чувствуется манекенность.

Затем остается только пожелать творцу этих картин, чтобы он указал нам и на другую сторону жизни человека. Если история его есть не что иное, как история борьбы добра со злом, то рядом со злом существует и лицевая сторона человека — светлая, высокая, которая поддерживает нас в минуты невзгоды и на которой зритель мог бы отдыхать после вседневных волнений

Без сомнения, явление Верещагина есть явление болезненное, но необыкновенно сильное и поэтичное. И если кто изучал искусство, если кто признает, что искусство есть вернейший барометр времени, тот не станет упрекать творца в односторонности и, быть может, поневоле остановится и задумается над ней».

На следующий день, 29 декабря 1874 г., Антокольский опять писал Стасову:

«Сегодня был у меня день отдыха, и оттого я мог посетить выставку Верещагина в третий раз. И вот что я должен прибавить: что на этот раз он еще больше понравился мне, особенно по силе краски, но зато в деталях рисунка он хромает.

Что касается до разнообразия кисти, в которой слепцы упрекают его, то, по-моему, это чистейший вздор! Эти господа, по зависти ли или по узости понятий, не понимают или знать не хотят, что все это было сделано не в 3 года, как они утверждают, а в 6 лет (как это видно по

каталогу): в подобное продолжительное время манера кисти может меняться не один раз; но в картинах Верещагина (если всматриваться хорошенько) и перемены-то в кисти не заметно. Я думаю, что эти господа не поняли, что Верещагин работал более по чувству, чем по художественным традициям или формулам. У него есть разнообразность в характере письма, т. е. некоторые его картины очень окончены, а некоторые наоборот. Но об этом я говорил в моей заметке, а именно, что оконченность является у него только в недвигающихся предметах, между тем как в движущихся — наоборот. Обо всех этих деталях, я думаю, и спорить нечего, особенно с такими молодцами. Хочу в этом стать выше и не заводить брани с собаками. Думаю, что беспристрастная оценка его произведений дает автору вернейшее и достойнейшее место. Если не поздно еще, то я бы хотел переменить в заметке моей одну фразу, где я говорю о рисунке. Там у меня сказано, что: «кисти рук страдают у него своей неоконченностью», потом — «что в некоторых мертвых фигурах чувствуется манекенность». Все это надо вычеркнуть и прибавить: «Вообще рисунок у Верещагина нетверд, там, где являются тела: особенно слабая, хотя эффектная картина — это «Продажа ребенка».

Я должен сказать вам, что эта картина больно не нравится мне во всех отношениях».

(Марк Матвеевич Антокольский. Его жизнь, творения, письма и статьи, СПБ и М., 1905, стр. 197, 200—204.)

Заметки Антокольского о Верещагине опубликованы не были. Они вошли только в собрание его писем. Стасов в некоторых деталях считал отзыв Антокольского неправильным.

11

К письму 11/23 февраля 1875 г.

[1] На автографе рукой В. В. Стасова надпись: «1875. Получено 20 марта». На приложенном к письму конверте пометки рукой В. В. Стасова: «11 февр[аля] 1875; охота на обезьян; путешествие; Тютрюмов».

Письмо написано в Гималайях, около монастыря Ратлам, на пути из Дарджилинга в Томлонг — главный город Сиккима. Из Дарджилинга Верещагин с женой выехал 28 декабря 1874 г.

Во время пути Верещагин посещал буддийские монастыри Пемиончи, Чангачелинг, Добди, Тассидинг, где рисовал монастырские здания и их служителей — лам — и наблюдал местные обычаи и празднества.

Из Пемиончи было предпринято восхождение на гору Канчинга (Канчинданга, 8580 метров), в частности на вершину Джонгри, едва не окончившееся катастрофой. Путешественники поднялись на высоту 4300 метров. Носильщики покинули художника и его жену. Верещагины, оставшись без пищи и топлива, чуть не замерзли в горах.

Этот этап путешествия описан в книге «Путешествие в Гималайи», стр. 25—70.

[2] Сикким — маленькое княжество на севере Индии, площадью в 7298 квадратных километров, с 60 тысячами жителей. Главные города — Чанток и Томлонг.

Магараджа Сиккима Тотуб Намче родился в 1860 г., вступил в управление княжеством в апреле 1874 г.

[3] Далее несколько строк, зачеркнутые Верещагиным: «рисунком, эффектом письма, золотом рамы и проч., а самою сутью картины».

[4] Верещагин на пути из монастыря Тассидинг к монастырю Ратлам, последнему этапу перед Томлонгом, встретил горячие серные источники, примитивно эксплоатировавшиеся ламами.

[5] Характерен интерес Верещагина к присужденной ему на Венской выставке медали и желание ее получить, а также его привычка фотографироваться в костюме с георгиевским крестом.

Эти факты говорят о том, что, повидимому, отказ Верещагина от профессорства имел основной своей причиной его отрицательное отношение к старой полуфеодальной, царской Академии художеств и ее чиновному профессорскому составу.

[6] Монастырь Ратлам.

[7] Елизавета Кондратьевна — первая жена В. В. Верещагина. Автор книги, написанной на немецком языке: «Очерки путешествия в Гималайи г-на и г-жи Верещагиных». СПБ, 1883. Перевод книги сделан В. В. Верещагиным.

12

К письму 13/25 марта 1875 г.

[1] Повидимому, Верещагин не знал числа, когда писал это письмо. В автографе В. В. Стасовым проставлен год «1875».

Судя по почтовому штемпелю, письмо отправлено 13/25 марта 1875 г.; в Бомбее оно было 29 марта н. ст. и в Петербурге 9/21 апреля 1875 г. Письмо датируется нами по почтовому штемпелю.

[2] Верещагин имеет в виду упоминание в статье Стасова «Окончание Тютрюмовской истории» («С.-Петербургские ведомости», 1874, 30 декабря, № 358) о том, что в Лондоне «Верещагин точно так же осветил огнем многие картины своей выставки в Хрустальном дворце» (Стасов В. В., Собр. соч., СПБ, 1894, т. II, отд. 3, стб. 350.)

[3] Верещагин говорит о статье Тютрюмова «Несколько слов касательно отречения г. Верещагина от звания профессора живописи» («Русский мир», 1874, 27 сентября, № 265).

[4] Это 13 вырезок из газет — от статьи Тютрюмова до заключительной статьи Стасова от 30 декабря 1874 г., — присланных Верещагину Стасовым в письме от 1/13 января 1875 г.

[5] Рисовальная школа Общества поощрения художников, где Верещагин начал заниматься рисованием в 1858 г.

[6] Академию художеств (Ecole des beaux arts, т. е. Школу изящных искусств), где Верещагин был учеником Жерома.

[7] «Таймс» — наиболее распространенная старая английская газета, орган консерваторов.

[8] «Tour du monde» («Вокруг света») — французский журнал путешествий, для которого В. В. Верещагин написал очерки с иллюстрациями «Путешествие по Кавказу и Закавказью» (1868) и «Поездка по Средней Азии» (1873).

[9] Серяков Лаврентий Авксентьевич (1824—1881) — выдающийся русский гравер по дереву, один из наиболее замечательных в европейском искусстве ксилографов своего времени. Воспитанник Академии художеств, с 1864 г. академик. Автор ряда гравюр, главным образом портретов, исполненных им по собственным рисункам. Основные работы Серякова воспроизводят живопись и иллюстрации крупнейших русских и

иностранных художников. Серяков в гравюре передавал с необычайной тонкостью и мастерством не только рисунок оригинала, его светотеневое построение, но и характер его живописи. Гравюры Серякова, печатавшиеся в иллюстрированных изданиях (1846—1880), явились средством широкой популяризации искусства. Серяков создал целую школу русских ксилографов. Его учеником был В. В. Матэ.

[10] Гравировать доски, нарисованные В. М. Васнецовым с картин и рисунков Верещагина к очерку о поездке по Средней Азии.

[11] Гехт Вильгельм (1843—1920) — крупный представитель немецкой ксилографии. Работал в Лейпциге, Берлине, Штутгарте и позднее (1869—1912) в Мюнхене, где посещал Академию художеств. Успехи организованного им ксилографического предприятия в Мюнхене и его личные работы доставили Гехту прочную славу искусного гравера. Воспроизводимые Гехтом живописные работы крупных мастеров (Ван-Дейк, Менцель, Пилоти, Каульбах и др.) отличались ясностью в форме, точной и свободной передачей.

[12] Шувалов Петр Андреевич, граф (1827—1889) — крупный царский чиновник, с 1875 г. — русский посол в Лондоне. Был представителем России на Берлинском конгрессе. Рекомендации Верещагину Шувалов давал как русский посол в Англии.

[13] У Верещагина бывало до 25 носильщиков одновременно.

[14] Изданные В. В. Верещагиным у Беггрова два альбома работ художника.

[15] Вероятно, имеется в виду гравер Гехт.

[16] Исеев Петр Федорович (р. 1831, дата смерти неизвестна) — конференц-секретарь Академии художеств с 1868 по 1889 г. Был осужден по делу о злоупотреблениях в денежных делах Академии и сослан в Сибирь. Существует предположение, что осуждением Исеева были прикрыты злоупотребления со средствами Академии, допущенные одним из великих князей.

Верещагин находился с Исеевым в переписке. Ряд писем Верещагина к Исееву хранится в Государственной библиотеке им. В. И. Ленина в Москве.

13

К письму — конец марта 1875 г.

[1] На автографе надпись В. В. Стасова: «1875. Получено апреля 15/27».

[2] «Таймс оф Индия» — газета, выходившая в Индии на английском языке.

[3] Об этом Верещагин писал П. М. Третьякову:

«Гималайи, март 1875 года.

Милостивый государь Павел Михайлович,

Будьте так добры, векселя на остальную сумму передать Льву Михайловичу Жемчужникову, который берет на себя труд выслать мне деньги в случае надобности. Я просил уже Льва Михайловича передать эти деньги на хранение в банк.

Прошу Вас, Павел Михайлович, принять уверение в моем искреннем уважении

В. Верещагин

Я извещен из Бомбея о получении там для меня денег 2000 фунт[ов] — благодарю Вас». (Архив Третьяковской галлереи.)

[4] Упоминаемой в письме газетной вырезки о Пашино не оказалось.

[5] Одепур (Удайпур) — город в Западной Индии.

14

К письму около 12/24 апреля 1875 г.

[1] На автографе надпись В. В. Стасова: «Получено 1 мая 1875». Письмо написано в Агре в начале апреля 1875 г. К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Агра, дата неразборчива; Бомбей, 15 апреля 1875 г.; Петербург, 1 мая 1875 г. Письмо датируется нами на основании почтовых штемпелей. На конверте надпись В. В. Стасова: «В[ерещагин] заподозрен в шпионстве».

[2] Краевский Андрей Александрович (1810—1889) — известный журналист и журнально-газетный предприниматель. Издавал «Литературную газету», «Отечественные записки», «С.-Петербургские ведомости», «Голос».

Будучи сам человеком колеблющихся либеральных взглядов, в ряде случаев явно беспринципным, Краевский привлек, однако, в «Отечественные записки» в качестве сотрудников передовых деятелей русской культуры, в том числе В. Г. Белинского, которого сильно эксплоатировал, А. И. Герцена и др., благодаря чему в 1840-х годах этот журнал был передовым демократическим органом.

[3] В выходившей в Индии газете «Пионер» была помещена статья, в которой было высказано подозрение, будто бы Верещагин путешествует по Азии со шпионскими целями, изучая пути для проникновения русских в Тибет и другие азиатские страны.

В упоминавшейся уже книге «Очерки путешествия в Гималайи» об этой статье написано: «В Алахабаде нам попался нечаянно № Pioneer'a с корреспонденцией из Дарджилинга, где вместе с любезностями насчет таланта и энергии моего мужа высказывалась уверенность, что он *«недаром* рисовал горы, ручьи и горные проходы!» (стр. 86).

[4] Беггров А. — владелец художественного магазина в Петербурге и торговец картинами.

[5] Альбомы с рисунками В. В. Верещагина, изданные у Беггрова.

[6] Об этом Верещагин предупреждал и П. М. Третьякова в своем письме к нему из Кашмира от 10 апреля 1875 г.:

«Милостивый государь Павел Михайлович,

Сколько помнится, я Вам отвечал на Ваше письмо. Деньги пришли — об этом я извещен из Бомбея [. . . .].

Пожалуйста, не взыщите, уважаемый Павел Михайлович, если я не дозволю Вам видеть моих этюдов в том виде, как они теперь находятся, краски все пожухли, полотна перекоробились и доски потрескались, хотя я знаю, что Вас следует исключить из числа любителей картинной мебели, но все-таки самым положительным образом *не дозволяю* Вам видеть их раньше, чем они будут в порядке. Благодарю Вас . . . . . . за Ваше участие и прошу Вас принять уверение в моем искреннем уважении

В. Верещагин

Работы мои, у Вас находящиеся, — без *рам* и в разрозненном виде, обрывками — не посылайте на выставки, где бы они ни были, — пожалуйста». (Архив Третьяковской галлереи.)

[7] Из Агры Верещагин уехал в Кашмир — горную страну на северо-

западе Индии, граничащую с Афганистаном и Китаем. Оттуда он направился в западный Тибет.

[8] Стасов писал о получении этого письма П. М. Третьякову 4 мая 1875 г.:

«Многоуважаемый Павел Михайлович, *Лорч* пишет мне, что получил посланные ему (от Вас) 13 000 фр. за счет Вас. Вас. Верещагина, и я уведомляю Вас об этом на тот случай, если Лорч сам Вас не уведомил. Если нужно, передайте, пожалуйста, это и Льву Михайл[овичу] Жемчужникову.

Верещагин пишет мне, что приехал назад в Агру и оттуда направляется в *Кашмир,* а при этом случае посылает уже мне свою порцию картин, но опять со строгим запретом показывать их. Впрочем, если хотите, я про них *расскажу* Вам кое-что в нескольких словах, как человеку, столько ценящему Верещагина. Что касается до *Верещ[агина]*, то в первом же письме я сильно *напущусь* на него за то, что он так неделикатно поступил с Вами в последнем своем письме и не нашелся написать ничего помилее и полюбезнее, кроме простого и сухого распоряжения о деньгах!!

Это скверно, и меня сердит. Я ему дам *нагоняй* и сильный.

Ваш *В. Стасов»*...

(Переписка П. М. Третьякова и В. В. Стасова, 1874—1897, М.—Л., 1949, стр. 15—16.)

15

К письму 22 апреля 1875 г.

[1] Письма 11/23 февраля, 13/25 марта и 15/27 апреля 1875 г.

[2] Имеется в виду снятие с выставки в Петербурге картин: «Забытый», «Окружили» и «Вошли» и их уничтожение Верещагиным.

[3] Потапов Александр Львович (1818—1886), генерал, крупный царский чиновник. В 1874—1876 гг. был начальником III отделения и шефом жандармов.

[4] Брюллов Павел Александрович (1840—1914) — живописец-пейзажист и портретист, архитектор, действительный член Академии художеств, с 1872 г. — участник передвижных выставок.

[5] Речь, несомненно, идет о большой работе В. В. Стасова, давно задуманной им книге «Разгром» (Carnage général), в которой он намеревался произвести критическую переоценку всех понятий и канонов, установившихся в искусстве.

Мысли, составлявшие основу будущей книги Стасова «Разгром», он высказывал уже в начале 60-х годов.

О задуманной книге Стасов в 1873 г. сообщил Репину, который писал ему 5 ноября того же года из Парижа: «...пора Вам... оканчивать книгу Вашу, которую очень часто, по намекам, я стараюсь вообразить себе мысленно. Авось доживем и прочтем». (И. Е. Репин и В. В. Стасов, Переписка, [т.] I, 1871—1876, М.—Л., 1948, стр. 78.)

О своей работе для этой книги В. В Стасов писал 17/29 августа 1875 г. Д. В. и П. С. Стасовым из Парижа: «Особенно я тут наработал на нынешний раз очень много для будущей книги, т. е. написал-то я ровно нуль, нет пока нового ни единого слова, но материалов понахватал в самых разных родах пропасть, и самых для меня важных, конечно, не исторических, не фактов, не цифр, а... ну, словом, всяких, какие только

мне были нужны и из-за которых меня сюда и тянуло». (Архив Института литературы Академии наук СССР. Частично опубликовано в книге: И. Е. Репин и В. В. Стасов, Переписка, [т.]I, 1871—1876, М.—Л., 1948, стр. 237.)

Про «Разгром» Стасов писал Л. Н. Толстому 31 мая 1896 г., прося разрешения прочитать ему 1-ю и 2-ю главы своей работы; в этом письме он говорил: «...более 30—35 лет об этом думаю денно и нощно». 1-я глава «должна трактовать о том, что именно нам всем мешает справедливо, чисто и ясно смотреть на художественные создания и на художников»; во 2-й главе «порассмотрю.. что именно мешало народам и художникам быть тем, чем они по натуре и по лучшим способностям могли бы быть... и уже после этих *двух вступительных глав* пора уже будет приняться за рассмотрение самых произведений, всего созданного за долгие столетия. Таким образом, мне хотелось бы произвести всеобщий смотр, но это не в виде парада, где все в чистеньких мундирчиках с иголочки... а попроще и подельнее, когда старую перину перетряхают за все концы и оттуда сыплются блохи да вши, — и чтоб заменить эту перину, хотя бы и крытую атласом и кружевами..., простым, но здоровым и свежим, свежим и плотным матрасом». (Лев Толстой и В. В. Стасов, Переписка, 1878—1906, [Л.], 1929, стр. 169—171.)

Стасов возил к Л. Н. Толстому и читал ему эти две первые главы. Они понравились Льву Николаевичу; но после смерти Стасова рукописи 1-й и 2-й глав пропали.

В дальнейшей переписке с Толстым Стасов неоднократно возвращается к «Разгрому».

В письмах последних двух лет, до кончины, Стасов писал Толстому: «Ведь я нынче только и живу, что надеждой сделать то, что задумал столько лет назад, — свой «Разгром». Затеян он так давно, так давно! Я окружен миллионом бумажек, больших и маленьких, листков и обрывков, на которых по нескольку слов начерчено то дома, то в вагоне, то среди ночи, нечаянно проснувшись, то в гостях где-то, среди всяческих разговоров. Это словно мои амбары с грудой наготовленных многими годами кирпичей» (8 августа 1904 г., там же, стр. 353—354). «...как мне хотелось съездить еще раз, вероятно, в самый последний раз, в Европу, *налево от нас*, во все ее музеи, церкви, коллекции и галлереи, и последним глазом убедиться, прав я или нет, нападая, как на *врагов и тунеядцев*, в своем «Разгроме» на миллионы их «красот», «гениальностей», безбрежных «совершенств», чествуемых совершенно понапрасну в продолжение тысячелетий миллионами людей, как что-то дорогое, несравненное, недостижимое и обязательно родственное для всего рода человеческого» (14 апреля 1906 г., там же, стр. 397).

Книга «Разгром» осталась ненаписанной. В архиве Стасова в Институте литературы Академии наук СССР в большом количестве сохраняются предварительные черновые материалы для этой работы.

[6] Иллюстрированный журнал «Пчела» издавался в 1875—1878 гг. Во главе его стоял художник М. О. Микешин; художественным отделом заведовал историк искусства и художественный критик А. В. Прахов.

В «Пчеле» (1875, № 1, стр. 13—15) Стасов напечатал статью: «Художник В. В. Верещагин» и опубликовал его портрет, а также рисунок «Политики в опиумной лавочке в Ташкенте».

[7] Во главе.

[8] Стасов говорит о своей статье «Илья Ефимович Репин» («Пчела», 1875, № 3, стр. 41—42), в которой он восторженно отзывался о таланте Репина и описывал его главные произведения. В статье Стасов привел также выдержки из адресованных ему из-за границы в 1873—1874 гг. писем И. Е. Репина. В этих письмах Репин сообщал Стасову, что, в

отличие от многочисленных своих предшественников-пенсионеров, восторгавшихся Римом, он нашел этот город скучным и неинтересным. Репин говорил, что ему не понравились многие старые итальянские художники, в том числе Рафаэль, а также и современные французские живописцы. Искусство последних Репин находил малосодержательным.

По поводу этой статьи Репин писал Стасову 11 апреля (н. ст.) 1875 г. из Парижа:

«Я так был сердит на Вас, Владимир Васильевич, что даже не мог писать Вам до сих пор, Вы знаете за что: сердит я даже за статью Вашу обо мне, которая мне показалась похожей на рекламу, и зачем Вам писать обо мне!»

«...за письма мои я так сердит, что готов сейчас же разругаться с Вами... Неприятность эту усугубили мне некоторые знакомые разными намеками, особенно тургеневская компания... (И. Е. Репин и В. В. Стасов, Переписка, [т.] I, 1871—1876, Л.—М., 1948, стр. 110.)

Статья Стасова с цитатами из писем Репина послужила поводом к многолетним ожесточенным нападкам как на Стасова, так и на Репина. Реакционные и либеральные газеты обвиняли Репина в нигилизме, а Стасова — в дурном влиянии на молодых художников. От Репина издевательски требовали картин, которые были бы во всех отношениях выше рафаэлевских. Между тем смысл писем Репина заключался в том, что он восставал во имя реализма против традиционного, безоговорочного преклонения перед зарубежным классическим искусством как перед образцом, которому необходимо рабски следовать и которым можно только восхищаться.

[9] Репин Илья Ефимович был пенсионером Академии художеств за границей.

[10] Тургенев Иван Сергеевич (1818—1883) — великий русский писатель.

Стасов был знаком с Тургеневым, переписывался с ним, ценил его как замечательного писателя. Однако во взглядах на изобразительное искусство и музыку Стасов расходился с писателем и постоянно с ним спорил. Приверженец классических традиций в искусстве, Тургенев недооценивал творчество молодой реалистической школы русской живописи, в том числе Репина, а также композиторов-«кучкистов», которых горячо поддерживал и защищал Стасов.

Свое знакомство и свои споры с Тургеневым Стасов описал в статье «Двадцать писем к И. С. Тургеневу и мое знакомство с ним» («Северный вестник», 1888, № 10).

[11] Стасов написал письмо в редакцию газеты «Голос», опубликованное 11 марта 1875 г., в № 70, в котором сообщал о модели памятника А. С. Пушкину работы Антокольского. В этом письме Стасов подробно описывал модель и давал ей высокую оценку. Модель памятника Пушкину была исполнена Антокольским в связи с конкурсом, который проводился в Петербурге в 1873—1874 гг. Однако работа Антокольского несколько опоздала и прибыла в Петербург только в 1875 г.

Проект Антокольского был оригинален и необычен. Он изображал фигуру великого поэта, сидящего на скале. По вырубленным в скале ступеням к Пушкину идут персонажи его произведений.

Письмо Стасова в «Голосе», защищающее проект Антокольского, вызвало ряд возражений. Многие критики, в противовес точке зрения Стасова, выступили с защитой других проектов памятника Пушкину. В связи с этим Стасов опубликовал два новых письма в редакцию «Голоса» (1875, 16 марта, № 75, и 20 марта, № 79) с возражениями критикам Антокольского.

[12] Это, четвертое, выступление Стасова против критиков проекта Антокольского было опубликовано в газете «Голос» (1875, 20 апреля, № 117; см. также: Стасов В. Б., Собр. соч., СПБ, 1894, т. I, отд. 2, стб. 511—520).

[13] Стасов говорит о карикатуре под названием «Ценители искусства», помещенной в журнале «Развлечение» (1875, 14 марта, № 11) в связи с опубликованием Стасовым в «Пчеле» писем Репина.

Под карикатурой были помещены стихи, в которых в издевательском тоне высмеивались письма Репина и восторги Стасова по поводу таланта Репина. Стихи заканчивались фразой: «для судей таких, как Стасов, и репа лучше ананасов?..» (см. И. Е. Репин и В. В. Стасов, Переписка, [т.] I, 1871—1876, стр. 232—233).

[14] Пенсне.

[15] «Долой Рафаэля! Долой великих художников!»

[16] Стасов имеет в виду отзывы иностранной прессы о картине Репина «Бурлаки на Волге», признанной в 1873 г. на Всемирной выставке в Вене одной из «самых солнечных картин всей выставки» (см. Стасов В. В., Собр. соч., СПБ, 1894, т. I, отд. 2, стб. 484).

16

К письму — начало июля 1875 г.

[1] Ладак — горная страна на северо-западе Индии, составляющая часть Кашмира, между Гималаями и Каракорумом.

[2] Год «1875» добавлен рукой В. В. Стасова. К письму приложен конверт с почтовым штемпелем прибытия: Петербург, 13 августа 1875 г. На конверте надпись В. В. Стасова: «Июль 1875. Посылка 50 этюдов Здоровье. Работа».

[3] Горчаков Александр Михайлович (1798—1883), князь, дипломат; с 1856 г. — министр иностранных дел и с 1870 г. — канцлер, участник Берлинского конгресса 1878 г.

[4] Орлов Николай Алексеевич (1827—1885), князь, дипломат, с 1870 по 1882 г. был русским послом в Париже.

17

К письму 11/23 июля 1875 г.

[1] Дата проставлена по почтовому штемпелю на конверте: Sealkote, July 23, 1875».

Год «1875» на автографе поставлен В. В. Стасовым. Письмо прибыло в Петербург 1/13 августа 1875 г.

[2] Здесь в автографе сделан чертеж земельного участка, купленного для постройки мастерской Верещагина.

[3] То-есть — на север.

[4] Имеются в виду статьи В. В. Стасова: «Английская книга о русском искусстве и русских художниках» («С.-Петербургские ведомости», 1875, 30 апреля, № 117) и «Отзывы английской печати о картинах В. В. Верещагина» («С.-Петербургские ведомости», 1875, 5 апреля, № 94; см. также: Стасов В. В., Собр. соч., СПБ, 1894, т. II, ч. 3, стб. 335—344 и 329—336).

[5] В. В. Стасов опубликовал выдержки из письма Верещагина к Гейнсу со своими пояснениями в газете «С.-Петербургские ведомости»

(1874, 27 июня, № 174). Публикация была перепечатана в газете «Голос» 28 июня 1874 г.

Кроме этой публикации и упомянутых выше двух статей, Стасов напечатал в 1874 г. о Верещагине — статью «Выставка картин В. В. Верещагина» («С.-Петербургские ведомости», 1874, 19 марта, № 77), четыре письма в редакцию в связи с выступлением Тютрюмова («С.-Петербургские ведомости», 1874, 30 сентября, 8 октября, 25 октября и 30 декабря, № 269, 277, 294 и 358). В 1875 г. Стасов опубликовал только небольшую заметку «Художник В. В. Верещагин» («Пчела», 1875, январь, № 1).

[6] Вероятно, Верещагин имеет в виду разговор Стасова с Шуваловым о рекомендациях Шувалова, посланных в Бомбей; они, как видно из письма Верещагина, не оказали никакого действия.

[7] «Я очень огорчен» — обычная фраза при отказе.

[8] Транспортная контора Николь и К°.

[9] Далее на письме рукой Верещагина начерчен план проектируемого дома с мастерской в Париже.

38

К письму 19/31 августа 1875 г.

[1] Стасов имеет в виду свое письмо от 22 апреля 1875 г.

[2] Два письма Верещагина от июля 1875 г. из Ладака.

[3] Пон л'Евек.

[4] Везуль.

[5] Парланд Альфред Александрович (1842—?) — академик архитектуры; с 1885 г. — преподаватель, с 1892 г. — профессор Академии художеств. Строитель храма Воскресения в Петербурге.

[6] Ропет (Петров) Иван Павлович (1844—1908) — академик архитектуры; работал главным образом в «русском» стиле; пытался возродить в современной архитектуре элементы древнерусского зодчества. Стасов высоко ценил талант Ропета и был с ним связан долголетней дружбой.

[7] Боголюбов Алексей Петрович (1824—1896) — художник — пейзажист и маринист; профессор Академии художеств, участник передвижных выставок, художественный деятель. Ранние работы Боголюбова типичны для академической школы. Позднее Боголюбов, сохраняя в своем творчестве ценные традиции академической школы, выступал как художник-реалист, основывавшийся на глубоком изучении природы.

Во многих своих картинах Боголюбов изобразил героические события из истории русского флота. Его пейзажи отличаются правдивым, несколько романтически-приподнятым изображением окружающей природы. По поручению Академии художеств, Боголюбов попечительствовал в Париже над русскими художниками-пенсионерами. Был знаком с придворными кругами.

Отрицательный отзыв Стасова о творчестве Боголюбова, основанный, может быть, в известной мере на личной антипатии, не вполне правилен.

Боголюбов — основатель художественного музея имени А. Н. Радищева в Саратове.

[8] Экуэн.

[9] Гостиница Демута в Петербурге, где обычно останавливались писатели, художники.

[10] Кауфманский альбом Туркестана с фотографиями («Туркестан. Этюды с натуры В. В. Верещагина, изданные по поручению Туркестанского генерал-губернатора». 26 листов с 106 рисунками. СПБ, 1874).

[11] Этюд Верещагина «Орел» (1869—1870) воспроизведен под названием «В горах Алатау» в книге: Булгаков Ф. И. «Василий Васильевич Верещагин и его произведения», СПБ, 1896, стр. 39 Этюд «Олень» исполнен тогда же. Оба хранятся в Третьяковской галлерее.

[12] Бульвар Клиши в Париже.

[13] Площадь Бланш в Париже.

[14] Маковский Константин Егорович (1839—1915) — известный исторический живописец, портретист и жанрист; участник демонстративного выхода из Академии художеств в 1863 г. 14 кандидатов на золотую медаль, член Артели художников и один из основателей Товарищества передвижных художественных выставок.

Его жанровые картины и портреты передвижнического направления написаны с простотой и правдивостью. В исторических композициях сказалось богатство творческого воображения художника, его большое мастерство рисовальщика и колориста.

Уже в середине 70-х годов наметился отход Маковского от передвижников. С 1883 г. Маковский перестал выставляться на передвижных выставках (кроме 1897 г.). Его поздние работы (портреты, сцены из боярской жизни) отличаются чисто внешним эффектом и слащавостью, в них недостает жизненной правды. Произведения К. Маковского позднего периода были популярны в петербургских аристократических кругах.

[15] Замысел К. Маковского осуществился в большой картине «Перенесение священного ковра в Каир» (1876). Картина находится в Русском музее, в Ленинграде.

[16] Яггернаут (Джаггернаут, иначе Джагганатха) — одна из форм индийского божества Вишну; под Джаггернаутову колесницу во время религиозных процессий бросались фанатики. Картину на эту тему Верещагин не написал.

19

К письму 20 августа/1 сентября 1875 г.

[1] Донауров Захар Петрович (ум. 1876) — русский генеральный консул в Париже.

[2] Улица Скриба, 4, Париж, экспедитор российского императорского посла.

[3] Отель.

[4] Улица Гренель, 79.

20

К письму 8/20 октября 1875 г.

[1] В автографе год «1875» добавлен В. В. Стасовым. К письму приложен конверт с почтовым штемпелем: Петербург, 5 ноября 1875 г. На конверте пометка В. В. Стасова: «8/20 окт[ября] 1875».

21

К письму 8/20 октября 1875 г.

[1] Стасов был командирован в Париж летом 1875 г. Публичной библиотекой для участия в Международном географическом конгрессе.

Значительное время критик проводил в Парижской национальной библиотеке, где упорно работал над темой об орнаменте, и в Лувре.

В Париже Стасов много времени бывал вместе с Репиным. Репин описал свое совместное со Стасовым пребывание в Париже в «Воспоминаниях о В. В. Стасове» (см. «Искусство», 1948, март—апрель, № 2, стр. 86—92).

Свои впечатления от встреч с Репиным в Париже Стасов описал в письме к П. С. и Д. В. Стасовым от 17/29 августа 1875 г. из Парижа. Письмо частично опубликовано в книге: И. Е. Репин и В. В. Стасов, Переписка, [т.] I, 1871—1876, М.—Л., 1948, стр. 237—238.

[2] Ризенгебирге — Исполинские горы — на юго-востоке Германии, в Саксонии, — курортная местность.

[3] Посьет Константин Николаевич (1819—1899) — генерал и адмирал. В 1874—1888 гг. — министр путей сообщения.

[4] Зимний дворец в Ленинграде — выдающийся памятник русского зодчества, построенный архитектором В. Растрелли в 1754—1762 гг. в стиле барокко. В 1837 г. после пожара возобновлен архитектором В. П. Стасовым. Был царской резиденцией. С Зимним дворцом связан ряд событий и эпизодов революционного движения. В настоящее время дворец является частью Государственного Эрмитажа.

[5] Г-н Пуатрино, улица Клиши, № 58.

[6] Жемчужников Лев Михайлович (1828—1912) — художник; служил в правлении Рязанской железной дороги;) деятельный член Московского общества любителей художеств. С 1875 г. — секретарь Училища живописи, ваяния и зодчества. Портрет В. В. Верещагина работы Л. М. Жемчужникова (1883, дерево, выжигание) находится в Третьяковской галлерее.

[7] «Перевал» («С гор на долины») — картина В. В. Верещагина из первых туркестанских его работ, не включенных в купленную П. М. Третьяковым туркестанскую серию.

22

К письму 16/28 октября 1875 г.

[1] На автографе год «1875» поставлен В. В. Стасовым. К письму приложен конверт с почтовым штемпелем: Петербург, 19 ноября 1875 г. На конверте письма надпись В. В. Стасова «16/28 окт[ября 18]75. Мастерская в Париже».

[2] Переводы очерка, издаваемого Верещагиным и Гейнсом, с французского на другие языки.

[3] На одной стороне листа почтовой бумаги начерчен план расположения мастерской с надписями Верещагина.

23

К письму 11/23 ноября 1875 г.

[1] Предварительно.

[2] Речь идет о резкости в обращении Л. М. Жемчужникова к А. К. Гейнсу при выполнении поручения Верещагина. В. В. Стасов написал по этому поводу письмо Жемчужникову, наполненное упреками, и получил 3 февраля 1875 г. ответ Жемчужникова. Последний писал:

«Передо мною два письма, одно Верещагина, из которого вижу, что этот «великий художник и совершенный младенец для жизни практической» (как Вы выразились), из глубины Индии, где находится с семейством, обращается ко мне как к последнему ресурсу (когда уже не имеет ответов ни от брата моего, ни от Вас) и убедительно просит, во имя святого связывающего нас чувства к его наставнику и моему другу, чтобы я: 1) уничтожил векселя, выданные Третьяковым Гейнсу; 2) выслал ему 2000; 3) взял остаток его денег от Гейнса; 4) выслал рекомендательное письмо к вице-королю Индии и 5) взял от Гейнса к себе на хранение принадлежащие ему вещи. — Следовательно, положение Верещагина было до крайности тяжелое и ему грозило, без рекомендации и денег, издохнуть в каком-нибудь клоповнике, какой сам написал.

Скажите, что следовало делать мне при получении такого письма, кроме которого я ничего не знал о положении дел Верещагина? Полагаю, что я сделал то, что должно было сделать, а именно: чтобы спасти Верещагина, я уговорил Третьякова ехать в Питер, чтобы взять векселя от Гейнса и выслать Верещагину 2000, потребовал от Гейнса остаток денег верещагинских и возврата [вещей]; в то же время: одним письмом просил брата своего Владимира выхлопотать в Питере от английского посольства рекомендацию Верещагину, а другим просил брата Николая, живущего в Лондоне, достать рекомендацию к вице-королю Индии. Такие энергические меры следовало принять, и совесть моя говорила, что для первого шага я распорядился как следовало. Но вот лежащее передо мною другое письмо, письмо Ваше, за все мои хлопоты осыпало меня упреками. [...]

Верещагин сохранил ко мне теплое чувство и веру в меня; на этом основании он обратился ко мне в чрезвычайно критический момент, и я, конечно, обрадовался, что могу оправдать доверие к себе; разбирать же, как должен был поступать Верещагин, вместо того чтобы помочь ему, я не мог, и как бы тогда положение мое и Верещагина было похоже на известную басню «Метафизик».

Я не вижу никакой обиды, причиненной мною Гейнсу, так как действия мои в этом деле суть только исполнение поручений другого лица. Я не бухнул письмо к Гейнсу, как говорите Вы, но поступил достаточно обдуманно и вежливо; перед тем, чтобы написать письмо Гейнсу, я посоветовал Третьякову безотлагательно ехать к нему за векселями и передать, что я, вслед за ним, пишу письмо, в котором высказал надежду, что Гейнс без затруднения исполнит желание Верещагина, передав, в чем эти желания заключаются.

Любезный мой, поверьте, нет во мне и тени обидчивости за письмо Ваше, напротив, я искренно благодарю Вас, что попрежнему считаете меня за человека, стоящего выше мелочной обидчивости, но желаю доказать, что Вы не вправе были обвинять меня, не зная обстановки, в которой я находился, и что действия мои были именно таковы, каковыми должны были быть. В дополнение я должен заметить, что Вы ошибаетесь, полагая, будто бы я требовал от Гейнса отчет в 40 тыс. рублях, полученных им наличными за картины, дать отчет в этих деньгах есть долг самого Гейнса, и об этом в письме моем не было речи; я требовал лишь возврата остатков этой суммы. Верещагин пока не уполномачивал меня на такое требование. Знаете ли, мой друг, кто так легкомысленно относится к чужому кровнотрудовому заработку и не дает отчета в 40 тыс. рублях, обладая умом и практичностью, практичностью настолько, что умеет удержаться во главе министерства у нескольких министров; кто, обладая душою вовсе не младенчески художественною, не доверчивою и беспечною; кто, зная хорошо значение векселя, берет от купца их на 80 тысяч рублей на свое собственное имя, а не на имя лица, которого

поверенным он состоял в то время; кто держит эти векселя у себя, подвергая их всевозможным случайностям, — тот крайне небрежно относится к доверителю и, без сомнения, еще легкомысленнее относится к его костюмам, оружию и проч[им] тряпкам, как выразились Вы. От такого человека непременно следует скорее отобрать все вещи, и, озабочиваясь этим делом, я серьезно прошу Вас приложить Ваше старанье и настойчивость, чтобы все вещи были безотлагательно возвращены Гейнсом. Эти тряпки составляют для Верещагина часть его души; в них есть часть его вдохновения; глядя на них, его душа наполнится мельчайшими воспоминаниями, которые навеют на него вдохновение и дадут ему множество мотивов для правдивых картин. Пожалуйста, хлопочите, чтобы Гейнс скорее выслал эти тряпки, которые с полною тщательностью сберегу, понимая, что они для Верещагина дороже денег. [....]

Прочитав письмо Верещагина, я задумался над тем, как действовать мне, с чего начать, как повести дело и чем его кончить? Как я могу уничтожить векселя и что ж за векселя, сколько их и на чье имя? Как достану рекомендацию к вице-королю Индии, живя в Москве? Как добуду ему 2000 и верну вещи от Гейнса? Как пойду к Третьякову, которого совершенно не знаю, и что за человек, с которым предстоит мне иметь дело?

Условия продажи верещагинских картин мне были неизвестны, слухи же об этой продаже ходили самые разноречивые, и, между нами, поговаривали, что К. Т. Солдатенков замешан в этом деле. Вот эти-то слухи и знакомство Солдатенкова с Третьяковым натолкнули меня на мысль отправиться к нему. К. Т. Солдатенкова я знаю 23 года как человека честного, хорошего, правдивого, доброго, деликатного и умеющего держать язык за зубами; долгое знакомство убедило меня в этих качествах Солдатенкова.

При такой обстановке самое естественное чувство, потребность души и сложившиеся обстоятельства, необходимость, а не пустая болтовня, побудили меня пойти к Солдатенкову с целью узнать от него, что возможно, и ознакомиться с характеристикой Третьякова. [....]»

(Письмо хранится в архиве Института литературы Академии наук СССР.)

[3] Сидоров Александр Исидорович (1835—1906) — крупный художник-реставратор, сын реставратора Эрмитажа, где и сам работал с 1855 г. по день смерти, числясь младшим помощником хранителя Эрмитажа.

Выполнял сложные реставрационные работы. Перевел с меди и с дерева на холст несколько сотен картин Эрмитажа, в том числе с дерева на холст «Мадонну Конестабиле» Рафаэля. Стасов написал об этой работе Сидорова восторженную статью «Художественная хирургия» («С.-Петербургские ведомости», 1876, № 327; см. также: Стасов В. В., Собр. соч., СПБ, 1894, т. I, отд. 1, стб. 177—186).

24

К письму 15/27 ноября 1875 г.

[1] На автографе год «1875» добавлен В. В. Стасовым. Письмо датировано по новому стилю. К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: «Агра, 28 ноября 1875 г.; Петербург, 17 декабря 1875 г. На конверте пометка В. В. Стасова: «27 ноября [18]75. 3/4 русск[ого] и 1/4 татарского. Мастерская. Этюды. 27 ноября 1875».

[2] Бабушка матери В. Верещагина была кавказская татарка.

³ Титул принца Уэльского носит наследник английского короля.

⁴ Дворец дожей в Венеции — знаменитое по красоте здание, бывшее резиденцией венецианских правителей и правительств, начатое постройкой еще в IX в., много раз перестраивавшееся и достраивавшееся (1309—1340; 1423—1463); украшено внутри картинами Тициана, Тинторетто, Веронезе, Тьеполо, Джорджоне и других художников.

В нынешнем виде, с широкими стрельчатыми окнами готического стиля на пьяцетту и канал, здание создавалось главным образом в середине XVI в

25

К письму 27 ноября 1875 г.

¹ Речь идет о письме Верещагина от 16/28 октября 1875 г. из Дели.

² Гинцбург Гораций Осипович (1833—1909) — петербургский банкир, имел контору в Париже. Меценат. Оказывал, в частности, помощь скульпторам М. М. Антокольскому, И. Я. Гинцбургу и др.

Брат В. В. Стасова Дмитрий Васильевич был юрисконсультом конторы Гинцбурга.

³ «Я Вам запрещаю».

⁴ Недоразумение.

26

К письму 10/22 декабря 1875 г.

¹ Год «1875» на автографе помечен В. В. Стасовым. К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Агра, 23 декабря 1875 г.; Петербург, 7 января 1876 г. На конверте надпись В. В. Стасова: «10 дек[абря 18]75. Здоровье. 10/22 дек[абря] 1875».

² Почтмейстер.

27

К письму 14/26 декабря 1875 г.

¹ Год «1875» на автографе помечен В. В. Стасовым. К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Агра, 27 декабря 1875 г.; Петербург, 14 января 1876 г. На конверте надпись В. В. Стасова: «Обеспечить жену. 14/26 дек[абря 18]75. Обеспеч[ение] жены».

28

К письму 15/27 декабря 1875 г.

¹ Год «1875» проставлен на автографе В. В. Стасовым. К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Агра, 29 декабря 1875 г.; Петербург, 14 января 1876 г.

² Имеется в виду письмо В. В. Стасова от 11/23 ноября 1875 г.

[3] Речь идет о резком письме Льва Жемчужникова Гейнсу, упоминаемом в письме Стасова от 11/23 ноября 1875 г.

[4] Верещагин имеет в виду случай, когда Гейнс дарил работы Верещагина влиятельным лицам в целях заискивания перед ними.

29

К письму 19/31 декабря 1875 г.

[1] Год «1875» в автографе поставлен В. В. Стасовым. Дата «31/17 декабря» в автографе неточна, ее следует читать: «31/19 декабря 1875 г.». К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Агра, 1 января 1876 г.; Петербург, 21 января 1876 г. На конверте пометка В. В. Стасова: «1875, 17/31 декабря, Брань».

[2] Слово «какая» вписано В. В. Стасовым.

1876

30

К письму 2/14 января 1876 г.

[1] Год «1876» в автографе проставлен В. В. Стасовым. К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Агра, 15 января 1876 г.; Петербург, 5 февраля 1876 г.

[2] Слово «как» добавлено В. В. Стасовым.

[3] Это ответ Верещагина Стасову на его намерение рассказать подробности о новостях петербургской художественной жизни (см. письмо Стасова от 11 ноября 1875 г.).

31

К письму 14/26 января 1876 г.

[1] Сидоров А. И.

[2] Кстати о (о ком или о чем-либо).

[3] Остен-Сакен Федор Романович, барон (р. 1832) — почетный член Академии наук. Географ. Путешественник. Служил в министерстве иностранных дел.

[4] Боткин Сергей Петрович (1832—1889) — известный клиницист и диагност; профессор Медико-хирургической академии. Автор многих медицинских трудов. Брат художника Михаила Петровича Боткина.

[5] Корф Модест Андреевич, граф (1800—1876) — крупный чиновник, работал при Сперанском по изданию законов; с 1849 по 1861 г. — директор Публичной библиотеки (где его сотрудником был В. В. Стасов); в 1864 г. — председатель департамента законов Государственного совета.

Стасов опубликовал некролог о Корфе «Граф Модест Андреевич Корф» («Русская старина», 1876, № 2; см. также: Стасов В. В., Собр. соч., СПБ, 1894, т. III, стб. 1539—1556).

[6] Post scriptum — приписка к письму (после подписи).

33

К письму 25 февраля/8 марта 1876 г.

[1] На автографе у даты пометка В. В. Стасова: «Получено 23 марта 1876». К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Джайпур, 8 марта 1876 г.; Петербург, 23 марта 1876 г. На конверте надпись В. В. Стасова: «Март 76 NB объяснения примирительные. NB».

[2] В автографе после слова «главный» вписано карандашом другой рукой «и единственный».

[3] Кауфмана К. П.

[4] Верещагин, возвращаясь в 1869 г. из Парижа в Петербург, забыл паспорт. Он подвергся аресту на русской границе в Вержболове и был под конвоем доставлен в Петербург.

[5] Возможно Гейден Федор Логинович (1821—1900), генерал, начальник Главного штаба.

34

К письму 4/16 марта 1876 г.

[1] На автографе пометка В. В. Стасова: «Получено 31 марта 1876». К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Агра, 16 марта 1876 г.; Петербург, 31 марта 1876 г. На конверте надпись В. В. Стасова: «Март [18]76. Возвращ[ение] в Европу. Худое здоровье. Много этюдов».

[2] В это время русским генеральным консулом в Париже был Кумани Алексей Михайлович.

35

К письму 3/15 апреля 1876 г.

[1] На автографе надпись Стасова: «Получено 8/20 апреля 1876». К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Страсбург, 16 апреля 1876 г.; Петербург, 7 апреля 1876 г. На конверте пометка В. В. Стасова: «15 апреля 76, Мюнхен. Впечатления путеш[ествия] улягаются — хочет приняться за картины».

36

К письму 8 апреля 1876 г.

[1] Большой скоростью.

[2] Предметы искусства.

[3] Вольбрюк — экспедиционная контора в Петербурге.

37

К письму 9 апреля 1876 г.

[1] Малой скоростью.

[2] Улица Дуэ, № 50

38

К письму 11/23 апреля 1876 г.

[1] Датировка письма установлена по почтовому штемпелю. На автографе надпись В. В. Стасова: «Получено (из Парижа) 15/27 апреля». К письму приложен конверт с почтовым штемпелем: Париж, 23 апреля 1876 г. На конверте пометка Стасова: *«Апрель 76.* Беггров. Ганфштенгель».

[2] Громме Василий Тильманович (р. 1836) — живописец-жанрист; учился в Академии художеств у профессора Виллевальде с 1855 по

1867 г. Автор картины «Лазарет в Севастополе» (1867), за которую получил вторую золотую медаль. Жил постоянно за границей, преимущественно в Париже. Верещагин указывает его адрес: 5, сите (квартал) Пигаль.

[3] Леман Егор (Юрий) Яковлевич (1834—1901) — живописец—портретист и жанрист; учился в Академии художеств с 1850 по 1863 г.; с 1865 г. жил в Париже и выставлялся в Салоне, где приобрел известность женскими портретами. Член Товарищества передвижных выставок. Верещагин был дружен с Леманом и переписывался с ним. В данном письме Верещагин указывает парижский адрес Лемана: 9, улица Дюперре.

[4] Ганфштенгель Франц — глава издательства в Мюнхене, выпускавшего репродукции, литографии и фототипии с картин, хранящихся в галлереях Европы.

[5] Фельтен Ю. М. — владелец магазина принадлежностей для художников, картин и эстампов в Петербурге. Принимал от художников картины на комиссию.

39

К письму 13 апреля 1876 г.

[1] Данное письмо вместе с предыдущим письмом Стасова (от 9 апреля) являются ответом на письмо (от 3/15 марта) и телеграмму Верещагина, в которых художник, повидимому, просил ускорить выполнение его просьб.

40

К письму 14/26 апреля 1876 г.

[1] На автографе В. В. Стасовым сделана пометка: «Париж».

К письму приложен конверт с парижским почтовым штемпелем и надписью В. В. Стасова: «Апрель 76. Программа индийск[ой] кол[лекции]. NB. Мои «неоцененные хлопоты». Деньги для школ».

[2] Верещагин, получив письмо Стасова от 9 апреля 1876 г., сообщает, что Стасов не понял его указания в письме от 3/15 апреля по поводу займа.

[3] Эсквайру, т. е. Верещагину, как частному лицу.

[4] Буланже Гюстав (1824—1888) — французский живописец. Автор картин из древнеримского быта, из жизни Востока, а также декоративного панно в Парижской опере.

[5] «Tour du monde» («Вокруг света»).

[6] Верещагина Анна Николаевна, мать В. В. Верещагина, руководила домашним воспитанием будущего художника в его детские годы. «Хорошо помню себя, — пишет В. В. Верещагин, — отвечающего мамаше урок из географии, заданный наизусть... Мне было тогда пять-шесть лет; читал и писал я уже бойко, считал тоже недурно». («Детство и отрочество художника В. В. Верещагина». М., 1895, стр. 4.)

[7] Картина «Перекочевка с гор».

41

К письму 19 апреля 1876 г.

[1] В тот же день Стасов писал Третьякову: «Многоуважаемый Павел Михайлович, Вы, конечно, уже знаете, что Верещагин воротился из Ин-

дии и живет теперь в Париже. Со 2-го дня пасхи у нас идет с ним самый деятельный обмен телеграмм и писем, и я уже отправил ему все его 78 индийских этюдов; скоро придет к нему и остальная партия его этюдов, и тогда он принимается за работы истинно «*громадные*». А между тем позвольте Вас спросить: не будете ли Вы как-нибудь в эти недели в Петербурге? Я имел бы большую надобность повидаться с Вами лично, поговорить о довольно *важном* деле и показать Вам (по поручению Верещагина) последнее огромное письмо его ко мне. Торопиться, конечно, покуда нечего, но я очень рад был бы, если б нам пришлось с Вами повидаться в эти 2—3 недели». (Переписка П. М. Третьякова и В. В. Стасова, 1874—1897, М.—Л., 1949, стр. 18.)

[2] Стасов имеет в виду издание репродукций с картин Верещагина.

42

К письму 24 апреля/6 мая 1876 г.

[1] Год «1876» проставлен В. В. Стасовым. К письму приложен конверт с почтовым штемпелем: Париж, 8 мая 1876 г. На конверте пометка В. В. Стасова: «6 мая 1876».

[2] Верещагин имеет в виду, что деньги ему потребуются, кроме постройки мастерской, также на издание репродукций с картин.

[3] Бартоломэ (Бартоломей) Михаил Федорович — чиновник русского посольства в Лондоне; впоследствии посол.

[4] Низам — титул правителя вассального индийского государства Хайдерабад.

[5] Сэр Салар Джанг (Jang).

[6] Непал — государство, лежащее севернее Индии, граничит с Тибетом.

[7] Сэр Джанг Багадур (Jang Bahadur).

[8] Елизавета (1533—1603) — английская королева (1558—1603) династии Тюдоров.

[9] Иаков I (1566—1625) — английский король (1603—1625), сын Марии Стюарт.

[10] Гаусхер.

[11] Пржевальский Николай Михайлович (1839—1888) — знаменитый русский путешественник, исследователь Уссурийского края, Монголии, течения реки Хуанхэ (Желтой реки), Тибета, Джунгарии, Синьцзяна и других местностей Центральной Азии. Труды и открытия Пржевальского являются выдающимся вкладом в географическую науку.

Пржевальский уезжал во второе путешествие в Китай, предпринятое в 1876—1877 гг. (см. его книгу: «От Кульджи за Тянь-Шань и на Лоб-Нор», СПБ, 1878).

43

К письму 25 апреля 1876 г.

[1] Петров Осип Афанасьевич (1807—1878) — известный оперный певец, бас. Один из первых реалистов-исполнителей в русском оперном искусстве. В 1826 г. дебютировал в Елисаветграде, с 1830 г. — на сцене казенного оперного театра; создал образы Сусанина, Руслана, Фарлафа, Мельника.

[2] Обернеттер — издатель репродукций с картин в Мюнхене.

44

К письму 29 апреля/11 мая 1876 г.

[1] Год «1876» и «Париж» в автографе добавлены В. В. Стасовым. К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Париж, 11. V.76; Петербург, 3. V. 76. На конверте надпись Стасова: «май [18]76. Альбом изд. Беггровым, мастерская».

[2] Дациаро — владелец магазина художественных принадлежностей, картин, эстампов и пр. в Петербурге.

[3] Гупиль — известный торговец картинами, эстампами и пр. в Париже.

[4] Лоран — торговец картинами, эстампами и пр. в Париже (улица Ришелье).

45

К письму 2/14 мая 1876 г.

[1] Год «1876» добавлен в автографе В. В. Стасовым. К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Париж, 16 мая 1876 г.; Петербург, 8 мая 1876 г. На конверте пометка В. В. Стасова: «14 мая [18]76. Петров. Самойлов».

[2] Сосницкий Иван Иванович (1794—1871) — известный актер реалистического направления, создатель ролей Репетилова и Фамусова в «Горе от ума», городничего в «Ревизоре» и др.

[3] Самойлов Василий Васильевич (1813—1887) — выдающийся русский драматический актер, игравший на сцене Александринского театра и создавший ряд блестящих сценических образов, в том числе Гамлета, Лира, Отелло, Любима Торцова, Грозного, Кречинского и др.

46

К письму 6 мая 1876 г.

[1] В связи с подготовлявшейся освободительной войной Сербии против Турции; война началась в июне 1876 г.

[2] Улица Фрошо, № 9.

47

К письму 6/18 мая 1876 г.

[1] Год «1876» добавлен в автографе В. В. Стасовым. К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Париж, 18 мая 1876 г. Петербург, 10 мая 1876 г. На конверте надпись Стасова: «Май 76. Фотогр[афии] Обернеттера».

48

К письму 9 мая 1876 г.

[1] Маковский К. Е.

49

К письму 9/21 мая 1876 г

[1] Год «1876» в автографе добавлен В. В. Стасовым. К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Париж, 22 мая 1876 г.; и Петербург, 14 мая 1876 г. На конверте надпись Стасова: «*Май 76.* Шувалов. Грубит высшим. «Колоссальные работы на руках».

[2] Бедняга художник.

[3] В этом месте приписка В. В. Стасова: («С гор на долины»).

50

К письму 11 мая 1876 г.

[1] Письмо Франца Ганфштенгеля от 18 мая 1876 г. к В. В. Стасову хранится в архиве Института литературы Академии наук СССР.

В письме, кроме условий по изданию фотографий, Ганфштенгель сообщает, что он послал письмо такого же характера непосредственно Верещагину в Париж.

[2] Делового человека.

[3] Стасов Дмитрий Васильевич (1828—1918) — брат В. В. Стасова. Известный адвокат и общественный деятель, председатель Петербургского совета присяжных поверенных. Участвовал в защите на процессах революционных деятелей. Один из учредителей Русского музыкального общества. Был в близких отношениях с многими художниками-передвижниками и музыкантами — участниками «могучей кучки».

51

К письму 15/27 мая 1876 г.

[1] Год «1876» проставлен в автографе В. В. Стасовым. К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Париж, 29 мая 1876 г.; Петербург, 21 мая 1876 г. На конверте надпись В. В. Стасова: «*Май 76.* Доктор и леченье. Самойлов. *Аукцион в Лондоне.* Хороший проект мастерской. NB. Проект Ост-Индской поэмы NB».

[2] «Грех да беда на кого не живет» — пьеса А. Н. Островского.

Приведенные Верещагиным слова говорит в пьесе Архип, роль которого играл Самойлов.

[3] Картина под этим названием («Снега Гималаев. В высшем узле гор, в Сиккиме») была на выставке В. В. Верещагина в 1899 г. в Москве.

[4] Историческая поэма — это задуманная Верещагиным серия картин, представляющих историю захвата Индии англичанами. Она должна была начаться картиной, где купцы, направляющиеся в Индию, являются к королю Иакову I в Лондоне; затем намечались картина «Английские послы представляются Великому Моголу в Индии» и ряд картин из последующей истории вторжения англичан в Индию; серия завершалась полотном «Принц Уэльский в Индии».

Русско-турецкая война прервала работу над этой серией. После войны были написаны только картины: «Принц Уэльский в Индии» и «Мечеть Великого Могола в Дели», а позже: «Английская казнь в Индии» (расстреливание из пушек).

[5] Улица Старой комедии, 18.

[6] В. В. Верещагину принадлежала доставшаяся по наследству часть имения с лесом в Новгородской губернии.

52

К письму 18/30 мая 1876 г.

[1] Год «1876» проставлен на автографе В. В. Стасовым. К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Париж, 30 мая 1876 г.; Петербург, 22 мая 1876 г. На конверте надпись В. В. Стасова: «Май 76. Альбом. Деньги».

[2] Альбома картин В. В. Верещагина.

[3] Лоран, улица Ришелье, 90.

53

К письму 20 мая 1876 г.

[1] Мать В. В. Верещагина — А. Н. Верещагина писала В. В. Стасову 14 мая 1876 г.:

«Деньги 300 рублей, посланные Вами, я получила и приношу Вам мою глубочайшую благодарность, но всего более благодарю Вас за известие о сыне моем; слава богу, он в Европе, и, если будет в Петербурге, неужели мы не увидим его. Я ему сегодня пишу и прошу об этом; боюсь я звать очень, чтоб здоровье его, и без того уже пострадавшее, не ухудшилось от лишнего путешествия (я так много его люблю, ведь это наше сокровище). Хотелось бы мне очень узнать, когда он приедет в Петербург, может быть, тогда как-нибудь, если нельзя ему, собралась бы я, чтобы взглянуть на него. Простите меня, Милостивый Государь, что, не имея чести знать Вас, я утруждаю Вас такими подробностями. Еще раз прошу Вас принять мою усердную благодарность. Честь имею быть Вашей, Милостивый Государь, покорнейшей слугою Анна Верещагина». (Архив Института литературы Академии наук СССР.)

[2] Мы полностью предоставляем нас в Ваше распоряжение.

[3] Из Французского театра или Большой оперы в Париже.

[4] Стасов рекомендует издания с иллюстрациями одежд и костюмов:

1. Die Trachten de Völker von Beginn der Geschichte dis zum neunzehnten Jahrhundert. Zusammengestellt, gezeichnet u. lithographiert von Albert Kretschmer. Mit Text von Karl Rohrbach. Leipzig, 1864. (Одежды народов от начала истории до 19 века. Собраны, нарисованы и литографированы Альбертом Кречмер. Текст Карла Рорбаха. Лейпциг, 1864. Несколько изданий.)

2. Hefner — Alteneck, J. H. Trachten des christlichen Mittelalters nach gleichzeitigen Kunstdenkmalen. Mannheim, Frankfurt am Main, 1840—1854. (Гефнер — Альтенек, И. Х. Одежды христианского средневековья по современным художественным памятникам. Маннгейм, Франкфурт-на-Майне, 1840—1854. Несколько изданий.)

3. Vecellio, Cesare, Costumes ancienes et modernes. Paris, 1859. (Вечелио, Цезаре, Костюмы старинные и нынешние, Париж, 1859.)

[5] Речь идет о картине «Перекочевка с гор».

54

К письму 21 мая/2 июня 1876 г.

[1] Год «1876» проставлен на автографе В. В. Стасовым. К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Париж, 2 июня 1876 г.; Петербург, 25 мая 1876 г. На конверте надпись В. В. Стасова: «Июнь 76. Начало постр[ойки] мастерской».

55

К письму 23 мая 1876 г.

[1] «Петр I» (1872) — статуя Антокольского; выполнена в нескольких экземплярах.

[2] Повидимому, Стасов имеет в виду свою капитальную работу над атласами-сборниками «Славянский и восточный орнамент». Первый атлас «Русский народный орнамент» был издан Обществом поощрения художников в 1872 г. (см. Стасов В. В., Собр. соч., СПБ, 1894, т. I, отд. 1, стб. 185—214). Стасов все время продолжал эту работу; в дальнейшем атлас «Славянский и восточный орнамент» выходил выпусками в 1884—1887 гг. (см. там же, стб. 835—852). Стасов продолжал и позднее работать над вопросами истории орнамента и подготовлял текст к атласу (остался ненаписанным).

[3] Речь идет о статьях В. В. Стасова «Столицы Европы и их архитектура» («Вестник Европы», 1876, февраль, март, стр. 505—544, 254—279; см. также Стасов В. В., Собр. соч. СПБ, 1894, т. 1, отд. 1, стб. 387—442).

[4] И. Н. Крамской писал В. В. Стасову из Рима 4 мая 1876 г.:

«Мне хотелось написать Вам несколько строк по поводу Ваших статей об архитектуре. Лекций Ваших мне слушать не пришлось, так как меня уже не было в Петербурге в то время. Я думаю, что каждый из нас, художников, дорого бы дал, чтобы знать, какую сумму впечатлений зритель выносит, смотря на произведение живописи, положим, но с условием, чтобы знать именно те чувства, которые непосредственно возникают при первом знакомстве с вещью, когда человек не успел еще сказать ни с кем двух слов, еще не услышал и не взвесил чужих мнений, — словом, когда впечатление еще натурально, если можно так выразиться. По крайней мере, для меня это самое драгоценное; я в этом случае не очень даже разборчив и на людей — ведь всех господь бог одарил чувствами (положим, в разной степени), и самая малая крупица чувства, когда оно натурально, может освещать до некоторой степени тот трудный путь, по которому художнику приходится пробираться к уразумению того, что такое в самом деле составляет тот нерв искусства, который притягивает к себе симпатии и просвещенного человека и честного невежи. Не правда ли, предисловие длинное? Но Вы извините, если я скажу, что именно те непосредственные впечатления, которые возникли у меня при чтении Ваших статей, мне и хотелось Вам сообщить. Мне показалось, что и для Вас, относительно Ваших работ, это может быть так же интересно, как и для меня относительно моих. Нужно Вам сказать, что я в архитектуре не смыслю ничего, как и в музыке, то-есть не смыслю специально, но чувства ни к тому, ни к другому природа меня не лишила, и меня очень трогает масса, пропорция, форма, как звуки и мелодический узор. Я не могу, разумеется,

взять на себя храбрость вступить в спор, например, с ученым архитектором или музыкантом, но меня нисколько не убеждает их аргументация, и я упорно протестую во имя того впечатления, которое я получил от предмета. Дорожка, как видите, скользкая, но ее приходится держаться всякому, кто знает немного. Так и в архитектуре. Будучи за границей в 1869 г., в первый раз, я вынес известные впечатления и составил себе даже понятия о Берлине, Вене и Париже. О некоторых зданиях мне потом приходилось самому говорить и слышать чужие мнения, а потом это несколько забылось. Но вот, чрез несколько лет, я встречаю статьи, читаю первую о Берлине, и мне стало просто смешно, да чего каждое Ваше мнение как будто подстроено воспроизводить в моей памяти те впечатления, которые я когда-то испытывал, до мелочей! Например, Берлин! Иду по одной улице — скука, странно, ненужно... И вдруг, около Тир-Гартена, направо и налево, вижу что-то интересное, какой-то новый мотив, что-то будто живое... но... при внимательном рассматривании это нечто живое остановилось на первой фразе, на одном узоре, и дальше не пошло. Потом читаю дальше, удивляюсь еще больше... да что же это значит? Неужели я понимаю архитектуру? Ведь вот человек, специально развитой и авторитетный, говорит точь-в-точь, как я — невежа. Мне стало до крайности интересно знать, что же Вы скажете о новой парижской Опере, о которой так много говорили когда-то. Когда я был в Париже (здание в то время было только что открыто от лесов, но не кончено внутри), то мне самому приходилось спорить и говорить и получить на свою долю несколько снисходительных улыбок к моему невежеству. Наконец, читаю о Париже и, о ужас! Точь-в-точь. Даже именно я спорил тогда, что если откуда это здание имеет что-то оригинальное и интересное, то с боков, если посмотреть несколько сзади. А почему? Архитектор вынужден был принять в своих расчетах закон необходимости, и отсюда, независимо от его воли, может быть, вышло здание, имеющее характер и красоту. Что-нибудь одно из двух: или Вы правы до безделицы или Вы и я ничего не понимаем. Для меня это не будет составлять даже беспокойства, так как я не претендую на авторитет, даже самый маленький, в архитектуре. Но чтобы не были правы Вы, с этим я соглашусь с трудом, и большим, даже вовсе не соглашусь, по присущему мне упрямству, апеллировать на педантизм к тем натуральным впечатлениям, которые совершаются по самым глубоким и сильным законам изящного, положенным господом-богом в природу человека. Будем так говорить, пока новая терминология не выработана еще. Итак, я считаю эти еще не найденные и не объясненные законы изящного живыми и крепкими, и единственно возможный путь ознакомиться с ними — это наблюдать (если возможно), какое впечатление и на кого делает художественное произведение? ....Вышло, однакож, так, что я письмо написал только потому, что мне понравилось совпадение взглядов; обещался сказать о впечатлении от статей, а заговорил о постороннем. Оно и так и не так. Надеюсь, Вы поймете и извините...» (Крамской И. Н., Письма, 1876—1887, т. II, [Л.—М.], 1937, стр. 12—14.)

[5] Речь идет о книге Стасова «Разгром».

56

К письму 24 мая/5 июня 1876 г.

[1] Датировка письма установлена на основании почтового штемпеля. В автографе Б. В. Стасов добавил год «1876». К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Париж, 6 июня 1876 г.; Петербург,

29 мая 1876 г. На конверте пометка В. В. Стасова: «5 мая 1876. Болезнь. Боткин. Рисунки и издания Гейнса». Стасов повторил на конверте ошибочную датировку письма маем месяцем вместо июня.

Из текста письма видно, что оно является ответом на письмо В. В. Стасова от 20 мая 1876 г.

[2] Верещагин имеет в виду «Каталог картинам, этюдам и рисункам В. В. Верещагина», СПБ, 1874, изданный к выставке в 1874 г. туркестанской серии Верещагина. Для картин, указанных Верещагиным в данном письме под буквенными и цифровыми обозначениями, приводятся названия по этому каталогу: а — «Высматривают...»; б — «Нападают врасплох!..»; в — «Окружили — преследуют...»; № 10 — «С гор на долины» (Перекочевка киргизских аулов); № 13 — «Киргиз»; № 24 — «Киргизы»; № 32 — «Узбекский сотник» (юзбаш); № 46 — «Большая кочевая дорога» в Алатавских горах» № 47 [и 48] — «Ущелье и проход Барскаун», № 111 — «Внутренность юрты богатого киргиза»; № 112 — «Киргизские кочевья» (осенью) в долине р[еки] Чу; № 23 — «Киргиз»; № 25 и 26 — «Киргизские кочевья» в горах и в долинах; № 40. 41 — «Киргизки»; № 48 [и 47] — «Ущелье и проход Барскаун»; № 49 — «Киргизская могилка», в горах, № 50 — «Берег озера Иссык-Куля» (при солнечном закате); № 51 — «Высохшее соленое озерко» в долине реки Чу; №№ 53, 54, 55, 56, 57 — «Этюды» в горах близ озера Иссык-Куль», №№ 69, 70, 71, 72 — «В горах Алатау»; №№ 79, 80, 81, 82, 83, 84 — «В Буамском ущелье» (Александровский хребет в Семиреченской области); № 85 — «Устье реки Кебина» в Буамском ущелье; № 94 — «Озеро Ала-Куль» (на китайской границе); №№ 95, 96, 97, 98, 99, 100, 101, 102 — «Берега озера Иссык-Куль» (в Тянь-Шане); № 103 — «Колодцы Мурза Рабат» в Голодной Степи, между Чиназом и Джизаком; № 113 — «Долина р[еки] Чу»; № 116 — «Снеговые вершины» хребта Каргызин Алатау; № 117 — «Развалины одного из укреплений» в долине р[еки] Чу; №№ 118, 119, 120 — «Перевал Барскаун» через хребет Кыргызин Алатау, в Тянь-Шане.

[3] Восстание дунганов, китайских мусульман, проживающих в Западном Китае и Джунгарии, против китайского правительства. Восстание началось в 1862 г. и распространилось на Восточный Туркестан; вызвано жестокой эксплоатацией дунганов китайскими феодалами и чиновниками; жестоко подавлено в 1878 г.

[4] К письму В. В. Верещагина приложено упоминаемое его письмо к Беггрову. Приложение, повидимому, является копией. На нем В. В. Стасов поставил карандашом ошибочную датировку: «5 мая 76». Оно написано, вероятно, 5 июня или немного ранее. Письмо Беггрову гласит:

«М[илостивый] г[осударь!]

Благодарю Вас за поздравление с окончанием путешествия. Что касается высказанной Вами уверенности в том, что я уважу причины, не дозволившие в продолжение 2 лет выслать изданий за границу, — я с сожалением должен Вам сказать, что не только не уважаю этих причин, но и осуждаю, сколько могу, Ваши доводы и все Ваше обращение с этим изданием. Если в то время, когда мы уговаривались относительно цен для Франции, Германии, Англии и др. мест и относительно немедленной высылки издания во все эти места, если бы, говорю, в это время Вы предупредили меня, что исполните эти предположения только в том случае, когда здоровье Ваше дозволит это, я никак не оставил бы издания на Ваших руках. Мне в голову не могло придти, что такой большой дом, как Ваш, не в состоянии списаться с кем нужно и выслать что и куда нужно, в Ваше отсутствие (полагая, что Вам, как Вы говорите, за отъездом по нездоровью не было времени). Я уверен, что если бы это были Ваши собственные издания, т. е. если бы в них был затрачен

Ваш собственный капитал, то Вы повели бы дело энергичнее, и в результате было бы то, что большая часть альбомов уже разошлась бы по Европе (в Париже, напр[имер], где большие фотографии возбудили интерес, только беспорядочность их появления и продажи были причиною малого сбыта).

Ввиду того, что по тем или другим причинам Вы не условились ни с кем в Париже, я уговорился с Laurent, 90, rue Richelieu, в том, что он будет продавать снимки с моих работ во Франции и Испании: альбомы Обернеттера по 55 фр[анков], (из коих 35 мне, а 20 ему), новые альбомы по 60 фр[анков] (из котор[ых] 40 мне и 20 ему). Большие фотографии в разрозь.

[В. Верещагин]»

[5] Эта фраза написана на приложенной Верещагиным копии письма Беггрову, перед текстом. Две последующие фразы написаны там же — после текста письма Беггрову.

57

К письму 3/15 июня 1876 г.

[1] На автографе, у даты, В. В. Стасовым проставлены: год «1876» и «Париж». К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Париж, 15 июня 76 г.; Петербург, 7 июня 1876 г. На конверте отметки В. В. Стасова: «Июнь 76. Мастерская. Деньги. Портрет Боголюбова Репина плох».

[2] Верещагин говорит о прочих статьях Стасова, появлявшихся в это время в периодической печати. В 1876 г. Стасов опубликовал в газете «Новое время» свои статьи и письма: «Выставка серебряных изделий Сазикова» (№ 1); «Художественные выставки» (№ 17); «Два слова о Беллоли» (№ 207); «Ответы г. Якоби» (№ 26, 84); «Иностранцы о русских художниках» (№ 199); «Отчет Академии художеств за 1874 — 1875 гг.» (№ 203); несколько статей о музыке. Кроме того, им напечатаны: в «Русской старине» — биографический очерк «Граф Модест Петрович Корф» (II, стр. 402—421); в «Древней и новой России» — статья «Петр Данилович Ларин» (I, стр. 244—261); в «Записках Академии наук» — «Русские названия карточных мастей» (XXV, II, стр. 74—79).

[3] Имеется в виду подготовлявшаяся Стасовым книга «Разгром».

[4] Дерзновения, дерзновения и еще дерзновения.

[5] Франков.

[6] Портрет А. П. Боголюбова был написан И. Е. Репиным в 1876 г. в Париже. Хранится в Художественном музее им. А. Н. Радищева в Саратове.

58

К письму 8 июня 1876 г.

[1] Названия большинства указываемых здесь номеров картин перечислены в пояснительном тексте к письму Верещагина от 24 мая/5 июня 1876 г. Дополнительно приводятся названия, не вошедшие в вышеуказанное перечисление: №№ 194, 195 — «Киргизки»; № 189 — «Киргизы»; № 197 — «Кара-Киргизка» девочка; № 45 — «Горы близ Лепсинской станицы» (Семиреченской области) в Алатавских горах; № 121 — «Го-

ры, окружающие Лепсинскую станицу»; № 202 — «Киргизская зимовка»; № 62 — «Развалины театра» в Чугучаке; № 63 — «Садовая калитка» в Чугучаке; № 43 — «Солон»; № 44 — «Солонка»; № 235, 237 — «Развалины молелен в Чугучаке»; № 92 — «Пограничное китайское войско» (род наших казаков); № 242 — «Надгробная постройка»; № 243 — «Барельеф на одной из кумирен в Чугучаке».

[2] Челлини Бенвенуто (1500—1571) — известный итальянский скульптор эпохи Возрождения, знаменитый виртуозными изделиями из драгоценных металлов.

Жизнь Челлини богата приключениями, которые описаны им в автобиографических записках «Vita ed opere», изданных в 1728 г.; переведены на русский язык («Жизнеописание», СПБ, 1848).

59

К письму 12/24 июня 1876 г.

[1] Год «1876» проставлен на автографе В. В. Стасовым.

При письме находится конверт с почтовыми штемпелями: Париж, 24 июня 1876 г. Петербург, 16 июня 76 г. На конверте приписки Стасова: *«Июнь 76.* M[istres]s Carpenter. Похвалы *мне* (Базаров). Затруд[нения] с мастерск[ой]».

[2] Герд Александр Яковлевич (1841—1888) — известный педагог; автор руководств по естествознанию; директор колонии малолетних преступников. Был сыном англичанина.

[3] Миссис (госпожа) Карпентер.

[4] К дому.

[5] «Ревю де дё Монд» («Обозрение Старого и Нового света») — французский журнал. Речь идет о статьях «Столицы Европы».

60

К письму 18 июня 1876 г.

[1] М[исте]р Ральстон, № 8, Альфред плес, Бедфорд сквер.

[2] Британский музей принадлежит к крупнейшим музеям мира. Основан в Лондоне в XVIII в. Обладает огромными коллекциями памятников культуры и искусства; при музее — крупнейшая библиотека и собрание рукописей.

[3] Кенсингтонский музей в Лондоне — крупный художественный и научный музей.

[4] Речь идет об Южно-Кенсингтонском музее, иначе называемом музеем Виктории и Альберта, в Лондоне. Музей имеет богатую коллекцию произведений искусства, художественной промышленности и ремесел и библиотеку.

61

К письму 23 июня/5 июля 1876 г.

[1] Год «1876» проставлен в автографе В. В. Стасовым.

К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Париж, 6 июля 1876 г., Петербург, 28 июня 1876 г. На конверте приписка

В. В. Стасова: «*Июнь 76.* Мои статьи в печать («Проповедь»). Мундир принца Валлийск-го».

[2] Сипаи — туземные солдаты Ост-индской кампании. Восстание сипаев было в 1857 г. жестоко подавлено англичанами. Форма сипаев и мундир принца Уэльского нужны были Верещагину для работы над картинами индийской серии.

[3] Верещагин писал 3 июля 1876 г. И. Н. Крамскому письмо по этому поводу следующего содержания:

«Иван Николаевич,

Вы, кажется, знаете Васнецова. Будьте так добры спросить его, не хочет ли он взять на себя рисование иа деревяшках моего альбома — продолжение того, что он начал. Стасов В[ладимир] Вас[ильевич] писал мне *(между нами)*, что Васнецов не при деньгах, к тому же он рисует тонко и умно, поэтому я и прошу Вас сделать ему это предложение. Плату он будет получать равную со мною, т[о] е[сть] половину назначенной по условию за мои рисунки для гравюры, разных величин, в издании, Tour du Monde. Если он согласен, то должен сходить и переговорить с г-м *Templier в librairie Hachette,* boulevard St. Germain, 77. Рисовать может или все рисунки в Москве или часть там, а остальные — здесь. В этом последнем случае я дам ему один из моих альбомов.

В. Верещагин

Мне нездоровится». (Архив Русского музея.)

62

К письму 25 июня/7 июля 1876 г.

[1] Год «1876» проставлен на автографе В. В. Стасовым.

К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Париж, 7 июля 1876 г.; Петербург, 29 июня 1876 г. На конверте пометка В. В. Стасова: «Июль 76. Постр[ойка] маст[ерской]».

63

К письму 30 июня/12 июля 1876 г.

[1] Год «1876» проставлен на автографе В. В. Стасовым.

К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Париж, 12 июля 1876 г.; Петербург, 4 июля 1876 г.

64

К письму 3 июля 1876 г.

[1] Верещагин Сергей Васильевич (1845—1877) — художник. Младший брат В. В. Верещагина. Занимался живописью в Париже. В 1876 г. отправился в Вологодскую и Архангельскую губернии для писания этюдов с натуры и бытовых картин. В 1877 г. поехал добровольцем в действующую против турок армию и погиб под Плевной

[2] Лобанов-Ростовский Алексей Борисович (1824—1896) — дипломат; был русским послом в Константинополе, в Лондоне и в Вене. С 1867 по 1878 г. был товарищем министра внутренних дел, в 1895 г. — министром иностранных дел.

[3] На второе письмо В. В. Стасова от 20 мая 1876 г. А. Н. Верещагина отвечала ему (6 июня 1876 г.):

«Письмо Ваше я имела честь получить; приношу Вам мою глубочайшую благодарность за все подробности об моем дорогом сыне. Сердце мое болит об том, что он так хворает; сохрани его бог. Его прекрасной жизнью много существуем теперь и мы, старики; он наша гордость и счастие. Простите меня, может быть, я утомляю Вас этими сердечными излияниями об нем; но Вы сами, Владимир Васильевич, добротой Вашей дали мне право на это.

Позвольте мне еще благодарить Вас за весьма лестное для меня, ничем не заслуженное с моей стороны желание Ваше иметь мою карточку. Ослушаться Вас не смею и поэтому, посылая ее, мне остается, милостивый государь, просить Вас поснисходительнее взглянуть на мою старческую физиономию, которая говорит Вам: *прошу любить да жаловать.* Теперь позвольте мне просить Вас не отказать мне и в моей покорнейшей просьбе прислать мне Вашу карточку. Поверьте, что она будет для меня драгоценна; она будет доказательством Вашего сердечного расположения к моему сыну. С большим нетерпением буду ожидать ее.

При засвидетельствовании Вам,
милостивый государь,
моего глубочайшего уважения честь имею быть Вашей покорной слугою

Анна Верещагина».

(Архив Института литературы Академии наук СССР.)

[4] Собственники, хозяева.

[5] И. Н. Крамской писал В. В. Стасову из Парижа 27 июня/9 июля 1876 г.: «Васнецов предложения рисовать с Верещагина не принял, по крайней мере теперь отложил до своего возвращения в декабре в Россию». (Крамской И. Н., Письма, 1876—1887, т. II, [Л.—М.], 1937, стр. 39).

65

К письму 7/19 июля 1876 г.

[1] Год «1876» проставлен на автографе В. В. Стасовым.

К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Париж, 19 июля 1876 г.; Петербург, 11 июля 1876 г. На конверте пометка В. В. Стасова: «Июль '76 г. Третьякову закаивается продавать впредь. NB *Сербия.* Поехал бы, кабы не жена».

[2] Здесь В. В. Стасов сделал вставку «(Сергей)».

[3] В России происходили сборы средств в помощь Сербии, воевавшей с Турцией за свою национальную независимость.

66

К письму 18/30 июля 1876 г.

[1] Год «1876» проставлен на автографе В. В. Стасовым.

К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Париж, 30 июля 1876 г.; Петербург, 22 июля 1876 г. На конверте приписка В. В. Стасова: «*Июль 76.* Беггров».

[2] Разумную.

[3] К автографу приложены два счета: один на бланке «Agence en Douane — Langstaff, Ehrenberg & Pollak (Агентство на таможне — Лангстаф, Эренберг и Поллак) и другой на бланке «Laurent» (Лоран).

67

К письму 22 июля/3 августа 1876 г.

[1] Письмо не датировано. На автографе В. В. Стасовым сделана пометка: «Париж, 22 июля [18]76».

К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Париж, 3 августа 1876 г.; Петербург, 23 июля 1876 г.

На конверте надпись В. В. Стасова: «Июль 76, Мастерская. Задуманы *большие работы»*.

[2] Условия подряда.

68

К письму 26 июля 1876 г.

[1] Речь идет о 100 франках, присланных В. В. Верещагиным при письме от 7/19 июля 1876 г. из Парижа для отсылки в Сербию в числе пожертвований от русских в помощь Сербии в ее войне против турок. О пожертвовании было напечатано в газете «Новое время» (1876, 15 июля, № 135).

69

К письму 1/13 августа 1876 г.

[1] Год «1876» проставлен на автографе В. В. Стасовым.

К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Париж, 13 августа 1876 г.; Петербург, 6 августа 1876 г. На конверте пометка В. В. Стасова: «авг[уст 18]76. NB Похвалы мне. В. В. болен и раздражен. Что намерен делать с деньгами в руках. Мастерская».

[2] Верещагин Сергей Васильевич.

70

К письму 7 августа 1876 г.

[1] Каульбах Вильгельм (1805—1874) — художник, представитель немецкой позднеакадемической школы живописи; иллюстратор.

Директор Мюнхенской Академии художеств.

Стасов имеет в виду стенную живопись Каульбаха на лестнице Нового Берлинского музея, выполненную в 50-х годах XIX века («Разрушение вавилонской башни»; «Разрушение Иерусалима», «Битва гуннов», «Крестоносцы перед Иерусалимом», «Век Реформации» и др.).

71

К письму 9/21 августа 1876 г.

[1] Год «1876» проставлен в автографе В. В. Стасовым.

К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Париж, 21 августа 1876 г.; Петербург, 13 августа 1876 г. На конверте надпись В. В. Стасова: «Авг[уст 18]76. Архитект[ор]. Деньги. Жемчуж[ников]».

[2] К письму Стасова приложено письмо Верещагина Л. М. Жемчужникову (без даты):

«Милостивый государь Лев Михайлович!

Если Вы не перешлете мне немедленно мои деньги, как я уже Вас просил чуть не целым десятком писем, то я заплачу огромные неустойки и «domages intérêts» * по начатой мною постройке. Я отказываюсь от всего, что писал Вам, беру назад все мои к Вам просьбы — вышлите только *мои* деньги без замедления.

Свидетельствую Вам мое почтение.

В. Верещагин»

72

К письму 11/23 августа 1876 г.

[1] Год «1876» проставлен на автографе В. В. Стасовым. К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Париж, 23 августа 1876 г.; Петербург, 15 августа 1876 г. На конверте надпись В. В. Стасова: «август 18]76. Выставка в Лондоне. Мундир пр[инца] Валлийского».

[2] Общественно полезна.

73

К письму 11/23 августа 1876 г.

[1] Год «1876» проставлен на автографе В. В. Стасовым. К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Париж, 23 августа 1876 г.; Петербург, 15 августа 1876 г. На конверте пометка В. В. Стасова: «*Авг[уст 18]76.* Моя личность. Большая мастерская. Деньги».

74

К письму 20 августа 1876 г.

[1] Верещагин не выдержал своего намерения — не вступать в переговоры с П. М. Третьяковым — и написал ему 2/14 сентября 1876 г. два письма. В первом он напоминает Третьякову об его обещании дать взаймы 10 000 рублей. Во втором письме Верещагин говорит, что возврат денег обеспечивается имеющимися у него работами.

В тот же день Верещагин был у И. Н. Крамского, которому рассказал о своих денежных делах. Крамской написал об этом П. М. Третьякову 2/14 сентября 1876 г.:

* Возмещение убытков с процентами. — *Ред.*

«Многоуважаемый Павел Михайлович!

Сегодня утром у меня был Верещагин в Париже, а я собирался уезжать в Трепор к Боголюбову на несколько дней, с радости, что офорт мой почти кончен, по крайней мере голова, и, стало быть, я обеспечен. Мастерская готова будет через две недели, ну, делать, так сказать, нечего, я и собираюсь, а Верещагин тут как тут. И что я узнал! Многое я беру назад, а что именно, тому следуют пункты.

Первое. Я, по свойству моей натуры — не доверять, пока не ощупаю, полагал, что Верещагин в денежном отношении не совсем так прост, как кажется, — оказывается, что я ошибался: он гораздо проще того еще, чем кажется, с одной стороны, с другой же, остается человеком практическим высшего пошиба, как Вы выразились.

Второе. Детство, чистота намерений, честность простираются до невинности новорожденного и действуют чрезвычайно обаятельно (примите это замечание, как излишнее, крайнее, и отнеситесь к нему самым скептическим образом).

Третье. Безнадежность полная, чтобы натура эта приняла когда-нибудь культурные формы в сношениях своих с обыкновенными смертными (если отнесетесь к этому заключению еще скептичнее, чем ко второму, то не будете в проигрыше).

К чему же тогда служат мои заключения, если их надо ограждать такими оговорками? Да просто к тому, чтобы они не были ни для кого обязательными, а тем паче для Вас. Заключения эти годны только для меня...

...Картин начата тьма, масса этюдов, деваться некуда, приходится полотна свертывать, чтобы как-нибудь поместиться, а мастерская... если не извернется он теперь, то через месяц наложат запрещение на постройку, и уж я не знаю, что будет! Что это такое — судите сами... Верещагин сказал, что он хотел мне показать постройку, а я подумал — вот случай заглянуть в мастерскую.

Итак, Павел Михайлович, дела очень и очень неприятные! Как подумаешь все это: честность, искусство, гений и разные другие не менее громкие слова и, может быть, не одни слова, а и самое содержание этих слов, зависят и сводятся к чему? Копейкам, рублям, франкам! Знаете ли, тяжело и гадко писать все это. Письмо, как видите, крайне беспорядочное, малопонятное, особенно в деталях, и что и почему, но подробно, обстоятельно нехватит ни времени, ни места, а письмо должно быть брошено хотя сегодня непременно, а потому до другого раза, если поинтересуетесь узнать, как все происходило, а я знаю и могу кое-что добавить. Через неделю я буду обратно в Париже.

Уважающий Вас

И. Крамской».

(Крамской И. Н., Письма, 1876—1887, т. II, [Л.—М.,], 1937, стр. 63—64.)

9 сентября 1876 г. П. М. Третьяков писал Крамскому:

«...Вчера получил я два письма от Верещагина и сегодня утром послал ему телеграмму, что спрашиваемую сумму он получит в скором времени. Через несколько часов получил Ваше письмо. Очень доволен, что телеграмма отправлена ранее получения письма, т. е. что решение мое не истекло из описанных Вами обстоятельств, и очень благодарен Вам за все сообщенное. Скажу Вам, что об условии при покупке «выдачи заимообразно Верещагину в случае если ему потребуется 10 тыс[яч] рублей» мне совершенно не было известно ни от Боткина ни от Гейнса при заключении запродажного условия, иначе Вы это слышали бы от меня, как Вам известно, все переговоры и договоры были между Бот-

киным и Гейнсом... Я виделся после того с Гейнсом, он мне сказал, что с Боткиным это было выговорено. Вы знаете, что Боткина спрашивать мне об чем бы то ни было по этому делу невозможно, и я отвечал... Гейнсу, что хотя в условии, заключенном между нами, этого пункта и нет и потому он для меня необязателен, но я готов буду сделать эту ссуду, если найду возможным в то время, когда она потребуется...

Верещагина как человека я очень мало знаю или, лучше, совсем не знаю. Когда я познакомился с ним в Мюнхене, он мне показался очень симпатичным, все же дальнейшие его ко мне отношения были вовсе несимпатичны, но я его всегда продолжал уважать, как выдающийся талант и выдающуюся натуру. Вы знаете, как я хлопотал, чтобы выручить оставшуюся у Гейнса сумму; я выбрал из предоставленных мне Верещагиным способов поместить деньги Стасову, Жемчужникову или оставить у себя — последний, считая его более верным. Вы знаете, как при Вас я получил осенью в Москве письмо Верещагина с просьбой дисконтировать векселя и отдать деньги Жемчужникову; Вы знаете, что мне не хотелось исполнить это, но не исполнить не было возможности... Я не могу, не хочу верить, чтобы Верещагин поплатился за свою безалаберность, это было бы для меня ужасно грустно, мне было бы этих денег жаль более своих собственных.

Вы предлагаете рассказать, как все происходило, добавить кое-что, если поинтересуюсь, — еще бы не поинтересоваться. Сделайте милость, расскажите. И в какие руки все попадает Верещагин! Нет, он не совсем последней формации. Но не может быть, чтобы Жемчужников решился надуть Верещагина, это положительно невозможно». (Архив Третьяковской галлереи.)

2 «Поклялась, но немного поздно, что она на этом больше не попадется» (последняя строка из басни Лафонтена «Ворона и Лисица»).

3 В Хрустальном дворце.

4 В Кенсингтонском музее.

5 Морган Дельмар — английский ученый, член Лондонского географического общества, бывавший в России. Ценил талант Верещагина. Помогал Верещагину в устройстве его выставки в Хрустальном дворце в 1873 г.; перевел с русского на английский язык предисловие к каталогу выставки, составленное Верещагиным.

75

К письму 25 августа 1876 г.

1 В. В. Стасов выезжал в Фридрихроде (Тюринген, Германия) к племяннице Ольге Николаевне, умиравшей от туберкулеза.

2 М[исте]р Дельмар Морган, 15, Роланд Гарденс, Южный Кенсингтон, Лондон.

3 Обеспокоенный неполучением денег от Л. Жемчужникова, Верещагин обратился наконец сам к П. М. Третьякову за обещанными ему десятью тысячами рублей, написав 2/14 сентября 1876 г., одно за другим, два письма.

В первом письме он писал:

«Милостивый государь Павел Михайлович,

Так как при продаже Вам моих картин Алекс[андром] Констант[иновичем] Гейнсом было выговорено как условие, что в случае, если мне будет надобность в деньгах, Вы не откажете мне в 10 000 рублей (десяти тысячах рублей), — я обращаюсь к Вам теперь с просьбой ссудить мне эти деньги на несколько лет (на сколько Вам угодно) и на тех

процентах, которые Вам угодно. Я думаю, мне лишнее будет уверять Вас, Павел Михайлович, что уже в настоящую минуту работы мои, имеющие цену на всяком художественном рынке Европы, несравненно более превосходят ценностью эту небольшую сумму и, следовательно, обеспечивают уплату ее и %. Не взыщите, что я, без начала и без конца, говорю с Вами прямо о деле, у меня столько было неприятностей в последнее время, что просто язык не ворочается.

Дайте ответ Ваш в возможно скором времени и примите уверение в моем уважении.

В. Верещагин».

Сделайте божескую милость, ответьте *телеграммою*, да *поскорее»*.

(Архив Третьяковской галлереи.)

Второе письмо, написанное в тот же день, гласило:

«Милостивый государь, Павел Михайлович!

Я сейчас писал Вам, но, если не ошибаюсь, забыл сказать свой адрес, который повторю, [и] то, что писал первый раз. При покупке моих картин Вы обещали дать мне, в случае нужды, взаймы 10 000 р. (десять тысяч рублей). Пожалуйста, не откажите выслать мне их теперь, на срок, который Вы укажете (желательно бы не на очень короткий), и на проценты, которые Вы назначите. Как и почему я обращаюсь к Вам теперь — это история длинная, но не хорошая, а потому лучше ее не трогать. Дело в том, что Вы, верно, хорошо помните Ваше обещание и, верно, не откажете мне в этой небольшой сумме, отдача которой, уверяю Вас, хорошо обеспечивается уже теми работами, которые у меня есть теперь.

Вот мой адрес:

32, rue Poussin à Auteuil, Paris.

Если возможно, дайте ответ телеграммою.

Прошу Вас принять уверения в моем уважении

В. Верещагин»

(Архив Третьяковской галлереи.)

76

К письму 6 сентября 1876 г.

[1] Отёйль — предместье Парижа, к югу от Булонского леса.

[2] Кроме телеграммы в Трувиль, В. В. Стасов послал 8/20 сентября 1876 г. Д. В. Стасову в Париж, до востребования, письмо следующего содержания:

«Я послал тебе третьего дня телеграмму в Трувиль, от имени Влад[имира] Жемчужн[икова], без всяких подробностей, по недостатку места, но в надежде, что если ты увидишься с *Верещаг[иным]*, то все от него узнаешь, так как у него теперь в руках по этому делу (Льва Жемч[ужникова]) множество всяких деталей всякого рода: телеграммы, письма и Льва, и Владим[ира] Жемчужн[иковых], да, наконец, и мои тоже. Я был убежден, что ты уладишь главное, что сразу поймешь из этих документов, а именно: *успокоишь* немного Верещагина (который, конечно, человек никоим образом не злой и не жадный, но которому самому пришлось слишком туго от парижских архитекторов, подрядчиков и проч., требующих расплаты), — *успокоишь* его, укажешь, что ему предпринять в Париже, а главное — *отговоришь* его жаловаться формальным поряд-

ком нашему посольству: именно этого Лев Жемчужн[иков] боится всего более, потому что тогда, говорит он, я не могу долее оставаться на Рязанской дороге, и навряд ли куда потом попаду. *Что́* он именно сделал из денег Верещагина — растратил их сам на свои дела или в самом деле отдал их взаймы кому-то в частные руки, — мы не знаем, впрочем, последнему мы плохо верим, хотя он все в этом *старается* всех уверить, в том числе даже брата Владимира. Но, так или сяк, всего нужнее его спасти, если только можно, а спасение заключается в том, чтоб хоть немножко оттянуть время и избежать публичного скандала. Он и сам бьется, как рыба об лед, стараясь поскорее достать как можно более денег и послать их в Париж; но гораздо более еще работает Владимир Жемч[ужников] в этом же самом смысле и надеется получить *все* деньги или *бо́льшую часть*..... Вообще все это должно разрешиться на этих днях, раньше конца недели; но м[ежду] тем Лев Жемч[ужников], кажется, растерялся, потому что продолжает либо *лгать*, либо *недоговаривать*, а пока все только просит, чтоб я, по возможности, не допустил Верещагина сделать ему окончательный скандал, т. е. погибель. От этого-то я тебе и телеграфировал второпях. Письма же более подробного не знал, куда послать, но надеюсь, что ты пойдешь на *poste restante* в первый же день, а тогда выходило все равно...» (Архив Института литературы Академии наук СССР.)

77

К письму 9/21 сентября 1876 г.

[1] Год «1876» проставлен на автографе В. В. Стасовым. К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Париж, 21 сентября 1876 г.; Петербург, 13 сентября 1876 г. На конверте пометка В. В. Стасова: «Сент[ябрь 18]76. Claretie, Макарт и Верещагин».

[2] Кларети (Кларси) Жюль (псевдоним Арсена Арно, род. 1840) — французский писатель и художественный критик. С 1885 г. — директор театра Французской комедии. С 1888 г. — академик. Много писал о Верещагине.

[3] Макарт Ганс (1840—1884) — известный австрийский исторический живописец и портретист.

Излюбленными мотивами в картинах Макарта являются обнаженное женское тело, роскошные драпировки, ткани и пышные аксессуары. Творчество художника отличается чувственностью, салонностью, неглубоким содержанием.

Декоративные качества картин Макарта доставили ему популярность в кругах буржуазных зрителей. Сравнение Верещагина с Макартом, сделанное Кларети, неосновательно. Творчество Верещагина, с его реализмом и глубокой идейностью, противоположно салонно-академическому искусству Макарта.

[4] «Пресс» — парижская газета; «Индепанданс бельж» — название бельгийской газеты.

[5] Стасов опубликовал выдержки из этих статей в письме в редакцию «Нового Времени» (1876, 17 сентября, № 199; см. также: Стасов В. В., Собр. Соч., СПБ, 1894, т. II, отд. 3, стб. 359—362). Кларети писал о Верещагине:

«Я видел у него... на стенах его мастерской, картины, которые... присоединяют к очарованиям поэзии всю правду реализма, снятого с натуры. Мы должны гордиться, что художник выбрал Францию и разбил тут свою палатку».

Далее Кларети пишет:

«...Верещагин недавно поселился в Париже и привез из индийского своего путешествия целую серию шедевров. Я имел возможность видеть эту коллекцию, совершенно единственную в своем роде, эту мастерскую, покрытую картинами, которых краски и свет кажутся драгоценными камнями... Вся ослепительность Индии перешла на палитру г. Верещагина... Его картины не похожи ни на чьи картины. Это одна из самых оригинальных личностей, какие мне только случалось видеть, и, конечно, фамилия Верещагина, столь популярная в России и Германии, скоро сделается столько же популярною в Англии и Франции».

К этому Стасов прибавляет в конце письма: «Ничего подобного еще никогда не было говорено в Европе о русских художниках, и нам полезно это знать».

[6] Кларети (Кларси).

78

К письму 24 сентября 1876 г.

[1] Винекен — банкирская контора в Петербурге.

[2] В это же время Верещагин получил просимые им взаймы 10 000 рублей от П. М. Третьякова, о чем свидетельствуют его письма.

[3] Боткин Михаил Петрович (1839—1914) — жанрист и исторический живописец; коллекционер. Много писал из жизни Рима, католических монастырей и т. п. Участник академических выставок. Устроитель художественного отдела на Всероссийской выставке 1882 г. в Москве. Деятель Общества поощрения художеств; с 1896 г. — директор музея Общества. Издал книгу: «Александр Андреевич Иванов. Его жизнь и переписка», 1806—1858 гг., СПБ, 1880, в редактировании которой близкое участие принимал В. В. Стасов, и каталог художественного отдела выставки 1882 г. «25 лет русского искусства», составленный Н. П. Собко.

Принимал близкое участие в делах Академии художеств (с 1863 г. — академик; с 1879 г. — сверхштатный член; с 1897 г. — непременный член Совета и с 1912 г. — почетный член).

[4] Белинский Виссарион Григорьевич (1810—1848) — великий литературный критик, революционный демократ и основоположник классической русской эстетики.

[5] Прометей — легендарный герой древнегреческого мифа, похитивший небесный огонь и даровавший его людям, за что, по воле Зевса, был прикован на Кавказе к скале, где орел выклевывал ему печень. Освобожден Геркулесом.

[6] Статья В. В. Стасова «Отчет Академии художеств за 1874 и 1875 гг.» («Новое Время», 1876, 21 сентября, № 203; см. также Стасов В. В., Собр. соч., СПБ, 1894, т. II, отд. 3, стб. 361—364). В этой краткой статье Стасов иронически выявляет ничтожность содержания отчета Академии художеств.

[7] Заметка В. В. Стасова «Два слова о выставке г. Беллоли» была опубликована в газете «Новое Время», 26 сентября 1876 г., № 207 (см. также: Стасов В. В., Собр. соч., СПБ, 1894, т. I, отд. 2, стб. 537—540). В заметке Стасов говорит, что выставка Беллоли плоха, что Петербург остался равнодушен к развещанным в залах Академии художеств ничтожным работам Беллоли.

[8] Беллоли Андрей Францевич (1820—1881) — живописец. Родился и получил образование в Риме. В конце 50-х годов приехал в Россию.

Получил от Академии художеств в Петербурге звание академика. Исполнял портреты (цветными карандашами), декоративные росписи, картины с обнаженной натурой (маслом). Поверхностный, салонный художник.

79

К письму 28 сентября/10 октября 1876 г.

[1] Год «1876» проставлен в автографе В. В. Стасовым. К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Париж, 10 октября 1876 г.; Петербург, 3 октября 1876 г. На конверте пометки В. В. Стасова: «Окт[ябрь 18]76. Намерение ехать на войну. Голова кучера у М. Боткина. Д. Стасов».

[2] Здесь Верещагин называет себя в шутку «Прометей» в связи с тем, что так назвал его в цитированном выше письме В. В. Стасов, приводя выражение одного молодого художника — корреспондента Стасова.

[3] В. В. Верещагин писал Д. В. Стасову 18/30 сентября 1876 г. в бытность последнего в Париже:

«Пожалуйста, Дмитрий Васильевич, передайте *под секретом* Вашему брату, что если будет объявлена война, то хоть бы я и замешкался приездом, пусть он сходит к графу Гейдену (нач[альнику] штаба) и попросит официально причислить меня к штабу действующих войск. Если Вы оспариваете пользу этого, то, значит, Вы не знаете только отношения гг. военных ко всякому искусству *в военное время*. Не думайте также, что, по всей вероятности, мне не понадобится обращаться к Вам за займом денег. Наоборот, наверное понадобится в свое время.

За тем прощайте.

В. Верещагин.

Ничего Вам не желаю, потому что, наверное, от пожеланий моих будет Вам ни теплее, ни холоднее». (Письмо хранится в архиве Института литературы Академии наук СССР.)

[4] Верещагин говорит о снятых им с выставки 1874 г. в Петербурге и сожженных картинах: «Забытый», «Окружили — преследуют» и «Вошли».

[5] Шейх-уль-Ислам — константинопольский великий муфтий, глава духовенства в Турции.

[6] Абдул-Азис (1830—1876) — турецкий султан (1861—1876). Отличался жестокостью. Был низвергнут и 4 июня 1876 г. убит.

[7] После отъезда Д. В. Стасова из Парижа В. В. Верещагин был в переписке с ним. В частности, он писал ему:

«Я не видел ни одной картины Репина, кроме этюда негритянки, но здесь от художников слышал отзывы нелестные; очень бы хотелось видеть эту картину («Садко»), чтобы самому судить, движется этот художник или нет. Я знаю только его программу, что в Академии, да Бурлаков. Эта последняя картина, очень интересная по типам и освещению (несколько натянутому), далеко не передает впечатления того «бурлачества», которое мы все более или менее знаем. Где впечатление той *двухстенной* толпы, безнадежно качающейся из стороны в сторону, без порывов, *без усилий,* в полном сознании, что тут *ничего не поделаешь*? С тем вместе не вижу и морали картины (да, морали), которая в этом сюжете сама должна бить в глаза. Говорю, разумеется, не об прописной морали, а той, без которой картина снисходит до фешенебельной мебели, — скажем, вместо слова *мораль* — *мысль* и на том окончим. А впрочем, не засудите и не оставьте ответом о *том* предмете, которым занимал Вас еще в Париже».

80

К письму 16/28 октября 1876 г.

[1] Год «1876» проставлен в автографе В. В. Стасовым. К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Париж, 29 октября 1876 г.; Петербург, 22 октября 1876 г. На конверте пометка В. В. Стасова: «Окт[ябрь 18]76. Мех от Зезерина».

[2] К автографу приложено письмо Зезерину.

81

К письму 30 октября 1876 г.

[1] Книгу «Разгром».

82

К письму 1/13 ноября 1876 г.

[1] Год «1876» проставлен в автографе В. В. Стасовым. К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Париж, 13 ноября 1876 г.; Петербург, 5 ноября 1876 г. На конверте пометка В. В. Стасова: «Ноябрь 76. Меховое пальто».

83

К письму 5 ноября 1876 г.

[1] Речь идет об исполнении просьбы В. В. Верещагина, изложенной в его письме от 18/30 сентября 1876 г. на имя Д. В. Стасова. Верещагин хотел, чтобы В. В. Стасов попросил начальника штаба Гейдена о причислении его (В. В. Верещагина) на случай русско-турецкой войны к штабу действующих войск на Балканах.

В 1876 г. Сербия и Черногория объявили Турции войну. Осенью того же года Россия стала готовиться к выступлению против Турции, провела частичную мобилизацию. В связи со складывавшейся обстановкой Верещагин и обратился со своей просьбой.

[2] Галл Александр Александрович (1831—1904) — генерал, начальник главной квартиры главнокомандующего во время войны 1877—1878 гг.

[3] Романов Николай Николаевич, старший (1831—1891) — великий князь, третий сын Николая I. Во время войны 1877—1878 гг. — главнокомандующий Дунайской армией; проявил себя неспособным, бездарным командующим.

[4] Непокойчицкий Артур Адамович (1815—1881), генерал. В 1877—1878 гг. начальник главного штаба Дунайской армии.

[5] В период обороны Самарканда в 1868 г. Верещагин действовал с большой храбростью. «Кауфман, — писал Стасов, — ходатайствовал об офицерском георгии для него... Верещагин... сильно упрашивал генерала Кауфмана оставить его без наград... Кауфман победил его упорство только тем, что снял с собственной груди крест, 15 лет им носимый, и надел на Верещагина. Тот... молча покорился». (Стасов В. В. «Василий

Васильевич Верещагин» «Вестник изящных искусств», 1883, вып. I, стр. 121—123.)

[6] Макаров Евгений Кириллович (1842—1884) — живописец; работал главным образом в области портрета. Вместе с И. Е. Репиным учился в Академии художеств и путешествовал по Волге. Преподавал в школе Общества поощрения художеств в Петербурге. Много работал по копированию художественных произведений.

[7] Красовский Николай Павлович (р. 1840) — скульптор и живописец; был учеником батального класса Академии художеств. С 1869 г. — почетный вольный общник Академии. Лепил скульптуры и писал батальные картины по заказам двора.

84

К письму 11/23 ноября 1876 г.

[1] Год «1876» установлен по почтовому штемпелю на конверте: Париж, 23 ноября 1876 г.; Петербург, 16 ноября 1876 г. На конверте пометка В. В. Стасова: «Ноябрь 76. Л. Жемчужникова высоко ставил прежде В. В.».

[2] Верещагин Александр Васильевич (1850—1909) — младший брат художника В. В. Верещагина, генерал. Участвовал в русско-турецкой войне 1877—1878 гг. в качестве ординарца Скобелева. Автор ряда автобиографических и беллетристических произведений: «Дома и на войне», СПБ, 1886; «У болгар и заграницей», СПБ, 1896; «По Маньчжурии», СПБ, 1903 и др.

85

К письму 12 ноября 1876 г.

[1] Большим барином.

[2] «Осада Парижа» — панорама, написанная А. Филиппото, открытая в Париже в 1873 г. и отличавшаяся большими иллюзионистскими достоинствами.

[3] Филиппото Анри (1815—1884) — художник; создал ряд панорам из военной истории Франции.

[4] Рафаэль Санцио (1483—1520) — великий итальянский художник, почитаемый классицистическими академиями вершиной искусства всех времен. Стасов ценил творчество Рафаэля, однако он резко критиковал в академическом искусстве подмену изображения живой действительности подражанием Рафаэлю и некритическое преклонение перед его авторитетом.

86

К письму 17/29 ноября 1876 г.

[1] Год «[18]76» проставлен на автографе В. В. Стасовым. К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Париж, 29 ноября 1876 г. и Петербург, 22 ноября 1876 г. На конверте пометка В. В. Стасова: «Ноябрь 1876. Гейнс. Templier. Размеры картин».

87

К письму 17/29 ноября 1876 г.

[1] Год «[18]76» проставлен на автографе В. В. Стасовым. К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Париж, 1 декабря 1876 г.; Петербург, 24 ноября 1876 г. На конверте пометка В. В. Стасова: «Поездка в Сибирь (предпол[агаемая]). Ноябрь [18]76».

[2] Я не желаю лучшего.

88

К письму 22 ноября 1876 г.

[1] Разногласия, якобы имеющиеся между Верещагиным и Стасовым по поводу права критики и публики, — только кажущиеся. В упоминаемом Стасовым письме от 17/29 ноября 1876 г. Верещагин прямо пишет: «За Вами остается и признается право критики, за ним [художником — *Ред.*] — право творчества».

89

К письму 30 ноября/11 декабря 1876 г.

[1] Год «1876» проставлен на автографе В. В. Стасовым. К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Париж, 12 декабря 1876 г.; Петербург, 5 декабря 1876 г. На конверте надпись В. В. Стасова: «дек[абрь 18]76. Перебранка со мною из-за размеров картин. Чайковский».

[2] Прудон Пьер-Жозеф (1809—1865) — французский анархист. Социально-политические взгляды Прудона были типичными для мелкобуржуазного социализма, с его отрицанием революционной борьбы пролетариата и идеализацией мелкой частной собственности.

Взгляды Прудона враждебны научному социализму. Маркс и Энгельс вели с Прудоном борьбу.

[3] Мелочной торговец, бакалейщик.

[4] Народный, общедоступный концерт.

[5] Чайковский Петр Ильич (1840—1893) — великий русский композитор, оказавший огромное влияние на развитие мировой музыкальной культуры. Гениальный симфонист и музыкальный драматург, Чайковский оставил многочисленное творческое наследие почти во всех жанрах.

Развивая в своем творчестве, как и «кучкисты», великие глинкинские традиции русского национального реалистического искусства, Чайковский создал свои глубоко самостоятельные художественно-эстетические принципы. В его музыке получили гениальное воплощение гуманистические идеи и образы мировой поэзии и драматургии — Пушкина и Шекспира, Шиллера и Данте, Байрона и Островского. Страстное стремление человека к любви и счастью, его борьба с окружающей средой, претворяющейся в фантазии композитора в романтический образ судьбы, рока, — являются лейтмотивом творчества Чайковского. Огромный реалистический талант композитора особенно ярко раскрылся в изображении душевного мира человека — от интимных лирических чувств до сильных трагических конфликтов.

Глубина и искренность чувства, неистощимая мелодичность и яркая симфоническая обобщенность музыки Чайковского доставили композитору исключительную популярность как в России, так и за рубежом. «Он был так талантлив, — писал о Чайковском Стасов, — так сильно способен наполнять свою музыку изяществом и красотой, и притом так сильно мог действоваать на слушателя мастерством своей формы и тонкими совершенствами своей колоритной и элегантной инструментовки, что не мог не влиять необыкновенно сильно и обаятельно на большие массы слушателя».

Стасов очень тепло относился к Чайковскому как к человеку, переписывался с ним, предлагал ему программы для его произведений; в частности, Стасов указал композитору на шекспировскую «Бурю», на сюжет которой Чайковский написал одноименную симфоническую фантазию и посвятил ее критику. Признавая в Чайковском одного из величайших симфонистов мира (особенно высоко оценивая симфонические темы — «Ромео и Джульетту», «Бурю», «Франческу да Римини» и др., где, по мнению Стасова, «окончательно высказывались все главные элементы его музыкальной натуры: выражение глубокой, но тихой, без порывов, любви, чудесно поэтических настроений в соединении с великолепно переданными картинами природы, то спокойной, то громадно возбужденной и бунтующейся...») — Стасов, однако, отказывал композитору в таланте оперного драматурга, считая, что «всего менее способен Чайковский к оперному творчеству». Так же ошибочно недооценивал Стасов и камерную музыку Чайковского.

Здесь сказались те сложные, противоречивые отношения, которые существовали между Чайковским и членами «могучей кучки»; эти отношения были вызваны разногласиями по отдельным, иногда существенным творческим вопросам, хотя в действительности Чайковского и «кучкистов» объединяла общность прогрессивных идейно-художественных устремлений.

[6] «Ромео и Джульетта» — увертюра-фантазия, написанная Чайковским в 1869 г. на сюжет трагедии Шекспира.

Гениальная музыка Чайковского, являющаяся гордостью мировой художественной культуры, во многих городах Европы долго не была принята широкой публикой, хотя и получала горячее одобрение в передовых кругах ценителей музыки.

90

К письму 23 декабря 1876 г.

[1] Григорович Дмитрий Васильевич (1822—1899) — писатель, общественный деятель, автор беллетристических произведений из жизни крепостного крестьянства и городской бедноты. С 1864 по 1884 г. — секретарь С.-Петербургского общества поощрения художников, организатор и директор его музея.

[2] Общество поощрения художников учреждено в 1820 г. для поддержки молодых художников и реализации их произведений. В 1824 г. при Обществе был открыт общедоступный класс рисования; в 1857 г. Обществу была передана «С.-Петербургская рисовальная школа для вольноприходящих (на Бирже), преобразованная при Григоровиче в Художественно-промышленную школу. При Обществе был открыт Художественно-промышленный музей. С 1882 г. Общество было переименовано в Общество поощрения художеств. Оно стало зависимым от Академии художеств.

С 1865 г. Общество устраивало конкурсы по живописи с выдачей премий; оказало немалую помощь многим замечательным русским художникам в период формирования их таланта.

91

К письму 31 декабря 1876 г./12 января 1877 г.

[1] Год «1877» проставлен в автографе В. В. Стасовым. К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Париж, 12 января 1877 г.; Петербург, 3 января 1877 г. На конверте пометка В. В. Стасова: «12 янв[аря 18]77. «Обнищал».

[2] У слова «мой» Стасов вписал «Александр».

1 8 7 7

92

К письму 26 января 1877 г.

[1] Улица Бонапарта.

[2] Школа изящных искусств (Академия художеств) в Париже.

[3] Вдова Морель и К°.

[4] Виолле-ле-Дюк Эжен-Эманюэль (1814—1879) — крупный французский архитектор и историк архитектуры, автор многотомной архитектурной энциклопедии и других трудов по истории архитектуры. Известен также своей деятельностью по реставрации выдающихся памятников зодчества (Собор Парижской богоматери и др.).

[5] Виолле-ле-Дюк написал о русском искусстве книгу: L'art russe, ses origines, ses éléments constitutifs, son apogée, son avenir, Paris, 1877. Позднее книга была издана в русском переводе: «Русское искусство, его источники, его составные элементы, высшее развитие и будущность», Москва, 1879.

В статье «Французская книга о русском искусстве» («Новое время», 1878, 21 и 22 февраля, №№ 713 и 714; см. также: Стасов В. В., Собр. соч., СПБ, 1894, т. II, отд. 3, стб. 389—402) Стасов дал разбор книги Виолле-ле-Дюка, в котором утверждает, что, несмотря на некоторые положительные качества, книга является легковесной, поверхностной и содержащей ряд пробелов и ложных выводов.

[6] Бутовский Леонид Иванович — директор Строгановского художественного училища в Москве. По его заказу Виолле-ле-Дюк написал свою книгу о русском искусстве.

[7] Мистер Дельмар Морган, 15, Роланд Гарденс, Южный Кенсингтон.

[8] Мистер В. Г. Ральстон, 8, Альфред Плэс, Бедфорд-сквер.

[9] Офорт.

[10] Чемесов Евграф Петрович (1737—1765) — знаменитый русский гравер, академик. Известны его портреты Петра I, актера Волкова и др. Многие портреты, исполненные Чемесовым по произведениям других художников, творчески передают оригинал и ярко выявляют психологию и характер портретируемых лиц.

[11] Семирадский Генрих Ипполитович (1843—1902) — известный живописец, по происхождению поляк, получивший художественное образование в Академии художеств в Петербурге, крупнейший представитель позднеакадемической живописи. Его внешне эффектные, мастерские по композиции, колориту и рисунку картины, воспроизводящие сцены из жизни античного мира, лишены глубокого понимания изображаемой эпохи, далеки от больших вопросов современности и народных интересов. Будучи видным представителем позднего академического искусства, утверждавшим идеалистические принципы «чистого искусства», Семирадский являлся противником идейного реализма в русской живописи, и его творчество служило консервативным художественным кругам как бы знаменем в борьбе с передовым искусством передвижников.

Академии многих европейских стран наперебой выражали Семирадскому свое внимание.

В. В. Стасов вел горячую идейную борьбу с Семирадским, многократно выступал в печати с критикой его живописи, оторванной от жизни и запросов народа. Репин, Верещагин, Крамской и др. разделяли в этом вопросе точку зрения Стасова.

[12] Речь идет о картине Семирадского из времен Нерона «Светочи христианства», привезенной автором в Академию из Рима в качестве отчетной работы за время пенсионерства. Академия художеств присудила Семирадскому за эту работу звание профессора. За нее же, вместе с картиной «Женщина или ваза», он получил на Всемирной выставке 1878 г. в Париже Большую золотую медаль и орден Почетного легиона. Тогда же Академии изящных искусств в Берлине, Стокгольме и Риме избрали Семирадского своим членом. Картина была подарена художником Краковскому музею.

[13] «Новь» — роман И. С. Тургенева (1876), печатавшийся в журнале «Вестник Европы» (1877, кн. 1, январь; кн. 2, февраль). В образе одного из персонажей романа «Новь», Скоропихина, Тургенев дал злую, тенденциозную карикатуру на В. В. Стасова.

Данная в комментируемом письме характеристика В. В. Стасовым Тургенева как «акварелиста», а его «Нови» как «старческого лепета» была, несомненно, несправедливой и односторонней, вызванной некоторым раздражением Стасова.

Хотя Тургенев и изобразил в своем романе В. В. Стасова в искаженном свете, совершенно не поняв значения его передовой роли в развитии русского искусства, все же произведение Тургенева является одним из значительных в русской литературе. Несмотря на свои споры с Тургеневым, за исключением периодов кратковременных обострений отношений, Стасов всегда называл Тургенева великим русским писателем.

93

К письму 6/18 февраля 1877 г.

[1] Год «1877» проставлен на автографе В. В. Стасовым. К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Париж, 19 февраля 1877 г.; Петербург, 11 февраля 1877 г. На конверте пометка В. В. Стасова: «18 февр[аля 18]77. V. le Duc. Гнилая атмосфера барина. Крамской, Семирадский. Доре. Тургенев».

[2] Ле-Дюк.

[3] Журнал «XIX век».

[4] «Письма чрезвычайно парламентские».

[5] В апреле 1876 г. И. Н. Крамской выехал из Петербурга в восьмимесячную поездку за границу. Сначала был в Италии (Рим, Неаполь), в июне приехал в Париж, где и оставался до конца декабря 1876 г.

В бытность в Париже Крамской часто встречался с В. В. Верещагиным и вел с ним переписку. Сохранились 13 парижских писем Верещагина к Крамскому (находятся в архиве Русского музея в Ленинграде). Ответные письма Крамского к Верещагину за этот период неизвестны. Они не вошли ни в первое издание писем Крамского, собранных В. В. Стасовым (Иван Николаевич Крамской. Его жизнь, переписка и художественно-критические статьи, 1837—1887, СПБ, 1888), ни во второе, дополненное издание писем (Крамской И. Н., Письма, т.т. I—II [Л.—М.], 1937).

Судя по односторонним письмам Верещагина, он дружески относился к Крамскому. Например, Верещагин писал летом 1876 г.: «Многоуважаемый и добрейший Иван Николаевич! Так и не пришлось мне с Вами повидаться и поцеловать Вас от чистой души за чудный портрет брата моего *. Ну просто хохочу, глядя на него, — как он похож. Даровиты Вы! — вот и все».

5 октября 1876 г. Верещагин писал: «Я за Вас рад, что Вы скоро будете одни, — недоумевал, как это Вы, сколько я Вас знаю, можете работать на людях... Мастерская у Вас хорошая, только видно, что жены Вашей нет с Вами, такой сор и гадость в садике, — велите вычистить хоть для меня, коли не для себя».

15 декабря 1876 г.: «Нет ли какой беды — поведайте; не могу ли помочь в случае нужды? Звонил я у Вас крепко, пока какая-то баба, жалея, вероятно, Вашего колокольчика, уняла меня».

27 декабря 1876 г.: «Беда, значит, не с Вами, а с Гинцбургом **, и Вам лично подобает ореол не страдальца, а победителя, так как, по всей вероятности, Вы сделали портрет так сходным, как умеете это, т. е. на диво».

Среди писем Верещагина к Крамскому сохранились письма по поводу разноречивого суждения последнего о картине Семирадского «Грешница». 9 ноября 1876 г. Верещагин писал: «Уклончивость, Иван Николаевич, может быть, весьма почтенная способность, но до известных пределов. Говорить хоть бы о Семирадского работах на людях противное тому, что говорено с глазу на глаз, — неладно. Это, впрочем, мое личное мнение, служащее мне хорошим предостережением. Желалось бы, из совершенно искреннего побуждения, разумеется, предостеречь Вас.

В конце концов, как знаете. Свой ум — царь в голове.

В. В[ерещагин]

На случай, коли Вы забыли, напомню Вам, что с моим замечанием о нетипичности и пейзажа и групп в картине Семирадского Вы совершенно согласились (у Боголюбова), вчера же, по причинам, о которых могу только догадываться, совершенно не согласились?»

К письму приложен черновик или проект (?) ответного письма Крамского к Верещагину:

«9 ноября [1876]

Решать вопрос обо мне так просто — Ваше дело; если Вы во вчерашнем моем отзыве о Семирадском при людях усмотрели противное тому, что было говорено с глазу на глаз, тем хуже для меня в Ваших глазах, я же, несмотря на это, могу оставаться покойным. Конечно, мне будет жаль, если и в самом деле Вы будете так непроницательны (чему я никогда не поверю) отличать существенное от неважного, но перестать думать и действовать так, как я понимаю *для себя* возможным, я не могу, и то обстоятельство, что Вы хорошее предостережение извлекли из всего, что я говорил, я не совсем понимаю и просил бы Вас пояснить. За предостережение меня я благодарен, но опасностей в столкновении с людьми такая тьма, что, даже усвоив Вами рекомендованное средство, я все-таки рискую сломать шею. Но не это, в сущности, важно, важнее восстановить стенографически мои слова: что я сказал *при людях* о Се-

---

* В 1876 г. в Париже был С. В. Верещагин, учившийся живописи в мастерской Жерома. — *Ред.*

** Банкиром. — *Ред.*

мирадском? Главное — это то, что весь Семирадский и вся его деятельность *«лежит за чертой моего понимания»*. Полагаю, что даже человек, слегка (только слегка) благосклонный к Семирадскому, усмотрел бы в моих словах нечто враждебное к нему. Вам этого было мало? Вы хотели знать, есть ли в его картине «Грешница» — евреи? Господи! Да ведь серьезно об этом даже и спрашивать нельзя, и я ни на секунду не мог допустить, что *Вы об этом* станете говорить серьезно? Просто нет охоты говорить об нем; и то, что я говорил дальше, было только выражением этой неохоты, а не *мнений*.

Признаюсь, удивили меня, если Вам даже ирония непонятна. Вот это я могу с бо́льшим правом принять за предостережение себе. Да это не важно, впрочем, для Вас».

10 ноября 1876 г. Верещагин снова писал Крамскому:

«Если Вы хотите знать, что значит мое желание предостеречь Вас, так вот в чем дело: когда Вы сюда еще приехали и когда я Вас мало знал, т. е. еще менее, чем теперь, мне говорили, что Вы обладаете дипломат[ическими] способностями, любите *и нашим* и Вашим... Так как дипломатические способности имеют настоящую цену лишь у дипломатов и всего менее понятны для меня у артиста, художника, то я и не повернл этому; теперь же, сравнивая не однажды Ваши речи при людях с речами глаз на глаз, я как будто нашел подтверждение первого качества, т. е. маленькую способность лавировать между своим убеждением и своей речью, принимая во внимание, где и при ком она держится. Для примера: Вы положительно согласились со мною (у Боголюбова) в разговоре о Семирадском, что в картине его «Грешница» *нет* типичности в введенных лицах; третьего дня, на поставленный прямо вопрос, сказали — *есть*. Я отношу это к тому, что первый раз Вы говорили со мною один на один и отвечали человеку осуждавшему, а второй раз говорили при людях, из которых кое-кто восторгался разбиравшимися работами. Может быть, я ошибся — тогда извините, не взыщите. Думаю, что не ошибаюсь, хотел Вас предостеречь против того, что если усвоено давно, то может быть незаметно для Вас самих. По поводу же Стасова ничего не имею права Вам сказать потому, что хотя Вы не поносили его, сколько помнится, прежде, но и не восторгались им (по крайней мере, при мне), так что так уничтожать его при честной компании, нас слушавшей, Вы могли, не противореча себе. Нежелание заметить Вам Ваше первое противоречие при других не позволило мне в тот вечер сказать Вам то, что думалось, — поэтому написал Вам. Что уважение у меня к Вам есть — доказательство наша теперешняя переписка, немыслимая, как Вы понимаете, между людьми, друг друга не уважающими. Бескорыстие же моего замечания, еще раз повторяю, вероятно, понятно для Вас. Так же точно, полагаю, Вы не заподозрите меня в желании сказать Вам что-либо неприятное. Относительно Васнецова совершенно с Вами согласен в том, что полезнее юношей руководить, чем его огорошивать, но ведь я не знал, что Вы берете на себя труд его руководителя, хотя и незаметного для него самого, т. е. дозволяете работать всю работу на Ваших глазах. Относительно меня самого предостережение казалось мне следующее: стараться (хотя это не в моей натуре) при И. Н. К. не все договаривать, не все выговаривать, т. е. последовать его примеру — в отплату ему. Я кое-что мажу, а все-таки письмо настрочил длинное».

Позднее Верещагин опять писал Крамскому:

«14 ноября [1876]

Заметивши в начале разговора о Семирадском, что Вы говорите о нем очень уклончиво и не в том духе, как разговаривали со мною

один на один, я хотел знать, как далеко Вы можете зайти в противоречии с собою, со своими прежними словами, и предложил Вам несколько раз вопрос насчет типичности в «Грешнице». Вы четко, хотя не совсем решительно, отвечали «есть» (затем прибавили «и то и другое»), т. е. выразили мнение, обратное тому, которое я слышал от Вас прежде. Вот и все. Что я донимал Вас с ответом на мой вопрос, не должно сердить Вас ни в полдень, ни в полночь, так как не очень давно, как я Вам уже говорил, мне приходилось защищать Вас от укора, или, вернее, от маленькой насмешки над Вами, за излишнюю способность к дипломатии — мне казалось, и я говорил, что это неправда. Ест[ест]венно, следовательно, желание с моей стороны проверить себя. В данном случае я прежде всего упрекнул себя, а потом не утерпел и прислал Вам мою цедулу. Коли слово «поносили» Вам не нравится — могу взять его назад, но уверяю Вас, что смысл его не может быть мною изменен. Утверждаю, Иван Николаевич, что в моих словах, моих оценках даже живущих и воинствующих людей Вы не найдете противоположных суждений, хотя ошибок различных делаю множество и в болтанье и в малеванье.

В. Верещагин

Воздадим хвалу господу богу, его сыну и Вашему приятелю Иисусу и нашему общему вдохновителю св[ятому] духу — да будет во всем их святая воля. — Аминь.

P. S. То-то Вы наговоритесь о политике с Вашим приятелем, т. е. не Васнецовым, а Иисусом Христом». (Архив Русского музея.)

[6] Характеристика Верещагиным Крамского, что «он мало развит», совершенно неправильна и ошибочна.

Происходящий из демократической среды русского народа, Крамской был одним из образованнейших и культурнейших художников своего времени. Кроме прохождения программы в Академии художеств, Крамской достиг больших знаний путем самообразования, чтения, посещения общеобразовательных лекций, путешествий и т. п.

Как наиболее развитой из молодых художников, он по праву возглавил в 1863 г. выступление 14 конкурентов на золотую медаль против заданной темы и их демонстративный уход из Академии художеств, руководил организованной им из числа этих протестантов Художественной артелью и в дальнейшем был одним из главных организаторов Товарищества передвижных художественных выставок.

Статьи и письма И. Н. Крамского свидетельствуют о его выдающихся способностях и знаниях.

[7] Доре Гюстав (1833—1883) — известный французский художник, прославившийся своими иллюстрациями к Библии, «Дон-Кихоту» Сервантеса, «Божественной комедии» Данте и др., отличавшимися драматизмом мотивов, фантазией, декоративностью и экспрессией исполнения. Стасов, как и Верещагин, высоко ценил талант Доре-иллюстратора.

[8] «Кружок» французских художников; отдавал свое помещение для выставок.

[9] Возмещение убытков.

[10] Гоголь Николай Васильевич (1809—1852) — великий русский писатель.

[11] Грибоедов Александр Сергеевич (1795—1829) — великий русский писатель.

[12] Здесь имеет место со стороны Верещагина совершенно ошибочная недооценка творчества Гоголя и Грибоедова.

94

К письму 9/21 февраля 1877 г.

[1] Год «1877» проставлен на автографе В. В. Стасовым. К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Париж, 21 февраля 1877 г.; Петербург, 14 февраля 1877 г. На конверте пометка В. В. Стасова: «*Viollet le Duc*».

[2] 68, улица Кондорсе, Париж.

[3] Русское искусство.

95

К письму 13 февраля 1877 г.

[1] Императорская публичная библиотека в Петербурге.

96

К письму 17 февраля/1 марта 1877 г.

[1] Год «1877» проставлен на автографе В. В. Стасовым. К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Париж, 1 марта 1877 г.; Петербург, 22 февраля 1877 г. На конверте пометка В. В. Стасова: «1 марта [18]77. Лорч, Гейнс».

97

К письму 23 февраля/7 марта 1877 г.

[1] Год «1877» проставлен на автографе В. В. Стасовым. К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Париж, 7 марта 1877 г.; Петербург, 27 февраля 1877 г. На конверте пометка В. В. Стасова: «*7 марта 77*. Viollet le Duc. Глинка, Чайковский в концерте».

[2] Говоря об Архитектурном обществе, Верещагин имеет в виду профессиональное объединение русских архитекторов. В то время существовали две крупные организации: С.-Петербургское общество архитекторов и Московское архитектурное общество.

[3] «Друг Индии».

[4] Паделу Жюль-Этьен (1819—1887) — французский музыкант, дирижер, организатор популярных концертов, где исполнялись произведения и русских композиторов.

[5] Глинка Михаил Иванович (1804—1857) — великий русский композитор.

Глинка первый сумел раскрыть всю глубину, богатство и оригинальность русской народной песни в формах передовой музыкальной культуры и наполнить их новым национально-патриотическим содержанием. Из «Камаринской» Глинки, «как из жолудя», выросла русская симфоническая музыка.

Стасов один из первых признал Глинку величайшим русским композитором, был неустанным пропагандистом его творчества и написал о нем ряд выдающихся работ, в том числе биографический очерк «Михаил Иванович Глинка» («Русский вестник», 1857, октябрь, кн. 2, стр. 765 —

802, ноябрь, кн. 1, стр. 105—142; кн. 2. стр. 257—330; декабрь, кн. 2, стр. 667—740; см. также: Стасов В В., Собр., соч., СПБ, 1894, т. III, отд. 5, стб. 520—696).

[6] Моцарт Вольфганг-Амадей (1756—1791) — великий австрийский композитор, представитель музыкального классицизма XVIII в.

Стасов высоко ценил ряд произведений Моцарта (в частности, «Реквием»).

[7] Бетховен Людвиг (1770—1827) — великий немецкий композитор, гениальный симфонист, определивший надолго вперед развитие европейской инструментальной музыки.

По словам Стасова, «Бетховен был не только великий музыкант, великий специалист и мастер своему делу, по музыкальным средствам и способам своего искусства... он был великий дух, и музыка служила ему... средством выражения того, что наполняло его душу».

[8] «Эгмонт» — увертюра Бетховена на сюжет трагедии Гете.

[9] Мендельсон Феликс (1809—1847) — известный немецкий композитор и дирижер, представитель романтического направления; основатель консерватории в Лейпциге.

98

К письму 24 февраля 1877 г.

[1] В судебном процессе против Верещагина.

[2] Бруно Лорч.

99

К письму 1/13 марта 1877 г.

[1] Дата установлена на основании почтовых штемпелей на приложенном к письму конверте: Париж, 13 марта 1877 г.; Петербург, 5 марта 1877 г. На автографе пометка В. В. Стасова: «5 марта 1877»; на конверте надпись Стасова: «5 марта 1877. Лорч. Громме. Ковалевский».

[2] Вероятно, Ковалевский Павел Осипович (1843—1903) — художник-баталист и жанрист; с 1876 г. — академик, проживавший в 1876—1877 гг. в Париже. В 1877 г. был командирован в качестве художника на театр военных действий с турками. С 1881 г. — профессор, с 1897 г. — профессор-руководитель батальной мастерской Академии художеств. В своем творчестве, преодолевая условность академического искусства, достигал реалистического изображения действительности. основывал свои работы на серьезном изучении натуры. Однако некоторые картины Ковалевского были незначительны по содержанию, что отмечалось Стасовым.

Участник академических выставок.

[3] Торговый посредник.

100

К письму 10 марта 1877 г.

[1] Речь идет о картине «Светочи христианства», выставленной в Академии художеств

101

К письму 10/22 марта 1877 г.

[1] Год «1877» проставлен в автографе В. В. Стасовым. К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Париж, 23 марта 1877 г.; Петербург, 15 марта 1877 г. На конверте пометка В. В. Стасова: «22 марта 77. Посылка картины в Париж».

[2] Вероятно, речь идет о картине «Перекочевка» («С гор в долины»), о которой Стасов писал Верещагину 8/20 октября 1875 г., что она находится в казенном доме министерства путей сообщения.

102

К письму 14/26 марта 1877 г.

[1] Год «[18]77» проставлен в автографе В. В. Стасовым. К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Париж, 27 марта 1877 г.; Петербург, 19 марта 1877 г. На конверте пометка В. В. Стасова: «26 марта [18]77. Дюлу».

[2] Улица Лафайет.

[3] Великий князь Александр Александрович, впоследствии Александр III.

103

К письму 15/27 марта 1877 г.

[1] Год «1877» проставлен в автографе В. В. Стасовым. К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Париж, 27 марта 1877 г.; Петербург, 19 марта 1877 г. На конверте надпись В. В. Стасова: «27 марта [18]77. «Камар[инская]» Увертюра Чайковского».

[2] Стасов опубликовал письмо к редактору «Нового Времени» с сообщением: «Русская музыка в Париже и дома» (1877, 11 марта, № 371; см. также Стасов В. В., Собр. соч., СПБ, 1894, т. III, отд. 5, стб. 313—314). В этом сообщении он говорит, что исполнявшиеся в Париже «Ромео и Джульетта» Чайковского и «Камаринская» Глинки были ошиканы и освистаны, и упрекает французскую публику в страшном консерватизме и неразвитости музыкальных вкусов.

Приводимое мнение Верещагина о «Ромео и Джульетте» Чайковского глубоко ошибочно.

[3] Из предвзятости.

[4] Это утверждение Верещагина противоречит фактам. Стасов едва ли не первым среди музыкальных критиков признал Глинку гениальным композитором и всю свою жизнь утверждал это.

[5] Брюллов Карл Павлович (1799—1852) — крупнейший русский художник, блестящий живописец и рисовальщик, выдающийся мастер композиции и колорита. Профессор Академии художеств с 1836 г., воплощавший в своем творчестве высшее развитие русского академического романтизма. В своих картинах Брюллов поднимал большие вопросы современности, но решал их в форме условных, аллегорических композиций. В портретах Брюллов, преодолевая условность академического искусства, выступал как реалист.

Первоначально Стасов высоко оценивал талант и произведения Брюл-

лова. В 1852 г. он поехал в Рим, к умиравшему там художнику; после смерти Брюллова опубликовал письмо из Неаполя: «Последние дни К. П. Брюллова и оставшиеся в Риме после него произведения» («Отечественные записки», 1852, т. 84, отд. VIII, стр. 64—78; см. также: Стасов В. В., Собр. соч., СПБ, 1894, т. I, отд. 2, стб. 17—34), в котором дал восторженный обзор последних работ художника.

Позднее, считая, что мастерство и творчество Брюллова, вместе с застывшим академизмом, может явиться значительным тормозом на пути развития русской национальной реалистической школы живописи и всецело разделяя взгляд Н. Г. Чернышевского на искусство, изложенный в знаменитой диссертации «Эстетические отношения искусства к действительности» (1855), Стасов изменил свое отношение к Брюллову. Он написал статью «О значении Брюллова и Иванова в русском искусстве», первую часть которой — о Карле Брюллове — опубликовал в 1861 г. («Русский вестник», тт. 34 и 35, №№ 9 и 11, стр. 1—48, 341—364; см. также: Стасов В. В., Собр. соч., СПБ, 1894, т. II, отд. 4, стб. 1—57). Вторая часть статьи — об Александре Иванове — была опубликована 19 лет спустя («Вестник Европы», 1880, I, стр. 111—186; см. также: Стасов В. В., Собр. соч, СПБ, 1894, т. II, отд. 4, стр. 57—120). В этой статье Стасов подверг резкой критике творчество Брюллова как представителя академического искусства, задерживавшего развитие искусства идейного реализма в России. В этой критике, содержащей многие правильные положения, имела место и некоторая ошибочная недооценка вклада Брюллова в художественную культуру.

Верещагин имеет в виду упомянутую вторую статью Стасова о Брюллове.

[6] Суворин Александр Сергеевич (1834—1912) — журналист, сначала придерживавшийся либеральных взглядов, а впоследствии ставший ярым шовинистом и реакционером. Редактор и издатель газеты «Новое время».

Стасов некоторое время печатался в газете Суворина «Новое время», однако вследствие изменения политических взглядов Суворина в конце 70-х годов разошелся с ним. Возмущенный реакционной позицией «Нового времени» и ее нападками на молодых русских художников-реалистов, Стасов говел с Суворинм и близкими к нему журналистами решительную литературную борьбу.

Верещагин спрашивает о передаче Суворину выдержки из газеты «Friend of India» («Друг Индии»), посланной при письме от 7 марта (н. ст.) 1877 г.

[7] Берлиоз Гектор (1803—1869) — выдающийся французский композитор романтического направления и музыкальный писатель. Продолжатель музыкальных традиций Бетховена, создатель нового рода программной музыки. Один из первых музыкантов, признавший новую русскую музыкальную школу.

Стасов опубликовал о Берлиозе исследование в книге «Лист, Шуман и Берлиоз в России», СПБ, 1896. Он высоко ценил творчество Берлиоза и позднее писал о нем в статье «Искусство в XIX веке»:

«Сила Берлиоза состояла в том, что он одарен был великою способностью понимать все поэтическое и великое в природе, в людях, в созданиях искусства... в том, что для выполнения своих идей он создал новые музыкальные формы и новый оркестр, вошедшие потом как драгоценнейшее достояние в жизненный состав выросшего под его творческой рукой искусства». (СПБ, 1901, стр. 304; см. также: Стасов В. В., Собр. соч., СПБ, 1906, т. IV, стр. 250).

[8] Вагнер Рихард (1813—1883) — известный немецкий композитор, дирижер и музыкальный писатель, автор философско-эстетических трактатов об искусстве. Вагнер стремился дать в опере соединение поэзии,

драмы и музыки. Принципы вагнеровской музыкальной драмы выразились в симфонизации оперы, речитативно-декламационном вокальном стиле и системе лейтмотивов — музыкальных характеристик, сопровождающих персонажей опер.

От настроений романтизма Вагнер перешел впоследствии в своих операх к реакционно-пессимистической философии Шопенгауэра и идеям германского национализма.

Стасов отрицательно относился к операм Вагнера, хотя и признавал его как симфониста. Он писал о Вагнере:

«Опера была совсем не его дело... У него не было ни малейшего чувства жизни, действительности, он не имел никакого понятия о характерах, натурах, типах, о человеческих личностях и обликах, у него не было никакого постижения души человеческой, ее событий, движений, порывов; у него не было ни потребности, ни способности изображать индивидуальные человеческие личности, каждую в отдельности или несколько вместе, в их взаимодействии. Ему этого вовсе не надо было». (Стасов В. В., Собр. соч., СПБ, 1906, т. IV, стр. 273.)

В другом случае Стасов писал:

«...и вот чем всего больше объясняется его успех во многих слоях германского населения. Этим людям не столько важна его музыка, сколько узко-патриотическое, близоруко-национальное направление опер его; им дороги всегда его сюжеты из старых немецких сказок и легенд, сколько бы там ни было вздора и ничтожностей. И они твердо веруют, что и музыка его точь-в-точь столь же хороша, драгоценна и национальна, как и самые либретто». (Стасов В. В., Собр. соч., СПБ, 1894, т. III, отд. 5, стб. 275—276.)

104

К письму 25 марта 1877 г.

[1] В это время В. В. Стасов писал и печатал статью «Картина Семирадского» («Новое время», 1877, 15 марта, № 375; см. также: Стасов В. В., Собр. соч., СПБ, 1894, т. I, отд. 2, стб. 538—544); «Ответ г. Васильчикову» («Древняя и новая Россия», 1, № 3, стр. 326—328); «Дуга и пряничный конек» («Русская старина», № 4, стр. 723—732); «Три французских скульптора в России» («Древняя и новая Россия» № 4, стр. 329—352).

105

К письму 29/10 апреля 1877 г.

[1] На автографе пометка В. В. Стасова: «Апрель 1877». К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Париж, 10 апреля 1877 г.; Петербург, 2 апреля 1877 г. На конверте надпись В. В. Стасова: «2 апр[еля] 1877. Лорч. Громме».

[2] Отверстия рамы.

[3] На автографе вслед за этой строкой помещен чертеж рамы.

106

К письму 29 апреля/11 мая 1877 г.

[1] На автографе пометка В. В. Стасова: «Получ[ено] 4 мая 1877». К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Унгены (Киши-

нев), 29 апреля 1877 г.; почтовый вагон, 2 мая 1877 г.; Петербург, 4 мая 1877 г. На конверте надпись В. В. Стасова: «3 май [18]77. «Иду в передовом отряде Скобелева». «Никто раньше меня...».

[2] Верещагин Александр Васильевич.

[3] Письмо прислано из действующей русской армии с театра русско-турецкой войны 1877—1878 гг., куда В. В. Верещагин выехал из Парижа, 16 апреля 1877 г., через четыре дня после объявления войны.

[4] Скобелев Дмитрий Иванович — генерал; участник русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Отец известного генерала Михаила Дмитриевича Скобелева.

[5] Башибузуки — иррегулярные турецкие войска, существовавшие, главным образом, для «усмирительных» целей — против славянских народностей и армян, подвластных Турции. Отличались исключительной жестокостью, грабежами, мародерством.

107

К письму 4 мая 1877 г.

[1] Стасов говорит о письме Верещагина, датированном 29 апреля/11 мая 1877 г.

[2] Вслед за получением письма Верещагина от 29 апреля/11 мая 1877 г. Стасов опубликовал в газете «Новое время» (1877, 7 мая, № 426) заметку «В. В. Верещагин». (Письмо в редакцию):

«М. Г. Покорно прошу вас напечатать следующую выдержку из письма В. В. Верещагина, которое я только что получил из Дунайской армии: «Я иду с передовым отрядом в дивизионе казаков генерала Скобелева и надеюсь, что раньше меня никто не встретится с башибузуками».

Этот факт, мне кажется, будет интересен многим у нас: Верещагин — первый пример русского художника, покидающего покойную и безопасную мастерскую для того, чтобы пойти под сабли и пули, и там, на месте, в самых передовых отрядах, вглядываться в черты великой современной эпопеи — освобождения народов из-под векового азиатского ига. Зато у одних только подобных художников, у тех, для кого художество нераздельно с жизнью, у них только и бывают те создания, что захватывают и наполняют душу.

В этом талант Верещагина родственен таланту первого современного нашего писателя, графа Льва Толстого. Кто знает, быть может, из-под кисти Верещагина выйдут теперь такие же потрясающие и глубоко художественные картины, какие у того из-под пера вылились однажды рассказы о сражающемся Севастополе. В отношении жизненной правды склад обоих художников — одинаковый

В. *С[тасов]*».

В собрание сочинений В. В. Стасова (СПБ, 1894), а также в библиографический указатель трудов В. В. Стасова составленный Л. Н. Яковлевой (сборник «Незабвенному Стасову», СПБ, [1908]), заметка не вошла

[3] Черняев Михаил Григорьевич (1828—1898) — генерал русской армии, участник крымской, кавказских и туркестанских войн. В 1876 г. командовал моравским корпусом сербской армии. В период войны 1877—1878 гг. был в распоряжении Генерального штаба русской армии. Генерал-губернатор Туркестанского края (1882—1884).

108

К письму 4/16 мая 1877 г.

[1] Год «1877» проставлен на автографе В. В. Стасовым. К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Бухарест, 16 мая 1877; почтовый вагон, 6 мая 1877 г.; Петербург, 11 мая 1877 г. На конверте пометка В. В. Стасова: «*Май* [*18*]*77*. Хочет сам писать текст к среднеазиатским рисункам. *Идет в передовом отряде*».

[2] Т. е. печатался очерк об Индии.

[3] Байерштрассе, 15, господину Рит (повидимому, это адрес жены Верещагина).

[4] Дунай.

109

К письму 15/27 мая 1877 г.

[1] На автографе пометка В. В. Стасова: «Париж 1877». К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Париж, 28 мая 1877 г.; Петербург, 20 мая 1877 г. На конверте надпись В. В. Стасова: «На минуту в Париже. Леман».

[2] Верещагин приезжал в Париж за красками и художественными принадлежностями для восполнения попортившихся в пути. Вернулся в армию через двадцать дней.

[3] Желание Верещагина об издании его «Индийского путешествия» было осуществлено позднее. В. В. и Е. К. Верещагины издали эту книгу сначала на немецком языке: Reiseskizzen aus Indien. Von Herrn und Frau Wereschagin, Bd. I, Leipzig, 1882 В русском переводе, выполненном В. В. Верещагиным, была издана книга: «Очерки путешествия в Гималайи г-на и г-жи Верещагиных», часть 1. Сикким. 1883, изд. 2-е. Книга иллюстрирована рисунками В. В. Верещагина.

[4] Офортом.

[5] Стасов писал о художнике Ю. Я. Лемане в статье «Художественные выставки 1879 г.» («Новое время», 1879, 8, 14 и 15 марта, №№ 1086, 1092 и 1093; см. также: Стасов В. В., Собр. соч., СПБ, 1894, т. I, отд. 2, стб. 706—707):

«Прекрасный этюд или портрет прислал из Парижа один русский художник, которого французы сильно аппробировали уже на нескольких своих выставках: г. Леман. Прошлым летом, на Всемирной выставке, в нашем отделе было два его портрета, оба женских, и премилых, но тот, что теперь прислан в Петербург и называется «Дама в костюме времен директории», превосходит из всех грацией позы и улыбающегося личика, а также превосходным, очень элегантным (впрочем, без всякого сахара и преувеличения) письмом лица, шеи, груди, обнаженных рук и розового атласа на платье и старинной шляпке с громадными выгнутыми полями. Нельзя не засвидетельствовать, все члены передвижных выставок искренно радовались на внезапный, совершенно нежданный-негаданный успех сотоварища, до сих пор мало известного, и глазами учились приемам его изящной французской техники».

110

К письму 23 мая/4 июня 1877 г.

[1] На автографе пометка В. В. Стасова: «Из Румынии. Май 1877». К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: 4 июня 1874 г.;

Петербург, 30 мая 1877 г. На конверте надпись В. В. Стасова: «30 май 77. Русск[ие] художн[ики] в Париже. Скука от отсутствия драки».

[2] Выставку картин в «Салоне» в Париже.

[3] Дмитриев-Оренбургский Николай Дмитриевич (1838—1897) — художник-баталист и жанрист, близкий своим творчеством к передвижникам; академик. С 1883 г. — профессор Академии художеств. С 1871 г. был за границей в качестве пенсионера Академии художеств (с 1874 г. в Париже). Не будучи участником русско-турецкой войны, по ее окончании писал картины на сюжеты военных событий.

[4] Жена генерала Кауфмана, туркестанского генерал-губернатора.

[5] Академия художеств в Петербурге, повидимому, прислала Верещагину приглашение участвовать на Всемирной выставке 1878 г. в Париже, в русском отделе.

111

К письму 2/14 июня 1877 г.

[1] На автографе пометка В. В. Стасова: «2/14 [июня]». К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Журжево, 1[?] июня 1877 г.; Петербург, 10 июня 1877 г. В соответствии с пометкой Стасова письмо датируется 2/14 июня 1877 г. На конверте надпись В. В. Стасова: «2 июнь 77. Распоряж[ение] касательно жены на случай смерти. Рекогносцировка на турецк[ий] берег».

После возвращения из Парижа Верещагин находился со штабом дивизии Д. И. Скобелева в румынском городе Журжево, на берегу Дуная.

[2] Из Парижа Верещагин выехал в Дунайскую армию 16/28 апреля 1877 г. До отъезда он сделал распоряжения на случай своей смерти. Эти распоряжения Верещагин переслал В. В. Стасову в Петербург и передал Ю. Я. Леману в Париже. Стасов в письме П. М. Третьякову 21 ноября 1877 г. сообщал о Верещагине: «Когда он уезжал нынче из Парижа на войну, он написал мне, *как он желает,* чтобы было *поступлено* (в случае его смерти) с его картинами и этюдами в Париже и т. д.». На выраженное Третьяковым желание познакомиться с содержанием распоряжения Верещагина Стасов отвечал 5 декабря 1877 г.: «Я считаю *неудобным* рассказывать (даже и Вам, несмотря на все глубокое мое к Вам уважение), чтó Верещагин писал о распоряжениях на случай смерти. Ведь это была как бы *частица* его духовного завещания, значит я не имею права сообщать этого кому бы то ни было. Одно только скажу: это было распоряжение *частное* и не касалось *всего,* что могло после него остаться». (Переписка П. М. Третьякова и В. В. Стасова, 1874—1897, М.—Л., 1949, стр. 30, 32.)

О распоряжении, оставленном Ю. Я. Леману, свидетельствует письмо Верещагина от 7 февраля [1877 г.]:

«Любезный друг, прилагаемый конвертик вскрой только в случае какого-нибудь несчастья со мной. При первом свидании возврати мне его. В. Верещагин». (Архив Русского музея.)

После возвращения из Турции Верещагин, видимо, изменил содержание своих распоряжений. В архиве Ю. Я. Лемана находится конверт с надписью Верещагина: «Для вскрытия после моей смерти. В. В.».

Вместе с конвертом находится распоряжение-завещание Верещагина следующего содержания:

«Maisons Laffitte. 25/13 июня 1878.

В случае моей смерти прошу Ю. Я. Лемана и А. П. Боголюбова выставить и продать мои работы; из вырученных денег 100 000 франков

(сто тысяч) передать жене моей Лизавете Кондратьевне (с тем, что она положит их в банк и будет получать проценты); 50 000 франков (пятьдесят тысяч) отдать матери моей (с тем, что и она будет получать ежегодные проценты), которую прошу по смерти завещать эту сумму в пользу школ, на каковые, т. е *на школы,* отдаю я все остальные имеющие быть вырученными деньги. Школы эти должны быть *не дьячковские,* с реальным образованием по современным педагогическим данным.

Писано в полном уме и здравой памяти.

В. Верещагин

Прошу моих родных не оспаривать этих моих распоряжений». (Архив Русского музея.)

[3] Верещагин ездил в рекогносцировку на шлюпке со своим товарищем по морскому корпусу — лейтенантом Скрыдловым Николаем Илларионовичем (р. 1844, впоследствии адмирал, командир Черноморского флота). Художник рассказывает об этом в своей книге: «Очерки, наброски, воспоминания» (СПБ, 1883, стр. 109—110).

«Несколько раз ездили мы со Скрыдловым по исполнению разных возложенных на него поручений. По Дунаю ездили, разумеется, ночью — ставить вехи для обозначения пути, по которому должны были следовать миноноски при закладке мин. Дунай был сильно разлит еще, и по затопленному низкому берегу не везде миноноски могли проходить, так как некоторые из них сидели довольно глубоко. Надобно было проследить и указать вехами фарватер речонки, впадавшей в Дунай; по ней-то и предполагалось следовать с минами.

Так как приказано было никак не беспокоить турок, не возбуждать их внимания никакими работами и, по возможности, усыплять их бдительность, то мы выехали, когда уже почти стемнело, и к утру вехи были поставлены, но с расчисткою фарватера речонки, загороженного при устье солидными сваями, долго провозились и так и не кончили в этот раз. Пробивши покамест небольшой проход для шлюпки, мы проехали в самый Дунай, отчасти для того, чтобы побравировать, а отчасти для проверки, есть турки на островке при стоявшей там караулке или нет. Тихо, едва опуская весла в воду, пробрались мы мимо густых ивовых деревьев; всякий внезапный шум, всплеск рыбы, крик ночной птицы заставлял нас вздрагивать; мы пристали к островку, погуляли и уверились, что турок на нем нет, хотя они, видно, были там недавно, косили траву. Мы проехались Дунаем, турецкий берег был совсем близко. Течение так сильно, что трудно было подаваться вперед, и скоро, чтобы не мучить людей и не привлечь внимания турок, С. поворотил назад; к утру мы были дома...»

112

К письму 11 июня 1877 г.

[1] Штемпель на конверте был: Журжево, 1 июня 77.

[2] Верещагин участвовал как доброволец 8 июня 1877 г. днем в атаке миноноски «Шутка» под командой Скрыдлова на турецкое судно; был ранен пулей в бедро. Атака миноноски «Шутка» описана в его книге: «Очерки, наброски, воспоминания» (СПБ, 1883, стр. 120—126):

«Я не спал, стоял на корме, облокотясь о железный навес, закрывавший машину, и следил за рекою, по направлению к Рущуку. «Идет», выговорил тихо один из матросов; и точно, между турецким берегом и высокими деревьями островка, закрывавшего фарватер Дуная, показался дымок, быстро к нам подвигавшийся...

Вот вышел пароход, вблизи, вероятно, по сравнению с «Шуткою», показавшийся мне громадиною; С. тотчас же повернул руля, и мы понеслись на него со скоростью железнодорожного локомотива.

Что за суматоха поднялась не только на судне, но и на берегу! Видимо, все поняли, что эта маленькая скорлупа несет смерть пароходу; по берегу стрелки и черкесы стали кубарем спускаться до самой воды, чтобы стрелять в нас поближе, и буквально обсыпали миноноску свинцом; весь берег был в сплошном дыму от выстрелов. На палубе парохода люди бегали, как угорелые; мы видели, как офицеры бросились к штурвалу, стали поворачивать к берегу, наутек, и в то же время награждали нас такими ударами из орудий, что бедная «Шутка» подпрыгивала на ходу.

«Ну, брат, попался, — думал я себе, — живым не выйдешь...»

...Огонь делался невыносимым, от пуль все дрожало, а от снарядов встряхивало; уже было несколько серьезных пробоин, и одна в корме, около того места, где я стоял, почти на линии воды; железная защита наша над машиною была также пробита. Матросы попрятались на дно шлюпки, прикрылись всякою дрянью, какая случилась под руками, так что ни одного не было видно; только у одного из минеров часть лица была на виду, и он держал перед ним для защиты буек, причем лежал недвижимо, как истукан. Мы совсем подходили к пароходу. Треск и шум от ударявших в «Шутку» пуль и снарядов все усиливались.

Вижу, что Скрыдлова, сидевшего у штурвала, передернуло; его ударила пуля, потом другая. Вижу также, что наш офицер-механик, совсем бледный, снял фуражку и начал молиться; однако потом он оправился и, перед ударом, вынувши часы, говорит С.: «Н. Л., 8 часов, 5 минут!»

Любопытство брало у меня верх, и я наблюдал за турками на пароходе, когда мы подошли вплоть: они все просто оцепенели, кто в какой был позе: с поднятыми и растопыренными руками, с головами, наклоненными вниз, к нам...

...«Шутка» повернулась против течения, медленно подошла к борту парохода и ткнула его шестом... Тишина в это время была полная и у нас, и у неприятеля, все замерло в ожидании взрыва.

«Взорвало?» — спрашивает меня калачиком свернувшийся над приводом минер. «Нет», — отвечаю ему вполголоса.

«Рви, по желанию!» — снова раздается команда Скрыдлова — и опять нет взрыва!

Между тем нас повернуло течением и запутало сломавшимся передовым шестом в пароходном канате. Турки опомнились; и с парохода и с берега принялись стрелять пуще прежнего. Скрыдлов приказал обрубить носовой шест, и мы пошли наконец прочь; тогда пароход повернулся бортом да так начал валять, что «Шутка», избитая и пробитая, стала наполняться водою; на беду еще, пары упали, и мы двигались только благодаря течению.

В ожидании того, что вот-вот мы сейчас пойдем ко дну, я стоял, поставивши одну ногу на борт; слышу сильный треск подо мною и удар по бедру, да какой удар! точно обухом. Я перевернулся и упал, однако тотчас же встал на ноги.

* * *

Мы шли по течению, очень близко от турецкого берега, откуда стреляли теперь совсем с близкого расстояния. Как только они не перебили нас всех! Бегут за нами следом и стреляют, да еще ругаются, что́ нам хорошо слышно. Я пробовал отвечать несколькими выстрелами, но оставил, увидевши, что это бесполезно.

Мы прошли уже довольно далеко по реке, мимо целого ряда купеческих судов, стоявших между берегом и островком в правой руке. Слева тянулся все еще тот же остров с большими, развесистыми ивами; русло реки тут очень узкое. Пароход вдогонку за нами не шел; но другая беда: навстречу от крепости бежит на всех парах монитор, очевидно, вызванный пароходом.

«Н. Л.! — кричу Скрыдлову — за выстрелами совсем не слышно было голоса. — Н. Л., видишь монитор?» — «Вижу». — «Что ты намерен делать?» — «Атакую своею миною, приготовь ее!»

Атаковать нам, почти затонувшим, несомым течением, было трудновато; однако другого-то ничего не оставалось делать. Монитор подходил и уже сделал по нас два выстрела: я обрезал веревку, державшую мину, и велел минеру приготовиться сбросить ее... как вдруг, на наше счастье, на конце левого острова открылся рукав реки, куда мы, собравши последние силенки машины, и свернули.

Здесь, и только здесь, вздохнулось свободно; большие суда не могли гнаться за нами теперь, и монитор успел только послать еще выстрел вдогонку.

Так как «Шутка» все более и более опускалась, то С. приказал подвести под киль парусину, чтобы несколько задержать течь, и, таким образом, мы могли надеяться благополучно добраться до дому.

* * *

Защищенные островком, мы подвели здесь итоги: «Шутка» была совсем разбита и, очевидно, не годилась для дальнейшей работы; были большие пробоины не только выше, но и ниже ватерлинии; свинцу, накиданного выстрелами, собрали и выбросили несколько пригоршень. У Скрыдлова две раны в ногах и контужена, обожжена рука. Я ранен в бедро, в мягкую часть. Поднявшись после удара, я все время стоял попрежнему, но, чувствуя какую-то неловкость в правой ноге, стал ощупывать больное место: вижу, штаны разорваны в двух местах, палец свободно входит в мясо. «Э, э! да, никак, я ранен. Так и есть: вся рука в крови. Так вот что значит рана. Как это просто! Прежде я думал, что это гораздо сложнее!» Пуля или картечь ударила в дно шлюпки, потом рикошетом прошла через бедро, навылет; перебила мышцу и на волос прошла от кости; тронь тут кость, верная бы смерть.

Из матросов никто не ранен.

Подведенные итоги выяснили прекурьезную вещь: взрыва не последовало оттого, что проводники были перебиты страшным огнем...

Впрочем, результат был удовлетворительный: пароход поворотил назад, так же как и монитор: значит цель атаки была достигнута».

[3] Стасов опубликовал сообщение об участии в атаке и ранении В. В. Верещагина в письме к редактору «Нового времени» (1877, 12 июня, № 461); см. также: Стасов В. В., Собр. соч., СПБ, 1894, т. II, отд. 4, стб. 209—212). Письмо Стасова гласило:

«М. Г. Сегодняшний телеграф принес известие, что 8 июня, во время нападения лейтенанта Скрыдлова на турецкий пароход, ранен знаменитый наш художник Вас. Вас. Верещагин, находившийся тут же на шлюпке волонтером.

К этому известию я могу теперь прибавить, на основании частного сообщения, полученного мною сегодня же, что Верещагин ранен пулею сзади, в тазовую кость, и что рана его не представляет опасности. Верещагин вовсе не служит в военной службе, но нынешняя поездка его на миноносной лодке, среди бела дня, навстречу турецкому монитору, не

первый геройский его подвиг. Уже почти лет 10 тому назад, в 1868 году, он, все-таки такой же штатский, частный человек, как и теперь, получил георгиевский крест за защиту Самарканда...

Таких примеров — художников, наделенных громадным талантом и тем не менее рискующих своею жизнью, когда дело идет об интересах отечества, — таких еще других примеров мы, кажется, выставить у себя не можем. Остается только желать теперь, чтоб рана Верещагина не мешала ему быть свидетелем тех великих дел, которые приготовляются теперь на Дунае и которые могут кончиться в Константинополе; остается надеяться, что его могучая кисть, презирающая те художественные пустяки, какими слишком часто пробавляются художники, воспроизведет еще, во всей грозной их правде, изумительнейшие события русской истории, нами теперь переживаемые».

[4] После того как Московское художественное общество отказалось принять от П. М. Третьякова для Училища живописи, ваяния и зодчества туркестанскую коллекцию картин Верещагина, Третьяков предложил ее в дар Московскому обществу любителей художеств. Но и это Общество, вследствие трудности быстрой постройки помещения для хранения и показа картин, не могло оставить у себя дара. В результате коллекция возвратилась к П. М. Третьякову.

Письмом от 9 июня 1877 г. Стасов запрашивал Третьякова по поводу обратного перехода верещагинской коллекции:

«Многоуважаемый Павел Михайлович, мне пишут из Москвы, что скоро должен совершиться обратный переход Верещагинской коллекции к Вам. Об этом давно уже говорено, даже *Перов* писал мне о том с негодованием, в то время, когда еще не становился в ряды противников Верещагина. Если же сообщаемый мне теперь факт — *правда,* если такое постыдное событие в самом деле должно совершиться, то я убедительно просил бы Вас сообщить мне, во всей подробности, *все* сюда относящееся: *выражения* писем (если такие были) или всяческих бумаг, словесные переговоры и т. д. А также просил бы Вас сказать мне, когда именно этот *переход* должен произойти. Не следует, чтоб после *великолепных, исторических* Ваших поступков подлые москвичи (или, по крайней мере, подлейшие и глупейшие из москвичей) так гнусно и совершенно безнаказанно поступали от лица всего русского народа, к которому адресовалось Ваше приношение!

Ради бога, не откажитесь помочь мне и будьте любезны и обязательны со мною и на этот раз, как всегда.

Да не будете ли Вы сами как-нибудь в Петербурге, теперь? Если да, то *всегда* найдете меня в б[иблиоте]ке; с утра до вечера я там сижу, потому что затеял нынче одну большую-пребольшую работу». (Переписка П. М. Третьякова и В. В. Стасова, 1874—1897, М.—Л., 1949, стр. 19—20.)

Однако Третьяков был против того, чтобы Стасов сообщал в печати историю перехода туркестанской коллекции от одного художественного общества к другому и о возвращении к нему.

В связи с этим Стасов вновь писал Третьякову 21 июня 1877 г.:

«Многоуважаемый Павел Михайлович, без сомнения я раньше всего исполню Ваше желание и помолчу до поры до времени; но надеюсь, что если бы это дело как-нибудь не устроилось, Вы тогда сообщите мне все нужные материалы, т. е. отзывы *подлинными словами,* письменными или устными. Это слишком интересно и не должно пропасть в неизвестности.

Со своей стороны, я считаю делом *осторожности* до поры до времени не называть Вам имени того, *ктó* и *откуда,* и *кáк* сообщил мне сведения о переходе (будто бы) Верещагинского собрания к Вам обратно; так как это сведение шло, повидимому, именно из среды людей, близко с

Вами соприкасающихся, то мне кажется необходимым покуда промолчать, для того чтоб возможное нерасположение или недоверие с Вашей стороны (могущее оказаться даже и *напрасным*) не попортило дело или, по крайней мере, не повлияло на него как-нибудь неблагоприятно. Буду надеяться, что все устроится как не надо лучше, и обязуюсь рассказать Вам все подробно, лишь только дело придет к тому или другому заключению. Не знаю, сообщал ли Вам Репин свои проекты и намерения, но, кажется, если они удадутся, нам предстоит видеть картины, которые должны быть по крайней мере *равны* «Бурлакам», а пожалуй, даже и гораздо выше по задаче.

С сентября он у Вас поселяется в Москве.

Верещагин тоже затевает хорошие вещи.

Как я рад, что мне удалось так ладно устроить пребывание Верещагина в армии! Не помню, писал ли я Вам в свое время, что еще в начале зимы я, по желанию Верещ[агина], прямо обращался через знакомых к вел[икому] кн[язю], и тот с величайшим удовольствием разрешил Верещ[агину] состоять при его штабе. И я имел возможность ответить такою телеграммою Верещагину в Париж не далее как на другой день после его собственной ко мне телеграммы. Как только получу новые известия о ране Верещ[агина], тотчас напечатаю их.

Жму Вашу руку». (Там же, стр. 20.)

Коллекция возвратилась к Третьякову в 1881 г. Он построил для нее новые залы в своей галлерее.

Сообщение об обратном переходе туркестанской коллекции Стасов опубликовал значительно позже, в биографии Верещагина («Вестник изящных искусств», 1883, стр. 258) и в статье «Павел Михайлович Третьяков и его картинная галлерея» («Русская старина», 1893, XII, стр. 569—608).

В статье Стасов резко отрицательно отзывался о непринявших дар Третьякова московских «любителях» и «деятелях» искусства.

История с даром туркестанской серии была действительно позорной для московских купцов и чиновников, игравших роль меценатов. Такое отношение к туркестанской коллекции было проявлением все того же враждебного отношения реакционно-консервативных кругов к передовому творчеству Верещагина, как и выступление генерала Кауфмана, и клевета Тютрюмова. Однако Третьяков был обеспокоен нападками Стасова на людей, близких ему по положению в московских деловых кругах, и опубликовал свои возражения Стасову («Московские ведомости», 1893, 12 декабря, № 342).

[5] Ровинский Дмитрий Александрович (1824—1895) — судебный деятель, почетный член Академии художеств. Крупнейший исследователь, собиратель и знаток русских народных картинок, лубков, гравированных портретов и гравюр. Автор трудов: «Русские граверы и их произведения с 1564 года до основания Академии художеств», М., 1870; «Русские народные картинки», СПБ, 1881; «Подробный словарь русских гравированных портретов», СПБ, 1886—1889; «Полное собрание гравюр Рембрандта», СПБ, 1890; «Обозрение иконописания в России до конца XVII века. Описание фейерверков и иллюминаций», СПБ, 1903, и др.

Стасов неоднократно давал обстоятельные критические разборы трудов Д. А. Ровинского.

[6] Искаженные черты лица.

[7] Репин летом 1876 г. вернулся в Россию из-за границы, где жил три года в качестве пенсионера Академии, и в течение зимы, проведенной на родине, в Чугуеве, написал ряд замечательных работ («Протодьякон», «Мужичок из робких», «Мужичок с дурным глазом» и др.)

[8] Репин впервые осматривал туркестанскую коллекцию Верещагина при проезде через Москву в Чугуев в начале октября 1876 г. Он не понял тогда таланта и значения творчества художника и написал Стасову 10 октября 1876 г. из Чугуева отрицательную характеристику о картинах и деятельности Верещагина (И. Е. Репин и В. В. Стасов, Переписка, [т.] I, 1871—1876, М.—Л., 1948, стр. 138). При вторичном осмотре туркестанской коллекции Репин оценил все значение Верещагина.

В цитируемом Стасовым письме, написанном 9 июня 1877 г., Репин говорил: «Отдайте мне, если можно, все мои слова относительно Верещагина назад!.. Я смотрел неверно, я не позаботился прошлый раз стать на точку зрения автора». Письмо опубликовано в книге: И. Е. Репин и В. В. Стасов, Переписка, [т.] II, 1877—1894, М.—Л., 1949, стр. 20—21.

113

К письму 23 июня 1877 г.

[1] Немирович-Данченко Василий Иванович (1844—1936) — писатель, автор романов и рассказов. Был в качестве корреспондента в действующей армии в период войны 1877—1878 гг.

В. В. Стасов опубликовал полученное от В. И. Немировича-Данченко письмо в газете «Новое время» (1877, 24 июня, № 473):

«Известие о В. В. Верещагине.

В. В. Стасов сообщает нам следующую выдержку из письма, только что полученного им из действующей армии:

«Журжево, 11 июня [1877]

М. г. С особенным удовольствием я принял на себя обязанность написать вам несколько слов по поручению не только знаменитого нашего художника, но теперь и героя В. В. Верещагина. Сам раненый в настоящее время еще не может писать, а между тем хотел бы перекинуться с Вами добрым приветом. Он просит сообщить вам, что чувствует себя превосходно, надеется скоро выздороветь. Рана его, несмотря на страдания, причиняемые больному, не опасна. Кость не задета, пуля прошла навылет правую ягодичную область, выражаясь техническим языком наших эскулапов. Передавая вам его поклон, сообщаю от себя, что он пока помещен в румынском госпитале, в одной комнате с товарищем своим по Морскому корпусу и по подвигу Н. И. Скрыдловым. Так как на-днях мы ожидаем со стороны рущукских батарей бомбардировки Журжева, то послезавтра (13 июня) и Скрыдлова и Верещагина переведут в Бухарест... Устройте, чтобы он получал газеты *; иначе, я думаю, скука лазаретной жизни на него подействует хуже, чем рана. Со своей стороны, я нашел Верещагина нервным, хотя и старающимся твердо выносить боль. Ему вставлена в рану дренажная трубка для облегчения истока материи. Легкое лихорадочное состояние не угрожает ничем серьезным.

Примите и проч.

В. Немирович-Данченко»

Эта публикация Стасова не вошла ни в Собрание сочинений В. В. Стасова (СПБ, 1894), ни в библиографию трудов В. В. Стасова (в сборнике «Незабвенному Стасову», СПБ, 1908).

[2] «Тан» — распространенная французская газета.

---

* Последние №№ «Нового времени» сегодня же посланы. В. С[тасов].

[3] Князь Верещагин.

[4] Каразин Николай Николаевич (1842—1908) — художник, писатель и военный корреспондент-иллюстратор. Один из учредителей Общества русских акварелистов. Сотрудничал во многих русских и иностранных журналах. Был участником ряда войн.

Литературные работы Каразина с его же занимательными иллюстрациями были в свое время популярны среди юношества.

Каразин своими рисунками и иллюстрациями быстро откликался на различные общественные события, изображал жизнь и быт народов Средней Азии, Балканских стран, многочисленные сцены сражений русской армии. Занимательные, а иногда и остро увлекательные по сюжету, работы Каразина отличались внешней эффектностью в ущерб глубине раскрытия образов.

О подвиге Верещагина и Скрыдлова Каразин написал в газете «Новое время», 1877, 22 июня, № 471 (статья «На боевых позициях»).

114

К письму 6/18 июля 1877 г.

[1] Письмо не датировано. На автографе надпись В. В. Стасова: «Получено 13 июля 1877».

К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Бухарест (дата неразборчива); Петербург, 13 июля 1877 г. На конверте пометка В. В. Стасова: «13 июля 1877. Приготовился к смерти. Рана».

Учитывая, что письма шли из Бухареста в Петербург семь дней, письмо может быть датировано 6/18 июля 1877 г.

115

К письму около 10/22 июля 1877 г.

[1] Письмо не датировано. К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Бухарест (дата неразборчива); Петербург, 18 июля 1877 г. На конверте надпись В. В. Стасова: «*18 июль 77*. Раненый в Бухаресте. Работы милы в Париже. Неизвестно, будет ли он писать индийские или другие картины».

Письмо может быть датировано приблизительно 10/22 июля 1877 г.

[2] Бранкэвенезе (Бранкованский).

[3] Верещагин Александр Васильевич.

[4] Верещагин Сергей Васильевич.

116

К письму 13 июля 1877 г.

[1] Мадам К. Рит — вероятно, родственница жены художника.

[2] В госпиталь, устроенный в Петергофском дворце.

[3] Стасов поместил о В. В. Верещагине в «Новом времени» следующие, уже упомянутые нами ранее, сообщения и публикации: 7 мая в № 426 («Иду с передовым отрядом»); 12 июня в № 461 (сообщение об

атаке на миноноске «Шутка»); 24 июня в № 473 (сообщение Вас. И. Немировича-Данченко о нахождении в румынском госпитале); кроме того, в конце апреля 1877 г. было сообщение об отъезде Верещагина из Парижа на Дунай.

[4] Стасов имеет в виду свое сообщение «Еще известия о Верещагине» («Новое время», 1877, 10 июля, № 489, письмо к редактору; см. также: Стасов В. В. Собр. соч., СПБ. 1894, т. II, отд. 4, стб. 211—214). В нем Стасов писал:

«М. г. Я слышу, что редакция «Нового времени» получает немало запросов с разных сторон о состоянии здоровья Верещагина. Желательно было бы удовлетворить этому законному любопытству ваших читателей, но это оказывается делом довольно трудным при нынешней деятельности полевой почты. Многие наши письма, адресованные на Дунай с запросами, оказываются неполученными; по всей вероятности, также и к нам оттуда не все сообщения доходят, — мудрено после этого публике узнавать все, что ей нужно и дорого узнать. Для того чтобы корреспонденции доходили верно и своевременно, пришлось посылать (и газеты) через Австрию и на имя какого-либо официального лица. Приезжие говорят, что массы русских писем лежат на почте в Бухаресте или в полевом почтамте, и получает письма разве тот, кто сам пойдет и разыщет адресованное к нему письмо. Однакоже, как бы то ни было, на основании того, что̀ нам известно до настоящего дня, мы все-таки можем сообщить тем, кому это интересно, что состояние здоровья Верещагина не худо и рана его не представляет опасности, хотя выздоровление идет медленно. Вот несколько подробностей о нем.

Один из корреспондентов «Нового времени», г. Каразин, очень живо описал всю чудесную экспедицию лейтенанта Скрыдлова, которому сопутствовал и Верещагин. Надо, однакоже, прибавить, что еще за неделю до экспедиции этот последний проведал о ней и стал упрашивать Скрыдлова, как бывшего своего товарища по Морскому корпусу и теперешнего своего приятеля, чтоб тот взял его с собою как волонтера. Скрыдлов долго отказывался, потому что предприятие было очень опасно, а он дорожил Верещагиным, как одною из русских слав. Но все было напрасно: Верещагин был непреклонен в своем желании, и перспектива опасности в таком деле, которое должно было иметь самое важное значение в истории теперешней войны (вопрос шел об обеспечении переправы через Дунай посредством заграждений против турецких броненосцев), — эта перспектива опасности только все более и более разжигала неустрашимый пыл и энергию Верещагина. Казалось, Верещагин заболеет или с ума сойдет, если ему помешают, — пришлось уступить, и прежние товарищи в продолжение целой недели (с 1 по 8 июня) стали разъезжать, с двумя-тремя матросами, на маленькой лодке, под видом рыбаков, по речке Каме, впадающей в Дунай: Кама скрывалась под огромным разливом вод, и необходимо было доискаться ее русла, уничтожить разные преграды (поставленные рыбаками для ловли рыбы) и потом провести в Дунай свою миноносную лодку. Все эти экспедиции совершались, разумеется, тайно, по ночам. Несмотря на всевозможные опасности, дело совершилось удачно, и, наконец, как всем теперь известно, Дунай был благополучно загражден минами, огромный турецкий монитор и пароход трусливо отступили перед маленьким катером, не будучи в состоянии сладить с ним, и вся команда воротилась цела и нетронута со своего блистательного подвига. Только двое были ранены — сам командир экспедиции, лейтенант Скрыдлов, и его сподвижник Верещагин. Когда они пристали к берегу, Скрыдлова понесли (за отсутствием носилок) в парусе. Верещагина, тяжко переступавшего, вели под руки два матроса; когда же потом из тряской и мучительной полковой фуры

их стали вынимать в селении Слободзее (недалеко от Журжева), товарищи по оружию встретили их неожиданною военною овацией; офицеры кавказского дивизиона, тут случившиеся, все как один человек разом сняли с головы фуражки и пропустили их сквозь свои энтузиастные ряды. Три кавалера ордена св. Георгия почти тотчас же постановили свой приговор о том, что Скрыдлов достоин их креста. Дня через 3—4 Скрыдлова и Верещагина перевели в Бухарест, в военный госпиталь, на попечение «Красного Креста». Всякий знает, как чудесно действуют члены этого общества, каковы нескончаемая заботливость, самоотвержение, нежные попечения великолепных женщин, бросивших все в России и мужественно поселившихся среди ран, страданий и госпитального гноя. Не одна из них встретила теперь, на Дунае, которого-нибудь из прежних своих танцоров в Петербурге или Москве, и тою самою рукою, которая в элегантном бальном платье протягивалась для вальса, накладывает ему теперь перевязки или бинтует измученные ранами ноги. На попечение к таким-то чудесным женщинам попали теперь Верещагин со Скрыдловым. Ка̀к о них заботились, ка̀к за ними ходили — нам кажется излишним даже рассказывать. Но рана Верещагина, признанная с самого же начала не опасною, заставила его потом сильно мучиться: крайняя раздражительность больного, необыкновенная нервная возбужденность его — иной раз ухудшали его положение до такой степени, что иногда он сам себя считал погибшим, ждал смерти. Тогда врачи и сестры милосердия удваивали свои старания, и им часто удавалось уменьшать его мучения, рассеивать его мрачное расположение духа. Многие из очевидцев утверждают, что всего болезненнее, всего раздражительнее на Верещагина действовала мысль, что вот теперь, благодаря этой проклятой «ничтожной» ране, он лишен возможности участвовать в переправе через Дунай и изобразить потом как подлинный свидетель это великое, славное дело своими кистями и красками на холсте. Рана, сначала невеликая, потом все увеличивалась и увеличивалась; полагают, что она была нанесена из ружья, с турецкого берега, и что она была какого-то особенно большого калибра, повидимому, из ружья системы Минье. Впоследствии, даже гораздо позже, после вынутия пули, пришлось эту рану разрезать, чтобы освободить от кусочков сукна от платья и огромного накопления материи. Верещагин перенес и эту мучительную операцию очень бодро и мужественно, но его крайняя нервная раздражительность и возбужденность, удивляющая даже врачей, продолжает замедлять его выздоровление. Говорят, милое и полное нежной внимательности сочувствие находящихся около него сестер милосердия всего благотворнее действуют на него. Нам сообщают также, что доходящие иной раз до него сведения о сочувствии к его состоянию многих, очень многих из числа русского общества иногда сильно успокаивают и радуют его. Нам передавали, что иные нумера наших газет доставляли Верещагину несколько минут отрады и успокоения.

Чего же нам всем пожелать Верещагину? Конечно, чтобы он перестал тревожиться, чтобы он стал спокойнее и тем помог своему здоровью быстро восстановиться; чтобы он, наконец, скорее мог снова очутиться среди глубоко уважающих его, следящих за ним с любовью русских дружин и нарисовал мастерской кистью их великие подвиги, бесстрашно наблюдаемые им на суше и на воде среди града гранат и бомб.

Которая-то (не помню хорошенько) английская или немецкая газета напечатала недавно, что потеря Верещагина равнялась бы для нас проигрышу большого сражения. Мы никогда не позволим себе сравнивать жизнь одного человека (какой бы он ни был выходящий из ряда вон) с жизнью тысячей, перед которыми долг отечества неоплатен и которых святой подвиг самоотвержения бесценен, но все-таки глубоко чувствуем

все значение для нас Верещагина и думаем, что значительная масса публики с таким же горячим чувством, как и мы, следит за его болезнью и ждет его выздоровления.

В. С[тасов]»

Тогда же, 12 июля 1877 г, Стасов сообщил дополнительные сведения о Верещагине П. М. Третьякову:

«Многоуважаемый Павел Михайлович, спешу ответить Вам на Ваше письмо от вчерашнего числа, что не дальше как сегодня утром я послал в «*Новое время*» напечатать следующую телеграмму нашего генерального консула в Бухареште, *Стюарта*, в ответ на запрос Морского министерства (вследствие просьбы моего доброго знакомого лейтенанта Скрыдлова): «Здоровье Верещагина было очень плохо, теперь он поправляется. Лежит он в Бухареште в Бранков[ан]ском госпитале».

Вероятно, эта телеграмма будет напечатана завтра (13-го) *.

Я постоянно в сношениях с Верещагиным, и он так меня помнит, что, по словам Скрыдлова, что когда был ранен, тотчас первым почти делом послал телеграмму в Мюнхен, к даме, с которой находится в самых близких отношениях, и продиктовал Немировичу-Данченко письмо ко мне (которое я тотчас же напечатал). По приезде Скрыдлова сюда я собрал из его рассказов все, что было возможно, и напечатал в «*Новом времени*» 10 июля. На-днях жду еще известий от Л. А. Демидовой, начальницы Красного Креста в Бухареште, с которою я теперь в переписке. А дня 3—4 тому назад я, по требованию Верещагина, послал ему 2000 франков (по телеграфу), так как он именно эту сумму отдал на сохранение в кассу Кубанского казачьего полка (куда намерен был поступить, но был ранен, а полк ушел вперед и с ним порвались все сношения). Мне Скрыдлов рассказал, что Верещагин намерен, только выздоровеет, немедленно поступить в эти самые казаки, — и сколько я его еще раньше ни отговаривал (и другие тоже), ничто не берет. [. . . .] Верещагин еще рассказал про себя, что в Морском корпусе он был фельдфебелем Скрыдлова, и проч. Еще рассказывал тот же Скрыдлов, что Верещагин так был доволен некоторыми статьями моими про него, его рану и проч., особенно статьею 12 июня, что положил этот № «*Нового времени*» себе под подушку и сильно утешался им.

Нервное его расстройство происходит от его характера вообще, бесконечно необузданного и строптивого, а также и от невозможности быть теперь при войске и набрасывать эскизы войны, но, быть может, еще более от следствий индийского климата и индийских лихорадок, страшно потрясших его здоровье (так что он просто неузнаваем на фотографич[еской] карточке *с Георгием*, которую он мне прислал еще из Кишинева) и, наконец, от неприятностей денежных и процесса в Париже, о чем я, кажется, Вам рассказывал. Во «*Всемирной иллюстрации*» была на прошлой неделе помещена картина: миноносная шлюпка «*Шутка*» перед турецким монитором (со Скрыдловым и Верещагиным). Эта картинка нарисована Каразиным, но по указаниям и с поправками самого Верещагина.

Вот Вам, многоуважаемый Павел Михайлович, кажется, немало подробностей про Верещагина. Если интересуетесь бо́льшими, велите себе отыскать и прочитать указанные мною нумера «Нового времени». (Переписка П. М. Третьякова и В. В. Стасова, 1874—1894, М.—Л., 1949, стр. 21—22.)

---

* Опубликована в «Новом времени», 1877, 15 июля, № 494, «Хроника». — *Ред.*

117

К письму 15/27 июля 1877 г.

[1] Письмо не датировано. На автографе пометка В. В. Стасова: «Июль 77».

К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Бухарест, 27 июля 1877 г. и Петербург, 22 июля 1877 г. На конверте надпись В. В. Стасова: «Цель поездки на войну. Картина. Репин».

Письмо датируется по почтовому штемпелю.

[2] Верещагин имеет в виду намерение Стасова сообщить в печати о возврате Третьякову туркестанской коллекции картин.

[3] Мейссонье Эрнест (1815—1891) — знаменитый французский художник-жанрист, исторический живописец и баталист. Писал небольшие картинки, отличавшиеся документальной точностью в передаче изображаемого и виртуозностью письма. Однако работы Мейссонье лишены глубокого передового идейного содержания.

118

К письму 18/30 июля 1877 г.

[1] Год «1877» проставлен на автографе В. В. Стасовым. К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Бухарест, 31 июля 1877 г.; Петербург, 26 июля 1877 г. На конверте пометка В. В. Стасова: «18 июль 77. Братья Сергей и Алекс[андр] в армии. Георг[иевский] крест».

[2] Демидова Лидия Алексеевна — заведующая складом Красного Креста в Бухаресте.

119

К письму 29 июля/10 августа 1877 г.

[1] Год «1877» на автографе проставлен В. В. Стасовым. К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Бухарест, 10 августа 1877 г.; Петербург, 5 августа 1877 г. На конверте приписка В. В. Стасова: «Июль 77. Худые госпитали. Раненый в госпитале. Горчаков навещает Плевна».

[2] От другого брата — А. В. Верещагина, служившего тогда во Владикавказском казачьем полку.

[3] Соколов Петр Петрович (1821—1899) — видный русский живописец и акварелист реалистического направления, близкий к передвижникам, автор многочисленных иллюстраций, жанровых работ, батальных сцен и портретов. К числу его наиболее известных произведений относятся: иллюстрации к «Мертвым душам» Гоголя, многочисленные охотничьи сцены и портреты. В своих произведениях, основанных на серьезном изучении жизни, Соколов нарисовал широкую картину современного ему провинциального быта, переходя в ряде случаев от обычного для него мягкого юмора к сатирическому изображению нравов, обычаев и типов помещичьей деревни.

Участник войны 1877—1878 гг., Соколов исполнил множество зарисовок и ряд картин на военные темы. Однако, в отличие от жанровых ра-

бот, батальные картины Соколова не отличались ни глубиной содержания, ни остротой социальной характеристики изображенных событий.

О работах Соколова из войны 1877—1878 гг. Стасов упоминает в статье «Художественные выставки 1879 г.» («Молва», 1879, № 313). Говоря об акварелях художницы Кочетовой, он пишет: «Я должен был сравнивать их с манерным шикарством г. Соколова. Даром что он выставил сюжеты из последней турецкой войны, но в них так мало было правды и так все условно и искусственно, и люди, и краски, и позы, что этих акварелей, повидимому, никто и не заметил». (Стасов В. В., Собр. соч., СПБ, 1894, т. I, отд. 2, стб. 698.)

[4] Верещагин имеет в виду первые неудачные атаки плевненских турецких укреплений в июле 1877 г.

[5] Стасов опубликовал подробную выдержку из письма, начинающуюся этой фразой. («Новое время», 1877, 6 августа, № 516, без подписи.)

[6] Мюнхен, Байерштрассе, 15, господину Рит через Баварский Ферейнсбанк.

120

К письму 2/14 августа 1877 г.

[1] Год «1877» проставлен на автографе В. В. Стасовым. К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Полевая почта, 4 августа 1877 г.; Петербург, 13 августа 1877 г. На конверте надпись В. В. Стасова: «Посылка денег».

[2] Тогда же, 2 августа 1877 г., Стасов опубликовал в «Новом времени» № 512 сообщение в хронике:

«В. В. Стасов сообщает нам, на основании телеграфической депеши директора Бранкованского госпиталя в Бухаресте от 27 июля, что здоровье В. В. Верещагина настолько уже поправилось, что он гуляет по саду».

121

К письму 10/22 августа 1877 г.

[1] Гинцбург Гораций Осипович.

[2] Единственная сестра братьев Верещагиных — Мария Васильевна.

[3] Портрет В. В. Верещагина был помещен в № 35 журнала «Пчела» за 1877 год.

[4] Стюарт (Стуарт) Дмитрий Федорович, барон — дипломатический агент и русский генеральный консул в Бухаресте.

[5] Трифонов П. — специальный корреспондент газеты «С.-Петербургские ведомости» на театре войны 1877—1878 гг.

Упоминаемый Стасовым фельетон Трифонова написан в Бухаресте 18/30 июля и, под заголовком «За Дунай», опубликован 2 августа 1877 г. в № 211 «С.-Петербургских ведомостей». О В. В. Верещагине автор фельетона сообщал:

«В госпитале Бранкована, как, вероятно, уже всем известно, были помещены наши герои 8 июня: лейтенант Скрыдлов и художник Василий Верещагин. Я рад, что могу сообщить о них отрадные вести. Скрыдлов уже настолько поправился, что уехал в Петербург, а здоровье гениального художника улучшается с каждым днем. Весьма серьезная опасность, угрожавшая даже его жизни, миновала; широкая и глубокая рана зажи-

вает, и, вероятно, недели через три он будет в состоянии оставить госпиталь.

В. В. Верещагин лежит один в большой, высокой комнате в пять окон *. Подойдя к высокой кровати и увидев бледное, исхудалое лицо дорогого русскому сердцу больного, я был глубоко растроган. Вся фигура В. В. и тонкие черты его лица сразу обнаруживают художника. Высокий, выпуклый лоб с начинающейся лысиной, очень живые, блестящие глаза в глубоких глазных впадинах, орлиный нос, прекрасно очерченные губы, часто складывающиеся в улыбку, обнаруживая ряд ровных белых зубов, и густая темнорусая борода, доходящая до половины груди. В каждом движении, в каждом слове сказывается нервность, впечатлительность, горячность и большая нравственная сила, при замечательной доброте и искренности. Переспросив мое имя, В. В. пригласил сесть около его кровати; я назвал человек 5—6 наших общих петербургских знакомых; это очень его оживило, и мы пробеседовали около двух часов. По его словам, ему для художественных целей было необходимо самому испытать и пережить все впечатления боя; он непременно хотел порубиться в ряду казаков в шашки, с пехотою пойти в штыки, а тут еще представился случай атаковать монитор. В Туркестане он часто бывал в очень горячих схватках, но все сходило благополучно, и у него сложилось какое-то убеждение, что он всегда останется невредим, однако турецкая картечь доказала другое. Получив рану, В. В. Верещагин упал, но тотчас же поднялся, и когда сошли на берег, то был в состоянии пройти пешком около двух верст, не чувствуя особенных страданий и не придавая своей ране значения более простой царапины. Вся серьезность положения выяснилась только дней через пять, когда его начала беспокоить сильная боль в ране, сопровождаемая лихорадочным состоянием и в высшей степени сильным нервным возбуждением, уменьшившимся только несколько дней тому назад. В настоящее время В. В. Верещагин собрался несколько с силами, сегодня даже совершил, с помощью доктора, небольшую прогулку по комнате, и нет сомнения, что выздоровление пойдет теперь успешно.

Посреди всех страданий одна мысль не покидала художника: скорее выздороветь и опять отправиться в действующую армию; он боится одного: чтоб болезнь не задержала его в постели до окончания войны и не помешала ему видеть то, что для него необходимо [. . .].

С глубокою признательностью отзывается В. В. Верещагин как о пользующих его врачах и заведующем госпиталем полковнике Бибеско, так и о русских сестрах милосердия, устроивших собственно для него постоянное дежурство и заменивших сиделок госпиталя румынок, которые, по незнанию русского языка, не могли в точности выполнять требования больного.

Во все время пребывания моего в Бухаресте, продлившегося, независимо от меня, более, чем желал, я ежедневно навещал В. В. и просиживал у его кровати час или два, разговаривая о самых разнообразных предметах; несмотря на непродолжительность нашего знакомства и на то, что В. В. постоянно находился под влиянием болезни и слабости, тем не менее он не мог не внушить цельного к себе участия. О своих будущих картинах он высказывал, что, кажется, задумал их в слишком обширном плане и боится, что не достанет средств для его выполнения, особенно при плохом здоровье, окончательно расстроенном путешествием в Индию и последними страданиями [. . .]».

---

* Кроме Верещагина, в русском отделении госпиталя Бранкована находятся теперь только два больных чиновника управления военными сообщениями.

Фельетон подписан псевдонимом «П. Тр.»

Позднее «С.-Петербургские ведомости» (1877, 10 августа, № 219) сообщали о Верещагине:

«Для многочисленных поклонников таланта нашего художника г. Верещагина я должен сказать, что состояние его здоровья день ото дня улучшается, что рана его в последнее время стала быстро заживать, и потому он проводит большую часть дня в саду госпиталя, в своей собственной палатке. Он надеется в скором времени снова выехать за Дунай и присоединиться к войску.

Но, говоря о г. Верещагине, я не исполнил бы свой долг, умолчав о г-же Чернявской, нашей сестре милосердия, всецело посвятившей себя заботам и уходу за нашим знаменитым художником, который беспредельно ей благодарен, что он и высказывает ей на каждом шагу. День и ночь г-жа Чернявская находится при нем и своим ровным, мягким и в высшей степени добрым характером немало содействует выздоровлению В. Верещагина. Заслуга г-жи Чернявской тем более велика, что ее попечению доверен был трудно раненный и притом человек, имя которого оставит славную страницу в истории нашего отечества».

[6] Выставка Товарищества художественных передвижных выставок организованного в 1870 г. с целью пропаганды русского национального искусства.

Товарищество устраивало выставки в Москве и Петербурге, затем перевозило их по крупнейшим городам России.

Вдохновителями организации Товарищества были И. Н. Крамской, Г. Г. Мясоедов и Н. Н. Ге. Вместе с ними подписали устав Товарищества В. Перов, А. Саврасов, И. Прянишников, М. К. Клодт, М. П. Клодт, И. Шишкин, К. Маковский, Н. Маковский, В. Якоби, А. Корзухин, Л. Каменев и К. Лемох. В Товарищество передвижных выставок входили: И. Е. Репин, В. И. Суриков, И. И. Левитан, В. М. Васнецов, В. А. Серов и др.

Идеологом и вождем передвижничества был И. Н. Крамской. В. В. Стасов был пламенным трибуном передвижников. Он систематически разбирал их произведения, популяризировал их, защищал от нападок реакционной печати.

Передвижники не только правдиво изображали жизнь, но, следуя учению Н. Г. Чернышевского, творили суд над явлениями жизни, произносили им приговор. Они боролись своим творчеством за интересы широких демократических масс против крепостнических пережитков, произвола самодержавия, чиновников, помещиков, против нищеты и бесправия народа. В остро обличительном творчестве передвижников, изображавшем жизнь народа, лучших его представителей, ярко раскрыт «положительный герой» — полный силы, внутренней красоты, благородства, чувства общественного долга. Их реализм был передовым, демократическим, идейным реализмом. В каждый жанр изобразительного искусства творчество передвижников не только внесло новый и ценный вклад, но являлось новым крупнейшим прогрессивным этапом в развитии мирового искусства.

Демократическое, по духу своего творчества, Товарищество было организацией, противоположной Академии художеств. Оно подвергалось с ее стороны всяческим нападкам и притеснениям.

6-я Передвижная выставка была в 1878 году.

В. В. Верещагин не был членом Товарищества передвижных выставок, однако по характеру своего реалистического творчества и его идейности он близко примыкал к передвижникам. Он был экспонентом на 3-й Передвижной выставке 1874 г., выставив этюд «Ташкенец», и на 4-й Передвижной выставке 1875 г., выставив восемь произведений.

122

К письму 15/27 августа 1877 г.

[1] Год «1877» и «Бухарест» проставлены в автографе В. В. Стасовым. К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: почтовый вагон, 16 августа 1877 г.; Петербург, 22 августа 1877 г.

[2] Обеспокоенный длительным отсутствием писем от В. В. Стасова, Верещагин запрашивал о нем 11 августа 1877 г. Д. В. Стасова: «Дмитрий Васильевич! Дайте мне, пожалуйста, знать, в добром ли здоровье брат Ваш Влад[имир] Васильевич? Я очень беспокоюсь, не получая от него писем в продолжение довольно долгого времени. Я многогрешный скоро буду здоров. Здесь все тихо — едут подкрепления.

Вас уважающий

В. Верещагин»

(Архив Института литературы Академии наук СССР.)

123

К письму 18/30 августа 1877 г.

[1] Год «1877» проставлен на автографе В. В. Стасовым. К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Бухарест (дата неразборчива); Петербург, 27 августа 1877 г. На конверте пометки В. В. Стасова: «*18 авг[уста 18*]*77*. Брат Сергей ранен и контужен. Брат Александр молодцом?»

[2] Осман-Нури-паша (1837—1900) — турецкий генерал, осажденный русскими войсками в Плевне. При вылазке был ранен и взят в плен. Плевна была взята 28 ноября (10 декабря) 1877 г.

[3] Махмуд-паша — турецкий генерал, начальник артиллерии турецкой армии.

[4] Сулейман-паша (1838—1892) — турецкий генерал, главнокомандующий войсками в Восточной Румелии. Безуспешно атаковал Шипкинский проход через Балканы, занятый русскими. С октября 1877 г. — главнокомандующий Дунайской армией. 5/17 января 1878 г. был наголову разбит армией генерала Гурко при Филиппополе.

[5] Русские войска, которыми командовали И. В. Гурко и Ф. Ф. Радецкий, совершили переход через Балканы, закончившийся 28 декабря 1877 г. сдачей генералу М. Д. Скобелеву, после боя у Шипки, всей шипкинской армии турок.

[6] Рущук — крепость на Дунае.

124

К письму 22 августа/3 сентября 1877 г.

[1] «Бухарест» и год «1877» проставлены в автографе В. В. Стасовым. К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Бухарест и Петербург, и неразборчивыми датами. На конверте надпись В. В. Стасова: «22 авг[уста 18]77. Из 2 карточек, *одна* для меня».

[2] Фотографический портрет В. В. Верещагина, на котором он изображен крайне истощенным и измученным, хранится в музее Института литературы Академии наук СССР. На обороте этого портрета надпись В. В. Стасова: «Получ. 29 авг. 77».

125

К письму 25 августа/6 сентября 1877 г.

«Бухарест» и год «1877» проставлены В. В. Стасовым. К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Бухарест, 7 сентября 1877 г.; Петербург, 1 сентября 1877 г.

[2] Плон — издатель.

126

К письму 3/15 сентября 1877 г.

[1] Год «1877» в автографе проставлен В. В. Стасовым.

[2] Скобелев Михаил Дмитриевич (1843—1882) — выдающийся русский генерал, участник военных действий русской армии в Средней Азии в 1870-х и 1880-х гг. Проявил большие военные способности в период русско-турецкой войны 1877—1878 гг. и одержал ряд побед над турками. Был другом В. В. Верещагина. С. В. Верещагин являлся адъютантом М. Д. Скобелева.

[3] Гурко Иосиф Владимирович (1828—1901) — фельдмаршал. В войне 1877—1878 гг. был начальником передового отряда, занял проходы на Балканах, затем овладел Горным Дубняком и Телишем. Зимою его войска совершили переход через Балканы. В 1883—1894 гг. варшавский генерал-губернатор.

[4] Верещагин Николай Васильевич (1839—1907) — агроном. Организатор первых русских артельных сыроварен и Школы молочного хозяйства. Старший брат В. В. Верещагина.

[5] Имеретинский Александр Константинович, князь (1837—1900) — генерал, участник взятия Ловчи и штурма Плевны. В 1881—1891 гг. — начальник главного военно-судного управления; с 1897 г. — варшавский генерал-губернатор.

[6] Зотов Павел Дмитриевич (1824—1879) — генерал. В 1877 г. командир армейского корпуса; начальник войск под Плевной.

[7] О С. В. Верещагине Стасов помещал несколько раз сообщения в печати. Письмом в редакцию «Нового времени», опубликованным 7 сентября 1877 г. в № 548, сообщал о его гибели под Плевной 30 августа и о ранении там же А. В. Верещагина.

Вторым письмом в редакцию «Нового времени» («Эпизод из Плевненской битвы»), помещенным 15 сентября 1877 г. в № 556, Стасов опубликовал настоящее письмо В. В. Верещагина, не называя его автора.

В журнале «Пчела» (1877, № 39, стр. 614—615) Стасов опубликовал краткую биографию С. В. Верещагина.

127

К письму 5/17 сентября 1877 г.

[1] Год «1877» проставлен на автографе В. В. Стасовым. К письму приложен конверт с почтовым штемпелем: Петербург, 16 сентября 1877 г.

[2] Скалон Дмитрий Антонович (р. 1840) — полковник, адъютант и управляющий канцелярией главнокомандующего в войну 1877—1878 гг.

128

К письму 8/20 сентября 1877 г.

[1] Дата «8 сент[ября 18]77» проставлена на автографе В. В. Стасовым. К письму приложен конверт с почтовым штемпелем: Петербург, 20 сентября. На конверте надпись В. В. Стасова: «Брат Сергей. Начал делать наброски. 8 сент[ября] 1877». Письмо написано в расположении армии под Плевной.

129

К письму 13 сентября 1877 г.

[1] Нёвиль Альфонс-Мари де (1836—1885) — известный французский баталист и исторический живописец реалистического направления. Темами его картин были, в частности, эпизоды из войны 1870 года.

Лучшие произведения Нёвиля дают правдивое, основанное на серьезном изучении действительности, изображение боевых эпизодов. К числу лучших произведений художника относится картина, посвященная событиям франко-прусской войны: «Бой на полотне железной дороги» (1874).

[2] Упоминаемая В. В. Стасовым «статейка» — «С. В. Верещагин». Письмо в редакцию «Нов[ого] врем[ени]» (1877, 7 сентября, № 548; см. также: Стасов В. В., Собр. соч., СПБ, 1894, т. II, отд. 4, стб. 213—214) — гласила:

«М. г. Я получил от доктора, профессора Чудновского, телеграмму из Зимницы, которою он меня уведомляет, что в деле под Плевною 30 августа «изрублен черкесами» брат знаменитого нашего художника Вас. Вас. Верещагина, Сергей Верещагин, и ранен в ногу, впрочем неопасно, другой брат его, Александр Верещагин. Сергей Верещагин, третий из шести братьев, занимался с некоторым успехом живописью и для усовершенствования жил до прошлого года в Париже. Летом 1876 г. он воротился в Россию и отправился в губернии Вологодскую и Архангельскую (где у него были небольшие имения) для писания этюдов с натуры и бытовых картин. В мае нынешнего года он поехал в армию и, не поступая в военную службу, участвовал в нескольких делах. Недавно он был контужен в голову и ранен в руку, но решительно отказывался лечиться, несмотря даже на просьбы высокопоставленных лиц; поскакал на Плевну и там нашел себе славную смерть. Младший из всех Верещагиных, Александр, кончив курс в юнкерской школе, служил в Изюмском уланском полку, потом был несколько лет в отставке по семейным делам; в июне же настоящего года он поступил сотником во Владикавказский терский казачий полк и находился с тех пор все время в отряде генерала Скобелева, исполняя со своею лихой сотней многие опасные и трудные поручения. На другой день после того дела, где был ранен вместе с лейтенантом Скрыдловым старший его брат, Василий, — Александр Верещагин участвовал в деле под Ириклюром 9 июля и получил за него крест св. Станислава 4 степени, с мечами и бантом. Пять недель позже, 30 августа, он ранен под Плевной и перевезен теперь в Бухарест, в Бранкованский госпиталь, откуда только что за несколько дней выехал в действующую армию почти совершенно оправившийся знаменитый брат его, Василий Васильевич Верещагин».

[3] Чудновский Юрий Трофимович (1843—1896) — врач терапевт и диагност.

[4] Матэ Василий Васильевич (1856—1917) — крупный русский гравер (офортист и ксилограф), ученик Л. А. Серякова, академик. С 1884 г. преподавал в училище Штиглица, с 1894 г. — профессор, руководитель граверного отделения реформированной Академии художеств. Учитель крупнейших советских граверов И. Н. Павлова, А. П. Остроумовой-Лебедевой и др. Многочисленные работы Матэ появлялись в большинстве русских иллюстрированных журналов и в иллюстрированных изданиях и служили мощным средством популяризации крупнейших произведений передвижников.

Матэ был знаком со Стасовым с 1870-х гг. В 1880 г. Стасов познакомил Матэ в Париже с В. В. Верещагиным, который оказал на Матэ большое влияние.

130

К письму 18 сентября 1877 г.

[1] С альбомного фотографического портрета.

131

К письму 19 сентября/1 октября 1877 г.

[1] Год «1877» проставлен на автографе В. В. Стасовым. К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: румынский (неразборчив); Петербург, 30 сентября 1877 г. На конверте надпись В. В. Стасова: «19 сент[ября 18]77. Брат Сергей».

[2] В тот же день Верещагин писал Ю. Я. Леману:

«...Очень мало еще успел сделать заметок, так что, несмотря на дожди и холод, останусь еще некоторое время, к тому же подожду, не будет ли решительного удара по турку, благо силы на помощь подошло и подходит много. Авось возьмутся за ум наши паны и ударят массою, а не раздробят опять свои силы. Нет сил видеть по госпиталям эту массу бесплодно искалеченных солдат наших, которые громко говорят, что понапрасну изводят народ. Впрочем, дух в войске нисколько не упал, что бы ни говорили иностранные газеты. Вчера присутствовал при операциях — аж тошнит. Кланяйся Кумани и Лефевру.

В. Верещагин».

(Архив Русского музея.)

132

К письму 4/16 октября 1877 г.

[1] На автографе пометка В. В. Стасова: «4 окт[ября 18]77». К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Полевая почта, 4 октября 1877 г.; Петербург, 15 октября 1877 г. На конверте надпись В. В. Стасова: «4 окт[ября] 1877. Завещание С. В. Верещагина».

[2] В. В. Верещагин писал брату в начале октября 1877 г.: «Тырнов, дождь, слякоть, холод. Я никак не советую тебе теперь проситься на какое-либо место в Петербурге, потому что ты еще не калека и всякая твоя просьба в этом смысле будет *очень дурно принята.* Уходить с театра войны офицеру, легко раненному, не следует, и я теперь не возьму на себя кого-либо просить о твоем переводе, да и тебе не следует покушаться на это — не советую.

Вел[икий] князь к тебе очень расположен и, по моей ли или по твоей лично просьбе (я не отказываюсь), сделает, вероятно, все возможное после войны, но не теперь. Я советовал бы даже тебе не говорить того, что ты мне говорил, а именно, что ты «не пойдешь более под пули», — поверь, что все, начиная с докторов твоих, которые, вероятно, советуют тебе хорошенько вылечиться только, — не одобрят таких выражений в устах юного офицера, казака, да еще Верещагина. По крайней мере я помню, что Патцель с маленькою ирониею говорил мне, что некоторые из больных думают ехать домой, а не на поле битвы, — будь же хоть осторожен. Не невозможно, что еще в нынешнем году армия пойдет за Балканы, и тогда тебе, отдохнувши, разумеется, или в Бухаресте, или в Питере, *следует* пойти туда же. Напиши мне, разделяешь ли ты мое мнение, тогда я постараюсь о прикомандировании тебя или хоть к Гурко, или к кому-либо другому из генералов, которые пойдут вперед. Пиши на главную квартиру, потому что я думаю скоро поехать не надолго в Париж, с тем, разумеется, чтобы вернуться. О том, что ты желаешь ехать окончательно в Питер, я могу сказать кому следует и сообщу тебе о результате. Смотри же *не малодушничай* — помни, что время для России тяжелое, очень тяжелое, и не переходи добровольно из первого ряда в раек [....]. Будь терпелив, пожалуйста, и не рисуй себе своего положения в черном свете.

Все дела твои обстоят хорошо: ты получил уже, как, вероятно, сам знаешь, Станислава с мечами и бантом и, кажется, еще получишь чуть ли не Владимира (хотя наверное не ручаюсь); знаю, что вел. князь вспоминал о тебе при назначении наград, причем тот, к которому он обращался с вопросом о том, получил ли ты что-нибудь, благоразумно умолчал о почтенном много святом Станиславе твоем. Советую тебе в нынешнюю же кампанию стараться получить и георг[иевский] крест, который, по правде сказать, до сих пор ты еще не имел права получить. Протекции и выпрашивания других тебе, разумеется, не пример: вот помощник австрийского агента получил белый крестик за то, что 30 августа явился в главную квартиру в растерзанном виде и *уверял* всех, что он был в *адском* огне, — на то он австриец (разумеется, это строго между нами). О деньгах твоих еще не узнал, забыл, сделаю это теперь. Прощай, до свидания, я поеду скоро под Плевну, вероятно, в Пародин.

Кланяйся Бибеско и докторам. Скажи Бибеско, что я передал его поклон Непокойчицкому». (Отдел рукописей Государственной Публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.)

[3] Черкасский Владимир Васильевич, князь (1824—1878) — славянофил. В войну 1877—1878 гг. был заведующим гражданским управлением при штабе главнокомандующего и состоял уполномоченным Красного Креста.

[4] К письму приложен измятый, написанный карандашом С. В. Верещагиным, клочок бумаги: «Мое единственное желание, чтоб имущество мое, где бы оно ни [находилось], было употреблено на Несвойскую центральную школу Вологодской губернии и уезда.

16 июля 1877 г. Сельви. Сергей Васильевич Верещагин».

133

К письму 8 октября 1877 г.

[1] Письмо В. В. Стасова написано после текста письма В. В. Верещагина, отца художника, которое гласило:

«С.-П[етер]б[ург], 8 октября [1877].

Милый Василий Васильевич.

В 39 № «Пчелы» в статье «С[ергей Васильевич] В[ерещагин]» найдешь ты кое-что о своих стариках. Вставка моя и имя ей нужда. Продолжительная болезнь матери вашей, доктора, аптеки, содержание дома и на все это проценты с 8/т. р[ублей]. Продажа Любца переселила нас в П[етер]б[ург]. Александр, обмеблировав квартиру, уехал, отказавшись от дальнейшей помощи. Обстановка приличная, но не кормит. Твои дела в настоящее время тоже не допускают расходов; остается Ник[олай] Васил[ьевич], помощью которого покудова мы и существуем; но деньги его, отнятые у детей, жгут мне руки.

Во всех газетах было напечатано, что матери Дубасова было дано единовременное пособие и пенсия в 600 р. Не удивляйся сравнению, но обдумай предмет. Понятно, что лично тебе просить нельзя и на это потребуется 3-е лицо, могущее обратить внимание на это сильных мира сего. При уме твоем и доброй воле немногое невозможно.

Будь же здоров, мой милый друг, подумай хорошенько, вспомни и лета мои и что старуха останется в тягость всем Вам.

В. Верещагин

В каждое посещение мое Библиотеки застаю я Владимира Васильевича или отправляющего посылку Верещагину, или пишущего ст[атью] о Верещагине, или получающего портрет Верещагина. Нельзя вернее и лучше описать неудавшуюся жизнь бедного Сергея.

Чемоданы его потрудись переслать, особенно, если найдешь какие-нибудь бумаги, относящиеся до продажи или залога его имения. Получил ли портрет детей Н[иколая] В[асильевича]?»

[2] Прикрашена.

[3] Крыжановский Николай Андреевич (1818—1888) — генерал, писатель, участник Севастопольской обороны и туркестанской войны. С 1865 по 1881 г. являлся Оренбургским губернатором и с этой должности был уволен в связи со вскрытыми ревизией злоупотреблениями губернских чиновников.

[4] Перовский Борис Алексеевич (1815—1882) — генерал; был царским адъютантом.

134

К письму 9/21 октября 1877 г.

[1] Год «1877» проставлен на автографе В. В. Стасовым. К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: один неразборчив, второй — Петербург, 19 октября 1877 г. На конверте пометка В. В. Стасова: «9 окт[ября 18]77. Горный Студень».

[2] Шипка — перевал через Балканы, 1300 метров над уровнем моря, главный путь сообщения с южной Болгарией — из Тырнова к Адрианополю. Был занят русскими войсками под командой генерала Гурко в июле 1877 г. Оборонялся русскими от турецких атак до 28 декабря 1877 г., когда, после победы над турками, русские перешли через Балканы.

[3] Долина в южной Болгарии, где культивируются в огромном количестве розы для получения розового масла. Явилась ареной военных действий.

135

К письму 12/24 октября 1877 г.

[1] Письмо не датировано. Приложен конверт с почтовыми штемпелями: Полевая почта, 12 октября 1877 г., Петербург, 22 октября 1877 г. На конверте надпись В. В. Стасова: «Не давайте меня в руки картинопродавцам. Перед Плевной. 1877». Письмо датируется по почтовому штемпелю.

На автографе пометка В. В. Стасова: «По направлению к Плевне 17—18 окт[ября] 1877».

[2] Плевна была взята 27—28 ноября 1877 г., после неудачной попытки Османа-паши пробиться из осажденного города.

Тогда же, 12/24 октября 1877 г., Верещагин писал своему брату из Систова:

«Я слышал, Александр Васильевич, что ты *очень капризничаешь,* — это тем более странно, что рана твоя совсем не опасна, и я тебе искренно советую смотреть за собою; не забудь, что о капризах твоих я слышал с нескольких сторон (между нами сказать).

Я опять в Систове, по дороге с Шипки, где провел последние дни, — там все время стреляют и пулями, и гранатами, и бомбами, похуже Плевны — просто рисовать нельзя. Сел, напр[имер], в одном из маленьких домиков, находящихся на позиции, чтобы нарисовать долину Тукум, или роз, как получил одна за другою 2 гранаты в крышу, и меня и краски мои засыпало землею и черепицею; даже дорога обстреливается, и проезжать по ней опасно. Рана моя совсем зажила; хотя кожица еще нежная, но я уже всегда езжу верхом и недавно с Шипки проехал сразу более 120 верст. Скажи это докторам и кланяйся им всем, т. е. Патцелю, Кремницу, Лавеццано, также Глюку, отцу и сыну. Кланяйся также Бибеско — никогда не забуду внимания, которым я был там окружен, несмотря на то, что старинная моя азиатская лихорадка делала меня очень беспокойным больным и задала им немало работы. Я думаю, тебе лучше *не уезжать в Россию;* в этом смысле я писал уже, не знаю, получил ли ты мое письмо, впрочем, *делай, как знаешь.*

Напиши мне в главную квартиру, едешь ты или нет, чтобы я знал, говорить о тебе *Гурко* или нет: покамест же, во всяком случае, держи язык за зубами. Кланяйся консулу, коли увидишь его, также и консульским.

До свидания. *В. В*[*ерещагин*]»

(Рукописный отдел Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина)

136

К письму 17/29 октября 1877 г.

[1] Год «1877» проставлен на автографе В. В. Стасовым. К письму приложен конверт с почтовым штемпелем: Петербург, 5 ноября 1877. На конверте пометка В. В. Стасова: «17 окт[ября 18]77. Телиш. Описание».

[2] Телиш — деревня в Болгарии на шоссе из Плевны; взята русскими войсками 16/28 октября 1877 г.

[3] Струков Александр Петрович (род. 1840) — генерал. В войну

1877—1878 гг. — адъютант главнокомандующего. Под Телишем был начальником авангарда генерала М. Д. Скобелева.

[4] Вид поля с павшими и изуродованными телами русских воинов произвел на Верещагина огромное впечатление. Верещагин воспроизвел потом увиденную сцену в картине «Побежденные. Панихида» (1878—1879); картина хранится в Третьяковской галлерее. Несомненно, что и другая большая картина Верещагина «Победители», изображающая турецких мародеров и хранящаяся в Киевском музее русского искусства, также написана под впечатлением той же сцены.

137

К письму 19/31 октября 1877 г.

[1] Год «1877» проставлен на автографе В. В. Стасовым. К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: почтовый вагон, 5 ноября 1877 г.; Петербург, 5 ноября 1877 г. На конверте пометка В. В. Стасова: «19 окт[ября] 1877. Телиш. Описание».

138

К письму 28 октября/9 ноября 1877 г.

[1] Год «1877» проставлен на автографе В. В. Стасовым. К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: почтовый вагон, 31 октября 1877 г.; Петербург, 5 ноября 1877 г. На конверте пометка В. В. Стасова: «28 октября 77. Работа. Телиш».

[2] Горный Дубняк — болгарское селение в 20 километрах от Плевны, на Софийском шоссе. Было сильно укреплено турками для поддержания сообщения Плевны с Софией. 12/24 октября 1877 г. взято русскими войсками после тяжелого боя.

[3] О том, как работал Верещагин в этот период, сообщает Вас. И. Немирович-Данченко в своем очерке: «Художник на боевом поле» («Художественный журнал», 1881, № 3, стр. 140):

«В[асилий] В[асильевич] до вечерней зари каждый день работал там, рисуя с натуры картины, полные нечеловеческого ужаса. Я удивлялся и тогда, до какой степени поднялись нервы у Верещагина, иначе я ничем не мог бы объяснить себе неутомимость художника, прямо с седла садившегося на походный табурет, рисовавшего целые дни и по вечерам находившего время принимать живое участие в наших беседах. Он не только рисовал — он собирал и свозил с полей целые груды пропитанного кровью тряпья, обломки оружия, мундиры турецких солдат. До некоторых из этих предметов было противно дотронуться, но такой реалист, как Верещагин, собственноручно связывал их в узлы и таскал к себе».

139

К письму 30 октября 1877 г.

[1] Верещагин не сообщил Стасову, что он уже получил от Третьякова договоренные 10 000 рублей еще в 1876 г. Этим были вызваны приводимые ниже письма Стасова к Третьякову.

Стасов писал 3 ноября 1877 г. Третьякову:

«...Надо пособить немного Верещагину!! Зная Вашу солидность и честность и надеясь на *полное* сохранение *секрета* с Вашей стороны, скажу Вам, что недавно я, вместе с Влад. Мих. Жемчужниковым, послал письмо к Серг. Петр. Боткину, в армию, с просьбой доложить государю, что Верещагин *нуждается* теперь и что нельзя ли дать ему теперь же тысяч 10—15 в счет того, что будет ему следовать за будущие его картины войны. Такие *авансы* не раз давали художникам, и эти 10—15 тысяч очень немного будут значить в сравнении с теми крупными суммами, какие будут следовать ему за ряд его картин. Какой будет ответ — не знаю, но, делая что можно в пользу такого человека, как Верещагин, я обращаюсь и к Вам, с просьбою сказать мне, как заправляющему всеми его делами, и денежными и всякими, расположены ли Вы исполнить теперь, в критическую для него минуту, то обещание, которое Вы давали на имя Верещагина А. К. Гейнсу, — дать ему при его надобности около *10 тысяч рублей* взаймы, на тех условиях, какие Вам удобны, и, натурально, под залог его произведений, имеющихся теперь налицо (в Париже): индийских и других этюдов, которые, наверное, можно оценить приблизительно тысяч в 40—50. Их ведь громадная туча. Если Вы будете согласны и сообщите мне подробности, я тотчас вытребую от Верещагина формальную доверенность и пошлю Вам проект акта (составленный моим братом, адвокатом) или попрошу Вас прислать мне Ваш собственный проект. Если же Вы этого не пожелаете, я уже и не знаю, чем мне и помочь Верещагину в его трудном положении!! Жаль мне его, тогда мудрено ему будет спокойно делать те крупные вещи, которые теперь нужны ему и которые, судя по его приготовлениям и вдохновляющему его чувству, должны сделаться лучшими его созданиями.

Во всяком случае, что бы Вы ни решили, я убедительно прошу Вас о *двух* вещах: 1) сохранения *безусловного секрета* обо всем этом, 2) по возможности *скорый* мне ответ. Жму Вам руку

В. Стасов»

Третьяков 5 ноября 1877 г. сообщил Стасову, что Верещагин получил договоренные 10 000 рублей еще в сентябре 1876 г.

На это Стасов пишет Третьякову 21 ноября 1877 г. письмо, в котором выражает удивление, что Верещагин уже получил 10 000 рублей, излагает характер своих взаимоотношений с Верещагиным, уполномочившим его на ведение денежных дел, старается оправдать Верещагина в его действиях, говорит, что он его любит, и добавляет, что Верещагина любит и Третьяков.

Третьяков ответил Стасову 1 декабря 1877 г. Во второй части письма он говорит:

«Еще имею сделать следующую поправку во взгляде Вашем на мои отношения к Верещагину. Вы два раза упоминаете *про мою любовь к Верещагину*. Это чувство я никогда и нигде не выразил в отношении его; *я его уважал как художника с первых же увиденных мною работ; уважение это крепло постоянно, и теперь я его высоко чту и удивляюсь ему, но полюбить его я не имел никакой возможности*. Разве возможно полюбить человека, вовсе не зная его, — я видел Верещагина всего один раз в Мюнхене, и весьма короткое время, а все дальнейшее могло ли расположить меня на любовь к нему? Явился человек, бескорыстно пожелавший сохранить без раздробления его чудесную коллекцию, а он не захотел и повидаться с этим человеком, а послал его к Гейнсу, отчего и произошли все путаницы и беспорядки в деле приобретения коллекции. Разве не через него, не через это обстоятельство я разошелся, и, вероятно, навсегда, с близким приятелем Боткиным? Потом, его новые этюды

могли видеть, кроме Вас, Жемчужниковы, ваши братья и Н. П. Собко, а мне не приказано было их показывать, между тем как под залог этих вещей я должен был сделать ссуду!

Залог, не показываемый залогодержателю, — это настолько курьезно, что тут и обижаться нельзя, но посудите сами, за что же мне было полюбить-то его?

Как художника я его ужасно люблю и уважаю, но как человека я вовсе не знаю, т. е. не знаю в нем того, за что человека любят».

Стасов отвечал Третьякову 5 декабря 1877 г.:

«...Что касается *«любви»* к Верещагину, то я совершенно согласен с Вами: он человек в высшей степени талантливый, великолепный по дарованию (хотя, к несчастью, сюжеты *«душевные»* «почти совершенно ему чужды», а это важный недостаток!!); он, сверх того, человек в высшей степени светлый, честный, благородный, одним словом, со многими чудесными качествами, но характер у него — невыносимый, татарского какого-то деспота, Тамерлана, и это я ему много раз говорил. Он берет на свою *долю все права,* но не желает знать за собой никаких *обязанностей.* Значит, он просто невыносим. И я, несмотря на все свое уважение и терпение, принужден был не раз выйти из себя и показать ему зубы. Недавно, вследствие того же, наша переписка приостановилась, а может быть, даже и вовсе прекратилась. И я тогда не буду об этом плакать. Мне довольно любить и уважать его как художника, издали, без личных сношений, — и вот точно в таком же смысле говорил я и про *Вашу* любовь к нему. Я в ней никогда и не сомневался. Только вот что я все-таки скажу в некоторое оправдание Верещагина: напрасно Вы подумали, будто *многие* видели индийские этюды его. Нет! Вовсе не многие, а всего только *три* человека: я, мой брат и Собко. Ни Владимир Жемчужников, ни *кто бы то ни был другой* — никто не видал ни единой черточки!

Мой брат Дмитрий видел по специальному разрешению Верещагина, так как несколько месяцев вся индийская коллекция хранилась у него в квартире, и никто, кроме него, не входил в запертую на ключ комнату; Собко же видел потому, что я один не мог справиться с распаковкой, а потом с упаковкой, и я, как человека близкого мне и очень скромного, взял его себе тут в помощники.

Что же касается *вообще* всех поступков Верещагина в отношении к Вам, то я их нахожу грубыми, нескладными и бестолковыми, наравне со множеством его других поступков с *Львом Жемчужн[иковым] и Гейнсом* (бывшими его друзьями), с отцом, etc., etc. И все-таки я его люблю и считаю его человеком *необыкновенным,* которому нельзя иной раз не простить многого».

Письма опубликованы в книге: Переписка П. М. Третьякова и В. В. Стасова, 1874—1897, М.-Л., 1949, стр. 31, 32 и 33.

Впоследствии Верещагин стал большим другом П. М. Третьякова и его семьи.

[2] А. В. Верещагин писал В. В. Стасову (4 октября 1877 г. из Бухареста):

«Спешу ответить Вам в тот же день по получении письма Вашего, многоуважаемый Владимир Васильевич, что наверное не могу дать ответа, на какую сумму выдал мне расписку Дмитрий Васильевич, так как эта расписка отдана была мною брату Василию при первой моей встрече с ним. Но, насколько мне помнится, я отдал Вашему брату 1500, да и по моему расчету выходит так: я был должен брату всего 6000 р[ублей] за лесную дачу. Дачу эту я продал купцу, он мне уплатил всего-навсего 4500 р[ублей], а 1500 р[ублей] зажилил; 3000, помните, я Вам отдал на сохранение, а остальные 1500 — Вашему брату. Просил я одного коррес-

пондента, по фамилии Трифонова, отъезжавшего в Питер, чтобы он захватил маленькую посылку для передачи Вам, но тот отказался, уверяя, что у него слишком много своей поклажи, а моя посылка вся не больше 5 ф[унтов].

Пожалуйста, как он зайдет к Вам, выругайте его хорошенько и прогоните из Библиотеки. Ни письма, ни газеты от консула я не получал. Вообще, мне кажется, — это господин довольно неприступный. Еще раньше, как только я лег в госпиталь, брат Василий писал ему обо мне, и он ни разу не мог меня навестить, хотя люди совершенно посторонние навещали часто госпиталь и меня. А он и в госпитале ни разу за все мое пребывание не был. Чем он так занят, бог его знает. Кому я очень благодарен, так это го[спо]же Демидовой, уполномоченной от Общ[ества] Красного Креста. Она здесь заведует складом, и все ею очень довольны. Но жалко, что она в настоящее время оставляет Кр[асный] Кр[ест] и уезжает, вследствие того, что выходит замуж за кн[язя] Долгорукова. Она за братом Василием за больным ухаживала, а теперь за мной, спасибо ей большое. Нельзя ли ей поместить благодарность в какой-нибудь газете, так как не я один, а все больные, которые побывали в ее руках, все ей говорят спасибо. Ужасно хочется мне поскорей поправиться и отправиться за Дунай, да нога не дозволяет. Рана хотя и заживает, да жилы и нервы, которые разорваны, должно быть еще не срослись, так как ступней и пальцами я не могу шевелить. Только что получил известие о победе под Карсом. Брат Василий едет в Париж...

Отцу и мамаше поклонитесь; желаю Вам, Прасковье Александровне и Дмитрию Васильевичу всего хорошего.

Ваш *Александр Верещагин*

Пожалуйста, извините, что так нескладно пишу; выходит из моего письма, что брат Василий едет из-под Карса. Ерунда.

Извиниите, ради бога, что так скверно пишу.

Так как Вашему брату самому не стоит браться за такое пустое дело, то он, вероятно, может рекомендовать надежного человека.

Прилагаемое письмо будьте так добры передать старикам». (Архив Института литературы Академии наук СССР.)

3 Вероятно, Масловский Иван Федорович (1837—1904) — доктор медицины, акушер.

4 Дубасовы — помещики Ржевского уезда Тверской губернии.

5 Здесь в автографе оторвана небольшая часть текста.

6 Стасов говорит о книге: «Русские современные деятели», т. II, СПБ, 1877, издание А. О. Баумаиа. В этой книге была написанная Стасовым биография В. В. Верещагина (т. II, стр. 111—123; см. также: Стасов В. В., Собр. соч., СПБ, 1894, т. II, отд. 4, стб. 167—174). В той же книга была написанная В. В. Стасовым биография певца О. А. Петрова (т. II, стр. 79—93; см. также: Стасов В. В., Собр. соч., СПБ, 1894, т. III, отд. 5, стб. 727—738).

7 Иннокентий (Иван Алексеевич Попов-Вениаминов, 1797—1879) был митрополитом московским и коломенским. Известен, главным образом, как миссионер, насаждавший христианство среди алеутов и жителей Восточной Сибири.

8 Тотлебен Эдуард Иванович (1818—1884) — русский генерал, выдающийся военный инженер, прославившийся во время Севастопольской обороны и в период русско-турецкой войны. После неудачиого третьего штурма Плевны руководил блокадными действиями против этой крепости, приведшими к ее падению.

Был генерал-губернатором в Одессе и Вильно.

9 Милютин Дмитрий Алексеевич (1816—1912) — выдающийся воен-

ный деятель. В 1861—1881 гг. — военный министр; осуществил ряд крупных реформ, в т. ч. ввел всеобщую воинскую повинность (1874).

[10] Игнатьев Николай Павлович (1832—1908) — граф, генерал, крупный государственный деятель, дипломат. С 1864 по 1877 г. был русским послом в Турции и оказывал помощь освободительному движению на Балканах. Неверная информация Игнатьева о военной слабости Турции, а также неудачи дипломатических шагов, направленных к обеспечению нейтралитета европейских держав во время русско-турецкой войны, привели к тому, что он был на некоторое время отстранен от службы.

[11] Пирогов Николай Иванович (1810—1881) — знаменитый хирург, основоположник русской школы хирургии и военно-полевой хирургии. Принимал участие в обороне Севастополя. Видный педагог.

[12] Некрасов Николай Алексеевич (1821—1878) — выдающийся русский поэт, редактор и издатель журналов «Современник» и «Отечественные записки». В его поэзии нашли яркое выражение идеи революционной крестьянской демократии, протест против угнетения и эксплоатации народа, сочувствие тяжелой доле низов русского общества. Творчество Некрасова было родственно художникам передвижнического направления.

[13] Здесь вырвано слово, — вероятно, «При».

140

К письму 31 октября/12 ноября 1877 г.

[1] Год «1877» проставлен в автографе В. В. Стасовым. К письму приложен конверт с почтовым штемпелем: Петербург, 7 ноября 1877 г. На конверте надпись В. В. Стасова: «31 ноября [?]. Напрасные негодования насчет статьи».

[2] Отец художника написал Стасову (28 сентября 1877 г.) следующее:

«Если к портрету С[ергея] В[асильевича] будет биография, я желал бы поместить следующее:

Собираясь в армию, Сергей продал маленькое свое имение Вологодской губернии и уезда за 5 т[ысяч] р[ублей]. Половину этой суммы он желал употребить на устройство школы вблизи его имения; другую часть предоставил в распоряжение родителей, зная, что старички его сильно нуждаются в средствах, так как продолжительная болезнь матери поглотила состояние.

Покорный слуга

В. Верещагин»

(Архив Института литературы Академии наук СССР.)

[3] Копия эта заключает следующие строки:

«Дорогой батюшка

Василий Васильевич!

Вы упросили В. В. Стасова приписать к тем сведениям, которые он дал о смерти брата Сергея, Вашу просьбу на бедность. Вы, верно, рассчитывали, что минута как раз подходящая и что надобно ковать железо, пока оно горячо. Не знаю, поняли ли Вы, что приписка о Вашей бедности совершенно извратила смысл того, что писано было обо мне и обо всех нас, что слова участия и соболезнования обращены этим в рек-

ламу. Конечно, лета Ваши извиняют многое, но тем не менее я почтительно прошу Вас именем моим не обращаться к благотворительности общества. Вы имеете дом в Череповце, можете жить в Пертове и имеете более денег, чем кто-либо из нас. Очень жаль будет, если придется нам высчитывать, сколько денег истрачено Вами и особенно мамашей и сколько нами, братьями, которых Вы теперь не боитесь срамить Вашею печатною просьбою на бедность.

(Архив Института литературы Академии наук СССР.)

В. Верещагин»

141

К письму 1/13 ноября 1877 г.

[1] Год «1877» проставлен на автографе В. В. Стасовым. К письму приложен конверт с почтовым штемпелем: Петербург, 6 ноября 1877 г. На конверте пометка В. В. Стасова: «2 ноябрь 77. Напрасное негодование насчет статьи».

[2] В статье «Сергей Васильевич Верещагин» Стасов напечатал:

«Сергей Васильевич Верещагин... продал маленькое свое имение в Вологодской губернии за 5000 рублей и одну половину этой суммы назначил, в случае своей смерти, на устройство народной школы вблизи бывшего своего имения, а другую предоставил родителям, зная, что старики его порядочно нуждаются в средствах; продолжительная хроническая болезнь матери его поглотила постепенно чуть не все их состояние». («Пчела», 1877, № 39, стр. 614—615; см. также: Стасов В. В., Собр. соч., СПБ, 1894, т. II, отд. 4, стб. 217—222.)

142

К письму 2/14 ноября 1877 г.

[1] Письмо без даты. На автографе пометка В. В. Стасова: «1 или 2 ноября (?) 77». К письму приложен конверт с почтовым штемпелем: Петербург, 7 ноября 1877 г. На конверте надпись В. В. Стасова: *«4 ноябрь [18]77»*.

Предыдущее письмо от 1 ноября было в пути 5 дней. На основании этого письмо датируется 2 ноября.

143

К письму 3 ноября 1877 г.

[1] Статья «Известие о В. В. Верещагине» опубликована в газете «Новое время» (1877, 3 ноября, № 605):

«Очень многие у нас интересуются знать: где находится теперь В. В. Верещагин, в каком состоянии его здоровье и приступил ли он к своим художественным работам? Я довольно часто получаю о том запросы, не только словесные, но и письменные. Поэтому считаю необходимым сообщить несколько отрывков из последних писем В. В. Верещагина ко мне, после большого плевненского дела, 30 августа, где он при-

сутствовал и потерял одного из своих братьев, как я сообщил тогда же в «Новом времени».

«Далее следуют цитаты из писем Верещагина Стасову: от 19 сентября — из Систова, от 9 октября — из Горного Студеня, от 4 октября — из Тырнова.

«Итак, — заканчивает свое сообщение Стасов, — приводимые здесь отрывки из писем отвечают на все вопросы, доходившие до меня из публики насчет В. В. Верещагина: здоровье его почти вполне восстановилось, он делает на месте этюды для будущих своих картин великой нынешней войны, можно сказать, только и занят этим крупным своим делом.

Остается ждать значительных результатов: они, конечно, недолго заставят себя ждать».

144

К письму 7 ноября 1877 г.

[1] Деньги исчерпаны.

1878

145

К письму 2/14 января 1878 г.

[1] Год «1878» проставлен на автографе В. В. Стасовым. К письму приложен конверт без почтовых штемпелей. На конверте пометка В. В. Стасова: «Убитый юноша. 2 янв[аря 18]78».

[2] К своему письму Верещагин приложил письма, найденные им у одного убитого на войне юноши. Он переслал их Стасову для вручения родителям убитого.

146

К письму 2 января 1878 г.

[1] Стасов ошибочно вместо 1878 года написал в дате «1877» года.

[2] Письмо В. В. Верещагина к В. В. Стасову от 14 декабря 1877 г. не разыскано.

[3] Имеется в виду петербургская дворцовая контора великого князя Николая Николаевича, куда письма из армии доставлялись с особым курьером.

[4] Возможно, Бибиков Евгений Михайлович, полковник.

[5] Издателем журнала «Пчела» был живописец, иллюстратор и скульптор М. О. Микешин, автор памятников «Тысячелетия России» в Новгороде, Екатерине II в Петербурге, Богдану Хмельницкому в Киеве.

147

К письму 9/21 января 1878 г.

[1] Год «1878» проставлен в автографе В. В. Стасовым. К письму приложен конверт (без почтовых штемпелей) с надписью В. В. Стасова: «Адрианополь. Секретарь Струкова. 1878. Янв[арь]».

[2] Сервер-паша (1820—1886), крупный турецкий государственный деятель, подписавший в 1878 г. Адрианопольское перемирие с Россией, и Намык-паша — представители турецкого правительства, присланные с предложением перемирия.

[3] «Господин секретарь, господин секретарь».

[4] Это письмо, так же как и письмо от 2 января 1878 г., опубликовано Стасовым в газете «Новое время» (1878, 26 января, № 678). Публикация в Собр. соч. В. В. Стасова (СПБ, 1894) и в библиографию его трудов не включена.

К письму 29 января/10 февраля 1878 г.

[1] Год «1878» проставлен на автографе В. В. Стасовым. К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Полевая почта, 30 января 1878 г.; Петербург, 21 и 22 февраля 1878 г. На конверте надпись В. В. Стасова: «27 янв[аря 18]78. Воспом[инания] о войне. Усталость. Воспом[инания] о Шипке. Дозвол[ение]». Дата «27 янв[аря]» в этой надписи ошибочна: следует «29 января».

[2] Об этом же Верещагин писал Ю. Я. Леману:

«Любезный друг Юрий Яковлевич, надеюсь скоро тебя увидеть, ибо перемирие, по всей вероятности, перейдет в мир. Сделай милость, постарайся вместе с Кумани сделать все нужные исправления в доме *до* моего приезда, чтобы я мог, во-первых, обойти кляузы с подрядчиками и архитектором, а во-вторых, — и это самое главное, — начать работы тотчас же по приезде. Масса тряпок и разного рода оружия, отбитого у турок, затрудняет мой отъезд — иначе я немедленно же укатил бы через Константинополь. Множество вещей раскидано у меня всюду по Болгарии, и все это надобно теперь собрать. Жаль лошадей моих, которых надобно просто бросить; у меня их целый пятерик, а мог бы, признаться, иметь и десяток, ибо каждый день захватывали мы конных черкесов и башибузуков. Насмотрелся я, брат, за это время таких штук и каверз, какие вряд ли еще увижу в моей жизни. Доехать бы теперь поскорее, подобру-поздорову, да приняться за занятия. Устал я, признаться, порядочно, и только теперь, когда заключено перемирие и решил уехать, стала сказываться эта усталость. Впрочем, здоровье не худо...» (Архив Русского музея.)

[3] Стасов опубликовал выдержки из этого письма в «Новом времени» (1878, 27 февраля, № 718 «Из писем В. В. Верещагина»).

В конце публикации Стасов добавляет:

«Итак, наш художник приступает наконец к холстам, где должны изобразиться чудесные события последних десяти месяцев русской истории. Кажется, до сих пор он один подумал об этой задаче и решился на нее. Никто у нас не приготовлен так, как он, к этой работе, и наверное никто не способен столько же, как он, возмужалою, могучею, блестящею кистью увековечить этот перед нашими глазами только что кончившийся великий акт нашей драмы.

Из последнего письма В. В. Верещагина мне известно, что он уже в Париже, уже в своей мастерской.

В. Стасов»

Публикация не включена ни в Собр. соч. В. В. Стасова (СПБ, 1894), ни в библиографию трудов его в книге «Незабвенному Стасову», СПБ, [1908].

149

К письму 19 февраля/3 марта 1878 г.

[1] Год «1878» проставлен на автографе В. В. Стасовым. К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Париж, 4 марта 1878 г.; Петербург, 24 февраля 1878 г. На конверте пометка В. В. Стасова: «19 фев-р[аля 18]78».

О времени возвращения Верещагина в Париж можно судить по следующим датам: 29 января/10 февраля он пишет В. В. Стасову: «Еду в Париж старой дорогой»; 11/23 февраля посылает письмо из Лондона П. М. Третьякову. Из этого следует предположить, что Верещагин мог приехать в Париж из Турции между 5 и 10 февраля 1878 г.

С дороги, из Габрова, В. В. Верещагин писал 3/15 февраля 1878 г. брату А. В. Верещагину:

«Любезный братец Александр Васильевич, посылаю тебе 3 лошадей: серенькую турецкую, беленькую румынскую и рыжего или кабардинца. Пожалуйста, продай их всех и из вырученных денег дай 5 (пять) золотых болгарину Стояну. Не зажиль также двух золотых, что я просил тебя отдать Курбатову; правда, что получить с Маркова трудновато, но мне будет очень неприятно, если ты лишишь Курбатова денег, которые он *заслужил.* Остальные деньги, что выручишь продажею, перешли, пожалуйста, мне в Париж, на имя генерального консула; если будут у тебя деньги, дошли 200 фр. (до 2000) и 50 рубл., которые как будто уже собираются плакать. По совещании с Ломакиным, я решил отправить с казаком Андреем и болгарином также и твою черную лошадку; ему, т. е. Ломакину, дам денег, на которые он доедет почтою до Габрова, с обозами до Ени-Загры и там по железной дороге. Рыжего хотел купить Языков, я думаю, 10 золотых можно за него взять, обе остальные лошаденки очень прыткие, с прекрасною иноходью; оцени по усмотрению и не *дорожись.* Повторяю мою просьбу: отдавши Курбатову те тряпки, что привезет Ломакин, взять мою черкеску и бешмет; писал я Алек[сандру] Петр[овичу] Струкову о разных вещах, которые нужно послать мне вместе с драгунск[им] седлом и оружием, именно: мундиры Д. И. Скобелева и Норфельд на. Не будет ли свободного старого генерал-адъютантского мундира с шарфом, шпагою и проч.; тут же можно положить, распиливши, значок Скобелева М. Д. Не достанешь ли еще каких тряпок, хоть за деньги? *Христо* болгарин в[еликого] к[нязя], который был со Струковым, поможет тебе в этом.

В. В[ерещагин]

Казак, который привезет тебе это письмо, принадлежит к 9-му полку Нагибина. Ему даны 3 рубля на корм лошадей, вручи ему также при сем прилагаемые 3 рубля на прощанье, разумеется, если он будет кормить лошадей дорогою и не положит 3 рубля в свой карман. О Курбатове я очень жалею, пусть дадут ему крестишко, не мешай этому. Твой Ломакин покамест служит очень хорошо и не груб. Я дал ему, разумеется, денег и на дорогу и за службу.

Кабы Курбатов не хамил и не грубил, то получил бы вдвое больше того, что получит, — скажи это ему. Пиши мне в Париж, где ты и как ты, да не торопись очень устраивать свою судьбу — теперь всем не до того.

Пожалуйста, *никому не льсти,* как бы дешево тебе и как бы приятно субъекту это ни было, не заискивай, у тебя есть это в характере уже, ты непрочь ластиться. Я уверен, что ты непрочь был бы получить какое-нибудь близкое к лакейскому место при в[еликом] к[нязе], напр., где ты мог бы стоять у двери, докладывать и т. п. — Самым серьезным образом не советую тебе мечтать об этом. И не продолжая ученья, к чему, я знаю, у тебя просто отвращение (не правда?), ты можешь быть хорошим кавалеристом. Какая же нужда добровольно лезть в ливрею?

Сколько могу, буду поддерживать тебя в разумных пределах в первом случае, если же ты ударишься в искательство, то обругаюсь не только тебе в глаза, но и обругаю тебя перед теми, у кого станешь заискивать. — слышал?

Прощай! до свиданья, коли будешь в Константинополе, то за меня раскури с султаном трубку и выпей шкалик сладкой водки. Кланяйся Скалону.

А. П. Струкову посылаю с казаком же письмо. Кланяйся Макарову.

В. В[ерещагин]

Вещи надобно адресовать в Париж на имя посольства, чтобы их не осматривали. Английское седло продай вместе с лошадью.

Имей в виду, что лошади посланы с седлами, попонами и проч[им]. *Мое седло* турецкое, с волосяным чепраком, пошли мне вместе с проч[им] в Париж.

У Курбатова находится красная уздечка, которую вместе с красным седлом, нахвостником и помянутым волосяным чепраком пришли в Париж».

(Рукописный отдел Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.)

[2] Франция, Париж, Дома Лаффита, аллея Клебера, г[осподи]ну В. Верещагину.

[3] Стасов изучал орнаменты разных народов и в связи с этим был заинтересован в получении болгарских, сербских, черногорских, турецких орнаментированных полотенец.

150

К письму 25 февраля 1878 г.

[1] В. В. Верещагину было в это время тридцать пять лет.

[2] Курбэ Гюстав (1819—1877) — крупнейший французский живописец, убежденный сторонник демократического реализма. В своих произведениях был противником академической условности и идеализма.

Многие картины Курбэ, революционера и социалиста, участника Парижской Коммуны, посвящены острым общественным вопросам того времени и носят обличительный характер. Большие новые, передовые темы Курбэ воплощал в оригинальной, широкой живописи, передававшей в тоновых контрастах, смелом рисунке и рельефной фактуре могучий темперамент и высокое вдохновение автора.

Стасов высоко ценил творчество Курбэ.

[3] У моста Иена.

[4] Айвазовский (Гайвазовский) Иван Константинович (1817—1900) — крупнейший русский маринист, профессор Академии художеств. Опираясь на исключительное знание моря, постоянно изучая его, владея блестящей техникой живописи, Айвазовский умел легко и правдиво передавать движение волн, эффекты света, прозрачность и оттенки морской воды как в состоянии бури, так и покоя. Во многих своих произведениях он изображал подвиги русского флота. За свою жизнь Айвазовский написал свыше 4000 картин. Он устраивал свои выставки во многих городах России и за границей и пользовался огромной популярностью.

Об Айвазовском В. В. Стасов писал:

«Маринист Айвазовский по рождению и натуре своей был художник совершенно исключительный, живо чувствовавший и самостоятельно передававший, быть может, как никто в Европе, воду с ее необычайными красотами, бури с их затишьями, море с его обольстительными световыми эффектами».

[5] Стасова Поликсена Степановна (урожденная Кузнецова) (ум. 1918) — жена Д. В. Стасова, общественная деятельница.

[6] Янков Василий — убитый под Шипкой вольноопределяющийся, письма которого Верещагин переслал Стасову в письме от 2 января 1878 г.

151

К письму 3/15 марта 1878 г.

[1] Год «1878», а также «Париж» проставлены на автографе В. В. Стасовым. К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Париж, 15 марта 1878 г.; Петербург, 7 марта 1878 г.

[2] О намерениях Верещагина, связанных с выставкой его картин, свидетельствуют письма художника к П. М. Третьякову; из Лондона от 11 февраля 1878 г., в котором Верещагин писал:

«Милостивый государь Павел Михайлович!

В случае, если Академия художеств предложит послать некоторые из принадлежащих Вам картин моих на Парижскую выставку 78-го года, то будьте так добры спросить меня, которые я желаю и которые не желаю посылать.

По крайней [мере] сделайте возможное в этом смысле, чем меня много обяжете.

Примите уверения в моем уважении.

В. Верещагин»

29 февраля Верещагин повторил Третьякову содержание этого письма.

24 марта 1878 г. Верещагин опять писал:

«Милостивый государь Павел Михайлович

Будьте так добры, не посылайте ничего на большую парижскую выставку из тех работ моих, которые Вами приобретены. Я не теряю надежды, получивши раз хорошее место, сделать здесь в Париже свою отдельную выставку.

Прошу Вас принять уверенне в моем искреннем уважении.

В. Верещагин

Черкните мне пару слов ответа, чтобы знать о получении Вами этой моей просьбы».

12 августа/31 июня 1878 г. Верещагиным было послано новое письмо Третьякову:

«Я имею намерение сделать выставку моих работ в Париже и для этого к имеющейся у меня коллекции картин и этюдов, деланных в Индии, присоединить или всю, или часть находящейся у Вас туркестанской коллекции».

Наконец, 30/18 августа 1878 г., Верещагии снова писал Третьякову:

«Милостивый государь Павел Михайлович

Я полагал, что право брать мои работы, когда мне то понадобится, было выговорено г[осподино]м Гейнсом при продаже, — жалею, если нет; во всяком случае позвольте надеяться, что Вы не откажетесь помочь мне достать то, что понадобится, — что будет зависеть от того, достану ли я здесь необходимые помещения для выставки.

Прошу, примите уверение в моем искреннем уважении.

В. Верещагин.

Будьте добры передать прилагаемое письмо Алексею Петровичу Боголюбову, который, кажется, скоро уезжает из Москвы в Питер». (Архив Третьяковской галлереи.)

[3] Стуковенко М. И. — врач, главный директор плевненских госпиталей.

152

К письму 10 марта 1878 г.

[1] Медведев Василий Прокофьевич (1846—1878) — муж дочери В. В. Стасова — Софьи Владимировны Сербиной. Был мировым судьей в Новой Ушице, Подольской губернии (Украина), где подвергся притеснениям со стороны министерства юстиции за разоблачение взяточничества и злоупотреблений местных властей и был вынужден оставить службу. В дальнейшем заболел и умер.

[2] Клезенже (Clesinger) Огюст (1814—1883) — французский скульптор, выполнявший портретные бюсты, а также женские «грациозные» фигуры, которые он украшал золотом и разноцветным мрамором.

[3] Эту характеристику Стасов дает наследнику, будущему царю Александру III.

153

К письму 31 марта 1878 г.

[1] Письмо это написано на одном листе бумаги вместе с письмом А. В. Верещагина В. В. Верещагину от 31 марта из Петербурга. А. В. Верещагин писал:

«Дорогой Василий Василич!

Пишу тебе уже из Питера; за последнее время получил я несколько писем и телеграмм от родителей, вызывающих меня немедленно домой; приехал — и что же, все та же самая история: мать охает и ноет, беспрестанно меняет докторов, а старик с ней бранится и кричит: «Ах, матушка, отстань, как ты мне надоела!» Живут они очень порядочно: четыре хорошеньких комнаты с прекрасной мебелью, три горничных, стол хороший, вообще, смотря на их жизнь, вовсе нельзя подумать об их публикованном банкротстве. Ты мне пишешь о помощи старикам. Неужели ты думаешь, что я сам не знаю того, что более других братьев должен им помогать. Перед отъездом своим в Петербург, т. е. около конца февраля, я послал им 20 золотых. В настоящее время думаю оставить 100 рублей, итого в продолжение полугода я им дал 600 р., затем на будущее время хочу посылать 75 р. в месяц. Посылал бы больше, но ведь надо же и с тобой рассчитаться. Будь так добр, ради бога извини меня, что в последнем моем письме к тебе я неловко написал. Собираюсь одолжить тебе, не уплативши своего долга. Сделай одолжение, зачти взятые у меня деньги в счет долга, и, приехавши обратно в Болгарию, я немедленно, по получении жалованья, половину пошлю тебе и буду стараться аккуратно выплачивать свой долг; только, пожалуйста, оставь свою мысль, что я такой жила, как ты привык обо мне думать. Посылаю тебе значок и простреленный на Зеленых горах мундир М. Д. Скобелева; он просит немедленно послать ему новый значок или такой же, или по твоему усмотрению. Норфельден также посылает тебе свой мундир. У старика Скобелева не мог выпросить черкески — жалко расстаться. Лошадь твоя серая у меня, никто ее не покупает, никому не нужна. Но, во всяком случае, я тебе деньги за нее вышлю. Послал бы и теперь, да сам понимаешь, что поездка в Питер что-нибудь да стоит. Представь себе, что

посланные тобою мои вещи из Бухареста все растасканы. Человек надежный, посланный за вещами в таможню, нашел у чемодана замки сломанными и самую малость вещей. Шелковых рубашек, сапогов и белья не оказалось, куда все это делось, бог знает. При сем письме прилагаю записочку Сергея, которую Скобелев под страхом казни просил меня непременно переслать тебе. Скобелев очень мил и добр со мною. Последнее твое письмо я получил в его присутствии, он немедленно спросил: «А мне есть поклон?» Я говорю: нет, ничего не пишет; так ты не поверишь, как он огорчился. «Видите, видите, как он меня любит» — и стал сердито поправлять свои баки. Стасов тебе кланяется и все клялся и божился, что ничего не печатал о состоянии стариков. Зачем ты спрашивал меня, в каких я чинах. Чин мой майорский, самый геройский. Скалон все спрашивает: знаешь ли ты, что в[еликий] кн[язь] хотел подарить тебе свой портрет с подписью.

Скобелев М. Д. зовет меня к себе, если откроется новая кампания; что ты на это скажешь?

О Стуковенке я говорил всем, кому только можно и нужно было сказать: Приселкову, Струкову, Скалону, кроме того, двум уполномоченным Крас[ного] Кр[еста]. Последние мне передали, что Стуков[енко] большой сук[ин] сын. Вещей, о которых ты пишешь достать, я еще не искал; но надеюсь по приезде в Турцию собрать изрядное количество. Я думаю пробыть здесь недели две, никак не больше. Если будешь скоро отвечать, то пиши в С.-Петербург, на угол Кирочной и Таврического сада, д. 50, кв. 22. Только отвечай немедленно. Относительно денег, о которых ты мне пишешь, будь уверен, как только получу, то передам их в твое распоряжение. До свидания, будь здоров, посоветую матери не менять докторов.

Твой *А. Верещагин*

31 марта 1878 г., С.-Петерб[ург].

P. S. Старики переехали на новую кварт[иру], у Ильиных им показалось высоко». (Письмо хранится в архиве Института литературы Академии наук СССР.)

[2] Стасова Мария Николаевна, дочь Николая Васильевича и Маргариты Матвеевны Стасовых. Жила в семье Владимира Васильевича Стасова. Впоследствии выздоровела.

154

К письму 3/15 апреля 1878 г.

[1] Год «1878» и «Париж» проставлены в автографе В. В. Стасовым. К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Париж, 16 апреля 1878 г.; Петербург, 8 апреля 1878 г. На конверте пометка В. В. Стасова: «3 апр[еля 18]78. Крейсера. Флот. Гейнс».

[2] Верещагин прислал Стасову купленные в Париже русские бумажные деньги (кредитные билеты) для взноса на организованный в то время сбор на постройку крейсеров.

Об этом взносе есть письмо Верещагина к проживавшему в Париже художнику Ю. Я. Леману:

«[Париж, 29 марта/]10 апреля [1878]. Будь так добр, купи мне бумажку в 25 рублей. Деньги отдам тотчас же. Советую и тебе сделать то же — пошлем в Московский комитет для сбора на постройку крейсеров, «с миру по нитке...»

В. В[ерещагин]

Я известил об этой мысли Боголюбова и просил его взять на себя сбор со всех общих знакомых соотечественников». (Письмо хранится в архиве Государственного Русского музея в Ленинграде.)

155

К письму 6/18 апреля 1878 г.

[1] Год «1878» и «Париж» проставлены в автографе В. В. Стасовым. К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Париж, 18 апреля 1878 г.; Петербург, 11 апреля 1878 г. На конверте пометка В. В. Стасова: «9 апр[еля] 1880. Постройка особой выставки в Париже».

Дата в пометке ошибочная. Из нее можно заключить, что Стасов датировал и делал пометки на конвертах значительно позднее, после получения писем.

[2] Как видно из письма к П. М. Третьякову, посланного Верещагиным из Лондона 11 февраля 1878 г., он был в Лондоне сразу же после приезда в Париж из Турции. Повидимому, целью поездки было намерение устроить выставку в Лондоне, а также необходимость получить костюмы и прочее для индийских картин.

[3] Верещагин имеет в виду свое письмо к Стасову от 29 января/10 февраля 1878 г. из Адрианополя, опубликованное Стасовым.

156

К письму 13/25 апреля 1878 г.

[1] Год «1878» проставлен в автографе В. В. Стасовым. К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Париж, 25 апреля 1878 г.; Петербург, 17 апреля 1878 г.

[2] Под «врагом» здесь подразумевается Англия, которая своими дипломатическими маневрами и военно-морскими демонстрациями добивалась уменьшения результатов русской победы над Турцией.

157

К письму 22 апреля/4 мая 1878 г.

[1] Год «1878» проставлен в автографе В. В. Стасовым. К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Париж, 5 мая 1878 г.; Петербург, 27 (?) апреля 1878 г. На конверте надпись В. В. Стасова: «Отзывы о французск[их] живописцах. Макарт. 4 мая 78».

[2] Текст к предполагаемому изданию туркестанских рисунков Верещагина.

[3] Имеется в виду следующее и публикуемое за этим письмо В. В. Верещагина к Стасову, также от 4 мая н. ст. 1878 г.

[4] Сомов Андрей Иванович (1830—1909) — видный деятель в области изобразительного искусства; историк искусства и художественный критик академического направления; главный хранитель Эрмитажа; редактор журнала «Вестник изящных искусств» и газеты «Художественные новости»; автор каталогов Эрмитажа и произведений русской живописи, брошюры о К. Брюллове и других трудов по искусству.

[5] Речь идет о картине Макарта «Въезд Карла V в Антверпен», экспонировавшейся на Всемирной выставке в Париже в 1878 г. Отрицательный критический разбор этой картины В. В. Стасов дал в статье «Новая картина Макарта» («Новое время», 1878, 7 апреля, № 757; см. также: Стасов В. В. Собр. соч. СПБ, 1894, т. I, отд. 2, 585—588).

[6] Бонна Леон-Жозеф-Флорентен (1833—1922) — видный французский живописец-портретист и пейзажист. Автор произведений из жизни Востока и картин на исторические темы; гравер, отличавшийся виртуозностью техники.

В портретах Бонна над психологической глубиной характеристик заметно преобладает декоративная сторона.

[7] Лоранс (Лоран) Жан-Поль (1838—1921) — известный французский исторический живописец и гравер; известен и как мастер декоративной живописи. Представитель поздней академической исторической живописи во Франции. Расправы, ужасы убийств, сцены инквизиции — основные сюжеты его работ, внешне эффектных, но не глубоких по содержанию.

158

К письму 22 апреля/4 мая 1878 г.

[1] Год «1878» проставлен в автографе В. В. Стасовым. Письмо, повидимому, прислано в одном конверте с предыдущим письмом, в котором Верещагин просит переслать это письмо «с верными руками» «Гейнсу для прочтения».

[2] Верещагин опубликовал в 1868 г. в издании Гашетта, в журнале «Tour du Monde», очерк «Путешествие по Кавказу и Закавказью» со своими рисунками.

159

К письму 24 апреля 1878 г.

[1] Имеется в виду письмо Верещагина к Суворину, пересланное Стасову 13/25 апреля 1878 г.

160

К письму 28 апреля/10 мая 1878 г.

[1] Год «1878» проставлен в автографе В. В. Стасовым. К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Париж, 11 мая 1878 г.; Петербург, 3 мая 1878 г. На конверте надпись В. В. Стасова: «Большой размер картин; *10 марта (описка! — Ред.)* [18]78».

[2] Кеппих Мориц — комиссионер в Будапеште, отправлявший вещи Верещагина через Кронстадт в Венгрии.

161

К письму 5 мая 1878 г.

[1] Макаров Евгений Кириллович сопровождал великого князя Николая Николаевича в путешествии по Палестине и Турции. В 1873 году

был командирован на Восток. В войне 1877—78 гг. состоял художником при главнокомандующем.

[2] Художественно-промышленный музей при Обществе поощрения художников организован в 1870 г.

[3] Иванов Александр Андреевич (1806—1858) — великий русский живописец, автор знаменитой картины «Явление Христа народу», над которой художник работал свыше двадцати лет. Эта картина Иванова является одним из самых значительных произведений русской школы живописи как по глубокому общественно-философскому содержанию, так и по мастерству выполнения. В этом произведении Иванов во многом преодолевает ограниченность академического искусства и одним из первых русских художников делает смелый поворот в сторону реализма. В картине с библейским сюжетом Иванов пытается раскрыть важнейшую общественную идею своего времени и показать народ, жаждущий освобождения. Этюды Иванова к «Явлению Христа народу» являются по мастерству передачи окружающей действительности замечательным памятником искусства.

Иванов смотрел на искусство как на высокое средство нравственного служения своему народу. Он предвосхитил дальнейшее развитие русского искусства по пути идейного реализма. Творчество художника представляет собою выдающееся достижение в передаче человеческих чувств, душевных состояний, материального мира, света и воздуха, а также в области композиции, колорита, живописной техники.

Стасов считал Иванова «одним из величайших явлений русского художественного мира», ставил этого художника «за великую, истинно классическую технику, красоту, благородство, величавость — рядом с Рафаэлем и Леонардо да Винчи, а за его гениальные исторические и психологические типы, характеры, душевное выражение — может быть, еще выше да Винчи». Стасов высоко ценил Иванова за его великие и высокие идеи, за его искреннее искание правды, за стремление к коренному перевороту в искусстве. Однако Стасов считал, что Иванов не сумел преодолеть ограниченность старого искусства вследствие скованности традициями академического воспитания. Иванов был, по мнению Стасова, «величайшим заключительным словом прежнего, старого искусства».

Кроме картины «Явление Христа народу», многочисленных этюдов к ней и ряда других картин, Иванов создал серию рисунков к библии; из них сохранилось 250 набросков (акварелью, пером и карандашом) оригинального характера, оказавших влияние на некоторых последующих художников.

Стасов говорит в письме об этих рисунках.

Стасов написал о художнике в статье «О значении Брюллова и Иванова в русском искусстве. Иванов» («Вестник Европы», 1880, I, стр. 111—186; см. также: Стасов В. В., Собр. соч., СПБ, 1894, т. II, отд. 4. стб. 57—120).

[4] Верещагин А. В.

[5] Письмо к офицерам Дунайской армии о собирании предметов болгарского искусства было опубликовано В. В. Стасовым в «Новом времени» 1878, 3 января, № 664; см. также: Стасов В. В., Собр. соч., СПБ, 1894, т. I, отд. I, стб. 457—462).

[6] Петрушевский Михаил Фомич (1832—1893) — генерал, участник русско-турецкой войны.

[7] Васильковский — генерал, начальник дворцовой конторы великого князя Александра Александровича, впоследствии Александра III.

162

К письму 5/17 мая 1878 г.

[1] Год «1878» проставлен в автографе В. В. Стасовым. К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Париж (Maisons sur Seine), 19 мая 1878 г.; Петербург, 11 мая 1878 г. На конверте надпись В. В. Стасова: «17 мая [18]78. Выставка».

Впервые проставлен почтовый штемпель предместья Парижа (Мезон сюр Сэн), где была выстроена новая мастерская Верещагина.

[2] Верещагин А. В.

[3] Имеется в виду письмо В. В. Верещагина, посланное А. С. Суворину для напечатания в «Новом времени».

[4] Русский отдел на Всемирной выставке 1878 г. в Париже.

[5] Лакированные предметы с росписью в русском стиле, близкой к народному примитиву, изготовлявшиеся в XIX в. из папье-маше в мастерской Лукутина, под Москвой (табакерки, шкатулки и т. п.). Излюбленные сюжеты лукутинских лаков — тройки, чаепития и проч.

163

К письму 7 мая 1878 г.

[1] Имеется в виду воинская часть военно-морского флота, командному составу которой был дан обед.

[2] Иллюстрация — Русский художественный отдел на Всемирной выставке в Париже 1878 г. — была опубликована в № 19 журнала «Пчела», 1878, 7 мая.

[3] Курорт в Германии.

164

К письму 9/21 мая 1878 г.

[1] Год «1878» проставлен в автографе В. В. Стасовым. К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Мезон сюр Сэн (Париж), 22 мая 1878 г.; Петербург, 14 мая 1878 г. На конверте надпись В. В. Стасова: «21 мая. Выставка. Публика».

[2] Поляков Самуил Соломонович (1837—1888) — крупный железнодорожный строитель-предприниматель.

165

К письму 14/26 мая 1878 г.

[1] Год «1878» проставлен в автографе В. В. Стасовым. К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Мезон сюр Сэн, 27 мая 1878 г.; Петербург, 19 мая 1878 г. На конверте надпись В. В. Стасова: «14 мая 78. Выставка (Русск[ий] отдел). Болен от работы. Ему надо сдерживаться».

166

К письму 21 мая 1878 г.

[1] Кстати о Скалоне.

[2] Строганов Сергей Григорьевич, граф (1794—1882) — генерал, член государственного совета; деятель Археологического общества.

[3] Газенкампф Михаил Александрович (1843—1913) — генерал, профессор, специалист по вопросам военной администрации. В войну 1877—1878 гг. состоял при главнокомандующем; вел журнал военных действий.

167

К письму 23 мая/4 июня 1878 г.

[1] Письмо ошибочно датировано Верещагиным «4 мая». На автографе Стасовым проставлен год «1878» и «Париж». К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Мезон сюр Сэн, 5 июня 1878 г.; Петербург, 28 мая 1878 г. На конверте надпись В. В. Стасова: «4 мая [18]78 г. [повторена ошибка Верещагина. — *Ред.*] Выставка. Крамской. Антокольский. Полотенца из Болгарии».

На основании почтовых штемпелей, а также письма Верещагина от 14/26 мая 1878 г., в котором он писал: «Скоро вышлю полотенца ...надо их проверить», письмо это датируется 23 мая/4 июня 1878 г.

[2] «Светочи христианства».

168

К письму 28 мая/9 июня 1878 г.

[1] Год «1878» проставлен на автографе В. В. Стасовым. К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Мезон сюр Сэн, 9 июня 1878 г.; Петербург, 1 июня 1878 г. На конверте пометка В. В. Стасова: *«1 июня 78»*.

[2] «Георгий» и «Владимир» — ордена-кресты.

[3] Вероятно, Скальковский Константин Аполлонович (1843—1905) — писатель, горный инженер. Его работы: «Современная Россия», «Наши государственные и общественные деятели», «Внешняя политика России и положение иностранных держав» и др.

169

К письму 20 июня 1878 г.

[1] Мечеть Селима II в Адрианополе — памятник XVI в.

[2] «Юнона» — название судна — по имени древнеримской мифологической богини.

170

К письму 26 июня 1878 г.

[1] Систово — город в Болгарии, на берегу Дуная.

[2] А. В. Верещагин писал В. В. Стасову 10 июня 1878 г.:

«Милостивый государь Владимир Василье[вич]

Доехал я не совсем-то благополучно; в море меня так укачало, что я через два дня еле опомнился. Пожалуйста, возьмите, если есть, у папаши письма на мое имя, переложите в другой конверт и пошлите по следующему адресу: «В действующую армию, в полевой штаб, старшему адъютанту строевого отделения подполковнику Сахарову, для передачи». Письма мои можете распечатать. Напишите и от себя несколько строчек, что нового. Передайте мой поклон Дмитрию Васильевичу. Постараюсь достать Вам обещанных костюмов.

Ваш *А. Вереща*[*гин*]

Извините, что пишу на таком клочке.

Передайте, пожалуйста, Дмитрию Васильевичу, чтобы он потрудился отослать немедля брату моему Василию Васильичу должные мною ему (800 р.) восемьсот рублей».

(Архив Института литературы Академии наук СССР.)

171

К письму 1/13 июля 1878 г.

[1] Год «1878» проставлен на автографе В. В. Стасовым. К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Мезон сюр Сэн, 13 июля 1878 г.; Петербург, 5 июля 1878 г., и с пометкой В. В. Стасова: «5 июль 78».

172

К письму 1/13 июля 1878 г.

[1] Год «1878» проставлен на автографе В. В. Стасовым. К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Мезон сюр Сэн, 14 июля 1878 г.; Петербург, 6 июля 1878 г., и с пометкой В. В. Стасова: «июль 78. Стуковенко».

[2] Соллогуб Владимир Александрович, граф (1814—1882) — писатель. Находился в 1877—1878 гг. на театре войны при главной квартире.

[3] Склифосовский Николай Васильевич (1836—1904) — знаменитый русский хирург, профессор Московского университета.

173

К письму 23 июля/4 августа 1878 г.

[1] Письмо написано на открытке с адресом: Monsieur Basile Véréchagine, Maisons Laffitte, Avenue Kleber; почтовый штамп: Париж, 4 августа 1878 г.

[2] Бульвар Монмартр, № 3, Мезон Доре.

174

К письму 29 июля/10 августа 1878 г.

[1] На автографе «Париж, 29 июля» и год «[1878]» написаны В. В. Стасовым. К письму приложен конверт с почтовым штемпелем Мезон сюр Сэн (дата неразборчива).

[2] Речь идет о ходатайстве В. В. Стасова и В. М. Жемчужникова через С. П. Боткина, известного врача и придворного медика, о помощи В. В. Верещагину в виде выдачи единовременной суммы как задатка за его будущие картины.

175

К письму 29 июля/10 августа 1878 г.

[1] Сведения о ходатайстве за Верещагина Стасов сообщал 3 ноября 1877 г. П. М. Третьякову.

176

К письму 30 июля/11 августа 1878 г.

[1] Год «1878» проставлен на автографе В. В. Стасовым. К письму приложен конверт с парижскими почтовыми штемпелями от 12 августа 1878 г. и адресованный Стасову в Париже. На конверте надпись В. В. Стасова: «30 июль [18]78. Отношение к императору и в[еликому] кн[язю] на войне».

[2] Он — т. е. царь.

[3] Ненормален.

[4] Электрический прибор, дающий мгновенный разряд.

[5] Александра Палас — дворец с парком в окрестностях Лондона.

[6] Кристаль Палас — Хрустальный дворец, выставочное здание в окрестностях Лондона.

[7] Кноллис.

177

К письму 4/16 августа 1878 г.

[1] Год «1878» проставлен на основании содержания письма.

[2] Лондон, Рынок Ковентгарден, Бедфорд отель, комната № 64.

[3] Буржуа.

[4] Кэнлиф Оуэн.

178

К письму 6/18 августа 1878 г.

[1] Год «[18]78» проставлен на автографе В. В. Стасовым. К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Мезон сюр Сэн, 19 августа 1878 г.; Лондон, 19 августа 1878 г. На конверте надпись В. В. Стасова: «6 авг[уста 18]78. Спор о принце Валлийском».

[2] Верещагин счел, что Стасов не понял глубокого исторического смысла и значения картин индийской серии, в которых раскрывается все

существо веками длившегося английского завоевания Индии. В этих картинах художник показывает великолепную, богатую дарами природы и произведениями искусства страну, показывает ее народ под пятой завоевателя и, наконец, в лице принца Уэльского дает самого завоевателя, проследовавшего по коленопреклоненной, ненавидящей его Индии.

[3] Свой замысел Верещагин осуществил в картине «Будущий император Индии» («Принц Уэльский»).

179

К письму 7/19 августа 1878 г.

[1] В автографе, повидимому, рукой Стасова, но позднее, проставлено: «NB 1878».

180

К письму 9/21 августа 1878 г.

[1] Год «1878» и «Париж» проставлены в автографе В. В. Стасовым. К письму приложен конверт с почтовым штемпелем: Мезон сюр Сэн, 22 августа 1878 г., адресованный Стасову в Париж. На конверте пометка В. В. Стасова: «9 авг[уста 18]78. Принц Уэльский и др. в картинах».

181

К письму 13/25 августа 1878 г.

[1] В автографе «Париж» и год «1878» проставлены В. В. Стасовым. К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Мезон сюр Сэн и Париж. 26 августа 1878 г. На конверте пометка В. В. Стасова: «13 авг[уста 18]78. Брань и комплименты».

[2] М[ада]м Бейдеман — жена Бейдемана Александра Егоровича (1826—1869), академика исторической живописи, автора оригиналов для мозаичных образов в Исаакиевском соборе.

182

К письму 21 августа/2 сентября 1878 г.

[1] «Париж» и год «1878» в автографе проставлены В. В. Стасовым. К письму приложен конверт с почтовым штемпелем: Париж, 3 сентября 1878 г.

[2] Собко Николай Петрович (1851—1906) — близкий передвижникам историк искусства и библиограф; с 1898 г. — редактор журнала «Искусство и художественная промышленность». Составитель многих каталогов передвижных и других художественных выставок.

Был дружен со Стасовым и являлся его сослуживцем по Публичной библиотеке.

183

К письму 27 августа/8 сентября 1878 г.

[1] В автографе «Париж» и год «1878» проставлены В. В. Стасовым. К письму приложен конверт с почтовым штемпелем: Мезон сюр Сэн, 8 сентября 1878 г., адресованный Стасову в Париж. На конверте пометка В. В. Стасова: «Сент[ябрь 18]78. Издание (война)».

184

К письму 28 августа/9 сентября 1878 г.

[1] Датировка письма: «Понедель[ник] 28 авг[уста/9 сентября 18]78 [г.], Париж» проставлена в автографе В. В. Стасовым.

[2] Письмо написано в форме телеграммы. Слова «телеграмма», «откуда первый этаж», «куда седьмой этаж», «В. В. Стасову» написаны В. В. Верещагиным.

На обороте листка с текстом письма-телеграммы надпись: «Monsieur Stassoff, chambre №52».

185

К письму 28 августа/9 сентября 1878 г.

[1] Бургас — болгарский порт на Черном море.

186

К письму 30 августа/11 сентября 1878 г.

[1] В автографе «Париж» и год «[18]78» проставлены В. В. Стасовым. К письму приложен конверт с почтовым штемпелем: Мезон сюр Сэн, 11 сентября 1878 г., адресованный Стасову в Париж. На конверте надпись В. В. Стасова: «Сент[ябрь 18]78. Струков. Незаменимая утрата».

[2] К письму приложена газетная вырезка:

«М. И. Стуковенко,

находящийся по настоящее время в Бургасе, извещает В. В. Верещагина, что запечатанный портфель с этюдами, согласно просьбе его, Верещагина, был переслан в город Систово еще в первых числах февраля через чиновника особых поручений при инспекторе госпиталей шт[абс]-капитана Кирилина и сдан сим последним лично г. полицмейстеру города Систова».

[3] Речь идет о произведениях Глинки, исполнявшихся, вероятно, на выставочных концертах.

187

К письму 1/13 сентября 1878 г.

[1] Приложен конверт, адресованный В. В. Стасову в Париже, с почтовым штемпелем: Париж, 13 сентября 1878 г. Датировка установлена

на основании этого штемпеля. На конверте пометка В. В. Стасова: «Телеграммы Струкова».

[2] Текст этого письма-записки написан Верещагиным на обороте первой из двух телеграмм, которые пересланы им Стасову.

Первая телеграмма:

«Из Систова

Стефано. Генералу Струкову

Где находятся рисунки художника Верещагина, присланные доктором Стуковенковым, по справке ничего не открыто.

Окружной начальник подполковник Михайлов».

Вторая телеграмма:

«16/8 1878

Из Систова

Стефано. Генералу Струкову

Полицмейстер Подгурский уволен, должен быть Петербурге. В Систове не оказалось вещей. Помню, что Подгурский отправлял.

Комендант *Гернгрос*».

На обороте первой телеграммы имеется вторая надпись (А. П. Струкова). «Вот мои справки пока, буду продолжать, авось найду. Струков. Стефано. 18 авг[уста] 1878».

(Телеграммы хранятся в Архиве Института литературы Академии наук СССР.).

[3] Подгурский — полковник, бывший полицмейстер в Систове.

188

К письму 10/22 сентября 1878 г.

[1] Это была статья Стасова о мастерской Верещагина в Париже, в Мезон Лаффит.

[2] Кирилин Н. В. — штабс-капитан, чиновник особых поручений при инспекторе госпиталей в Дунайской армии.

189

К письму 16/28 сентября 1878 г.

[1] Год «[18]78» проставлен на автографе В. В. Стасовым. К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Мезон сюр Сэн, 29 сентября 1878 г.; Петербург, 21 сентября 1878 г. На конверте пометка В. В. Стасова: «16 сент[ября 18]78. Деньги. Деньги на школы».

[2] Собко Н. П.

[3] Шлоссер Фридрих-Христофор (1776—1861) — немецкий умеренно-либеральный историк, профессор Гейдельбергского университета. Его

«Всемирная история» (1843—1856) переведена на русский язык под редакцией Н. Г. Чернышевского и издана А. Серно-Соловьевичем (СПБ., 1861—1869, тт. 1—18), а также Вольф (СПБ—М., 1868—1877, тт. 1—8) и др. издания.

190

К письму 23 сентября 1878 г.

[1] Статья Стасова «Мастерская Верещагина», входящая в серию его статей «Письма из чужих краев», написанных в связи с поездкой на Всемирную выставку, опубликована в «Новом времени» (1878, 26 и 28 сентября, №№ 926 и 928; см. также: Стасов В. В., Собр. Соч., СПБ, 1894, т. I, отд. 2, стб. 602—615).

В этой статье Стасов рассказывает о своем посещении мастерской В. В. Верещагина в Париже. Он говорит, что Верещагин уединился от всех в своей огромной мастерской в Мезон Лаффит и что только так и можно делать крупные вещи. Стасов проводит сравнение Верещагина с французским баталистом Орасом Верне и показывает превосходство русского художника. Затем Стасов описывает находящиеся в мастерской картины и дает анализ творчества Верещагина, разбирая его туркестанские и индийские картины и произведения войны 1877—1878 гг. «Чудесны туркестанские и индийские картинки Верещагина, — говорит Стасов, — великолепны золотые краски и яркий блеск южной природы, но еще поразительнее мне показались теперь пустынные поля и горы, где толстые слои снега истоптаны тысячами русских и турецких шагов...» (стб. 613).

«Пусть только Верещагин доведет начатое дело до конца, — заканчивает Стасов, — и нам нечего тужить и беспокоиться: та небывалая, несравненная картинная галлерея, какой требовала война, будет создана русским искусством, и великие дни великой русской истории 77 года навеки будут занесены на несокрушимые скрижали» (стб. 615).

О статье «Мастерская Верещагина» И. Н. Крамской писал В. В. Стасову 28 сентября 1878 г.:

«...в 1-й статье [т. е. в 1-й части статьи. — *Ред*] есть кое-что, к чему можно придраться, хотя и в ней чрезвычайно метко и хорошо рассказано взаимно глупое положение публики и художника, когда мастерские посещаются свободно. Но вторая статья чудесная, горячая и очень сильная. Я радуюсь, что Вы там нашли все то, о чем пишете, особенно из последней войны, и я верю, что все несомненно так, как Вы написали. Да, Верещагин *один;* я уже давно смекнул, что натура его гениальная...» (Крамской И. Н., Письма, 1876—1887, т. II, [Л.], 1937, стр. 156—157.)

191

К письму 24 сентября/6 октября 1878 г.

[1] Год «[18]78» проставлен на автографе В. В. Стасовым. К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Мезон сюр Сэн, 6 октября 1878 г.; Петербург, 28 сентября 1878 г. На конверте пометка В. В. Стасова: «24 сент[ября 18]78. Боголюбов. Наследник. Третьяков».

[2] Толстой Лев Николаевич (1828—1910). Речь идет о посылке Верещагину сочинений Л. Н. Толстого. К тому времени вышло 3-е изд. М., 1873. 8 томов, включая «Войну и мир».

192

К письму 1/13 октября 1878 г.

[1] Год «1878» проставлен на автографе В. В. Стасовым. К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Мезон сюр Сэн, 13 октября 1878 г.; Петербург, 5 октября 1878 г. На конверте пометка В. В. Стасова: «1 окт[ября 18]78».

[2] Верещагин отвечает на письмо В. В. Стасова от 23 сентября 1878 г., где написано про Д. В. Стасова: «Наверное, он опять будет Вам приятен, попрежнему».

193

К письму 14/26 октября 1878 г.

[1] Год «1878» проставлен на автографе В. В. Стасовым. К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Мезон сюр Сэн, 26 октября 1878 г.; Петербург, 18 октября 1878 г. На конверте пометка В. В. Стасова: «14/26 окт[ября]77 [ошибка: следует «1878» — *Ред.*]. Гейнс».

[2] За карточку царя Александра II, нужную для работы над картинами из войны 1877—1878 гг.

194

К письму 18 октября 1878 г.

[1] Дату письма Стасов не поставил. Это было письмо от 14/26 октября 1878 г.

[2] Свешников, Лев Павлович — адмирал, инспектор департамента морского министерства.

[3] Дрентельн Алексей Романович (1820—1888) — генерал, в 1877 г. был начальником военных сообщений действующей армии в Европейской России и начальником тыловых войск. С 1878 г. — начальник III отделения и шеф жандармов.

[4] Стасов пишет о письме к нему Репина от 15 октября 1878 г., в котором говорится:

«... я все еще полон впечатлением от Ваших писем об Верещагине, особенно от его набросков войны нашей: забыть не могу эту дорогу в Плевну, снежную, затоптанную, с оборванным телеграфом и с трупами турок по сторонам, закоченелых. Чорт возьми, как это сильно!! Знаете ли (по секрету) — я страшно жалею, что не удалось мне побывать на войне; что делать — не воротишь! Да и не мог я. Мне хочется написать встречу войск, — ведь превосходная тема; да и представляется она мне великолепно! Только встреча в Питере; недавно расспрашивал у одного очевидца, рассказ его превзошел мои ожидания!..» (И. Е. Репин и В. В. Стасов, Переписка, [т.] II, 1877—1894, М.—Л., 1949, стр. 37.

[5] К задуманной картине «Встреча войск» Репин, повидимому, сделал только эскиз масляными красками, который находится в настоящее время в Музее Академии художеств СССР.

195

К письму 29 октября/10 ноября 1878 г.

[1] Год «1878» проставлен в автографе В. В. Стасовым. К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Мезон сюр Сэн, 10 ноября 1878 г.; Петербург, 2 ноября 1878 г. На конверте надпись В. В. Стасова: «Ноябрь [18]78. Боголюбов. Наследник. Половцов. Стуковенко».

[2] Художник А. П. Боголюбов назван здесь генералом иронически.

[3] Половцов Александр Александрович (1832—1909) — крупный чиновник, был почетным членом Академии художеств, коллекционер, попечитель Центрального училища технического рисования Штиглица. Воспитывался, как и В. В. Стасов, в Училище правоведения.

196

К письму 30 октября 1878 г.

[1] Кирилин послал В. В. Стасову письмо из Одессы 25 октября 1878 г. Начало письма гласило: «Ваше превосходительство Владимир Васильевич! С глубоким сожалением узнал я из письма Вашего, полученного мною сегодня, что злополучный портфель с этюдами, принадлежащими Василию Васильевичу Верещагину, до сих пор не достиг до него». Далее идет текст, цитированный В. В. Стасовым, и трафаретные любезности в конце письма.

[2] Владимирский — подполковник, был во время войны 1877—1878 гг. полицмейстером в Систове.

[3] Ерофеев — майор, был во время войны 1877—1878 гг. полицмейстером в Систове.

197

К письму 2/14 ноября 1878 г.

[1] Год «1878» проставлен в автографе В. В. Стасовым. К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Мезон сюр Сэн, 15 ноября 1878 г.; Петербург, 7 ноября 1878 г. На конверте пометка В. В. Стасова: «7 ноября [18]78».

[2] Приложенное письмо В. В. Верещагина Кирилину гласило:

«14/2 ноября [1878]

Милостивый государь!

С сожалением должен я известить Вас, что в скором времени возбужу судебное преследование против доктора Стуковенко, принявшего от меня и не сдавшего по принадлежности крайне нужные мне вещи мои. Если Вы можете, милостивый государь, разысканием этих вещей избавить меня от этой неприятной необходимости, Вы много меня обяжете.

Прошу Вас принять уверение в моем уважении.

В. Верещагин.

В. В. Стасов не откажется принять Ваше извещение, если Вам угодно будет дать таковое».

(Письмо хранится в Архиве Института литературы Академии наук СССР).

198

К письму 2 ноября 1878 г.

[1] Левицкий Сергей Львович художник-пейзажист; впоследствии стал известным фотографом.

[2] Славный малый.

[3] Хвастун, враль.

[4] Пусть продвигается.

199

К письму 8/20 ноября 1878 г.

[1] Год «1878» проставлен в автографе В. В. Стасовым. К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Мезон сюр Сэн, 20 ноября 1878 г.; Петербург, 12 ноября 1878 г. На конверте пометка В. В. Стасова: «20 ноября [18]78. Боголюбов. Третьяк[ов]».

200

К письму 15/27 ноября 1878 г.

[1] Год «1878» проставлен на автографе В. В. Стасовым. К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Мезон сюр Сэн, 26 ноября 1878 г.; Петербург, 18 ноября 1878 г. На конверте надпись В. В. Стасова: «15 ноября 78. Собирается в Болгарию. Скобелев разыскал этюды в Габрове».

201

К письму 22 ноября 1878 г.

[1] Картина В. В. Верещагина «На Шипке все спокойно» (1878).

[2] «Опиумоеды» — картина В. В. Верещагина из туркестанской серии.

202

К письму 25 ноября/7 декабря 1878 г.

[1] Год «1878» проставлен в автографе В. В. Стасовым. К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Мезон сюр Сэн, 8 декабря 1878 г.; Петербург, 30 ноября 1878 г. На конверте надпись В. В. Стасова: «7 дек[абря] 1878. Отъезд на Шипку. Укладываются впечатления. Никогда не пишет эскизов. Выставка Верещаг[ина] в Париже. Д. Боткин».

[2] Московское общество любителей художеств, председателем которого был Д. П. Боткин.

203

К письму 12 декабря 1878 г.

[1] На автографе В. В. Стасовым проставлена дата «13 декабря 1878» и «СПБ». К письму приложен конверт с почтовым штемпелем: Петербург, 13 декабря 1878 г. На конверте надпись В. В. Стасова: «13 дек[абря 18]78. Прием у наследника. Музыка с Мусорг[ским]».

Вторник приходился на 12 декабря 1878 г., когда и было написано письмо.

[2] Музыкальное собрание с участием М. П. Мусоргского.

[3] Мусоргский Модест Петрович (1839—1881) — гениальный русский композитор, один из основных представителей «могучей кучки», ярко выразившей в своем творчестве передовые, демократические идеи 60-х годов XIX в. С глубоким сочувствием и предельной правдивостью композитор запечатлел в своей оперной и вокально-камерной музыке образы народа, русского крестьянства, обездоленного, страдающего, но могучего и великого в своей стихийной силе. Эта мощная сила народно-массовых движений отражена Мусоргским в его монументальных исторических музыкальных драмах «Борис Годунов» (1870) и «Хованщина» (1881), являющихся величайшими созданиями мировой оперной классики.

Стасов одним из первых оценил гений Мусоргского, стал его близким другом, принимал горячее участие в его творческой работе, помогал ему советами, добывал для него материалы и постоянно оказывал ему материальную поддержку; неустанно защищал его от нападок враждебной критики и посвятил ему ряд статей.

204

К письму 14 декабря 1878 г.

[1] Дата «14 дек[абря 18]78» и «СПБ» проставлены в автографе В. В. Стасовым. На приложенном к письму конверте без почтового штемпеля пометка В. В. Стасова: «Боткин. 14 дек[абря 18]78».

205

К письму 22 декабря 1878 г.

[1] Год «1878» проставлен в автографе В. В. Стасовым. К письму приложен конверт с почтовыми штемпелями: Раздельное, 22 декабря 1878 г.; Петербург, 26 декабря 1878 г. На конверте пометка В. В. Стасова: «22 дек[абря] 1878».

УКАЗАТЕЛЬ
ИМЕН И НАЗВАНИЙ

(В указателе обыкновенным («своим») шрифтом перечислены страницы упоминаний в предисловии и в письмах; курсивом указаны страницы упоминаний в пояснительном тексте; полужирным шрифтом указывается страница пояснительного текста к данному имени. Годы жизни, указанные в пояснительном тексте, в указателе не повторяются).

Абдул-Азис, — 137, **338**.

Айвазовский Иван Константинович — 212, **388**.

Академия художеств — 16, 20, 25, 30, 32—35, 40, 45, 47, 62, 68, 136, 139, 140, 151, 167, 179, *266, 271, 272, 278, 280—282, 284, 287—293, 297, 303, 304, 306, 308, 310, 319, 337, 338, 340, 342, 344, 345, 348, 350, 351, 356, 361, 370, 374, 388, 389, 403, 404*.

Александр Александрович (1845—1894), великий князь, наследник (Александр III) — 153, 162, 167, 181, 215, 216, 224, 228, 230, 238, 249—251, 257, 258, *351, 390, 394, 402, 404, 406*.

Александр II Николаевич (1818—1881) — 7, 8, 26, 83, 95, 103, 132, 168, 181, 183, 216, 225, 226, 235—238, 241, 249, 253, 254, *265, 266, 366, 379, 398, 403*.

Александров Николай Александрович, художественный критик — *294*.

Ананов Иван Степанович — 17, *271*, **272**.

Андрей, казак — *387*.

Антокольский Марк Матвеевич — 18, 41, 59, 79, 105, 231, *262*, **273**, *274, 293, 298, 299, 301, 302, 308, 315, 324, 396*.

Арендт, домовладелец — 149.

Артель художников — *287, 317, 348*.

Архипов Абрам Ефимович (1862—1930), народный художник РСФСР, живописец-жанрист и пейзажист — *272*.

Аткинсон А. С. — 21, 39, 43, 47, **278**.

Бабур (Шир - Эддин - Магомет, 1483—1530), первый Великий Могол в Индии, потомок Тимура — *270*.

Базаров, персонаж романа «Отцы и дети» И. С. Тургенева — 113, **328**.

Байрон Джорж Гордон, лорд (1788—1824), английский поэт — *341*.

Балакирев Милий Алексеевич (1836—1910), композитор — *342*.

Бартоломэ (Бартоломей) Михаил Федорович — 85, 90, 95, 238, **320**.

Бауман А. О., издатель — *381*.

Баяр, рисовальщик в Париже — 49.

Беггров А., торговец картинами — 37, 38, 42, 62, 70, 77, 80, 81, 84, 86—88, 90, 93, 94, 97—101, 104, 108, 109, 115, 120, 123, 125—129, 131, 132, 141, 149, 150, 199, 233, *304*, **305**, *318, 321, 326, 327, 330*.

Беггров Александр Карлович (1841—1914), художник-маринист — 282.

Бейдеман Александр Егорович — *263*, **399**.
Бейдеман, вдова художника — 242, *263*, *399*.
Белинский Виссарион Григорьевич — 135, *305*, 337.
Беллоли Андрей Францевич — 136, **337**, *338*.
Берлиоз Гектор — 163, **352**.
Бетховен Людвиг — 158, **350**, *352*.
Бибеско, полковник, заведующий госпиталем Бранкована — *369*, *375*, *377*.
Бибиков Евгений Михайлович — 209, **385**.
Бильбасов Василий Алексеевич — (1838—1904), историк, редактор газеты «Голос» — *286*.
Бобринский Алексей Павлович — 24, **280**.
Боголюбов Алексей Петрович — 25, 45, 49, 96, 109, 129, 160, 162, 167, 215, 216, 218, 228, 247, 249, 251, 254, 255, 257, *282*, *294*, **310**, *327*, *333*, *346*, *347*, *351*, *356*, *389*, *392*, *402*, *404*, *405*.
Бонна Леон-Жозеф-Флорентен— 219, **393**.
Боткин Дмитрий Петрович — 19, 20, 22, 26, 69, 135, 255, 257, *265*, 274, *275*, *276*, *279*, *286*, *292*, *333*, *334*, *379*, *405*.
Боткин Михаил Петрович — 135 — 137, *275*, *276*, *317*, **337**, *338*.
Боткин Сергей Петрович — 70, 76, 79, 81, 87, 102, 108, 235—237, 258, 317, *326*, *379*, *398*, *406*.
Брандт Иозеф, член комитета Мюнхенского художественного товарищества — *295*.
Брюллов Карл Павлович — 163, **351**, *352*, *392*.
Брюллов Павел Александрович — 39, *297*, **306**.
Буланже Гюстав — 82, 85, 112, **319**.
Булгаков Федор Ильич (1852—1908), журналист, составитель и издатель биографических сборников о художниках; автор монографии «Василий Васильевич Верещагин и его произведения», СПБ, 1896; 1905; сотрудник ряда реакционных изданий — *263*.
Бутовский Леонид Иванович — 152, **344**.

Вагнер А., профессор, член комитета Мюнхенского художественного товарищества — *295*.
Вагнер Рихард — 163, **352**, *353*.
Валлийский, принц — см. Уэльский, принц.
Вагнер Рихард — 163, **352**, *353*.
Ван-Дейк Антонис (1599—1641), фламандский живописец — *304*.
Васильковский, генерал — 224, **394**.
Васнецов Аполлинарий Михайлович (1856—1933), живописец и театральный декоратор — *272*.
Васнецов Виктор Михайлович — 5, 18, 23, 29, 31, 39, 43, 46, 49, 54—56, 62, 64, 80, 82, 91, 96, 110, 111, 113, 114, 117, 118, 120, 126, 142—145, 150, 151, 167, 200, 224, 226, 228, *271*, **273**, *277*, *289*, *304*, *329*, *330*, *347*, *348*, *370*.
Вассиль, знакомый В. В. Верещагина в Париже — 129.
Великие Моголы — 16, 239, **270**, *322*.
Верещагин Александр Васильевич — 8, 140, 141, 147—150, 164, 165, 168, 169, 171, 172, 174, 175, 179, 181, 184, 185, 187, 188, 190—192, 197—200, 202, 204, 205, 207—209, 212, 216, 217, 222—226, 228—231, 234, 240, 241, 246, 256, **340**, *343*, *354*, *363*, *367*, *371—373*, *376*, *377*, *380*, *387*, *390*, *394*, *395*, *397*.
Верещагин Василий Васильевич, отец художника — 8, 28, 35, 113, 150, 171, 172, 175—179, 181, 183, 186—188, 190—194, 199—202, 205, 206, 208, 213, 218, 223, 244, **283**, *375*, *376*, *381—383*, *390*, *391*.
Верещагин Василий Петрович — **21**, *278*.
Верещагин Николай Васильевич— 183, 190, 193, 194, 200, 223, 257, 258, *372*, *376*, *383*.
Верещагин Сергей Васильевич — 101, 119, 122, 125, 128, 129, 132, 148, 150, 172, 176, 177, 179, 181—188, 190—195, 199—203,

208, 213, 216, 258, **329**, *330, 331, 346, 363, 367, 371—376, 382, 383, 391.*

Верещагина Анна Николаевна, мать художника — 83, 84, 86, 88, 95, 101, 102, 108, 119, 122, 150, 171, 177, 178, 180, 181, 186, 188, 190—192, 194, 199, 200, 202, 213, 218, 223, *315*, **319**, *323, 330, 357, 376, 381—383, 390, 391.*

Верещагина (Рит) Елизавета Кондратьевна — 31, 33, 37, 63, 70, 89, 100, 112, 116, 117, 119, 123, 137, 138, 162, 168—172, 174, 177—179, *270, 282, 283, 302,* 303, *315, 330, 355—357, 363.*

Верещагина Мария Васильевна — 178, **368**.

Верне Орас (1789—1863), французский художник-баталист — *267, 268, 402.*

Веронезе (Калиари) Паоло (1528—1588), итальянский живописец — *280, 315.*

Вечелио Цезаре — 103, *323.*

Виллевальде Богдан Павлович (1818—1903), живописец-баталист, профессор Академии художеств — *319.*

Винекен, банкир — 135, *337.*

Виолле-ле-Дюк Эжен-Эманюэль — 152—158, 160, 162, **344**, *345,* 349.

Владимир Александрович, великий князь — 25, 26. *281,* **282**, *366.*

Владимирский, подполковник — 252, **404**.

Волков Федор Григорьевич (1729—1763), актер и театральный деятель — *344.*

Вольбрюк, экспедитор — 77, 79, 102, 233, 234, *318.*

Газенкампф Михаил Александрович — 231, *396.*

Галл Александр Александрович — 139, **339**.

Гамлет, персонаж трагедии «Гамлет, принц датский» В. Шекспира — 99.

Ганфштенгель Франц — 81, 84, 87, 90, 93, 96—98, 100, 106, *318,* **319**. *322.*

Гартман Виктор Александрович — 17, 18, 226, **273**.

Гаусхер, служащий бомбейской фирмы Николь и Ко — 85, 86, 89, 95, 102, 104, *320.*

Гашет (Ашет) — 18—20, 22, 31, 55, 110, 111, 113, 114, 142, 143, 181, 220, 232, 252, **273**, *277, 329, 393.*

Ге Николай Николаевич — 5, 29, 59, **288**, *292, 370.*

Гейден Федор Логгинович — 75, 138, 245, *318, 338, 339.*

Гейнс (Гейнц) Александр Константинович — 8, 16, 18—23, 25, 26, 28, 29, 31, 34, 35, 39, 40, 44, 46, 48—50, 52—62, 64—69, 73—78, 80, 82—84, 86, 87, 90, 91, 94—96, 98, 99, 101—104, 107—110, 113, 118, 121—123, 136—138, 140—146, 150, 154, 156, 157, 159, 160, 164, 167, 169—172, 174, 178, 188—190, 194, 196, 198—200, 209, 216, 217, 219—222, 225, 226, 228, 229, 232—234, 237, 249, 250, 252, 253, 256, *263, 265, 266,* **270**, *273—277, 279, 282, 294, 298, 309, 312—314, 316, 326, 333, 334, 340, 349, 379, 380, 389, 391, 393, 403.*

Герасимов Александр Михайлович (р. 1884), народный художник СССР — *272.*

Герд Александр Яковлевич — 111, 112, 114, **328**.

Гердльстон, английский резидент — *282.*

Гернгросс, комендант в Систове — *401.*

Герцен Александр Иванович (1812—1870) — *288, 289, 305.*

Гесс Антон, профессор, секретарь Мюнхенского художественного товарищества — *295.*

Гете Иоганн-Вольфганг (1749—1838), немецкий поэт — *350.*

Гефнер-Альтенек Яков-Генрих (1811—1903), историк искусств и рисовальщик — 103, *323.*

Гехт Вильгельм — 34, 35, **304**.

Гинцбург Гораций Осипович — 61, 178, 246, 247, 249, *368.*

Гинцбург Илья Яковлевич (1859—1939), академик скульптуры, автор статуэток «В. В. Верещагин

за работой», «В. В. Стасов» и надгробного памятника В. В. Стасову — *315.*
Гирт, банкир в Мюнхене — 178.
Глинка Михаил Иванович — 158, 162, 245, *273, 341,* **349**, *351, 400.*
Глюк, отец и сын, врачи в Бранкованском госпитале — *377.*
Гоголь Николай Васильевич — 155, *289,* **348**, *367.*
Голицын, князь, домовладелец — 161.
Горчаков Александр Михайлович — 42, 177, 180, 194, 205, 244, 309, *367.*
Горшельдт Федор Федорович — 26, **283.**
Гофф Конрад, председатель комитета Мюнхенского художественного товарищества — *295.*
Грибоедов Александр Сергеевич — 155, **348.**
Григорович Дмитрий Васильевич — 150, **342.**
Громме Василий Тильманович — 81, 86, 154, 156—160, 164, **319**, *350, 353.*
Гун Карл Федорович — 29, 49, *264,* 288.
Гупиль — 87, 93, 122, 243, **321.**
Гурко Иосиф Владимирович — 182, 197, 198, 213, *371,* *372, 375—377.*

Данте Алигьери (1265—1321), итальянский поэт и политический деятель — *341, 348.*
Дациаро — 87, 126, **321.**
Дашков Василий Андреевич — 17, *271*, **272.**
Демидова Лидия Алексеевна — 176, 177, 182, *366*, **367**, *381.*
Демут, владелец гостиницы — 45, **310.**
Джанг Багадур, правитель Непала — 85, *320.*
Джорджоне (Барбарелли Джорджо) ди Кастельфранко (1476—1510), итальянский живописец — *315.*
Дидро Дени (1713—1784), французский просветитель, философ, писатель и критик — *269.*
Дмитриев-Оренбургский Николай Дмитриевич — 167, **356.**
Долгоруков, князь — *387.*
Донауров Захар Петрович — 48, 76, **311.**
Доре Гюстав — 154, *296, 345,* **348.**
Дрентельн Алексей Романович — 250—252, 255, **403.**
Дубасовы — 199, *376,* **381.**
Дунганское восстание — 107, 113, **325.**
Дюваль, землевладелец в Мезон-Лаффитт — 69.
Дюлу, знакомый В. В. Верещагина в Париже — 129, 160, 162, *351.*

Елизавета, королева английская — 85, 90, 320.
Ерофеев, майор — 252, **404.**

Жемчужников Алексей Михайлович (1821—1908), поэт; один из соавторов сборника «Козьма Прутков» — *274.*
Жемчужников Владимир Михайлович — 19, 21, 24, 50, 102, 121, 128, 132, 133, 139, 182, 194, 200, 224, 230, 232, 234, 236, *274, 276, 277, 313, 335, 336, 379, 380, 398.*
Жемчужников Лев Михайлович — 26, 35, 36, 39, 52, 58—60, 64, 67, 69, 74, 76, 80, 82—85, 87—89, 91, 95, 98, 103, 104, 109, 111, 112, 115, 119, 121, 123—125, 127, 128, 130, 132—135, 137, 140, *304, 306,* **312**, *316, 332, 334—336, 340, 379, 380.*
Жемчужников Николай Михайлович (1824—1909) — *313.*
Жером Жан-Леон — 21, 34, 35, 44, 45, 49, 61, 183, 219, **278**, *286, 287, 294, 303, 346.*

Забелло Пармен Петрович — 29, 289.
Зезерин, меховщик — 89, 95, 137, 138, 146, *339.*
Зимний дворец — *312.*
Зотов Павел Дмитриевич — 184, **372.**

Иаков I, король английский — 85, 90, 100, **320**, *322*.
Иван, казак-ординарец С. В. Верещагина — 184.
Иванов, корреспондент «Нового времени» — 197.
Иванов Александр Андреевич — 223, *352*, **394**.
Игнатьев, архангельский губернатор — 122.
Игнатьев Николай Павлович — 200, **382**.
Имеретинский Александр Константинович — 183, **372**.
Иннокентий (Иван Алексеевич Попов-Вениаминов) — 200, **381**.
Иогансон Борис Владимирович (р. 1893), народный художник СССР, жанрист — *272*.
Иордан Федор Иванович (1800—1883), гравер, профессор, ректор Академии художеств — *290*, *291*.
Исеев Петр Федорович — 35, 59, *294*, **304**.

Каменев Лев Львович (1833—1886), живописец — *273*, *370*.
Каразин Николай Николаевич — 171, **363**, *364*, *366*.
Карпентер, английская филантропка — 112, 115, *328*.
Касаткин Николай Алексеевич (1859—1930), народный художник РСФСР, жанрист — *272*.
Каульбах Вильгельм — 129. *304*, **331**.
Кауфман Константин Петрович — 8, 21, 36, 40, 52, 55, 75, 83, 90, 98, 103, 221, 237, *264*, *266*, 278, *317*, *339*, *361*.
Кауфман, жена генерала Кауфмана — 167, *356*.
Кацман Евгений Александрович (р. 1890), заслуженный деятель искусств РСФСР, жанрист и портретист — *272*.
Кеппих Мориц, комиссионер — 221, *393*.
Кин, судья в Агре — 25, 27, 30, 34, 62, 68, *282*, *283*.
Кирилин Н. В. — 246, 250—256, *400*, **401**, *404*.
Кларети (Кларси) Жюль — 134, 135, 137, 175, **336**, *337*.
Клезенже (Клезингер) Огюст — 216, **390**.
Клодт фон Юргенсбург Михаил Петрович — 29, 288, *370*.
Клодт фон Юргенсбург Михаил Константинович — 29, 288, *370*.
Кноллис, секретарь принца Уэльского — 238, *398*.
Ковалевский Павел Осипович — 160, 167, **350**.
Корзухин Алексей Иванович (1835—1894), живописец-жанрист — *370*.
Корин Павел Дмитриевич (р. 1892), заслуженный деятель искусств РСФСР, портретист — *272*.
Корф Модест Андреевич — 70, **317**.
Корш Валентин Федорович — 24, 40, 280, *290*.
Коцебу Александр Евстафьевич — 29, *287*, 294, *295*.
Кочетова Ольга Акимовна, акварелистка — *368*.
Кочубеи, знатные украинские помещики — *289*.
Краевский Андрей Александрович — 37, 39, 40, *286*, **305**.
Крамской Иван Николаевич — 3, 5, 29, 40, 59, 106, 108, 111, 117, 118, 120, 153, 154, 179, 231, *264*, *265*, *273*, *275*, *276*, *287*, *288*, *290*, *291*, *294*, *324*, *329*, *330*, *332*, *333*, *345—348*, *370*, *396*, *402*.
Красовский Николай Павлович — **139**, 141, **340**.
Кремниц, врач в Бранкованском госпитале — *377*.
Кречмер Альберт — 103, *323*.
Кронбергер К., член комитета Мюнхенского художественного товарищества — *295*.
Крыжановский Николай Андреевич — 194, 200, 376.
Кумани Алексей Михайлович — 76—79, 93, 96, 102, 136, 180, 196, 198, 203, 204, 207, 208, 210, **318**, *374*, *386*, *387*.
Купинский Петр Станиславович — 18, 21, 22, 50, 51, 60, 61, 69, 100, *270*, *271*, **273**.

Курбатов, казак — *387, 388.*
Курбэ Гюстав — 212, 216, **388.**

Лавеццано, врач в Бранкованском госпитале — *377.*
Лангко Д., член комитета Мюнхенского художественного товарищества — *295.*
Лангстаф, Эренберг и Поллак, таможенное агенство — *331.*
Лафонтен Жан (1621—1695), французский баснописец — 132, *334.*
Лаффит, банкир — *271.*
Левитан Исаак Ильич (1861—1900), художник-пейзажист — 5, *272, 370.*
Левицкий Сергей Львович — 253, **405.**
Леман Егор (Юрий) Яковлевич — 81, 160, 167—171, 174, 181, 217, 218, *294,* 319, *355, 356, 374, 386, 391.*
Лемох Карл (Кирилл) Викентьевич (1841—1910), живописец-жанрист — *370.*
Леонардо да Винчи (1452—1519), итальянский художник и ученый — *394.*
Лессинг Готгольд-Эфраим — 14, **269.**
Лефевр Жюль (р. 1834), французский живописец — *374.*
Линденшмидт В., член комитета Мюнхенского художественного товарищества — *295.*
Лобанов-Ростовский Алексей Борисович — 119, **330.**
Ловласов Влас, псевдоним сотрудника газеты «Петербургский листок» Соколова Александра Алексеевича — *298.*
Лойола Игнатий (Дон Игнатио Лопес де Рекальде, 1491—1556), основатель католического ордена иезуитов — *276.*
Ломакин, казак — *387.*
Лоран — 87, 93, 101, 321, *323, 326, 331.*
Лоранс (Лоран) Жан-Поль — 219, **393.**
Лорч Бруно — 21, 35, 39, 44, 45, 52, 53, 56, 57, 60, 61, 68, 88, 112, 115, 117, 120, 121, 154, 156—161, 164, *277,* **278,** *306, 349, 350, 353.*
Луи-Филипп (1773—1850), король французский — *267.*
Лукутин, владелец мастерской лакированных предметов с росписью в русском стиле — *395.*

Макаров Евгений Кириллович — 139, 141, 222—224, 231, 233, **340**, *388, 393.*
Макарт Ганс — 134, 219, *296,* **336,** *392, 393.*
Маковский Владимир Егорович (1846—1920), художник-передвижник, жанрист — *272.*
Маковский Константин Егорович — 47, 49, 94, 99, 311, *321, 370.*
Маковский Николай Егорович (1842—1886), живописец-пейзажист — *370.*
Мамонтов Савва Иванович (1841—1918), предприниматель, строитель железных дорог и финансовый деятель; меценат, владелец «Абрамцева» — *298.*
Мария Александровна (1824—1880), жена Александра II, императрица — 48.
Марк Вильгельм, член комитета Мюнхенского художественного товарищества — *295.*
Марков — *387.*
Маркс Карл (1818—1883) — *341.*
Масловский Иван Федорович — 199, **381.**
Матэ Василий Васильевич — 187, 193, 194, *304,* **374.**
Махмуд-паша — 180, **370.**
Медведев Василий Прокофьевич — 215, 217, **390.**
Мейссонье Эрнест — 175, 219, **367.**
Мендельсон Феликс — 158, **350.**
Менцель Адольф-Фридрих-Эрдман (1815—1905), немецкий живописец и график — *304.*
Микельанджело Буонаротти (1475—1564), итальянский скульптор, художник и архитектор — *250, 299.*
Микешин Михаил Осипович — 209, *307,* **385.**

Милютин Дмитрий Алексеевич — 200, **381**.
Минина Прасковья Александровна (ум. 1894), близкий друг В. В. Стасова — *381*.
Михайлов, подполковник — *401*.
«Могучая кучка» — *308, 322, 341, 342, 406*.
Морган Дельмар — 132, 133, 136, 153, 154, 218, 229, **334**, *344*.
Морель и Ко, вдова, магазин художественных изданий — 152, 155, 156, *344*.
Московское общество любителей художеств — 17, 23, 39, 169, 194, 257, *271*, 272, *273, 274, 277, 292, 312, 360, 405*.
Московское художественное общество — *272, 277, 360*.
Моцарт Вольфганг-Амадей — 158, **350**.
Мусоргский Модест Петрович — 257, **406**.
Мюнхенское художественное товарищество — *287, 295*.
Мясоедов Григорий Григорьевич — 29, 288, *290, 370*.

Нагибин, командир казачьего полка — *387*.
Намык-паша — 209, **385**.
Наполеон I Бонапарт (1769—1821), французский император (1804—1814 и 1815), полководец — 6.
Нарышкин, член Славянского комитета — 195.
Нёвиль Альфонс-Мари — 187, **373**.
Некрасов Николай Алексеевич — 200, **382**.
Немирович-Данченко Василий Иванович — 170, 171, 173, 174, 214, **362**, *366, 378*.
Непокойчицкий Артур Адамович— 139, **339**, *375*.
Нерон (37—68), римский император (с 54 г.) — *345*.
Нестеров Михаил Васильевич (1862—1942), художник, заслуженный деятель искусств РСФСР — *272*.
Низам — 85, **320**.
Николай Николаевич старший, великий князь — 7, 8, 139, 141, 142, 180, 182, 183, 208, 209, 222, 223, **237**, **339**, *361*, 375, *385, 387, 391, 393, 394, 398*.
Николай I Павлович (1796—1855) — *339*.
Николь и Ко, бомбейская фирма — 43, 85, *310*.
Норфельден — *387, 390*.
Нортбрук, лорд — 27, 39, **283**.

Обернеттер — 86, 92, 93, **320**, *321, 327*.
Общество архитекторов — 105, 130, 158, *273*, **349**.
Общество поощрения художников (с 1882 г. — художеств) — 150, 223, *288, 337, 340*, **342**, *343, 394*.
Орлов Николай Алексеевич — 42, 47, 48, 243, 244, 251, 257, **309**.
Осман-Нури-паша — 180, 184, **371**, *377*.
Остен-Сакен Федор Романович — 69, 75—79, 81, 83, 86, 89, 90, 95, 115, 132, 139, 221, **317**.
Островский Александр Николаевич (1823—1886), драматург — *322, 341*.
Остроумова-Лебедева Анна Петровна (р. 1871), художник-график — *374*.
Оуэн Кэнлиф, распорядитель английского отдела Всемирной выставки — 239, *398*.
Оффенбах Жак (1819—1880), композитор оперетт — *294*.

Павлов Иван Николаевич (р. 1872), художник-гравер, заслуженный деятель искусств — *374*.
Паделу Жюль-Этьен — 158, 349.
Парланд Альфред Александрович — 44, 48, **310**.
Патцель, врач в Бранкованском госпитале — *375, 377*.
Пашино Петр Иванович (1838—1891), ориенталист и путешественник, издатель журнала «Азиатский вестник» — 36, *305*.
Перов Василий Григорьевич — 5, 17, 21, 28, 30, **271**, *272, 277, 292, 360, 370*.
Перовский Борис Алексеевич — 194, 200, **376**.

Петров Осип Афанасьевич, певец — 86, 88, 93, 94, 200, **320**, *321, 381*.
Петрушевский Михаил Фомич — 224, 250, 252, **394**.
Пилоти Карл-Теодор (1826—1886), немецкий исторический живописец — *304*.
Пирогов Николай Иванович — 200, **382**.
Плон, издатель — 181, *372*.
Подгурский, полицмейстер в Систове — 245, 246, 248, *401*.
Покотилов, домовладелец — 188, 189.
Поленов Василий Дмитриевич (1844—1927), народный художник РСФСР, живописец и декоратор — 3, 5, *272, 289*.
Поллак Юлиус, экспедитор — 29, 41—43, 62, 63, 69, *297, 331*.
Половцов Александр Александрович — 251, 254, 404.
Поляков Самуил Соломонович — 227, **395**.
Попов Андрей Андреевич — 29, 299.
Посьет Константин Николаевич — 51, **312**.
Потапов Александр Львович — 38, **306**.
Прахов Адриан Викторович (1846—1916), историк искусств, археолог — *307*.
Пржевальский Николай Михайлович — 86, 89, 99, **320**.
Приселков — *391*.
Прометей — 136, **337**, *338*.
Прудон Пьер-Жозеф — 148, **341**.
Прянишников Илларион Михайлович (1840—1894), живописец — *370*.
Пуатрино, французский архитектор — 51, 76, 79, 80, 85, 115, 129, *312*.
Публичная библиотека — 13, 16, 17, 31, 44, 58, 74, 84, 99, 104, 124, 142, 147, 149, 150, 156, 165, 178, 188, 199, 205, 217, 242, 246, *263, 268*, **271**, *311, 317, 349, 360, 376, 381, 400*.
Пуссен Николя (1594—1665), французский живописец — *280*.
Пушкин Александр Сергеевич (1799—1837) — 41, *289, 298, 308, 341*.
Рааб И. Л., член комитета Мюнхенского художественного товарищества — *295*.
Радецкий Федор Федорович (1820—1890), генерал — *371*.
Радищев Александр Николаевич (1749—1802), писатель, философ-материалист и просветитель — *310, 327*.
Ральстон, английский ученый — 114, 115, 132, 133, 151, 153, 154, 218, 227, 229, 232, 238, 239, *328, 344*.
Растрелли Бартоломео (1700—1771), архитектор — *312*.
Рафаэль Санцио — 40, 41, 68, 144, *286, 296, 308, 309, 314*, **340**, *394*.
Резанов Александр Иванович — 25, 282, *291*.
Реньо Анри (1843—1871), французский художник — *262*.
Репин Илья Ефимович — 3, 5, 25, 40, 41, 45, 53, 59, 65, 71, 109, 139, 170, 175, 250, *262—264*, 282, *289, 294, 306—309, 312, 327, 338, 340, 345, 361, 362, 367, 370, 403*.
Рисовальная школа Общества поощрения художников (на Бирже) — 34, *303, 342*.
Рит, родственники жены В. В. Верещагина — 166, 174, 177, 178, *355, 363, 366, 368*.
Ровинский Дмитрий Александрович — 170, **361**.
Ропет (Петров) Иван Павлович — 44, 45, 48, 226, 255, **310**.
Рорбах Карл — *323*.
Рубенс Петер-Пауль (1577—1640), фламандский живописец — *280, 286*.

Савицкий Константин Аполлонович (1844—1905), художник — *264, 282*.
Саврасов Алексей Кондратьевич (1830—1897), живописец-пейзажист и педагог — *272, 273, 370*.
Салар Джанг, сэр — 85, *320*.
«Салон» — *319, 356*.
Салтыков-Щедрин Михаил Евграфович (1826—1889), писатель — *271*.

Самойлов Василий Васильевич — 88, 94, 99, **321**, *322*.
Сахаров, подполковник — *397*.
Свешников Лев Павлович — 250, **403**.
Селим II, османский султан (1566—1574) — 233, *397*.
Семирадский Генрих Ипполитович — 59, 153, 154, 161, 231, 284, 294, **344**, *345—347*.
Сербина Софья Владимировна (1850—1929), дочь В. В. Стасова, по первому мужу Медведева, по второму Фортунато — 215, 217, *390*.
Сервантес Мигуэль де, Сааведра (1547—1616), испанский писатель — *348*.
Сервер-паша — 209, **385**.
Серно-Соловьевич А. А. — *402*.
Серов Александр Николаевич (1820—1871), композитор — *273*.
Серов Валентин Александрович (1865—1911), художник — 5, *272, 289, 370*.
Серяков Лаврентий Авксентьевич — 34, **303**, *304*, *374*.
Сидоров Александр Исидорович — 52, 59, 62, 68, **314**, *317*.
Сидоров Исидор (отец), реставратор Эрмитажа — *314*.
Скалон Дмитрий Антонович — 185, 189, 194, 208, 213, 229, 230, 232, **372**, *388, 391*, *396*.
Скальковский Константин Аполлонович — 232, **396**.
Склифосовский Николай Васильевич — 235, **397**.
Скобелев Дмитрий Иванович — 164, 170, 174, **354**, *356, 387, 390*.
Скобелев Михаил Дмитриевич — 182—185, 192, 207, 210, 211, 213, 217, 218, 225, 255, 256, *340, 354, 371*, **372**, *373*, *377*, *387*, *390*, *391*, *405*.
Скоропихин, персонаж романа «Новь» И. С. Тургенева — *345*.
Скрыдлов Николай Илларионович — 4, 168, 171, 174, 175, 182, 193, 225, 226, **357**, *358, 359, 362—366, 368, 373*.
Слуцкий, генерал — 214.
Собко Николай Петрович — 242—244, 248—251, 253, *298, 337*, *379, 380*, **400**, *401*.
Соколов Петр Петрович — **176**, **367**, *368*.
Сокольский, штабс-капитан — 184, 185.
Солдатенков Козьма Терентьевич — 17, *271, 272*, *314*.
Соллогуб Владимир Александрович — 235, **397**.
Сомов Андрей Иванович — 219, **392**.
Сорокин Евграф Семенович (1821—1892), профессор и академик исторической живописи — *292, 293*.
Сосницкий Иван Иванович — **88**, **321**.
Сперанский Михаил Михайлович (1772—1839), государственный деятель — *317*.
Станкевич Александр Владимирович, член Совета Училища живописи, ваяния и зодчества — *271*.
Стасов Александр Васильевич (1819—1904), директор пароходного общества «Кавказ и Меркурий» — *379*.
Стасов Василий Петрович (1769—1848), архитектор, отец В. В. Стасова — *312*.
Стасов Дмитрий Васильевич — 98, 99, 121, 126, 131, 133, 136, 137, 148, 149, 151, 153, 163, 166, 169, 172, 173, 175, 177, 178, 180, 191, 194, 202—204, 208, 211—213, 217, 218, 226, 229, 240, 246—250, 252, 255—257, *262, 266, 268, 306, 312, 315*, 322, *335, 338, 339, 371, 379—381, 397, 403*.
Стасов Николай Васильевич (1818—1879), брат В. В. Стасова, полковник — *391*.
Стасова Маргарита Матвеевна (ум. 1900), жена Н. В. Стасова — *391*.
Стасова Мария Николаевна, дочь Н. В. Стасова — 217, *391*.
Стасова Ольга Николаевна, дочь Н. В. Стасова — 133, *334*.
Стасова Поликсена Степановна — 98, 213, 217, 226, *306, 312*, **388**.
Стоян, болгарин — *387*.
Стремоухов Петр Николаевич — 27, 283.

Строганов Сергей Григорьевич — 230, 232, **396**.
Строгановское художественно-промышленное училище в Москве — *292, 344*.
Струков Александр Петрович — 196, 197, 209, 243, 244, 246, 252, **254**, **377**, *385, 387, 388, 391, 400, 401*.
Стуковенко М. И. — 215, 235, 243—248, 250—253, 255, 258, **390**, *391, 397, 400, 401, 404*.
Стюарт (Стуарт) Дмитрий Федорович — 172, 173, 177—180, 187, 188, 190, 193, 194, 199, 202, 205, 206, 208, 213, 214, 216, *366*, **368**, *377, 381*.
Суворин Алексей Сергеевич — 158, 163, 218, 220, 232, 240, 245, 246, **352**, *393, 395*.
Сулейман-паша — 180, **371**.
Суриков Василий Иванович (1848—1916), русский исторический живописец — 3, 5, *272, 289, 370*.

Тамерлан, (Тимур) 1336—1405), полководец и завоеватель; с 1380 г. правитель всей Средней Азии — 6, 168, *380*.
Тамплие — 20, 29, 31, 33—35, 39, 46, 48—50, 53—56, 58, 61, 62, 64, 67, 73, 80, 81, 83, 84, 91, 102, 108, 114, 117, 120, 144—146, 157, 165, 166, 169, 171, 174, 181, 188, 189, 217, 219, 222, 225, 226, 228, 232, **277**, *329, 340*.
Татищев, домовладелец — 204.
Тейлор, критик, сотрудник газеты «Таймс» — 34.
Терещенко Николай Артемович, киевский промышленник, собиратель картин русских художников — *289*.
Тинторетто (Якопо Робусти) (1518—1594), живописец венецианской школы — *315*.
Тициан Вечеллио (1477—1576), итальянский художник — *315*.
Товарищество передвижных художественных выставок (передвижники) — 5, *271, 273, 287—289, 311, 319, 322, 344, 348, 355, 367*, **370**, *374*.
Толстой Алексей Константинович (1817—1875), поэт и драматург — *274*.
Толстой Лев Николаевич — 249, 250, 252, 253, *263, 271, 288, 307, 354*, **402**.
Тотлебен Эдуард Иванович — 200, **381**.
Тотуб Намче, магараджа Сиккима — 31, 302.
Третьяков Павел Михайлович — 7, 8, 17, 19, 20, 22, 23, 26, 28, 35, 36, 39, 43, 53, 57, 60, 68, 69, 80, 82, 84, 87, 91, 92, 94, 96, 99—101, 106, 108, 111, 117, 118, 121, 122, 127—129, 131, 132, 135, 169, 194, 198, 199, 203, 204, 237, 238, 248, 249, 255, 256, 258, *265, 266, 271*, **272**, *273—277, 279, 282, 285, 291, 292, 304—306, 312—314, 319, 330, 332—335, 337, 356, 360, 361, 366, 367, 378—380, 387, 389, 392, 398, 402, 405*.
Третьяков Сергей Михайлович (1834—1892), купец-меценат, собиратель картин и скульптуры — *265, 272, 275*.
Третьяковская галлерея — 100, 259, *268, 273, 277, 378*.
Трифонов П., корреспондент — 178, 179, 242, *368—370, 380, 381*.
Трофимов, домовладелец — 74, 161, *277*.
Трутовский Константин Александрович (1826—1893), живописец-жанрист — *292*.
Тургенев Иван Сергеевич — 40, 51, 79, 80, 85, 115, 129, 153, 155, 167, **308**, *345*.
Тьеполо Джованни Батиста (1696—1770) итальянский художник — *315*.
Тютрюмов Никанор Леонтьевич — 28—30, 32—34, **283**, *284—287, 289—298, 302, 303, 310, 361*.

Урусов Г. — 24, 280.
Училище живописи, ваяния и зодчества в Москве — 17, *271, 272, 276, 277, 292, 360*.
Училище технического рисования Штиглица в Петербурге — *288, 374, 404*.

Уэллес Ричард, владелец картинной галлереи в Лондоне — *296*.
Уэльский, принц — 6, 7, 60, 116, 130, 132, 133, 227, 229, 238—241, *315, 322, 329, 332, 399*.

Фельтен Ю. М. — 81, 87, 90, 97, 123, 126, 141, 150, **319**.
Ферран, французский архитектор — 112, 124, 128—130.
Филиппото Анри — 143, **340**.

Харламов Алексей Алексеевич (р. 1842), жанрист и портретист — *282*.
Хмельницкий Богдан Михайлович (1593—1657), гетман Украины — *385*.
Христо, болгарин — *387*.

Чайковский Петр Ильич — 149, 158, 162, **341**, *342, 349, 351*.
Челлини Бенвенуто — 111, **328**.
Чемесов Евграф Петрович — 153, **344**.
Черкасский Владимир Васильевич — 192, **375**.
Чернышевский Николай Гаврилович (1828—1889) — *352, 370, 402*.
Чернявская, сестра в госпитале Бранкована — *370*.
Черняев Михаил Григорьевич — 165, **354**.
Чистяков Павел Петрович — 29, **289**.
Чудновский Юрий Трофимович — 187, 188, 191, 235, **373**.

Шаховской, князь, корреспондент «Московских ведомостей» — 197.
Шевченко Тарас Григорьевич (1814—1861), украинский поэт и художник — *289*.
Шейх-уль-Ислам — 137, **338**.
Шекспир Вильям (1564—1616), английский поэт и драматург — *341, 342*.
Шиллер Фридрих (1759—1805), немецкий поэт и драматург — *341*.
Шишкин Иван Иванович — 5, **29**, 231, *265, 272*, **289**, *370*.
Шлоссер Фридрих-Христофор — 248, 249, 253, **401**.
Шопенгауэр Артур (1788—1860), немецкий философ — *353*.
Шувалов Петр Андреевич — 34, 35, 38, 39, 76, 79, 85, 89, 95, 102, 116, 118, 120, 130—132, **304**, *310, 322*.

Энгельс Фридрих (1820—1895) — *341*.

Юон Константин Федорович (р. 1875), народный художник РСФСР, пейзажист — *272*.

Языков — *387*.
Якоби Валерий Иванович — 29, 59, **288**, **289**, 370.
Яков, служащий, находившийся при картинах В. В. Верещагина — *266*.
Яковлев Василий Николаевич (р. 1893), живописец, народный художник РСФСР — *272*.
Яковлева Лидия Николаевна, педагог — *354*.
Янков (Яньков) Василий — 207, 214, *385, 389*.
Янковы — 218.

Стр.

ОГЛАВЛЕНИЕ I ТОМА

Вступительная статья (от редактора) . . 3

ПИСЬМА

1874

1. Верещагин — Стасову — 10 марта . . , ... 13
2. Верещагин — Стасову — середина марта . . . . —
3. Верещагин — Стасову — 2 апреля 15
4. Стасов — Верещагину — 2/14 июля . . . . —
5. Верещагин — Стасову — 1/13 августа 19
6. Стасов — Верещагину — 26 сентября 22
7. Верещагин — Стасову — 23 ноября/5 декабря 25
8. Верещагин — Стасову — 5/17 декабря . . . . —
9. Стасов — Верещагину — 25 декабря/6 января 1875 г. . . 27

1875

10. Стасов — Верещагину — 1/13 января 30
11. Верещагин — Стасову — 11/23 февраля 31
12. Верещагин — Стасову — 13/25 марта 33
13. Верещагин — Стасову — конец марта 35
14. Верещагин — Стасову — около 12/24 апреля 37
15. Стасов — Верещагину — 22 апреля 38
16. Верещагин — Стасову — начало июля 41
17. Верещагин — Стасову — 11/23 июля 42
18. Стасов — Верещагину — 19/31 августа 43
19. Стасов — Верещагину — 20 августа/1 сентября 47
20. Верещагин — Стасову — 8/20 октября 48
21. Стасов — Верещагину — 8/20 октября 50
22. Верещагин — Стасову — 16/28 октября 53
23. Стасов — Верещагину — 11/23 ноября 54
24. Верещагин — Стасову — 15/27 ноября 59
25. Стасов — Верещагину — 27 ноября 61
26. Верещагин — Стасову — 10/22 декабря 62
27. Верещагин — Стасову — 14/26 декабря 63
28. Верещагин — Стасову — 15/27 декабря . . . . —
29. Верещагин — Стасову — 19/31 декабря 65

1876

30. Верещагин — Стасову — 2/14 января 67
31. Стасов — Верещагину — 14/26 января 68

32. Стасов — Верещагину — 22 января 70
33. Верещагин — Стасову — 25 февраля/8 марта 73
34. Верещагин — Стасову — 4/16 марта 76
35. Верещагин — Стасову — 3/15 апреля . . . . —
36. Стасов — Верещагину — 8 апреля 77
37. Стасов — Верещагину — 9 апреля. 78
38. Верещагин — Стасову — 11/23 апреля 80
39. Стасов — Верещагину — 13 апреля 81
40. Верещагин — Стасову — 14/26 апреля . . . . —
41. Стасов — Верещагину — 19 апреля 83
42. Верещагин — Стасову — 24 апреля/6 мая 84
43. Стасов — Верещагину — 25 апреля 86
44. Верещагин — Стасову — 29 апреля/11 мая 87
45. Верещагин — Стасову — 2/14 мая 88
46. Стасов — Верещагину — 6 мая . . . . —
47. Верещагин — Стасову — 6/18 мая 92
48. Стасов — Верещагину — 9 мая 93
49. Верещагин — Стасову — 9/21 мая 94
50. Стасов — Верещагину — 11 мая 96
51. Верещагин — Стасову — 15/27 мая 99
52. Верещагин — Стасову — 18/30 мая 101
53. Стасов — Верещагину — 20 мая . . . . —
54. Верещагин — Стасову — 21 мая/2 июня 103
55. Стасов — Верещагину — 23 мая 104
56. Верещагин — Стасову — 24 мая/5 июня 107
57. Верещагин — Стасову — 3/15 июня 108
58. Стасов — Верещагину — 8 июня 109
59. Верещагин — Стасову — 12/24 июня 111
60. Стасов — Верещагину — 18 июня 113
61. Верещагин — Стасову — 23 июня/5 июля 116
62. Верещагин — Стасову — 25 июня/7 июля 118
63. Верещагин — Стасову — 30 июня/12 июля . . . . —
64. Стасов — Верещагину — 3 июля 119
65. Верещагин — Стасову — 7/19 июля 121
66. Верещагин — Стасову — 18/30 июля 123
67. Верещагин — Стасову — 22 июля/3 августа 124
68. Стасов — Верещагину — 26 июля . . . . —
69. Верещагин — Стасову — 1/13 августа 126
70. Стасов — Верещагину — 7 августа 128
71. Верещагин — Стасову — 9/21 августа 129
72. Верещагин — Стасову — 11/23 августа 130
73. Верещагин — Стасову — 11/23 августа . . . . —
74. Стасов — Верещагину — 20 августа 131
75. Стасов — Верещагину — 25 августа 133
76. Стасов — Верещагину — 6 сентября . . . . —
77. Верещагин — Стасову — 9/21 сентября 134
78. Стасов — Верещагину — 24 сентября 135
79. Верещагин — Стасову — 28 сентября/10 октября . . . 136
80. Верещагин — Стасову — 16/28 октября 137
81. Стасов — Верещагину — 30 октября 138
82. Верещагин — Стасову — 1/13 ноября . . . . —
83. Стасов — Верещагину — 5 ноября . . . . —
84. Верещагин — Стасову — 11/23 ноября 140
85. Стасов — Верещагину — 12 ноября 141
86. Верещагин — Стасову — 17/29 ноября 144
87. Верещагин — Стасову — 17/29 ноября 145

88. Стасов — Верещагину — 22 ноября 146
89. Верещагин — Стасову — 30 ноября/11 декабря 148
90. Стасов — Верещагину — 23 декабря 149
91. Верещагин — Стасову — 31 декабря/12 января 1877 г. 150

1877

92. Стасов — Верещагину — 26 января 152
93. Верещагин — Стасову — 6/18 февраля 153
94. Верещагин — Стасову — 9/21 февраля 155
95. Стасов — Верещагину — 13 февраля 156
96. Верещагин — Стасову — 17 февраля/1 марта 157
97. Верещагин — Стасову — 23 февраля/7 марта 158
98. Стасов — Верещагину — 24 февраля . . . . —
99. Верещагин — Стасову — 1/13 марта 159
100. Стасов — Верещагину — 10 марта 160
101. Верещагин — Стасову — 10/22 марта 161
102. Верещагин — Стасову — 14/26 марта 162
103. Верещагин — Стасову — 15/27 марта . . . .
104. Стасов — Верещагину — 25 марта 163
105. Верещагин — Стасову — 29 марта/10 апреля 164
106. Верещагин — Стасову — 29 апреля/11 мая . . . . . . —
107. Стасов — Верещагину — 4 мая . . . .
108. Верещагин — Стасову — 4/16 мая 165
109. Верещагин — Стасову — 15/27 мая 166
110. Верещагин — Стасову — 23 мая/4 июня 167
111. Верещагин — Стасову — 2/14 июня. 168
112. Стасов — Верещагину — 11 июня . . . . —
113. Стасов — Верещагину — 23 июня 170
114. Верещагин — Стасову — около 6/18 июля 171
115. Верещагин — Стасову — около 10/22 июля 172
116. Стасов — Верещагину — 13 июля 173
117. Верещагин — Стасову — 15/27 июля 174
118. Верещагин — Стасову — 18/30 июля 176
119. Верещагин — Стасову — 29 июля/10 августа . . . . . —
120. Верещагин — Стасову — 2/14 августа 177
121. Стасов — Верещагину — 10/22 августа . . . . —
122. Верещагин — Стасову — 15/27 августа 179
123. Верещагин — Стасову — 18/30 августа . . . . —
124. Верещагин — Стасову — 22 августа/3 сентября 180
125. Верещагин — Стасову — 25 августа/6 сентября 181
126. Верещагин — Стасову — 3/15 сентября 182
127. Верещагин — Стасову — 5/17 сентября 184
128. Верещагин — Стасову — 8/20 сентября 185
129. Стасов — Верещагину — 13 сентября 186
130. Стасов — Верещагину — 18 сентября 189
131. Верещагин — Стасову — 19 сентября/1 октября 191
132. Верещагин — Стасову — 4/16 октября 192
133. Стасов — Верещагину — 8 октября 193
134. Верещагин — Стасову — 9/21 октября 194
135. Верещагин — Стасову — 12/24 октября 196
136. Верещагин — Стасову — 17/29 октября . . . . —
137. Верещагин — Стасову — 19/31 октября 197
138. Верещагин — Стасову — 28 октября/9 ноября . . . . . —
139. Стасов — Верещагину — 30 октября 198

140. Верещагин — Стасову — 31 октября/12 ноября . . 200
141. Верещагин — Стасову — 1/13 ноября 201
142. Верещагин — Стасову — 2/14 ноября . . 202
143. Стасов — Верещагину — 3 ноября . . —
144. Стасов — Верещагину — 7 ноября . . 204

1878

145. Верещагин — Стасову — 2/14 января 207
146. Стасов — Верещагину — 2 января 208
147. Верещагин — Стасову — 9/21 января 209
148. Верещагин — Стасову — 29 января/10 февраля . . . 210
149. Верещагин — Стасову — 19 февраля/3 марта 211
150. Стасов — Верещагину — 25 февраля 212
151. Верещагин — Стасову — 3/15 марта 214
152. Стасов — Верещагину — 10 марта 215
153. Стасов — Верещагину — 31 марта 216
154. Верещагин — Стасову — 3/15 апреля. 217
155. Верещагин — Стасову — 6/18 апреля . . . . . —
156. Верещагин — Стасову — 13/25 апреля 218
157. Верещагин — Стасову — 22 апреля/4 мая 219
158. Верещагин — Стасову — 22 апреля/4 мая . . . —
159. Стасов — Верещагину — 24 апреля 220
160. Верещагин — Стасову — 28 апреля/10 мая . . 221
161. Стасов — Верещагину — 5 мая . . . . . . —
162. Верещагин — Стасову — 5/17 мая 225
163. Стасов — Верещагину — 7 мая . . . . . —
164. Верещагин — Стасову — 9/21 мая 226
165. Верещагин — Стасову — 14/26 мая 227
166. Стасов — Верещагину — 21 мая 228
167. Верещагин — Стасову — 23 мая/4 июня. . . . 231
168. Верещагин — Стасову — 28 мая/9 июня . . . —
169. Стасов — Верещагину — 20 июня 232
170. Стасов — Верещагину — 26 июня 234
171. Верещагин — Стасову — 1/13 июля . . . . . —
172. Верещагин — Стасову — 1/13 июля 235
173. Стасов — Верещагину — 23 июля/4 августа . . . —
174. Верещагин — Стасову — 29 июля/10 августа . . —
175. Стасов — Верещагину — 29 июля/10 августа . 236
176. Верещагин — Стасову — 30 июля/11 августа . . 237
177. Стасов — Верещагину — 4/16 августа 238
178. Верещагин — Стасову — 6/18 августа 239
179. Стасов — Верещагину — 7/19 августа . . . 240
180. Верещагин — Стасову — 9/21 августа 241
181. Верещагин — Стасову — 13/25 августа . . . . . —
182. Верещагин — Стасову — 21 августа/2 сентября 242
183. Верещагин — Стасову — 27 августа/8 сентября —
184. Верещагин — Стасову — 28 августа/9 сентября 243
185. Стасов — Верещагину — 28 августа/9 сентября . 244
186. Верещагин — Стасову — 30 августа/11 сентября —
187. Верещагин — Стасову — 1/13 сентября . . . 245
188. Стасов — Верещагину — 10/22 сентября . . —
189. Верещагин — Стасову — 16/28 сентября . 247
190. Стасов — Верещагину — 23 сентября . . 248

191. Верещагин — Стасову — 24 сентября/6 октября 249
192. Верещагин — Стасову — 1/13 октября . . . . —
193. Верещагин — Стасову — 14/26 октября . . . . —
194. Стасов — Верещагину — 18 октября 250
195. Верещагин — Стасову — 29 октября/10 ноября 251
196. Стасов — Верещагину — 30 октября . . . . —
197. Верещагин — Стасову — 2/14 ноября 253
198. Стасов — Верещагину — 2 ноября . . . . —
199. Верещагин — Стасову — 8/20 ноября 254
200. Верещагин — Стасову — 15/27 ноября 255
201. Стасов — Верещагину — 22 ноября . . . . —
202. Верещагин — Стасову — 25 ноября/7 декабря 256
203. Верещагин — Стасову — 12 декабря 257
204. Верещагин — Стасову — 14 декабря 258
205. Верещагин — Стасову — 22 декабря . . . . —

Пояснительный текст 259

Указатель имен и названий 407

Редактор *Л. М. Тарасов.*

Оформление художника
И. Ф. Рерберга

Технический редактор
Е. И. Шилина.

А-03593. „Искусство" № 13159
Под. в печ. 15/V 1950 г. Формат бум. $60 \times 92^{1}/_{16}$
Кол. бум. л. 13¼. Кол. печ. л. 26½. Уч.-изд. л. 27,30
Тираж 5000. Заказ 167.

Цена 22 р. 50 к. Переплет 2 р. 50 к.

20-я типография „Союзполиграфпрома"
Главполиграфиздата при Совете Министров
СССР. Москва, Ново-Алексеевская, 52.

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
215	14 снизу	в Выборгск(ой)	с Выборгск(ой)
294	4 снизу	нарядны	парадны
295	1 снизу	Вилгел, Марк.	Вильгельм Марк,
314	9 снизу	живопии	живописи
355	12 снизу	из всех	их всех
367	16 снизу	на вещает	навещает.

„Переписка В. В. Верещагина и В. В. Стасова“, т I. Зак. 167

